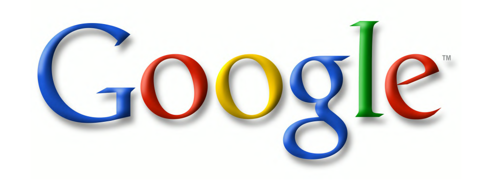
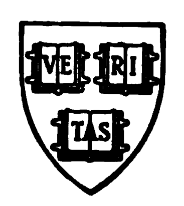

VE RI
TAS

КУРСЪ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУКИ.

Б. Чичерина.

Часть II.

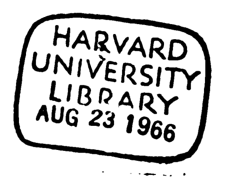
СОЦІОЛОГІЯ.

Цѣна 3 рубля.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская улица, соб. домъ.
1896.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 23 1966

II.

НАУКА ОБЪ ОБЩЕСТВѢ,

или

СОЦІОЛОГІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Существо и основные элементы общества.

ГЛАВА I.

Понятіе объ обществѣ.

Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* было выяснено юридическое отличіе государства отъ гражданскаго общества. Мы видѣли, что это два разные союза, изъ которыхъ одинъ представляетъ общество, какъ единое цѣлое, а другой заключаетъ въ себѣ совокупность частныхъ отношеній между членами. Одни и тѣже лица входятъ въ составъ обоихъ, но въ разныхъ отношеніяхъ, почему эти два союза управляются разными нормами: одинъ публичнымъ, другой частнымъ правомъ.

Но юридическая сторона далеко не исчерпываетъ содержанія государственной жизни. Это не болѣе какъ форма, въ которую вкладывается совокупность жизненныхъ интересовъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія. И въ этой области существуетъ тоже противоположеніе частныхъ интересовъ и государственныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ двоякаго рода отношенія между лицами.

Образуя единое цѣлое, входя въ составъ государства, какъ члены союза, граждане остаются раздѣльными единицами, состоящими между собой въ многообразныхъ юридическихъ, экономическихъ, умственныхъ и нравственныхъ отношеніяхъ. Совокупность этихъ отношеній образуетъ между ними связь, которая есть нѣчто совершенно иное, нежели связь государственная. Послѣдняя исходитъ отъ цѣлаго и дѣлаетъ отдѣльныя лица органами и носителями интересовъ этого цѣлаго; первая, напротивъ, исходитъ отъ отдѣльныхъ лицъ и представляетъ переплетеніе возникающихъ между ними частныхъ взаимодѣйствій. Эта область заключаетъ въ себѣ всю частную жизнь людей, ихъ семейныя и общежительныя отношенія, ихъ экономическія связи, а также всѣ сферы духовнаго творчества, въ наукѣ, въ искусствѣ, наконецъ нравственное вліяніе людей другъ на друга. Сюда же отно-

сятся и всѣ тѣ частные союзы, въ которые люди вступаютъ во имя своихъ частныхъ цѣлей. Очевидно, все это совершенно отлично отъ отношеній политическихъ. Подчиняясь государству, какъ высшему цѣлому, человѣкъ не перестаетъ быть свободнымъ лицемъ, то-есть, самоопредѣляющимся центромъ своей личной жизни; въ качествѣ свободнаго лица онъ вступаетъ въ сношенія съ другими, изъ чего и образуется между ними совокупная связь. Эта совокупность частныхъ отношеній между людьми, подчиняющимися общей политической власти, и есть то, что называется *обществомъ*. Съ юридической стороны, насколько оно управляется нормами частнаго права, оно получаетъ названіе *гражданскаго общества*.

Понятіе объ обществѣ, какъ области отличной отъ государства, искони было присуще юридической практикѣ народовъ. На немъ основано различіе между частнымъ, или гражданскимъ правомъ и государственнымъ. Но въ наукѣ это понятіе сознано и формулировано сравнительно недавно. Гегелю принадлежитъ честь философскаго различенія гражданскаго общества и государства. Эта плодотворная мысль получила дальнѣйшее развитіе у его послѣдователей. Она была принята и выдающимися юристами, которые пришли къ этому понятію, исходя не отъ метафизическихъ построеній, а отъ фактическаго изученія различныхъ областей правовѣдѣнія. Такое совпаденіе обоихъ путей изслѣдованія, сверху и снизу, доказываетъ правильность взгляда. Однако, до сихъ поръ еще понятіе объ обществѣ установилось не вполнѣ. Иные, напримѣръ Эшеръ, ограничиваютъ его экономическою областью. Другіе, какъ Штейнъ, называютъ обществомъ происходящее подъ вліяніемъ экономическихъ условій распредѣленіе духовныхъ общественныхъ благъ, именно, власти и чести. Третьи, какъ Робертъ Моль, даютъ названіе общества совокупности постоянныхъ частныхъ союзовъ, стоящихъ посрединѣ между государствомъ, какъ единымъ цѣлымъ, и областью частныхъ отношеній, управляемыхъ гражданскимъ правомъ. Четвертые, наконецъ, безмѣрно расширяя понятіе объ обществѣ, дѣлаютъ изъ него совокупный организмъ, обнимающій самое государство, которое является только однимъ изъ органовъ или функцій этого цѣльнаго тѣла. На такую точку зрѣнія становятся нѣкоторые экономисты, напримѣръ Шеффле, и реалистическіе философы, какъ Гербертъ Спенсеръ. Весь современный соціализмъ основанъ на смѣшеніи государства и общества или, лучше, на поглощеніи послѣдняго первымъ. Лице теряетъ здѣсь свою частную сферу дѣятельности; оно становится только органомъ и орудіемъ цѣлаго, какъ бы ни называлось это цѣлое, государствомъ или обществомъ.

Послѣдняя точка зрѣнія должна быть безусловно отвергнута. Она

вся коренится въ смѣшеніи понятій. Различеніе двухъ отдѣльныхъ областей человѣческой дѣятельности, частной и политической, а вмѣстѣ и различеніе государства и общества, составляетъ основное начало всей государственной науки. Это—элементарное понятіе, безъ котораго нельзя сдѣлать ни шага въ научномъ изслѣдованіи общественныхъ явленій, внѣ котораго водворяется только полнѣйшій хаосъ мыслей. Но признавая это основное дѣленіе, не слѣдуетъ ограничивать понятіе объ обществѣ, какъ дѣлаютъ указанные выше ученые. Нельзя понимать общество исключительно какъ область экономическихъ отношеній и столь же мало можно ограничивать это понятіе распредѣленіемъ духовныхъ благъ. Общество, какъ совокупность частныхъ отношеній, заключаетъ въ себѣ и то и другое, ибо человѣкъ есть существо физическое и духовное вмѣстѣ; взаимнодѣйствіе людей представляетъ обмѣнъ, какъ матеріальныхъ благъ, такъ и мыслей и чувствъ. Точно также невозможно подъ именемъ общества разумѣть только постоянные частные союзы, съ исключеніемъ чисто личныхъ гражданскихъ отношеній. Свободно образующіеся союзы принадлежатъ къ области общественныхъ явленій, совершенно такъ же, какъ и личныя связи. Тѣ изъ нихъ, которые становятся органами государства, тѣмъ самымъ получаютъ, какъ мы видѣли, смѣшанный характеръ; но изъ этого не образуется отдѣльная, самостоятельная область общественныхъ отношеній: въ промежуточныхъ формахъ выражается только взаимнодѣйствіе двухъ смежныхъ областей, ведущее къ смѣшаннымъ явленіямъ. Общество не есть нѣчто отличное и отъ частныхъ отношеній и отъ государства. Совокупность частныхъ отношеній, заключающая въ себѣ и частные союзы, противополагается государству, какъ единому цѣлому. Такова единственная теоретически правильная точка зрѣнія. Она лучше всего была выяснена Трейчке въ его критикѣ понятій объ обществѣ *).

Раздѣленіе этихъ двухъ сферъ тѣмъ необходимѣе, что онѣ не совпадаютъ ни по объему, ни по содержанію. Область частныхъ отношеній, сама по себѣ, не имѣетъ опредѣленныхъ границъ. И физическое и еще болѣе духовное общеніе людей простирается на весь земной шаръ. Государство въ эти отношенія вноситъ юридическую обособленность; оно каждой отдѣльной группѣ придаетъ извѣстное единство. Какъ юридическое лице, государство составляетъ единое цѣлое, съ точно опредѣленною территоріей, съ явными признаками принадлежности къ нему тѣхъ или другихъ лицъ. Общество подчиняется этому высшему, господствующему надъ нимъ единству, но при этомъ

*) Die Gesellschafts-Wissenschaft. Ein kritischer Versuch. 1859.

сохраняетъ тѣ внѣшнія связи, которыя постоянно выводятъ его изъ предѣловъ, положенныхъ государствомъ. Такъ, въ матеріальной области, происходитъ постоянный торговый обмѣнъ съ другими странами, даже съ отдаленными частями свѣта. Граждане одного государства живутъ въ другомъ, пріобрѣтаютъ тамъ собственность, занимаются промышленностью и торговлей, не принадлежа къ политическому порядку, но составляя существенный элементъ общественной жизни. Еще большее общеніе происходитъ въ сферѣ умственной. Обмѣнъ мыслей, вліяніе иностранныхъ литературныхъ произведеній имѣютъ громадное значеніе для общественнаго развитія отдѣльныхъ народовъ. Политическія сношенія касаются совокупныхъ интересовъ, общественныя же сношенія несравненно шире и многообразнѣе. Наконецъ, и въ религіозной области члены одного и того же церковнаго союза могутъ быть разсѣяны по разнымъ странамъ. Граждане одного государства могутъ подчиняться власти, находящейся въ другомъ. Наглядный тому примѣръ представляетъ католицизмъ. Такимъ образомъ, общество, подчиняющееся извѣстной государственной власти, связывается съ другими таковыми же обществами многообразными связями, установляющимися помимо государства, и эти связи составляютъ существенный элементъ его жизни.

Изъ этого можно видѣть, что и по содержанію эти двѣ сферы не совпадаютъ. Государство управляетъ совокупными интересами народа; но вся область личной дѣятельности человѣка, матеріальной и духовной, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ промышленности, лежитъ внѣ его. Государство можетъ имѣть на нее большее или меньшее, во всякомъ случаѣ косвенное вліяніе; но самый источникъ дѣятельности, производящая сила, а вмѣстѣ цѣли и побужденія, заключаются въ лицѣ человѣка, который, какъ свободное существо, составляетъ самостоятельное начало жизни и дѣятельности. Изъ взаимодѣйствія свободныхъ единичныхъ силъ образуется то, что называется обществомъ.

Спрашивается: въ какой мѣрѣ изъ этого взаимодѣйствія свободныхъ силъ и вытекающихъ отсюда отношеній взаимной зависимости можетъ составиться нѣчто цѣльное и единое? Единство, налагаемое на общество государствомъ, въ сущности для него внѣшнее; оно стоитъ надъ нимъ. Но постоянное тѣсное общеніе между лицами неизбѣжно установляетъ и постоянную внутреннюю ихъ связь. Какого же рода эта связь? Многіе изслѣдователи общественной жизни прямо называютъ общество *организмомъ*; возможно ли въ точной наукѣ придать ему это названіе?

Всматриваясь въ явленія, мы замѣчаемъ, что въ обществѣ дѣйствительно есть черты, сходныя съ организмомъ. Таково раздѣленіе труда

и проистекающая отсюда взаимная зависимость частей. Съ этой точки зрѣнія, различныя группы, на которыя само собою разбивается общество, представляются какъ бы органами и функціями единаго общественнаго тѣла. Это подобіе получаетъ особенную яркость, когда это распредѣленіе подчиняется юридической организаціи и становится болѣе или менѣе прочнымъ. Такова система кастъ. Однако эта аналогія остается весьма поверхностной. Свойственная человѣку свобода разбиваетъ эти искусственныя дѣленія и даетъ человѣческимъ обществамъ строеніе, совершенно несходное съ физическими организмами. Органическая клѣтка составляетъ элементъ ткани, который самостоятельнаго значенія не имѣетъ, а служитъ только цѣлямъ того цѣлаго, въ которое она вплетена. Человѣкъ, напротивъ, является самостоятельнымъ центромъ жизни и дѣятельности; онъ, въ сущности, составляетъ цѣль, для которой существуетъ самый общественный организмъ. Онъ по собственному изволенію можетъ переходить не только изъ одной части организма въ другую, но и изъ одного организма въ другой. Въ силу этой присущей лицу свободы, вся общественная жизнь представляется взаимодѣйствіемъ самостоятельныхъ и самоопредѣляющихся единицъ, и если между ними установляется распредѣленіе функцій, то оно совершается тѣмъ же свободнымъ взаимодѣйствіемъ, а отнюдь не внѣшнею, наложенною сверху организаціей. Человѣкъ выбираетъ какое-нибудь одно занятіе, потому что это ему выгодно и согласно съ его личнымъ призваніемъ или съ его личнымъ положеніемъ; а такъ какъ экономическая выгода лица состоитъ въ томъ, что оно дѣлаетъ то, что нужно другимъ, то этимъ удовлетворяется и общественная потребность. Отсюда рождается взаимная зависимость частей, проистекающая изъ отношеній свободныхъ единичныхъ силъ. Но эта зависимость отнюдь не ограничивается частями юридически обособленнаго организма; она простирается и на другіе организмы, иногда даже въ большей степени. Такъ, англійскія хлопчатобумажныя фабрики состоятъ въ гораздо большей зависимости отъ производства хлопка въ Америкѣ, нежели отъ земледѣльческихъ продуктовъ собственной страны. Самое продовольствіе въ странахъ, не производящихъ достаточно хлѣба для внутренняго потребленія, зависитъ отъ внѣшняго ввоза, который играетъ такую же роль, какъ и внутреннее производство; онъ опредѣляетъ самыя цѣны производимаго въ странѣ хлѣба, слѣдовательно и выгоды земледѣлія.

Очевидно, что тутъ есть многообразное сплетеніе интересовъ и зависимостей, простирающееся на весь земной шаръ. Если государство выдѣляетъ нѣкоторыя группы изъ другихъ, то это юридическое обособленіе не влечетъ за собою соотвѣтствующаго экономическаго, уми-

ственнаго и нравственнаго обособленія. Общество черезъ это не становится единичнымъ организмомъ. Подчиняясь государству, какъ единому цѣлому, оно не перестаетъ быть сплетеніемъ частныхъ зависимостей и взаимодѣйствій, не представляющихъ никакого организованнаго единства.

Еще менѣе можно признать общество организмомъ духовнымъ, то-есть личностью, имѣющею общія цѣли и общую волю. Когда говорятъ, что общество чего-нибудь требуетъ отъ лица, то это не болѣе какъ фигуральное выраженіе, ведущее къ путаницѣ понятій. Общество, какъ цѣлое, ровно ничего не требуетъ, потому что не имѣетъ ни общаго разума, ни общей воли. Въ обществѣ есть различные слои, въ которыхъ господствуютъ извѣстные нравы и понятія, и принадлежащее къ нимъ лице, въ большей или меньшей степени, подчиняется общему направленію, ибо, живя съ другими, необходимо соображаться съ ихъ образомъ мыслей и дѣйствій. Но эти нравы и понятія суть нравы и понятія извѣстной суммы единицъ; въ другихъ слояхъ могутъ господствовать совершенно другіе взгляды. Поэтому и то, что называется общественнымъ мнѣніемъ и общественными потребностями, въ дѣйствительности есть только мнѣніе и потребности извѣстной суммы единицъ. Ничего другаго явленія жизни намъ не представляютъ и ничего другаго не указываетъ и строгая наука, изслѣдующая свойства человѣческой личности и существо тѣхъ союзовъ, къ которымъ она принадлежитъ. Все остальное не болѣе какъ метафоры.

Между тѣмъ, во имя этихъ метафоръ пытаются перестроить весь человѣческій бытъ. Не только чистые соціалисты, какъ Родбертусъ, но и соціалисты каѳедры, какъ Шеффле, утверждаютъ, что въ изслѣдованіи экономическихъ отношеній надобно отправляться не отъ отдѣльнаго лица, а отъ общества, какъ цѣльнаго организма, въ которомъ лице играетъ только служебную роль, являясь страдательною клѣткою, вплетенною въ общественную ткань. На этомъ основаніи весь существующій порядокъ объявляется построеннымъ на ложныхъ началахъ. Вмѣсто него, въ воображеніи воздвигается зданіе будущаго, въ которомъ человѣкъ перестаетъ быть самостоятельнымъ источникомъ жизни и дѣятельности, а становится лишь однимъ изъ безчисленныхъ мелкихъ колесъ громадной машины. Нечего говорить о томъ, что подобныя измышленія составляютъ плодъ чистѣйшей фантазіи. Противорѣча дѣйствительности, они равно противорѣчатъ и здравой теоріи. Ими могутъ увлекаться только люди, не умѣющіе ясно различать понятія. Къ государству, а не къ обществу приложимо понятіе о цѣломъ, владычествующемъ надъ частями; въ изслѣдованіи обще-

ства надобно исходить отъ лица. Смѣшеніе этихъ двухъ сферъ было причиной самыхъ крупныхъ ошибокъ въ исторіи философіи права.

Но отличаясь, по существу своему, отъ государства, какъ союзъ основанный на свободномъ взаимнодѣйствіи лицъ, общество тѣмъ не менѣе находится съ послѣднимъ въ самой тѣсной связи. Оба состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, а потому между ними установляется постоянная взаимная зависимость. Мы видѣли, что въ юридическомъ отношеніи гражданское общество подчиняется государству, сохраняя однако свою неотъемлемо принадлежащую ему самостоятельность. Общество, какъ совокупность всѣхъ частныхъ отношеній, экономическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, не только образуетъ свою самостоятельную область, но и само воздѣйствуетъ на государство. Физическое лице, которое является въ немъ основнымъ началомъ, составляетъ въ реальномъ мірѣ единственный источникъ всякаго сознанія и всякой дѣятельности, а потому государство всѣ свои силы и средства почерпаетъ изъ общества. Органами и орудіями государства могутъ быть только физическія лица, а они берутся изъ общества. Безъ сомнѣнія, государство можетъ выбирать наиболѣе способныхъ и въ этомъ состоитъ одна изъ существенныхъ его задачъ. Оно можетъ даже приготовлять людей для различныхъ политическихъ поприщъ; но все-таки матеріалъ получается отъ общества. Создавать людей по своей волѣ государство не въ силахъ, и чѣмъ болѣе развивается общественная жизнь, чѣмъ болѣе начало свободы водворяется въ общественныхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе государство принуждено опираться на общественные элементы и употреблять тѣ орудія, которыя общество ему даетъ.

Въ такой же зависимости состоитъ государство и относительно матеріальныхъ средствъ. Въ средніе вѣка князь имѣлъ свои отдѣльныя имущества, которыя служили главнымъ источникомъ для удовлетворенія правительственныхъ потребностей. Но съ развитіемъ государственной жизни казенныя имущества отходятъ на задній планъ. Главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ становятся подати, а онѣ получаются изъ частнаго достоянія. Податное бремя, волею или неволею, должно соразмѣряться съ средствами плательщиковъ. Богатство государства всецѣло зависитъ отъ богатства народа, а народное богатство создается не государствомъ, а трудомъ и сбереженіемъ частныхъ лицъ. Не юридическое, а физическое лице является источникомъ экономической дѣятельности. Поэтому экономическая сфера, по существу своему, составляетъ область общественныхъ отношеній. Государству принадлежитъ здѣсь только содѣйствіе.

Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ сферѣ духовныхъ интересовъ. Го-

сударство связано тѣми умственными, нравственными и религіозными убѣжденіями, которыя разлиты въ обществѣ. Оно не можетъ идти имъ наперекоръ, не подрывая собственныхъ духовныхъ основъ, на которыхъ зиждется вся его сила. Все умственное развитіе народа есть существенно дѣло общества; государство, еще болѣе нежели въ матеріальной сферѣ, ограничивается здѣсь косвеннымъ содѣйствіемъ. Что касается до религіи, то это—дѣло совѣсти, которая не подлежитъ принужденію со стороны государственной власти. Если, преступая свои предѣлы, государство вторгается въ эту область, то и въ этомъ случаѣ оно тогда только можетъ расчитывать на нѣкоторый успѣхъ, когда оно опирается на убѣжденія значительной части общества. Безъ этого оно остается безсильнымъ.

Сознаніе этой зависимости государства отъ общества составляетъ отличительную черту новѣйшей политической науки. Прежніе мыслители, за немногими исключеніями, слишкомъ склонны были исходить отъ чисто теоретическихъ началъ, на которыхъ они строили государство, воображая, что эти созданія чистой логики могутъ цѣликомъ прилагаться ко всякому обществу. Въ особенности въ этомъ заблужденіи повинна была либеральная школа. Но горькіе опыты жизни разрушили эти мечтанія. Они показали, что государственный бытъ тогда только имѣетъ прочныя основы, когда онѣ покоются на господствующихъ въ обществѣ убѣжденіяхъ и потребностяхъ. Теоретически, идея государства одна, но приложеніе ея въ жизни можетъ быть разное. Государство состоитъ, какъ мы видѣли, изъ разнообразныхъ элементовъ; полное ихъ развитіе и гармоническое ихъ соглашеніе составляютъ не болѣе какъ отдаленную цѣль политическаго развитія. Въ дѣйствительности же, преобладаніе того или другаго элемента, а съ тѣмъ вмѣстѣ строеніе и дѣятельность государства, зависятъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, то-есть, отъ состоянія общества. Каждый народъ, въ каждую эпоху своего развитія, имѣетъ свой политическій бытъ, соотвѣтствующій присущимъ ему на этой ступени потребностямъ. Тамъ, гдѣ этого соотвѣтствія нѣтъ, политическое зданіе виситъ на воздухѣ. Это сознаніе болѣе и болѣе проникаетъ современные умы; оно составляетъ прочное достояніе науки.

Однако и это совершенно правильное воззрѣніе можетъ страдать односторонностью. Взятое въ своей исключительности, оно ведетъ къ отрицанію идеальной стороны государственной жизни. Между тѣмъ, эта идеальная сторона составляетъ самое существо государства. Какъ единое цѣлое, господствующее надъ частями, какъ юридическое лице, имѣющее власть надъ членами, государство является осуществленіемъ извѣстной идеи. Государственное единство, которое связываетъ

не только существующія одновременно лица, но и слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія въ постоянный союзъ, не есть нѣчто физическое, подлежащее внѣшнимъ чувствамъ; это—чисто умственное представленіе, которое однако имѣетъ силу въ дѣйствительности, ибо люди руководятся имъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Государство есть не физическое, а метафизическое лице; но это метафизическое лице живетъ и дѣйствуетъ въ реальномъ мірѣ. Оно является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ исторіи и въ жизни.

Причина этого явленія заключается въ томъ, что человѣкъ, по самой своей природѣ, есть метафизическое существо, которое руководится не только тѣмъ, что даютъ ему внѣшнія чувства, не одними физическими влеченіями и нуждами, но и сознаніемъ высшихъ началъ, присущими ему потребностями свободы, правды, порядка. Эти духовныя потребности заставляютъ его подчиняться государственной власти и видѣть въ государствѣ осуществленіе высшей, господствующей надъ нимъ идеи. Это сознаніе можетъ быть болѣе или менѣе ясно, но оно всегда присуще народу. Оно выражается въ томъ, что государственная власть считается установленіемъ Бога. Оно же проявляется въ идеѣ отечества, которому человѣкъ жертвуетъ своимъ достояніемъ и самою своею жизнью. Ничего подобнаго въ животномъ мірѣ не замѣчается. У животныхъ нѣтъ ни права, ни нравственности, ни отечества, ни Бога, ибо у нихъ нѣтъ сознанія сверхчувственныхъ началъ. Одинъ человѣкъ, какъ разумное существо, изъ физической области возвышается въ область метафизическую.

Это разлитое въ обществѣ сознаніе можетъ принимать различныя формы, смотря по свойствамъ и степени развитія общества, и это различіе вліяетъ на самое строеніе государства. Идея государства, то-есть умозрительная его природа, одна; но такъ какъ въ нее входятъ различные элементы, то сочетаніе ихъ можетъ быть разное. Мѣстныя и временныя условія и потребности даютъ перевѣсъ тому или другому, чѣмъ опредѣляется и самое строеніе государства, которое такимъ образомъ становится въ указанную выше зависимость отъ взглядовъ и направленія общества. Но и съ своей стороны, государство воздѣйствуетъ на общество. Идея государства, осуществляясь въ дѣйствительномъ мірѣ, становится реальнымъ лицемъ, которое властвуетъ надъ физическими лицами. Оно разрозненныя стремленія общества связываетъ въ единое цѣлое и направляетъ къ общей цѣли. Этимъ видоизмѣняется, какъ состояніе, такъ и сознаніе общества, которое дѣйствіемъ государственной власти возводится на высшую ступень развитія. Лучшимъ тому примѣромъ служитъ переходъ европейскихъ государствъ отъ средневѣковаго порядка къ новому. Дѣйствіемъ госу-

дарственной власти средневѣковой порядокъ, основанный на частномъ правѣ, постепенно разрушался; политическое тѣло пріобрѣтало силу и единство; идея государства все больше и больше осуществлялась въ дѣйствительной жизни. Точно также у насъ, въ преобразованіяхъ Петра Великаго, выразилось могучее дѣйствіе государства на весь общественный бытъ. Но эти примѣры доказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что всякое преобразованіе сверху должно сообразоваться съ дѣйствительнымъ состояніемъ общества. Оно тогда только можетъ быть успѣшно, когда общество достаточно къ нему подготовлено. Иначе самая безграничная власть остается безсильною.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь взаимную зависимость двухъ противоположныхъ общественныхъ сферъ, изъ которыхъ въ одной господствуетъ единство, а въ другой различія. Съ одной стороны, центральная сила дѣйствуетъ на подчиненныя ей единичныя силы, съ другой стороны, единичныя силы воздѣйствуютъ на центральную. Это противоположеніе центральной силы частнымъ составляетъ явленіе общее физическому и духовному міру. Но только въ области духа оно образуетъ двѣ противоположныя сферы дѣятельности. Въ физическомъ мірѣ цѣлое и части связаны непреложнымъ закономъ, который дѣлаетъ изъ нихъ совокупную систему, роковымъ образомъ подчиняющую единичныя силы центральной. Такова, напримѣръ, солнечная система. Въ духовномъ мірѣ, напротивъ, есть начало, которое дѣлаетъ единичныя силы самостоятельнымъ источникомъ жизни и дѣятельности. Это начало есть свобода, или самоопредѣленіе разумнаго существа. Оно ведетъ къ тому, что единичное лице, подчиняясь цѣлому во имя разумно сознанныхъ началъ, сохраняетъ однако свою самостоятельную сферу дѣятельности и вступаетъ въ свободныя частныя отношенія къ другимъ таковымъ же лицамъ. Отсюда противоположеніе двухъ сферъ; отсюда и такія свойства общественнаго союза, которыя дѣлаютъ всякія аналогіи съ физическимъ организмомъ совершенно неумѣстными и даже превратными.

Эта независимость общества отъ государства есть фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Если соціалисты и соціологи, смѣшивая совершенно различныя понятія, хотятъ въ экономической области превратить общественныя силы въ чистые органы государства, то никто еще не пытался сдѣлать тоже самое въ области духовной. Никому не приходило въ голову утверждать, что наука, искусство, религія суть функціи государственной власти и должны вырабатываться повелѣніями сверху. А пока этого нѣтъ, пока всѣ высшіе духовные интересы являются плодомъ самостоятельной дѣятельности единичныхъ силъ, до тѣхъ поръ общество, представляющее совокуп-

ность этихъ частныхъ силъ, остается независимымъ отъ государства, какъ принудительно организованнаго цѣлаго. Если же человѣкъ въ области духовной является самобытнымъ и самоопредѣляющимся источникомъ жизни и дѣятельности, то таковымъ онъ необходимо долженъ быть и въ области экономической, которая представляетъ отношеніе духовныхъ силъ къ окружающей природѣ. Для покоренія природы люди могутъ соединять свои силы и образовать этимъ путемъ всевозможные союзы, но живымъ источникомъ дѣятельности и отношеній является все-таки свободное лице, а никакъ не центральная власть, которая здѣсь, какъ и вездѣ, можетъ только оказывать содѣйствіе и частью давать направленіе, а не замѣнять собою частный почннъ. Независимость общества во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности составляетъ непреложный законъ духовнаго міра, вытекающій изъ свободы человѣка.

Задача науки состоитъ въ изслѣдованіи существа, свойствъ и взаимнодѣйствія этихъ двухъ противоположныхъ областей общественной жизни. Изслѣдованіе общества въ его составныхъ элементахъ и вліянія его на государство составляетъ предметъ *Науки объ Обществѣ*, или *Соціологіи* въ тѣсномъ смыслѣ; наоборотъ, изслѣдованіе воздѣйствія государства на общество составляетъ предметъ *Политики*. Послѣднее предполагаетъ первое, ибо дѣйствіе государства на общество не можетъ быть объяснено безъ опредѣленія существа и свойствъ послѣдняго. А такъ какъ политика вмѣстѣ съ государственнымъ правомъ составляетъ часть государственной науки, то и наука объ обществѣ должна войти сюда же. *Общее Государственное Право* ей предшествуетъ, ибо безъ этого нельзя опредѣлить различные типы человѣческихъ союзовъ и установить отличіе общества отъ государства. *Политика*, какъ сказано, должна за нею слѣдовать, ибо дѣятельность государства существенно зависитъ отъ состоянія общества. Таковъ именно порядокъ нашего изложенія.

ГЛАВА II.

Элементы общества.

Изслѣдованіе общества должно начаться съ разложенія его на составные элементы. Если общество, какъ мы видѣли, слагается изъ отношеній отдѣльныхъ единицъ, то первоначальнымъ элементомъ общества является физическое лице съ его стремленіями и интересами. Но эти интересы весьма разнообразны; каждый изъ нихъ образуетъ отдѣльную область, въ которой единичное лице вступаетъ въ отношенія къ другимъ. Изъ этого возникаютъ болѣе или менѣе постоян-

ныя группы, имѣющія каждая свой характеръ и свое значеніе въ общей жизни. Эти сферы, вытекающія изъ разнообразныхъ свойствъ и потребностей человѣка, составляютъ болѣе крупные элементы общества, которые и подлежатъ изслѣдованію. Въ каждую изъ нихъ, смотря по ея характеру, лице вступаетъ извѣстною стороною своего естества, и всѣ онѣ, представляя совокупность человѣческихъ отношеній, являются какъ бы расчлененіемъ общества на естественные свои органы и отправленія. Отсюда подобіе организма, которое однако отнюдь не должно быть понимаемо въ смыслѣ владычества цѣлаго надъ частями. Здѣсь, какъ мы видѣли, расчлененіе установляется свободнымъ взаимнодѣйствіемъ отдѣльныхъ единицъ, которыя, въ силу обоюдности, сами собою группируются такъ, какъ требуется взаимными ихъ отношеніями. Юридическаго, слѣдовательно принудительнаго, тутъ ничего нѣтъ. Формальный юридическій законъ освящаетъ только то, что дается жизнью, то-есть, естественнымъ движеніемъ единичныхъ силъ. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

Изъ этихъ элементовъ, первымъ по времени и наиболѣе общимъ по значенію является тотъ, который вытекаетъ изъ природы человѣка, какъ физическаго существа. Онъ составляетъ естественную основу всей общественной жизни.

Какъ физическое существо, человѣкъ живетъ въ матеріальномъ мірѣ и находится подъ его вліяніемъ. Окружающая его природа налагаетъ на него свою печать и даетъ направленіе его дѣятельности. Это вліяніе не остается чѣмъ-то роковымъ и неизмѣннымъ: какъ духовное существо, человѣкъ возвышается надъ природою и самъ, въ свою очередь, налагаетъ на нее свою печать и приспособляетъ ее къ своимъ цѣлямъ. Но совершенно отрѣшиться отъ естественныхъ условій онъ не можетъ; на вершинѣ своего духовнаго могущества онъ все-таки ими связанъ. И тутъ есть взаимнодѣйствіе двухъ независимыхъ факторовъ, которое подлежитъ научному изслѣдованію.

Природа оказываетъ свое вліяніе не только на общество, но и на государство. Послѣднее также имѣетъ свою матеріальную основу: созидаясь въ извѣстной мѣстности, оно обнимаетъ юридически опредѣленную территорію. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* излагаются тѣ юридическія начала, которыя вытекаютъ изъ этого владычества. Здѣсь мы должны изслѣдовать то фактическое вліяніе, которое свойства территоріи оказываютъ на государственный бытъ.

Какъ физическія существа, люди находятся также въ физіологическихъ отношеніяхъ другъ къ другу. На естественномъ происхожденіи основана преемственность поколѣній. Отсюда проистекаютъ различные физіологическіе, или кровные союзы: семья, родъ, племя.

Семья составляетъ какъ бы основную ячейку всего общественнаго быта; въ ней съ физіологическими отношеніями соединяется и нравственная связь. И такъ какъ отсюда человѣкъ черпаетъ всѣ свои первоначальныя понятія, воззрѣнія и чувства, то свойства семейной среды отражаются на всѣхъ тѣхъ поприщахъ, гдѣ лице является дѣятелемъ. Еще болѣе нравственный элементъ преобладаетъ въ родѣ. Здѣсь кровная связь слабѣетъ, становясь болѣе отдаленною; но родъ остается носителемъ нравственныхъ преданій, передающихся отъ поколѣнія поколѣнію. Въ этомъ заключается существенное его значеніе въ обществѣ и государствѣ. Поэтому онъ является по преимуществу представителемъ охранительныхъ и аристократическихъ началъ въ политической жизни. Наконецъ, племя духовною своею сущностью образуетъ народность и черезъ это становится основой самого государства. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* мы разсматривали народность какъ юридическое начало, опредѣляющее въ извѣстной мѣрѣ политическую жизнь. Тамъ оказалось, что эта юридическая ея сторона далеко не имѣетъ общаго значенія. Но тѣмъ важнѣе сторона фактическая, та сумма свойствъ, стремленій и взглядовъ, которая, истекая изъ данной народности, налагаетъ свою печать на весь общественный и государственный бытъ. Это отношеніе находитъ свое мѣсто въ наукѣ объ обществѣ.

Таковы элементы общества, которые можно назвать естественными: природа и люди въ данныхъ природою отношеніяхъ. Съ ними тѣсно связанъ и экономическій бытъ. Матеріальная дѣятельность общества обращена на покореніе природы и подчиненіе ея цѣлямъ человѣка. И тутъ основнымъ дѣятелемъ является физическое лице. Оно налагаетъ свою руку на природу, поставляя ее въ служебное къ себѣ отношеніе; отъ него исходитъ всякій трудъ. Поэтому и въ этой области вся общественная дѣятельность опредѣляется взаимнымъ отношеніемъ единичныхъ существъ. Это отношеніе ведетъ къ соединенію силъ. Человѣкъ въ одиночествѣ можетъ сдѣлать весьма немногое; только соединеніемъ и раздѣленіемъ труда онъ достигаетъ значительныхъ результатовъ. На низшихъ ступеняхъ это соединеніе силъ достигается насильственнымъ подчиненіемъ слабѣйшихъ сильнѣйшимъ; съ развитіемъ присущаго человѣку начала свободы эти принудительные отношенія замѣняются свободнымъ соглашеніемъ лицъ. Но и въ этомъ соглашеніи есть лица владычествующія и лица подчиненныя. Это вытекаетъ изъ самыхъ свойствъ труда, обращеннаго на покореніе природы. Въ немъ человѣкъ является съ двоякимъ своимъ естествомъ: какъ существо физическое и какъ существо разумное. Сообразно съ этимъ и трудъ раздѣляется на физическій и умственный.

Первый состоитъ въ произведеніи матеріальныхъ дѣйствій, второй въ направленіи этихъ дѣйствій къ цѣлямъ человѣка. Послѣдній есть собственно главный факторъ въ покореніи природы; онъ дѣлаетъ матеріальный трудъ плодотворнымъ. Поэтому онъ является элементомъ владычествующимъ, тогда какъ первый остается подчиненнымъ. Но при свободныхъ соглашеніяхъ это владычество установляется не принудительно, а добровольно. Владычествующій элементъ, то-есть направляющая воля, становится центромъ, около котораго группируются разрозненныя силы; отъ него каждая изъ нихъ получаетъ свое мѣсто и назначеніе въ совокупной дѣятельности. И тутъ все совершается свободнымъ взаимнодѣйствіемъ единичныхъ силъ. Промышленныя предпріятія возникаютъ и держатся по частной инициативѣ и въ силу частныхъ отношеній.

Но умственный трудъ не ограничивается направленіемъ матеріальныхъ дѣйствій. Онъ изобрѣтаетъ многообразныя орудія и средства для пользованія силами природы. Въ этомъ заключается главный источникъ человѣческаго могущества; этою умственною дѣятельностью природа покоряется цѣлямъ человѣка. И эта дѣятельность не ограничивается настоящимъ днемъ; она простирается на будущее. Произведенія труда, служащія для новаго производства, составляютъ прочное достояніе производителей. Они сберегаются, обновляются и передаются слѣдующимъ поколѣніямъ, которыя, въ свою очередь, умножаютъ ихъ и передаютъ своимъ преемникамъ. Совокупность этихъ произведеній составляетъ капиталъ, который, на ряду съ направляющею волею, является могущественнѣйшимъ факторомъ промышленнаго производства. Это—прогрессирующій элементъ экономическаго развитія, ибо на немъ основана экономическая преемственность поколѣній и возрастающее ихъ богатство.

И тутъ все происходитъ свободнымъ дѣйствіемъ частныхъ силъ. Личный трудъ, умственный и матеріальный, и личное сбереженіе составляютъ источники капитала. Поэтому онъ, по праву, принадлежитъ тѣмъ, кто его произвелъ и сберегъ, то-есть частнымъ лицамъ, которыя и обращаютъ его на новое производство. А такъ какъ люди, въ силу естественныхъ отношеній, продолжаются въ своемъ потомствѣ, то и капиталъ, путемъ частнаго наслѣдованія, переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Общество, какъ цѣлое, тутъ не при чемъ; мы видѣли, что самое понятіе объ обществѣ, какъ цѣломъ, есть не болѣе какъ фикція. Общество не представляетъ собою лица и не имѣетъ воли. Государство же имѣетъ свою, принадлежащую ему, область дѣятельности; оно не работаетъ и не изобрѣтаетъ, а охраняетъ правовой порядокъ и управляетъ совокупными интересами. Поэтому при-

своеніе ему частныхъ капиталовъ можетъ быть только актомъ насилія. Не оно ихъ произвело, а потому они ему не принадлежатъ.

Таковы факторы *производства*: природа, усвоенная человѣкомъ, трудъ, умственный и матеріальный, и наконецъ капиталъ. Какъ участники производства, они получаютъ каждый свою долю въ произведеніяхъ. Это составляетъ задачу *распредѣленія*. Гдѣ самое производство является результатомъ частнаго взаимодѣйствія силъ, тамъ и распредѣленіе совершается свободнымъ соглашеніемъ. Юридическій законъ даетъ только общія формы, не опредѣляя содержанія договоровъ; послѣднее установляется волею лицъ. Но эта воля, въ свою очередь, опредѣляется фактическими отношеніями, часто не поддающимися человѣческому произволу. Всякое частное предпріятіе состоитъ въ зависимости отъ общихъ экономическихъ условій, которыя не ограничиваются даже отдѣльными обществами, а простираются на весь земной шаръ. Источникъ ихъ заключается въ томъ, что, въ силу раздѣленія труда, человѣкъ работаетъ не для себя, а для другихъ. Отъ другихъ онъ пріобрѣтаетъ матеріалъ для своей работы и своими произведеніями онъ удовлетворяетъ чужія потребности. Эти матеріалы производятся и эти потребности удовлетворяются нерѣдко на отдѣльныхъ частяхъ земнаго шара. Отсюда *оборотъ*, который составляетъ явленіе, выходящее далеко за предѣлы даннаго общества и простирающееся на все человѣчество. И все это совершается взаимодѣйствіемъ частныхъ силъ, подъ вліяніемъ факторовъ, ускользающихъ отъ всякаго юридическаго опредѣленія, слѣдовательно и отъ дѣйствія власти.

Наконецъ, и послѣднее явленіе экономическаго быта, цѣль всего процесса, *потребленіе*, имѣетъ источникомъ чисто личное начало. Человѣкъ самъ опредѣляетъ свои потребности и способы ихъ удовлетворенія. Онъ самъ рѣшаетъ, что̀ изъ пріобрѣтеннаго имъ должно быть обращено на текущія нужды, что̀ сбережено для будущаго и что̀ обращено на другія цѣли. Только тогда, когда у него оказывается существенный недостатокъ жизненныхъ средствъ, онъ принужденъ обратиться къ чужой помощи. Тутъ уже прекращается дѣйствіе экономическихъ силъ; онѣ восполняются силами нравственными. Но и послѣднія, по существу своему, коренятся въ области личной свободы. Нравственность состоитъ въ свободной дѣятельности на пользу другихъ. Въ отличіе отъ юридическаго начала, нравственное требованіе не имѣетъ принудительнаго характера: оно обращается къ совѣсти и исполняется добровольно. Поэтому и восполненіе недостатковъ экономическаго быта въ области потребленія есть прежде всего дѣло свободнаго нравственнаго взаимодѣйствія между единичными лицами.

Это — поприще частной благотворительности. Послѣдняя однако можетъ осуществляться и въ болѣе или менѣе постоянныхъ учрежденіяхъ, особенно въ тѣхъ мелкихъ союзахъ, въ которые группируются лица. Государство же вступается только тогда, когда зло принимаетъ широкіе размѣры и требуются общія мѣры и распоряженія.

Вся эта широкая область экономическихъ отношеній обстоятельно разработана наукою политической экономіи. Но послѣдняя изслѣдуетъ ихъ въ отвлеченіи, отдѣльно отъ другихъ сторонъ общественной жизни. Въ этомъ состоитъ частью ея сила, но частью и ея недостатокъ. Всякое явленіе природы и человѣческой жизни должно быть прежде всего изслѣдовано по возможности отдѣльно отъ другихъ, съ устраненіемъ всѣхъ постороннихъ вліяній. Только этимъ раскрывается собственная его природа и управляющіе имъ законы. Всѣ точныя науки слѣдуютъ этой методѣ. Это и было сдѣлано такъ-называемою классическою политическою экономіей относительно экономическаго быта. Всѣ явленія промышленной жизни были изслѣдованы съ величайшею тщательностью и управляющіе ими законы выведены съ строгою точностью. Основныя начала этой науки, представляющей одинъ изъ великихъ памятниковъ человѣческаго ума, остаются неопровержимы. Немногое приходится исправить и дополнить. Но чѣмъ въ большемъ совершенствѣ разработывалась наука, тѣмъ болѣе чувствовалось, что экономическія отношенія не составляютъ области отрѣшенной отъ другихъ общественныхъ явленій; они многосложными нитями переплетаются съ другими факторами общественной жизни, которые всядѣ оказываютъ на нихъ вліяніе и видоизмѣняютъ ихъ результаты. Сознаніе этого недостатка именно и вызвало новѣйшее направленіе политической экономіи, направленіе, которое можно назвать *соціологическимъ*. Оно имѣетъ въ виду связать экономическія явленія съ другими началами общественной жизни, нравственными, юридическими и политическими.

Нельзя однако сказать, чтобъ это направленіе доселѣ принесло желанные плоды. Изслѣдованіе другихъ факторовъ общественной жизни требуютъ самостоятельной работы. Каждая область имѣетъ свои явленія и свои законы, которые должны быть точно обслѣдованы и отдѣлены отъ другихъ, прежде нежели опредѣлятся ихъ взаимныя отношенія. Затѣмъ, для установленія совокупной связи, необходимо возведеніе явленій къ общимъ началамъ, то-есть, философское пониманіе. Но именно во всемъ этомъ у современныхъ экономистовъ ощущается крайній недостатокъ. Чѣмъ болѣе, вслѣдствіе разростающагося матеріала, спеціализируются занятія, тѣмъ слабѣе оказываются свѣдѣнія спеціалистовъ по другимъ отраслямъ и тѣмъ ниже въ

особенности философское пониманіе, стремящееся обнять общественную жизнь въ ея совокупности. При такихъ условіяхъ, внесеніе въ экономическую область посторонних началъ ведетъ только къ полнѣйшей путаницѣ понятій и къ извращенію всѣхъ отношеній. На лету схваченныя и превратно понятыя юридическія и нравственныя требованія выдаются за неоспоримыя истины; область дѣятельности государства, безъ малѣйшаго изслѣдованія его природы и его призванія, расширяется безмѣрно; наконецъ, и государство и общество сливаются въ одно чудовищное представленіе, которое, подъ именемъ общественнаго организма, стремится подавить всякую свободу и низвести лице на степень органической ячейки, лишенной всякаго самоопредѣленія и служащей только страдательнымъ элементомъ общественной ткани. Всѣ эти уродливыя измышленія, конечно, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности; это не болѣе какъ воздушные замки, которые, безъ всякаго научнаго основанія и безъ малѣйшей философской подготовки, строются фантазирующими экономистами и выдаются ими за идеалъ будущаго *).

Исправить эти недостатки можно только введеніемъ экономической области въ разрядъ другихъ явленій общественной жизни, тщательно обслѣдованныхъ и согласованныхъ между собою. Это и должна сдѣлать наука объ обществѣ, связанная съ государственнымъ правомъ и съ политикой. Только сравнивъ между собою различные человѣческіе союзы и тщательно изучивъ природу каждаго и ихъ взаимныя отношенія въ исторіи и въ жизни, можно опредѣлить, что̀ такое общество и что̀ такое государство, какъ далеко простирается сфера дѣятельности отдѣльнаго лица и гдѣ начинается дѣятельность общественной власти. Безъ такого изслѣдованія всѣ попытки объединить общественныя явленія должны оставаться тщетными; онѣ ведутъ только къ путаницѣ понятій.

Недостаточность односторонняго изслѣдованія экономическихъ отношеній оказывается въ томъ, что въ концѣ концовъ они должны быть восполнены началами юридическими и нравственными. Но юридическія и нравственныя начала составляютъ принадлежность духовной жизни человѣка; они состоятъ въ связи со всѣми другими явленіями духовнаго міра. Отсюда необходимость изслѣдованія этой области, составляющей самый существенный элементъ общества, элементъ, который, можно сказать, имѣетъ первенство и надъ элементомъ естественнымъ и надъ экономическимъ, ибо въ немъ выражается природа

*) Критику всего этого направленія см. въ моемъ сочиненіи *Собственность и Государство*.

человѣка въ отличіе отъ животныхъ. Между тѣмъ, этотъ элементъ въ своей совокупности, какъ основной факторъ общественной жизни, менѣе всего подвергался изслѣдованію. По отдѣльнымъ частямъ, особенно въ историческомъ отношеніи, есть цѣнныя работы. Но ввести духовные интересы въ область общественныхъ наукъ, дать имъ точно опредѣленное мѣсто и выяснить ихъ отношеніе къ общественной жизни никто еще не пытался. Поэтому первые шаги въ этомъ направленіи естественно должны страдать важными недостатками.

Это изслѣдованіе должно обнимать всѣ основныя начала и сферы человѣческаго духа: религію, науку, искусство, нравы, наконецъ воспитаніе, какъ способъ передачи духовнаго достоянія одного поколѣнія слѣдующему. Каково бы ни было различіе мнѣній относительно значенія этихъ началъ, какъ выраженія истины, нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣйствительности они составляютъ могущественные факторы человѣческой жизни и, какъ таковые, подлежатъ научному изученію. Нѣтъ сомнѣнія также, что во всѣхъ этихъ сферахъ основнымъ элементомъ являются сознаніе и дѣятельность единичнаго лица, ибо отъ него исходятъ всякая мысль и всякое чувство.

Взглянемъ прежде всего на религію. Мы видѣли, что церковь есть союзъ отличный отъ государства. Своею гражданскою стороной она подчиняется послѣднему и облекается частными или публичными правами. Въ качествѣ гражданской корпораціи, которая не служитъ органомъ государства, а имѣетъ свою самостоятельную цѣль и значеніе, она входитъ въ составъ гражданскаго общества. Но какъ нравственно-религіозный союзъ, она простирается далеко за предѣлы даннаго общества и ускользаетъ отъ всякихъ принудительныхъ опредѣленій. Церковь есть союзъ *вѣрующихъ*, слѣдовательно основнымъ ея началомъ является убѣжденіе лица, его чувство, разумъ и совѣсть. Общность этого убѣжденія связываетъ не только существующія лица, которыя его раздѣляютъ, но и слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія; вслѣдствіе этого, церковь образуетъ постоянный союзъ, существующій тысячелѣтія. Но какъ бы онъ ни былъ высокъ и проченъ, судьею принадлежности человѣка къ союзу всегда является личная совѣсть. Только вѣрующій принадлежитъ къ церкви, а вѣра есть дѣло личнаго убѣжденія. Человѣкъ можетъ подчинять свои личные взгляды тому, что онъ признаетъ высшей истиной, но это признаніе есть плодъ собственнаго его самоопредѣленія. Въ этой области всякое насиліе является извращеніемъ существа религіи и нарушеніемъ священнѣйшихъ правъ человѣка. Поэтому религія, по самой своей сущности, есть явленіе не государственное, а общественное.

Если государство не въ правѣ опредѣлять принадлежность лица къ

тому или другому религіозному союзу, то еще менѣе оно властно надъ силою религіозныхъ убѣжденій, надъ тѣмъ вліяніемъ, которое они оказываютъ на человѣческія дѣйствія. Человѣкъ формально можетъ принадлежать къ извѣстной церкви, можетъ даже исполнять всѣ ея обряды, будучи въ душѣ совершенно невѣрующимъ. Примѣры обществъ, въ которыхъ, при оффиціальномъ господствѣ извѣстной религіи, распространено полное безвѣріе, извѣстны всѣмъ. Достаточно указать на Францію XVIII вѣка. Между тѣмъ, для государства важна не формальная сторона религіи, которая для него безразлична, а то вліяніе, которое она оказываетъ на общество, ея связь съ другими началами, направляющими человѣческія дѣйствія. Но именно въ этомъ оно оказывается совершенно безсильнымъ. Имѣя корень въ личной совѣсти, религія ускользаетъ отъ дѣйствія власти.

Еще болѣе это безсиліе обнаруживается въ тѣхъ отрасляхъ духовной жизни, которыя не связываютъ людей въ постоянные союзы во имя разъ установленныхъ догматовъ, а требуютъ личной инпціативы. Таковы наука и искусство. Здѣсь уже лице исключительно и всецѣло является источникомъ всякой дѣятельности. Государство можетъ ее сдерживать, но не властно ее опредѣлять. Личная мысль и личный талантъ суть производящія силы, отъ которыхъ исходитъ всякое умственное и художественное творчество. Ими же опредѣляется то вліяніе, которое они оказываютъ на окружающую среду. Государство можетъ даровать какія угодно льготы и награды, оно не властно предписать, чтобъ извѣстныя произведенія нравились и чтобы извѣстныя мысли принимались съ сочувствіемъ. Все это опять составляетъ область частныхъ общественныхъ вліяній и отношеній.

Тоже имѣетъ мѣсто и относительно нравовъ. Здѣсь общество является иногда деспотическимъ въ отношеніи къ лицу. Въ извѣстной средѣ установляются извѣстные обычаи и взгляды, которымъ всѣ должны подчиняться, если хотятъ находиться въ общеніи съ другими. Но эти обычаи и взгляды опять же установляются свободнымъ взаимнодѣйствіемъ единичныхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ и большая или меньшая терпимость, оказываемая другимъ. Деспотизмъ большинства не есть актъ внѣшняго насилія, а дѣло свободнаго убѣжденія. Пока онъ простирается только на внѣшнія формы, что и есть обыкновенное явленіе, онъ остается безвреднымъ; если же онъ посягаетъ на самыя мысли и совѣсть человѣка, то послѣднему всегда остается возможность удалиться изъ среды, гдѣ его взгляды и убѣжденія не находятъ сочувствія. Все это опять дѣло свободнаго взаимнодѣйствія лицъ.

Наконецъ, и въ дѣлѣ воспитанія важнѣйшая доля принадлежитъ

частнымъ силамъ. Мы видѣли, что воспитаніе раздѣляется на общественное и частное. Въ первомъ государству принадлежатъ организація и направленіе. Это составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ государственнаго управленія, хотя и понынѣ есть высокообразованныя страны, гдѣ вся дѣятельность государства въ этой области ограничивается пособіями. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, вся эта сфера принадлежитъ къ общественной дѣятельности. Однако и тамъ, гдѣ народное образованіе находится въ рукахъ государства, частное воспитаніе, направляемое семействомъ, остается главною основой всего нравственнаго и умственнаго развитія общества. Изъ семейной среды и окружающихъ общественныхъ вліяній главнымъ образомъ черпается духъ, которымъ проникнуты новыя поколѣнія. Могучимъ факторомъ является тутъ и литература. Наконецъ, самыя педагогическія силы, дѣйствующія въ общественныхъ заведеніяхъ, исходятъ изъ общества. Педагогія есть дѣло личнаго таланта и личнаго призванія. Она разработывается наукою и практикою жизни, не по предписаніямъ власти, а въ силу умственной и нравственной дѣятельности, обращенной на развитіе молодыхъ поколѣній.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь цѣлую громадную область духовныхъ интересовъ, въ которой опредѣляющимъ началомъ является свободное взаимнодѣйствіе единичныхъ особей. Какъ разумное, а потому самоопредѣляющееся существо, человѣкъ составляетъ единичный центръ духовной дѣятельности; онъ изъ себя создаетъ весь свой умственный и нравственный міръ. Даже то, что онъ заимствуетъ отъ другихъ, усвоивается имъ въ силу того же самоопредѣленія. Общеніе установляется здѣсь свободнымъ обмѣномъ мыслей и чувствъ. А если таковымъ является человѣкъ, по самой своей природѣ, въ области духовной, то таковымъ же, какъ уже было замѣчено выше, онъ является и въ области экономической, которая представляетъ приложеніе духовной дѣятельности къ покоренію природы. Воображать, что въ одной сферѣ лице остается свободнымъ дѣятелемъ, а въ другой оно является не болѣе какъ орудіемъ владычествующаго надъ нимъ цѣлаго, ячейкой общественной ткани, есть чистый абсурдъ. На этомъ абсурдѣ построенъ весь соціализмъ. Пока экономическая область разсматривается въ своемъ отвлеченіи, такое предположеніе можетъ еще представить нѣкоторый призракъ правдоподобія для незрѣлыхъ или путанныхъ умовъ; но какъ скоро мы эту область связываемъ съ другими и черезъ это возвышаемся къ пониманію истинной природы человѣка, такъ весь этотъ призракъ улетучивается какъ дымъ.

Свободнымъ существомъ человѣкъ является наконецъ и въ исто-

рическомъ процессѣ, который, соединяя въ себѣ всѣ предыдущіе элементы, даетъ имъ особенную и притомъ измѣняющуюся окраску. Общество развивается и въ этомъ развитіи проходитъ различныя ступени, налагающія свою печать не только на общественный бытъ, но и на государственныя отношенія. Эти ступени связываются общими законами, вытекающими изъ самой природы духа, а потому независимыми отъ человѣческаго произвола. Единичное лице является здѣсь не болѣе какъ звеномъ въ общей цѣпи, орудіемъ общихъ, дѣйствующихъ въ исторіи силъ. Однако и въ этой роли, становясь дѣятелемъ на поприщѣ исторіи, человѣкъ остается самоопредѣляющимся существомъ. Дѣйствіе общихъ, властвующихъ надъ нимъ законовъ не уничтожаетъ его свободы, а оставляетъ ей должный просторъ. Человѣкъ и въ матеріальной своей дѣятельности связанъ естественными законами: покорять себѣ природу онъ можетъ не иначе, какъ слѣдуя ея законамъ. Тѣмъ не менѣе, онъ налагаетъ на нее руку, какъ свободное существо, и подчиняетъ ее своимъ цѣлямъ. Въ своей матеріальной дѣятельности онъ можетъ даже уклоняться отъ законовъ природы, но въ такомъ случаѣ дѣятельность его не будетъ имѣть успѣха. Никто не мѣшаетъ ему построить машину, не согласную съ законами механики; но она не пойдетъ. Тоже самое, еще въ большей степени, имѣетъ мѣсто въ области духа. И здѣсь нѣтъ мѣста для чистаго произвола, противорѣчащаго природѣ вещей. И тутъ есть общіе законы, владычествующіе надъ частными дѣйствіями и управляющіе общимъ ходомъ процесса. Но здѣсь, въ отличіе отъ матеріальнаго міра, эти законы не суть для человѣка нѣчто внѣшнее и чуждое: это—законы собственнаго его естества, которымъ онъ слѣдуетъ и въ свободномъ своемъ самоопредѣленіи. Духъ есть общая стихія, связывающая разумныя существа и проявляющаяся въ свободномъ ихъ взаимнодѣйствіи. Становясь орудіемъ духа, человѣкъ не подчиняется внѣшнему для него принужденію, а стремится къ собственнымъ своимъ цѣлямъ и исполняетъ внутреннее свое назначеніе. Поэтому и на поприщѣ исторіи, исполняя общій законъ, онъ остается свободнымъ дѣятелемъ. Исторія создается людьми; законъ исполняется путемъ свободы.

Тоже самое относится и къ государству. И оно является, съ одной стороны, свободнымъ дѣятелемъ на историческомъ поприщѣ, съ другой стороны орудіемъ историческихъ силъ. Исполненіе историческаго призванія народа составляетъ, какъ мы видѣли, одну изъ высшихъ задачъ государства; оно осуществляетъ ее сознательно, мыслью и волею правящихъ лицъ. Но при этомъ оно должно сообразоваться какъ съ внутреннимъ состояніемъ общества, такъ и съ другими по-

литическими силами, дѣйствующими на томъ же поприщѣ. Въ результатѣ происходитъ общій историческій процессъ, въ которомъ самыя государства являются подчиненными дѣятелями. Законы, управляющіе этимъ процессомъ, можно разсматривать, съ религіозной точки зрѣнія, какъ волю Провидѣнія. управляющаго судьбами народовъ, а съ философской, какъ явленіе Духа, связывающаго человѣчество въ одно цѣлое и направляющаго его къ конечной цѣли его существованія. Во всякомъ случаѣ, тутъ есть высшее начало, которое дѣйствуетъ не путемъ внѣшняго принужденія, а внутреннею силой, направляющею дѣятельность, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и государствъ. Изслѣдованіе этихъ законовъ, насколько они выражаются въ движеніи и формахъ общественной жизни, составляетъ также предметъ науки объ обществѣ.

Таковы основные элементы общества; они даютъ содержаніе взаимодѣйствію единичныхъ силъ. Но это взаимодѣйствіе опредѣляется и юридическимъ началомъ. Проявляясь во внѣшнемъ мірѣ, свобода одного лица приходитъ въ столкновеніе съ другими. Отсюда необходимость взаимнаго ихъ ограниченія, опредѣленія того, что принадлежитъ одному и что принадлежитъ другому. Это взаимное ограниченіе внѣшней свободы есть *право*, безъ котораго не обходится никакое общество; иначе неизбѣжны безчисленныя столкновенія. Надобно, чтобы каждый зналъ, что онъ можетъ и чего не можетъ дѣлать. Это достигается установленіемъ принудительныхъ нормъ, которыя даютъ обществу извѣстное юридическое строеніе. Этотъ порядокъ остается однако чисто формальнымъ: установляются только внѣшнія границы свободы; самое же содержаніе предоставляется волѣ человѣка. Тѣмъ не менѣе, эта формальная сторона имѣетъ такую важность, что она требуетъ особаго разсмотрѣнія. Отъ нея зависитъ та степень свободы, которою пользуется лице, слѣдовательно и общество, какъ совокупность лицъ.

ГЛАВА III.

Юридическое строеніе общества.

Взаимодѣйствіе свободныхъ единицъ, изъ котораго образуется общество, влечетъ за собою, какъ мы видѣли, взаимное ограниченіе свободы, которое и есть право. Поэтому, во всякомъ обществѣ господствуетъ извѣстный юридическій порядокъ. Первоначально онъ установляется самимъ обществомъ, силою обычая и фактическихъ отношеній, которые признаются всѣми и получаютъ принудительную силу рѣшеніемъ общественныхъ властей. На высшихъ ступеняхъ учреж-

деніе юридическаго порядка становится дѣломъ государства, которое, возвышаясь надъ обществомъ, какъ цѣлое, владычествующее надъ частями, даетъ ему законъ. Но установляя общія нормы права, государство, какъ сказано, ограничивается чисто формальною стороною, общею для всѣхъ; самое же содержаніе этихъ общихъ нормъ, то-есть, опредѣленіе юридической сферы того или другаго лица, тѣхъ правъ, которыя оно имѣетъ, и тѣхъ требованій, которыя оно можетъ предъявлять другимъ, предоставляется взаимнодѣйствію самихъ этихъ лицъ.

Право, опредѣляющее отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою, есть право частное, или гражданское. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* были изложены существенныя отличія его отъ права публичнаго, опредѣляющаго отношенія единицъ къ господствующему надъ ними цѣлому. Мы видѣли, что подчиняясь общимъ нормамъ, лице само опредѣляетъ свою сферу дѣятельности и ея границы: оно налагаетъ руку на природу и усвояваетъ себѣ вещи; оно вступаетъ въ соглашенія съ другими и образуетъ вмѣстѣ съ ними частные союзы. Вездѣ личная воля является опредѣляющимъ началомъ права; государство установляетъ только тѣ формы, въ которыхъ эта воля должна проявляться, и тѣ условія, которыя она должна соблюдать, чтобы не нарушить чужой воли и чужаго права.

Отношенія единичнаго лица къ окружающему міру опредѣляютъ и основныя формы частнаго права. Въ нихъ выражается вытекающее изъ природы вещей различіе общественныхъ элементовъ. Прежде всего, сюда принадлежитъ область физіологическихъ союзовъ, на которыхъ основано продолженіе человѣческаго рода и преемственность поколѣній. Единичное лицо по собственному изволенію вступаетъ въ бракъ и основываетъ *семейство*. Дѣти, подчиняясь родительской власти, пока ихъ разумъ не созрѣлъ, по достиженіи совершеннолѣтія становятся распорядителями своей судьбы. Затѣмъ человѣкъ стремится къ покоренію природы. Онъ усвоиваетъ себѣ вещи и обращаетъ ихъ на свою пользу. Отсюда начало *собственности*, состоящее въ правѣ человѣка распоряжаться пріобрѣтеннымъ по своему усмотрѣнію. Ограниченія этого права въ пользу другихъ, проистекающія изъ переплетенія частныхъ сферъ, образуютъ область *правъ на чужую вещь*. Но взаимныя отношенія лицъ не ограничиваются разграниченіемъ правъ: они ведутъ къ обмѣну вещей и услугъ. Это отношеніе опредѣляется соглашеніемъ свободныхъ воль, то-есть *договоромъ*. Договоръ составляетъ основную юридическую норму для всякаго взаимнодѣйствія единичныхъ воль, какъ въ области матеріальной, такъ и въ области духовной, поскольку въ послѣдней выражается отношеніе воль. Нако-

нецъ, дѣйствуя совмѣстно, люди могутъ образовать частные союзы во имя какой-либо частной цѣли или интереса. Эти союзы могутъ быть болѣе или менѣе постоянны. Смотря по свойству интереса, они могутъ составлять простыя товарищества, гдѣ каждое лице остается отдѣльнымъ отъ другихъ и общая связь установляется только общимъ соглашеніемъ, или же они могутъ образовать постоянныя юридическія лица, или частныя корпораціи, облеченныя правами независимо отъ перемѣны членовъ. Объ этомъ было говорено выше въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*.

Таковы основныя формы гражданскаго права. Изъ нихъ собственность и договоръ суть вѣчныя и необходимыя формы, въ которыхъ выражается свобода лица въ отношеніи къ внѣшней природѣ и къ другимъ таковымъ же лицамъ. Гдѣ есть свободные люди, тамъ существуютъ собственность и договоръ. Затѣмъ, семейное и корпоративное право представляютъ различныя формы частныхъ союзовъ, въ которые люди вступаютъ въ видахъ установленія постоянныхъ частныхъ отношеній къ другимъ: первое въ силу присущихъ всему человѣческому роду физіологическихъ опредѣленій, второе во имя какой-либо частной цѣли или интереса. Интересомъ, вообще, называется постоянная цѣль, которая преслѣдуется лицемъ, будь она матеріальная или духовная. Сфера личной дѣятельности есть поэтому сфера личныхъ интересовъ. Но частный интересъ можетъ быть общій нѣсколькимъ или даже многимъ лицамъ. Если для достиженія его они соединяютъ свои силы постоянною связью, то изъ этого образуются частные союзы, которые, расширяясь, могутъ получить общественный и даже государственный характеръ. Частные союзы представляютъ область постоянныхъ частныхъ интересовъ. Они составляютъ переходъ отъ общества къ государству.

Таковы основные элементы гражданскаго права; ими опредѣляется строеніе общества. Подчиняясь юридическимъ нормамъ, общество получаетъ значеніе юридическаго союза; оно, какъ сказано, становится *гражданскимъ обществомъ*.

Это строеніе можетъ быть разное, смотря по тому, которые изъ элементовъ права получаютъ преобладаніе. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ различныя историческія формаціи, обозначающія слѣдующія другъ за другомъ эпохи человѣческаго развитія. Лоренцу Штейну принадлежитъ честь указанія этихъ различныхъ общественныхъ порядковъ, ихъ историческаго значенія и отношенія къ государству *). Онъ различаетъ три общественныхъ строя, послѣдовательно смѣняю-

*) См. Die Gesellschaftslehre.

щихъ другъ друга въ историческомъ процессѣ: порядокъ *родовой*, порядокъ *сословный* и порядокъ *общегражданскій* (staatsbürgerlich). Первый принадлежитъ преимущественно древнему міру, второй среднимъ вѣкамъ, третій новому времени.

Родовой порядокъ основанъ на преобладаніи кровныхъ союзовъ. Имъ опредѣляется не только гражданскій, но и государственный строй. Господство его относится къ тому времени, когда различные общественные союзы еще не выдѣлились и не получили самостоятельнаго развитія. Человѣчество еще не освободилось отъ первоначальныхъ естественныхъ опредѣленій; связанная ими личная свобода не получила еще свойственнаго ей развитія. Такой порядокъ характеризуетъ первыя ступени общественной жизни. Онъ господствуетъ нераздѣльно въ первобытныя времена, но сохраняется и при водвореніи государственныхъ отношеній. На немъ были основаны классическія государства, которыя служатъ главными типическими представителями этой формаціи.

Представляя расчлененіе общества на основаніи физіологическихъ опредѣленій, закрѣпленныхъ юридическимъ началомъ, родовой порядокъ даетъ обществу крѣпкую внутреннюю связь и органическое единство. Классическія государства въ ихъ борьбѣ съ внѣшними врагами, при широкомъ развитіи внутренней свободы, представляютъ тому живой примѣръ. Но сохраненіе этихъ свойствъ возможно лишь при однородности элементовъ и маломъ объемѣ государствъ. Родовой порядокъ, какъ политическій строй, можетъ прочно держаться только въ племенныхъ общинахъ. Обширныя завоеванія низводятъ его въ гражданскую область или ограничиваютъ сферою мелкихъ общинъ, гдѣ онъ можетъ долго сохраняться, какъ остатокъ прежняго быта, не являясь уже опредѣляющимъ началомъ всего общественнаго строя. Поэтому въ восточныхъ теократіяхъ онъ замѣняется иными нормами.

Въ самыхъ племенныхъ общинахъ отношеніе къ посторонниймъ элементамъ становится причиной его разложенія. Это отношеніе можетъ быть двоякое: принудительное и свободное. Первое ведетъ къ порабощенію покоряемыхъ иноплеменниковъ. Всѣ древнія государства были основаны на рабствѣ. И это было подчиненіе всецѣлое, не оставлявшее человѣку ни малѣйшаго права. Рабъ вовсе не принадлежалъ къ числу гражданъ; онъ разсматривался какъ вещь, наравнѣ съ рабочимъ скотомъ. Но именно потому, что рабство состояло какъ бы внѣ политическаго порядка, оно не препятствовало широкому развитію свободы. Будучи обезпеченъ въ частной жизни, рабовладѣлецъ могъ всецѣло отдавать себя государственной дѣятельности и отстаивать своя права. Таково было положеніе гражданъ въ классическихъ государствахъ.

Совершенно иное дѣйствіе имѣютъ свободныя отношенія, возни-

кающія въ родовомъ порядкѣ. Люди, принадлежащіе къ другому племени, а потому не входящіе въ составъ правящихъ родовъ, пользуются меньшими правами, но все-таки остаются свободными гражданами. Они естественно стремятся къ расширенію правъ. Отсюда постоянная внутренняя борьба, которая ведется тѣмъ съ большимъ упорствомъ, чѣмъ крѣпче тѣ и другіе разнородные элементы. Типическимъ примѣромъ этого процесса служитъ исторія Рима. Въ результатѣ, сторонніе элементы мало по малу вторгаются въ родовой порядокъ и разлагаютъ основанный на этомъ началѣ общественный строй. Происходитъ уравненіе въ области политической. Но въ гражданской сферѣ, при существованіи и даже расширеніи рабства, противоположность элементовъ, съ одной стороны богатыхъ и знатныхъ, съ другой стороны неимущихъ и темныхъ, становится еще рѣзче, что неизбѣжно отзывается и на государствѣ. Черезъ это родовой порядокъ постепенно переходитъ въ порядокъ сословный.

Послѣдній основанъ на преобладаніи частныхъ союзовъ, образующихся во имя того или другаго интереса. Поэтому онъ представляетъ по преимуществу господство частныхъ интересовъ. Но при безразличіи гражданскаго союза и политическаго, эти интересы получаютъ значеніе государственное, а съ своей стороны, государственные интересы становятся частными. Основанные на этомъ началѣ частные союзы являются органами государственныхъ потребностей. Это и даетъ имъ преобладающее значеніе.

Такое безразличіе союзовъ служитъ опять признакомъ низшаго развитія. Господство частныхъ интересовъ составляетъ вторую ступень послѣ господства физіологическихъ опредѣленій. Поэтому мы встрѣчаемъ сословный порядокъ уже въ раннія эпохи, при первоначальномъ образованіи обширныхъ завоевательныхъ государствъ. На немъ зиждется устройство кастъ. Здѣсь всѣ три высшіе союза, гражданскій, церковный и политическій, сливаются въ одно цѣлое, и каждый изъ нихъ воплощается въ какомъ-либо отдѣльномъ сословіи, жреческомъ, военномъ и гражданскомъ; общая же связь охраняется неизмѣннымъ религіознымъ закономъ.

Тотъ же порядокъ установляется и при чисто свѣтскомъ развитіи общества, когда родовое начало разлагается и уступаетъ мѣсто новому общественному строю. Сословный порядокъ составляетъ, какъ сказано, характеристическую черту средней ступени человѣческаго развитія, той, которая обозначается по преимуществу названіемъ среднихъ вѣковъ; но онъ зарождается уже въ древности и простирается далеко въ новое время. На немъ держится разлагающееся государство древняго міра, которое принуди-

тельными повинностями сословій восполняетъ недостатокъ собственныхъ средствъ; онъ сохраняется и при возраждающемся государствѣ новаго времени, пока послѣднее не успѣло еще достаточно окрѣпнуть и развить собственный свой организмъ. Средняя же ступень этого процесса характеризуется разложеніемъ государства и замѣною его частными, дробными союзами. Это — періодъ полнаго разцвѣта сословнаго порядка, который, однако, можетъ имѣть большую или меньшую крѣпость, смотря по болѣе или менѣе прочной организаціи дробныхъ союзовъ. На это было указано въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*, гдѣ обозначено и существенное въ этомъ отношеніи различіе между востокомъ Европы и западомъ *).

Представляя, по существу своему, господство частныхъ интересовъ, которые организуются въ отдѣльные союзы, сословный порядокъ, въ отличіе отъ родоваго, установляетъ въ обществѣ не единство, а рознь. Вторая ступень развитія, какъ и слѣдуетъ по логическому порядку, отличается раздробленіемъ силъ. Таковъ именно характеръ всего средневѣковаго быта. Рознь, въ свою очередь, ведетъ къ борьбѣ, а борьба къ побѣдѣ сильнѣйшихъ надъ слабѣйшими. Тамъ, гдѣ частныя силы не сдерживаются высшею властью, сильные неизбѣжно покоряютъ слабыхъ. Отсюда образованіе многочисленныхъ ступеней зависимости, опредѣляемыхъ частными отношеніями. Но подчиненные не становятся здѣсь полными рабами; они остаются членами общества, пользуясь большими или меньшими правами, смотря по степени силы или слабости. Эти различныя формы частной зависимости можно обозначить общимъ названіемъ крѣпостнаго права. Оно составляетъ характеристическую принадлежность сословнаго порядка.

Но такое частное закрѣпощеніе несовмѣстно ни съ истиннымъ значеніемъ государства, ни съ требованіями человѣческой свободы. Государство есть высшій союзъ, который призванъ сдерживать частныя силы и не дозволяетъ однимъ покорять себѣ другія. Гражданинъ подчиняется единственно общественной власти, а не частному лицу. Всякое частное порабощеніе противорѣчитъ государственнымъ началамъ. Въ этомъ состоитъ и высшее требованіе личной свободы, которое совпадаетъ съ задачами государства. Поэтому, рано или поздно, съ развитіемъ государства наступаетъ отмѣна крѣпостнаго права. Съ этимъ вмѣстѣ падаетъ и сословный порядокъ, который можетъ еще сохраняться, въ большей или меньшей степени, какъ остатокъ прежняго быта, но перестаетъ уже быть опредѣляющимъ началомъ всего общественнаго строя. Сословный порядокъ замѣнится общегражданскимъ.

*) См. главу о „Сословіяхъ".

Въ общегражданскомъ строѣ значеніе лица опредѣляется уже не принадлежностью его къ тѣмъ или другимъ частнымъ союзамъ, физіологическимъ или группирующимся около извѣстнаго интереса. Оно пользуется полнотою права само по себѣ, какъ разумно-свободное существо; а такъ какъ въ этомъ качествѣ всѣ люди равны, то опредѣляющія начала общегражданскаго порядка суть *свобода* и *равенство*. Поэтому, преобладающими элементами гражданскаго права являются здѣсь собственность и договоръ, то-есть, тѣ вѣчныя юридическія формы, въ которыхъ выражается личная свобода въ отношеніи къ внѣшней природѣ и къ другимъ людямъ. Однако это не исключаетъ существованія мелкихъ союзовъ, въ которые соединяются лица. Семейное начало, коренящееся въ самой природѣ человѣка, продолжаетъ быть физіологическою основой всего общественнаго быта. Родовыми отношеніями опредѣляется наслѣдственная передача имущества. Съ другой стороны, добровольное соединеніе силъ ведетъ къ образованію частныхъ союзовъ, и чѣмъ шире и крѣпче это соединеніе, тѣмъ прочнѣе самые союзы. Но не принадлежностью къ этимъ союзамъ опредѣляются права лицъ, а наоборотъ, права союзовъ опредѣляются волею лицъ, которыя, пользуясь полноправностью, свободно переходятъ изъ одного въ другой. Не исключается и неравенство политическое. Гражданская область опредѣляется взаимодѣйствіемъ отдѣльныхъ единицъ, которыя, будучи свободными, являются всѣ равными между собою; въ политической области, напротивъ, человѣкъ становится членомъ высшаго цѣлаго и получаетъ настолько правъ, насколько онъ *способенъ* исполнять цѣли этого цѣлаго. Поэтому чистый индивидуализмъ, выражающійся въ началахъ свободы и равенства, по самой природѣ вещей, долженъ господствовать въ гражданской области, тогда какъ распредѣленіе правъ и обязанностей, сообразное съ требованіями высшей идеи, составляетъ принадлежность политическаго союза.

Раздѣленіе этихъ двухъ областей является существеннымъ признакомъ общегражданскаго порядка. Какъ уже было указано въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*, оно составляетъ результатъ всего предшествующаго историческаго процесса. На низшей ступени, и государство и гражданское общество находятся подъ вліяніемъ физіологическихъ союзовъ; на средней ступени, государство поглощается гражданскимъ обществомъ или состоитъ подъ его вліяніемъ; на третьей и высшей ступени оно выдѣляется и образуетъ свой собственный строй, который, въ свою очередь, воздѣйствуетъ на гражданское общество, полагая предѣлъ господству частныхъ силъ и порабощенію однихъ другими.

Именно этимъ выдѣленіемъ политической области установляются въ гражданскомъ порядкѣ начала свободы и равенства. Мы видѣли, что родовой порядокъ, упрочивая внутреннее единство общества, ведетъ къ полному подчиненію внѣшнихъ для него элементовъ: онъ основанъ на рабствѣ. Сословный порядокъ, напротивъ, ведетъ къ внутреннему разобщенію и къ борьбѣ частныхъ силъ, результатомъ которой является подчиненіе слабѣйшихъ сильнѣйшимъ: онъ держится крѣпостнымъ правомъ. Наконецъ, въ общегражданскомъ порядкѣ всякое принудительное подчиненіе упраздняется; человѣкъ остается подчиненнымъ владычествующему надъ нимъ цѣлому, но въ отношеніи къ другимъ онъ является свободнымъ лицемъ, по собственной волѣ вступающимъ во взаимныя соглашенія и принимающимъ на себя извѣстныя обязанности. Юридическая свобода здѣсь равная для всѣхъ; всѣ подчиняются одному и тому же закону. А такъ какъ личная свобода составляетъ коренное опредѣленіе человѣка, какъ разумнаго существа, то порядокъ, основанный на свободномъ взаимнодѣйствіи разумныхъ существъ, есть именно тотъ, который соотвѣтствуетъ идеѣ гражданскаго общества, какъ области частныхъ отношеній между людьми. Онъ представляетъ третью и высшую ступень въ развитія общественной жизни. На первой ступени господствуетъ единство, но единство физіологическое, данное природою, а потому не соотвѣтствующее духовному естеству человѣка и осужденное на распаденіе. На второй ступени происходитъ именно это распаденіе: различные интересы образуютъ каждый свой собственный организмъ, опредѣляющій права лицъ и препятствующій свободному ихъ передвиженію. Свобода человѣка замѣняется сословною свободой или сословною зависимостью. Наконецъ, на третьей ступени, съ выдѣленіемъ политическаго союза, какъ цѣлаго, владычествующаго надъ частями, возстановляется утраченное единство; но это единство уже не физіологическое, а духовное. Оно не поглощаетъ лица, а господствуетъ надъ нимъ, оставляя ему въ гражданской области собственную сферу дѣятельности, преграждая только насильственные захваты и приходя на помощь тамъ, гдѣ этого требуетъ общій интересъ. Такое отношеніе единства къ различіямъ составляетъ отличительную черту высшей ступени развитія, которая состоитъ именно въ сведеніи разнообразія къ высшему единству при сохраненіи должной самостоятельности частей. Такой порядокъ вполнѣ отвѣчаетъ идеѣ обоихъ союзовъ, гражданскаго и государственнаго, а потому его слѣдуетъ признать окончательною формой общежитія и прочнымъ достояніемъ человѣчества.

Изъ этого ясно, что ни о какомъ новомъ общественномъ строѣ.

имѣющемъ установиться въ будущемъ, не можетъ быть рѣчи. Фантазировать можно, сколько угодно; можно воображать, что человѣчество, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, изобрѣтетъ нѣчто досель невиданное. Въ наукѣ нѣтъ мѣста для такихъ праздныхъ измышленій. Элементы человѣческаго общежитія всѣ на-лицо. Они проявляются и развиваются въ историческомъ процессѣ, который представляетъ и возможныя ихъ сочетанія. Для того чтобы явилось какое-либо новое сочетаніе, надобно, чтобы для этого существовали реальныя основанія въ природѣ человѣка и въ его исторіи. Но никакихъ реальныхъ основаній для фантастическихъ возможностей нельзя указать. Когда историческій процессъ привелъ къ осуществленію требованій, лежащихъ въ природѣ человѣка, когда самый законъ этого процесса указываетъ на достиженіе высшей ступени, соотвѣтствующей идеѣ союза, то ничего другаго ожидать нельзя.

Менѣе всего можно допустить возможность осуществленія соціалистическаго строя, въ которомъ свободное взаимодѣйствіе лицъ замѣнятся направленіемъ сверху. Такой порядокъ равно противорѣчитъ и свободѣ лица, которое становится чистымъ орудіемъ власти, и природѣ общества, которое зиждется на индивидуальномъ началѣ, и наконецъ природѣ государства, которое есть юридическое лице, призванное управлять совокупными интересами, но отнюдь не замѣнять личную дѣятельность въ какихъ бы то ни было общественныхъ сферахъ. Подобное устройство, поглощающее лице въ государствѣ, представляетъ возвращеніе къ слитности обоихъ союзовъ, то-есть, къ первобытнымъ ступенямъ развитія, но уже не въ силу естественныхъ опредѣленій, предоставляющихъ и лицу естественно свойственный ему просторъ, а путемъ принудительнаго подавленія личнаго начала и всецѣлаго подчиненія его общественной власти. Такого рода порядокъ можетъ существовать только въ головѣ утопистовъ.

Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что общегражданскій строй, установившійся нынѣ во всѣхъ образованныхъ государствахъ, составляетъ высшій идеалъ человѣческаго общежитія? Тѣ злобные нападки, которымъ онъ подвергается со стороны людей, за которыми слѣдуютъ цѣлыя массы, не указываютъ ли на то, что въ немъ есть существенные недостатки, требующіе врачеванія? Разсмотрѣніе представляемыхъ возраженій покажетъ намъ, насколько въ нихъ содержится истины.

Главный упрекъ, который дѣлается существующему гражданскому строю, заключается въ томъ, что онъ установляетъ свободу и равенство только въ юридической области, фактически же онъ ведетъ къ полному неравенству, а вслѣдствіе того къ зависимости слабыхъ отъ

сильныхъ. Свободное взаимодѣйствіе лицъ неизбѣжно влечетъ за собою борьбу, а за нею и побѣду сильнѣйшихъ. Человѣкъ объявляется свободнымъ и равнымъ другимъ; но средствъ осуществить свою свободу онъ не имѣетъ и волей или неволей принужденъ покоряться другимъ. Онъ вступаетъ въ отношенія, которыя признаются добровольными, но которыя въ дѣйствительности вынуждены. Лишенный средствъ пропитанія, онъ въ заключаемомъ имъ мнимо свободномъ договорѣ принужденъ принимать тѣ условія, которыя налагаетъ на него богатый. Отсюда страшное неравенство состояній, составляющее вопіющее противорѣчіе съ провозглашаемымъ юридическимъ равенствомъ. Отсюда фактическое крѣпостное право, которое хуже юридическаго, ибо господинъ не связанъ здѣсь никакими взаимными обязанностями и не имѣетъ никакого личнаго интереса въ благосостояніи подвластныхъ. При такихъ условіяхъ, юридическія начала свободы и равенства теряютъ для массы всякій смыслъ. Дѣйствительное значеніе они могутъ получить только при установленіи равныхъ для всѣхъ условій взаимнодѣйствія. Въ этомъ, по мнѣнію критиковъ, и состоитъ задача государства, которое призвано ограждать слабыхъ отъ притѣсненія сильными.

Таково существенное возраженіе, которое дѣлается общегражданскому строю. Въ основаніи его лежитъ коренная путаница понятій Свобода и равенство, установляемыя юридическимъ закономъ, суть, по существу своему, начала юридическія, а не фактическія. Они даютъ лицу только *право*, то-есть, *юридическую возможность* дѣйствовать; пользованіе же этимъ правомъ предоставляется самому лицу, которое осуществляетъ его по мѣрѣ силъ и способностей, въ зависимости отъ окружающихъ условій. Законъ даетъ свободному человѣку право двигаться, куда ему угодно и какъ ему угодно; но если человѣкъ параличемъ прикованъ къ постели, онъ этимъ правомъ не воспользуется. Точно также законъ даетъ ему право покупать все, что хочетъ, но въ дѣйствительности онъ можетъ купить только то, на что у него достаетъ денегъ. Давая ему право двигаться, законъ не обязывается его лѣчить; давая ему право пріобрѣтать вещи покупкою, онъ не обязывается давать ему средства для этой покупки. И это присвоенное человѣку право всегда есть добро, хотя бы онъ въ томъ или другомъ случаѣ не могъ имъ пользоваться; оно ограждаетъ его отъ внѣшняго насилія и признаетъ его личную волю верховнымъ источникомъ его дѣятельности, а это и есть то, что вытекаетъ изъ разумной природы человѣка.

Столь же мало юридическій законъ призванъ осуществлять фактическое равенство. Юридическое равенство есть равное для всѣхъ пра-

во, а отнюдь не равныя для всѣхъ условія пользованія правомъ. Напротивъ, такъ какъ силы и способности людей, а равно и условія, въ которыхъ они дѣйствуютъ, не равны, то равная для всѣхъ свобода неизбѣжно ведетъ къ неравенству состояній, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ безконечной цѣпи частныхъ зависимостей, вытекающихъ изъ взаимнодѣйствія единичныхъ силъ. И это тоже не есть зло, а добро, ибо въ этомъ проявляется то безконечное разнообразіе силъ и положеній, которое составляетъ общій законъ природы и человѣка. Неправда, что юридическій законъ, во имя высшей справедливости, обязанъ производить всеобщее уравненіе. Равенство состояній столь же мало вытекаетъ изъ требованій справедливости, какъ и равенство тѣлесной силы, здоровья, ума, красоты. Справедливость состоитъ въ томъ, что каждому воздается *свое*, а свое для лица есть то, что вытекаетъ изъ его свободы, по общему закону. Ни на что другое оно не имѣетъ *права*. Принудительное уравненіе неравныхъ людей не есть дѣло справедливости, а насиліе. Справедливость вовсе не требуетъ уничтоженія всякой частной зависимости. Равенство правъ не уничтожаетъ естественнаго или общественнаго превосходства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вытекающаго отсюда фактическаго подчиненія однихъ другимъ. Напротивъ, именно этою зависимостью устанавливается живая связь между людьми. Требуется только, чтобъ это совершалось добровольно, а не принудительно.

Но юридическимъ началомъ справедливости не исчерпываются отношенія людей. Нѣтъ сомнѣнія, что неравенство, въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ, порождаетъ бѣдствія и нищету. Въ этихъ случаяхъ оно становится зломъ. Но это неизбѣжное зло, въ свою очередь, дѣлается источникомъ добра, ибо вызываетъ нравственныя силы людей и установляетъ между ними живую духовную связь въ дѣлахъ взаимной помощи. Нравственное начало, то, что нынѣ обозначается варварскимъ названіемъ альтруизма, восполняетъ здѣсь начало юридическое; но первое, еще болѣе, нежели послѣднее, есть явленіе свободы, ибо оно исходитъ изъ внутренней свободы человѣка, не подлежащей принужденію. Нравственный поступокъ есть тотъ, который совершается по внутреннему велѣнію совѣсти. Такимъ образомъ, неравенство, даже въ своихъ крайностяхъ, ведетъ къ свободному взаимнодѣйствію нравственныхъ силъ и къ проявленію высшаго естества человѣка. Государство же вступается только тогда, когда бѣдствіе получаетъ широкіе размѣры и требуетъ совокупной дѣятельности. Объ этомъ будетъ подробнѣе рѣчь ниже.

И такъ, гражданскій порядокъ установляетъ только форму, въ которой проявляется свободное взаимнодѣйствіе силъ, но онъ не за-

мѣнясть самой дѣятельности этихъ силъ. Поэтому, онъ самъ по себѣ не въ состояніи осуществить идеалъ человѣческаго общежитія. Вся его задача заключается въ томъ, чтобы всѣмъ человѣческимъ силамъ дать просторъ и препятствовать насилію. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что общегражданскій порядокъ составляетъ идеалъ общественнаго строя. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что высшее развитіе человѣчества достигается не путемъ принужденія, а путемъ свободы. Общегражданскій порядокъ создаетъ именно такую форму, въ которой свободное движеніе силъ можетъ проявляться во всей полнотѣ. Отъ этой свободной дѣятельности зависятъ дальнѣйшіе шаги на этой почвѣ, достиженіе той внутренней гармоніи, которая составляетъ высшій идеалъ человѣческаго общества. Государство же, какъ верховный союзъ, представляющій общественное единство, является высшимъ оберегателемъ и регуляторомъ этого движенія. Оно не замѣняетъ собою личныхъ силъ, но содѣйствуетъ имъ тамъ, гдѣ необходима совокупная дѣятельность, и указываетъ имъ общую цѣль. Въ этомъ состоитъ его призваніе.

Признаніемъ свободнаго взаимодѣйствія частныхъ силъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности установляется существенное различіе обоихъ союзовъ: гражданскаго и политическаго. Изъ этого вытекаютъ взаимныя ихъ отношенія въ дѣйствительной жизни.

ГЛАВА IV.

Отношеніе общества къ государству.

Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* мы опредѣлили юридическія отношенія гражданскаго общества и государства. Здѣсь рѣчь идетъ объ отношеніяхъ фактическихъ, о томъ вліяніи, которое общество оказываетъ на политическій бытъ, и о томъ воздѣйствіи, которому оно, въ свою очередь, подвергается со стороны послѣдняго. Эти взаимныя вліянія естественно измѣняются, смотря по строенію общества и по болѣе или менѣе тѣсной связи его съ государствомъ. Однако тутъ есть нѣкоторые общіе законы, которые вытекаютъ изъ самой природы обоихъ союзовъ и которыми опредѣляются ихъ отношенія.

Во-первыхъ, тѣсная связь обоихъ союзовъ ведетъ къ тому, что начала, господствующія въ одномъ, силою вещей отражаются и на другомъ. Между тѣмъ, общество несравненно устойчивѣе государства. Частный бытъ, охватывая человѣка всецѣло, опредѣляетъ всѣ его привычки, нравы, понятія, образъ дѣйствія. Поколебать все это гораздо труднѣе, нежели измѣнить политическій порядокъ, который,

образуя вершину общественнаго зданія, можетъ быть перестроенъ безъ потрясенія его оснований. Эта устойчивость гражданскаго строя составляетъ общее историческое явленіе. Мы видѣли, что родовой порядокъ, разрушенный въ политической сферѣ, упорно сохраняется въ гражданской области и оттуда воздѣйствуетъ на государство. Тоже явленіе представляетъ и сословный порядокъ. Онъ съ разными видоизмѣненіями идетъ отъ Римской Имперіи, черезъ средніе вѣка, до новѣйшаго времени. Въ этотъ промежутокъ, политическій строй проходилъ черезъ самыя противоположныя формы, отъ полнѣйшаго деспотизма до совершеннаго разложенія государства. Точно также общегражданскій порядокъ, созданный Французскою революціей, сохраняется непоколебимымъ среди всѣхъ политическихъ переворотовъ, черезъ которые проходила Франція, отъ Наполеоновскаго деспотизма до нынѣшняго республиканскаго правленія. Эта устойчивость гражданскаго быта имѣетъ послѣдствіемъ прочное его вліяніе на государство. Можно выразить это отношеніе въ видѣ общаго закона, сказавши, что каждый гражданскій порядокъ стремится создать соотвѣтствующій ему порядокъ политическій. Этотъ законъ былъ впервые формулированъ Штейномъ въ его *Ученіи объ Обществѣ* *).

Штейнъ указалъ, во-вторыхъ, и на то, что это вліяніе общества выражается главнымъ образомъ въ стремленіи господствующихъ классовъ получить преобладающее значеніе въ государствѣ. Взаимодѣйствіе единичныхъ силъ неизбѣжно ведетъ, какъ мы видѣли, къ неравенству состояній. Послѣдствіемъ этого неравенства является раздѣленіе общества на классы, высшіе и низшіе. Первые, пользуясь преобладающимъ положеніемъ въ обществѣ, естественно стремятся занять такое же положеніе въ государствѣ, и это стремленіе, вообще говоря, отвѣчаетъ существеннымъ потребностямъ послѣдняго, ибо государство, какъ сказано, черпаетъ всѣ свои силы и средства изъ общества, а высшіе классы суть самые зажиточные и образованные: они, поэтому, являются главными дѣятелями на политическомъ поприщѣ; они наиболѣе способны служить государственнымъ цѣлямъ и давать направленіе государственной жизни.

Однако это естественное стремленіе получаетъ различный характеръ, смотря по свойствамъ и положенію самихъ владычествующихъ классовъ. Существенную важность имѣетъ тутъ юридическая форма, которою опредѣляются гражданскія отношенія классовъ. Юридическій строй либо закрѣпляетъ естественныя раздѣленія, либо дѣлаетъ ихъ текучими. Въ этомъ отношеніи, различные указанные выше порядки

*) Die Gesellschaftslehre, стр. 33.

ведутъ къ разнымъ послѣдствіямъ. Въ родовомъ порядкѣ, при нераздѣльности гражданской области и политической, естественное преобладаніе получаетъ родовая аристократія. Вторженіе демократическихъ элементовъ представляетъ процессъ постепеннаго разложенія родоваго строя. Такова именно исторія древнихъ классическихъ государствъ. Тоже самое явленіе представляетъ и порядокъ сословный; здѣсь мѣсто родовой аристократіи, основанной на естественныхъ отношеніяхъ, занимаетъ аристократія сословная, основанная на занятіи, которое даетъ первенствующее положеніе въ обществѣ классамъ, посвящающимъ себя общественному дѣлу. Въ крайнемъ своемъ развитіи, этотъ порядокъ ведетъ къ разложенію самого государства, которое распадается на группы связанныхъ между собою частныхъ силъ. Возстановленіе государственнаго единства приводитъ и здѣсь къ поднятію подчиненныхъ элементовъ, то-есть, къ процессу уравненія сословій, результатомъ котораго является общегражданскій строй. Послѣдній, будучи основанъ на началахъ свободы и равенства, не допускаетъ юридическаго господства высшихъ классовъ, а оставляетъ имъ только естественное вліяніе, вытекающее изъ взаимодѣйствія свободныхъ силъ. Здѣсь раздѣленія являются текучими и эти начала переносятся на государственный бытъ. Политическій порядокъ, соотвѣтствующій общегражданскому, есть порядокъ, основанный на политической свободѣ. Таковъ неизбѣжный историческій законъ; тамъ, гдѣ этого соотвѣтствія нѣтъ, въ обществѣ ощущается разладъ, который имѣетъ послѣдствіемъ разслабленіе политическаго организма. А такъ какъ въ гражданскомъ порядкѣ установляется свобода равная для всѣхъ, то и въ порядкѣ политическомъ является стремленіе установить политическія права одинакія для всѣхъ гражданъ. Отсюда неудержимое развитіе демократіи во всѣхъ европейскихъ государствахъ, основанныхъ на общегражданскомъ порядкѣ. Однако это развитіе встрѣчаетъ противодѣйствіе въ самыхъ требованіяхъ государства. Въ изложеніи *Общаго Государственнаго Права* мы видѣли, что свобода составляетъ существенный элементъ самого государства; поэтому развитіе ея въ области гражданской влечетъ за собою развитіе ея въ области политической. Но мы видѣли также, что въ политическомъ правѣ начало свободы ограничивается началомъ *способности*. Облеченный политическимъ правомъ гражданинъ не есть только свободное лице: онъ исполняетъ извѣстныя функціи государственнаго организма, а для этого требуется способность. Между тѣмъ, демократія есть отрицаніе начала способности. Не только она всѣмъ даетъ одинакія права, но вручая верховную власть большинству, то-есть народной массѣ, она тѣмъ самымъ отдаетъ ее въ руки наименѣе обра-

зованной, слѣдовательно наименѣе способной части общества. Отсюда, рано или поздно, необходимость реакціи государственныхъ началъ противъ неправильнаго преобладанія тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ.

Ручательствомъ за неизбѣжное наступленіе этой реакціи служитъ то, что государство, въ-третьихъ, не только подчиняется вліянію общества, но и восполняетъ недостатки послѣдняго. Государство и общество представляютъ двѣ противоположныя формы общежитія: въ одной господствуетъ единство, въ другой разнообразіе и множество. Оба элемента равно необходимы; каждый изъ нихъ имѣетъ свою область, въ которой свойственное ему начало является преобладающимъ. Но одно начало не въ состояніи замѣнить другое; только взаимнымъ ихъ восполненіемъ достигается гармонія общественной жизни. Поэтому тамъ, гдѣ общественныя силы оказываются недостаточными или дѣйствуютъ въ одностороннемъ направленіи, онѣ должны восполняться независимою отъ нихъ дѣятельностью государства. Въ политической области въ особенности требуется единство цѣлей и направленія; поэтому и вліяніе общества въ этой сферѣ зависитъ отъ его способности дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Эта способность очевидно тѣмъ меньше, чѣмъ меньше единства въ самомъ обществѣ, или чѣмъ меньше общественныя силы способны дѣйствовать согласно. Здѣсь именно нужна восполняющая дѣятельность государства. Отсюда общій законъ, опредѣляющій взаимодѣйствіе обоихъ союзовъ, что чѣмъ меньше единства въ обществѣ, тѣмъ больше должно быть единство въ государствѣ, то-есть, тѣмъ независимѣе и сосредоточеннѣе должна быть государственная власть. Этотъ законъ былъ формулированъ Ипполитомъ Пасси въ слишкомъ мало замѣченномъ его сочиненіи объ образахъ правленія *).

Изученіе различныхъ формъ гражданскаго общества въ историческомъ ихъ развитіи подтверждаетъ вѣрность этого закона. Мы видѣли, что родовой порядокъ представляетъ естественное расчлененіе общества при первобытномъ сліяніи всѣхъ сферъ. Здѣсь крѣпко еще начальное единство союза, а потому вліяніе общественныхъ силъ на политическій порядокъ является здѣсь наибольшимъ. Первоначально все государство находится въ рукахъ знатныхъ родовъ. Такова была исходная точка древнихъ республикъ. Этотъ порядокъ разлагается вторженіемъ постороннихъ элементовъ. Чѣмъ болѣе они получаютъ

*) Des formes de gouvernement. Paris. 1870. Основная мысль этого сочиненія была уже высказана авторомъ въ мемуарѣ, читанномъ въ парижской Академіи въ 1855 году. Туже мысль я проводилъ въ моемъ сочиненіи *О народномъ представительствѣ*.

силы, тѣмъ болѣе утрачивается внутреннее единство общества и тѣмъ менѣе оно становится способнымъ само себя уравновѣсить. Господство демократіи ведетъ къ постояннымъ внутреннимъ раздорамъ и окончательно къ возстановленію утраченнаго единства въ видѣ абсолютной монархіи, независимой отъ общественныхъ элементовъ. Таковъ былъ конецъ древняго міра.

Въ еще болѣе рѣзкой формѣ является внутренняя рознь при сословномъ порядкѣ. Мы видѣли, что онъ основанъ на господствѣ частныхъ интересовъ, образующихъ каждый свой отдѣльный союзъ. Водвореніе этого порядка въ политической области ведетъ къ полному разложенію государства. Это мы и видимъ въ средніе вѣка. Но отсюда именно возникаетъ потребность восполненія. Государство возрождается, но уже какъ форма независимая отъ дробныхъ общественныхъ силъ. Чѣмъ болѣе оно упрочивается и развиваетъ свой собственный организмъ, тѣмъ болѣе оно получаетъ форму абсолютной монархіи. Вліяніе сословнаго порядка ограничивается подчиненными сферами. Государственное единство и общественная рознь составляютъ соотвѣтствующія и восполняющія другъ друга явленія.

Наконецъ, въ общегражданскомъ порядкѣ возстановляется, какъ мы видѣли, утраченное единство общества. Съ тѣмъ вмѣстѣ возстановляется и вліяніе его на политическій бытъ. Представительное правленіе, въ различныхъ его формахъ, составляетъ естественную принадлежность этой формы гражданскаго строя. Но здѣсь внутренняя связь далеко не такая тѣсная, какъ на первой ступени. Начала гражданской свободы и равенства устраняютъ напоръ внѣшнихъ элементовъ, разлагающій родовой порядокъ, но они оставляютъ полный просторъ внутренней борьбѣ. Въ юридической области нѣтъ уже розни; различные интересы не группируются въ раздѣльныя сословія, облеченныя каждое своими правами. Но въ области фактическихъ отношеній противоположность интересовъ остается, и чѣмъ она рѣзче, тѣмъ сильнѣе кипитъ борьба и тѣмъ болѣе ощущается необходимость власти независимой отъ общественныхъ силъ.

Этотъ законъ прилагается не только къ переходамъ изъ одного общественнаго порядка въ другой, но и къ различнымъ ступенямъ развитія каждаго порядка. Въ греческихъ республикахъ переходъ отъ аристократіи къ демократіи совершился черезъ посредство тираніи. Въ Римѣ, гдѣ родовая аристократія отличалась необыкновенною политическою мудростью и всегда своевременно дѣлала нужныя уступки, при внутреннихъ смутахъ установлялась диктатура. Въ новѣйшее время, бонапартизмъ явился плодомъ борьбы французской демократіи съ правящими классами. И такъ будетъ всегда, какъ скоро внутрен-

нiе раздоры препятствуютъ необходимому въ государствѣ единенiю элементовъ, которое одно обезпечиваетъ влiянiе общественныхъ силъ на политическiй бытъ.

Нынѣшняя социалъ-демократiя, съ ея широко распространенною организацiей, съ ея ненавистью къ высшимъ классамъ, съ ея стремленiемъ къ разрушенiю всего существующаго общественнаго строя, неизбѣжно ведетъ къ диктатурѣ. Нося въ себѣ идеалъ, подавляющiй всякую гражданскую свободу, она не менѣе грозитъ и свободѣ политической. Представительное правленiе можетъ держаться только пока эта партiя слаба и не въ состоянiи прочно влiять на государственное управленiе. Но силы ея очевидно растутъ, а это неизбѣжно должно привести къ глубочайшимъ потрясенiямъ. Если ей и удастся гдѣ-либо получить минутный перевѣсъ, то она можетъ держаться лишь съ помощью самаго страшнаго террора. Съ своей стороны, защита общества отъ грозящаго ему разрушенiя потребуетъ неограниченной диктатуры. Во всякомъ случаѣ, при внутренней борьбѣ классовъ, одушевленныхъ взаимною ненавистью, только независимая отъ общества власть можетъ охранять общественный порядокъ и блюсти необходимое въ государствѣ единство.

Такая власть служитъ, въ-четвертыхъ, главнымъ факторомъ при воздѣйствiи государства на общественный строй. Государство не только восполняетъ недостатки послѣдняго, но оно само преобразуетъ этотъ строй сообразно съ своими требованiями. А для этого оно должно быть вооружено властью независимою отъ общественныхъ силъ и носящею въ себѣ высшую идею государства. Чѣмъ меньше строенiе общества согласуется съ этою идеей, тѣмъ сильнѣе потребность независимой отъ него власти.

Мы видѣли, что идея государства состоитъ въ установленiи высшаго единства общественной жизни и въ согласiи всѣхъ входящихъ въ составъ его элементовъ. Это двѣ задачи разныя. Первая ведетъ къ закрѣпленiю частныхъ зависимостей и къ упроченiю владычествующихъ элементовъ; вторая ведетъ къ огражденiю низшихъ отъ притѣсненiя высшими. Та или другая цѣль выступаетъ съ особенною яркостью, смотря по состоянiю общества. Можно сказать, что первая является насущною потребностью государства на низшихъ ступеняхъ развитiя, тамъ, гдѣ приходится создавать общественное единство. Возникающее государство естественно опирается на сильнѣйшiе элементы, подчиняя имъ остальные и тѣмъ стараясь скрѣпить общественную связь. Тоже явленiе повторяется и тамъ, гдѣ государство склоняется къ упадку и чувствуетъ себя безсильнымъ охранять разрушающiйся порядокъ. Во всякомъ случаѣ, оно служитъ признакомъ слабости госу-

дарственнаго организма. Напротивъ, когда этотъ организмъ окрѣпъ, съ особенною силой выступаетъ вторая задача. Государство, по своей идеѣ, есть представитель всѣхъ интересовъ и всѣхъ элементовъ общества. Оно не должно терпѣть, чтобъ одни приносились въ жертву другимъ. Какъ носитель высшей идеи, оно является защитникомъ слабыхъ. Чѣмъ независимѣе государственная власть отъ общественныхъ элементовъ, тѣмъ это призваніе проявляется съ большею силой. Отсюда повторяющееся въ исторіи явленіе, что монархическая власть вступаетъ въ союзъ съ низшими классами противъ аристократіи.

Этою задачей опредѣляется и роль государства въ развитіи слѣдующихъ другъ за другомъ общественныхъ порядковъ. Во имя государственныхъ требованій одинъ гражданскій строй переводится въ другой.

Въ родовомъ порядкѣ, какъ мы видѣли, чуждые элементы не находятъ себѣ мѣста; они являются какъ бы внѣшнимъ придаткомъ. Но если они остаются свободными, то они входятъ въ составъ государства, а потому должны пользоваться огражденіемъ и пріобщиться къ политическимъ правамъ. Этого требуетъ справедливость, высшимъ органомъ котораго является государство; этого требуетъ и самая польза государства, которое въ исключенныхъ элементахъ находитъ источникъ силы и опору. Чѣмъ крѣпче эти элементы, тѣмъ настойчивѣе становятся ихъ требованія. Отсюда постепенный процессъ разложенія родоваго порядка вступленіемъ въ него чуждыхъ стихій. Съ расширеніемъ государства этотъ процессъ принимаетъ все большіе размѣры. Въ Римѣ Цезарь насадилъ въ Сенатъ покоренныхъ Галловъ; Каракалла распространилъ права римскаго гражданства на всѣ подчиненные народы.

Но съ разложеніемъ родоваго порядка утрачивается и основанное на немъ общественное единство. Устанавливается власть независимая отъ общественныхъ силъ, которая, въ свою очередь, воздѣйствуетъ на общество и старается исчезнувшую въ немъ связь замѣнить другою. Подъ вліяніемъ государственныхъ требованій, раздробленные интересы группируются въ отдѣльные союзы. Родовой порядокъ постепенно смѣняется сословнымъ.

И тутъ повторяется тотъ же процессъ. Пока государство слабо, оно опирается на владычествующіе элементы и подчиняетъ имъ остальные. Какъ же скоро оно окрѣпло и развило свой собственный организмъ, такъ происходитъ обратный процессъ раскрѣпленія и уравненія. Опять же во имя высшихъ государственныхъ требованій, сословный порядокъ переводится въ общегражданскій. И въ этомъ движеніи главнымъ дѣятелемъ является власть независимая отъ общественныхъ

силъ. Даже тамъ, гдѣ правительство, забывъ свое призваніе, продолжаетъ опираться на отжившій свое время порядокъ и новый строй водворяется напоромъ приниженныхъ элементовъ, утвержденіе его требуетъ все-таки деспотической власти. Живой тому примѣръ представила Французская революція. Старая монархія пала вмѣстѣ съ сословнымъ порядкомъ, на который она опиралась. На сцену выступило третье сословіе, которое не только количествомъ, но и образованіемъ и богатствомъ стояло несравненно выше остальныхъ, а между тѣмъ пользовалось гораздо меньшими правами. Во имя государственныхъ идей, выработанныхъ философіею XVIII-го вѣка, оно предъявило свои требованія и опрокинуло сопротивляющіеся остатки прежняго гражданскаго строя. Но изъ этого разрушенія вышелъ только хаосъ. Для утвержденія новаго порядка потребовался деспотизмъ Наполеона.

Съ водвореніемъ общегражданскаго строя идея государства, также какъ и идея общества, достигаютъ высшаго своего развитія. Образуются два союза, каждый въ полнотѣ своихъ опредѣленій, управляемые тѣми началами, которыя вытекаютъ изъ самой ихъ природы, и находящіеся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Всѣ входящіе въ составъ общества элементы, подчиняясь равному для всѣхъ закону, ограждающему ихъ свободу, получаютъ полный просторъ для своей дѣятельности и занимаютъ то мѣсто, которое принадлежитъ имъ по естественнымъ ихъ свойствамъ. Свободнымъ взаимнодѣйствіемъ различныхъ интересовъ установляется ихъ связь, а государство охраняетъ требуемое единство.

Однако этимъ не исчерпывается задача государства. Съ уничтоженіемъ юридическаго разобщенія интересовъ не уничтожается фактическая ихъ противоположность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность внутренней борьбы, которая отражается и на государствѣ. Мы видѣли, что представительное устройство есть та форма политическаго быта, которая соотвѣтствуетъ общегражданскому порядку. Въ ней различные общественные элементы находятъ свое мѣсто и оказываютъ свойственное имъ вліяніе на государственное управленіе. Но если между различными элементами возгарается фактическая борьба, то она отразится и на политической области. Смотря по складу представительныхъ учрежденій, перевѣсъ въ нихъ могутъ получить или тѣ или другіе элементы. При установленіи болѣе или менѣе высокаго ценза преобладаютъ высшіе, зажиточные классы; напротивъ, при всеобщемъ равенствѣ правъ господствуетъ масса. Въ первомъ случаѣ, законодательство можетъ сдѣлаться орудіемъ высшихъ классовъ противъ низшихъ, во второмъ случаѣ государство можетъ превратиться въ орудіе ограбленія имущихъ классовъ неимущими. Ни то,

ни другое не должно быть терпимо, но послѣднее еще меньше перваго. Цѣль государства состоитъ въ осуществленіи идеальныхъ началъ, сознаніе которыхъ требуетъ высшаго развитія, а оно принадлежитъ зажиточнымъ классамъ, которые всегда и вездѣ являются носителями высшаго образованія. Въ противоположность количеству, они представляютъ качество. Не отрекаясь отъ себя, государство не можетъ отдать качество на жертву количеству. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ политики состоитъ въ томъ, чтобы привлечь къ политической дѣятельности лучшія, то-есть образованнѣйшія силы страны. А эта цѣль не достигается, когда эти силы становятся въ полную зависимость отъ необразованной массы. Такой порядокъ можетъ еще держаться, пока господствующая демократія, сама находясь подъ фактическимъ вліяніемъ образованныхъ классовъ, сохраняетъ достаточно благоразумія, чтобы довольствоваться юридическимъ равенствомъ, и не пользуется своею силой для проведенія своихъ одностороннихъ интересовъ. Но какъ скоро эти нравственныя сдержки исчезли, какъ скоро, подъ вліяніемъ соціалистической пропаганды, государственная власть становится орудіемъ ограбленія, такъ подобный порядокъ обреченъ на паденіе. Соціалъ-демократія есть гибель демократіи.

По самой своей идеѣ, государство призвано соблюдать равновѣсіе между различными общественными элементами и приводить ихъ къ высшему соглашенію. А для этого оно должно устроить свой собственный организмъ такъ, чтобы въ немъ количество уравновѣшивалось качествомъ. Эта цѣль не достигается господствующими въ общегражданскомъ порядкѣ началами свободы и равенства; перенесенные на политическую область, они даютъ полный перевѣсъ большинству, то-есть, чистому количеству. Мы видѣли, что въ политическомъ порядкѣ къ этимъ началамъ присоединяется требованіе способности. Только давши послѣднему естественно принадлежащее ему мѣсто въ политической жизни, государство достигаетъ устройства сообразнаго съ его идеей и можетъ привести къ соглашенію противоборствующіе общественные элементы.

Но для того, чтобы исполнить эту задачу, для того чтобы установить надлежащее равновѣсіе силъ, государство должно заключать въ себѣ элементъ независимый отъ общества. Этотъ элементъ, представляющій чистое единство государства, дается *монархическимъ началомъ*, которое такимъ образомъ имѣетъ свое законное призваніе не только въ историческомъ прошломъ, но и въ идеальномъ будущемъ. На первыхъ ступеняхъ политическаго развитія оно создаетъ государственное единство и устроиваетъ политическій организмъ, независимый отъ частныхъ интересовъ родовъ или сословій; на высшихъ сту-

пеняхъ, когда единство упрочилось и организмъ получилъ полное развитіе, высшее его призваніе заключается въ томъ, чтобы въ живомъ общеніи съ общественными элементами держать между ними вѣсы и привести ихъ къ гармоническому соглашенію, составляющему конечную цѣль человѣческаго совершенствованія. Это высшее назначеніе монархическаго начала было также указано Штейномъ *).

Таковы исторически развивающіяся отношенія общества къ государству. Изъ этого очерка ясно, что для строго научнаго ихъ опредѣленія необходимо изучить порознь каждый изъ общественныхъ элементовъ, изслѣдовать внутреннюю его природу, его взаимодѣйствіе съ другими и тѣ историческія формы, черезъ которыя онъ проходитъ въ своемъ развитіи. Въ этомъ и состоитъ задача соціологіи. Нечего говорить о томъ, что ничего подобнаго нѣтъ въ соціалистической литературѣ, которая строитъ только фантастическія зданія, лишенныя всякой реальной почвы. Можно сказать, что современный соціализмъ весь построенъ на невѣжествѣ. Недостатокъ знаній замѣняется необузданностью воображенія, которое прикрывается извращенными нравственными понятіями. Не въ немъ можно обрѣсть идеалъ, къ которому стремится человѣчество.

---

*) Die Gesellschaftslehre, стр. 58.

КНИГА ВТОРАЯ.

Природа и люди.

ГЛАВА I.

Страна.

Вліяніе природы на человѣка—давно признанная истина. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, и эти двѣ стороны его естества находятся въ самой тѣсной связи. Разумно-свободное существо рождается и живетъ въ тѣлѣ и только черезъ тѣло можетъ дѣйствовать на внѣшній міръ и на другихъ людей; тѣлесный же организмъ состоитъ въ полной зависимости отъ окружающей среды. Природа оказываетъ непосредственное вліяніе и на самую душу. Человѣкъ развивается подъ вліяніемъ окружающихъ впечатлѣній. Они вызываютъ въ немъ ту или другую дѣятельность, то или другое настроеніе. Иныя впечатлѣнія, а вслѣдствіе того иное развитіе получаются въ области сѣверныхъ тумановъ, подъ жаркимъ небомъ тропиковъ и въ умѣренной полосѣ. Наконецъ, для удовлетворенія физическихъ своихъ потребностей человѣкъ нуждается въ окружающей природѣ. Препятствія, которыя онъ въ ней находитъ, вызываютъ большія или меньшія усилія съ его стороны, а это имѣетъ огромное вліяніе на всю его жизнь, ибо работа составляетъ главный источникъ человѣческаго существованія.

Однако вліяніе природы на человѣка не есть нѣчто непреложное, совершающееся по неизмѣннымъ законамъ. Человѣкъ — существо не только физическое, но и духовное, а духомъ онъ возвышается и властвуетъ надъ тѣломъ. Въ этомъ состоитъ существенное и коренное его отличіе отъ всѣхъ животныхъ, которымъ онъ уподобляется по физическому своему строенію. Духовная жизнь имѣетъ свои законы и свое развитіе, которое состоитъ въ зависимости отъ физической природы, однако далеко не вполнѣ. Внутри себя человѣкъ свободенъ, и въ силу

свободнаго самосознанія онъ способенъ отрѣшаться отъ физическихъ влеченій, воздѣйствовать на нихъ и направлять ихъ къ той или другой цѣли. Какъ свободное существо, онъ можетъ воздѣйствовать и на окружающій міръ. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе въ человѣкѣ развиваются сознаніе и свобода, тѣмъ менѣе онъ состоитъ подъ вліяніемъ физическихъ силъ. Это вліяніе наибольшее въ первобытномъ состояніи, когда все существо человѣка представляетъ еще безразличную цѣльность, когда духъ, можно сказать, весь погруженъ въ физическую стихію. Но съ большимъ и большимъ развитіемъ человѣкъ не только освобождается отъ власти матеріальнаго міра, но онъ покоряетъ себѣ внѣшнюю природу. Онъ обработываетъ землю, уничтожаетъ разстоянія, удовлетворяетъ своимъ потребностямъ произведеніями дальнихъ странъ. Отсюда явленія, которыя съ полною очевидностью доказываютъ независимость человѣка отъ внѣшней обстановки. Живя въ одной и той же странѣ, народъ измѣняетъ свое состояніе и проходитъ черезъ различныя ступени развитія; въ концѣ онъ весьма мало походитъ на то, чѣмъ онъ былъ въ началѣ. Византійскіе Греки вовсе не были похожи на Грековъ временъ Персидскихъ войнъ, а нынѣшніе и того менѣе. Съ другой стороны, народъ, который развивался на одной почвѣ, переходя на другую, сохраняетъ всѣ черты, пріобрѣтенныя въ прежнемъ жилищѣ. Достаточно указать на англосаксонское племя, которое заселило Сѣверную Америку, Австралію и тропическія страны, вездѣ сохраняя основныя черты своего характера.

Изъ этого ясно, что вліяніе природы на человѣка далеко не безусловное. Тѣмъ не менѣе оно весьма существенно. Гдѣ есть взаимнодѣйствіе двухъ силъ, тамъ неизбѣжно оказывается и взаимное вліяніе ихъ другъ на друга, и если одна изъ нихъ окончательно является преобладающею, то все же она сохраняетъ слѣды полученныхъ ею воздѣйствій. Черты первоначальнаго развитія, вполнѣ зависимаго отъ внѣшнихъ условій, удерживаются и въ позднѣйшія эпохи народной жизни; вліяніе природы ослабѣваетъ, но никогда не исчезаетъ совершенно, а выражается во множествѣ разнообразныхъ явленій.

Укажемъ на главные дѣйствующіе факторы. Сюда принадлежатъ строеніе почвы, климатъ и произведенія.

1. Строеніе почвы.

Земля состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: суши и моря. Оба имѣютъ громадное вліяніе на человѣка: одинъ, какъ постоянное его жилище, другой, какъ средство сообщенія. Начнемъ съ перваго.

Сушь представляетъ безконечное разнообразіе строенія. Здѣсь перемѣшиваются горы, долины, равнины, рѣки. Это имѣетъ вліяніе

прежде всего на разселеніе народовъ. Горы раздѣляютъ народы и оказываютъ препятствіе ихъ распространенію. Напротивъ, равнины представляютъ самое удобное условіе для разселенія одного племени. Поэтому малыя племена естественно селятся на небольшихъ пространствахъ, въ долинахъ или прибрежныхъ полосахъ, окруженныхъ горами. Большія племена, напротивъ, стремятся занять обширныя равнины. Если на равнинѣ малое племя встрѣчается съ большимъ, то первое легко поглощается послѣднимъ, тогда какъ среди горъ оно можетъ сохранить свою независимость.

Обыкновенно народы любятъ селиться около рѣкъ, которыя представляютъ имъ удобство сообщеній. Иногда цѣлое государство группируется около теченія одной рѣки, которая оказываетъ вліяніе на весь его бытъ. Таковъ былъ древній Египетъ. Но случается, что два племени, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, стремятся къ рѣкѣ, которая вслѣдствіе этого становится ихъ границею. Широкія рѣки представляютъ не только удобство сообщеній, но и препятствіе. Отсюда двойственный ихъ характеръ. Это различное отношеніе рѣкъ къ примыкающимъ къ нимъ народамъ выразилось особенно ярко въ новѣйшее время въ притязаніяхъ Франціи и Германіи на Рейнъ. Для Франціи онъ представляется естественною границей; для Германіи это – внутренняя рѣка, около которой селится германское племя.

Опредѣляя разселеніе племенъ, строеніе почвы тѣмъ самымъ опредѣляетъ и величину государства. Равнины благопріятствуютъ созданію большихъ государствъ; напротивъ, въ горахъ и долинахъ естественно образуются малыя. А величина государства имѣетъ значительное вліяніе на самое его устройство. Чѣмъ обширнѣе страна, тѣмъ естественно меньше связь между различными ея частями, тѣмъ дальше отъ каждаго совокупные интересы, а потому тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть. Въ малыхъ государствахъ люди почти всѣ знаютъ другъ друга и находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ; здѣсь общіе интересы близки каждому. Это не отвлеченно общіе интересы, а вмѣстѣ и мѣстные, всѣмъ знакомые, которые со всѣхъ сторонъ охватываютъ жизнь. Поэтому малыя государства благопріятствуютъ развитію политической свободы. Есть образы правленія, которые невозможны даже въ большихъ государствахъ; такова непосредственная демократія. Другіе возможны въ большихъ государствахъ только при болѣе или менѣе высокой степени развитія. Таковы республика и конституціонная монархія.

Однако величина государства далеко не всегда опредѣляется строеніемъ почвы. Сюда входятъ другія условія, которыя значительно видоизмѣняютъ вліяніе этого начала, какъ-то: племенное единство, отно-

шенія къ сосѣдямъ, наконецъ степень развитія народа и начала, господствующія въ общественной жизни. Поэтому мы видимъ, что одна и таже страна является то раздѣленною на мелкія области, то соединенною въ одно государство. Примѣры представляютъ Италія, Франція, Россія. Иногда господствующія въ данное время начала общественной жизни ведутъ къ совершено неестественному раздѣленію страны на отдѣльные союзы. Такъ, Россія и Франція, созданныя природою для большихъ государствъ, въ средніе вѣка распадались на мелкія владѣнія вслѣдствіе господства феодализма и удѣльной системы. Но природа обѣихъ странъ значительно содѣйствовала паденію средневѣковыхъ началъ и установленію въ нихъ государственнаго единства.

Строеніе почвы имѣетъ значительное вліяніе и на внутреннюю связь между различными частями государства. Равнины и рѣки способствуютъ этой связи; горы, напротивъ, оказываютъ ей препятствіе. Такъ, горный хребетъ, раздѣляющій южную Германію отъ сѣверной, значительно содѣйствовалъ распаденію нѣмецкаго племени на двѣ части, носящія каждая свой особый характеръ. Еще яснѣе это оказывается въ Австрійской Имперіи, которая перерѣзывается многочисленными горными хребтами. Каждая часть естественно стремится къ самостоятельности, а потому сдержать ихъ вмѣстѣ не легко. Здѣсь образуется множество центровъ мѣстной жизни, которые сохраняютъ свои особенности, а это имѣетъ громадное вліяніе не только на государственное устройство, но и на историческую жизнь и на все развитіе народа.

Существенно при этомъ отношеніе горныхъ частей къ равнинамъ и долинамъ и зависимость первыхъ отъ послѣднихъ. Горы естественно зависятъ отъ долинъ, а послѣднія отъ текущихъ по нимъ рѣкъ. Поэтому горныя части обыкновенно тяготѣютъ къ долинѣ той рѣки, въ которую впадаютъ горные притоки. Такъ, въ Австрійской Имперіи центральное звено государства составляетъ долина Дуная, къ которой тяготѣютъ долины Дунайскихъ притоковъ. Однако главная рѣка, орошающая Богемію, Молдава, впадаетъ въ Эльбу; но послѣдняя прорывается сквозь высокій горный хребетъ, отдѣляющій Богемію отъ Сѣвера, тогда какъ къ долинѣ Дуная эта страна гораздо болѣе открыта. Во Франціи, южная, гористая часть не имѣетъ никакой самостоятельности, но естественно зависитъ отъ обширной сѣверной равнины, которая поэтому и составляетъ главное зерно государства.

Наконецъ, строеніе почвы имѣетъ существенное вліяніе и на самый характеръ жителей. У обитателей горныхъ странъ, вслѣдствіе ихъ обособленія и образа жизни, развивается духъ независимости, любовь къ своей родинѣ, энергія въ преодолѣваніи препятствій; но ря-

домъ съ этимъ является отсутствіе высшихъ интересовъ и упорная привязанность къ стариннымъ обычаямъ, которые мало приходятъ въ столкновеніе съ чуждою жизнью. Горцы способны мужественно отстаивать свою свободу, чему примѣры мы видимъ въ Швейцарцахъ и Черкесахъ; но если природа и исторія поставили ихъ въ зависимость отъ болѣе обширнаго государства, они сохраняютъ непоколебимую привязанность къ власти, завѣщанной преданіемъ, лишь бы она оставляла неприкосновенною ихъ мѣстную жизнь. Примѣромъ могутъ служить Тирольцы, Шотландцы и Баски. Жители равнинъ, напротивъ, не имѣя защиты въ окружающей природѣ, не отдѣленные отъ сосѣдей рѣзкими границами, легче подчиняются общей власти и чуждымъ вліяніямъ. На широкихъ степяхъ, при кочевой жизни, постоянное передвиженіе поддерживаетъ въ нихъ энергію; съ осѣдлостью развиваются, напротивъ, мягкія свойства. Однако и тутъ, на широкомъ раздольѣ, сохраняется удаль, которая исчезаетъ тамъ, гдѣ человѣкъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ. Если равнина такъ обширна, что чуждыя вліянія мало касаются народа, то и въ немъ, также какъ среди горцевъ, упорно держится духъ старины. Равнина представляетъ однообразіе условій, которое ведетъ къ установленію общихъ, неизмѣнныхъ нравовъ; ближайшія столкновенія происходятъ между людьми, живущими подъ одними формами быта, а потому новые элементы заносятся нелегко. Нужно выдвинуться на окраины, чтобы вступить въ живыя сношенія съ сосѣдями и внести въ стоячую жизнь новыя начала. Таковъ былъ удѣлъ Россіи.

Измѣнчивость и подвижность духа развиваются тамъ, гдѣ естественныя условія разнообразны. Различіе впечатлѣній и образа жизни, изъ котораго проистекаютъ различіе нравовъ и многообразіе столкновеній, ведетъ къ постояннымъ нарушеніямъ установленнаго порядка; рождается потребность перемѣнъ, а это, въ свою очередь, ведетъ къ сознательной разработкѣ общихъ началъ, возвышающихся надъ частными формами. Кромѣ того, страна, представляющая въ себѣ разнообразіе горъ и равнинъ, содержитъ множество мѣстныхъ центровъ, изъ которыхъ каждый стремится къ сохраненію своей самостоятельности, а это естественно развиваетъ въ жителяхъ чувство права и свободы. Исторія принимаетъ иной оборотъ, когда она исходитъ изъ одной точки или изъ многихъ. Стòитъ вспомнить значеніе въ Западной Европѣ феодализма и ту опору, которую онъ находилъ въ почвѣ, усѣянной горами и скалами. На однообразной равнинѣ такіе центры не могутъ образоваться; они легко поддаются объединяющей власти.

Но еще большее вліяніе на подвижность духа имѣютъ постоянныя сношенія съ другими народами. Сухопутныя сообщенія проис-

ходятъ черезъ рѣки, равнины и горные проходы. Они опредѣляются строеніемъ почвы, отъ котораго зависитъ самое разселеніе и движеніе народовъ. Въ этомъ отношеніи поучительный контрастъ представляютъ Европа и Азія. Въ серединѣ азіатскаго материка воздвигается плоская возвышенность, трудно доступная человѣческимъ сношеніямъ. Она раздѣляетъ прибрежныхъ жителей и обрекаетъ ихъ на одиночество, особенно въ восточной половинѣ, ибо западная находится въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Европою. Эта плоская возвышенность средней Азіи издавна служила центромъ, откуда происходило движеніе народовъ. Кочующія орды сходили на прибрежныя низменности и покоряли ихъ. Средняя Европа, напротивъ, представляетъ сношенія весьма удобныя. Изъ Азіи народы двигались черезъ Кавказскіе проходы, по южной Россіи и наконецъ по Дунаю, откуда они могли свободно распространяться всюду. Европейскій материкъ представляетъ открытое поприще для народныхъ движеній, для борьбы, для смѣшенія племенъ. Послѣдствіемъ этого строенія являются высшее развитіе и сложная общественная жизнь. Вліяніе этихъ условій видоизмѣняется впрочемъ свойствами страны: представляетъ ли она пустынныя равнины, способствующія передвиженію, какъ южно-русскія степи, или мѣста, удобныя для поселенія, какъ Западная Европа. Существенное значеніе имѣетъ и большая или меньшая близость къ всемірнымъ путямъ. Страна, удаленная отъ поприща народовъ, сохраняетъ свою независимость и свои особенности; она менѣе поддается общему движенію. Напротивъ, та, которая лежитъ на общемъ пути и открыта сосѣдямъ, естественно представляетъ большее смѣшеніе племенъ, сохраняетъ менѣе характеристическихъ особенностей и скорѣе идетъ къ высшему развитію. Какъ примѣры перваго, можно указать на Испанію и Скандинавію, примѣры втораго представляютъ Германія и Франція.

Но еще большее, можетъ-быть, вліяніе на международныя сношенія имѣетъ другой элементъ—море. Значеніе его для человѣческой жизни двоякое. Съ одной стороны, оно отдѣляетъ народъ отъ другихъ и служитъ ему средствомъ защиты. Съ другой стороны, оно представляетъ удобный путь для сношеній съ самыми дальними странами. Но пользованіе этимъ путемъ требуетъ энергіи и предпріимчивости, вслѣдствіе чего эти качества вызываются въ людяхъ близостью моря.

Болѣе всего это вліяніе отражается на жителяхъ острововъ. Легкость защиты даетъ имъ возможность обратить главное свое вниманіе на внутреннее устройство и установить его на прочныхъ основахъ. Этому способствуетъ и то, что острова рѣдко имѣютъ большое про-

тяженіе. Близость и однородность элементовъ, при отдѣленіи отъ другихъ, представляютъ самыя благопріятныя условія для того, чтобы общество могло сплотиться и удержать свои особенности. Но самая эта замкнутость придастъ жителямъ острововъ нѣкоторую узкость взглядовъ и духъ исключительности. Въ соединеніи съ привязанностью къ преданіямъ и съ стремленіемъ къ владычеству, это ведетъ къ господству аристократіи. Таковы были въ древности Критъ, а въ новое время Венеція и Англія. Стремленіе къ владычеству вытекаетъ изъ развивающихся у островитянъ предпріимчивости и энергіи. Они являются колонизаторами и покоряютъ другія прибрежныя страны. Вышеозначенныя государства представляютъ тому примѣры. Иногда широкое владычество установляется даже при весьма незначительномъ населеніи, что мы и видимъ въ Венеціи. Но нужно, чтобы этому благопріятствовали другія условія. Торговое и политическое значеніе острововъ находится въ зависимости отъ ихъ географическаго положенія относительно торговыхъ путей, отъ удобства гаваней, отъ сосѣдства соперниковъ.

Тоже вліяніе моря отражается и на жителяхъ полуострововъ, хотя въ меньшей степени, ибо послѣдніе, примыкая къ материку, подвержены дѣйствію господствующихъ на немъ элементовъ. Полуострова менѣе защищены отъ внѣшнихъ нападеній. Въ этомъ отношеніи весьма важную роль играютъ границы полуострова относительно материка: остается ли онъ открытымъ или отдѣляется отъ материка трудно проходимою цѣпью горъ или узкимъ перешейкомъ. Примѣры того и другого мы можемъ видѣть въ древней Греціи. Аттика была совершенно открыта со стороны материка, и это имѣло огромное вліяніе на ея судьбы и на внутреннее ея устройство. Черезъ это она подвергалась нападеніямъ Персовъ, Спартанцевъ и наконецъ пала въ борьбѣ съ Филиппомъ Македонскимъ. Удобство сношеній, морскихъ и сухопутныхъ, вызывало безпрерывныя столкновенія съ другими народами, а вслѣдствіе того подвижность духа, которая вела къ установленію демократіи. Морея, напротивъ, отдѣленная отъ материка узкимъ перешейкомъ, послѣ нашествія Дорійцевъ вовсе не подвергалась чужеземнымъ вторженіямъ. Вслѣдствіе этого, Спарта такъ долго оставалась замкнутою въ себѣ и сохраняла свой древній бытъ. Другой примѣръ различнаго вліянія географическаго положенія на судьбы полуострова мы можемъ видѣть въ Италіи и Испаніи. Обѣ отдѣляются отъ материка горными цѣпями. Но Пиренеи гораздо менѣе удобны для перехода, нежели Альпы; притомъ Испанія лежитъ на самомъ краю европейскаго материка, тогда какъ Италія примыкаетъ къ срединѣ. Вслѣдствіе этого, первая гораздо менѣе подвергалась чужеземнымъ

вліяніямъ и явилась какъ бы оторванною отъ общей европейской жизни. Послѣдняя, напротивъ, была постояннымъ поприщемъ для борьбы сосѣдей.

Весьма важное значеніе имѣетъ самая форма полуострова и отношеніе земли къ берегамъ. Изрѣзанная береговая линія, имѣющая длинное протяженіе, глубокія бухты, удобныя гавани, вызываетъ народъ къ мореходству и уменьшаетъ условія для внутренняго единства страны, тогда какъ болѣе сплошная масса материка, съ меньшею и менѣе удобною линіей береговъ, даетъ странѣ болѣе континентальный характеръ. Послѣдній преобладаетъ, напримѣръ, въ Испаніи, гдѣ народъ, не смотря на приморское положеніе, не отличается особенною наклонностью къ мореплаванію. Напротивъ, глубоко нарѣзанныя формы греческаго полуострова вызывали то разнообразіе общественной жизни, которое мы видимъ въ древней Греціи. Удлиненная Италія представляетъ менѣе естественныхъ условій для внутренняго единства, нежели сплоченная Испанія, а потому политическое единство установилось въ ней съ несравненно большимъ трудомъ.

Въ такомъ же положеніи, какъ населеніе полуострововъ, находятся вообще прибрежные жители. Какъ скоро прибрежная страна имѣетъ возможность отдѣлиться отъ окружающаго материка, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ удобства для морскихъ сношеній, такъ она естественно стремится къ самостоятельности. Такими границами служатъ въ особенности цѣпи горъ, чему примѣръ представляютъ древняя Финикія, Португалія, Норвегія. Но тоже дѣйствіе могутъ имѣть и другія условія. Голландія, напримѣръ, защищена отъ нападеній своимъ низменнымъ положеніемъ и возможностью затопить страну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, борьба съ природою вызывала въ жителяхъ трудолюбіе и энергію. Все это вмѣстѣ дало этой маленькой странѣ возможность отражать нападенія гораздо сильнѣйшихъ враговъ и играть всемірно-историческую роль.

Изъ всего этого ясно, какое важное значеніе имѣютъ берега моря въ историческихъ судьбахъ государствъ. Большее или меньшее протяженіе береговъ даетъ иногда совершенно противоположный характеръ странамъ во многомъ между собою сходнымъ. Это мы можемъ видѣть изъ сравненія Россіи съ Сѣверною Америкой. Обѣ страны представляютъ обширныя, богатыя равнины. Но въ Америкѣ прибрежные жители распространились на равнину; въ Россіи, напротивъ, жители равнины, послѣ долгихъ усилій, завоевали себѣ наконецъ небольшія прибрежныя пространства. Оттого въ Американцахъ является вся предпріимчивость жителей береговъ, въ Русскихъ вся податливость жителей равнинъ. Въ Америкѣ установились мелкія республики, свя-

занныя федеративною связью, въ Россіи обширное государство, управляемое самодержавною властью.

Такимъ образомъ, строеніе почвы и характеръ суши и моря опредѣляютъ отношенія, какъ различныхъ государствъ другъ къ другу, такъ и отдѣльныхъ частей государства между собой. Физическія условія соединяютъ или раздѣляютъ людей, вызываютъ въ нихъ ту или другую дѣятельность, а это налагаетъ извѣстную печать на характеръ и развитіе народа, а вслѣдствіе того и на самое государственное устройство. Мы видѣли, что внутренняя связь общества составляетъ условіе свободы и что, напротивъ, разъединеніе влечетъ за собой сосредоточеніе власти. Такое же вліяніе оказываетъ и потребность защиты отъ внѣшнихъ нападеній. Необходимость держать всегда большое постоянное войско ведетъ къ сосредоточенію власти. И то и другое находится въ тѣсной зависимости отъ географическаго положенія страны и отъ строенія почвы. Но, конечно, это только одно изъ условій, дающихъ извѣстное направленіе общественному развитію. Къ этому присоединяются другія, несравненно важнѣйшія.

2. Климатъ.

Вліяніе климата на общественный и государственный бытъ давно обратило на себя вниманіе публицистовъ. Аристотель, Боденъ, Монтескье развивали свои мысли по этому поводу. Нельзя однако сказать, чтобы наука въ этомъ отношеніи пришла къ какимъ-либо точнымъ выводамъ. Едва ли даже таковые могутъ быть добыты, ибо климатъ составляетъ только одно изъ многообразныхъ условій, вліяющихъ на общественный бытъ; слѣдовательно, всегда можетъ быть множество обстоятельствъ, видоизмѣняющихъ его дѣйствіе.

Климатъ безспорно имѣетъ вліяніе на физическій организмъ, а черезъ это и на духовную сторону человѣка. Въ этомъ отношеніи, существенно различіе холодныхъ и жаркихъ странъ. Жаркій климатъ развиваетъ въ человѣкѣ впечатлительность и силу физическихъ влеченій, а вслѣдствіе того и силу страстей. Оба эти свойства дѣйствуютъ въ одномъ направленіи: они обращаютъ вниманіе человѣка на внѣшній міръ. Впечатлительность, дѣлая умъ открытымъ для внѣшнихъ явленій, тѣмъ самымъ способствуетъ и болѣе быстрому развитію умственныхъ способностей; но это развитіе имѣетъ предѣлъ. Жаркій климатъ не содѣйствуетъ сосредоточенности и созданію внутренняго міра. Человѣкъ принадлежитъ здѣсь болѣе физической природѣ, нежели своему духовному естеству. Если онъ и погружается въ себя, какъ индѣйскіе факиры, то это погруженіе есть уничтоженіе соб-

ственной личности въ безграничной охватывающей ее стихіи. А такъ какъ внутреннее развитіе личности составляетъ первое условіе свободы, то человѣкъ въ жаркихъ климатахъ вообще мало способенъ къ свободѣ. Холодный климатъ, напротивъ, когда онъ не достигаетъ тѣхъ крайностей, которыя уничтожаютъ всякую возможность ему противодѣйствовать, уменьшая въ человѣкѣ впечатлительность и страстность, вызываетъ въ немъ сосредоточенность: онъ обращается внутрь себя.. Черезъ это духовныя силы, проистекающія изъ личной природы человѣка, получаютъ полное развитіе. Поэтому жители Сѣвера или, скорѣе, умѣренно-холодныхъ странъ болѣе способны къ свободѣ.

Къ тому же результату приводитъ и сила страстей. Чѣмъ сильнѣе страсти, тѣмъ необходимѣе внѣшняя сдержка, а потому тѣмъ сильнѣе должна быть власть. Сила страстей имѣетъ огромное вліяніе и на семейный бытъ, который, въ свою очередь, воздѣйствуетъ на государство. На Югѣ физическій организмъ требуетъ бо́льшаго половаго удовлетворенія, нежели на Сѣверѣ. Оттого здѣсь естественно устанавливается многоженство, тогда какъ на Сѣверѣ исконн существовало единобрачіе. Этому способствуетъ и то, что на Югѣ женщина ранѣе развивается и ранѣе увядаетъ. Она лишается своей внѣшней прелести въ ту пору, когда высшее развитіе разума еще не дѣлаетъ ее способною нравственно дѣйствовать на мужчину. На Сѣверѣ, напротивъ, женщина самою природою предназначена быть для мужа товарищемъ всей жизни.

Климатъ дѣйствуетъ не только на физическія силы и влеченія человѣка, но также и на потребности и на работу. На Сѣверѣ рождаются потребности, которыхъ нѣтъ на Югѣ. Человѣкъ принужденъ ограждать *себя* отъ внѣшнихъ невзгодъ; онъ долженъ устроить себѣ домашній очагъ и проводить бо́льшую часть жизни внутри дома. А въ домашнемъ мірѣ онъ самъ является устроителемъ и хозяиномъ; онъ дѣйствуетъ свободно. На Югѣ этихъ потребностей нѣтъ; человѣкъ можетъ большую часть жизни проводить на дворѣ, подъ открытымъ небомъ или подъ ничтожнымъ покровомъ, наслаждаясь тѣмъ, что ему дается извнѣ. Относительно удовлетворенія своихъ потребностей, онъ состоитъ въ большей зависимости отъ внѣшняго міра, нежели отъ своей свободы. Зато на Югѣ требуется и строгое подчиненіе человѣка окружающей его природѣ. Для избѣжанія вреднаго дѣйствія жаркаго климата онъ долженъ подвергаться разнообразнымъ и неизмѣннымъ правиламъ жизни. Отсюда тѣ мелочныя предписанія, которыми изобилуютъ восточныя религіи.

Это различіе потребностей имѣетъ вліяніе и на работу. На Югѣ не нужно много трудиться, ибо природа даетъ все въ изобиліи. Здѣсь

человѣка можетъ заставить работать не стремленіе къ личному удовлетворенію, а единственно внѣшняя сила. Оттого на Югѣ такъ легко установляется рабство. Иногда оно представляется даже необходимостью. Свободный Европеецъ не выноситъ работы на южныхъ плантаціяхъ, подъ палящимъ солнцемъ; на это требуются Негры, а ихъ нужно силою привезти и заставить работать. На Сѣверѣ, напротивъ, все вызываетъ человѣческій трудъ: на каждомъ шагу нужно бороться съ препятствіями; человѣкъ не можетъ достигнуть ничего, иначе какъ посредствомъ неутомимой работы, а это развиваетъ въ немъ энергію и постоянство. Но и тутъ можетъ быть крайность. Сила труда вызывается только тогда, когда препятствія не слишкомъ громадны, и есть надежда на успѣхъ. Даже при довольно умѣренномъ холодѣ, условія могутъ быть таковы, что они дѣйствуютъ неблагопріятно на постоянство работы. Въ Россіи, напримѣръ, земледѣлецъ почти половину года принужденъ оставаться въ относительномъ бездѣйствіи, а это естественно развиваетъ лѣнь. Когда препятствія слишкомъ велики, когда природа подавляетъ человѣка, тогда дѣйствіе сѣвернаго климата становится одинаковымъ съ дѣйствіемъ южнаго. Оно парализуетъ личную самодѣятельность и пріучаетъ человѣка безропотно подчиняться внѣшнимъ вліяніямъ, стойко перенося всѣ невзгоды и довольствуясь самыми скудными средствами существованія. Отсюда рождается склонность подчиняться внѣшней власти. Свобода развивается только тамъ, гдѣ человѣкъ, въ борьбѣ съ внѣшнею природой, можетъ ее преодолѣть и покорить ее своимъ цѣлямъ. Очевидно, что на различныхъ ступеняхъ развитія эти вліянія дѣйствуютъ съ различною силой. Чѣмъ выше поднимается человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ дѣлается способнымъ подчинить себѣ природу, и тѣмъ болѣе самъ онъ становится способнымъ пользоваться свободою.

Климатъ имѣетъ вліяніе и на общежитіе. Въ жаркомъ климатѣ люди мало сходятся, потому что зной удерживаетъ ихъ дома и препятствуетъ передвиженію. Такое же дѣйствіе имѣетъ и холодъ. Напротивъ, общественность развивается въ умѣренныхъ климатахъ, гдѣ сношенія легче. А легкость и удобство сношеній установляютъ въ обществѣ внутреннюю связь, составляющую условіе высшаго развитія.

Изъ всего этого ясно, какое огромное вліяніе имѣетъ климатъ и на свойства народовъ и на условія жизни, а вслѣдствіе того и на государственный бытъ. Крайности жара и холода вредно дѣйствуютъ на человѣка. Слишкомъ сильный холодъ притупляетъ его способности, парализуетъ его энергію, разобщаетъ его съ другими и дѣлаетъ невозможнымъ правильное развитіе жизни. Подъ сѣверными льдами нѣтъ государствъ. Крайность жара, напротивъ, при благопріятныхъ условіяхъ,

первоначально даетъ человѣку нѣкоторое развитіе, но окончательно оно также притупляетъ умственныя способности, дѣлаетъ человѣка неподвижнымъ и заставляетъ его безропотно покоряться всевластнымъ вліяніямъ физическихъ силъ. Отсюда подчиненіе деспотической власти и господство теократіи. Свобода скорѣе всего развивается въ климатахъ умѣренныхъ, гдѣ человѣческая энергія вызывается борьбою съ окружающею природою. Здѣсь развитіе происходитъ, хотя медленно, но прочнѣе. Однако и тутъ перевѣсъ холода или тепла налагаетъ свою печать на общественную жизнь. Первый задерживаетъ развитіе, а второе препятствуетъ внутренней сосредоточенности. Древняя исторія вся протекла у прибрежья Средиземнаго моря; новая исторія, съ ея широкимъ развитіемъ внутренней жизни и личной свободы, перемѣстила свой центръ въ болѣе сѣверныя страны.

Но, какъ уже сказано выше, вліяніе климата, также какъ и другихъ естественныхъ условій, не имѣетъ абсолютнаго значенія. Человѣкъ первоначально развивается подъ этими вліяніями, которыя и въ позднѣйшую эпоху оставляютъ на немъ свои слѣды; но достигши извѣстной степени развитія, онъ уже господствуетъ надъ природою. Конечно, есть условія, которыя онъ не въ силахъ преодолѣть; подъ полярными льдами никакой общественный бытъ немыслимъ. Но вездѣ, гдѣ естественныя силы могутъ быть покорены, человѣкъ обращаетъ ихъ на свою пользу и устраняетъ тѣ препятствія, которыя полагаются его дѣятельности. Пришедши къ самосознанію, онъ уже не подчиняется дѣйствію климата. Сѣверный житель, переселившись на Югъ, остается сѣвернымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, отрѣшаясь отъ внѣшнихъ вліяній, человѣкъ воздѣйствуетъ на самого себя. Этимъ измѣняются самыя его свойства. Новыя потребности и высшее развитіе вызываютъ такія стороны характера, которыя прежде были заглушены. Человѣкъ не осужденъ вѣчно и неизмѣнно оставаться на извѣстной ступени, на которую обрекаютъ его окружающія силы природы. Господствуя надъ ними, онъ преобразуетъ и самого себя.

3. Произведенія.

Произведенія почвы имѣютъ не меньшее вліяніе на общественный бытъ, нежели ея строеніе и климатъ. Ими опредѣляются богатство и бѣдность страны, а отъ этого зависятъ, какъ матеріальныя средства государства, такъ и благосостояніе народа. Но и тутъ избытокъ имѣетъ такое же вредное дѣйствіе, какъ и недостатокъ. Излишнее богатство естественныхъ произведеній избавляетъ человѣка отъ труда, а потому не вызываетъ въ немъ личной энергіи, составляющей источникъ всякаго развитія. Примѣромъ могутъ служить тропическія стра-

ны. Съ другой стороны, даже бѣдная страна, при выгодномъ положеніи, можетъ посредствомъ торговли достигнуть высокаго развитія. Такова была древняя Финикія.

Произведенія почвы опредѣляютъ и самое направленіе промышленности. Сѣверные лѣса, изобилующіе пушными звѣрями, естественно вызываютъ занятіе охотой, степи скотоводство, плодородныя равнины земледѣліе, желѣзныя руды и копи каменнаго угля доставляютъ средства для фабрикъ. А направленіе промышленности, въ свою очередь, имѣетъ вліяніе на образъ жизни и характеръ народа, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на весь его общественный бытъ. Въ странахъ, гдѣ главные промыслы суть охота и скотоводство, общество стоитъ на низкой ступени развитія; жители степей естественно предаются кочеванію. Земледѣльческій народъ имѣетъ совершенно иной характеръ, нежели промышленный и торговый; самое государство строится иначе у перваго, нежели у послѣдняго. Мы возвратимся къ этому ниже, когда будемъ говорить о вліяніи экономическаго быта на общественное устройство.

Иногда извѣстнымъ произведеніемъ опредѣляется самая судьба страны. Золотыя розсыпи Калифорніи, привлекая туда сбродное населеніе, вызвали тѣ общественныя явленія, которыя обыкновенно сопровождаютъ владычество неустроенной массы. Однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ исторіи южныхъ штатовъ Сѣверной Америки было распространенное въ нихъ воздѣлываніе хлопка. Европейскій рабочій былъ къ этому непригоденъ; потребовались Негры, а съ Неграми водворилось рабство, которое положило рѣзкое различіе между сѣверными штатами и южными и окончательно повело къ междоусобной войнѣ и къ покоренію Юга. Даже и теперь, послѣ освобожденія Негровъ, присутствіе ихъ въ южныхъ штатахъ полагаетъ почти неодолимое препятствіе всякому правильному порядку. Политическое господство бѣлыхъ можетъ держаться только организованною системой насилія и подлоговъ.

Произведенія страны имѣютъ значеніе и какъ матеріалъ для сооруженій. Въ краю, изобилующемъ камнемъ, легче сдѣлать удобныя дороги, нежели тамъ, гдѣ его нѣтъ. А пути сообщенія важны, какъ связь страны, что, какъ мы видѣли, имѣетъ существенное вліяніе не только на общественный, но и на государственный бытъ. Камень даетъ матеріалъ и для крѣпостей. Съ развитіемъ техники этотъ матеріалъ замѣняется кирпичемъ и земляными работами; государство, располагающее значительными средствами, всегда можетъ добыть то, что ему нужно. Но при низкой степени общественнаго развитія обиліе матеріала, дающаго средства для защиты,

играетъ важную роль. Тѣ безчисленныя крѣпости, которыми была усѣяна Западная Европа въ средніе вѣка, не могли возникнуть у насъ; деревянные остроги далеко не способны были ихъ замѣнить. Подъ защитою этихъ крѣпостей развились на Западѣ феодализмъ и городовой бытъ, которые имѣли такое громадное вліяніе на всю исторію Запада. Въ Россіи, напротивъ, отсутствіе камня было однимъ изъ условій, объясняющихъ недостатокъ въ ней мѣстныхъ центровъ.

Какъ матеріалъ для построекъ, камень имѣетъ еще иное значеніе. Деревянныя жилища и памятники исчезаютъ скоро; каменные вѣчны. А этимъ опредѣляется то наслѣдіе, которое новыя поколѣнія получаютъ отъ своихъ предшественниковъ, а вмѣстѣ отношенія ихъ другъ къ другу. На Западѣ, народная старина всюду говоритъ позднѣйшимъ поколѣніямъ; у насъ она исчезаетъ почти безъ слѣда. Тамъ, гдѣ нѣкогда существовали значительные города, княжескіе столы, нынѣ виднѣются однѣ деревушки. Поэтому, какъ скоро мы, Русскіе, выходимъ изъ безсознательнаго погруженія въ окружающую среду, мы легко отрѣшаемся отъ всякихъ преданій. Вѣковыхъ памятниковъ домашняго быта у насъ почти не существуетъ.

Различіе произведеній имѣетъ вліяніе и на взаимное отношеніе различныхъ частей государства. Горныя части относительно своего продовольствія зависятъ отъ равнинъ, фабричныя полосы отъ земледѣльческихъ. Наоборотъ, послѣднія находятъ въ первыхъ сбытъ своихъ произведеній и въ свою очередь покупаютъ у нихъ то, чего имъ недостаетъ. Эта взаимная зависимость частей составляетъ внутреннюю ихъ связь; каждая необходима для восполненія другой, и совокупность ихъ образуетъ единое государство. Такъ, въ Россіи земледѣльческая полоса нуждается въ промышленной для всѣхъ жизненныхъ удобствъ, а послѣдняя нуждается въ земледѣльческой для своего пропитанія. Но съ другой стороны, различіе произведеній порождаетъ различіе интересовъ, а вслѣдствіе того столкновенія и даже вражду. Такъ напримѣръ, сѣверные, фабричные штаты Сѣверной Америки стоятъ за покровительственный тарифъ; напротивъ, интересы южныхъ, земледѣльческихъ штатовъ требуютъ свободной торговли. Эта противоположность интересовъ не мало содѣйствовала разрыву. Побѣда Сѣвера повела къ усиленію покровительственной системы.

Такую же роль играютъ и колоніи: съ одной стороны, онѣ служатъ мѣстомъ сбыта для произведеній метрополіи; съ другой стороны, собственныя ихъ произведенія удовлетворяютъ потребностямъ послѣдней, а взаимный обмѣнъ, развивая торговлю, служитъ новымъ источникомъ народнаго богатства. Колоніальная политика въ значительной степени опредѣляется различіемъ произведеній.

Наконецъ, это различіе является весьма важнымъ факторомъ и въ международныхъ сношеніяхъ. Потребность чужихъ произведеній устанавляетъ болѣе или менѣе тѣсную связь и зависимость государствъ другъ отъ друга, а это имѣетъ громадное вліяніе на весь внутренній бытъ и на самое государственное устройство. Замкнутое, себѣ довлѣющее государство не только не есть идеалъ общественнаго быта, а, напротивъ, осуждено стоять на низкой ступени развитія; оно остается въ сторонѣ отъ исторической жизни. Взаимныя потребности сближаютъ людей и установляютъ между ними живое общеніе, которое ведетъ къ матеріальному и духовному совершенствованію. Живой примѣръ такого замкнутаго государства представляетъ Китай. Но и здѣсь потребность чужихъ произведеній открыла въ него путь чужестраннымъ элементамъ. Торговля опіумомъ сдѣлала его доступнымъ для иноземцевъ. Среди образованныхъ народовъ эта взаимная зависимость, выражающаяся въ торговыхъ оборотахъ, достигаетъ весьма высокой степени развитія. Чѣмъ живѣе обороты, тѣмъ тѣснѣе взаимная связь и тѣмъ выше общее развитіе, какъ матеріальное, такъ и духовное. Конечно, государство не можетъ ставить себя въ зависимость отъ другихъ относительно предметовъ необходимыхъ для его защиты, напримѣръ пороха или оружія. Но стараться дорого производить у себя то, что можно купить дешево у другихъ, служитъ признакомъ весьма недальновидной политики.

Въ этомъ взаимномъ обмѣнѣ существенную роль играютъ не одни произведенія природы, но еще болѣе произведенія человѣка. Природа страны даетъ только матеріалъ для дѣятельности; пользованіе этимъ матеріаломъ всецѣло зависитъ отъ человѣка. Сообразуясь съ условіями, среди которыхъ онъ живетъ, онъ обращаетъ ихъ на удовлетвореніе своихъ потребностей. Онъ покоряетъ природу своимъ цѣлямъ и воздвигаетъ надъ нею свой собственный міръ, въ которомъ онъ является опредѣляющимъ началомъ. Поэтому, въ устройствѣ общественнаго быта гораздо важнѣйшую роль, нежели природа, играютъ свойства живущихъ въ ней людей.

ГЛАВА II.

Народонаселеніе.

Народонаселеніемъ называется народъ, заселяющій страну.

Мы видѣли *), что слово *народъ* принимается въ двоякомъ смыслѣ: юридическомъ и этнографическомъ. Въ первомъ отношеніи оно опять

*) Часть I, стр. 4.

имѣетъ двоякое значеніе: какъ единое, организованное цѣлое, народъ образуетъ государство; какъ собраніе лицъ, онъ представляетъ совокупность гражданъ. Мы видѣли также *), что юридическое значеніе не совпадаетъ съ этнографическимъ: государство можетъ состоять изъ разныхъ народностей, и одна и таже народность можетъ входить въ составъ разныхъ государствъ. Тѣмъ не менѣе, народъ въ этнографическомъ смыслѣ, какъ собраніе лицъ, связанныхъ общимъ происхожденіемъ и общею духовною жизнью, является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, какъ общественнаго, такъ и государственнаго быта. Существо и свойства этого фактора, въ связи съ занимаемымъ имъ пространствомъ земли, подлежатъ здѣсь нашему разсмотрѣнію.

Относительно народонаселенія, существенное значеніе имѣютъ: 1) его количество; 2) его качество.

Количество народонаселенія составляетъ первое основаніе государственной силы: оно даетъ и денежныя средства и войско. Однако это правило далеко не безусловное. Количество можетъ замѣняться качествомъ. Исторія представляетъ не одинъ примѣръ большихъ государствъ, которыя разбивались о сопротивленіе малыхъ. Достаточно указать на борьбу Грековъ съ Персами, Нидерландовъ съ Испаніей, Швейцарцевъ съ Австріей и Бургундіей. Въ древности, величайшую всемірно-историческую роль играли малые народы: Аѳиняне, Спартанцы, Римляне. Подобныя явленія представляютъ намъ и средневѣковыя города—Венеція, Флоренція. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ то время историческія условія благопріятствовали выдающейся роли малыхъ государствъ. И классическая древность и средніе вѣка представляютъ эпохи преобладанія дробныхъ общественныхъ союзовъ, первая племенныхъ, вторые городовыхъ и феодальныхъ. Греки приходили въ столкновеніе съ громадными силами Персовъ, но послѣдніе далеко не стояли на одинаковой съ ними степени развитія и не имѣли ни того внутренняго, племеннаго единства, ни въ особенности той личной энергіи, которыми отличались первые. Римляне изъ одной точки завоевали цѣлый міръ; но они дѣлали это постепенно, мало по малу расширяя свои предѣлы и пріобщая къ себѣ покоренные народы. Новое время, напротивъ, благопріятствуетъ развитію большихъ государствъ. Уравнивая условія жизни и подчиняя историческіе народы совокупному процессу развитія, оно даетъ перевѣсъ большему количеству надъ меньшимъ. При столкновеніяхъ побѣждаетъ тотъ, кто въ состояніи выставить больше войска и обладаетъ бо́льшими денежными средствами. Самыя условія образованной жизни,

*) Тамъ же, стр. 81.

доставляя всевозможныя удобства побѣдителю, какъ будто дѣлаютъ народъ менѣе способнымъ сопротивляться внѣшней силѣ. Это ясно выразилось въ Наполеоновскихъ войнахъ. Величайшій полководецъ новаго времени встрѣтилъ упорное сопротивленіе только въ Испаніи и въ Россіи, которыя безспорно стояли ниже другихъ по образованію. Съ тѣхъ поръ условія, благопріятствующія дѣйствію массъ, еще увеличились. Въ настоящее время, весь расчетъ войны состоитъ въ томъ, чтобы въ возможно короткій срокъ бросить на сосѣда наибольшее количество войска. Немудрено, что въ видахъ защиты мелкія государства стремятся соединиться въ болѣе крупныя единицы. Первенствующую историческую роль играютъ нынѣ большія государства.

Но если количество народонаселенія составляетъ главную основу государственной силы, то оно далеко не такъ выгодно дѣйствуетъ на внутреннее благоустройство. Чѣмъ больше народонаселеніе, чѣмъ шире пространство, имъ занимаемое, тѣмъ разнообразнѣе условія, въ которыя оно поставлено и тѣмъ труднѣе связать его воедино. Древнія государства, въ которыхъ политическій союзъ не отдѣлялся еще отъ гражданскаго, и которыя поэтому представляли организацію, обнимающую всѣ стороны жизни, могли устроиться только въ малыхъ размѣрахъ, при внутренно сплоченномъ населеніи. Для самобытнаго политическаго существованія требовалось только, чтобы народъ имѣлъ достаточно собственныхъ средствъ пропитанія и не нуждался въ чужой помощи. Преобладающая форма древнихъ республикъ, непосредственная демократія, немыслима даже иначе, какъ при весьма небольшомъ количествѣ гражданъ, которые всѣ могли собраться на площадь. Кромѣ собственно гражданъ, населеніе состояло изъ метойковъ и рабовъ; но именно умноженіе этихъ стороннихъ элементовъ грозило опасностью внутреннему строю. Оно повело къ паденію древнихъ республикъ.

Въ новыхъ государствахъ, большое народонаселеніе не представляетъ тѣхъ невыгодъ, какъ въ древности. Здѣсь не требуется полное общеніе нравовъ и жизни. Участіе въ политическихъ правахъ не влечетъ за собою непосредственнаго участія каждаго гражданина въ законодательномъ собраніи. Съ отдѣленіемъ гражданской области отъ политической, частная жизнь предоставляется свободѣ, а въ государственномъ устройствѣ установляется начало представительства. При этихъ двухъ условіяхъ возможно соединеніе въ большихъ государствахъ единства и свободы. Однако и здѣсь количество народонаселенія представляетъ препятствіе внутреннему единству. Труднѣе устроить государство со ста милліонами жителей, нежели съ тридцатью. Первое, имѣя менѣе внутренней связи, требуетъ болѣе сосредоточенной власти.

Важно и отношеніе народонаселенія къ занимаемому имъ пространству. Чѣмъ тѣснѣе народонаселеніе, тѣмъ, разумѣется, живѣе взаимныя сношенія, тѣмъ крѣпче внутренняя связь элементовъ, а вслѣдствіе того тѣмъ выше развитіе. Рѣдкое населеніе неизбѣжно стоитъ на низкой ступени. Обладая меньшею внутреннею связью, оно менѣе способно къ совокупному дѣйствію, а потому требуетъ болѣе сосредоточенной власти. Это отношеніе имѣетъ существенную важность не только въ вопросахъ политическихъ, но и въ административныхъ, напримѣръ, въ политикѣ переселеній. Когда, напримѣръ, при громадныхъ пространствахъ и рѣдкомъ населеніи Россіи, считаютъ нужнымъ всякими искусственными мѣрами большую или меньшую его часть выселить въ Сибирь, то это значитъ обрекать Россію на застой.

Новѣйшія изобрѣтенія уменьшаютъ однако это зло. Желѣзныя дороги и телеграфъ, если не уничтожаютъ, то значительно сокращаютъ разстоянія; отдаленные края становятся другъ другу близкими. Через это въ обществѣ установляется та живая внутренняя связь, которая безъ того невозможна, а съ тѣмъ вмѣстѣ водворяются условія высшаго развитія. Но и при этихъ условіяхъ, рѣдкое населеніе остается существеннымъ препятствіемъ успѣхамъ общественной жизни. Желѣзныя дороги не могутъ проникать всюду; онѣ составляютъ только главныя артеріи, связывающія страну; мѣстная же жизнь коснѣетъ въ первобытныхъ отношеніяхъ, уничтожающихъ всякую возможность живаго общенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и постоянной связи людей. Это мы и видимъ у себя.

Съ другой стороны, тѣсное народонаселеніе имѣетъ свои весьма крупныя невыгоды. Средства пропитанія, которыя доставляетъ страна, могутъ быть недостаточны, и тогда образуется пролетаріатъ, со всѣми сопровождающими его бѣдствіями. Въ такихъ случаяхъ единственнымъ исходомъ остается переселеніе. Къ этому и прибѣгло англійское правительство относительно Ирландіи послѣ голода 1847 года.

Существенная задача состоитъ въ томъ, чтобы средства пропитанія возрастали не только соразмѣрно съ количествомъ народонаселенія, но еще въ высшей степени, ибо только при этомъ возможно движеніе впередъ. Пока народонаселеніе рѣдко и необработанныхъ пространствъ много, эта соразмѣрность установляется легко. Вновь прибывающія руки обращаются на обработку непочатыхъ земель; новыя силы природы, покоренныя человѣкомъ, удовлетворяютъ возрастающимъ потребностямъ. Но когда всѣ земли уже заняты, вопросъ ставится иначе. Тогда недостатокъ дѣвственныхъ силъ природы приходится замѣнять капиталомъ. Преуспѣяніе общества возможно лишь тогда, когда ростъ капитала превышаетъ ростъ народонаселенія.

Объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе при разсмотрѣніи законовъ и условій экономическаго быта.

Во всякомъ случаѣ, существеннымъ факторомъ является тутъ движеніе народонаселенія. Оно можетъ увеличиваться съ большею или меньшею скоростью, или оставаться на одномъ уровнѣ, или даже уменьшаться. Это зависитъ отъ отношенія рожденій къ смертности. Избытокъ рожденій составляетъ нормальное правило, но оно видоизмѣняется многими условіями.

Количество смертей можетъ зависѣть отъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ войнъ, голода, эпидеміи и т. п. Въ обыкновенномъ порядкѣ оно опредѣляется главнымъ образомъ санитарными условіями, въ которыхъ живетъ народонаселеніе, и вытекающимъ изъ этихъ условій среднимъ продолженіемъ жизни. Въ этомъ отношеніи успѣхи науки достигаютъ весьма крупныхъ результатовъ. Статистика доказываетъ значительное уменьшеніе смертности и увеличеніе средней жизни въ странахъ, гдѣ вводятся санитарныя мѣры, указанныя новѣйшею техникой. Чѣмъ скученнѣе населеніе, тѣмъ эти мѣры необходимѣе; но введеніе ихъ зависитъ отъ средствъ. Чѣмъ богаче мѣстность, тѣмъ болѣе она въ состояніи установить у себя нужныя условія.

Иначе дѣйствуетъ образованный бытъ на увеличеніе рожденій. Естественное стремленіе родителей состоитъ въ томъ, чтобы дѣти оставались, по крайней мѣрѣ, на одномъ съ ними общественномъ уровнѣ, а это въ значительной степени зависитъ отъ матеріальныхъ условій жизни. Въ каждой общественной средѣ слагаются извѣстныя привычки, которыя требуютъ матеріальныхъ средствъ. Не только вслѣдствіе родительской любви, но и въ силу присущаго человѣку стремленія къ совершенствованію, каждое поколѣніе желаетъ поставить слѣдующее за нимъ въ лучшія условія, нежели тѣ, въ которыхъ оно само находилось въ началѣ своего поприща. И чѣмъ выше нравственный уровень поколѣнія, тѣмъ болѣе родители чувствуютъ свои обязанности относительно производимыхъ на свѣтъ дѣтей. Между тѣмъ, возможность поставить дѣтей въ такія же или лучшія условія жизни, въ какихъ находятся родители, главнымъ образомъ зависитъ отъ многочисленности семьи. Имѣніе дробится между наслѣдниками, и каждому достается только соразмѣрная часть. Отсюда въ образованныхъ классахъ стремленіе ограничить размноженіе семействъ. Оно проявляется именно тамъ, гдѣ для поддержанія семьи требуется извѣстный достатокъ. Напротивъ, тѣ классы, которые своимъ пропитаніемъ обязаны работѣ своихъ рукъ, не имѣютъ этихъ побужденій. Каждый появляющійся на свѣтъ ребенокъ обрекается на физическую работу, слѣдова-

тельно ставится въ этомъ отношенія въ одинакое положеніе съ родителями. Единственное побужденіе къ ограниченію семьи состоитъ въ трудности ее содержать при недостаточныхъ средствахъ. Но у людей, ничего не имѣющихъ, кромѣ своихъ рукъ, рѣдко развивается забота о будущемъ. Отсюда вообще замѣчаемое явленіе, что пролетаріатъ умножается быстрѣе, нежели образованные классы. Предусмотрительность и забота о дѣтяхъ развиваются съ умноженіемъ достатка. Можно сказать поэтому, что ограниченіе числа рожденій служитъ признакомъ увеличивающагося благосостоянія народа.

Разительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Франція, гдѣ народонаселеніе за послѣдніе годы остается на одной точкѣ и скорѣе даже склонно къ уменьшенію, что безспорно имѣетъ и свою оборотную сторону. Французы съ значительнымъ опасеніемъ глядятъ на будущее. Они видятъ, что по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ ихъ сосѣди и соперники въ міровой борьбѣ возьмутъ надъ ними верхъ численнымъ превосходствомъ. Такъ какъ государственная сила въ значительной степени зависитъ отъ количества народонаселенія, то ростъ его, безъ сомнѣнія, ставитъ государство въ выгодное положеніе. Но если высшая задача государства состоитъ не въ умноженіи его силъ, а прежде всего въ установленія внутренняго благоустройства, то въ этомъ отношеніи уменьшающійся приростъ народонаселенія скорѣе служитъ условіемъ матеріальнаго довольства. Мы видѣли, что развитіе матеріальнаго благосостоянія зависитъ отъ того, что капиталъ ростетъ быстрѣе народонаселенія. При быстромъ увеличеніи капитала, задержка въ ростѣ населенія дѣлаетъ это отношеніе еще болѣе выгоднымъ. Поэтому нельзя въ ней видѣть признакъ общества остановившагося въ своемъ развитіи. Если задержка происходитъ отъ увеличивающейся предусмотрительности, то она скорѣе служитъ признакомъ преобладанія духовныхъ потребностей надъ безграничнымъ стремленіемъ къ физическому размноженію, господствующимъ въ животномъ царствѣ. Производя на свѣтъ дѣтей, человѣкъ долженъ знать, что онъ беретъ на себя отвѣтственность за ихъ благосостояніе и не въ правѣ пускать ихъ по міру на произволъ судьбы.

Во всякомъ случаѣ, относительно этого важнаго фактора общественнаго развитія государство совершенно безсильно. Всѣ государственныя мѣры, которыя когда-либо принимались или могутъ приниматься на этотъ счетъ, не достигаютъ цѣли; все тутъ зависитъ отъ нравовъ. И чѣмъ болѣе государство беретъ на себя попеченіе о благосостояніи всѣхъ и каждаго, чѣмъ болѣе оно снимаетъ отвѣтственность съ семействъ, тѣмъ болѣе оно потворствуетъ безпечности и тѣмъ менѣе оно исполняетъ свою задачу. Соціалистическое государ-

ство, которое въ воображеніи его поклонниковъ является распредѣлителемъ всѣхъ земныхъ благъ, должно послѣдовательно принять на себя регулированіе движенія народонаселенія. Но тутъ можетъ обнаружиться только полная его несостоятельность. Снятіе съ человѣка отвѣтственности за его потомство можетъ породить лишь полную разнузданность физическихъ страстей. Не государство съ его юридической организаціей, а единственно общество съ его нравственными требованіями способно оказать тутъ какое-нибудь вліяніе.

Но еще болѣе важнымъ факторомъ общественной жизни, нежели количество народонаселенія, является его качество. Оно опредѣляется двумя главными началами: 1) этнографическими свойствами народа; 2) степенью его развитія. Къ послѣднему мы вернемся, когда будемъ говорить объ историческомъ развитіи вообще; здѣсь остановимся на первомъ.

Народъ 1) принадлежитъ къ извѣстной расѣ; 2) входитъ въ составъ извѣстнаго племени или самъ составляетъ отдѣльное племя; 3) образуетъ единичную духовную личность.

Человѣческій родъ раздѣляется на расы, или породы, отличныя другъ отъ друга по физіологическому сложенію и по способностямъ. Наука не выработала еще точной, всѣми признанной классификаціи этихъ группъ. Главныя изъ нихъ, отличающіяся одна отъ другой рѣзкими чертами, суть: 1) кавказская, или бѣлая; 2) монгольская, или желтая; 3) африканская, или черная; 4) американская, или красная. Остальныя представляютъ смѣшенія или переходы.

Весьма существеннымъ, не только въ теоретическомъ отношеніи, но и для государственнаго быта, представляется вопросъ объ общемъ происхожденіи всѣхъ этихъ расъ. Изъ единства происхожденія вытекаетъ единство человѣческаго естества, а вслѣдствіе того одинакость человѣческаго достоинства и человѣческихъ правъ. Древніе не признавали этого единства. Аристотель, который въ этомъ случаѣ можетъ считаться представителемъ воззрѣній античнаго міра, раздѣлялъ человѣческія породы на высшія и низшія. Высшими признавались Греки, обладающіе разумомъ; къ низшимъ относились варвары, имѣющіе только пассивныя свойства, а потому обреченные на повиновеніе. Отсюда законность рабства. Но уже Киники, а еще болѣе Стоики, возвышаясь къ общимъ началамъ, развили понятія о единствѣ человѣческой природы и о вытекающихъ отсюда человѣческихъ правахъ; эти понятія перешли къ римскимъ юристамъ. Христіанство утвердило это воззрѣніе на религіозной основѣ. Уже Евреи признавали единство происхожденія человѣческаго рода отъ общаго праотца; но они раздѣляли народы на избранныхъ и отверженныхъ Богомъ: это было

дѣленіе богословское, полагавшее глубокое различіе между людьми. Христіанство отвергло всѣ эти грани и признало всѣхъ людей братьями. Это былъ громадный шагъ на пути человѣческаго развитія; во имя этого начала можно было ратовать противъ всякаго порабощенія человѣка человѣку.

Однако этимъ не устранился вопросъ о единствѣ происхожденія человѣческаго рода. Изъ области религіозной онъ былъ перенесенъ на научную почву. Въ Сѣверной Америкѣ защитники рабства Негровъ старались доказать, что человѣческія породы не могли произойти отъ одного корня, что необходимо предположить разные акты творенія или различіе мѣстнаго происхожденія. По ихъ мнѣнію, только этимъ можно объяснить коренное различіе способностей, а слѣдовательно и достоинства у разныхъ породъ. Въ силу такого воззрѣнія, Негры, какъ существа низшаго разряда, обречены были на служеніе бѣлымъ.

Однако и наука, съ своей стороны, приводитъ весьма существенныя доказательства въ пользу единства происхожденія человѣческаго рода. Въ физіологическомъ отношеніи главный доводъ состоитъ въ возможности смѣшенія породъ. Животныя разныхъ видовъ весьма рѣдко смѣшиваются между собою, и эти смѣшенія большею частью оказываются безплодными. Напротивъ, животныя одного вида размножаются безпрепятственно, и это именно имѣетъ мѣсто относительно человѣка. Съ точки зрѣнія дарвинизма, который самые виды разсматриваетъ какъ вѣтви, разшедшіяся изъ одного корня, это доказательство имѣетъ сугубую силу. Однако оно не можетъ считаться вполнѣ убѣдительнымъ. Опытная наука имѣетъ слишкомъ мало данныхъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса; она принуждена довольствоваться болѣе или менѣе вѣроятными гипотезами. Гораздо важнѣе доказательство, почерпнутое изъ разсмотрѣнія духовнаго естества человѣка. Высшія области человѣческаго духа, религія, наука, искусство, государство, существуютъ у всѣхъ расъ. Этимъ полагается грубочайшая пропасть между животнымъ царствомъ и человѣкомъ; между ними лежитъ все неизмѣримое разстояніе между природой и духомъ. Этимъ полагается и единство человѣческаго естества. Оно нагляднымъ образомъ выражается въ томъ, что всѣ люди способны понимать другъ друга. Каждый народъ говоритъ на своемъ языкѣ, но этотъ языкъ можетъ быть усвоенъ другими и сдѣлаться орудіемъ общенія. Наука никогда, можетъ быть, не въ состояніи будетъ утвердить на совершенно достовѣрныхъ фактическихъ данныхъ физіологическую связь людей; но она даетъ этому началу самое убѣдительное подкрѣпленіе въ единствѣ духовнаго естества, изъ котораго вытекаетъ признаніе за всѣми людьми человѣческаго достоинства, а потому и человѣче-

скихъ правъ. Если человѣкъ не болѣе какъ животное, то нѣтъ ни малѣйшей причины, почему бы съ нимъ не позволено было поступать какъ съ вьючнымъ скотомъ. Отъ этого ограждаетъ его только высшая духовная его природа, составляющая источникъ всякаго права. Мы видимъ здѣсь практическое значеніе метафизическихъ началъ для человѣческой жизни. Если нѣтъ метафизики, если общія сущности ничто иное какъ собирательныя имена или совокупленія признаковъ, не имѣющія никакого объективнаго значенія, то нѣтъ и общей духовной сущности, нѣтъ и человѣческаго естества, слѣдовательно нѣтъ и человѣческаго достоинства и человѣческихъ правъ. Все это присвоивается человѣку единственно потому, что онъ существо метафизическое. Такимъ онъ является въ исторіи, и такимъ онъ признается во всѣхъ законодательствахъ міра. Опытная наука можетъ только удостовѣрить этотъ фактъ; объясненіе его лежитъ внѣ ея сферы.

Не всѣ однако человѣческія породы обладаютъ одинаковыми способностями. На основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, мы не можемъ даже утверждать, что всѣ способны къ высшему развитію, и еще менѣе, что всѣ могутъ подняться на одинъ уровень. Американская порода въ общей массѣ не показала даже какой-либо воспріимчивости къ просвѣщенію. Она исчезаетъ передъ Европейцами, но не поддается ихъ вліянію. Конечно, это можно приписать, съ одной стороны, исключительности англо-саксонскаго племени, съ другой стороны той упорной независимости духа, которою отличаются американскіе туземцы. При иной цивилизаціи, ближе подходящей къ ихъ уровню, они могли бы выказать дремлющія въ нихъ силы. Господство Ацтековъ въ древней Мексикѣ показало, что американская раса не лишена способности къ высшему государственному развитію. Какъ бы то ни было, въ Соединенныхъ Штатахъ туземныя племена не поднялись выше состоянія дикарей. Чуждаясь Европейцевъ, они живутъ особнякомъ, только внѣшнимъ образомъ подчиняясь иностранному правительству. А такъ какъ бѣлая раса расширяется все болѣе и болѣе, то туземцы передъ нею постепенно исчезаютъ.

Точно также и африканское племя до сихъ поръ не показало способности къ высшему развитію. Среди Негровъ не встрѣчается даже такая цивилизація, какая нѣкогда господствовала у Ацтековъ. Негритянскія государства, возникшія въ Африкѣ, представляютъ только самый необузданный теократическій деспотизмъ. Даже подчинившись европейскому вліянію, они не въ силахъ установить у себя прочный гражданскій порядокъ. Тѣ государства, которыя основаны Неграми, освободившимися отъ европейскаго ига, не даютъ высокаго понятія о ихъ способностяхъ. Но африканская порода обладаетъ

значительною податливостью, а потому она легче всякой другой ставится въ служебное положеніе. Отсюда общее явленіе порабощенія Негровъ. Въ этомъ вопросѣ сталкиваются начала человѣческаго достоинства съ различною способностью племенъ. Въ настоящее время первое получило рѣшительный перевѣсъ. Подъ вліяніемъ высшихъ нравственныхъ требованій, которыя признаются всѣми образованными народами, невольничество всюду отмѣняется. Это составляетъ лучшій плодъ европейской цивилизаціи, дѣлающій величайшую честь современнымъ народамъ. Но вопросъ объ отношеніи расъ этимъ не рѣшается, а напротивъ, возникаетъ съ новою силой. Должны ли освобожденные Негры быть уравнены въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ оказывается значительная часть населенія, стоящая далеко ниже остальныхъ, имѣющая свой особый характеръ и можетъ-быть даже вовсе не способная къ такой политической дѣятельности, какая требуется въ образованныхъ странахъ. Это не можетъ не отразиться на учрежденіяхъ и на всей политической жизни. Во второмъ случаѣ нарушается коренное начало демократіи, основанной на равенствѣ всѣхъ гражданъ. Освобожденное населеніе, лишенное той гарантіи, которую даетъ политическое право, фактически отдается въ руки владычествующей расѣ, которая, при неодолимомъ бытовомъ отчужденіи породъ, можетъ всячески злоупотреблять своимъ превосходствомъ. Какъ извѣстно, въ Сѣверной Америкѣ, послѣ междоусобной войны, побѣдители рѣшили вопросъ въ первомъ смыслѣ; но это имѣло самыя печальныя послѣдствія для побѣжденныхъ. На первыхъ порахъ, освобожденные Негры, составляя большинство, захватили въ свои руки все внутреннее управленіе въ южныхъ штатахъ и стали тамъ хозяйничать самымъ невѣроятнымъ образомъ, пока наконецъ, бѣлые, сплотившись, снова получили верхъ. Но господство высшей расы, при равенствѣ правъ, можетъ держаться только организованною системой подлоговъ и притѣсненій, извращающихъ весь общественный бытъ. Правильный политическій порядокъ тутъ невозможенъ.

Гораздо выше предыдущихъ породъ стоитъ монгольская раса. Она создала государства, достигшія высокой степени силы, образованія и прочности. Нѣтъ государства въ мірѣ, которое бы долголѣтіемъ могло сравниться съ Китаемъ. Тѣмъ не менѣе, монгольская раса, въ теченіи тысячелѣтняго своего существованія, не обнаруживала способности подняться выше извѣстнаго уровня. Основанныя ею государства всѣ носятъ теократическій характеръ. Свобода человѣческаго духа, составляющая главную пружину развитія, имъ неизвѣстна. Вслѣдствіе этого, монгольская раса въ теченіи многихъ вѣковъ оставалась неподвиж-

нюю. Однако, въ этомъ отношеніи, современная исторія представляетъ намъ замѣчательное исключеніе. Японія въ послѣдніе годы явила разительный примѣръ азіатской теократіи, которая въ немного лѣтъ усвоила себѣ европейскія понятія, нравы, учрежденія, и при этомъ не только внутренно не ослабла, а, напротивъ, достигла такой степени силы, что эта маленькая страна могла въ короткое время одолѣть громадную, многомилліонную Китайскую Имперію. Это одно изъ самыхъ поучительныхъ явленій всемірной исторіи, за которымъ нельзя не слѣдить съ напряженнымъ любопытствомъ. Народы Азіи, коснѣвшіе въ многовѣковой дремотѣ, чуждые христіанству, какъ бы пробуждаются къ новой жизни и призываются къ самостоятельному участію въ судьбахъ человѣчества.

Но какова бы ни была будущность монгольскихъ племенъ, высшая по способностямъ раса, безспорно, кавказская. Она стоитъ во главѣ развитія человѣческаго рода. Она, можно сказать, покорила себѣ землю и явила знаки несомнѣннаго превосходства надъ остальными. Но кавказская раса, въ свою очередь, раздѣляется на нѣсколько отраслей, или семействъ, имѣющихъ различныя способности, а потому и различную судьбу.

Если единство происхожденія человѣческихъ расъ составляетъ вопросъ доселѣ спорный, то для болѣе тѣсныхъ группъ существуетъ явный признакъ, указывающій на общность происхожденія. Этотъ признакъ есть единство языка. Оно можетъ быть болѣе или менѣе тѣсно. Различные во многихъ отношеніяхъ языки могутъ имѣть общіе корни и сходныя черты строенія, указывающія на общій источникъ. Эти различныя степени сродства обнаруживаютъ и болѣе или менѣе тѣсное родство говорящихъ на нихъ племенъ. Вслѣдствіе этого, самое слово *племя* принимается въ болѣе или менѣе обширномъ значеніи. Такъ напримѣръ, говорятъ о племени арійскомъ, составляющемъ отрасль кавказской расы, о племени славянскомъ, принадлежащемъ къ группѣ арійскихъ народовъ, наконецъ о племени великорусскомъ, принадлежащемъ къ славянской семьѣ. Могутъ быть и племена смѣшанныя, даже говорящія на одномъ языкѣ. Такъ великорусское племя восприняло въ себя многіе элементы финскіе и татарскіе. Подчиненныя племена, не обладающія духовною самобытностью, входятъ въ составъ господствующаго народа, воспринимаютъ его языкъ, понятія и нравы, и окончательно сливаются съ нимъ совершенно. Въ историческомъ процессѣ народной жизни единство происхожденія составляетъ первоначальную основу, на которой строится высшій духовный міръ, представляющій сочетаніе разнообразныхъ элементовъ. Можно даже сказать, что чѣмъ чище племя, тѣмъ болѣе въ немъ преобладаютъ одно-

стороннія начала, свойственныя физіологической его природѣ; смѣшеніе, напротивъ, способствуетъ разнообразному развитію жизни. Новые европейскіе народы имѣютъ по преимуществу смѣшанный характеръ.

Изъ племенъ, на которыя дѣлится кавказская раса, выдающееся положеніе занимаютъ Семиты и Арійцы. Изъ семитической семьи вышли важнѣйшія религіи человѣческаго рода: еврейство, христіанство, исламъ. Настроеніе Семитовъ по преимуществу религіозное; основанныя ими государства носятъ теократическій характеръ. Поэтому и духъ семитическихъ народовъ отличается крѣпостью и неподвижностью. Самый разительный примѣръ такого постоянства въ сохраненіи своихъ духовныхъ особенностей, примѣръ, имѣющій практическое значеніе и для государственной жизни, представляютъ Евреи. Разсѣянные среди другихъ народовъ, они неуклонно держатся своихъ вѣрованій, и это образуетъ между ними тѣсную связь, которая выдѣляетъ ихъ изъ остальнаго населенія. Отсюда важный государственный вопросъ о включеніи Евреевъ въ составъ политическаго организма. Въ гражданскихъ правахъ образованное государство, признающее свободу совѣсти, не можетъ имъ отказать; иначе оно является притѣснителемъ. Но уравненіе въ политическихъ правахъ цѣлаго народонаселенія, имѣющаго свои вѣковыя особенности и свои стремленія, представляется вопросомъ болѣе сложнымъ. Рѣшеніе его зависитъ, съ одной стороны, отъ количества подчиненнаго населенія, а съ другой отъ большей или меньшей крѣпости владычествующаго организма.

Еще выше стоитъ семейство племенъ индоевропейскихъ, или арійскихъ. Они составляютъ, можно сказать, вѣнецъ человѣческаго рода. Къ нимъ принадлежатъ Индусы, Персы, Греки и Римляне, Кельты, Германцы и Славяне. Между ними высшее мѣсто занимаютъ племена европейскія. Въ ихъ средѣ вращается вся новая исторія человѣчества.

Но, какъ было замѣчено, физіологическая связь, изъ которой вытекаетъ племенное единство, составляетъ только положенное природою основаніе, на которомъ воздвигается высшее духовное зданіе. Сознаніе духовнаго единства дѣлаетъ изъ племени *народъ*. Поэтому, на историческомъ поприщѣ, въ области развитія духа, не племена, а народы являются главными дѣятелями. Народъ образуетъ единичную духовную личность, которая сознаетъ себя таковою и въ проявленіи своихъ духовныхъ особенностей видитъ высшее свое назначеніе.

Это сознаніе коренится прежде всего въ единствѣ языка. Языкъ есть первое, инстинктивное произведеніе народнаго духа. Онъ устанавливаетъ живую, духовную связь между людьми. Они понимаютъ другъ друга; у нихъ есть общій складъ ума, одинакіе оттѣнки понятій, которые выражаются въ языкѣ и развиваются языкомъ. И чѣмъ ближе и

дороже человѣку родная рѣчь, тѣмъ ближе ему и всѣ тѣ, которые говорятъ тою же рѣчью. Отсюда важность вопроса о языкѣ въ государственномъ управленіи.

Съ единствомъ языка связана общность литературы. Она производитъ живой обмѣнъ мыслей, въ особенности между образованными классами, составляющими высшую связь разсѣяннаго общества. Великія литературныя произведенія, писанныя на родномъ языкѣ, суть сокровища, которыми гордится каждый народъ и которыя, можетъ-быть, болѣе всего содѣйствуютъ его объединенію. Италія представляетъ въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ. Она искони распадалась на отдѣльныя государства; но общность духовной жизни и въ особенности литературы поддерживали и укрѣпляли сознаніе народнаго единства, которое наконецъ воздѣйствовало и на государственный строй. Тоже самое мы видимъ и въ Германіи.

Общность литературы не порождаетъ однако единства вѣрованій и взглядовъ. Въ этомъ отношеніи народность можетъ совмѣщать въ себѣ самыя противоположныя направленія. Такъ, Германія глубоко раздѣлена въ религіозномъ отношеніи: католическое населеніе преобладаетъ на Югѣ, протестантское на Сѣверѣ. И эти вѣрованія для тѣхъ и другихъ составляютъ предметъ глубокой привязанности; объ этомъ свидѣтельствуетъ крѣпкая организація католической партіи въ Германіи. Тѣмъ не менѣе, эта духовная рознь не мѣшаетъ имъ одинаково чувствовать себя Нѣмцами и видѣть въ себѣ членовъ единаго народа. Въ виду этого сознанія, на нашихъ глазахъ былъ пересозданъ весь государственный строй. Въ Россіи, православные и раскольники въ религіозной области раздѣлены глубокою пропастью, но это не мѣшаетъ имъ одинаково сознавать себя Русскими. Столь-же мало мѣшаетъ этому и то различіе взглядовъ и понятій, которое силою вещей установляется между образованными классами и массою народа. Образованіе развиваетъ въ человѣкѣ понятія совершенно недоступныя массѣ. Поэтому люди, стоящіе на одинакомъ умственномъ уровнѣ, хотя бы они принадлежали къ различнымъ народамъ, легче понимаютъ другъ друга и имѣютъ болѣе общаго между собою, нежели съ окружающею ихъ массою. Требовать, чтобы образованные классы раздѣляли вѣрованія и взгляды простонародья и даже учились у послѣдняго, значитъ не понимать самой сущности образованія. Но это умственное разобщеніе не препятствуетъ высшимъ и низшимъ классамъ сливаться въ любви къ общему отечеству и видѣть въ себѣ членовъ единой духовной семьи, имѣющихъ свое мѣсто и свое назначеніе въ цѣломъ. Годины народныхъ испытаній, каковъ былъ у насъ, напримѣръ, 1812-й годъ, доказываютъ это наглядно.

Но изъ всѣхъ элементовъ, содѣйствующихъ образованію народности, наибольшее значеніе имѣетъ общность историческихъ судебъ. Общія воспоминанія, стремленія и привязанности, память о совершенныхъ вмѣстѣ подвигахъ и прожитыхъ испытаніяхъ тѣснѣе связываютъ людей, нежели что-либо другое. Эта связь простирается даже на давно прошедшія времена. Великія дѣла предковъ составляютъ гордость потомковъ, которые дорожатъ этимъ наслѣдіемъ, какъ частью собственнаго духовнаго естества. Отсюда рождается и общій складъ чувствъ и понятій, который отражается на всѣхъ классахъ общества. Даже чуждыя другъ другу племена привязываются къ совокупному отечеству, за которое они вмѣстѣ бились, которому они вмѣстѣ посвящали свой трудъ. Разительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Эльзасъ. Нѣмецкое племя, не болѣе какъ два съ половиною вѣка присоединенное къ Франціи, раздѣливъ судьбы послѣдней, до такой степени примкнуло къ своему новому отечеству, что только силою можно было его оторвать и заставить повиноваться одноплеменному правительству. Можно сказать, что если племя создается природою, то народность создается исторіей.

Отсюда тѣсная связь между народностью и государствомъ, которое на историческомъ поприщѣ является главною дѣйствующею силой. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* мы разсматривали это отношеніе съ юридической стороны. Тамъ мы ставили вопросъ: имѣетъ ли каждый народъ право образовать отдѣльное государтво? Отвѣтъ былъ отрицательный. Но тамъ же мы замѣтили, что юридическою стороной не исчерпываются политическія отношенія. Въ дѣйствительности народность составляетъ основу всякаго прочнаго государственнаго быта. Она даетъ ему ту духовную связь, на которой зиждется юридическая организація. Поэтому, то только государство прочно, которое опирается на извѣстную народность. Если оно состоитъ изъ разныхъ народностей, то одна изъ нихъ должна быть преобладающею. Иначе въ государствѣ нѣтъ духовнаго единства, и всѣ части будутъ стремиться врозь. А внутренняя рознь, какъ мы видѣли, имѣетъ огромное вліяніе на государственное устройство и управленіе. Въ силу высказаннаго выше закона, чѣмъ меньше внутренняя связь частей, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть. Поэтому различіе народностей въ государствѣ естественно ведетъ къ абсолютизму. Какъ скоро водворяется политическая свобода, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ рождаются безчисленныя столкновенія, устраненіе которыхъ требуетъ постоянныхъ искусственныхъ сдѣлокъ. Государству, при всякомъ потрясеніи, грозитъ распаденіе. Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Австрія. Составленная изъ различныхъ народностей, она

была крѣпка при господствѣ неограниченной монархіи, которая не только сдерживала противоборствующія стремленія, но и давала рѣшительное преобладаніе нѣмецкому элементу. Вслѣдствіе этого, Австрія была главною опорой абсолютизма въ Западной Европѣ. Но когда естественный ходъ новой исторіи привелъ къ повсемѣстному водворенію политической свободы въ западно-европейскихъ странахъ, Австрійскую монархію постигли внутреннія затрудненія, грозившія самому ея существованію. Венгрія отторглась и только съ помощью чужестранной силы могла быть приведена къ повиновенію; и все-таки ей принуждены были дать полнѣйшую автономію. Другія народности точно также стремятся къ самостоятельности. Только держа между ними постоянное равновѣсіе, дѣлая уступки однимъ, съ тѣмъ, чтобы получить въ нихъ опору противъ другихъ, австрійское правительство можетъ искусственнымъ образомъ поддерживать свое шаткое положеніе. Но прочнаго порядка такія политическія условія не обѣщаютъ. Что станется съ Австріей, если возгорится европейская война, въ особенности если послѣ объединенія Италіи и Германіи поднимется вопросъ славянскій, это покажетъ будущее. Для безпристрастнаго наблюдателя дальнѣйшее существованіе Австрійской Имперія при новыхъ условіяхъ европейской жизни представляется весьма сомнительнымъ.

При такомъ смѣшеніи народностей, весьма важнымъ обстоятельствомъ является количественное и качественное отношеніе подчиненныхъ народностей къ господствующему племени. Мелкія племена, стоящія на низкой ступени развитія, какъ напримѣръ тѣ, которыя заселяютъ громадныя пространства Россіи, не представляютъ такихъ препятствій государственному объединенію, какъ народности развитыя и носящія въ себѣ преданія, каковы польская, чешская, венгерская. Наоборотъ, задача государства становится тѣмъ легче, чѣмъ болѣе преобладающая народность имѣетъ перевѣсъ надъ остальными, и количественно и качественно, чѣмъ богаче она матеріальными и духовными силами, чѣмъ болѣе она обладаетъ способностью ассимилировать себѣ другія или распространиться на ихъ счетъ. Этими разнообразными жизненными отношеніями опредѣляются и различныя задачи политики.

Но государство не только должно служить выраженіемъ извѣстной народности; оно призвано ее воспитать. Если въ образованіи народности важнѣйшимъ факторомъ является исторія, то въ этомъ отношеніи значительнѣйшая роль принадлежитъ государству. Оно связываетъ населяющія страну племена въ единое цѣлое; оно ведетъ ихъ на защиту отечества; оно создаетъ для нихъ совокупные интересы, изъ которыхъ рождаются общія понятія и стремленія. Народность, прошедшая черезъ государственный строй, представляетъ совершенно

нную духовную личность, нежели разсѣянныя племена, живущія самостоятельною жизнью. Въ государствѣ выражается народное единство, но оно же всего болѣе содѣйствуетъ сознанію этого единства. Тутъ, какъ и вездѣ, есть живое взаимнодѣйствіе между государственнымъ строемъ и общественными силами.

Въ историческомъ процессѣ, ведущемъ къ созданію народнаго духа, слагается совокупность свойствъ, которыя составляютъ народный характеръ. Въ образованіе его входятъ, какъ духовные, такъ и физіологическіе элементы. Духовная жизнь развивается на основаніи естественныхъ опредѣленій, которыя кладутъ на него свою неизгладимую печать. Поэтому, нерѣдко черезъ всю нить исторіи тянутся одни и тѣже народныя свойства, вытекающія въ значительной степени изъ племенныхъ особенностей. Мѣняются воззрѣнія, нравы, государственное устройство, но основныя черты народнаго характера сохраняются постоянно. Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ Французы, которые, не смотря на тысячелѣтнюю исторію, на смѣшеніе племенъ, на глубочайшіе перевороты и въ умственныхъ воззрѣніяхъ и въ общественномъ бытѣ, доселѣ удержали тѣ черты характера, ту подвижность, ту способность къ увлеченіямъ, то славолюбіе, которыя были подмѣчены еще Цезаремъ у ихъ предковъ, Галловъ. Но къ физіологическимъ чертамъ историческій процессъ прибавляетъ другія. Завоеваніе Галліи Римлянами измѣнило самый языкъ покореннаго народа и дало ему государственныя наклонности и воззрѣнія, совершенно чуждыя кельтическому племени. Преимущественно практическія способности Англичанъ не только составляютъ прирожденное свойство англо-саксонскаго племени, но онѣ развились подъ вліяніемъ ихъ обособленнаго, приморскаго положенія и общественнаго склада, требовавшаго постоянныхъ сдѣлокъ. Феодальная система у западно-европейскихъ народовъ имѣла огромное вліяніе на развитіе въ нихъ чувства чести, права и свободы. Напротивъ, татарское владычество, тиранство Іоанна Грознаго и послѣдовавшее затѣмъ водвореніе и развитіе крѣпостнаго права значительно способствовали утвержденію въ Русскомъ народѣ привычки къ безпрекословному повиновенію. Такимъ образомъ, въ образованіи народнаго характера участвуютъ и физіологическія свойства племени, и смѣшеніе съ другими, и окружающая природа, и историческія событія. Изъ совокупности всѣхъ этихъ элементовъ вытекаетъ единое духовное цѣлое, составляющее личность народа.

Понятно, какое громадное вліяніе оказываютъ эти различныя народныя свойства на общественный бытъ. Сила и слабость духа, личная предпріимчивость или терпѣливое подчиненіе, постоянство или подвиж-

ность, идеальныя или практическія стремленія, все это опредѣляетъ и тѣ государственныя формы, въ которыя выливается народная жизнь.

Народъ, обладающій внутреннею силой, способенъ отстоять и упрочить свою независимость; народы слабые, напротивъ, легко подчиняются другимъ. Однако и въ этомъ отношеніи историческій процессъ приноситъ существенныя перемѣны. Нравственныя силы возбуждаются или глохнутъ подъ вліяніемъ общественныхъ условій. Народы въ ихъ историческомъ развитіи крѣпнутъ и падаютъ. Тѣже самые Греки, которые съ безпримѣрнымъ мужествомъ отстояли себя противъ громадныхъ персидскихъ полчищъ, безъ труда были покорены Римлянами. Напротивъ, Итальянцы, которыхъ внутреннее разслабленіе въ теченіи вѣковъ дѣлало добычею сосѣдей, въ новѣйшее время проявили замѣчательную силу воли въ стремленіи къ независимости. Иногда дремлющая энергія народа пробуждается вслѣдствіе гнетущихъ обстоятельствъ, и это служитъ залогомъ будущаго. Тѣже самые Прусаки, которые послѣ проиграннаго сраженія безъ сопротивленія сдались Наполеону, выказали необыкновенную энергію при освобожденіи отъ французскаго ига, и этотъ толчокъ сдѣлался началомъ нынѣшняго величія Германіи.

Сила характера можетъ проявляться въ разныхъ формахъ: въ личной самодѣятельности или въ стойкости и терпѣніи при перенесеніи невзгодъ. Эти различныя свойства имѣютъ совершенно противоположное вліяніе на общественный бытъ. Личная предпріимчивость составляетъ корень свободы; напротивъ, терпѣніе лучшій залогъ для утвержденія сильной власти. Собственный починъ побуждаетъ человѣка полагаться на самого себя; онъ образуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянныя связи между людьми, которые соединяютъ свои силы въ общихъ предпріятіяхъ, не дожидаясь чужаго приказанія; а внутренняя связь общества составляетъ, какъ мы видѣли, условіе свободы. При такихъ стремленіяхъ и привычкахъ, народъ нетерпѣливо выноситъ предписанія власти, стѣсняющія личную самодѣятельность. Онъ способенъ къ дисциплинѣ, безъ которой невозможно никакое совокупное дѣйствіе; но эта дисциплина должна исходить отъ него самого. Напротивъ, народъ терпѣливый легко подчиняется власти, дѣйствуетъ по приказанію и скорѣе ожидаетъ себѣ благъ отъ попеченія высшаго, нежели отъ собственной инціативы. Руководимый сверху, онъ можетъ обладать желѣзною стойкостью характера; при трудныхъ обстоятельствахъ онъ можетъ выказать необыкновенныя силы духа; но та настойчивость въ преслѣдованіи цѣлей, то умѣніе соединять свои силы для совокупной дѣятельности въ ежедневной жизни, которыя составляютъ необходимое условіе образованнаго обще-

ственнаго быта, а вмѣстѣ и лучшій залогъ политической свободы, остаются ему чужды. Поэтому, въ одинакихъ внѣшнихъ условіяхъ, народы съ противоположнымъ характеромъ установляютъ у себя совершенно различныя государственныя формы. При однородномъ населеніи, разсѣянномъ на большомъ пространствѣ, народъ предпріимчивый образуетъ мелкіе союзы, связанные личною дѣятельностью и свободною волей гражданъ; общая же власть будетъ весьма ограничена въ своихъ правахъ. Здѣсь возникаетъ союзъ мелкихъ республикъ, какой мы и видимъ въ Сѣверной Америкѣ. Напротивъ, народъ терпѣливый подчиняется сильной власти, которая сплотняетъ его въ единое государство, и не встрѣчая нигдѣ препятствій, становится неограниченною. Такова Россія. Такимъ образомъ, противоположныя свойства характера объясняютъ различную судьбу народовъ.

Такое же значеніе имѣетъ преобладаніе практическихъ способностей или теоретическихъ. Первыя составляютъ условіе свободы, послѣднія скорѣе ведутъ къ подчиненію. Практика отправляется отъ опыта, отъ многообразія явленій. Общій законъ сознается только какъ выводъ изъ частностей. Вслѣдствіе этого, общая власть представляется результатомъ взаимнодѣйствія свободныхъ силъ. Практическія наклонности ведутъ и къ тому, что народъ не любитъ ломки во имя общихъ началъ; движеніе происходитъ путемъ сдѣлокъ и уступокъ. Различные интересы, слаживаясь практически, щадя́тъ и уважаютъ другъ друга. Въ обществѣ водворяется крѣпкая связь, которая не разрушается внутренней борьбою. Практическій смыслъ рождаетъ и политическій смыслъ, который умѣряетъ крайности и удерживаетъ людей въ предѣлахъ благоразумія. А такъ какъ политика составляетъ область практической дѣятельности, то сюда постоянно устремляются высшія силы общества; черезъ это пріобрѣтается вѣковой опытъ въ государственной жизни. Всѣ эти черты мы находимъ у Англичанъ. Въ такомъ обществѣ будетъ менѣе стройности, болѣе историческихъ наростовъ, но зато и болѣе свободы, нежели въ тѣхъ, которыя увлекаются идеальными стремленіями. Послѣднія имѣютъ въ виду общія начала, которымъ должно подчиняться все частное. Они требуютъ не частнаго соглашенія явленій, а гармоніи цѣлаго, установляемой сверху, слѣдовательно исходящей отъ государственной власти. Отсюда подчиненіе общества государству и вѣра во всемогущество послѣдняго. Избытокъ идеальныхъ стремленій ведетъ и къ тому, что образованныя силы находятъ болѣе удовлетворенія въ дѣятельности умозрительной, нежели въ практической, а потому политическая жизнь остается имъ болѣе или менѣе чуждой. Такое направленіе долго господствовало у Нѣмцевъ. Отсюда и нѣкоторая замѣчаемая у нихъ неповоротливость въ

жизни. Однако, рано или поздно, идеи стремятся перейти въ дѣйствительность. У народовъ впечатлительныхъ, каковы, напримѣръ, Французы, это дѣлается даже очень быстро, и тогда въ политической области возгорается борьба во имя началъ, гораздо болѣе ожесточенная и упорная, нежели та, которая происходитъ во имя практическихъ требованій. Борьба за идеи возводитъ всѣ явленія къ общимъ принципамъ, которые выставляются во всей своей непримиримой противоположности. А при такомъ внутреннемъ раздѣленіи, свобода становится если не совершенно невозможною, то во всякомъ случаѣ крайне шаткою. Если при этомъ самыя идеи лишены прочнаго основанія въ теоріи и въ жизни, если онѣ носятъ утопическій характеръ, то отъ этого, кромѣ разрушенія и сильнѣйшей реакціи, ничего нельзя ожидать.

Прочности порядка, на чемъ бы онъ ни былъ основанъ, на свободѣ или на власти, въ значительной степени содѣйствуетъ постоянство характера, ибо и самая власть тогда только прочна, когда она опирается на духовныя силы народа. Напротивъ, подвижность и впечатлительность характера производятъ быстрые переходы изъ одной крайности въ другую, а съ тѣмъ вмѣстѣ и шаткость всего общественнаго строя. Живой примѣръ такихъ колебаній представляетъ исторія Франціи съ конца прошлаго столѣтія. Выгодная сторона этой подвижности состоитъ въ разносторонности жизни, въ способности усвоивать себѣ различныя начала, а потому и приводить ихъ къ высшему соглашенію, тогда какъ постоянство въ одномъ направленіи даетъ народу и государству односторонній характеръ. Народъ, обладающій подвижностью духа, является передовымъ въ общественномъ развитіи; онъ пролагаетъ новые пути, увлекаетъ и другихъ; онъ для всѣхъ становится примѣромъ и поученіемъ. Но все это достигается въ ущербъ внутреннему миру и общественному благоустройству.

Опираясь на силы народнаго духа, государство естественно должно считаться съ свойствами народнаго характера. Но какъ историческій дѣятель, оно само призвано воспитать этотъ характеръ, также какъ оно воспитываетъ сознаніе народнаго единства. Дѣятельность его должна клониться къ тому, чтобъ исправить присущіе народу недостатки. Государство не исполняетъ высшей своей задачи, если оно все могущество власти употребляетъ на усиленіе того односторонняго направленія, къ которому и безъ того склоняется народъ. Когда послѣднему недостаетъ самодѣятельности, государство не должно все брать на себя; напротивъ, здравая политика состоитъ въ томъ, чтобы поставить народъ въ такія условія, которыя вызывали бы личную энергію и давали ей должный просторъ. Если общество привыкло

къ рабскому повиновенію, то задача государства состоитъ въ томъ, чтобы призвать его къ живому участію въ общественномъ дѣлѣ, безъ чего водворяется неограниченное господство бюрократической рутины и мертваго формализма, которые подрываютъ самыя основы государственной жизни. Къ этому обыкновенно и прибѣгаютъ государства послѣ постигающихъ ихъ бѣдствій, которыми обличается внутреннее разслабленіе. Когда бюрократическій порядокъ оказался несостоятельнымъ, правительства взываютъ къ внутреннимъ силамъ народа, выражающимся въ самодѣятельности, и если народный духъ крѣпокъ, такое воззваніе ведетъ къ обновленію всего общественнаго организма. Поучительный примѣръ такого возрожденія представила Пруссія послѣ Наполеоновскаго разгрома. Не менѣе поучительны реформы, произведенныя въ Россіи послѣ Крымской войны. Но дальновидная политика не дожидается годины бѣдствій, чтобъ установить такой государственный и общественный строй, который, примѣняясь къ основнымъ чертамъ народнаго характера, даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежащій просторъ разностороннему его развитію. Если учрежденія должны сообразоваться съ свойствами народа, то они, въ свою очередь, воспитываютъ народъ. Къ этому мы возвратимся еще не разъ.

ГЛАВА III.

Естественные союзы.

Племенная связь, составляющая физіологическую основу государства, коренится въ тѣхъ естественныхъ союзахъ, на которыхъ утверждается продолженіе человѣческаго рода и которые составляютъ первоначальныя ячейки всего общественнаго строя. Эти союзы суть семейство и родъ.

Семейство есть союзъ, вытекающій изъ самой природы человѣка, а потому существующій во всѣ времена, при всѣхъ общественныхъ условіяхъ. Основаніе его чисто-физіологическое: сожительство половъ съ цѣлью дѣторожденія. Но надъ этою физіологическою связью воздвигается цѣлый духовный міръ, который дѣлаетъ семью единичнымъ центромъ всего человѣческаго существованія. Здѣсь человѣкъ воспитывается и умственно и нравственно; здѣсь рождаются первыя его привязанности и получаются тѣ начальныя впечатлѣнія, которыя кладутъ неизгладимую печать на всю его жизнь. Здѣсь онъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ находитъ удовлетвореніе самыхъ чистыхъ своихъ стремленій и развитіе всѣхъ сторонъ своего духовнаго естества. Семья составляетъ цѣль, для которой онъ работаетъ и пріобрѣтаетъ; въ ней сосредоточиваются его радости и горе; она даетъ ему утѣшеніе въ скорби и покой въ

старости; наконецъ, она продолжается для него и за предѣлами гроба, возбуждая въ немъ сердечное участіе къ судьбѣ его потомства. Можно сказать, что счастливая семейная жизнь—лучшее, что есть на землѣ. И это лучшее доступно всѣмъ, богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и темнымъ, послѣднимъ, можетъ-быть, даже въ большей степени, нежели первымъ, ибо въ темной средѣ менѣе соблазновъ и болѣе внутренней жизни.

Понятно поэтому, какое громадное вліяніе имѣетъ семейный союзъ на весь общественный и государственный бытъ. Отъ крѣпости перваго зависитъ и крѣпость послѣдняго. Двоякое отношеніе, изъ котораго слагается семейный союзъ, отношеніе мужа и жены и отношеніе родителей и дѣтей, имѣютъ каждое свой характеръ и свое общественное значеніе.

Какъ физіологическое отношеніе половъ составляетъ основу, на которой воздвигается цѣлый нравственный міръ, такъ изъ противоположности ихъ физическихъ свойствъ рождается противоположность духовнаго естества. Въ одномъ полѣ преобладаетъ воспріимчивость, въ другомъ самодѣятельность, въ одномъ чувство, въ другомъ воля, въ одномъ сила, въ другомъ нѣжность. Конечно, бываютъ женщины съ мужскими качествами и мужчины съ женскими свойствами; но это составляетъ извращеніе истинной ихъ природы. Отсюда и различное призваніе половъ. Назначеніе женщины сосредоточивается главнымъ образомъ въ семьѣ, гдѣ преобладаетъ чувство, призваніе мужчины—быть дѣятелемъ въ области государства, гдѣ требуется воля. Поэтому, присвоеніе женщинамъ политическихъ правъ, наравнѣ съ мужчинами, есть извращеніе нормальнаго порядка. Женщина не создана для борьбы и для битвъ, а они требуются на гражданскомъ поприщѣ, также какъ и на войнѣ. Чѣмъ болѣе въ особенности развивается демократія, тѣмъ больше борьба влечетъ за собою огрубѣніе нравовъ, идущее въ разрѣзъ съ женскою натурой. Никто не мѣшаетъ женщинамъ быть журналистами; однако онѣ на этомъ поприщѣ мало подвизаются. Съ другой стороны, исходъ борьбы требуетъ сдѣлокъ, соглашеній и уступокъ, а къ этому женщины всего менѣе склонны. Онѣ, вообще, болѣе нетерпимы и болѣе способны къ увлеченіямъ, нежели мужчины, качества, которыя въ политикѣ всего вреднѣе. Наконецъ, по всему складу ихъ ума и характера, частныя соображенія у нихъ преобладаютъ надъ общими; онѣ руководствуются болѣе чувствомъ, нежели холоднымъ разсудкомъ, болѣе личными отношеніями, нежели отвлеченными понятіями, а въ политической жизни нужно именно обратное. Только непониманіе особенностей природы каждаго пола ведетъ къ подведенію обоихъ къ одному уровню. Осмѣянныя еще Аристофаномъ, современ-

ныя политическія стремленія женщинъ служатъ признакомъ хаотическаго состоянія умовъ.

Тѣмъ не менѣе, женщина и въ политической сферѣ играетъ значительную роль. Но эта роль частная, а не публичная. Семейныя и общественныя вліянія, даже не подкрѣпленныя правами, отражаются на государственной области. Нельзя однако сказать, что эти вліянія всегда благотворны. Извѣстно, какую печальную роль играли парижскіе салоны въ исторіи Франціи. Въ нихъ разжигались политическія страсти; они служили школой нетерпимости. Но противъ этого зла всякія государственныя мѣры безсильны. Общественныя явленія управляются не законами, а нравами.

Еще болѣе широкое поприще открывается женщинѣ въ собственно общественной сферѣ. Здѣсь есть громадная отрасль, гдѣ требуется проявленіе женскаго чувства и самоотверженія. Эта отрасль есть благотворительность. Именно женщина своею дѣятельною любовью призвана врачевать и частныя скорби и общественныя язвы, и эти проявленія несравненно выше и святѣе, нежели все, что она можетъ совершить въ политической области. Въ этомъ отношеніи соціальный вопросъ есть женскій вопросъ. Оба могутъ получить удовлетворительное разрѣшеніе, только когда будетъ понята ихъ взаимная связь. Вообще, въ гражданской области женщинѣ открыто всякое поприще, на которомъ она можетъ приложить свойственный ей трудъ. Здѣсь права, истекающія изъ свободы, для всѣхъ одинаковы. Ограниченія могутъ имѣть въ виду только защиту слабыхъ отъ притѣсненій. Этимъ руководствуется законодательная регламентація работы женщинъ и дѣтей на фабрикахъ.

Но главное призваніе женщины все-таки въ семьѣ. Ей принадлежитъ уходъ за рожденными ею дѣтьми и начальное ихъ воспитаніе. Она является хозяйкой дома, нравственнымъ центромъ семейной жизни, хранительницею семейной святыни, представительницей домашняго очага. Поэтому нарушеніе семейныхъ обязанностей со стороны женщины считается несравненно высшимъ преступленіемъ, нежели со стороны мужчины, который представляетъ семью главнымъ образомъ въ ея отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Онъ заботится о внѣшнемъ хозяйствѣ, о пріобрѣтеніи средствъ; онъ ограждаетъ семью отъ опасностей и является представителемъ ея передъ обществомъ. Поэтому, въ глазахъ закона, мужчина есть глава семьи, тогда какъ женщина остается ея нравственнымъ центромъ, оживляющимъ ее духомъ. Ему принадлежитъ юридическая власть, а ей нравственное вліяніе, которое именно въ частной жизни несравненно сильнѣе всякаго юридическаго главенства.

Однако, и въ семейной области права подвластныхъ требуютъ огражденія. Власть главы семейства можетъ быть употреблена во зло, что нерѣдко и бываетъ. Въ такомъ случаѣ юридическій законъ является на помощь и даетъ защиту притѣсненнымъ. Отсюда юридическое опредѣленіе семейныхъ правъ и обязанностей. Оно далеко не исчерпываетъ содержанія семейной жизни. Нравственный элементъ является въ ней все-таки преобладающимъ; но тамъ, гдѣ онъ нарушается, право вступается съ своими требованіями и останавливаетъ злоупотребленія силы.

Признаніе семейныхъ правъ женщины установляется по мѣрѣ того, какъ развивается самое признаніе человѣческой личности. Тамъ, гдѣ послѣдняя считается за ничто, женщина является рабыней. Таково ея положеніе въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ многоженство. Женщина разсматривается здѣсь не какъ подруга, а какъ средство для удовлетворенія потребностей мужчины. Власть мужа становится деспотическою. Въ сущности, здѣсь настоящая семья исчезаетъ. Мужчина является не главою гражданскаго союза, а рабовладѣльцемъ. Этотъ взглядъ изъ частной жизни переносится и на государство. Страны, гдѣ господствуетъ многоженство, управляются деспотическою властью, и чѣмъ болѣе развито первое, тѣмъ неограниченнѣе послѣдняя. Тутъ нѣтъ понятія о человѣческомъ достоинствѣ, униженномъ въ женщинѣ, нѣтъ понятія о законномъ повиновеніи, а потому нѣтъ и свободы.

Таково, вообще, положеніе женщинъ на Востокѣ. Напротивъ, у европейскихъ народовъ, носящихъ въ себѣ сознаніе свободы, искони признавалось единобрачіе. Мы находимъ его у Грековъ, у Римлянъ, у древнихъ Германцевъ, у Славянъ. Христіанство признало его ненарушимымъ основаніемъ семейнаго быта и тѣмъ утвердило семейный союзъ на чисто нравственныхъ основахъ.

Однако и при единобрачіи положеніе женщины можетъ быть болѣе или менѣе подчиненное. Въ допетровской Россіи онѣ заключались въ теремахъ; въ древней Греціи онѣ первоначально также не выходили изъ гинецеевъ. У Римлянъ онѣ не принимали участія въ общественной жизни. Высшая похвала римской матронѣ состояла въ томъ, что она сидѣла дома и пряла шерсть: domum mansit, lanam fecit. У новыхъ народовъ, напротивъ, онѣ пользуются полною свободой, и это имѣетъ громадное вліяніе не только на семейный, но и на общественный бытъ. Участіе женщинъ въ общественной жизни вноситъ въ нее мягкость нравовъ и изящество отношеній; оно вноситъ и нѣкоторый элементъ подвижности, способствующій движенію впередъ. Общества, въ которыя не допускаются женщины, отличаются вообще суровостью нравовъ и чуждаются прогресса. Таковы были

Римляне и Русскіе до Петра. Поэтому первымъ дѣломъ великаго преобразователя было допущеніе женщинъ въ ассамблеи. У Грековъ общественная жизнь получила новый характеръ, когда въ ней появились гетеры. Однако это имѣетъ и свою оборотную сторону. Если женщина въ семьѣ, какъ хранительница домашнихъ привязанностей и семейнаго очага, является преимущественно элементомъ консервативнымъ, то въ водоворотѣ общественной жизни, при ея впечатлительности, развиваются подвижныя стороны ея характера: суетность, тщеславіе, увлеченіе моднымъ направленіемъ. Общественная свобода женщинъ значительно разслабляетъ семейныя связи. Древніе народы, которыхъ внутренній строй покоился преимущественно на правахъ, не въ силахъ были это выдержать. Появленіе женщинъ на общественномъ поприщѣ дѣйствовало на нихъ разрушительно. Новые народы и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, проявляютъ болѣе внутренней крѣпости. Возникши изъ средневѣковаго быта, который весь строился на личномъ началѣ, они выносятъ болѣе личной свободы, нежели древніе. Они осилили въ себѣ раздвоеніе, проистекающее изъ развитія личныхъ стремленій. Съ другой стороны, христіанство, поставляя надъ человѣкомъ высшій нравственный законъ, указывая ему идеалъ совершенства, сдерживаетъ эти стремленія несравненно сильнѣйшею уздою, нежели могли дѣлать это языческія религіи. Поэтому здѣсь распущенность нравовъ не порождаетъ тѣхъ безобразныхъ явленій и той полной разнузданности страстей, какъ напримѣръ въ Римской Имперіи. Тѣмъ не менѣе, и у новыхъ народовъ разслабленіе семейныхъ связей ведетъ къ глубокой порчѣ общественнаго организма, которая отражается и на государственномъ строѣ.

Крѣпость семейной связи составляетъ существенную основу государственнаго порядка. На первоначальныхъ ступеняхъ общества, при господствѣ кровныхъ союзовъ, семейная власть даже замѣняетъ собою государственную. Послѣдняя, развиваясь, опирается на эту естественную основу. Мы видѣли, что древнія государства строились по типу патріархальныхъ союзовъ. Поэтому здѣсь глава семейства получалъ значеніе политическое; онъ облекался почти неограниченными правами надъ домочадцами. Такова была у Римлянъ власть мужа, manus mariti. Но это была все-таки власть гражданская, а не деспотическая. Она сдерживалась строгими нравами и религіознымъ закономъ, которые облекали высокимъ уваженіемъ римскую матрону. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ государственной жизни семейная власть теряетъ свой политическій характеръ; но какъ хранительница семейнаго союза, она всегда удерживаетъ свое существенное значеніе. Въ семьѣ, какъ первона-

чальной общественной ячейкѣ, воспитываются нравы и понятія общества. Здѣсь развиваются уваженіе къ власти, привычка къ извѣстной дисциплинѣ, свойства, безъ которыхъ гражданскій порядокъ немыслимъ. Они необходимы не только для утвержденія власти, но, можетъ-быть, еще болѣе для свободы. Только умѣніе себя сдерживать и ладить съ другими, подчиняясь общему порядку, рождаетъ возможность совокупнаго дѣйствія и установляетъ ту внутреннюю связь общества, которая, какъ мы видѣли, составляетъ первое условіе свободы. Напротивъ, распущенность нравовъ разрушаетъ эту связь и вызываетъ потребность внѣшней, сдерживающей власти, замѣняющей недостатокъ внутренней дисциплины. Въ особенности сохраненіе крѣпкой семейной связи важно для аристократіи, которая вся держится преданіями и наслѣдственностью. Семейная власть давала нравственную силу римскимъ патриціамъ. Напротивъ, при распущенности нравовъ аристократія теряетъ всякую устойчивость и становится неспособною управлять государствомъ. Примѣръ представляетъ французское дворянство, а также и польское.

Но не смотря на то, что крѣпость семьи имѣетъ весьма существенное значеніе для государства, послѣднее въ этой области имѣетъ мало вліянія. Юридическій строй семейства играетъ въ немъ ничтожную роль въ сравненіи съ элементомъ нравственнымъ. Можно учредить какую угодно семейную власть, дѣйствительныя отношенія окончательно установляются нравами, а нравы не поддаются принудительнымъ опредѣленіямъ. Поэтому, въ семейномъ союзѣ несравненно важнѣйшую роль играетъ церковь съ ея нравственнымъ авторитетомъ. Особенно сильно ея вліяніе на женщинъ, болѣе поддающихся религіозному чувству. На этомъ основаніи само государство, для утвержденія семейнаго союза, прибѣгаетъ къ церковному освященію. Брачный союзъ установляется силою религіознаго таинства. Такое учрежденіе существовало издревле и у языческихъ народовъ и у христіанскихъ. Общность его свидѣтельствуетъ о томъ, что оно коренится глубоко въ духовныхъ потребностяхъ человѣческой природы.

Однако, съ раздробленіемъ религіозныхъ вѣрованій и съ ослабленіемъ религіознаго чувства, тутъ оказываются затрудненія. Религія есть дѣло совѣсти, а отъ совѣсти нельзя требовать совершенія таинства, въ которое человѣкъ не вѣритъ. Съ другой стороны, освящая бракъ, церковь установляетъ и тѣ условія, при которыхъ она считаетъ бракъ законнымъ и дѣйствительнымъ. У различныхъ церквей эти условія могутъ быть разныя. При смѣшанныхъ бракахъ изъ этого опять возникаютъ столкновенія, которыя не только нарушаютъ права совѣсти и разрушаютъ миръ семейнаго союза, но подвергаютъ

сомнѣнію самое его существованіе. Между тѣмъ, бракъ есть несомнѣнно установленіе гражданское, ибо семейство есть гражданскій союзъ, котораго члены состоятъ между собою въ юридическихъ отношеніяхъ и облечены извѣстными правами и обязанностями. Установленіе же юридическихъ отношеній не есть дѣло церкви, а государства. Отсюда учрежденіе гражданскаго брака, независимаго отъ церковнаго. Принципіальное отрицаніе законности подобнаго брака, какое слышится иногда со стороны католическаго духовенства, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Въ немъ выражается только стремленіе церкви подчинить себѣ гражданскую область, на что она не имѣетъ никакого права. Конечно, государство можетъ съ церковнымъ освященіемъ связать гражданскія послѣдствія; но по существу дѣла, только гражданскій законъ установляетъ юридическія отношенія, только отъ него они получаютъ свою силу. Гражданскій бракъ выражаетъ это лежащее въ природѣ вещей различіе союзовъ.

Но установляя гражданскій бракъ, государство должно соображаться и съ церковными правилами. Иначе опять могутъ произойти столкновенія. Совѣсть смущается, если гражданскій законъ признаетъ правомѣрнымъ то, что отвергается религіознымъ закономъ. Чѣмъ болѣе государство дорожитъ крѣпостью семейной связи, тѣмъ болѣе оно должно щадить эти сомнѣнія совѣсти, нарушающія внутренній миръ семьи, тѣмъ осторожнѣе оно должно быть въ своихъ опредѣленіяхъ. Въ особенности затрудненія возникаютъ по отношенію къ церквамъ, которыя по преданію стремятся къ владычеству въ гражданской области. Таковъ католицизмъ. Вопросы о введеніи гражданскаго брака, о степеняхъ родства, о смѣшанныхъ бракахъ, составляли и досѣлѣ составляютъ предметъ безчисленныхъ пререканій, переговоровъ и соглашеній въ католическихъ странахъ. То, что признано въ одномъ государствѣ, отвергается въ другомъ. Твердыхъ основаній для соглашенія еще не достигнуто.

Такая же осторожность требуется и въ вопросѣ о расторженіи брака. Различныя церкви держатся въ этомъ отношеніи различныхъ правилъ, и юридическій законъ принужденъ съ ними сообразоваться. Для государства этотъ вопросъ имѣетъ значеніе опять же въ отношеніи къ крѣпости семейной связи, которая разрушается при легкомъ расторженіи брака. Государство не можетъ смотрѣть на бракъ какъ на договоръ, который заключается и расторгается по волѣ сторонъ. Это—договоръ, заключаемый на всю жизнь, въ виду блага не только родителей, но и рожденныхъ отъ нихъ дѣтей. Какъ скоро явились послѣдніе, такъ родители не въ правѣ уже произвольно располагать собою. Человѣкъ, который произвелъ на свѣтъ другаго, связанъ его

существованіемъ; онъ обязанъ всегда имѣть въ виду его благо. А это благо требуетъ сохраненія семейной связи. Самая безпорядочная семейная жизнь лучше полнаго разрушенія святыни, разрывающаго дѣтскія привязанности, препутывающаго всѣ нравственныя понятія и установляющаго совершенно неестественныя отношенія къ посторонимъ лицамъ. Каковы бы ни были взаимныя отношенія родителей, ни отецъ не въ правѣ лишить дѣтей матери, ни мать не въ правѣ лишить ихъ отца. Только крайность можетъ оправдать расторженіе брака тамъ, гдѣ есть дѣти. Въ этихъ взглядахъ государству легко сходиться съ церковью, которая также строго смотритъ на бракъ. Соглашеніе тутъ тѣмъ необходимѣе, что этотъ вопросъ близко затрогиваетъ совѣсть и его нельзя рѣшать одностороннимъ актомъ государственной власти. Требуется согласіе союза, господствующаго надъ совѣстью граждапъ.

Это приводитъ насъ къ отношенію родителей и дѣтей, которое составляетъ вторую существенную сторону семейнаго союза. Для государства эта сторона даже важнѣе первой, ибо на ней основана преемственность поколѣній, которою держится само государство, какъ единое непрерывное цѣлое. Съ этой точки зрѣнія семья составляетъ первообразъ государственнаго союза. Въ ней необходимость власти и подчиненія вытекаетъ изъ естественнаго положенія сторонъ: это — отношеніе, которое установляется самою природой. Даже по достиженіи совершеннолѣтія, когда человѣкъ становится на собственныя ноги, остается нравственный авторитетъ, основанный на естественномъ чувствѣ и на благодарности за всѣ полученные дары, за жизнь, за заботы, за воспитаніе. А уваженіе къ нравственному авторитету составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ во всякой общественной жизни, носящей въ себѣ нравственныя начала.

Но и здѣсь государство большею частью оказывается безсильнымъ. Юридическій законъ даетъ только внѣшнюю форму; существенно наполняющее эту форму нравственное содержаніе. Оффиціально, отцовская власть можетъ признаваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а дѣти могутъ быть совершенно избалованныя. Все дѣло въ томъ, какъ эта власть прилагается. Самая строгость можетъ имѣть совершенно обратное дѣйствіе. Если она не поддерживается нравственнымъ авторитетомъ, если дѣти не видятъ въ ней выраженія высшаго нравственнаго порядка, которому они по совѣсти обязаны подчиняться, она, вмѣсто привычки къ повиновенію, порождаетъ только внутреннее негодованіе, и это отражается на всей послѣдующей жизни. Возмущаясь противъ семейной власти, не признавая въ отцѣ нравственнаго руководителя, дѣти точно также относятся и къ общественному бы-

ту. Молодое поколѣніе порываетъ всякую связь съ предшествующимъ; оно считаетъ себя гораздо выше отцовъ и чувствуетъ въ себѣ призваніе измѣнить весь существующій порядокъ, установивъ его на новыхъ началахъ. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать преемственному развитію жизни, оно становится революціоннымъ. Подобныя явленія происходили у насъ на глазахъ,

Съ другой стороны, домашняя свобода далеко не всегда рождаетъ привычку къ свободѣ политической. Послѣдняя не мыслима безъ строгаго подчиненія закону, а гдѣ это подчиненіе не развилось съ раннихъ лѣтъ, тамъ, вмѣсто свободы, является распущенность, которая дѣлаетъ человѣка совершенно неспособнымъ въ политической жизни. Домашняя свобода, не сдержанная нравственнымъ авторитетомъ, есть свобода влеченій, привычка исполнять всякія прихоти, а политическая свобода требуетъ, напротивъ, постояннаго самоограниченія, неослабнаго дѣйствія воли, воздерживающей личныя стремленія и направляющей ихъ къ общему благу. Отсюда истекаютъ требованія отъ домашняго воспитанія, къ которымъ мы возвратимся ниже.

При всемъ своемъ высокомъ значеніи для человѣка и для общества, семья есть союзъ преходящій. Со смертью родителей она распадается; дѣти становятся самостоятельными и сами основываютъ свои семейства. Но отношенія естественнаго родства черезъ это не исчезаютъ; они образуютъ связь между людьми, происшедшими отъ одного корня. Семейство, разростаясь, переходитъ въ родъ. Эти двѣ различныя формы кровнаго союза не слѣдуетъ смѣшивать. Обозначеніе ихъ однимъ именемъ (напримѣръ la famille) нерѣдко ведетъ къ значительной путаницѣ понятій *).

---

*) Одинъ изъ замѣчательныхъ статистиковъ половины XIX вѣка, Ле-Плэ, котораго нынѣ хотятъ вывести изъ забвенія, думалъ на устройствѣ семьи, которую онъ не отличалъ отъ рода, основать всю общественную науку. Прототипъ этихъ отношеній онъ видѣлъ въ кочевыхъ ордахъ, которыя онъ имѣлъ случай наблюдать въ восточной Россіи. Сравнивая съ ними европейскія рабочія семьи, на основаніи тщательнаго изученія ихъ быта, онъ хотѣлъ вывести изъ этого всѣ законы общественнаго порядка. Подобная попытка, конечно, не могла имѣть успѣха. Статистическія данныя относительно рабочихъ семей, собранныя въ настоящее время, даютъ только весьма скудный матеріалъ для науки объ обществѣ; цѣльное зданіе изъ этого нельзя построить. Всего менѣе можно видѣть прототипъ общественныхъ отношеній въ кочевыхъ ордахъ, представляющихъ первую ступень общественнаго развитія. Между ними и семьями европейскихъ рабочихъ лежитъ вся исторія, безъ знанія которой сравненіе ни къ чему не ведетъ. Не статистика, а исторія должна служить главнымъ руководителемъ въ изученіи общественныхъ явленій; но, къ сожалѣнію, именно въ исторіи Ле-Плэ имѣлъ слишкомъ скудныя свѣдѣнія. Столь же мало былъ онъ знакомъ съ другой отраслью, безъ которой нельзя сдѣлать ни шага въ наукѣ объ обществѣ, съ правомъ. Наконецъ, и для изслѣдованія духовныхъ интересовъ, играющихъ столь важную роль въ жизни

Родовой союзъ проходитъ въ своемъ историческомъ развитіи черезъ различныя фазы. Наибольшее значеніе онъ имѣетъ на низшихъ ступеняхъ, при господствѣ кровныхъ отношеній. Первобытныя мелкія племена живутъ родами. Каждый родъ составляетъ обособленную единицу, которая управляется сама собой и не подчиняется общей власти. Этотъ бытъ характеризуется существованіемъ родовой мести. Мы находимъ его у многихъ народовъ. Таково было состояніе Славянъ въ IX вѣкѣ: „живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ". Такія родовыя единицы представляли до недавняго времени и шотландскіе кланы. Можно найти ихъ и въ настоящее время у дикихъ народовъ. Высшую ступень составляетъ подчиненіе родовъ племенному единству. Такъ живутъ многія кочевыя племена. Племя раздѣляется на колѣна, колѣна на роды. Вездѣ властвуютъ старшіе. Когда племя дѣлается осѣдлымъ и организуется въ государство, это устройство сохраняется. Роды составляютъ постоянныя единицы, изъ которыхъ слагается государство. Если они селятся отдѣльно, они образуютъ общины, болѣе или менѣе тѣсно связанныя между собой. Правленіе лежитъ въ рукахъ родовыхъ старшинъ. Около рода, подъ властью старшины, группируются кліенты и рабы, принадлежащіе къ подчиненнымъ племенамъ. Отсюда развивается аристократія старѣйшинъ, которая является преобладающею силой въ государствѣ.

Такое устройство мы встрѣчаемъ у Грековъ, у Римлянъ, у Магьяровъ. Опираясь на естественныя связи и вѣковые обычаи, оно имѣетъ необыкновенную прочность и представляетъ значительныя преграды развитію центральной власти, а вмѣстѣ уравненію классовъ и всякимъ политическимъ нововведеніямъ. Однако развитіе личности неизбѣжно ведетъ къ ослабленію этихъ первобытныхъ отношеній. Съ своей стороны государственная власть, имѣя въ виду интересы массъ, стремится къ разрушенію родоваго порядка и къ замѣнѣ его раздѣленіемъ народа на классы и по мѣсту жительства. Такъ, въ Римѣ, Сервій Туллій, рядомъ съ собраніемъ по куріямъ, которое основано было на родовомъ устройствѣ, установилъ собраніе по центуріямъ, съ раздѣленіемъ народа на имущественные классы. Впослѣдствіи, съ

и развитіи общества, бюджетъ рабочей семьи не представляетъ никакихъ данныхъ. Имѣя объ этомъ весьма смутныя понятія и не зная, за что ухватиться, Ле-Пле ограничился десятью заповѣдями! При такихъ крупныхъ пробѣлахъ о наукѣ не можетъ быть рѣчи. Ле-Пле страдалъ весьма обыкновеннымъ недостаткомъ людей, которые, занимаясь исключительно однимъ предметомъ, воображаютъ, что на немъ вижется весь міръ. Въ своемъ изложеніи я старался дать семейному и родовому союзу то мѣсто, которое принадлежитъ ему въ наукѣ.

развитіемъ демократіи, явились и собранія по трибамъ, то-есть, по мѣсту жительства, гдѣ уже совершенно устранялось родовое начало. Въ Аѳинахъ Клисѳенъ, въ видахъ упроченія демократіи, произвелъ совершенно новое дѣленіе народонаселенія. Прежде Аѳинскій народъ, на основаніи племеннаго устройства, раздѣлялся на четыре филы; каждая фила, въ свою очередь, дѣлилась на три фратріи; каждая фратрія заключала въ себѣ тридцать родовъ. Это дѣленіе имѣло отчасти и географическій характеръ, ибо первоначально колѣна и роды селились особо. Клисѳенъ сдѣлалъ совершенно новое географическое раздѣленіе, которое разрушало прежнюю связь, опиравшуюся на кровное родство, и замѣняло ее связью по мѣсту жительства. Вмѣсто четырехъ филъ учреждены были десять; каждая изъ нихъ раздѣлялась на пять навкрарій, а каждая навкрарія на десять демъ. Этою реформою родовой аристократіи нанесенъ былъ смертельный ударъ. Точно также въ Венгріи Стефанъ Великій подорвалъ владычество аристократіи, замѣнивъ родовое дѣленіе географическимъ.

Но потерявъ прежнее значеніе въ политическомъ строѣ, родовое начало сохранилось въ области гражданской, а черезъ нее оно удержало свое вліяніе и на государство. И тутъ оно явилось поддержкою аристократическаго элемента. Преемственность богатства и общественнаго положенія повела къ противоположенію богатыхъ и знатныхъ родовъ темной массѣ. Съ переходомъ къ сословному порядку эта противоположность получаетъ юридическую организацію. Разложеніе государства, которое въ средніе вѣка доходитъ до полнаго уничтоженія политической связи, выдвигаетъ частныя общественныя силы. Общество распадается на мелкіе союзы, которые группируются около частныхъ интересовъ. Среди этихъ частныхъ силъ получаетъ значеніе и родъ, какъ естественная единица. Вслѣдствіе этого установляется родовая собственность, признается родовое старшинство. Самая общественная власть, управляясь началами частнаго права, становится собственностью правящаго рода. Чѣмъ ниже стоитъ общественный бытъ, чѣмъ ближе онъ къ первобытному порядку, чѣмъ меньше въ немъ развиты общіе интересы, тѣмъ большее значеніе имѣютъ въ немъ эти физіологическія отношенія. Родовыми счетами опредѣляется устройство общественнаго союза; отъ нихъ зависитъ его единство или распаденіе; ими опредѣляется положеніе человѣка въ обществѣ и его отношенія къ другимъ. Таковъ былъ характеръ всей русской исторіи въ средніе вѣка, до возникновенія Московскаго государства. И въ этомъ порядкѣ признаніе родоваго старшинства даетъ обществу аристократическій строй. Правящимъ классомъ являются аристократическіе роды. Таковы были западные феодалы, таково же было и

древнерусское боярство съ его мѣстническими счетами. Отсюда та борьба, которую вели противъ нихъ и западные и русскіе государи.

Съ переходомъ сословнаго строя въ общегражданскій общественное значеніе рода видоизмѣняется, но не исчезаетъ. Здѣсь опредѣляющимъ началомъ гражданскаго быта является свободное лице съ его стремленіями и интересами; но и свободные люди остаются связанными своими естественными отношеніями. Семейство продолжаетъ быть основаніемъ всего общественнаго быта и проистекающая изъ него кровная связь между слѣдующими другъ за другомъ поколѣніями и расходящимися вѣтвями сохраняется, какъ неустранимый фактъ; изъ нихъ-то и образуется родъ. Самое государство зиждется на этомъ началѣ. То постоянное юридическое единство, которое составляетъ его сущность и которое дѣлаетъ изъ народа одно непрерывное цѣлое, продолжающееся въ теченіи вѣковъ, основано на естественной связи рождающихся другъ отъ друга поколѣній, то-есть, на родовомъ началѣ. Одна духовная связь не образуетъ государства: народъ можетъ заимствовать отъ другаго свое образованіе, свою религію, свои учрежденія, и все-таки изъ этого не выходитъ государства. Надобно, чтобы юридическое единство покоилось на физіологической преемственности поколѣній. Къ этой связи могутъ примыкать и посторонніе элементы; государства могутъ соединяться и раздѣляться по волѣ людей; но въ основаніи лежитъ родовое начало. Государство не можетъ отъ него отрѣшиться, не отрицая собственныхъ основъ.

Отсюда неизбѣжное присутствіе во всякомъ обществѣ аристократическаго элемента. Древность рода, его заслуги, сохраняющееся въ рядѣ поколѣній матеріальное обезпеченіе, которымъ ограждается его независимость, вселяютъ къ нему уваженіе и даютъ ему особое положеніе въ общественной жизни. Это—явленіе міровое; оно идетъ черезъ всѣ формы гражданскаго быта. Но конечно, для поддержанія этого уваженія необходимо, чтобы съ физіологическою связью соединялась и преемственность духовныхъ благъ. Присущій всякому обществу аристократическій элементъ тогда только можетъ образовать настоящую аристократію, когда онъ является носителемъ высшаго образованія, независимости духа и тѣхъ политическихъ преданій, которыя дѣлаютъ его способнымъ занимать первенствующее мѣсто въ государствѣ. Иначе аристократія обречена на паденіе. Въ *Политикѣ* мы подробнѣе объ этомъ будемъ говорить.

Но не въ одномъ только аристократическомъ сословіи, а также въ городскомъ состояніи и въ сельскомъ родовое начало играетъ существенную роль. Торговые дома, идущіе черезъ цѣлый рядъ поколѣній, крестьянская собственность, передающаяся изъ рода въ

родъ, все это составляетъ прочные центры общественной жизни; это—центральныя силы, около которыхъ группируются другія. А изъ этой естественной группировки образуются тѣ общественныя связи, которыя даютъ крѣпость всему государственному тѣлу. Онѣ составляютъ нравственную опору всякой разумной власти и всякаго законнаго порядка. Онѣ же составляютъ необходимое условіе свободы. Мы видѣли, что чѣмъ меньше въ обществѣ внутренней связи, тѣмъ необходимѣе установленіе независимой отъ него власти. А прочныя общественныя связи образуются около вырабатывающихся жизнью прочныхъ общественныхъ центровъ. Независимыя и обезпеченныя общественныя положенія составляютъ поэтому первую и необходимую опору политической свободы. Къ этому основному закону государственной жизни мы возвратимся еще не разъ.

Отсюда то явленіе, что политическая свобода всего ранѣе и прочнѣе развивается именно тамъ, гдѣ либеральное движеніе примыкаетъ къ родовой аристократіи. Сочетая въ себѣ преданія и независимость, аристократія, достойная этого имени, одинаково стоитъ за уваженіе къ закону и за сохраненіе свободы. Она изъ своей среды выдѣляетъ людей, которые становятся во главѣ народа и образуютъ связь между массами и высшимъ сословіемъ. Таковы были Валеріи и Гораціи въ Римѣ; таковы же виги въ Англіи. Отсюда устойчивость движенія при самомъ широкомъ развитіи свободы.

Но не въ одной политической области родовое начало играетъ существенную роль. Оно въ еще большей степени проявляется въ области гражданскихъ отношеній. На немъ основаны законы о наслѣдствѣ, которые имѣютъ неизмѣримое значеніе для всего общественнаго и государственнаго быта.

Начало наслѣдственности вытекаетъ изъ самаго существа естественныхъ союзовъ, которые основаны на томъ, что одни поколѣнія смѣняютъ другія, заступая ихъ мѣсто и вступая во всѣ ихъ права. Поэтому семейное состояніе, по естественному закону, переходитъ къ дѣтямъ, а за недостаткомъ дѣтей къ родственникамъ. Когда родъ образуетъ цѣльную единицу, онъ считается собственникомъ совокупнаго имущества, которое распредѣляется по извѣстнымъ правиламъ между семьями и непрерывно переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Когда же эта связь слабѣетъ вслѣдствіе развитія личнаго начала и общественныхъ отношеній, семейство становится преобладающимъ союзомъ, а родъ является только его восполненіемъ. Поэтому наслѣдственное право опредѣляется прежде всего семейнымъ началомъ; только тамъ, гдѣ послѣднее прекращается, выступаютъ права родственниковъ, по степенямъ родства. Однако и тутъ понятіе о родо-

выхъ имуществахъ не исчезаетъ; оно остается въ видѣ тѣхъ или другихъ ограниченій въ передачѣ имущества.

Къ этимъ физіологическимъ отношеніямъ присоединяется и другое начало: право человѣка распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти. На этомъ основано завѣщаніе. Это право, существующее вездѣ, гдѣ признаются права человѣческой личности, не можетъ быть у нея отнято безъ оскорбленія нравственнаго достоинства человѣка и духовнаго его естества. Мнѣніе, будто человѣкъ имѣетъ право распоряжаться своимъ имуществомъ только при жизни, а не послѣ смерти, когда воля его перестала существовать, основано на полномъ непониманіи духовной природы лица. Человѣкъ потому и есть человѣкъ, что цѣли его не ограничиваются, какъ у животныхъ, настоящимъ днемъ или ближайшими потребностями, а идутъ на будущее, далеко за предѣлы его земнаго существованія. И воля его тѣмъ болѣе требуетъ себѣ уваженія, чѣмъ менѣе она опредѣляется мимолетными влеченіями страстей или впечатлѣніями окружающей среды. Поэтому завѣщаніе, выражающее волю человѣка для того времени, когда ему на землѣ ничего уже не нужно, всегда считалось актомъ священнымъ. Не государство установляетъ это право; опредѣляя законныя формы завѣщанія, государство признаетъ только то, что лежитъ въ природѣ человѣка, какъ духовнаго существа.

Положительное право имѣетъ и другую, высшую задачу: опредѣлить отношеніе выражающагося въ завѣщаніи личнаго начала къ правамъ, вытекающимъ изъ природы естественныхъ союзовъ. Въ наслѣдственной передачѣ имущества, какъ и во всякой другой, есть двѣ стороны: передающая и получающая. Если умирающій имѣетъ право распорядиться своимъ имуществомъ, то съ своей стороны дѣти, даже помимо завѣщанія, въ силу семейнаго начала, имѣютъ право на имущество умершаго отца, а родственники, въ силу родоваго начала, на имущество родича. На первомъ основано наслѣдованіе по завѣщанію, на второмъ наслѣдованіе по закону. Отношеніе этихъ двухъ, ограничивающихъ другъ друга началъ можетъ быть весьма разнообразное. Отъ положительнаго закона зависитъ установленіе тѣхъ или другихъ нормъ.

Но опредѣляя отношеніе правъ дѣтей и родственниковъ къ волѣ завѣщателя, государство не въ правѣ само становиться на мѣсто родственниковъ и присвоивать себѣ большую или меньшую часть наслѣдственнаго имущества. Тѣ, которые видятъ въ наслѣдственномъ правѣ только произвольное установленіе власти, вводимое по соображеніямъ общественной пользы или даже просто по предразсудку, признаютъ за государствомъ право, по своему усмотрѣнію, ограничивать и даже

вовсе отмѣнять наслѣдственную передачу имущества. Бентамъ предлагалъ ограничить наслѣдованіе по закону въ боковыхъ линіяхъ братьями и сестрами, а право завѣщанія половиною имущества. Милль, признавая, что изъ права собственности вытекаетъ право завѣщанія, но отнюдь не наслѣдованіе по закону, предлагалъ ограничить послѣднее передачею дѣтямъ только части отцовскаго имущества, достаточнаго для ихъ содержанія, а остальное обращать на общественную пользу. Самое право завѣщанія онъ считалъ нужнымъ ограничить извѣстными предѣлами, признаваясь однако, что на дѣлѣ исполнить это очень трудно. Соціалисты, которые отрицаютъ самое право собственности, конечно, идутъ еще далѣе. Сенъ-Симонисты на уничтоженіи наслѣдства строили свой фантастическій общественный порядокъ. Лассаль видѣлъ въ наслѣдствѣ только историческую категорію, которая должна исчезнуть съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни, ведущимъ, по его мнѣнію, къ полному поглощенію частнаго общимъ.

Эта послѣдняя, крайняя точка зрѣнія является не болѣе какъ плодомъ односторонней діалектики, которая въ прочныхъ созданіяхъ дѣйствительности видитъ лишь мимолетныя явленія, улетучивающіяся въ общемъ процессѣ. Пока существуютъ люди, какъ физическія единицы, пока поколѣнія происходятъ другъ отъ друга въ силу физіологическихъ отношеній, однимъ словомъ, пока есть свободное лице и семья, до тѣхъ поръ личная собственность и наслѣдственное право будутъ составлять незыблемую основу человѣческихъ обществъ. Всѣ мечтанія утопистовъ разбиваются о силу вещей, вытекающую не только изъ физическаго существованія человѣка, но еще болѣе изъ тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя лежатъ въ природѣ человѣческой личности и самыхъ святыхъ ея привязанностей. Отрицая наслѣдство, государство отрицаетъ собственныя свои основы, ибо оно само зиждется на преемственности поколѣній и на наслѣдственной передачѣ матеріальнаго и духовнаго достоянія одного поколѣнія другому. Эта общая преемственность вся держится на частной, ибо не государство, а физическія лица рождаютъ дѣтей. Въ семействѣ лежитъ корень всѣхъ наслѣдственныхъ отношеній, а потому, отрицая ихъ въ частной сферѣ, государство разрушаетъ собственный фундаментъ; оно становится зданіемъ, висящимъ на воздухѣ. Таковымъ оно и является въ мечтахъ соціалистовъ.

Государство не въ правѣ не только отмѣнить наслѣдство, но и ограничить его въ свою пользу, ибо оно не въ правѣ присвоивать себѣ то, что ему не принадлежитъ. Такое притязаніе противорѣчитъ и юридическимъ и нравственнымъ требованіямъ. Какъ государство не рождаетъ дѣтей, такъ оно не накопляетъ и семейнаго достоянія, а

потому не имѣетъ на него никакого права. Въ качествѣ представителя правосудія, оно обязано оберегать это достояніе отъ сторонняго расхищенія, а не участвовать въ расхищеніи. Присвоеніе наслѣдственнаго имущества государствомъ есть ничѣмъ не оправданная конфискація, то-есть, чистое и голое грабительство. Только когда нѣтъ наслѣдниковъ, государство можетъ обратить на общественную пользу выморочное имущество, какъ никому не принадлежащую вещь; но и тутъ большее притязаніе могутъ имѣть на него тѣ мелкіе корпоративные союзы, къ которымъ принадлежитъ человѣкъ. Какъ же скоро есть родственники, хотя бы самые отдаленные, такъ наслѣдіе умершаго принадлежитъ имъ, и никому другому. Этимъ началомъ, которое признается всѣми законодательствами въ мірѣ, утверждается основное юридическое правило, что наслѣдство есть учрежденіе частнаго права, а не публичнаго, и притомъ связанное съ естественнымъ происхожденіемъ людей. Отрицать это можно только при полной путаницѣ понятій; видѣть же въ наслѣдствѣ только историческую категорію значитъ совершенно не понимать самыхъ коренныхъ основаній человѣческаго общежитія.

Поэтому нельзя признать правильными и налоги на наслѣдство, въ особенности прогрессивные. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* было изложено истинное существо государственныхъ налоговъ. Оно состоитъ въ правѣ государства требовать отъ гражданъ соразмѣрнаго съ ихъ доходами участія въ общихъ расходахъ. Небольшой налогъ на наслѣдство можетъ разсматриваться какъ вознагражденіе государства за юридическое охраненіе имущества при его переходѣ, что̀, какъ мы видѣли, можетъ быть допущено. Но какъ скоро налогъ на наслѣдство достигаетъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ онъ становится тяжелъ для небольшихъ состояній, такъ онъ теряетъ характеръ справедливости. Въ крупныхъ размѣрахъ, особенно въ прогрессивной формѣ, это ничто иное какъ замаскированная конфискація. Предлагающіе эту мѣру, напримѣръ Бентамъ, прямо признаютъ, что этимъ имѣется въ виду уравненіе состояній. Но уравненіе состояній путемъ грабежа есть нѣчто такое, что совершенно противорѣчитъ существу и требованіямъ государства, какъ представителя правды на землѣ.

Регулируя путемъ закона наслѣдственный переходъ имущества, государство можетъ однако имѣть въ виду и общественную пользу; но оно дѣлаетъ это не присвоеніемъ себѣ чужаго достоянія, а установленіемъ тѣхъ нормъ, которыми опредѣляется раздѣлъ имущества между наслѣдниками. Это имѣетъ громадное значеніе для всего общественнаго быта. Переходъ нераздѣльнаго имѣнія къ старшему въ родѣ ведетъ къ сосредоточенію богатства въ немногихъ рукахъ и къ

утвержденію аристократическаго строя; напротивъ, равный раздѣлъ между дѣтьми способствуетъ дробленію имуществъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ведетъ къ развитію демократіи. Ничто такъ не содѣйствовало упроченію во Франціи гражданскихъ результатовъ первой революціи, какъ установленный Гражданскимъ Кодексомъ равный раздѣлъ наслѣдства. Важное значеніе имѣетъ при этомъ большій или меньшій просторъ, который предоставляется волѣ завѣщателя. Въ Англіи, существовавшее вѣками право первородства нынѣ отмѣнено, ибо, при полной свободѣ завѣщаній, оно сдѣлалось излишнимъ. Великій завѣщатель установляетъ для своего имѣнія субституцію, опредѣляющую переходъ его на нѣсколько поколѣній, а когда она прекращается, новое поколѣніе возобновляетъ ее на тѣхъ же основаніяхъ. Такъ согласуется воля завѣщателя съ правами нарождающихся поколѣній. На европейскомъ континентѣ, къ свободѣ завѣщанія взываютъ защитники аристократическаго строя, и въ этомъ требованіи безспорно заключается значительная доля истины.

Это явствуетъ изъ того, что при опредѣленіи нормъ наслѣдственнаго права государство должно принять въ соображеніе не только права наслѣдниковъ, но и права передающаго наслѣдство. Со стороны первыхъ, чистое начало справедливости заключается въ равномъ раздѣлѣ имущества; но со стороны отца семейства, рядомъ съ этимъ, является естественное желаніе устроить и упрочить свое семейное гнѣздо, по крайней мѣрѣ на нѣсколько поколѣній. Сохраненіе въ родѣ домашняго очага имѣетъ глубокіе корни въ человѣческой природѣ. Оно связано съ самыми священными чувствами человѣка, съ семейными преданіями, съ воспоминаніями дѣтства, съ уваженіемъ къ могиламъ отцовъ, съ привязанностью къ родному гнѣзду, однимъ словомъ, съ тѣмъ, что всего дороже человѣку и что составляетъ нравственную жизнь семьи. Отецъ семейства, вполнѣ сознающій свои нравственныя обязанности, основываетъ и устроиваетъ свой домъ не для своего только мимолетнаго удовольствія, и даже не для удобства ближайшаго наслѣдника, а въ надеждѣ, что на многія поколѣнія здѣсь установится нравственный центръ семейной жизни и сохранится живая память о немъ и о всѣхъ ему близкихъ. Высокое значеніе семьи и семейныхъ преданій для всего общественнаго и государственнаго быта, тѣ глубокія нравственныя связи, которыя установляются ими между людьми, должны побуждать законодательство поддерживать подобнаго рода учрежденія. Только преувеличенный демократическій индивидуализмъ или потребности борьбы съ устарѣвшимъ порядкомъ могутъ отвергать ихъ безусловно. Невыгодная ихъ сторона состоитъ въ томъ, что въ нихъ одинъ изъ наслѣдниковъ получаетъ большее

или меньшее преимущество передъ другими. Это жертва, которая приносится непрерывности семейной связи и сохраненію изъ рода въ родъ семейныхъ преданій. Задача и тутъ состоитъ не въ томъ, чтобы устранить одно начало во имя другаго, а въ томъ, чтобы сочетать ихъ, примиряя сохраненіе семейнаго достоянія съ правами наслѣдниковъ. Но это сочетаніе не можетъ быть произведено положительнымъ закономъ, который не въ состояніи уловить безконечное разнообразіе жизненныхъ обстоятельствъ. Рѣшающій голосъ въ этомъ дѣлѣ можетъ имѣть только любовь отца семейства, который, устроя свой домъ, заботится и о судьбѣ своихъ потомковъ. Законодатель же не долженъ запирать двери этимъ естественнымъ и глубокимъ человѣческимъ стремленіямъ, которыя связаны съ тѣмъ, что есть лучшаго въ жизни, и уносятъ цѣли человѣка далеко за предѣлы его мимолетнаго земнаго существованія *).

Окончательно все тутъ зависитъ отъ нравовъ, ибо воля завѣщателя опредѣляется господствующими нравами. Въ Римѣ, эта воля была безгранична; отцу семейства предоставлялось право распоряжаться своимъ наслѣдіемъ по усмотрѣнію. Uti legassit, ita jus esto. Но въ теченіи вѣковъ этимъ правомъ пользовались для блага семьи. Только при разложеніи старинныхъ нравовъ потребовались законодательныя ограниченія. Въ Сѣверной Америкѣ, таже свобода завѣщаній, которая въ Англіи ведетъ къ установленію субституцій, способствуетъ, напротивъ, равному раздѣлу имуществъ. Самый законъ безсиленъ противъ господствующихъ нравовъ. Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ законъ о моіоратахъ, изданный Петромъ Великимъ для русскаго дворянства. Послѣ немногихъ лѣтъ онъ былъ отмѣненъ, потому что кореннымъ образомъ противорѣчилъ воззрѣніямъ и обычаямъ высшаго сословія. Въ частной сферѣ, менѣе нежели гдѣ-либо, государство является всесильнымъ. Если оно идетъ наперекоръ господствующимъ понятіямъ, оно натыкается на непреодолимыя затрудненія и окончательно подрываетъ собственныя основы. Въ новомъ государствѣ въ особенности, коренное различіе этихъ двухъ областей, политической и гражданской, должно быть основнымъ началомъ всякой здравой политики. Тутъ есть широкое поле для свободнаго взаимодѣйствія, но неумѣстно насильственное вторженіе одной сферы въ другую.

Наслѣдственное право, установляющее переходъ имущества отъ одного поколѣнія къ другому, связано со всѣмъ экономическимъ бытомъ. Оно приводитъ насъ къ разсмотрѣнію послѣдняго.

---

*) См. мое сочиненіе: „Собственность и Государство“, ч. 1, стр. 230.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Экономическій бытъ.

ГЛАВА I.

Начало экономической дѣятельности.

Дѣятельность человѣка въ экономической области состоитъ въ покореніи природы и обращеніи *ея* силъ и произведеній на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Для этого необходимо: 1) усвоеніе силъ и произведеній природы, съ цѣлью обращенія ихъ на пользу человѣка; 2) такое преобразованіе этихъ силъ и произведеній, которое дѣлало бы ихъ полезными для людей. Первое составляетъ необходимое условіе всякой экономической дѣятельности, второе составляетъ содержаніе этой дѣятельности.

Все, что служитъ цѣлямъ человѣка, составляетъ для него извѣстный *интересъ*. Подчиненіе себѣ предметовъ матеріальнаго міра есть интересъ матеріальный. Поэтому руководящее начало экономической дѣятельности есть матеріальный интересъ. Усвоенныя и преобразованныя имъ вещи человѣкъ можетъ затѣмъ обратить на всякія цѣли, какъ матеріальныя, такъ и духовныя; онъ можетъ употреблять ихъ на себя и на другихъ, пользоваться ими хорошо или дурно. Но первое дѣло состоитъ въ томъ, чтобы усвоить себѣ вещи и преобразовать ихъ такъ, чтобы онѣ могли быть полезными человѣку. Въ этомъ именно состоитъ экономическая дѣятельность. И въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, ибо человѣкъ есть физическое существо, призванное дѣйствовать въ матеріальномъ мірѣ и пользоваться имъ для своихъ потребностей; иначе онъ не могъ бы существовать. Покореніе природы составляетъ требованіе самаго духовнаго его естества. Духъ возвышается надъ матеріальнымъ міромъ именно тѣмъ, что онъ ставитъ его въ служебное къ себѣ отношеніе. Это составляетъ призваніе человѣчества на землѣ. Предосудительною эта дѣятельность становится лишь тогда, когда изъ-за нея забываются

высшіе, духовные интересы, когда изъ служебной она дѣлается первенствующею. Но исправленіе этого недостатка не есть дѣло экономической дѣятельности, которая, покоряя природу, исполняетъ свое назначеніе. Это составляетъ задачу высшихъ духовныхъ силъ, религіи, науки, искусства, нравственности. Преобладаніе въ обществѣ матеріальныхъ интересовъ оказывается тогда, когда эти высшія силы глохнутъ; но поднять ихъ опять же не дѣло экономической дѣятельности, которая имѣетъ значеніе служебное. Она ограничивается доставленіемъ средствъ, предоставляя духовнымъ силамъ руководить человѣка въ употребленіи этихъ средствъ. Покореніе природы составляетъ только одну сторону человѣческой жизни, ту, которая обращена на матеріальный міръ. Другая, высшая сторона остается внѣ принадлежащей ей области.

Изслѣдованіе именно этой стороны человѣческой дѣятельности составляетъ предметъ экономической науки. Наблюдая явленія и сводя ихъ къ общимъ началамъ, она старается опредѣлить тѣ законы, которыми управляется эта дѣятельность. Но для достиженія этой цѣли необходимо выдѣлить посторонніе элементы, которые въ дѣйствительной жизни видоизмѣняютъ чисто экономическія начала и отношенія, также какъ физикъ, изслѣдующій законы паденія тѣлъ, устраняетъ всѣ постороннія условія. По закону тяготѣнія, всѣ тѣла падаютъ съ одинакою скоростью, но сопротивленіе воздуха дѣлаетъ то, что въ дѣйствительности эта скорость весьма различна. По закону тяготѣнія, тѣла падаютъ вертикально къ центру земли, но постороннія условія, напримѣръ движеніе вѣтра, относятъ тѣла въ сторону на болѣе или менѣе значительное разстояніе. Тѣже пріемы употребляютъ и экономисты въ изслѣдованіи экономическихъ отношеній. Они опредѣляютъ тѣ законы, которыми управляется свободное дѣйствіе экономическихъ силъ; они изслѣдуютъ и тѣ преграды, которыя поставляются этому дѣйствію принудительными человѣческими установленіями; но имъ нѣтъ дѣла до внутреннихъ побужденій человѣка, до того употребленія, которое онъ дѣлаетъ изъ пріобрѣтенныхъ имъ средствъ. Выводя законы, которыми установляются цѣны произведеній, и условія, которыя дѣлаютъ производство выгоднымъ или невыгоднымъ, они оставляютъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, работаетъ ли добродѣтельный человѣкъ или порочный, имѣетъ ли онъ въ виду личную корысть или нравственныя цѣли. Все это они предоставляютъ моралистамъ. Отецъ классической политической экономіи, Адамъ Смитъ, изслѣдовавъ законы народнаго богатства, рядомъ съ этимъ выработалъ и теорію нравственныхъ чувствъ. Онъ понималъ, что это двѣ разныя области, которыя слѣдуетъ строго различать.

Между тѣмъ, новѣйшіе представители экономической науки, особенно въ Германіи, снова стремятся къ смѣшенію этихъ областей. Они въ изслѣдованіе экономическихъ отношеній вводятъ нравственныя начала, въ видѣ требованій, существенно измѣняющихъ характеръ и свойства первыхъ. Такую постановку вопроса нельзя не признать принципіально ложной и противорѣчащей истинно научной методѣ. Нравственная политическая экономія столь же мало имѣетъ смысла, какъ и политическая экономія религіозная или эстетическая. Въ дѣйствительности, человѣкъ, какъ цѣльное существо, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ побужденій, но каждый разрядъ побужденій, съ принадлежащею ему областью дѣятельности, долженъ быть изслѣдованъ особо. Въ природѣ точно также дѣйствуютъ разнообразныя силы, но каждая изъ нихъ изучается отдѣльно отъ другихъ. Физика не смѣшивается ни съ химіей, ни съ минералогіей, ни съ ботаникой. Реальная связь различныхъ областей человѣческой дѣятельности, безъ сомнѣнія, требуетъ научнаго изученія ихъ отношеній; онѣ должны быть связаны въ наукѣ, также какъ онѣ связаны въ жизни. Но связать не значитъ смѣшать. Менѣе всего можно допустить внесеніе въ экономическую науку неопредѣленныхъ нравственныхъ требованій и совершенно поверхностныхъ взглядовъ на право и государство, не опирающихся ни на какія научныя данныя. Опредѣлить связь различныхъ началъ въ человѣческомъ общежитіи можно лишь на основаніи точнаго изслѣдованія не одной только экономической науки, но также и права, нравственности, религіи, государства. Каждой области должно быть указано подобающее ей мѣсто и значеніе въ совокупномъ объемѣ человѣческихъ отношеній; только тогда можно установить и взаимную ихъ связь. Именно это и составляетъ задачу науки объ обществѣ, которая является такимъ образомъ какъ бы фокусомъ, въ которомъ сходятся различныя отрасли знанія, касающіяся человѣка. Но безъ предварительнаго изслѣдованія отдѣльныхъ областей она будетъ висѣть на воздухѣ или представитъ только хаотическую смѣсь разнородныхъ началъ безъ всякой внутренней связи. Синтезъ имѣетъ научное значеніе лишь тогда, когда онъ опирается на научный анализъ.

Интересъ, который служитъ руководящимъ началомъ экономической дѣятельности, есть интересъ дѣйствующаго лица. Таковымъ можетъ быть, какъ физическое лице, такъ и юридическое. Государство имѣетъ свои матеріальные интересы, ибо оно нуждается въ матеріальныхъ средствахъ для своей дѣятельности. Такіе же интересы имѣютъ и тѣ мелкіе союзы, въ которые группируются люди. Но такъ какъ вся работа въ покореніи природы производится физическими лицами, то

основнымъ началомъ экономической дѣятельности является личный интересъ. И тутъ опять нѣтъ ничего противорѣчащаго нравственнымъ требованіямъ. Пока личный интересъ держится въ своихъ предѣлахъ, не нарушая чужаго права и не посягая на интересы общественные, онъ имѣетъ полное и законное право на существованіе. Защитники соціалистическихъ мечтаній стараются выставить существующій экономическій порядокъ, основанный на личномъ интересѣ, какъ явленіе эгоизма, которое слѣдуетъ отрицать во имя нравственныхъ началъ. Но все это не болѣе какъ пустая риторика. Въ экономической сферѣ дѣло идетъ не о внутреннемъ настроеніи человѣка, не о нравственной проповѣди, а объ отношеніяхъ къ матеріальному міру. Если человѣкъ есть лице, то у него есть и личные интересы, и если это лице призвано дѣйствовать въ матеріальномъ мірѣ, то у него необходимо есть и матеріальный личный интересъ, руководящій его матеріальною дѣятельностью. Это міровой фактъ, вытекающій изъ самой природы вещей, противъ котораго безсильны всякія декламаціи. Отрицая личное начало, превращая лице въ страдательное колесо громадной общественной машины, утописты не только хотятъ сдѣлать людей вовсе не такими, какими они созданы Богомъ, но они подрываютъ самыя основанія права и нравственности, которыя вытекаютъ изъ природы человѣка, какъ единичнаго свободнаго существа. Безъ внѣшней свободы нѣтъ права, безъ внутренней свободы нѣтъ нравственности. А свобода и есть то личное начало, которымъ человѣкъ руководится въ своихъ отношеніяхъ къ матеріальному міру. Человѣкъ самъ полагаетъ себѣ цѣли, самъ выбираетъ для нихъ средства, самъ удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, и въ этой дѣятельности онъ долженъ быть огражденъ отъ всякаго посягательства, какъ со стороны другихъ лицъ, такъ и со стороны общества. И право и нравственность одинаково требуютъ, чтобы ему присвоивались плоды его труда и обезпечивалось то, что имъ пріобрѣтено, а въ этомъ и состоитъ тотъ личный интересъ, который онъ преслѣдуетъ въ своей экономической дѣятельности. Это — требованіе не эгоизма, а справедливости, воздающей каждому свое.

Однако интересъ единичнаго лица, проявляясь въ матеріальномъ мірѣ, не остается разобщеннымъ съ таковыми же интересами другихъ лицъ. Общество, какъ мы видѣли, представляетъ взаимодѣйствіе единичныхъ особей; изъ этого взаимодѣйствія вытекаютъ отношенія, въ силу которыхъ интересы людей переплетаются между собою. Прежде всего, при усвоеніи внѣшней природы, необходимо разграничить то, что принадлежитъ одному и что принадлежитъ другому. Это составляетъ задачу права. Затѣмъ, изъ взаимодѣйствія единичныхъ особей вытекаютъ два начала, которыми опредѣляется вся экономическая дѣятель-

ность людей, именно: раздѣленіе труда и соединеніе силъ. Сама жизнь научаетъ человѣка, что прилагая собственный трудъ къ удовлетворенію всѣхъ своихъ потребностей, онъ достигаетъ весьма немногаго. Напротивъ, ограничивая свою дѣятельность извѣстною отраслью и снабжая своими произведеніями другихъ, въ замѣнъ чего онъ получаетъ отъ нихъ то, чего ему недостаетъ, онъ можетъ добиться несравненно бо́льшихъ результатовъ. Съ другой стороны, крупныя работы, необходимыя для покоренія природы, не подъ силу отдѣльному человѣку; нужно соединеніе многихъ. Отсюда новый источникъ взаимодѣйствія: являются совокупные интересы многихъ лицъ. Такимъ образомъ, собственный личный интересъ побуждаетъ человѣка соединяться съ другими и ограничивать свою дѣятельность извѣстною отраслью при живомъ обмѣнѣ произведеній. Отсюда возникаетъ переплетеніе интересовъ и взаимная зависимость единичныхъ дѣятелей, изъ которой образуется экономическое общество. Это и есть та сторона общественной жизни, которая обращена на покореніе внѣшней природы.

Но эта взаимная зависимость, проистекающая изъ раздѣленія труда и соединенія силъ, не дѣлаетъ изъ экономическаго общества нѣчто цѣльное и единое, владычествующее надъ частями. Мы уже видѣли, что всѣ уподобленія обществва физическому организму основаны на фантастическихъ аналогіяхъ и пустыхъ метафорахъ. Экономическое общество остается живымъ взаимодѣйствіемъ свободныхъ единицъ, которыя собственнымъ личнымъ интересомъ побуждаются къ раздѣленію труда и соединенію силъ. Свободное лице избираетъ себѣ извѣстную отрасль дѣятельности и вступаетъ въ соглашенія съ другими не потому, что этого требуетъ отъ него фантастическое общество, а потому, что оно находитъ это для себя выгоднымъ. Ничего другаго явленія намъ не представляютъ и ничего другаго не указываетъ намъ здравый разсудокъ. Въ этой области представленіе цѣлаго, владычествующаго надъ частями, ничто иное какъ праздная фантазія. Это представленіе заимствовано изъ сферы политической. Государство дѣйствительно есть цѣлое, владычествующее надъ частями; но оно имѣетъ свои задачи и свое призваніе. Оно строится надъ частною сферою, а не поглощаетъ послѣдней въ себѣ. Государство не распредѣляетъ занятій между гражданами и не соединяетъ людей въ частныя предпріятія: его цѣль состоитъ въ охраненіи права и въ управленіи совокупными интересами народа, что именно и требуетъ господства цѣлаго надъ частями.

Это живое взаимодѣйствіе лицъ управляется извѣстными законами, въ значительной степени независимыми отъ человѣческаго произвола. Гдѣ есть взаимодѣйствіе, тамъ есть и общій законъ, опредѣ-

ляющій отношеніе дѣйствующихъ силъ. Человѣкъ, какъ свободное лице, можетъ совершать тѣ или другія дѣйствія, но послѣдствія этихъ дѣйствій и вытекающія изъ нихъ отношенія часто отъ него не зависятъ. Они опредѣляются силою вещей, свойствами тѣхъ элементовъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. Это относится въ особенности къ дѣятельности обращенной на матеріальный міръ. Человѣкъ можетъ покорять себѣ природу, только сообразуясь съ ея законами; иначе его дѣятельность останется безплодною. Онъ воленъ построить какую угодно машину, но если она построена не согласно съ неизмѣнными законами механики, она не пойдетъ. Тоже относится и къ экономической области. Человѣкъ воленъ начать какое угодно предпріятіе, но часто не отъ него зависитъ, будетъ ли оно выгодно или нѣтъ. Результатъ въ значительной степени опредѣляется общими условіями, въ которыхъ личная воля играетъ наименьшую роль. Это относится не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ самому государству. Всемогущее правительство можетъ выпустить сколько угодно бумажныхъ денегъ; не отъ него зависитъ поддержаніе ихъ курса. Чрезмѣрные выпуски ведутъ къ неизбѣжному паденію ихъ цѣны. Тутъ есть сила вещей, противъ которой безсильна всякая власть.

Изслѣдованіе этихъ общихъ условій промышленной дѣятельности составляетъ задачу экономической науки. Отсюда выводятся экономическіе законы, отличные отъ законовъ юридическихъ. Послѣдніе установляются волею человѣка, первые вытекаютъ изъ силы вещей; одни опредѣляютъ формальную сторону человѣческой дѣятельности, другіе ея содержаніе, въ значительной степени зависящее отъ тѣхъ фактическихъ условій, въ которыя она поставлена.

Однако и юридическій законъ имѣетъ существенное вліяніе на экономическую дѣятельность. Ограничивая свободу путемъ принужденія, онъ отчасти опредѣляетъ самое содержаніе и направленіе дѣятельности. Въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ даже совершенно уничтожить свободу человѣка, подчиняя его всецѣло волѣ другаго. Для раба побужденіемъ къ работѣ служитъ уже не личный его интересъ, а интересъ хозяина, дѣйствующаго путемъ принужденія. Именно это явленіе представляется намъ на первоначальныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія.

Мы видѣли, что гражданскій порядокъ, въ своемъ историческомъ движеніи, проходитъ три послѣдовательныя ступени: порядокъ родовой, сословный и общегражданскій. Въ каждомъ изъ нихъ установляются своеобразныя отношенія юридическаго закона къ экономическому быту. Первый основанъ на рабствѣ, второй на крѣпостномъ правѣ, въ третьемъ господствуетъ свобода. Изъ этихъ основныхъ на-

чалъ вытекаютъ различныя, какъ юридическія, такъ и экономическія послѣдствія.

При существованіи рабства законъ вовсе не вмѣшивается въ отношенія господина и раба. Послѣдній разсматривается какъ простое орудіе, которое всецѣло состоитъ въ волѣ хозяина. Только когда нужно вынудить повиновеніе и частная власть оказывается недостаточною, прибѣгаютъ къ помощи общественной власти. Но если въ отношеніи къ рабу воля господина всесильна, то въ отношеніи къ государству она подвергается существеннымъ ограниченіямъ. Въ родовомъ порядкѣ, при смѣшеніи гражданской области и политической, гражданинъ является не частнымъ человѣкомъ, а прежде всего служителемъ государства. Поэтому и экономическія его отношенія регулируются съ точки зрѣнія публичнаго права. Роды составляютъ постоянныя единицы, изъ которыхъ слагается государство. Они надѣляются землею и строго опредѣляется порядокъ перехода имуществъ. Охраняя свободу гражданъ, какъ служителей государства, законъ вмѣшивается и въ гражданскія обязательства. Отсюда законы о ростѣ, имѣвшіе цѣлью препятствовать вступленію свободнаго гражданина въ кабалу къ другому. Государство въ этомъ отношеніи шло такъ далеко, что оно по своему усмотрѣнію сокращало долги.

Такой порядокъ вещей имѣлъ свое историческое и экономическое оправданіе. Родовой порядокъ былъ колыбелью, въ которой зародилась и воспиталась человѣческая свобода. Въ основанныхъ на немъ классическихъ государствахъ человѣкъ впервые освободился отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ теократическихъ путъ и создалъ свой собственный міръ свободныхъ общественныхъ отношеній. Государство являлось для него не извнѣ наложеннымъ ярмомъ, а живымъ организмомъ, котораго онъ состоялъ членомъ. Въ родовыхъ отношеніяхъ онъ находилъ крѣпкую опору, которая дозволяла ему стоять на своихъ ногахъ; они давали обществу и внутреннюю связь, составляющую условіе свободы. Но для того чтобы надъ этою первоначальною патріархальною основой можно было воздвигнуть высшій духовный міръ, нужно было матеріальное обезпеченіе. Оно давалось покореніемъ другихъ племенъ, которыя обращались въ рабство. Гражданинъ могъ всецѣло отдавать себя государству, только будучи рабовладѣльцемъ. Рабство однихъ было первоначальнымъ условіемъ свободы другихъ.

Это требовалось и самыми экономическими условіями быта. На низшихъ ступеняхъ развитія, капитала почти нѣтъ, земли вдоволь, а трудъ ограничивается тѣмъ, что необходимо для скуднаго пропитанія. Въ этомъ состояніи человѣкъ имѣетъ ничтожныя потребности; онъ не смотритъ дальше настоящаго дня и преданъ на жертву всѣмъ слу-

чайнымъ невзгодамъ. Чтобы получить излишекъ, чтобы устроить прочный хозяйственный бытъ, нужно употребить принужденіе. Рабство служило нѣкотораго рода воспитательнымъ учрежденіемъ, необходимымъ для того, чтобы пріучить дикаря къ труду, накопить матеріальныя средства и тѣмъ достигнуть высшаго благосостоянія.

Но если на первыхъ порахъ экономическаго развитія такой порядокъ вещей представляется естественнымъ и необходимымъ, то онъ разрушается дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ экономическихъ силъ, которыя вызваны имъ къ жизни. Накопленіе богатства съ помощью насилія и рабства ведетъ къ сосредоточенію его въ немногихъ рукахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ противоположенію богатыхъ и бѣдныхъ. Мелкіе поземельные собственники исчезаютъ, не будучи въ состояніи выдержать соперничество крупныхъ рабовладѣльцевъ; они превращаются въ пролетаріевъ. Политика завоеваній, при непрестанныхъ столкновеніяхъ съ чужестранцами, усиливаетъ это движеніе. Противоположеніе классовъ становится наконецъ господствующимъ началомъ всей общественной жизни. Это явленіе повторяется во всѣхъ древнихъ республикахъ. Даже Спарта, при всей строгости законовъ, опредѣлявшихъ размѣры богатства и передвиженіе имѣній, не могла его избѣгнуть. Въ Аѳинахъ оно получаетъ еще болѣе рѣзкую форму; въ Римѣ, при міровомъ расширеніи его владычества, оно достигаетъ ужасающихъ размѣровъ.

Между тѣмъ, это противоположеніе классовъ неизбѣжно ведетъ къ разрушенію родоваго порядка, основаннаго на совершенно иныхъ началахъ. Оно въ концѣ концовъ подрываетъ самое экономическое развитіе, ибо рабскій трудъ, при отсутствіи всякаго личнаго интереса, побуждающаго къ работѣ, далеко не даетъ того, что даетъ трудъ свободный. И чѣмъ больше количество рабовъ, тѣмъ менѣе ихъ работа производительна. Крупныя рабовладѣльческія имѣнія, сосредоточенныя въ немногихъ рукахъ, даютъ средства къ роскошной жизни немногимъ богачамъ, но остальному населенію не доставляютъ почти ничего, чѣмъ самымъ подрываются основы народнаго благосостоянія. Латифундіи погубили Италію, говоритъ Плиній.

Выходомъ изъ такого положенія можетъ быть только ограниченіе рабства и превращеніе рабовъ въ колоновъ. Это и совершилось въ Римской Имперіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ родовой порядокъ окончательно разрушается и переходитъ въ сословный.

Послѣдній, какъ сказано, основывается на крѣпостномъ правѣ. Тутъ зависимость уже не полная, а ограниченная. Вслѣдствіе этого является необходимость юридически регулировать всѣ хозяйственныя отношенія, ибо они опредѣляются не договоромъ свободныхъ лицъ, а принудительными нормами. Поэтому регламентація экономическаго быта

составляетъ отличительную черту этого общественнаго строя. Она требуется тѣмъ въ большей степени, чѣмъ опредѣленнѣе самыя отношенія. При широкомъ развитіи крѣпостнаго права, тамъ гдѣ, какъ напримѣръ еще недавно было у насъ, рабочее населеніе почти всецѣло отдается во власть хозяина, законъ не имѣетъ нужды вмѣшиваться въ эти отношенія. Но какъ скоро требуется оградить права подчиненныхъ, такъ необходимо самымъ точнымъ образомъ опредѣлить, что именно они должны дать или дѣлать. Отсюда регламентація распространяется и на тѣ мелкіе союзы, которые образуются соединеніемъ свободныхъ людей. При отсутствіи общаго права, установляющаго форму свободныхъ соглашеній, все опредѣляется частными привилегіями тѣхъ или другихъ лицъ. Отсюда размноженіе корпорацій и цеховъ, заключающихъ въ себѣ отдѣльные разряды лицъ, каждый съ своимъ особымъ привилегированнымъ положеніемъ. Государство, которое образуется на основаніи этого общественнаго строя, приходитъ сюда съ своими требованіями и цѣлями, что ведетъ къ новой, сугубой регламентаціи экономическихъ отношеній. Тамъ, гдѣ крѣпостное право не установилось само собой, государство его установляетъ, ибо высшее сословіе, призванное служить государству, нуждается въ матеріальномъ обезпеченіи, а послѣднее доставляется только принудительнымъ трудомъ рабочаго населенія. Такъ именно было у насъ. Точно также, гдѣ не сложились цехи, государство ихъ учреждаетъ, ибо ему нужно устроить и сгруппировать разсѣянныя силы и направить ихъ къ общей цѣли. Это дѣлается не во имя какихъ-либо произвольныхъ измышленій или заимствованій, а подъ гнетомъ обстоятельствъ. Сословный порядокъ, также какъ родовой, составляетъ необходимую историческую форму, черезъ которую проходитъ общественное развитіе; и онъ имѣетъ свою внутреннюю логику, которая ведетъ къ установленію извѣстнаго общественнаго строя. Государство, еще не успѣвшее развить свой собственный организмъ, нуждается въ этихъ мелкихъ союзахъ, которые даютъ ему прочную основу и установляютъ въ обществѣ внутреннюю связь. Въ нихъ нуждается и гражданинъ, который находитъ въ нихъ крѣпкую опору для всего своего существованія. Въ нихъ развивается гражданское сознаніе, вытекающее изъ взаимнаго ограниченія правъ; развивается и привычка къ труду опредѣленному, составляющему спеціальное призваніе человѣка. Можно сказать, что чѣмъ крѣпче организованы эти союзы, тѣмъ воспитательное ихъ значеніе больше. Напротивъ, чѣмъ слабѣе внутренняя организація, чѣмъ меньше юридическихъ опредѣленій, чѣмъ, вслѣдствіе того, произвольнѣе власть высшихъ надъ низшими, тѣмъ менѣе въ обществѣ вырабатываются твердыя правила жизни и тѣмъ менѣе прі-

обрѣтается привычка къ опредѣленному труду. Тутъ все стремится расплываться въ ширь, а вслѣдствіе того является необходимость восполнить недостатокъ внутренней связи внѣшнимъ дѣйствіемъ власти. Это явленіе мы замѣчаемъ у насъ.

Но и сословный порядокъ, въ свою очередь, разрушается дѣйствіемъ воспитанныхъ имъ экономическихъ силъ. Чѣмъ болѣе развивается промышленность, тѣмъ менѣе она выноситъ юридическую регламентацію. Основное ея начало, то, которое вдыхаетъ въ нее жизнь и составляетъ главную пружину развитія, есть, какъ мы видѣли, личный интересъ. А личный интересъ, истекая изъ человѣческаго самоопредѣленія, требуетъ прежде всего свободы. Именно этой потребности призванъ удовлетворить общегражданскій порядокъ. Промышленнымъ силамъ становится тѣсно въ узкихъ рамкахъ юридической регламентаціи; онѣ выбиваются на просторъ. На встрѣчу этимъ стремленіямъ идетъ и здравая экономическая теорія. Могучимъ натискомъ этихъ двухъ факторовъ разбиваются всѣ преграды и водворяется новый порядокъ вещей, который, установляя общее для всѣхъ формальное право, даетъ полный просторъ человѣческой дѣятельности.

Въ общегражданскомъ строѣ установляются тѣ отношенія права къ экономическому быту, которыя вытекаютъ изъ пророды обоихъ. Мы видѣли, что здѣсь право достигаетъ высшаго своего развитія. Оно является чистымъ выраженіемъ требованій свободнаго лица въ его отношеніяхъ къ внѣшней природѣ и къ другимъ людямъ. На первыхъ основана собственность, на вторыхъ договоръ. Это не произвольныя формы, изобрѣтенныя человѣкомъ, а юридическія начала, вытекающія изъ существа вещей, а потому существовавшія всегда и вездѣ, но здѣсь получающія полное приложеніе. Тоже относится и къ экономической области. Присущее ей начало личнаго интереса является выраженіемъ свободы человѣка въ его отношеніяхъ къ матеріальному міру. И это начало, вытекая изъ внутренней природы лица, всегда и вездѣ составляло движущую пружину экономической дѣятельности, но въ общегражданскомъ строѣ оно становится всеобщимъ и владычествующимъ. Всѣ искусственныя преграды падаютъ и человѣческой дѣятельности открывается самое широкое поприще. Такимъ образомъ, начала, составляющія истинную норму обѣихъ сферъ, совпадаютъ, и отношенія установляются вполнѣ правильныя. Правомъ опредѣляется формальная сторона внѣшней свободы человѣка, а экономическая дѣятельность даетъ ей содержаніе.

Изъ этого не слѣдуетъ однако, что съ установленіемъ такого порядка водворяется всеобщее благоденствіе, а слѣдуетъ только, что всякіе дальнѣйшіе экономическіе успѣхи возможны лишь на этой почвѣ.

Первые шаги человѣка требуютъ принужденія; но высшія ступени достигаются не внѣшнею регламентаціею, а внутреннимъ развитіемъ дѣйствующихъ силъ. Именно для такого развитія общегражданскій порядокъ создаетъ всѣ нужныя условія: онъ открываетъ человѣку полный просторъ для проявленія всѣхъ его способностей. И точно, результаты получаются изумительные. Покореніе природы есть дѣло всей исторіи человѣчества; но никогда оно не совершалось въ такихъ громадныхъ размѣрахъ и съ такою быстротой, какъ именно въ наше время, когда человѣческимъ силамъ предоставлена полная свобода. Только при этомъ условіи возможно самое широкое и плодотворное примѣненіе обоихъ началъ экономическаго производства, раздѣленія труда и соединенія силъ; и то и другое, подъ вліяніемъ личнаго интереса, совершается наиболѣе выгоднымъ образомъ. И надобно замѣтить, что мы стоимъ только въ началѣ предстоящаго намъ пути. Къ чему приведетъ дальнѣйшее матеріальное развитіе человѣчества при свободномъ дѣйствіи экономическихъ силъ, невозможно даже предвидѣть.

Не менѣе обширное поле предстоитъ и законодательной дѣятельности. Чѣмъ выше экономическое развитіе, чѣмъ сложнѣе и оживленнѣе отношенія, тѣмъ большаго совершенства достигаютъ общія условія экономической дѣятельности, которыя, принадлежа къ области совокупныхъ интересовъ, естественно находятся подъ управленіемъ государства. Таковы монетная система, пути сообщенія, почты, телеграфы. При сложности переплетающихся интересовъ необходимо и установленіе общихъ распорядковъ, ограждающихъ лица отъ вредныхъ вліяній, которыя отдѣльное лице не въ состояніи контролировать. Въ этомъ отношеніи, законодательство призвано восполнять недостатки экономической свободы; это составляетъ одну изъ существенныхъ заботъ административной политики. Какъ далеко государство можетъ идти въ этомъ направленіи, не стѣсняя свободнаго дѣйствія экономическихъ силъ, это зависитъ отъ разнообразныхъ фактическихъ условій и прежде всего отъ свойства самыхъ этихъ силъ. Чтобы опредѣлить въ этой области отношенія государства къ обществу, надобно знать, какъ дѣйствуютъ эти силы, предоставленныя самимъ себѣ. Къ этому мы теперь и обращаемся.

ГЛАВА II.

Производство.

Производствомъ въ самомъ обширномъ смыслѣ можно назвать всякую работу, направленную на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Это понятіе прилагается къ духовной дѣятельности, также

какъ къ матеріальной. Ученая книга, картина, статуя, суть произведенія человѣческаго ума и таланта; но они имѣютъ цѣлью удовлетвореніе духовное. Экономическое же производство есть то, которое обращено на матеріальныя нужды. Однако и духовная дѣятельность имѣетъ свою экономическую сторону: книга и картина продаются и покупаются; полученная за нихъ плата служитъ для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей производителя. Но здѣсь эта цѣль косвенная; не она имѣется въ виду ученымъ, изслѣдующихъ истину, или художникомъ, вдохновляющимся образомъ красоты. Поэтому, когда говорятъ объ экономическомъ, или хозяйственномъ производствѣ, то имѣется въ виду дѣйствіе экономическихъ силъ, направленныхъ главнымъ образомъ на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка. Только оно составляетъ предметъ изслѣдованія экономической науки.

Въ самой экономической области понятію о производствѣ можно придавать болѣе или менѣе широкое значеніе. Оно или ограничивается производствомъ вещей, служащихъ для потребленія, или простирается на всякое полезное дѣйствіе. Послѣднее точнѣе, ибо во всякомъ производствѣ есть множество полезныхъ дѣйствій, которыя не оставляютъ по себѣ вещественнаго слѣда. Таковъ, напримѣръ, подвозъ матеріаловъ для фабрики, посредничество при закупкѣ этого матеріала и т. п. Все это входитъ въ составъ производства, какъ необходимое его условіе. Съ этой точки зрѣнія, купецъ, доставляющій товаръ тѣмъ, которые имѣютъ въ немъ потребность, является такимъ же производителемъ, какъ и работникъ, который добываетъ матеріалъ изъ нѣдръ земли, или фабрикантъ, который даетъ ему обработанный видъ. Все это дѣйствія, умножающія полезность предмета, который тогда только можетъ служить человѣку, когда онъ находится у него подъ руками. Въ этомъ смыслѣ раздѣленіе экономическихъ дѣятелей на производительныхъ и непроизводительныхъ лишено значенія. Непроизводительно только то, что безполезно.

Такое понятіе о производствѣ тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ существу дѣла, что всякое производство, по самой природѣ вещей, состоитъ единственно въ совершеніи извѣстныхъ передвиженій. Работа, въ механическомъ смыслѣ, есть именно произведенное извѣстною силой передвиженіе. Это относится къ силамъ природы, также какъ и къ труду человѣка. Матерія не создается и не уничтожается, а только принимаетъ различныя формы, путемъ соединенія и раздѣленія. Въ этомъ состоитъ все дѣйствіе механическихъ и органическихъ силъ. Но въ этомъ отношеніи природа имѣетъ громадное преимущество передъ человѣкомъ. Она производитъ такія тончайшія сочетанія и

раздѣленія матеріи, которыя совершенно недоступны грубымъ пріемамъ человѣческаго труда. Свѣтъ, теплота, электричество, химическія силы дѣлаютъ то, что не въ состояніи даже усмотрѣть человѣческій глазъ, не только что произвести человѣческая рука. Еще менѣе человѣкъ властенъ замѣнить своимъ трудомъ дѣйствіе органическихъ силъ. Вся его дѣятельность ограничивается механическими передвиженіями. Онъ можетъ своими руками, хотя въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, сдѣлать то, что дѣлаетъ вѣтеръ или паръ, но онъ не въ состояніи произвести ни одного растенія, ни одного животнаго. Вся его задача заключается въ томъ, чтобы поставить силы природы въ такія условія, при которыхъ онѣ могли бы дѣйствовать сообразно съ его цѣлями.

Этотъ громадный перевѣсъ естественныхъ силъ надъ всѣмъ, что можетъ совершить человѣкъ, привелъ физіократовъ къ убѣжденію, что, въ сущности, производительны только силы природы, которыя однѣ даютъ человѣку все нужное для удовлетворенія его потребностей. Поэтому они главное значеніе въ экономическомъ производствѣ придавали землѣ. По ихъ ученію, весь доходъ общества получается отъ земли. Однако, болѣе строгій анализъ не замедлилъ обнаружить всю односторонность этого взгляда. Адамъ Смитъ неопровержимымъ образомъ доказалъ производительную силу человѣческаго труда. Дѣло въ томъ, что силы природы, сами по себѣ взятыя, едва въ состояніи доставить человѣку самое скудное пропитаніе; только трудъ обращаетъ ихъ на пользу человѣка и заставляетъ ихъ служить его цѣлямъ. Труду, поэтому, принадлежитъ первенствующее значеніе въ произведеніи полезностей.

Изъ этого не слѣдуетъ однако, что экономически производителенъ одинъ трудъ, какъ полагаютъ нѣкоторые экономисты, а за ними и всѣ соціалисты. Будучи обращены на пользу человѣка, силы природы не перестаютъ дѣйствовать и производить полезные для него предметы. Человѣкъ своимъ трудомъ все-таки не въ состояніи ихъ замѣнить. Онъ пашетъ землю и кладетъ въ нее сѣмена; но затѣмъ ростъ этихъ сѣмянъ и полученіе изъ нихъ болѣе или менѣе обильной жатвы зависятъ отъ совершенно недоступныхъ его вліянію климатическихъ условій: отъ свѣта, теплоты и дождя. Онъ можетъ приручить животныхъ и дать имъ возможность размножаться, но самое размноженіе производится не имъ. Усвоенныя имъ силы природы даютъ ему новыя произведенія, удовлетворяющія его потребностямъ. Самая работа его рукъ можетъ быть замѣнена естественными силами. Въ первобытномъ хозяйствѣ люди молотятъ хлѣбъ цѣпами; но таже полезная работа можетъ быть произведена водою или паромъ. Если въ пер-

вомъ случаѣ мы считаемъ трудъ производительнымъ, то и во второмъ мы не можемъ отрицать этого свойства у замѣняющей его силы природы. Невозможно поэтому утверждать, что полезность придается произведеніямъ единственно трудомъ. Если въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ положено въ землю одинакое количество труда и умѣнія, а въ одной, вслѣдствіе неблагопріятныхъ физическихъ условій, урожай вышелъ скудный, а въ другой обильный, то кто же произвелъ этотъ избытокъ богатства: природа или трудъ? Если на Югѣ родится свекловица, а на Сѣверѣ нѣтъ, или одинъ годъ она даетъ обильный процентъ сахара, а въ другихъ скудный, то кому сахаровары обязаны своимъ богатствомъ?

Ясно, что отрицать участіе силъ природы въ экономическомъ производствѣ нѣтъ никакой возможности. Если производство, въ концѣ концовъ, состоитъ въ совершеніи полезныхъ передвиженій, то это можетъ дѣлаться силами природы, точно также какъ и рукою человѣка, вслѣдствіе чего одно замѣняется другимъ, и эта замѣна составляетъ одну изъ главныхъ пружинъ промышленнаго развитія. Гдѣ есть два фактора, надобно опредѣлить участіе обоихъ, а не отвергать одинъ въ пользу другаго, закрывая глаза на дѣйствительность.

Еще меньше можно отрицать производительную силу третьяго дѣятеля производства—капитала. Капиталъ есть произведеніе, обращенное на новое производство, слѣдовательно, онъ представляетъ какъ бы накопленный трудъ. Отвергать его производительность значитъ отрицать производительность положеннаго на него труда, что очевидно нелѣпо. Конечно, никакому экономисту не могла придти въ голову подобная несообразность; но соціалисты, не отступающіе ни передъ какою несообразностью, утверждаютъ, что капиталъ ничего не производитъ, а только увеличиваетъ производительную силу труда. Трудно понять смыслъ этого положенія, которое изобрѣтено, кажется, единственно затѣмъ, чтобы, пуская пыль въ глаза, затемнить истинное существо дѣла. Конечно, капиталъ безъ труда мертвъ; но и трудъ безъ капитала безсиленъ. Если онъ производитъ болѣе, нежели онъ могъ бы производить самъ по себѣ, то этотъ избытокъ очевидно производится участіемъ въ дѣйствіи капитала. Нельзя даже сказать, что капиталъ является страдательнымъ орудіемъ въ рукахъ рабочаго; часто бываетъ наоборотъ. Въ машинѣ, какъ движущая сила, такъ и самая работа принадлежатъ орудію; а состоящіе при ней рабочіе имѣютъ служебное значеніе. Паровой двигатель самъ работаетъ, а не увеличиваетъ только производительность работы кочегара. Мельница мелетъ муку, а мельникъ только всыпаетъ зерно. Въ машинѣ дѣй-

ствуетъ сила природы, покоренная человѣкомъ и обращенная на его пользу. Но это покореніе не есть дѣло рабочаго, который служитъ при машинѣ, а того, кто ее изобрѣлъ и построилъ. Плодотворная сила умственнаго труда, обращенная на будущее и осуществленная въ капиталѣ, даетъ послѣднему такую производительную силу, какой не имѣетъ никакая физическая работа. Утверждать, что работа инженера, строившаго машину, сама по себѣ непроизводительна, а служитъ единственно къ тому, чтобы дѣлать болѣе производительною работу кочегаровъ, можно только потерявъ всякое уваженіе къ здравому смыслу. Столь же нелѣпо утверждать, что участіе капитала въ производствѣ опредѣляется его тратою. Если трудъ имѣетъ способность производить болѣе, нежели нужно для его поддержанія, то капиталу эта способность принадлежитъ въ несравненно большей степени. Въ этомъ именно состоитъ могущество мысли, заставляющей силы природы служить ея цѣлямъ. Самый трудъ только съ помощью капитала получаетъ избытокъ.

Очевидно, все это ученіе ничто иное какъ пустая декламація, изобрѣтенная шарлатанствомъ и подхваченная легкомысліемъ. А между тѣмъ, все современное ученіе соціалистовъ покоится на этой основѣ. Этою безсмыслицей двигаются массы, которыхъ увѣряютъ, что всѣ произведенія промышленности въ сущности принадлежатъ имъ, что капиталисты, присвоивающіе себѣ значительную долю въ произведеніяхъ, обираютъ рабочихъ. И милліоны людей, которыхъ страсти возбуждены, а умъ неспособенъ разобраться въ тонкостяхъ понятій, во имя этихъ безсмыслицъ ополчаются на весь современный общественный строй и грозятъ ему разрушеніемъ. И что всего хуже, находятся люди, занимающіеся наукою, которые потакаютъ этимъ нелѣпостямъ и стараются отыскать въ нихъ глубокій смыслъ. Нельзя не сказать, что такое явленіе свидѣтельствуетъ о весьма невысокомъ состояніи современной мысли *).

Существенное отличіе труда отъ природы и капитала состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ дѣятельность свободно-разумнаго существа, съ которымъ поэтому нельзя обращаться какъ съ простымъ орудіемъ. Отсюда незаконность рабства и крѣпостнаго состоянія. Какъ физическое существо, человѣкъ принужденъ работать для удовлетворенія своихъ потребностей; но онъ дѣлаетъ это по собственному изволенію, и если онъ соединяется для работы съ другими людьми, то это дѣлается не иначе, какъ на основаніи свободнаго до-

*) Болѣе подробный разборъ соціалистическихъ ученій о дѣятеляхъ производства см. въ моемъ сочиненіи: „Собственность и Государство", ч. I, кн. 2, гл. IV.

говора. Въ этомъ внутреннемъ самопринужденіи заключается нравственное значеніе труда, къ которому мы возвратимся ниже. Но присутствіемъ нравственнаго элемента не измѣняется экономическое значеніе производимой работы. Совершается ли извѣстное движеніе руками человѣка, или рабочимъ скотомъ, или наконецъ машиною, экономическій результатъ будетъ одинъ и тотъ же, въ послѣднихъ случаяхъ даже гораздо большій, нежели въ первомъ. На низшихъ ступеняхъ хозяйственной жизни, хлѣбъ молотятъ цѣпами, затѣмъ машинами съ коннымъ приводомъ, наконецъ являются паровыя молотилки. Значеніе молотьбы, какъ хозяйственнаго дѣйствія, черезъ это не измѣняется; но участіе различныхъ дѣятелей тутъ разное, а потому не одинаково и ихъ участіе въ выгодахъ производства.

Трудъ имѣетъ еще и другое высшее значеніе. Онъ является руководителемъ всего процесса. Онъ ставитъ себѣ цѣли и заставляетъ природу служить человѣческимъ потребностямъ. Но эта высшая роль принадлежитъ не физическому труду, имѣющему служебное значеніе, а соображающей мысли и направляющей волѣ. Экономическая дѣятельность въ полномъ ея составѣ состоитъ въ соединеніи различныхъ факторовъ и въ направленіи ихъ къ общей цѣли. Такое единичное сочетаніе экономическихъ силъ составляетъ *промышленное предпріятіе*. Во главѣ его стоитъ направляющая воля, которая является такимъ образомъ четвертымъ необходимымъ факторомъ производства. Она служитъ связующимъ началомъ всѣхъ остальныхъ, а потому ей принадлежитъ верховное мѣсто. Все экономическое развитіе страны зависитъ отъ предпріимчивости ея жителей.

Таковы четыре дѣятеля экономическаго производства: природа, трудъ, капиталъ и направляющая воля. Разберемъ ихъ одинъ за другимъ.

1. Природа.

Мы уже разсматривали вліяніе природы на общественный бытъ. Положеніе страны, строеніе почвы, климатъ и произведенія опредѣляютъ и общее направленіе экономической дѣятельности. Человѣкъ можетъ пользоваться окружающими его естественными силами, но онъ не въ состояніи ихъ измѣнить. Онѣ кладутъ неизгладимую печать на самый его характеръ и на все его существованіе. Этимъ еще разъ подтверждается значеніе силъ природы, какъ самостоятельнаго фактора экономическаго производства.

Но для того чтобы пользоваться силами природы, чтобы сдѣлать изъ нихъ хозяйственное благо, нужно усвоить ихъ человѣку. Есть такія силы, которыя, находясь въ безграничномъ количествѣ, доступны всѣмъ и каждому, а потому не требуютъ усвоенія. Таковы

свѣтъ, солнечная теплота, воздухъ, сила вѣтра. Но другія существуютъ въ ограниченномъ количествѣ; нерѣдко нужно привести ихъ въ надлежащее состояніе, для того чтобы онѣ могли служить цѣлямъ человѣка. Такова земля съ ея водными потоками и ея произведеніями. Какимъ же путемъ она усвоивается?

Существуетъ мнѣніе, что земля дана Богомъ всему человѣческому роду, а потому никто не имѣетъ права владѣть ею исключительно передъ другими. Такое мнѣніе не имѣетъ ни малѣйшаго, ни фактическаго, ни логическаго основанія. Менѣе всего оно можетъ признаваться тѣми, которые не хотятъ науку утверждать на религіозныхъ вѣрованіяхъ. Но и при всякой точкѣ зрѣнія оно представляется чистою фантазіей. Какое распоряженіе сдѣлалъ Богъ относительно земли при созданіи человѣка, это никому не открыто. Безъ сомнѣнія, человѣкъ, какъ разумное существо, призванъ владычествовать на землѣ. Это логически слѣдуетъ изъ свойствъ его разумной природы и фактически подтверждается всѣмъ существованіемъ человѣчества. Но изъ этого ни логически, ни фактически не вытекаетъ принадлежность земли человѣческому роду, какъ цѣлому, а не тѣмъ или другимъ лицамъ или союзамъ, которые приложили волю къ ея усвоенію. Человѣческій родъ, какъ цѣлое, есть безличный духъ, который не имѣетъ единичной воли, а потому не представляетъ лица способнаго быть субъектомъ правъ и обязанностей. Отдѣльныя же лица имѣютъ право усвоивать себѣ только то, что не принадлежитъ другимъ. Это—коренное начало, на которомъ зиждется все право. Человѣкъ, въ силу духовнаго своего естества, властенъ наложить руку на вещи никому не принадлежащія, ибо онъ имѣетъ передъ собою только матеріальную природу, которая должна ему подчиняться; но какъ скоро съ вещью соединена воля человѣка, онъ обязанъ передъ нею остановиться: на чужую волю онъ не имѣетъ права посягать. Поэтому вновь нарождающіяся поколѣнія получаютъ отъ рожденія лишь то, что имъ передается предками, и могутъ умножать свое достояніе только уважая чужія права; ни на что другое они не могутъ имѣть притязанія. Съ точки зрѣнія разбираемой теоріи, не только отдѣльныя лица, но и самыя государства не имѣютъ права на землю, ибо этимъ исключаются другіе народы, которые имѣютъ на нее совершенно такое же право, какъ и они. Логически проведенное, это ученіе ведетъ къ отрицанію всякаго юридическаго отношенія человѣка къ землѣ, а вслѣдствіе того ко всему окружающему его матеріальному міру, которому земля служитъ основой. Это чистый абсурдъ.

Еще менѣе логической состоятельности имѣетъ теорія, которая право собственности на землю признаетъ исключительно за государ-

ствомъ. Тутъ мы встрѣчаемъ уже совершенный произволъ; ибо какъ скоро мы не присвоиваемъ земли всему человѣчеству, такъ нѣтъ основанія присвоивать его той или другой части человѣчества. Если всякій человѣкъ имѣетъ право на землю, то въ силу чего одни народы исключаются другими? Если же всякому человѣку не принадлежитъ такое право, то оно не принадлежитъ и всякому гражданину, а потому оно не принадлежитъ и государству, какъ представителю совокупности гражданъ. Излагая существо и цѣли государства, мы показали, что изъ природы его вовсе не вытекаетъ присвоеніе ему земли, какъ частной собственности. Неотъемлемо принадлежащее ему верховное территоріальное право должно быть строго отличено отъ принадлежащаго отдѣльнымъ лицамъ права частной собственности. Первое опредѣляется публичнымъ правомъ, второе частнымъ. Государство тѣмъ менѣе можетъ предъявлять подобное притязаніе, что само оно позднѣйшаго происхожденія; оно является продуктомъ культуры, а культура предполагаетъ уже упроченную частную собственность. Исторически, первоначальными земельными собственниками являются тѣ первобытные патріархальные союзы, родъ и семья, которые въ доисторическія времена овладѣли никѣмъ не занятою землею. Съ распаденіемъ же родовъ и семействъ естественными наслѣдниками ихъ являются отдѣльныя лица, изъ которыхъ они состоятъ, а отнюдь не государство, которое, воздвигаясь надъ этою частною сферой, имѣетъ надъ нею только тѣ права, которыя требуются для удовлетворенія совокупныхъ интересовъ. Все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ есть только актъ насилія, а не разумное требованіе.

Съ строго юридической точки зрѣнія, всякое право первоначально принадлежитъ отдѣльному лицу, ибо право есть опредѣленіе воли, а воля, по природѣ, принадлежитъ физическому лицу. Юридическое же лице является производнымъ созданіемъ юридическаго мышленія, связывающаго физическія лица въ одно мыслимое цѣлое, которому присвоиваются извѣстныя права во имя совокупныхъ интересовъ. Но пользуясь своимъ правомъ, которое есть выраженіе его свободы, единичное лице не имѣетъ права посягать на свободу и права другихъ. Свободная воля человѣка тогда только становится правомъ, когда она подчиняется общему закону, разграничивающему области, присвоенныя отдѣльнымъ лицамъ. Право есть взаимное ограниченіе свободы подъ общимъ закономъ. Это относится и къ юридическимъ лицамъ. Какъ частные собственники, они могутъ присвоивать себѣ только то, что не принадлежитъ другимъ, а какъ представители совокупныхъ интересовъ, они въ правѣ требовать отъ своихъ членовъ только то, что нужно для удовлетворенія этихъ интересовъ.

Эти начала прилагаются и къ поземельной собственности. Всякое дѣйствующее въ мірѣ лице, физическое или юридическое, имѣетъ право присвоивать себѣ то, что не принадлежитъ никому, но никто не имѣетъ права присвоивать себѣ то, что уже усвоено другими. Здѣсь воля человѣка встрѣчается уже не съ природою, предназначенною къ подчиненію, а съ чужою волей, которая должна быть уважена. Поэтому и государство имѣетъ право присвоить себѣ только никому не принадлежащія земли; частныя же земли оно въ правѣ отнимать у владѣльцевъ лишь въ силу общественной потребности, съ справедливымъ вознагражденіемъ. Въ области публичнаго права оно присвоиваетъ себѣ чужія области путемъ занятія или завоеванія; но это относится къ верховному территоріальному праву, а не къ частной собственности, которая должна оставаться неприкосновенною.

Таковы чисто юридическія начала, которыми опредѣляется происхожденіе поземельной собственности. На этомъ основано *право занятія*. Экономическая дѣятельность прибавляетъ къ этому новое начало—*право труда*. Человѣку, какъ свободному существу, должны быть присвоены плоды его труда. Поэтому, если онъ приложилъ свою работу къ никому не принадлежащей землѣ, если онъ привелъ ее въ такое состояніе, которое дѣлаетъ ее способною служить человѣческимъ цѣлямъ, то она принадлежитъ ему, и никому другому. Но онъ не имѣетъ права прилагать свой трудъ къ землѣ уже усвоенной другимъ, иначе какъ оказывая уваженіе чужой волѣ, то-есть, по взаимному соглашенію. Какъ всякое явленіе свободы, трудъ тогда только становится правомъ, когда онъ подчиняется общему закону и уважаетъ права другихъ.

Этотъ экономическій источникъ собственности совершенно уже недоступенъ государству, которое само не трудится, а только пользуется трудомъ физическихъ лицъ. Отсюда ясно, что единичное лице имѣетъ не только первоначальное, но и сугубое право на поземельную собственность. Оно присвоиваетъ себѣ землю, какъ потому что право занятія предшествуетъ государству, такъ и потому, что оно въ землю полагаетъ свой трудъ. Затѣмъ все дальнѣйшее движеніе поземельной собственности совершается уже производнымъ путемъ, въ силу свободнаго договора или законнаго наслѣдованія. Дѣти получаютъ достояніе родителей, а если они хотятъ что-нибудь сами по себѣ пріобрѣсти, они должны дѣлать это собственнымъ трудомъ, или покупкою отъ другихъ. Никто при рожденіи не обязанъ ничѣмъ ихъ надѣлять. Свободный человѣкъ не получаетъ надѣла, а пріобрѣтаетъ землю самъ. Таковы чистыя начала права и экономической науки. Они могутъ видоизмѣняться только въ силу историческихъ условій,

которыя дѣлаютъ человѣка крѣпостнымъ и сохраняются, какъ преданіе, даже при выходѣ изъ крѣпостнаго права.

Именно эти условія существуютъ на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, въ порядкѣ родовомъ и сословномъ. Господствующее въ нихъ смѣшеніе областей, гражданской и политической, отражается особенно рѣзко на поземельной собственности, которая въ раннія эпохи, при маломъ развитіи промышленности, составляетъ главную основу всего общественнаго быта. Въ родовомъ порядкѣ, земельные надѣлы родовъ получаютъ политическое значеніе, такъ какъ и самые роды имѣютъ государственный характеръ. Развитіе гражданскихъ отношеній разбиваетъ эти преграды и даетъ передвиженію собственности бо́льшую свободу. Но переходъ къ сословному порядку опутываетъ ее новыми узами. Въ Римской Имперіи развитіе колоната и эмфитевзиса связало ее больше прежняго. О свободной собственности тутъ нѣтъ рѣчи. Съ утвержденіемъ сословнаго порядка эти начала достигаютъ крайняго развитія. Въ феодализмѣ іерархически организованная поземельная собственность становится основаніемъ общественныхъ отношеній. Съ возрожденіемъ государства на нее обращаются всѣ повинности. Крѣпостная зависимость развивается во всѣхъ своихъ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ. Тутъ является и надѣленіе крестьянъ землею со стороны помѣщика или государства. Они получаютъ ее не какъ свободные люди, которые пользуются своимъ правомъ, а какъ невольники, обязанные нести съ нея принудительныя тягости. Но и этотъ порядокъ, въ свою очередь, оказывается безсильнымъ противъ требованій экономическаго развитія. И онъ наконецъ разрушается напоромъ новыхъ экономическихъ силъ и уступаетъ мѣсто общегражданскому строю.

Въ послѣднемъ, какъ мы видѣли, чистыя начала права и экономической свободы находятъ полное свое приложеніе. Ими управляется и поземельная собственность, тамъ, гдѣ ея устройство не видоизмѣняется политическими соображеніями. Въ экономическомъ отношеніи, свобода собственности имѣетъ ту громадную выгоду, что земля переходитъ въ руки тѣхъ, которые способны извлечь изъ нея наибольшую пользу, чѣмъ самымъ возвышается общее производство. При обиліи непочатыхъ еще естественныхъ силъ и скудости капиталовъ, часть естественныхъ богатствъ превращается въ деньги: это—такъ называемое хищническое хозяйство, которое практикуется въ промышленно мало развитыхъ странахъ. Наоборотъ, когда земли становится недостаточно, а капиталъ обиленъ, земли переходятъ въ руки капиталистовъ, которые одни въ состояніи дать ей надлежащую обработку и получить съ нея наибольшую выгоду.

Этотъ двоякій процессъ характеризуетъ двоякаго рода хозяйство, имѣющее совершенно различное экономическое, а вмѣстѣ и общественное значеніе: хозяйство экстенсивное и интенсивное. При обиліи земель и маломъ количествѣ капитала и рукъ, главная выгода состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться естественными богатствами почвы. При такомъ направленіи является стремленіе распространяться въ ширь, вести хозяйство въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ. Наоборотъ, когда земли становится мало, и почва, вслѣдствіе постоянной обработки, истощается, а капиталъ и рабочія руки, напротивъ, умножаются, является потребность съузить хозяйство и дать ему большую напряженность. Землѣ надобно возмѣстить то, что у нея берется, и чѣмъ больше отъ нея требуется, тѣмъ больше приходится въ нее вложить. Однако и это имѣетъ свои экономическіе предѣлы. Вложеніе капитала въ землю тогда только выгодно, когда оно окупается въ цѣнѣ произведеній. Жатва не ростетъ пропорціонально вложенному капиталу, ибо дѣйствующія тутъ силы природы, съ увеличеніемъ напряженія, даютъ все меньше и меньше; слѣдовательно, все здѣсь зависитъ отъ хозяйственнаго расчета, который, въ свою очередь, опредѣляется цѣной произведеній и условіями рынка.

Понятно, что государство не имѣетъ ни возможности, ни призванія регулировать эти отношенія. Всякій хозяйственный расчетъ есть дѣло личнаго интереса, который вслѣдствіе этого становится опредѣляющимъ началомъ всей хозяйственной дѣятельности на извѣстной ступени промышленнаго развитія. Государство можетъ только открывать кредитъ, строить пути сообщенія и, главное, устранять препятствія. Но какъ должно всѣмъ этимъ пользоваться, это чисто дѣло хозяина и никого другаго. При нерасчетливости самый кредитъ, открываемый государствомъ, можетъ быть источникомъ разоренія. Это хорошо знаютъ русскіе помѣщики. Слѣдовательно, во всей этой области личный интересъ, по самому существу дѣла, является иниціаторомъ и руководителемъ, и это именно признается и узаконяется общегражданскимъ порядкомъ.

При свободномъ передвиженіи поземельной собственности, сами собою установляются и различные ея размѣры. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои хозяйственныя выгоды и присущіе ему недостатки. Крупная поземельная собственность составляетъ принадлежность образованнаго и зажиточнаго класса, а потому она имѣетъ всѣ тѣ экономическія выгоды, которыя проистекаютъ отъ приложенія къ хозяйству капитала и образованія. Но при обширномъ производствѣ хозяинъ очевидно не можетъ вникать во всѣ подробности; многое отъ него ускользаетъ, а потому онъ не въ состояніи извлечь изъ земли все, что она

можетъ дать. Мелкое хозяйство, напротивъ, имѣетъ ту несравненную выгоду, что хозяинъ во все вникаетъ самъ и пользуется всѣмъ; но обыкновенно у него есть недостатокъ и въ деньгахъ и въ умѣніи. При слишкомъ большой дробности участковъ самое хозяйство становится затруднительнымъ. Однако и тутъ принадлежащій семьѣ клочокъ земли можетъ служить существеннымъ подспорьемъ при другихъ занятіяхъ. Средняя поземельная собственность соединяетъ въ себѣ выгоды большихъ и малыхъ; но въ какихъ размѣрахъ и въ какой формѣ она установляется, это опять зависитъ отъ свойства лицъ, обладающихъ среднимъ достаткомъ, отъ существующихъ экономическихъ условій и наконецъ отъ расчета. Иногда небольшому поземельному собственнику бываетъ выгодно продать свой участокъ крупному землевладѣльцу и сдѣлаться у него арендаторомъ, обративъ весь свой капиталъ на производство. Именно это и произошло въ Англіи. Мелкіе поземельные собственники превратились въ фермеровъ, и это возвело англійское сельское хозяйство на ту высокую ступень развитія, на которой оно стоитъ. Новыя экономическія условія могутъ существенно измѣнить эти отношенія. Нынѣ конкурренція непочатыхъ еще странъ, при дешевизнѣ сообщеній, порождаетъ серіозный кризисъ въ англійскомъ земледѣліи. Приходится сокращать посѣвы, ограничивать помѣщеніе капитала наиболѣе производительными почвами, изслѣдовать новые способы хозяйства, что опять же можетъ быть только дѣломъ расчета, то-есть, личнаго интереса.

Если послѣ всего этого мы спросимъ: какое же въ экономическомъ отношеніи наиболѣе выгодное распредѣленіе поземельной собственности, то на это слѣдуетъ отвѣтить: то, которое установляется само собой. Идеально можно, вмѣстѣ съ Рошеромъ, признать наиболѣе выгоднымъ совмѣстное существованіе крупной, мелкой и средней поземельной собственности, съ преобладаніемъ однако средней величины; но тутъ есть столько разнообразныхъ вліяющихъ условій, что установить какое-либо общее правило нѣтъ возможности. Все окончательно зависитъ отъ способности людей расчетливо вести свои дѣла. Государство можетъ давать какія угодно привилегіи тѣмъ или другимъ разрядамъ лицъ; если они не въ состояніи стоять на своихъ ногахъ, все это будетъ напрасно: они не избавятся отъ разоренія. Въ хозяйственной области, какъ и во всѣхъ другихъ, прочность имѣютъ только тѣ силы, которыя способны держаться сами собой, безъ внѣшней опоры. Это должно быть основнымъ правиломъ здравой экономической политики. Поэтому и помощь слѣдуетъ оказывать только тѣмъ, которые могутъ употребить ее на настоящее дѣло, на пользу не только себѣ, но и всему обществу.

Однако задачи государства не ограничиваются экономическими отношеніями. Мы видѣли, что для всего общественнаго и государственнаго быта въ высшей степени важно существованіе прочныхъ частныхъ жизненныхъ центровъ, въ которыхъ сосредоточиваются и семейныя преданія и общественныя связи. Поддержкою аристократическаго строя служитъ крупная поземельная собственность; въ демократическомъ строѣ такую же роль играетъ мелкая. Государство тѣмъ менѣе можетъ имѣть въ виду однѣ экономическія цѣли, что самый переходъ собственности изъ рукъ въ руки опредѣляется не одними хозяйственными соображеніями. Наслѣдство есть не экономическое, а юридическое начало, вытекающее изъ семейной связи. Регулируя его, государство имѣетъ въ виду не только существенно важное его значеніе для экономическаго быта, но и указанныя выше требованія семейнаго начала и общественнаго порядка. Задача здравой политики, здѣсь, какъ и вездѣ, заключается не въ послѣдовательномъ проведеніи односторонняго направленія, а въ соображеніи разнообразныхъ требованій жизни и въ приведеніи ихъ къ тому результату, который согласуется съ существующими условіями.

Къ этому мы возвратимся еще ниже, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ дѣятелей производства.

2. Трудъ.

Безъ приложенія труда силы природы остаются втунѣ. Только трудъ обращаетъ ихъ на пользу человѣка. Отсюда первенствующее его значеніе въ экономическомъ производствѣ. Самый капиталъ имѣетъ своимъ источникомъ трудъ.

Какъ дѣятельность человѣка, обращенная на физическую природу, трудъ имѣетъ двѣ стороны: матеріальную и умственную. Одна состоитъ въ произведеніи физическихъ движеній, другая въ направленіи этихъ движеній. Послѣднюю опять можно подраздѣлить на два разряда: трудъ техническій, который состоитъ въ руководствѣ извѣстными пріемами, приспособленными къ матеріальной цѣли, и трудъ административный, который состоитъ въ направленіи цѣлой совокупности дѣйствій различныхъ лицъ къ общей экономической цѣли. Эти различныя стороны могутъ сочетаться, при чемъ каждая изъ нихъ можетъ быть преобладающею. Отсюда различныя формы и свойства труда.

Мы видѣли, что въ производствѣ окончательно все сводится къ совершенію извѣстныхъ физическихъ передвиженій. При покореніи природы, эта форма труда составляетъ для человѣка первую и самую насущную необходимость. Высшее экономическое развитіе ведетъ къ

тому, что многія изъ этихъ передвиженій совершаются силами природы или нарочно устроенными для того машинами. Но каково бы ни было развитіе, отъ самого человѣка всегда требуется значительная доля физическаго труда. Дѣйствіе машинъ надобно поддерживать, силы природы надобно направлять посредствомъ физическихъ передвиженій. Самое расширеніе производства вслѣдствіе техническихъ совершенствованій ведетъ къ тому, что при машинахъ требуется большее и большее количество рабочихъ рукъ. Поэтому огромное большинство человѣческаго рода всегда было и будетъ обречено на физическій трудъ. Таковъ удѣлъ человѣка, какъ физическаго существа, призваннаго жить въ матеріальномъ мірѣ и пользоваться имъ для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей.

Между тѣмъ, эта форма труда имѣетъ чисто-служебное значеніе. Само по себѣ, совершеніе физическихъ передвиженій отнюдь не дѣлаетъ еще трудъ производительнымъ. Обезьяна, которая въ баснѣ катаетъ бревна, подражая человѣку, служитъ тому нагляднымъ примѣромъ. Все дѣло въ томъ, чтобы трудъ былъ надлежащимъ способомъ направленъ къ экономической цѣли, а это задача не физическаго, а направляющаго труда, слѣдовательно не рабочаго, а хозяина предпріятія. Кочегаръ при машинѣ не имѣетъ понятія ни о техническомъ устройствѣ, ни о цѣляхъ производства. Онъ дѣлаетъ только то, что ему указано. Такимъ образомъ, силою вещей, рабочіе состоятъ въ служебномъ отношеніи къ хозяину. Этого требуетъ, какъ характеръ ихъ дѣятельности, такъ и призваніе ихъ въ экономическомъ производствѣ. И чѣмъ шире предпріятіе, чѣмъ отдаленнѣе цѣли, тѣмъ болѣе упрочивается это отношеніе. На низшихъ ступеняхъ, въ мелкихъ производствахъ, рабочій самъ можетъ быть вмѣстѣ и хозяиномъ. На высшихъ ступеняхъ, при машинномъ производствѣ, эти двѣ дѣятельности болѣе и болѣе расходятся, ибо требуютъ совершенно различныхъ способностей, приготовленія и достатка. Развитіе экономическаго быта ведетъ къ спеціализаціи, а не къ смѣшенію призваній и занятій. Во всякомъ случаѣ, физическій трудъ, какъ таковой, всегда имѣетъ назначеніе служебное. Рабочіе при машинѣ могутъ быть вмѣстѣ хозяевами предпріятія, но они являются таковыми въ качествѣ пайщиковъ, то-есть капиталистовъ, а не какъ рабочіе.

Это служебное значеніе физическаго труда ведетъ къ возможности порабощенія человѣка. Мы видѣли, что на низшихъ ступеняхъ общественнаго быта это составляетъ явленіе всеобщее. Родовой порядокъ зиждется на рабствѣ, сословный порядокъ на крѣпостномъ правѣ. Но состояніе порабощенія противорѣчитъ природѣ человѣка, какъ разумнаго существа. Поэтому, рано или поздно, основанныя на немъ

общественныя связи рушатся, и человѣчество приходитъ наконецъ къ общегражданскому порядку, который, установляя начало всеобщей гражданской свободы, тѣмъ самымъ является завершеніемъ общественнаго развитія.

Этимъ утверждается и основное начало экономической дѣятельности—личный интересъ. Признаніемъ свободы труда провозглашается право человѣка работать не иначе, какъ по собственному внутреннему побужденію, въ виду собственнаго интереса. Конечно, человѣкъ можетъ работать даромъ, на пользу другихъ; но онъ дѣлаетъ это опять же по собственной волѣ: никто не въ правѣ его къ этому принудить. Главнымъ руководящимъ началомъ экономической дѣятельности во всякомъ случаѣ остается достиженіе экономической цѣли, то-есть, экономическій интересъ. Поэтому и свободное участіе работника въ достиженіи этой цѣли опредѣляется его участіемъ въ этомъ интересѣ: отдавая свою работу, онъ имѣетъ право на вознагражденіе; въ виду этого онъ работаетъ; оно составляетъ его личный интересъ. И это есть именно то, что дѣлаетъ трудъ плодотворнымъ. Человѣкъ работаетъ усердно и даетъ все, что онъ способенъ дать, только тогда, когда онъ дѣйствуетъ сообразно съ своею природой, то-есть, по внутреннему побужденію, а не подъ страхомъ внѣшней силы. Только низшее качество и количество труда можетъ быть вынуждено; высшее дается одною свободой. Дикаря можно принудить; но зато онъ и даетъ мало. Образованный работникъ трудится только по собственной волѣ, но зато онъ даетъ много.

Этимъ присущимъ ему началомъ личнаго интереса не умаляется нравственное значеніе свободнаго труда. Напротивъ, только черезъ это онъ получаетъ нравственный характеръ. Нравственно то, что не вынуждено, а вытекаетъ изъ собственныхъ, внутреннихъ побужденій человѣка. Экономическій трудъ не есть только средство для удовлетворенія физическихъ потребностей; это нравственный долгъ человѣка, призваннаго дѣйствовать на землѣ. Всякій трудъ требуетъ извѣстнаго насилія надъ собою, и это внутреннее насиліе есть нравственный подвигъ, когда оно совершается съ сознаніемъ долга. Добровольное принятіе на себя служебнаго положенія и добросовѣстное исполненіе сопряженныхъ съ этимъ обязанностей дѣлаетъ работника достойнымъ уваженія. Въ этомъ состоитъ святость труда. И когда съ этимъ соединяется поддержаніе семьи и возможность не только устроить собственную жизнь, но и оказывать помощь другимъ, то понятно, что экономическій трудъ является однимъ изъ самыхъ высокихъ началъ общественной жизни.

Но всякое нравственное начало можетъ быть извращено. Экономичес-

кая дѣятельность, которая руководится беззастѣнчивою корыстью, презирающею чужія права и вымогающею все, что можно, у неимущихъ, становится безнравственною. Точно также и служебный трудъ дѣлается безнравственнымъ, когда, вмѣсто сознанія долга, онъ превозносится непомѣрно, требуетъ того, что ему не принадлежитъ, разжигается злобою и ненавистью ко всему, что стоитъ выше его. А къ этому именно ведетъ современная проповѣдь соціалистовъ. Она становится вдвойнѣ отвратительною, когда это извращеніе всѣхъ нравственныхъ понятій прикрывается личиною человѣколюбія и общаго блага. Если первые наивные утописты, въ родѣ Сенъ-Симона и Фурье, дѣйствительно воодушевлялись дурно понятымъ стремленіемъ къ идеальному совершенству человѣческаго рода, то переходя въ практику, особенно въ рукахъ Лассаля, Карла Маркса и ихъ послѣдователей, эти невинныя утопіи превратились въ чистыя орудія ненависти и вражды. Рабочимъ массамъ толкуютъ на всѣхъ перекресткахъ, что ихъ обираютъ, что всѣ плоды экономической дѣятельности принадлежатъ исключительно имъ, что современное общество, построенное на ложныхъ началахъ, должно быть разрушено и замѣнено новымъ, гдѣ управляемое рабочими государство будетъ имѣть въ своихъ рукахъ и всю землю и всѣ орудія производства. И массы, неспособныя разобраться въ туманѣ понятій, потерявшія всякій нравственный смыслъ, разжигаются разрушительными страстями и готовы ежечасно посягнуть на все, что выработано многовѣковымъ развитіемъ человѣчества. Таково современное состояніе Западной Европы. Оно свидѣтельствуетъ о глубокомъ нравственномъ, также какъ и умственномъ упадкѣ общества. Причины этого упадка мы постараемся выяснить ниже.

Извращая нравственное значеніе труда, соціализмъ разрушаетъ въ самомъ корнѣ и присущее ему начало экономической свободы, которое требуетъ принципіальнаго отдѣленія экономической области отъ политической. Свобода труда находитъ приложеніе только въ частной дѣятельности, тамъ, гдѣ возможенъ выборъ занятій и отношенія опредѣляются взаимными соглашеніями. Но она устраняется изъ такого порядка, гдѣ государство является единственнымъ предпринимателемъ, а всѣ рабочіе превращаются въ чиновниковъ. Никто не говоритъ о свободѣ труда въ области государственнаго управленія. Свобода чиновника ограждается лишь тѣмъ, что при существующихъ условіяхъ онъ всегда имѣетъ возможность выбирать между государственною службою и частною; есть сфера, гдѣ остается полный просторъ для его личной дѣятельности. Если же и эта сфера будетъ поглощена государствомъ, если всякая частная дѣятельность исчезнетъ, то гдѣ

же будетъ убѣжище для свободы? Такой порядокъ ничто иное какъ всеобщее рабство.

И тутъ эта безумная проповѣдь прикрывается нравственною личиною. Соціалисты всѣми силами ополчаются противъ личнаго интереса, какъ безнравственнаго начала, которое должно быть искоренено. Но если изгнать личный интересъ изъ экономической области, то о справедливомъ вознагражденіи за трудъ не можетъ быть рѣчи. Общество превращается въ стадо, которое работаетъ и кормится по мановенію власти. Общественный интересъ, который при такой системѣ долженъ быть руководящимъ началомъ всей экономической дѣятельности, становится принудительнымъ, и для свободы нѣтъ болѣе мѣста. Это опять полное извращеніе всѣхъ нравственыхъ понятій.

Въ еще большей степени требованіе свободы прилагается къ труду техническому и административному. Для перваго нужно приготовленіе, и чѣмъ выше и сложнѣе задача, тѣмъ приготовленіе должно быть значительнѣе. Это--умственный капиталъ, который накопляется въ учебные годы, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи приносить постоянные проценты. Въ высшихъ своихъ видахъ техника примыкаетъ къ наукѣ, которая въ этой области является направляющимъ началомъ экономической дѣятельности. Техническій трудъ, руководимый научными знаніями, совершенно даже отдѣляется отъ физическаго труда, который возлагаается на подчиненныя лица: техникъ даетъ указанія, а рабочіе ихъ исполняютъ. Но техническій трудъ можетъ состоять не столько въ знаніи, сколько въ умѣніи; тогда онъ соединяется съ физическою работою. Такой характеръ имѣетъ въ особенности трудъ художественный, который даетъ произведенію извѣстное изящество. Здѣсь область проявленія личнаго таланта, составляющаго прирожденную способность человѣка, хотя и развиваемаго ученіемъ. Наконецъ, въ трудѣ административномъ требуется главнымъ образомъ приложеніе воли; здѣсь преобладающее значеніе имѣетъ характеръ.

Эти три начала: знаніе, талантъ и характеръ, суть духовные элементы труда. Они не составляютъ принадлежности массъ. Это—чисто личныя свойства меньшинства, выдающагося своими способностями. Имъ, по самому существу дѣла, принадлежитъ руководящая роль въ экономическомъ производствѣ. Только одухотворенное этими высшими силами, оно достигаетъ полноты развитія. Рабочія же руки служатъ для нихъ только орудіями.

Однако и эти силы, въ свою очередь, состоятъ въ служебномъ отношеніи къ предпринимателю, ибо не они полагаютъ цѣли, расчитываютъ средства и берутъ на себя рискъ. Иниціаторомъ и верховнымъ руководителемъ предпріятія является все-таки хозяинъ. Всѣ разсѣян-

ные элементы экономическаго производства собираются во едино верховною руководящею волей, которой принадлежитъ окончательное рѣшеніе и на которую падаетъ барышъ или убытокъ. Все остальное есть только исполненіе.

Такимъ образомъ, чисто физическій трудъ имѣетъ сугубо служебный характеръ. Надъ массою рабочихъ рукъ возвышается аристократія знаній, таланта и характера, а послѣдняя, въ свою очередь, подчиняется монархическому руководству направляющей воли. Таковы отношенія, вытекающія изъ самой природы вещей. Конечно, на практикѣ встрѣчаются самыя разнообразныя сочетанія элементовъ; рабочій можетъ сдѣлаться капиталистомъ и хозяиномъ. Но высшее развитіе экономическаго производства основано, какъ мы видѣли, на раздѣленіи труда. Не только выдѣляются высшія функціи, но и самый физическій трудъ раздѣляется на многообразныя отрасли, изъ которыхъ каждая имѣетъ своихъ рабочихъ. Со временъ Адама Смита, экономисты единогласно прославляютъ неисчислимыя выгоды раздѣленія труда и тѣ громадные успѣхи, которые подъ вліяніемъ этого начала совершило экономическое производство.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что умножая производство, раздѣленіе труда, доведенное до крайней степени, оказываетъ вредное дѣйствіе на самого работника. Слишкомъ односторонняя и ограниченная дѣятельность ведетъ къ тому, что остальныя силы человѣка глохнутъ. Рабочій, который всю жизнь свою проводитъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ двадцатую часть булавки, становится неспособнымъ ни на что другое. И чѣмъ больше отъ него требуется работы въ этомъ направленіи, тѣмъ тяжелѣе она на него ложится. Машинное производство, требующее отъ приставленныхъ къ нему рабочихъ постояннаго, ежедневнаго многочасоваго напряженія въ однообразной механической дѣятельности, неизбѣжно ведетъ къ отупѣнію. Но эта вредная сторона высшаго экономическаго производства въ немъ самомъ находитъ и противодѣйствующую силу. Она заключается въ присущемъ ему началѣ свободы труда. Становясь добровольно орудіемъ и тѣмъ исполняя свое экономическое назначеніе, человѣкъ не перестаетъ быть человѣкомъ. Онъ сохраняетъ свое, равное съ другими человѣческое достоинство; онъ требуетъ и досуга для развитія своихъ духовныхъ силъ. Эти требованія предъявляются все громче и громче; они ведутъ къ сокращенію рабочаго времени, которое дѣлаетъ работника хозяиномъ часовъ досуга. Само государство беретъ подъ свое покровительство тѣхъ, которые не въ состояніи собственною силой отстаивать свои интересы, именно, женщинъ и дѣтей. Къ нему нерѣдко взываютъ и взрослые рабочіе, требуя законодательнаго ограниченія рабо-

чаго дня. Но такое принудительное ограниченіе можетъ быть установлено только въ ущербъ тѣмъ, которые хотятъ работать долѣе, въ виду бóльшаго вознагражденія. Мы видѣли, что съ юридической точки зрѣнія такое требованіе не можетъ быть оправдано *). Какъ свободное лице, человѣкъ самъ хозяинъ своей работы; запрещать ему работать болѣе извѣстнаго предѣла есть актъ насилія. Никакое большинство не въ правѣ въ этомъ отношеніи принудить меньшинство. Столь же мало такое ограниченіе можетъ быть оправдано съ экономической точки зрѣнія. Разъ признается свобода труда, это начало должно быть проведено во всей своей послѣдовательности. Здѣсь, какъ и вездѣ, регулированіе экономическихъ отношеній должно быть предоставлено свободному дѣйствію экономическихъ силъ.

Сокращеніе рабочихъ часовъ лежитъ, въ значительной степени, въ интересахъ самого экономическаго производства. Чрезмѣрное напряженіе труда дѣлаетъ его менѣе плодотворнымъ. Съ сокращеніемъ часовъ работы нерѣдко получаются бóльшіе результаты. Къ тому же ведетъ развитіе производства и съ другой стороны. Возрастающее покореніе силъ природы умаляетъ участіе человѣка и тѣмъ самымъ доставляетъ облегченіе труду. Здѣсь трудъ находитъ величайшаго своего пособника въ томъ элементѣ, который при близорукомъ взглядѣ представляется ему главнымъ врагомъ, но который, въ концѣ концовъ, одинъ въ состояніи снять съ него излишнее бремя,—въ капиталѣ.

3. Капиталъ.

Капиталъ, какъ сказано, есть произведеніе, обращенное на новое производство. Въ немъ сочетаются природа и трудъ. Какъ произведеніе труда, онъ является накопленнымъ трудомъ: такъ и называютъ его экономисты. Когда же онъ обращается на новое производство, онъ представляетъ извѣстную силу природы, дѣйствующую на пользу человѣка. Таковы всѣ орудія и машины. Даже въ простой иголкѣ, движимой рукою, твердость заостренной стали производитъ то, чего не въ состояніи была бы сдѣлать сама рука. Въ машинѣ сила природы является вмѣстѣ и двигателемъ; она замѣняетъ рабочія руки.

Отсюда производительность капитала. Она заключается, съ одной стороны, въ силахъ природы, покоренныхъ человѣку и дѣйствующихъ на его пользу, съ другой стороны въ производительности предшествующаго, положеннаго въ произведеніе труда. Но производительною является здѣсь не физическая работа, употребленная на созданіе произведенія и получившая свое вознагражденіе, а мысль, устрем-

*) См. ч. I, стр. 213.

ленная на будущее и обращающая это произведеніе на новое производство. Капиталъ есть воплощеніе мысли, покоряющей природу и заставляющей ее служить цѣлямъ человѣка.

Это именно и даетъ ему возможность производить несравненно болѣе того, что было употреблено на его произведеніе и что нужно для его поддержанія. Все богатство, которымъ обладаетъ человѣческій родъ, есть произведеніе капитала. Самъ по себѣ, физическій трудъ едва въ состояніи удовлетворить самымъ скуднымъ потребностямъ человѣка. Только сила мысли, воплощенная въ капиталѣ и чрезъ его посредство покоряющая природу, дѣлаетъ человѣка царемъ земли.

Этотъ процессъ начинается съ самыхъ первыхъ ступеней развитія. Дикарь, который дѣлаетъ себѣ лукъ и стрѣлы или изобрѣтаетъ удочку, является уже первымъ капиталистомъ. И каждый новый шагъ есть увеличеніе капитала. Произведенное однимъ поколѣніемъ передается другому, которое, въ свою очередь, умножаетъ это достояніе и передаетъ его своимъ потомкамъ. Въ этомъ постепенномъ накопленіи капитала, передаваемаго отъ поколѣнія поколѣнію, состоитъ все экономическое развитіе человѣчества. Поэтому совершенно безсмысленно говорить о капиталистическомъ производствѣ, какъ объ исторической категоріи, имѣющей преходящее значеніе. Капиталистическое производство есть сама исторія человѣчества. И чѣмъ болѣе капиталъ является преобладающимъ факторомъ, тѣмъ выше экономическое развитіе, ибо тѣмъ болѣе силы природы покоряются человѣку.

Другой вопросъ: кому принадлежитъ капиталъ? Это вопросъ уже не экономическій, а юридическій, но рѣшеніе его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Всякое произведеніе принадлежитъ тому, кто его произвелъ или кому оно передано производителемъ. А такъ какъ дѣятелями въ экономической области являются физическія лица, то имъ же принадлежитъ и созданный ими капиталъ. Считать капиталы общественнымъ достояніемъ, а капиталистовъ должностными лицами общества, какъ дѣлаютъ соціалисты, есть ничто иное какъ пустая фраза, лишенная всякаго юридическаго и экономическаго смысла. Общество, какъ мы видѣли, есть фиктивное лице, не имѣющее ни мысли, ни воли; въ дѣйствительности, это только собирательное имя, означающее совокупность частныхъ лицъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Государство же, которое есть юридическое лице, представляющее народъ, какъ единое цѣлое, не имѣетъ ни малѣйшаго права на частные капиталы, ибо не оно ихъ произвело. Они передаются частными производителями или пріобрѣтателями своимъ наслѣдникамъ и такимъ образомъ идутъ, накопляясь въ частныхъ рукахъ, отъ по-

колѣнія къ поколѣнію. Таково неизмѣнное и непреложное юридическое правило, вытекающее изъ чистыхъ требованій справедливости и признаваемое вездѣ, гдѣ общественный бытъ управляется началами права, а не произволомъ и насиліемъ.

Этому не противорѣчитъ то, что дѣятельность государства возвышаетъ иногда цѣнность капиталовъ. Такъ напримѣръ, государство можетъ провести къ городу желѣзную дорогу и устроить въ немъ административный центръ; черезъ это возвышается доходность, а вслѣдствіе того и капитальная цѣнность построенныхъ тамъ частныхъ домовъ или существующихъ промышленныхъ заведеній. Но это косвенное вліяніе не даетъ государству ни малѣйшаго права на эти дома, точно также какъ построеніе сахарнаго завода, возвышающее доходность сосѣднихъ земель, не даетъ заводчику никакого права на эти земли. Собственность, находящаяся въ частныхъ рукахъ, подвергается разнообразнымъ стороннимъ вліяніямъ: при благопріятныхъ условіяхъ, она можетъ повышаться въ цѣнѣ, а при неблагопріятныхъ она можетъ потерять всякую цѣнность. Во всякомъ случаѣ, по общему юридическому правилу, рискъ несетъ хозяинъ, и никто другой. Превращеніе города въ столицу можетъ значительно возвысить цѣнность домовъ; но проистекающая отсюда спекуляція можетъ вести къ полному разоренію, чему Италія представляетъ живой примѣръ. Ни до того, ни до другаго государству нѣтъ дѣла. Его выгода ограничивается тѣмъ, что при возвышеніи цѣнъ, оно можетъ взимать большій, соразмѣрный съ увеличенною доходностью налогъ. Ни на что другое его право не простирается. Вообще, такъ-называемыя „конъюнктуры"· или „общественныя соотношенія", которымъ Лассаль, съ обычною своею гиперболическою фразеологіей, приписывалъ непомѣрное значеніе въ образованіи капиталовъ, играютъ въ этомъ процессѣ весьма второстепенную роль. Главными моментами являются здѣсь производство и сбереженіе.

Послѣднее есть опять такое начало, изъ котораго несомнѣнно вытекаетъ присвоеніе капиталовъ частнымъ лицамъ. Произведеніе очевидно принадлежитъ тому, кто имѣлъ право его потребить, но вмѣсто того его сберегъ, съ тѣмъ, чтобъ обратить его на новое производство. Но именно вслѣдствіе очевидности этого положенія, подрывающаго въ самомъ основаніи всю проповѣдь соціалистовъ, послѣдніе всѣми силами возстаютъ противъ сбереженія. Лассаль увѣряетъ, что большая честь капиталовъ такого рода, что ихъ нельзя потреблять, а потому и сберегать, а другія произведенія, напротивъ, слѣдуетъ потреблять, ибо иначе они погибнутъ: дома нельзя ѣсть, а съѣстные припасы нельзя сохранять. Родбертусъ доказывалъ, что

капиталисты, сберегая, дѣйствуютъ какъ должностныя лица, владѣющія общественнымъ достояніемъ, а работники не только не могутъ, но и не должны сберегать, ибо этимъ уменьшается національное потребленіе *). Вся это безсмысленная декламація основана на игрѣ словъ. Сберегать произведенія можно не только въ видѣ вещей, но и въ видѣ денегъ, превращая ихъ въ прочную цѣнность, могущую принять какую угодно форму. Это и совершается во всякомъ производствѣ. Результатъ его превращается въ деньги, и это составляетъ доходъ производителя. Очевидно, этотъ доходъ принадлежитъ ему, и никому другому. Онъ властенъ потребить его на свои текущія надобности или часть его сохранить для новаго производства. Въ послѣднемъ случаѣ онъ поступаетъ не какъ должностное лице которому ввѣрено общественное имущество, а въ силу собственнаго личнаго права, какъ предусмотрительный человѣкъ, который ограничиваетъ настоящее свое потребленіе въ виду будущаго и тѣмъ умножаетъ свое достояніе. Затѣмъ, эта сбереженная часть дохода можетъ, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, лежать у него безъ пользы. Если она предназначается для будущаго производства, то она носитъ уже характеръ капитала, ибо можетъ всегда быть употреблена въ дѣло. Но возможно и то, что это назначеніе не осуществится. Отложенный капиталъ можетъ быть потребленъ самимъ владѣльцемъ или другимъ лицемъ, которому онъ отдается въ ссуду. Онъ можетъ быть употребленъ на разорительное предпріятіе, и тогда онъ пропадаетъ, также какъ пропадаетъ и производительно употребленный капиталъ, если предпріятіе становится невыгоднымъ и прекращается. При всѣхъ этихъ случайностяхъ, одно остается несомнѣннымъ: это — то, что всякое новое прибавленіе капитала дѣлается изъ избытка дохода надъ потребленіемъ, то-есть, путемъ сбереженій. Если открывается новая фабрика, то потребный на это капиталъ берется изъ этого избытка; иначе это будетъ не прибавленіе новаго капитала, а только превращеніе одного вида капитала въ другой. Слѣдовательно, каковы бы ни были случайности, приращеніе капитала совершается путемъ сбереженій; а такъ какъ сбереженное неотъемлемо принадлежитъ тому, кто сберегалъ, то капиталъ принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ и никому другому. Лишать ихъ этого достоянія значитъ нарушить священнѣйшее ихъ право.

Капиталъ можетъ принадлежать и государству; но и онъ имѣетъ частное происхожденіе. Государство беретъ у гражданъ часть принадлежащихъ имъ доходовъ и обращаетъ ихъ на общія потребности.

*) См. *Собственность и Государство* I, стр. 365 и слѣд.

Или же оно занимаетъ у частныхъ лицъ ихъ свободныя сбереженія и выплачиваетъ изъ налоговъ проценты и погашеніе. Такъ составляются, напримѣръ, капиталы желѣзныхъ дорогъ. Эти капиталы экономически производительны, когда они служатъ экономическому производству; но они могутъ имѣть и другое назначеніе, ибо задачи государства не ограничиваются содѣйствіемъ экономическимъ нуждамъ. Защита государства и его историческая роль суть также необходимыя потребности, но результатъ ихъ не измѣряется экономическими выгодами. Во всякомъ случаѣ, эти государственные капиталы суть единственные, принадлежащіе обществу, какъ цѣлому. Ни о какомъ другомъ общественномъ капиталѣ не можетъ быть рѣчи, иначе какъ въ фигуральномъ значеніи. Когда говорятъ объ общественномъ капиталѣ въ смыслѣ совокупности существующихъ въ оборотахъ частныхъ капиталовъ, то этимъ означается только извѣстный объемъ понятія, а отнюдь не такое начало, которое давало бы обществу какое либо *право* на капиталы, принадлежащіе частнымъ лицамъ. Въ юридическомъ смыслѣ, общественный капиталъ есть тотъ, который выдѣляется изъ частнаго достоянія на общественныя потребности. Въ экономическомъ же смыслѣ, общественный капиталъ есть совокупность произведеній, обращенныхъ на новое производство, въ чьихъ бы рукахъ они ни находились и кому бы они ни принадлежали.

Становясь дѣятелемъ производства, капиталъ принимаетъ различныя формы. Главныя изъ нихъ суть капиталъ стоячій и оборотный. Первый сохраняется постоянно: производительная его сила заключается въ пользованіи. Второй, напротивъ, потребляется въ одномъ видѣ, съ тѣмъ чтобы возстановиться въ другомъ. Къ первому разряду принадлежатъ зданія, машины и орудія, ко второму матеріалы, заработная плата, запасы готовыхъ произведеній, наконецъ деньги, какъ представители общей цѣнности продуктовъ.

Относительно стоячаго капитала не можетъ быть сомнѣнія на счетъ его экономическаго характера: это—очевидно произведенія, обращенныя на новое производство. Тоже относится и къ матеріаламъ, какъ тѣмъ, которые преобразуются въ новыя произведенія, такъ и тѣмъ, которые служатъ при этомъ вспомогательными средствами. Но почему заработная плата, составляющая вознагражденіе труда, обыкновенно причисляется къ капиталу?

Нѣкоторые экономисты дѣлаютъ это на томъ основаніи, что заработная плата служитъ для поддержанія работника, какъ дѣятеля въ производствѣ. При этомъ различаютъ даже ту часть заработной платы, которая идетъ на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей и которая поэтому причисляется къ капиталу, и ту, которая идетъ на

прихоти, а потому относится къ потребленію. Но такое очевидно несостоятельное дѣленіе указываетъ на ошибочность самаго взгляда. Работника нельзя разсматривать какъ простое орудіе, которое тратится и возстанавляется; онъ является своеобразнымъ дѣятелемъ, а потому не можетъ быть причисленъ къ капиталу. Какъ человѣкъ, онъ цѣль, а не средство; онъ не только производитель, но и потребитель. Поэтому и получаемая имъ заработная плата должна разсматриваться не какъ средство для поддержанія рабочей силы, а какъ способъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Если же, не смотря на то, она причисляется къ капиталу, то это дѣлается не съ точки зрѣнія получающаго, а съ точки зрѣнія дающаго заработную плату.

Дѣло въ томъ, что работникъ получаетъ свое вознагражденіе не изъ цѣны проданныхъ произведеній, а немедленно по совершеніи работы. Произведенія могутъ поступать къ потребителю по прошествіи значительнаго промежутка времени. Если работа была употреблена на созданіе стоячаго капитала, напримѣръ при постройкѣ желѣзной дороги, вознагражденіе затраченнаго на нее труда можетъ получиться лишь черезъ много лѣтъ, незначительными долями. Нерѣдко получается даже просто убытокъ. А между тѣмъ, рабочій не можетъ дожидаться отдаленныхъ результатовъ своей дѣятельности; ему нужно жить. Для удовлетворенія этой потребности предприниматель долженъ имѣть денежный запасъ, а это и есть капиталъ. Къ работнику онъ поступаетъ въ видѣ дохода; но въ замѣнъ этого дохода онъ отдалъ свою работу, которая воплотилась въ принадлежащія предпринимателю произведенія. Такимъ образомъ, денежный капиталъ послѣдняго исчезаетъ при выдачѣ заработной платы, но возстановляется вновь въ полученныхъ произведеніяхъ. Съ продажею послѣднихъ онъ опять получаетъ денежную форму, и этотъ круговоротъ повторяется постоянно.

Изъ этого ясно, что и готовыя произведенія должны быть причислены къ капиталу, пока они находятся въ рукахъ производителя. Они въ настоящей своей формѣ не служатъ уже для новаго производства; но они заключаютъ въ себѣ весь затраченный на нихъ капиталъ. Поступая къ потребителю, они теряютъ этотъ характеръ; но черезъ это капиталъ не исчезаетъ, а получаетъ только новую форму: онъ возстановляется въ полученной за произведенія платѣ, которая обращается на новое производство. Между производителемъ и потребителемъ можетъ быть даже промежуточная стадія, которая, въ свою очередь, требуетъ особаго капитала. Купецъ покупаетъ произведенія у фабриканта и доставляетъ ихъ потребителямъ, иногда на

весьма отдаленныя разстоянія. Капиталъ его заключается, какъ въ купленныхъ произведеніяхъ, такъ и въ средствахъ перевозки и въ зданіяхъ потребныхъ для храненія и продажи товаровъ. Если подъ именемъ производства разумѣть не только обработку вещей, но и всякое полезное дѣйствіе, то торговля, безъ сомнѣнія, есть извѣстное экономическое производство, требующее, какъ таковое, затраты извѣстнаго капитала.

Особенную роль играетъ при этомъ капиталъ денежный. Какъ общій представитель цѣнностей и орудіе мѣны, онъ служитъ посредникомъ между стоячимъ капиталомъ и оборотнымъ. Черезъ посредство денегъ трата стоячаго капитала возстановляется въ цѣнѣ произведеній. На деньги покупаются матеріалы и удовлетворяется заработная плата. Поэтому, въ классификаціи капиталовъ имъ принадлежитъ особое мѣсто, посредствующее между стоячимъ капиталомъ и оборотнымъ.

Есть наконецъ и четвертый видъ капиталовъ, которыхъ значеніе представляется болѣе сомнительнымъ. Это такъ называемые потребительные капиталы, которые служатъ для потребленія, а между тѣмъ доставляютъ постоянный доходъ. Таковы, напримѣръ, жилые дома. Должны ли они быть исключены изъ числа капиталовъ, на томъ основаніи, что они не служатъ для производства, слѣдовательно какъ будто не подходятъ подъ общее понятіе? Для рѣшенія этого вопроса, надобно обратить вниманіе на различныя свойства предметовъ потребленія. Также какъ капиталъ, они могутъ быть двоякаго рода: одни уничтожаются потребленіемъ, по крайней мѣрѣ въ настоящей ихъ формѣ; другіе сохраняются и служатъ только для постояннаго пользованія. Къ первому разряду принадлежитъ, напримѣръ, пища, ко второму зданія. Въ послѣднемъ случаѣ предметъ не потребляется, а служитъ источникомъ потребленія, то-есть, приносимой пользы, а потому подходитъ подъ разрядъ капиталовъ и способенъ приносить доходъ. Зданіе, которое строится для жилья, и зданіе, которое строится для ткацкой фабрики, одинаково предназначаются для удовлетворенія человѣческихъ потребностей; но въ одномъ случаѣ это дѣлается непосредственно, а въ другомъ косвенно: польза отъ фабричнаго зданія получается только тогда, когда произведенная ткань, превратившись въ одежду, сдѣлается предметомъ потребленія. Съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, очевидно, то и другое имѣетъ одинакое значеніе. Плата за наемъ жилаго помѣщенія не есть только перемѣщеніе денегъ изъ одного кармана въ другой, безъ всякой общественной пользы; это точно такая же плата за полученную выгоду, какъ и плата за купленную одежду или за личныя услуги. Всякое производство

окончательно оплачивается потребителемъ. Съ точки же зрѣнія частнаго владѣльца, помѣщеніе сбереженій въ жилой домъ, отдающійся въ наймы, или въ какое-либо промышленное или торговое предпріятіе, опредѣляется степенью выгоды, которую онъ находитъ въ томъ или другомъ. Постройка жилыхъ домовъ въ городѣ составляетъ совершенно такое же промышленное предпріятіе, какъ и устройство фабрикъ или торговыхъ заведеній. Поэтому и помѣщенные въ нихъ капиталы имѣютъ одинакое экономическое значеніе.

Общая черта всѣхъ этихъ видовъ капитала состоитъ въ томъ, что вслѣдствіе доставляемой ими выгоды они приносятъ доходъ. Этотъ доходъ, опредѣляемый отношеніемъ къ капитальной суммѣ, называется *процентомъ*. Какъ плата за доставляемую выгоду, процентъ съ капитала имѣетъ полное юридическое и экономическое основаніе. Всѣ возраженія соціалистовъ, которые видятъ въ процентѣ только неправильное присвоеніе себѣ чужаго добра, ничто иное какъ пустая декламація. Эта плата за получаемую выгоду относится къ собственному капиталу, также какъ и къ чужому. Фабрикантъ или купецъ, влагающій въ предпріятіе свой собственный капиталъ, насчитываетъ на него извѣстный процентъ, также какъ и на капиталъ, который берется взаймы; разница лишь въ томъ, что первый принадлежитъ ему, а второй другому. Когда человѣкъ, вмѣсто того, чтобы нанимать квартиру, строитъ себѣ собственный домъ, онъ тѣмъ самымъ сберегаетъ плату за квартиру, и это сбереженіе онъ считаетъ процентомъ съ затраченнаго на домъ капитала. Но совершенно очевидную форму этотъ доходъ принимаетъ, когда капиталистъ и предприниматель суть два разныя лица. Это и есть обыкновенное явленіе на высшихъ ступеняхъ экономическаго развитія. Капиталъ является только однимъ изъ дѣятелей производства; соединеніе его съ другими, съ землею и трудомъ, составляетъ задачу четвертаго фактора — направляющей воли, которая поэтому и является связующимъ началомъ всего производства.

Это раздѣленіе капиталистовъ и предпринимателей происходитъ само собою. Капиталы, накопляясь, ищутъ помѣщенія, а предприниматели ищутъ денегъ. Изъ этого взаимнаго отношенія рождается особая отрасль экономической дѣятельности,—ссуженіе капиталовъ. Въ этомъ состоитъ *кредитъ*, который получаетъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ выше стоитъ промышленная дѣятельность. Однако это раздѣленіе обоихъ факторовъ далеко не полное. Предпріятіе, основанное исключительно на чужихъ капиталахъ, всегда шатко. Во всякомъ дѣлѣ есть значительная доля риска, которую предприниматель долженъ нести самъ; иначе онъ впадетъ въ неоплатные долги. А для этого онъ долженъ

имѣть собственныя средства, которыя служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, матеріальнымъ обезпеченіемъ кредита. Духовнымъ же обезпеченіемъ служитъ его умственный трудъ, направленный къ достиженію экономической цѣли. Такимъ образомъ, предприниматель долженъ соединять въ себѣ въ высшей формѣ и работника и капиталиста. Это и дѣлаетъ его центромъ всего экономическаго производства.

4. Направляющая воля.

Хозяинъ, управляющій промышленнымъ предпріятіемъ, долженъ соединять въ себѣ весьма разнообразныя качества. Его задача—сочетать всѣ элементы производства и направлять ихъ къ общей цѣли, къ полученію экономической выгоды. Для этого онъ долженъ не только знать, гдѣ что можно найти, но и умѣть устроить хозяйственную единицу наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ, выбирать людей, организовать администрацію, расчесть всѣ выгоды и невыгоды предпріятія. Кромѣ направленія внутреннихъ силъ, онъ долженъ знать и всѣ внѣшнія условія рынка, мѣста и способы сбыта, денежные обороты; онъ долженъ внимательно слѣдить за всѣми усовершенствованіями, чтобы не дать опередить себя соперникамъ и изъ возможныхъ улучшеній прилагать тѣ, которыя при данныхъ условіяхъ могутъ оказаться наиболѣе выгодными. И во всемъ этомъ онъ одинъ беретъ на себя рискъ. Отъ него исходитъ всякая иниціатива, и на него падаетъ вся отвѣтственность.

Понятно, что для удовлетворенія всѣхъ этихъ требованій нужны выдающіяся личныя свойства. Необходимо не только знаніе дѣла, но прежде всего практическій смыслъ, умѣніе усмотрѣть выгоду, уловить минуту и все направить къ предназначенной цѣли. Нужна изворотливость въ устраненіи препятствій, настойчивость въ ихъ преодолѣваніи, наконецъ умѣніе воздерживаться отъ увлеченій и рисковать тамъ, гдѣ есть шансы успѣха. Въ этомъ состоитъ духъ предпріимчивости, который составляетъ движущую пружину всего экономическаго развитія. Можно сказать, что все экономическое благосостояніе страны зависитъ отъ личныхъ свойствъ предпринимателей. И чѣмъ сложнѣе и оживленнѣе производство, чѣмъ шире рынокъ, тѣмъ болѣе возвышаются личныя требованія. На широкомъ поприщѣ нужно болѣе или менѣе высокое образованіе; необходимы и нравственныя свойства, возбуждающія довѣріе.

Всѣ эти личныя качества очевидно могутъ принадлежать только единичному лицу. Поэтому, во главѣ всякаго предпріятія стоитъ лице, которое его ведетъ. Когда оно является въ немъ единственнымъ хозяиномъ, производство достигаетъ высшей степени интенсивности.

Но для крупныхъ предпріятій средства одного лица обыкновенно бываютъ недостаточны; тогда составляются компаніи. Однако и тутъ дѣло всегда ведется однимъ лицемъ; остальныя оказываютъ ему только помощь и поддержку. Слѣдовательно, все окончательно зависитъ отъ личнаго довѣрія и личныхъ отношеній. Никакія формальныя правила не могутъ ихъ замѣнить. Какъ скоро въ промышленномъ дѣлѣ заводится формализмъ, такъ въ немъ неизбѣжно водворяется разладъ, и оно клонится къ упадку.

Съ умноженіемъ числа участниковъ отношенія становятся еще сложнѣе. Тутъ большинству пайщиковъ можетъ принадлежать единственно контроль. Но чѣмъ обширнѣе предпріятіе и чѣмъ больше число пайщиковъ, тѣмъ самый контроль дѣлается затруднительнѣе. Въ крупныхъ акціонерныхъ компаніяхъ онъ часто обращается въ фикцію. Являются подставныя лица и подстроенное большинство, съ которымъ бороться чрезвычайно трудно. Въ концѣ концовъ, и тутъ все зависитъ отъ довѣрія къ стоящему во главѣ лицу. Смотря по тому, оправдаетъ ли оно довѣріе или нѣтъ, предпріятіе можетъ имѣть результатомъ или колоссальный успѣхъ или колоссальное крушеніе. Примѣры того и другаго представляютъ Суэзскій каналъ и прорытіе Панамскаго перешейка. Оба предпріятія велись однимъ и тѣмъ же лицемъ, одареннымъ необыкновенными способностями и энергіей. „Если вы хотите совершить что нибудь великое“, говорилъ Лессепсу Мехметъ-Али, „не спрашивайте ни чьего совѣта, а дѣлайте все сами“. И Лессепсъ сталъ во главѣ міроваго предпріятія; ему повѣрили, его поддержали, и оно было совершено. Но тотъ же человѣкъ, на другомъ подобномъ же дѣлѣ промахнулся и увлекъ за собою тысячи повѣрившихъ ему капиталистовъ. Таково условіе всякаго риска. Онъ можетъ вести къ крушенію, но онъ же составляетъ движущую пружину успѣха. Безъ него невозможно никакое промышленное развитіе.

Если крупная акціонерная компанія не въ состояніи не только сама вести, но и контролировать дѣло, а должна по необходимости ввѣриться одному лицу, то для юридическаго лица веденіе промышленнаго предпріятія становится вдвойнѣ затруднительнымъ. Такая задача противорѣчитъ самому его существу, его цѣлямъ и свойствамъ. Живой человѣкъ, обладающій практичными качествами, замѣняется здѣсь юридическою фикціей. Вслѣдствіе этого, здѣсь исчезаетъ движущая пружина всей экономической дѣятельности—личный интересъ; онъ замѣняется интересомъ общественнымъ, который имѣетъ совершенно иной характеръ, иныя цѣли и иное дѣйствіе на людей. Исчезаетъ и рискъ, ибо рисковать можно только собственнымъ состояніемъ, а не общественнымъ. Поэтому устраняется предпріимчивость,

то-есть то, что составляетъ самую душу экономическаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, личныя отношенія замѣняются формальными, слѣдовательно вводится самое вредное начало для всякой экономической дѣятельности. Въ ней водворяются неизбѣжные во всякой бюрократіи неповоротливость, рутина и формализмъ. При этомъ необходимъ и строгій контроль, ибо употребленіе общественныхъ денегъ не можетъ покоиться на довѣріи, а съ іерархическимъ контролемъ установляется обширное бумажное производство. Ко всему этому присоединяется наконецъ то, что въ предпріятіи, принадлежащемъ юридическому лицу, облеченному властью, свободныя отношенія замѣняются принудительными. Кто не довѣряетъ акціонерной компаніи, тому предоставляется право изъ нея выдти, продавши свои акціи; но для общественнаго предпріятія съ него все таки берутъ деньги, какъ бы онъ ни считалъ его убыточнымъ. Такое отношеніе неизбѣжно тамъ, гдѣ предпріятіе служитъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, а потому входитъ въ область дѣятельности юридическаго лица; но именно потому эта область должна быть по возможности ограничена и частной предпріимчивости долженъ быть предоставленъ возможно широкій просторъ. Если мы прибавимъ ко всему этому, что всякое государство имѣетъ свой образъ правленія: что при неограниченной власти государь силою вещей не можетъ входить въ подробности, вслѣдствіе чего въ промышленной области неизбѣжно долженъ водвориться произволъ всемогущей бюрократіи, а при свободномъ правленіи руководство падаетъ въ руки партіи, которая, съ расширеніемъ государственной дѣятельности, получаетъ возможность распоряжаться всѣмъ достояніемъ гражданъ и притѣснять своихъ противниковъ не только въ области публичныхъ отношеній, но и въ ихъ частной жизни, то вся нелѣпость подобнаго предположенія предстанетъ намъ съ полною очевидностью.

Мы здѣсь опять приходимъ къ тому, что составляетъ азбуку всякой государственной и экономической науки, именно, что экономическая дѣятельность есть дѣло частныхъ лицъ, а не государства. Пока существуютъ на землѣ свободные люди, до тѣхъ поръ имъ должно быть предоставлено самое широкое поле дѣятельности во всѣхъ сферахъ и прежде всего въ промышленной области, которая составляетъ законное поприще частныхъ интересовъ. Дѣйствительная жизнь не представляетъ ничего другаго, и наука вполнѣ подтверждаетъ эти начала. Тѣ, которые хотятъ изъ государства сдѣлать всеобщаго предпринимателя, не понимаютъ ни существа и цѣлей государства, ни существа и условій экономической дѣятельности. Съ точки зрѣнія теоретической, также какъ и практической, соціализмъ ничто иное какъ пустая и вредная фантазія.

Соединяя въ себѣ различные элементы производства, силы природы, капиталъ и трудъ, предпріятіе принимаетъ различные виды, смотря по тому, который изъ нихъ является преобладающимъ. Отсюда раздѣленіе экономической дѣятельности на разныя отрасли.

Силамъ природы принадлежитъ первенствующее значеніе тамъ, гдѣ имѣется въ виду простое полученіе естественныхъ произведеній. Это промышленность *добывающая*, въ обширномъ смыслѣ. Она, въ свою очередь, раздѣляется на разныя отрасли, смотря по тому, какія произведенія имѣются въ виду. Добываніе заключенныхъ въ землѣ минеральныхъ богатствъ составляетъ основаніе горныхъ промысловъ, къ которымъ принадлежатъ и угольныя копи. Здѣсь задача труда состоитъ въ извлеченіи готоваго матеріала изъ нѣдръ земли; но такъ какъ это бываетъ сопряжено съ значительными затрудненіями, то при расширеніи производства рождается необходимость затраты крупныхъ капиталовъ, а вмѣстѣ нужно и приложеніе знанія. Дальнѣйшую ступень составляютъ тѣ производства, которыя обращены на растительное царство; въ нихъ требуется не только извлеченіе созданнаго природою матеріала, но и взращеніе произведеній. Сюда относятся земледѣліе въ различныхъ его видахъ, лѣсоводство, огородничество, садоводство. Незначительную роль играетъ при этомъ собираніе дикихъ плодовъ. Гораздо большее значеніе имѣетъ добываніе дикихъ произведеній въ отрасляхъ, обращенныхъ на животное царство. Охота и въ особенности рыбная ловля составляютъ предметъ обширныхъ промысловъ. Но и здѣсь несравненно важнѣйшую роль играетъ воспитаніе домашнихъ животныхъ, составляющее задачу скотоводства.

Затѣмъ требуется добытыя произведенія привести въ такое состояніе, чтобы они могли служить человѣческимъ нуждамъ. Это составляетъ предметъ промышленности *обработывающей* и *распредѣляющей*. Въ первой можетъ преобладать или ручная работа или машинное производство, требующее стоячаго капитала. Отсюда различіе ремеслъ и фабрикъ. Вторая же представляетъ преобладаніе оборотнаго капитала. Таково существо торговли. Если предметомъ торговли является капиталъ денежный, то отсюда возникаютъ кредитныя, или банкирскія предпріятія.

Каждая изъ этихъ отраслей имѣетъ свои особенности и свою исторію. То и другое излагается въ спеціальныхъ экономическихъ сочиненіяхъ. Для науки объ обществѣ существенно важно ихъ вліяніе на образованіе общественныхъ классовъ. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Здѣсь мы ограничимся указаніемъ на общій ходъ развитія.

На низшихъ ступеняхъ экономическаго быта естественно преобладаютъ различныя отрасли промышленности добывающей. Силы при-

роды находятся еще въ изобиліи, и задача человѣка состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы воспользоваться тѣмъ, что онѣ даютъ. Въ самой обработывающей промышленности главное значеніе имѣетъ ручная работа; отсюда развитіе ремеслъ. Съ расширеніемъ сношеній, при знакомствѣ съ отдаленными странами, развивается и торговля. Наконецъ, всего позднѣе является накопленіе стоячаго капитала, который составляетъ плодъ многовѣковаго процесса. Мы видѣли, что капиталъ, вообще, есть прогрессирующій элементъ экономическаго развитія. Передаваясь отъ поколѣнія поколѣнію и накопляясь въ бо́льшихъ и бо́льшихъ размѣрахъ, онъ даетъ человѣку все возрастающую власть надъ природою. Поэтому, если низшія ступени развитія характеризуются преобладаніемъ силъ природы, то высшія характеризуются преобладаніемъ капитала. Самыя добывающія отрасли промышленности, земледѣліе, горное дѣло, отъ него получаютъ новую силу. Земля, можно сказать, обновляется вложеннымъ въ нее капиталомъ и даетъ несравненно большее обиліе произведеній, нежели прежде. Съ другой стороны, ремесла въ значительной степени замѣняются фабриками; торговля принимаетъ громадные размѣры. Однимъ словомъ, вездѣ капиталъ является первенствующимъ факторомъ промышленнаго производства. Если подъ именемъ капиталистическаго производства разумѣть то, въ которомъ преобладаетъ капиталъ, то нѣтъ сомнѣнія, что оно составляетъ не преходящую историческую категорію, а плодъ всего историческаго развитія человѣчества. Это явленіе, которое съ самыхъ первыхъ ступеней идетъ въ увеличивающейся прогрессіи. Каждое поколѣніе получаетъ наслѣдіе предковъ и передаетъ его умноженнымъ своимъ потомкамъ. Такимъ образомъ, накопленіе капитала идетъ увеличиваясь изъ рода въ родъ, между тѣмъ какъ запасъ необработанныхъ силъ природы уменьшается. Человѣческій трудъ служитъ звеномъ, посредствомъ котораго одна форма производящихъ силъ переводится въ другую. Каждое поколѣніе вноситъ сюда свою лепту, умножая передаваемое потомству достояніе и тѣмъ увеличивая его власть надъ природою. Какъ сказано, владычество капитала дѣлаетъ человѣка царемъ земли.

Развитіе капитала ведетъ и къ преобладанію въ промышленности крупныхъ предпріятій. Въ производствѣ существенное значеніе имѣютъ не только различныя его формы, но и его размѣры. Экономическія выгоды крупныхъ предпріятій извѣстны. Онѣ состоятъ въ уменьшеніи капитальныхъ затратъ, неизбѣжныхъ при разбросанности производства, въ возможности имѣть наиболѣе совершенныя орудія и наилучше оплаченныя, а потому наиболѣе производительныя рабочія силы, въ большей интенсивности производства въ связи съ возмож-

ностью завести при немъ выгодныя боковыя отрасли, въ открытіи широкихъ рынковъ, въ сокращеніи административныхъ расходовъ, наконецъ, въ возможности довольствоваться меньшимъ относительнымъ барышемъ. Съ другой стороны, мелкое производство имѣетъ преимущество тамъ, гдѣ хозяйскій глазъ долженъ вникать во всякую подробность, гдѣ нужно приспособляться къ измѣняющимся обстоятельствамъ и разнообразному вкусу потребителей, въ особенности же тамъ, гдѣ требуется артистическая работа. Поэтому въ земледѣліи, въ ремеслахъ и мелочной торговлѣ, имѣющихъ въ виду тѣсный кругъ потребителей, мелкое производство всегда сохранитъ свое значеніе. Но на міровомъ рынкѣ, гдѣ нужно производить однообразныя массы товаровъ для массы потребителей, крупное производство вытѣсняетъ мелкое. Разсѣянныя ремесла замѣняются сосредоточенными фабриками. Таковъ неизбѣжный результатъ развитія капитала и сопряженнаго съ нимъ промышленнаго прогресса.

Такимъ образомъ, производство опредѣляется оборотомъ. Экономическая дѣятельность имѣетъ въ виду потребленіе, а отношеніе производства къ потребленію установляется обмѣномъ произведеній, то-есть оборотомъ.

Отъ оборота зависитъ и распредѣленіе выгодъ производства между различными дѣятелями. Усвоенныя человѣкомъ силы природы, капиталъ и трудъ, участвуя въ производствѣ, участвуютъ и въ проистекающихъ изъ него барышахъ. Но чѣмъ опредѣляется доля каждаго? Предприниматель выплачиваетъ эти различныя доли изъ доходовъ предпріятія; при свободѣ промышленности это дѣлается по взаимному соглашенію. Но для того чтобы опредѣлить, что̀ онъ можетъ и долженъ дать каждому, надобно прежде всего знать, что̀ онъ можетъ самъ получить, а это зависитъ отъ условій рынка. Такимъ образомъ, законами оборота окончательно опредѣляются всѣ экономическія отношенія. Изслѣдованіе ихъ составляетъ краеугольный камень экономической науки.

ГЛАВА III.

Оборотъ.

Человѣкъ производитъ не только для себя, но и для другихъ. Усвоеніе силъ природы и приложеніе труда единственно для удовлетворенія собственныхъ потребностей оставили бы его совершенно безпомощнымъ. Только работая для другихъ и получая отъ нихъ, въ замѣнъ, то, что ему нужно, онъ можетъ улучшить свой бытъ. Такимъ образомъ, экономическое производство развивается въ силу взаимности. Таково основаніе раздѣленія труда.

Вслѣдствіе этой взаимности, произведенія становятся предметомъ оборота. Вещи, нужныя другимъ, обмѣниваются на тѣ, которыя нужны производителямъ. Черезъ это онѣ получаютъ сравнительное достоинство, или *цѣнность*. Чѣмъ же опредѣляется этотъ процессъ?

Очевидно, онъ представляетъ извѣстное *отношеніе*. Здѣсь есть двѣ стороны, находящіяся во взаимнодѣйствіи, а потому необходимо существуетъ двоякая точка зрѣнія, того, кто даетъ, и того, кто получаетъ, производителя и потребителя. Оборотъ представляетъ, слѣдовательно, отношеніе производства къ потребленію.

Причина, заставляющая потребителя пріобрѣсти извѣстную вещь состоитъ въ томъ, что она ему нужна. Это составляетъ цѣль самаго производства, которое совершается въ виду того, что произведенія нужны другимъ. Слѣдовательно, *полезность* лежитъ въ основаніи всякой цѣнности. Утверждать, какъ дѣлаетъ Карлъ Марксъ, что для опредѣленія цѣнности необходимо отрѣшиться отъ всякой полезности и принять во вниманіе только количество положеннаго въ произведеніе труда, значитъ отрѣшаться не только отъ того, что дѣйствительно происходитъ въ мірѣ, но и отъ всякой логики. Въ такомъ случаѣ совершенно безполезная вещь, на которую положенъ трудъ, имѣетъ одинакую цѣнность съ самою необходимою. Это опять одна изъ тѣхъ нелѣпостей, на которыхъ соціалисты, за недостаткомъ разумныхъ началъ, принуждены строить свои фантастическія зданія, которыми они соблазняютъ невѣжественныя массы.

Но полезность подлежащихъ обмѣну вещей качественно различна; какимъ же образомъ можно произвести сравненіе? Для всякаго сравненія требуется прежде всего общее *мѣрило*. Для сравненія различныхъ полезностей нуженъ предметъ, имѣющій общую полезность, то-есть такой, который одинаково нуженъ всѣмъ. Такой предметъ становится *орудіемъ мѣны*. Самое это назначеніе сообщаетъ ему извѣстную полезность, ибо его всегда можно вымѣнить на всякіе другіе предметы. Производитель, уступающій свое произведеніе потребителю, можетъ не найти у послѣдняго того, что ему нужно; но получивъ въ замѣнъ своего произведенія орудіе мѣны, онъ можетъ купить у другихъ то, что онъ ищетъ. Такова роль *денегъ* въ экономическомъ оборотѣ: онѣ служатъ мѣриломъ цѣнности, или сравнительнаго мѣноваго достоинства произведеній.

Для того чтобы орудіе мѣны могло играть такую роль, требуются извѣстныя свойства: нужно, чтобы оно само имѣло довольно вѣрную и притомъ мало колеблющуюся цѣнность, чтобы оно не подвергалось порчѣ и было легко переносимо. Всего болѣе этимъ свойствамъ отвѣчаютъ драгоцѣнные металлы, которые поэтому, съ самой глубо-

кой древности, составляли орудіе мѣны у сколько-нибудь образованныхъ народовъ. Это не какое-либо временное историческое явленіе, а начало присущее всему экономическому развитію человѣчества, съ тѣхъ поръ какъ оно возвысилось надъ состояніемъ первобытной дикости. Деньги, а не рабочій день, составляютъ мѣрило цѣнности. Опредѣляемое ими сравнительное достоинство вещей, или ихъ цѣнность, становится *цѣною*.

Но чѣмъ же опредѣляется сравненіе самихъ произведеній съ этимъ орудіемъ? Почему потребитель за одинъ предметъ даетъ больше, а за другой меньше денегъ?

Пріобрѣтая вещь, онъ руководится двоякою точкой зрѣнія: 1) потребностью въ предметѣ; 2) возможностью пріобрѣсти его другимъ путемъ. Если нужная вещь есть произведеніе природы, находящееся въ неограниченномъ количествѣ и доступное всѣмъ, то очевидно, онъ за нее ничего не дастъ, ибо всегда можетъ получить ее даромъ. Но если вещь находится въ ограниченномъ количествѣ и усвоена или произведена человѣкомъ, то возможность ее пріобрѣсти зависитъ отъ количества, предлагаемаго къ обмѣну. Чѣмъ это количество больше, тѣмъ легче получить вещь, а потому тѣмъ меньше приходится за нее платить.

Съ своей стороны, производитель работаетъ въ виду полученія выгоды. Всякое предпріятіе сопряжено съ издержками. Предприниматель долженъ удовлетворить всѣхъ участниковъ въ производствѣ: землевладѣльцевъ, капиталистовъ, рабочихъ. Кромѣ того, онъ самъ долженъ получить барышъ, окупающій трудъ предпріятія и сопряженный съ нимъ рискъ. Иначе его работа пропала даромъ. Если цѣна произведенія не окупаетъ издержекъ производства, то предприниматель разоряется: предпріятіе, при такихъ условіяхъ, не можетъ существовать. Вслѣдствіе этого, производство сокращается. Наоборотъ, оно увеличивается, когда оно оплачивается хорошо: высокая цѣна произведеній побуждаетъ къ новой предпріимчивости. Стремясь къ удовлетворенію потребностей, производство опредѣляется отношеніемъ къ этимъ потребностямъ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ основному началу всего экономическаго оборота: къ отношенію предложенія и требованія. Этимъ началомъ управляется весь экономическій бытъ, ибо вся дѣятельность человѣка въ этой области состоитъ въ производствѣ, имѣющемъ цѣлью удовлетвореніе потребностей, слѣдовательно, опредѣляются отношеніемъ одного къ другому. Это и выражается въ цѣнѣ произведеній, которая есть ничто иное какъ денежное опредѣленіе самаго этого отношенія. Такъ какъ это отношеніе количественное, то оно можетъ

быть выражено математически. Обозначивъ требованіе, предложеніе и цѣнность начальными буквами, мы получимъ формулу $\frac{т}{п} = ц$. Изъ этой формулы ясно, что если требованіе увеличивается сравнительно съ предложеніемъ, то увеличивается и цѣнность; наоборотъ, если предложеніе увеличивается сравнительно съ требованіемъ, то цѣнность уменьшается. Если предложеніе безгранично или само требованіе прекращается, то цѣнность равняется нулю. Таковъ чисто математическій законъ, который вытекаетъ изъ самой природы экономическихъ отношеній и которымъ поэтому управляется вся экономическая дѣятельность человѣка.

Этотъ законъ до такой степени достовѣренъ, что тѣ, которые ищутъ другихъ началъ для опредѣленія цѣнности произведеній, въ концѣ концовъ принуждены косвенно его признать. Карлъ Марксъ, который исходитъ отъ того положенія, что для опредѣленія цѣнности произведеній необходимо отвлечься отъ всякой полезности и имѣть въ виду единственно положенную въ нихъ работу, окончательно приходитъ къ заключенію, что не всякая работа опредѣляетъ цѣнность произведенія, а только та, которая *общественно-необходима*, то-есть та, которая опредѣляется требованіемъ произведенія. Такимъ образомъ, въ этомъ удивительномъ ученіи, къ безсмыслицѣ въ основаніи присоединяется противорѣчіе въ выводахъ, но противорѣчіе, которое, въ свою очередь, лишено всякаго смысла, ибо что такая общественно-необходимая работа и какъ ее опредѣлить? Составляетъ ли, напримѣръ, производство въ Индіи опіума, требующагося Китайцами, или добываніе въ Бразиліи и Южной Африкѣ алмазовъ, покупаемыхъ европейскими богачами, общественно-необходимую работу? Что это за общество, которое требуетъ работу: все ли человѣчество или отдѣльное государство, цѣлыя ли массы или небольшія группы? Наконецъ, какъ отличить ту работу, которая общественно необходима, и ту, которая не имѣетъ этого свойства? Никто никогда не опредѣлялъ и никто не въ состояніи опредѣлить этихъ различій. Въ дѣйствительности, потребность работы опредѣляется потребностью въ произведеніяхъ, а не наоборотъ; поэтому и цѣнность первой зависитъ отъ цѣны послѣднихъ. Самое количество полагаемой въ произведенія работы опредѣляется отношеніемъ къ потребностямъ. Если работа въ извѣстной странѣ не оплачивается, то производство сокращается, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается предложеніе и цѣна возвышается. Наоборотъ, если работа оплачивается хорошо, то производство увеличивается и цѣна падаетъ. Какъ бы ни старались перепутать всѣ понятія, чтобы затемнить самыя элементарныя экономическія истины, мы все-таки окончательно приходимъ къ основному закону, управляющему всѣми

экономическими отношеніями. Онъ выражается въ общественно-необходимой работѣ соціалистовъ, также какъ и въ началахъ, признанныхъ классическими экономистами. Разница лишь та, что экономисты изслѣдуютъ отношенія, какъ они есть, и опредѣляютъ законъ такъ, какъ онъ дѣйствуетъ въ жизни; соціалисты же, стараясь перевернуть вверхъ дномъ всѣ существующія отношенія, представляютъ этотъ законъ въ такой формѣ, которая лишаетъ его всякаго смысла. Исходя отъ нелѣпости, они приходятъ къ нелѣпости. Но именно этимъ они пользуются, чтобы пустить туманъ въ глаза тѣмъ, которые не въ состояніи разобраться въ этомъ хаосѣ. Этимъ способомъ ослѣпленныя массы, для которыхъ всѣ эти понятія составляютъ закрытую книгу, подвигаются на разрушеніе всего существующаго общественнаго порядка. Когда подвергаешь анализу мысли новѣйшія соціалистическія ученія, то ясно видишь, что въ основаніи ихъ лежитъ чистѣйшая безсмыслица. Такое явленіе служитъ признакомъ смутнаго состоянія умовъ. Нельзя не имѣть его въ виду при оцѣнкѣ современныхъ общественныхъ теченій и того вліянія, которое оказываютъ чисто умственныя построенія на дѣйствительную жизнь. Мы къ этому вернемся впослѣдствіи *).

Прилагаясь къ реальнымъ отношеніямъ съ многообразными ихъ условіями, законъ предложенія и требованія подвергается однако многочисленнымъ видоизмѣненіямъ. Единичная покупка и продажа можетъ совершаться вовсе не по рыночной цѣнѣ. Человѣкъ можетъ продать тотъ или другой предметъ сравнительно слишкомъ дорого или слишкомъ дешево, смотря по личному своему положенію и свойствамъ. Иногда онъ вовсе не знаетъ рыночной цѣны и продаетъ или покупаетъ наобумъ. При небольшомъ спросѣ нужно дождаться покупателя, а этого многіе не въ состояніи сдѣлать. Самое отношеніе предложенія къ требованію различно на тѣсномъ рынкѣ, гдѣ мало конкуррентовъ и трудно добыть все нужное, и на широкомъ торговомъ поприщѣ, куда отовсюду стекаются произведенія, вступая въ состязаніе другъ съ другомъ. Множество стороннихъ обстоятельствъ оказываютъ тутъ свое вліяніе: удобство путей сообщенія, виды на будущіе урожаи, монетные кризисы, политическія замѣшательства. Предложеніе можетъ быть стѣснено стачками предпринимателей или рабочихъ, а также мѣрами правительства. Иногда оффиціально установляются таксы, опредѣляющія цѣну произведеній. Съ своей стороны, требованіе безгранично, разнообразно и измѣнчиво. Сегодня мода требуетъ

*) Болѣе подробную критику теоріи Карла Маркса см. въ моемъ сочиненіи: *Собственность и Государство*, ч. II, гл. 7, а также статью о Карлѣ Марксѣ, напечатанную въ VI-мъ томѣ *Сборника Государственныхъ Знаній*.

одного товара, а завтра совершенно другаго; отъ прежняго остается излишекъ, который не находитъ сбыта и продается за ничто. Но всѣ эти видоизмѣняющія условія не уничтожаютъ основнаго закона, который продолжаетъ дѣйствовать такъ же, какъ въ приведенномъ выше сравненіи дѣйствуетъ законъ паденія тѣлъ, не смотря на то, что въ дѣйствительности онъ видоизмѣняется сопротивленіемъ среды и силами, уклоняющими тѣло отъ вертикальнаго пути. Самыя таксы, устанавливаемыя правительственною властью, должны соображаться съ фактическимъ отношеніемъ предложенія и требованія; когда онѣ отъ него уклоняются, жизнь стремится къ возстановленію нарушеннаго равновѣсія. Если такса установлена слишкомъ низкая, сокращается предложеніе; если она слишкомъ высока, сокращается требованіе.

Наиболѣе полное свое дѣйствіе законъ отношенія предложенія къ требованію получаетъ при свободѣ промышленности. Тамъ, гдѣ экономическая дѣятельность человѣка не стѣснена ничѣмъ, она устремляется туда, гдѣ представляется наибольшая выгода. Вслѣдствіе этого, предложеніе увеличивается, а соразмѣрно съ тѣмъ цѣны падаютъ, до тѣхъ поръ пока онѣ достигаютъ низшаго предѣла, соотвѣтствующаго выгодамъ производства. Наоборотъ, если производство оказывается невыгоднымъ, оно сокращается и дѣятельность переносится на другое поприще. Этотъ переходъ можетъ быть болѣе или менѣе затруднителенъ, а потому для него требуется болѣе или менѣе продолжительный срокъ; но окончательно онъ все-таки происходитъ. Новыя промышленныя силы, сберегаемые капиталы, нарождающіяся рабочія руки естественно устремляются на тѣ поприща, которыя обѣщаютъ имъ наибольшее вознагражденіе, и это стремленіе продолжается до тѣхъ поръ, пока получающіяся здѣсь выгоды сравняются съ другими. Вслѣдствіе этого, при свободѣ промышленности, выгоды различныхъ предпріятій, въ большей или меньшей степени, съ разными видоизмѣняющими обстоятельствами, стремятся къ общему уровню.

Но человѣкъ не ограничивается тѣмъ, что онъ прилагаетъ свою работу и свои сбереженія тамъ, гдѣ ему обѣщается наибольшая выгода; онъ ищетъ новыхъ путей. Онъ пріобрѣтаетъ новыя орудія, открываетъ новыя поприща. Въ этомъ состоитъ движущая пружина всякаго экономическаго развитія. И тутъ каждый новый шагъ, если онъ совершается съ знаніемъ дѣла и умѣніемъ пользоваться обстоятельствами, первоначально сопровождается значительными выгодами для предпринимателей. Привлекаемыя барышемъ, за ними устремляются другія промышленныя силы, до тѣхъ поръ пока и это новое

поприще не уравняется съ прочими и не войдетъ въ общую колею. Но такъ какъ человѣческой изобрѣтательности нѣтъ предѣловъ, то этотъ процессъ возобновляется безпрерывно. Постоянно открываются новыя поприща, на которыя устремляются самыя крупныя экономическія силы, и это поддерживаетъ ихъ въ постоянномъ напряженіи. Это составляетъ сущность всего экономическаго прогресса.

Результатъ его состоитъ въ большемъ и большемъ покореніи силъ природы волѣ человѣка, а вмѣстѣ и въ большемъ и большемъ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей. Всякое усовершенствованіе ведетъ къ умноженію количества и къ уменьшенію цѣны произведеній. Средствомъ для этого служитъ свободное *состязаніе* людей на экономическомъ поприщѣ. Каждый предприниматель, побуждаемый личнымъ интересомъ, стремится производить больше, лучше и дешевле другихъ, и тѣмъ пріобрѣсти возможно большій кругъ покупателей. Потребитель же, который есть цѣль всего экономическаго процесса, является здѣсь судьею: онъ даетъ предпочтеніе тому товару, который обходится ему дешевле и болѣе соотвѣтствуетъ его потребностямъ. Ему главнымъ образомъ достаются выгоды состязанія, которое стремится умножить количество произведеній и низвести ихъ цѣну до возможно низкаго уровня. Отъ него получаютъ свои выгоды тѣ предприниматели, которымъ онъ даетъ предпочтеніе, вслѣдствіе того что они наиболѣе удовлетворяютъ его требованіямъ.

Этотъ процессъ имѣетъ однако и свою оборотную сторону. Всякое усовершенствованіе замѣняетъ старое устройство новымъ, а потому интересы, связанные съ прежнимъ порядкомъ, неизбѣжно страдаютъ. Когда вводятся машины, замѣняющія рабочія руки, послѣднія остаются безъ дѣла; когда заводятся фабрики, кустарное производство падаетъ. Со временемъ эти невыгоды сглаживаются: усиленное производство требуетъ еще большаго количества рукъ, нежели прежде; промышленныя силы приспособляются къ новымъ требованіямъ. Но приспособленіе есть дѣло времени, страданія же составляютъ злобу настоящаго дня. А такъ какъ этотъ процессъ возобновляется постоянно и совершенствованіямъ нѣтъ конца, то на каждой ступени повторяются тѣже явленія.

Таковъ неизбѣжный результатъ соперничества. При свободной дѣятельности, оно происходитъ путемъ борьбы промышленныхъ силъ, а въ борьбѣ слабѣйшіе всегда остаются въ накладѣ. Поэтому тѣ, которые принимаютъ къ сердцу страданія низшихъ классовъ, но не умѣютъ соображать цѣли съ средствами, всѣми силами ополчаются противъ свободнаго состязанія, видя въ немъ величайшаго врага благосостоянія человѣческихъ обществъ. Соціалисты требуютъ его уни-

чтоженія и замѣны свободной экономической дѣятельности государственнымъ управленіемъ. Болѣе умѣренные, не уничтожая свободы въ самомъ корнѣ, довольствуются возможно большимъ ея ограниченіемъ.

Эти лѣкарства хуже самаго зла. Они напоминаютъ басню объ услужливомъ медвѣдѣ. „Когда дикіе народы хотятъ сорвать плодъ, говоритъ Монтескьё, они рубятъ дерево и срываютъ плодъ: таково изображеніе деспотизма". Можно сказать: таково же изображеніе соціализма.

Конкуренцію нельзя уничтожить, не уничтоживъ самой свободы, изъ которой она проистекаетъ; а такъ какъ свобода составляетъ самую природу человѣка, какъ разумнаго существа, такъ какъ въ ней кроется источникъ всей его личной дѣятельности, то уничтоженіе конкурренціи подрываетъ въ самомъ корнѣ всю экономическую жизнь человѣческихъ обществъ и, вмѣсто обогащенія, обрекаетъ ихъ на безусловную бѣдность. Соціалистическое хозяйство есть полное разореніе.

Но и всякія ограниченія свободнаго соперничества могутъ быть оправданы лишь въ видѣ исключенія, тамъ, гдѣ это требуется необходимостью. Соціалисты каѳедры утверждаютъ, что задача государства ограждать слабыхъ отъ притѣсненія сильныхъ. Безъ сомнѣнія, слабые должны быть ограждаемы отъ всякаго посягательства на ихъ свободу. Это и дѣлаетъ законъ, карающій насиліе и обманъ. Государство беретъ на себя и опеку неполноправныхъ лицъ; оно для всѣхъ установляетъ полицейскія правила, при которыхъ допускается производство. Но все это не стѣсняетъ свободы состязанія. Всякій сохраняетъ право производить лучше и дешевле другихъ. Это не есть посягательство на чужую свободу, а неотъемлемо принадлежащее человѣку право проявлять свои способности въ полной мѣрѣ на всѣхъ открытыхъ ему поприщахъ жизни. Стѣснять дѣятельность способныхъ, потому что неспособные не могутъ съ ними соперничать, есть посягательство не только на свободу и достоинство человѣка, но и на самый источникъ человѣческаго развитія, на то, что двигаетъ общество впередъ. Бѣдственное положеніе остающихся позади конкуррентовъ не можетъ служить оправданіемъ стѣсненія. Плохой учитель или бездарный художникъ могутъ остаться безъ средствъ, потому что болѣе способные соперники отбиваютъ у нихъ хлѣбъ; но это не даетъ имъ права требовать ограниченія дѣятельности послѣднихъ. Тутъ рождается вопросъ не права, а благотворительности. Общество и государство могутъ приходить на помощь нуждающимся, насколько у нихъ есть на то средства; но наложить узду на дѣятельность сильнѣйшихъ для огражденія слабѣйшихъ было бы чистымъ безуміемъ.

Столь же мало имѣетъ значенія доводъ соціализирующихъ экономистовъ, что экономическія отношенія рождаютъ взаимную зависимость интересовъ и лицъ, а потому требуютъ общей регламентаціи во имя общественной пользы. Вытекающая изъ свободнаго взаимодѣйствія обоюдная зависимость интересовъ не влечетъ за собою принудительныхъ отношеній. Интересы свободныхъ лицъ, дѣйствующихъ на общемъ поприщѣ, переплетаются тысячами разнообразныхъ способовъ; но исходя изъ свободы, они остаются свободными. Они управляются частнымъ правомъ, а не публичнымъ, соглашеніями заинтересованныхъ лицъ, а не государственною регламентаціей. Въ этомъ состоитъ существенное отличіе гражданскаго общества и государства, отличіе, которое вполнѣ выяснено выше и которое находитъ полное приложеніе именно въ экономической области.

Вмѣшательство государства можетъ быть теоретически оправдано только тамъ, гдѣ интересъ дѣйствительно становится общимъ, то-есть тамъ, гдѣ онъ касается совокупности лицъ. Въ силу этого начала, оно въ правѣ оградить свой внутренній рынокъ и стѣснить въ большей или меньшей степени соперничество иностранцевъ. Выражая собою народное единство, оно руководится исключительно интересами того союза, которымъ оно управляетъ. До иностранныхъ производителей ему нѣтъ дѣла; оно оберегаетъ своихъ. Но и это оно можетъ дѣлать только въ ущербъ потребителямъ, которые лишаются возможности пріобрѣтать произведенія болѣе дешевыя и лучшаго качества, а принуждены покупать дороже и хуже. Поэтому и на протекціонную политику можно смотрѣть только какъ на временную мѣру, которая во всякомъ случаѣ ставитъ промышленность въ ненормальныя условія. Это—опека, учреждаемая надъ малолѣтнею промышленностью, съ цѣлью дать ей возможность стать на свои ноги. Но часто она идетъ именно противъ этой цѣли. Стѣсняя иностранное соперничество, она повергаетъ искусственно огражденную промышленность въ состояніе усыпленія и застоя. Чѣмъ меньше въ странѣ промышленныхъ силъ, которыя могутъ соперничать другъ съ другомъ, тѣмъ эта опасность больше. Въ надеждѣ на покровительство, промышленность лишается главной движущей пружины развитія—личной иниціативы. Нерѣдко вызываются совершенно искусственныя предпріятія, которыя потомъ приходится поддерживать, чтобы не дать имъ погибнуть. Всего хуже, когда покровительство распредѣляется неравномѣрно, а это бываетъ неизбѣжно, ибо государство властно только надъ своимъ внутреннимъ рынкомъ, а не надъ внѣшнимъ. Какъ скоро цѣны зависятъ отъ потребностей международнаго рынка, такъ сила вещей беретъ свое, и государственныя стѣсненія перестаютъ быть

дѣйствительными. Русскій помѣщикъ можетъ разоряться отъ того, что въ Аргентинской республикѣ хлѣбъ производится дешевле и обильнѣе, нежели въ Россіи; противъ этого онъ безсиленъ. Взаимная зависимость экономическихъ отношеній не рождаетъ для него права требовать стѣсненія чужой дѣятельности. Не можетъ утѣшить его и то, что терпя убытокъ на собственномъ производствѣ, онъ принужденъ сверхъ того уплачивать изъ своего кармана лишнія деньги на добываніе желѣза въ Уралѣ и на производство хлопка въ Бухарѣ. Само государство отъ этого ничего не выигрываетъ. Обирая удрученныя производства въ пользу процвѣтающихъ, онъ даетъ только совершенно искусственное направленіе туземной промышленности, а это ведетъ не къ обогащенію, а къ обѣдненію страны.

Впослѣдствіи мы возвратимся къ экономической политикѣ, которая требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Здѣсь нужно было только доказать, что стѣсненіе свободнаго соперничества само по себѣ есть зло. Оно всегда происходитъ на счетъ потребителя, который лишается возможности покупать дешевле и лучше. Его заставляютъ платить дань не въ пользу государства, а въ пользу частныхъ лицъ, которыя обогащаются искусственнымъ возвышеніемъ цѣнъ. Оно происходитъ и въ ущербъ тѣмъ производителямъ, которые, при стѣсненіи международныхъ сношеній, лишаются сбыта на внѣшнихъ рынкахъ. Оно вредно дѣйствуетъ и на совокупное производство, которое, вмѣсто естественнаго направленія, указаннаго всегда прозорливымъ личнымъ интересомъ, вводится въ искусственное русло, устроенное слишкомъ часто близорукой и рутинной государственною регламентаціей. Можно признать покровительственную систему, въ умѣренныхъ размѣрахъ, временною потребностью промышленности, не умѣющей стоять на своихъ ногахъ или подвергающейся внезапнымъ измѣненіямъ условій, къ которымъ она еще не успѣла приспособиться; но конечною цѣлью промышленнаго развитія все-таки остается свобода, которая составляетъ самую душу экономической дѣятельности. Только на почвѣ свободы возможно высшее развитіе человѣческихъ силъ на какихъ бы то ни было поприщахъ.

Свобода наконецъ тѣсно связана съ тѣмъ гражданскимъ строемъ, къ которому окончательно приходятъ всѣ образованные народы. Родовой порядокъ, какъ мы видѣли, держится рабствомъ. Сословный порядокъ основанъ на крѣпостномъ правѣ и на государственной регламентаціи. Въ общегражданскомъ порядкѣ, гдѣ всѣ признаются равно свободными и одинаково подчиненными общему для всѣхъ закону, свобода составляетъ основное начало, отъ котораго нельзя отступить, не разрушивъ самаго зиждущагося на ней общественнаго

строя. А такъ какъ общегражданскій порядокъ представляется идеальною нормою гражданскихъ отношеній, то и связанная съ нимъ промышленная свобода составляетъ неотъемлемую принадлежность всѣхъ человѣческихъ обществъ, достигшихъ высшаго развитія.

Этотъ порядокъ не исключаетъ однако естественно образующейся свободной организаціи промышленныхъ силъ. Напротивъ, онъ неудержимо къ ней ведетъ, ибо къ этому побуждаетъ движущее начало свободнаго соперничества—личный интересъ. Человѣкъ очень хорошо видитъ, что въ одиночествѣ онъ безсиленъ и подверженъ всякимъ случайностямъ. Только соединяясь съ другими, онъ можетъ достигнуть значительныхъ результатовъ и отстоять себя въ упорной борьбѣ. Мы видѣли, что самое накопленіе капиталовъ ведетъ къ преобладанію крупныхъ предпріятій, которыя на широкомъ поприщѣ имѣютъ огромныя преимущества передъ мелкими. А крупныя предпріятія требуютъ соединенія силъ. Отсюда громадное развитіе акціонерныхъ компаній въ новѣйшее время. Онѣ болѣе и болѣе завоевываютъ себѣ промышленные рынки. Временно такое состязаніе выгодно для потребителей, которые получаютъ товаръ нерѣдко по цѣнамъ даже не окупающимъ издержекъ производства; но для конкуррентовъ оно разорительно. Самая громадность средствъ дѣлаетъ вредъ обоюднымъ. При такихъ условіяхъ, личный интересъ, побуждающій къ соперничеству, показываетъ, что гораздо выгоднѣе придти къ соглашенію, нежели рѣзать другъ друга. Вслѣдствіе этого образуются стачки предпринимателей, за которыя, въ концѣ концовъ, должны расплачиваться потребители. Цѣны поддерживаются на искусственной высотѣ; иногда намѣренно сокращается производство. И на этомъ не останавливается движеніе. Добровольныя соглашенія переходятъ въ болѣе или менѣе тѣсное сліяніе предпріятій. Возникаютъ промышленные синдикаты, которые не только управляютъ множествомъ соединенныхъ предпріятій, но иногда держатъ въ своихъ рукахъ цѣлыя обширныя отрасли производства въ извѣстной странѣ. Такимъ образомъ, свободное соперничество какъ бы само себя отрицаетъ. Естественною игрой свободныхъ силъ оно превращается въ монополію.

Таково явленіе, которое обнаруживается въ современномъ промышленномъ мірѣ. Особенно широкія размѣры оно приняло въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ, при полной внутренней свободѣ экономическихъ силъ, промышленное соперничество достигаетъ крайняго ожесточенія. Изъ этого многіе выводятъ, что пѣсня индивидуализма спѣта, что свободное соперничество неудержимо идетъ къ самоотрицанію; утверждаютъ, что силою вещей промышленность стремится къ монополіи и окончательно должна сосредоточиться въ рукахъ государства, которое,

имѣя въ виду общее благо, а не частныя выгоды, одно въ состояніи оградить потребителей отъ произвольнаго обиранія со стороны владыкъ промышленнаго міра.

Такое заключеніе, однако, слишкомъ поспѣшно. Нѣтъ болѣе обманчивой логики, какъ та, которая изъ развитія извѣстнаго направленія выводитъ окончательное его торжество. Полное торжество можетъ наступить лишь тогда, когда нѣтъ другихъ противодѣйствующихъ силъ, а здѣсь онѣ находятся въ изобиліи. Онѣ кроются въ томъ самомъ началѣ, изъ котораго истекаютъ всѣ эти явленія. Личный интересъ, побуждающій людей соединять свои силы и образовать монополіи, стремится ихъ разрушить.

Во-первыхъ, какъ указано выше, далеко не вездѣ выгодно крупное производство. Во всѣхъ отрасляхъ, гдѣ требуется внимательный хозяйскій глазъ, наблюдающій за подробностями, гдѣ обстоятельства безпрерывно измѣняются, гдѣ нужно приспособляться къ разнообразному вкусу потребителей, въ особенности гдѣ требуется художественная отдѣлка, мелкое производство остается и всегда останется преобладающимъ. А это составляетъ бо́льшую половину промышленнаго производства. Крупныя предпріятія, выдвигаясь на первый планъ, заслоняютъ собою работающій во тьмѣ мелкій людъ; но численное превосходство пока не на ихъ сторонѣ. Земледѣліе въ особенности остается почти нетронутымъ.

Во-вторыхъ, крупныя предпріятія имѣютъ и крупныя невыгоды. Съ расширеніемъ оборота эти невыгоды выступаютъ особенно ярко. Чѣмъ больше силъ соединяются для извѣстнаго дѣла, тѣмъ меньше онѣ въ состояніи имъ управлять. Поэтому акціонерныя компаніи обыкновенно попадаютъ въ руки немногихъ дѣльцовъ, нерѣдко даже одного человѣка, который ведетъ все предпріятіе. Масса же пайщиковъ играетъ чисто страдательную роль. Самые существенные ихъ интересы подвергаются риску, а ихъ собираютъ только для формы. Такова обычная повѣсть акціонерныхъ компаній. Если стоящія во главѣ лица честны и дѣловиты, предпріятіе можетъ имѣть громадный успѣхъ и принести колоссальные барыши; но и самый геніальный предприниматель можетъ промахнуться. Въ рукахъ одного и того же лица прорытіе Суэзскаго канала увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ, а прорытіе Панамскаго перешейка повело къ разоренію пайщиковъ. Когда же крупное предпріятіе находится въ рукахъ посредственныхъ лицъ, каковы большинство людей, или, что еще хуже, когда оно попадаетъ въ руки прожектеровъ и спекулянтовъ, которые ищутъ только воспользоваться случаемъ для личной наживы, то опасность становится еще больше. Отсюда естественно зарождающееся недовѣріе

въ массѣ пайщиковъ, ничего не вѣдающихъ въ дѣлѣ и опасающихся за свои капиталы. Они требуютъ строгаго контроля, а правленіе не всегда можетъ раскрыть свои карты, ибо малѣйшіе признаки шаткости предпріятія грозятъ ему крушеніемъ. Возгарается внутренняя, глухая борьба, гибельная для дѣла. Еще хуже, когда къ этому присоединяются соперничество и раздоры среди самихъ правящихъ лицъ, а въ человѣческихъ дѣлахъ этого избѣгнуть почти невозможно. Поэтому, всякое крупное предпріятіе, основанное на соединеніи многихъ силъ, въ себѣ самомъ носитъ сѣмена своего разложенія. Условій долговѣчности оно не имѣетъ.

Въ-третьихъ, монополизировать извѣстную отрасль производства можно только тогда, когда самый матеріалъ, на который она обращена, находится въ ограниченномъ количествѣ и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Къ этому разряду принадлежатъ, напримѣръ, угольныя копи и нефтяные источники. Не говорю о желѣзныхъ дорогахъ, которыя, будучи предназначены для общаго пользованія, составляютъ естественную монополію государства и только при слишкомъ слабомъ развитіи государственныхъ началъ предоставляются свободному соперничеству. Большинство же промышленныхъ производствъ таково, что они могутъ умножаться безгранично, а потому превратить ихъ въ монополію чрезвычайно трудно. Если, съ одной стороны, личный интересъ побуждаетъ людей соединять свои силы для совокупнаго дѣйствія, то съ другой стороны, именно самые способные и предпріимчивые люди не охотно соглашаются играть страдательную роль и дѣлаться колесами машины, управляемой чужими руками. Они предпочитаютъ дѣйствовать на свой собственный страхъ и рискъ, а съ ними бороться не легко. Поэтому нѣтъ почти примѣровъ, чтобы синдикатъ охватывалъ всѣ безъ исключенія предпріятія, принадлежащія къ извѣстной отрасли; всегда остается поле для личной дѣятельности. Конкурренція проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выгоднѣе предпріятіе. Въ преуспѣвающей странѣ ежегодно дѣлаются громадныя сбереженія; являются новые капиталы, которые ищутъ помѣщенія, новые придприниматели, которые ищутъ приложенія своей дѣятельности. Тѣ и другіе устремляются туда, гдѣ представляется наибольшій барышъ. Съ ними надобно считаться; устранить ихъ нѣтъ возможности, а принять ихъ значитъ умножить производство, что ведетъ къ паденію цѣнъ и къ уменьшенію выгодъ. Только въ странахъ, гдѣ изсякла всякая предпріимчивость, монополіи могутъ держаться, не боясь конкурренціи; но въ такихъ странахъ немыслимо самое образованіе синдикатовъ, веденіе которыхъ требуетъ тѣмъ болѣе выдающихся промышленныхъ способностей, чѣмъ обширнѣе предпріятіе.

Въ-четвертыхъ, еслибы даже удалось монополистамъ захватить въ свои руки туземный рынокъ, то приходится выдерживать иностранную конкурренцію. Тутъ уже стачка несравненно труднѣе, а сліяніе предпріятій совершенно невозможно. Даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, когда производство, по существу своему монопольное, ограничивается двумя странами, напримѣръ добываніе нефти въ Сѣверной Америкѣ и въ Россіи, соглашеніе въ виду раздѣленія міроваго рынка встрѣчаетъ почти непреодолимыя трудности. Когда же производство неограниченно, и въ немъ участвуютъ разныя страны, то объ общей стачкѣ предпринимателей нечего и думать. Поэтому, стремящіеся къ монополіи синдикаты всегда стараются пріютиться подъ крыломъ покровительственной системы. Въ Сѣверной Америкѣ они всѣми дозволенными и недозволенными средствами дѣйствуютъ на законодательство съ цѣлью устранить иностранныхъ соперниковъ. И если государство такъ слабо и близоруко или такъ плохо устроено, что оно отдаетъ себя въ руки частнымъ интерсcамъ, то торжество монополистовъ можетъ быть полное. Но оно достигается не свободнымъ развитіемъ промышленныхъ силъ, а стѣсненіемъ свободы путемъ государственной регламентаціи. Понимающее свои задачи государство всегда имѣетъ въ своихъ рукахъ надежное оружіе противъ всякихъ монополій. Это оружіе состоитъ въ свободѣ торговли, которая составляетъ самую драгоцѣнную гарантію для потребителей и самое могучее средство дать перевѣсъ общему интересу надъ частнымъ. Мы видимъ громадное процвѣтаніе промышленныхъ синдикатовъ при высокихъ таможенныхъ пошлинахъ. Желательно было бы посмотрѣть, какъ бы они процвѣтали, еслибъ эти пошлины были отмѣнены и иностранная конкурренція замѣнила недостающую внутреннюю.

Государство имѣетъ въ рукахъ и другое могучее оружіе противъ монополій. Оно заключается въ тѣхъ юридическихъ началахъ, которыми управляются акціонерныя общества. Простое соглашеніе предпринимателей всегда непрочно, если оно не облечено въ юридическую форму. Каждый изъ участниковъ можетъ по своему произволу отъ него уклониться, и противъ него нѣтъ никакихъ средствъ. Юридическую силу договору даетъ только законодательство, а оно всегда можетъ отказать въ поддержкѣ такому соглашенію, которое направлено во вредъ другимъ. Еще бо́льшую силу имѣетъ законъ въ случаѣ сліянія предпріятій, когда изъ нихъ образуется юридическое лице. Мы видѣли, что установленіе юридическаго лица всегда зависитъ отъ воли государства. Это не естественное проявленіе принадлежащей человѣку личной свободы, а искусственное устройство въ виду извѣстной цѣли. Государство поддерживаетъ его, когда цѣль полезна, и от-

казываетъ ему въ признаніи, когда цѣль направлена къ подавленію чужой свободы. Слѣдовательно, существованіе промышленныхъ синдикатовъ, какъ юридически организованныхъ союзовъ, вполнѣ и всецѣло зависитъ отъ воли государства; существованіе же простыхъ соглашеній никогда не въ состояніи уничтожить свободнаго соперничества, ибо тутъ личная воля имѣетъ полный просторъ.

Изъ этого ясно, что современное развитіе промышленныхъ синдикатовъ вовсе не оправдываетъ предположенія, что окончательно всѣ предпріятія должны слиться въ рукахъ государства. Между самою обширною частною монополіей и правительственнымъ управленіемъ есть неизмѣримый скачокъ. Всякое частное предпріятіе держится свободнымъ соединеніемъ личныхъ силъ и разрушается, какъ скоро эти силы идутъ врозь. Въ основаніи его лежитъ личное начало, которое продолжаетъ дѣйствовать, проявляясь въ постоянно возобновляющемся соединеніи и раздѣленіи силъ, составляющемъ самую жизнь промышленнаго міра. Государство же есть юридическое лице, возвышенное надъ этими стремленіями и колебаніями личныхъ воль. Оно имѣетъ въ виду не временные и измѣняющіеся интересы отдѣльныхъ лицъ, а совокупные интересы, связывающіе слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія и образующіе изъ нихъ единое духовное цѣлое.

Въ экономической области задача его состоитъ не въ томъ, чтобы замѣнить собою свободную игру промышленныхъ силъ, а въ томъ, чтобы сдерживать ихъ въ предѣлахъ, согласныхъ съ правами другихъ и съ общею пользой. Конечная цѣль государства, также какъ и всей экономической дѣятельности, есть все-таки удовлетвореніе потребителей, которые составляютъ совокупность общества, а удовлетвореніе потребителей возможно только при свободномъ соперничествѣ, которое ведетъ къ возможно большему пониженію цѣнъ и къ постоянному улучшенію производства. Поэтому невозможно утверждать, что пѣсня индивидуализма спѣта. Индивидуализмъ есть сама свобода человѣка, которая есть личное начало. Пѣсня ея только тогда будетъ спѣта, когда перестанутъ существовать разумно-свободныя существа на землѣ, то-есть, когда человѣкъ превратится въ животное низшаго разряда. Но этого пока не предвидится.

ГЛАВА IV.

Распредѣленіе дохода.

Результатъ производства есть полученіе извѣстной прибыли. Это составляетъ *доходъ*. Онъ образуется избыткомъ произведеній надъ издержками производства. Это и есть настоящій или *чистый* доходъ

предпринимателя. Полученный же результатъ, безъ вычета издержекъ, называется *грубымъ* доходомъ. Но такъ какъ въ издержки производства входитъ удовлетвореніе всѣхъ другихъ дѣятелей, землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, то грубый доходъ предпринимателя заключаетъ въ себѣ чистый доходъ остальныхъ.

Обыкновенно доходъ цѣнится на деньги, ибо только этимъ способомъ можетъ быть опредѣлена его величина, а вмѣстѣ и доля каждаго изъ дѣятелей въ общей прибыли. Но настоящую денежную форму онъ принимаетъ только тогда, когда полученныя произведенія пускаются въ оборотъ, что и есть обыкновенное явленіе. Случается однако, что производитель самъ потребляетъ часть своихъ произведеній. Такъ, напримѣръ, сельскій хозяинъ, крупный или мелкій, можетъ часть полученныхъ имъ продуктовъ обратить на свои домашнія потребности. Если эти предметы составляютъ результатъ его хозяйственной дѣятельности, то, очевидно, они также должны быть причислены къ доходу. Затрудненіе оказывается только тамъ, гдѣ потребленіе состоитъ въ пользованіи потребительнымъ капиталомъ. Послѣдній, будучи отданъ въ наймы, могъ бы приносить доходъ; но хозяинъ пользуется имъ самъ, а потому дохода не получаетъ. Однако, относительно домовъ, собственное пользованіе всегда считается равносильнымъ доходу, а потому облагается податью наравнѣ съ наймомъ. Но относительно движимыхъ вещей пользованіе до такой степени сливается съ простымъ потребленіемъ, что отдѣленіе одного отъ другаго почти невозможно, да и не представляетъ практической надобности. Въ народномъ хозяйствѣ эта часть дохода играетъ весьма несущественную роль, а потому можетъ быть оставлена въ сторонѣ.

Изъ совокупнаго дохода предпріятія выдѣляется та часть прибыли, которая приходится на долю каждаго изъ дѣятелей производства. А такъ какъ доходъ получается предпринимателемъ, то имъ совершается и самое распредѣленіе. При свободныхъ отношеніяхъ лицъ, это дѣлается, какъ и всѣ человѣческія соглашенія, путемъ договора. Но при этомъ предприниматель нерѣдко дѣлаетъ авансъ, то-есть, выплачиваетъ деньги впередъ, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи вознаградить себя изъ полученнаго дохода. Для этого, какъ сказано, онъ долженъ имѣть оборотный капиталъ; смотря по доходности капитала, дѣлаемый имъ авансъ получаетъ большее или меньшее вознагражденіе.

Но соглашеніе составляетъ только формальную, или юридическую сторону отношенія. Содержаніе его опредѣляется экономическими факторами, которые играютъ тутъ важнѣйшую роль. Экономическія условія и управляющіе ими законы побуждаютъ людей придти къ тому или другому соглашенію. Въ чемъ же состоятъ эти законы?

Общій доходъ, переведенный на деньги, опредѣляется цѣною произведеній, а цѣна произведеній опредѣляется, какъ мы видѣли, отношеніемъ предложенія къ требованію. Тѣмъ же отношеніемъ опредѣляется и тотъ доходъ, который приходится на долю каждаго изъ дѣятелей производства. Предприниматель долженъ соображать свои издержки съ цѣною произведеній. При возвышающейся цѣнѣ онъ можетъ ихъ увеличивать; при уменьшающейся цѣнѣ онъ долженъ ихъ сократить. То-есть, при возвышающемся требованіи на произведенія ростетъ и собственное его требованіе въ отношеніи къ другимъ дѣятелямъ производства, въ содѣйствіи которыхъ онъ нуждается, и наоборотъ, при понижающемся требованіи на произведенія понижается и требованіе предпринимателя. Съ своей стороны, другіе дѣятели производства, то-есть, усвоенныя человѣкомъ силы природы, капиталъ и трудъ, нуждаются въ предпринимателѣ, ибо иначе они остаются въ бездѣйствіи и не приносятъ дохода. Съ ихъ стороны, эта нужда выражается въ предложеніи. Отношеніемъ этого предложенія къ требованію опредѣляется содержаніе тѣхъ соглашеній, въ силу которыхъ, при свободномъ отношеніи людей, установляется связь различныхъ дѣятелей производства въ совокупномъ предпріятіи. Основной экономическій законъ и тутъ дѣйствуетъ въ полной силѣ. Иначе и быть не можетъ, ибо здѣсь требуется не опредѣленіе физическаго участія каждаго дѣятеля въ производствѣ, что привело бы къ невозможному исчисленію количества совершенныхъ передвиженій, а опредѣленіе степени ихъ полезности, то-есть соотвѣтствія требованію, а это и дается закономъ отношенія предложенія къ требованію. Инаго основанія экономическая оцѣнка не имѣетъ.

У каждаго изъ дѣятелей производства есть, однако, свои особенности, которыя требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

1. Поземельная рента.

Доходъ съ земли, независимо отъ прибыли обработки, называется *поземельною рентой*. Онъ выражается съ полною ясностью, когда земля отдается въ наемъ. Арендная плата составляетъ доходъ землевладѣльца.

Очевидно, въ немъ заключается, по крайней мѣрѣ отчасти, плата за дѣйствіе силъ природы, усвоенныхъ человѣкомъ. А такъ какъ земля, въ данной странѣ, находится въ ограниченномъ количествѣ, то землевладѣніе естественно обращается въ монополію. Этимъ опредѣляется отношеніе предложенія къ требованію. Съ увеличеніемъ народонаселенія спросъ на земледѣльческія произведенія ростетъ, а предложеніе не увеличивается соразмѣрно. Вслѣдствіе этого установляется монопольная цѣна, которая не только вознаграждаетъ издерж-

ки производства, но даетъ избытокъ, составляющій поземельную ренту. Величина ея тѣмъ больше, чѣмъ выгоднѣе положеніе земли и чѣмъ больше требованіе на ея произведенія.

Постепенное образованіе этого избытка было тщательно изслѣдовано экономистами. Пока пустопорожныхъ пространствъ много, обработываются только самыя близкія къ рынкамъ и самыя плодородныя земли. Онѣ вознаграждаютъ положенный на нихъ трудъ, но поземельной ренты не приносятъ, ибо, при увеличеніи требованія, разработываются таковые же непочатые еще участки, вслѣдствіе чего увеличивается предложеніе и цѣны остаются на прежней высотѣ. Но когда, съ дальнѣйшимъ ростомъ народонаселенія, спросъ увеличивается такъ, что земель перваго разряда становится недостаточно, тогда начинаютъ обработывать земли втораго разряда, болѣе отдаленныя и менѣе плодородныя. Возвысившіяся цѣны и тутъ покрываютъ издержки производства; но земли перваго разряда, находящіяся въ лучшихъ условіяхъ, даютъ уже избытокъ дохода, который и является въ видѣ поземельной ренты. Тоже самое повторяется и тогда, когда наступаетъ очередь земель третьяго разряда. Тогда земли втораго разряда начинаютъ приносить поземельную ренту. Послѣдняя является такимъ образомъ платою за лучшее качество и болѣе выгодное положеніе участка. Величина ея опредѣляется избыткомъ цѣны произведеній надъ издержками производства на земляхъ высшаго разряда. Это—плата собственнику, владѣющему сравнительно лучшими участками.

Такова теорія поземельной ренты, которая была развита фонъ-Тюненомъ и Рикардо. Изъ этого соціалисты выводятъ, что будучи основана на присвоеніи нѣкоторыми людьми первоначальныхъ силъ природы, которыя должны составлять достояніе всѣхъ, поземельная рента является несправедливостью. Нужды многочисленныхъ бѣдныхъ служатъ средствомъ для обогащенія немногихъ привилегированныхъ лицъ. Въ этомъ присвоеніи видятъ даже главный источникъ обѣднѣнія народныхъ массъ: размножаясь, онѣ находятъ уже всѣ участки занятыми и относительно средствъ пропитанія попадаютъ въ полную зависимость отъ тѣхъ, которые успѣли захватить земли въ свои руки. Лѣкарство противъ этого зла видятъ въ возстановленіи нормальныхъ отношеній, то-есть, въ присвоеніи связанныхъ съ землею силъ природы цѣлому обществу, которое должно распредѣлять ее между своими членами сообразно съ ихъ нуждами и пользоваться поземельною рентой для совокупныхъ потребностей. Послѣдняя должна такимъ образомъ замѣнить собою подати. Въ этомъ состоитъ весьма распространенная нынѣ теорія націонализаціи земли. Наиболѣе умѣренные реформаторы требуютъ выкупа ея государствомъ; болѣе радикальные стоятъ за постепенный

переводъ ея въ руки государства путемъ прогрессивныхъ налоговъ на землю и въ особенности на наслѣдства.

Эти выводы, какъ мы постараемся доказать, не имѣютъ ни малѣйшаго, ни юридическаго, ни экономическаго основанія. Но и изложенная выше чисто экономическая теорія поземельной ренты, которая служитъ имъ исходною точкой, требуетъ значительныхъ поправокъ.

Мы уже видѣли юридическія основанія поземельной собственности. Первоначальное усвоеніе отдѣльнымъ человѣкомъ никому не принадлежащихъ силъ природы составляетъ неотъемлемое его право. Въ этомъ заключается, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое и необходимое условіе всякаго промышленнаго развитія, а потому это неоцѣненная услуга, оказанная человѣчеству. Въ дальнѣйшемъ же движеніи, переходя изъ рукъ въ руки, земля достается тѣмъ, кто или самъ пріобрѣлъ ее отъ другихъ законнымъ путемъ, или получилъ ее по законному наслѣдству. Въ обоихъ случаяхъ право на землю ненарушимо. На этомъ основанъ весь гражданскій порядокъ. Если же владѣлецъ является законнымъ собственникомъ земли, то онъ имѣетъ неотъемлемое право получать съ нея доходъ, совершенно также какъ капиталистъ, помѣщающій свой капиталъ въ промышленное предпріятіе. Въ этомъ отношеніи, между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакой разницы, а потому нѣтъ ни малѣйшаго основанія требовать націонализаціи земли, не требуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, націонализаціи всѣхъ капиталовъ. При свободномъ предложеніи поземельной собственности, покупка земли составляетъ извѣстное помѣщеніе капитала, которое можетъ быть выгодно или невыгодно, смотря по обстоятельствамъ. Доходъ съ земель, а вслѣдствіе того и ихъ капитальная цѣнность, могутъ рости, но они могутъ и уменьшаться, что мы и видимъ на своихъ глазахъ. Вообще, земля даетъ меньшій доходъ, нежели промышленныя и торговыя предпріятія. Если, не смотря на то, люди, имѣющіе деньги, рѣшаются ее покупать, то это происходитъ оттого, что землевладѣніе приноситъ нѣкоторыя невещественныя выгоды, окупающія меньшую доходность. Прочность семейнаго быта, привязанность къ мѣсту, чувство собственности, какъ матеріальной основы благосостоянія, все это въ большей мѣрѣ удовлетворяется поземельною собственностью, нежели всякою другою. Всѣхъ этихъ невещественныхъ выгодъ не имѣетъ государство, а потому для него націонализація земли путемъ выкупа представляетъ только весьма плохой расчетъ. Конечно, оно можетъ посредствомъ налоговъ обобрать всѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ и понемногу перевести всѣ земли въ свои руки. Но эта чудовищная конфискація, ниспровергающая всѣ начала права, а потому подрывающая самыя основы государства, все-таки приведетъ къ самымъ плачевнымъ экономическимъ

результатамъ. Государство, какъ мы видѣли, худшій изъ всѣхъ производителей. Экономическое производство вовсе не составляетъ его призванія. А потому сосредоточеніе всей поземельной собственности въ его рукахъ можетъ повести лишь къ пониженію общей производительности. Въ обществѣ оно уничтожитъ всѣ тѣ побужденія къ дѣятельности, которыя проистекаютъ изъ чувства собственности и изъ желанія ее пріобрѣсти и сохранить. Слѣдовательно, со всѣхъ сторонъ можетъ быть только ущербъ для народнаго хозяйства.

Такое извращеніе всѣхъ издревле установившихся экономическихъ отношеній тѣмъ менѣе можетъ быть оправдано, что самая его исходная точка невѣрна. Поземельная рента не есть только плата за дѣйствіе силъ природы, монополизированныхъ человѣкомъ. Къ этому присоединяются другія начала, которыя существенно видоизмѣняютъ эти отношенія.

При самомъ первоначальномъ усвоеніи силъ природы, къ нимъ нерѣдко прилагается трудъ, для того чтобы сдѣлать ихъ способными служить цѣлямъ человѣка. Конечно, степь можно прямо распахать и получать съ нея жатву. Но лѣсныя мѣстности надобно расчистить, выкорчевать пни; гдѣ есть камни, нужно ихъ удалить; для стока воды нужно прокопать канавы. Въ позднѣйшее время для полученія удобной почвы производится осушеніе болотъ. И весь этотъ приложенный къ землѣ трудъ остается постоянною, неотъемлемою ея принадлежностью. Съ дальнѣйшимъ же развитіемъ хозяйства приходится возстановлять истощающіяся силы природы вложеніемъ въ землю капитала. Земля глубоко распахивается и постоянно удобряется; для удаленія излишней влаги устроивается дренажъ; при недостаткѣ воды производится искусственное орошеніе. Для храненія запасовъ и орудій, а также для жилища рабочихъ, воздвигаются зданія. Такимъ образомъ, съ постоянно дѣйствующими силами природы соединяется стоячій капиталъ, который не можетъ быть отъ нихъ отдѣленъ. Нѣкоторые экономисты признаютъ даже, что этотъ капиталъ такъ великъ, что онъ равняется цѣнности самой земли, если ея не превосходитъ, изъ чего выводятъ, что взимая поземельную ренту, землевладѣлецъ получаетъ вознагражденіе лишь за то, что произведено человѣкомъ. Въ дѣйствительности, доля участія силъ природы и капитала въ цѣнности и доходности земель можетъ быть весьма разнообразна и раздѣлить ихъ нѣтъ возможности. Менѣе всего можно согласиться съ тѣми, которые общій доходъ съ капитала опредѣляютъ по послѣдней вложенной въ землю долѣ *). По общему закону, послѣдовательное при-

*) Marshall: Principles of Economics, 2-е изд. стр. 210.

ложеніе капитала къ землѣ дастъ все меньшій и меньшій доходъ, вслѣдствіе того что приходится дѣйствовать при менѣе благопріятныхъ условіяхъ: когда главныя силы природы уже обращены на пользу человѣка, а требованіе увеличивается, обращаются къ менѣе производительнымъ. Но пользованіе этими меньшими силами не можетъ служить мѣриломъ производительности, а слѣдовательно и доходности капитала при пользованіи бо́льшими. Стоячій капиталъ, какъ сказано выше, ничто иное какъ сила природы, ставшая служебною человѣку, а потому, чѣмъ производительнѣе сила природы, тѣмъ производительнѣе самый капиталъ. Раздѣлить эти два фактора нѣтъ возможности, а еще менѣе возможно опредѣлить, что принадлежитъ тому и другому, ибо дѣйствіе капитала состоитъ именно въ пользованіи силами природы. Съ помощью капитала сила природы обращается на пользу человѣка и становится неотъемлемымъ его достояніемъ.

Это усвоеніе силъ природы съ помощью капитала, на которомъ основано все благосостояніе человѣчества, могло бы однако имѣть вредныя послѣдствія, еслибы дѣйствительно эти усвоенныя силы сдѣлались монополіей немногихъ, которые черезъ это получили бы возможность держать остальныхъ у себя въ подчиненіи. Но дѣло въ томъ, что землевладѣлецъ можетъ пользоваться усвоенными имъ силами природы только съ помощью рабочихъ рукъ. Если послѣднія нуждаются въ немъ для своего пропитанія, то и онъ нуждается въ нихъ для обработки земли. Отъ большей или меньшей выгодности производства зависятъ, какъ арендная плата, такъ и величина заработковъ. Если же землевладѣлецъ захочетъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы поднять свои требованія, то конкурренція заставитъ его ихъ понизить. А развитіе капитала ведетъ къ тому, что конкурренція становится почти безграничною. Свободные капиталы и рабочія руки переносятся въ непочатыя еще пространства земнаго шара, а удешевленіе средствъ перевозки дѣлаетъ ихъ самыми опасными соперниками на туземныхъ рынкахъ. Интенсивному хозяйству въ густо населенныхъ странахъ, гдѣ земли становится мало, трудно состязаться съ дѣвственными почвами. Европа испытываетъ это въ настоящее время. А потому ни о какой монополіи тутъ не можетъ быть рѣчи.

При такихъ условіяхъ, экономическая роль землевладѣльца дѣлается тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ выше хозяйство и чѣмъ сложнѣе отношенія. При обиліи земель, сдача ихъ въ аренду приноситъ мало дохода; приходится хозяйничать самому. Это тѣмъ удобнѣе, что первобытная культура не представляетъ большихъ трудностей. Когда же количество свободной земли уменьшается, а капиталы еще скудны, надобно выбирать между собственнымъ хозяйствомъ и невѣрной арен-

дой; нерѣдко всего выгоднѣе сочетаніе обоихъ способовъ. Вообще, съ измѣненіемъ экономическихъ условій, землевладѣлецъ долженъ расчитывать, какое направленіе нужно дать хозяйству и какое приложеніе капитала для него выгоднѣе. Нерасчетливое хозяйство ведетъ къ разоренію. Когда же окончательно установляется интенсивное хозяйство, землевладѣлецъ становится оберегателемъ положеннаго въ землю стоячаго капитала и высшимъ руководителемъ производства. Фермеръ, снимающій землю на срокъ, имѣетъ въ виду свои временные барыши; землевладѣлецъ же ставитъ себѣ цѣлью выгоды прочныя. Отъ него зависитъ направленіе, которое дается культурѣ; на немъ же главнымъ образомъ лежатъ и капитальныя улучшенія. А потому его роль тутъ первенствующая.

Нерѣдко однако, при интенсивномъ хозяйствѣ, улучшенія беретъ на себя самъ фермеръ, и тогда возникаетъ вопросъ о правахъ, вытекающихъ для него изъ этого отношенія. Обыкновенное рѣшеніе вопроса состоитъ въ томъ, что это дѣлается по обоюдному соглашенію. Но при увеличеніи затратъ и краткосрочности арендныхъ сроковъ можетъ родиться потребность законодательныхъ постановленій. Когда сдѣланныя фермеромъ капитальныя затраты ведутъ къ увеличенію арендной платы, то справедливость требуетъ, чтобы съ прекращеніемъ аренды онѣ были возвращены. На этотъ путь вступило нынѣ англійское законодательство. Надобно только замѣтить, что тутъ слѣдуетъ дѣйствовать съ крайнею осторожностью, ибо сдача земли въ аренду все-таки остается свободнымъ договоромъ, условія котораго опредѣляются волею сторонъ. Законъ можетъ дать гарантіи той или другой сторонѣ, но основное начало договора должно оставаться ненарушимымъ.

Поэтому, никакъ нельзя признать нормальнымъ установленіе постояннаго фермерскаго договора и вытекающее отсюда регулированіе арендной платы правительственными коммиссіями, какъ дѣлается нынѣ въ Ирландіи. Такой порядокъ представляетъ возвращеніе къ средневѣковымъ отношеніямъ, когда несвободная собственность, въ силу обычая или закона, подвергалась многообразнымъ ограниченіямъ въ пользу верховнаго владѣльца. Сами англійскіе государственные люди, которые провели этотъ законъ, признавали, что онъ составляетъ радикальное отступленіе отъ нормальнаго порядка и оправдывается только совершенно исключительнымъ положеніемъ, въ которомъ находится Ирландія. Тамъ, при завоеваніи страны Англичанами, земли, принадлежавшія туземцамъ, были конфискованы въ пользу завоевателей, и съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе ненарушимаго права первородства, постоянно оставались въ рукахъ аристократическихъ землевладѣль-

цевъ, принадлежащихъ къ чуждому племени. Между тѣмъ, ирландское населеніе жаждетъ земли и, вслѣдствіе конкурренціи, доводитъ арендную плату до чрезмѣрной высоты. Отсюда нищета, голодъ, громадныя переселенія; отсюда натянутыя отношенія, которыя ведутъ къ безпрерывнымъ аграрнымъ преступленіямъ. Чтобы помочь злу, англійское правительство рѣшилось прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ: признать за фермерами постоянное право на арендуемые ими участки и опредѣлить величину арендной платы правительственными коммисіями. Въ такомъ порядкѣ можно видѣть только переходную форму къ истинной цѣли законодателя, именно, къ переводу земельныхъ участковъ въ руки фермеровъ путемъ выкупа и къ созданію такимъ образомъ класса мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. Это—революціонная мѣра, которою разрѣшается историческая задача: возстановленіе нѣкогда нарушенной справедливости и переводъ созданнаго завоеваніемъ чисто искусственнаго порядка въ новый, болѣе согласный съ требованіями общегражданскаго строя. Нормальнымъ, во всякомъ случаѣ, его признать нельзя, и еще менѣе можно прилагать его къ другимъ условіямъ.

Къ такого же рода мѣрамъ, завершающимъ историческую эпоху и переводящимъ извѣстный историческій строй въ новыя формы, относится и надѣленіе крестьянъ землею при освобожденіи. Крѣпостное право въ теченія вѣковъ лишало ихъ возможности пріобрѣтать землю и отдавало ихъ работу въ произвольное распоряженіе владѣльца. Справедливость требуетъ, чтобы при освобожденіи имъ были предоставлены тѣ земли, на которыхъ они сидятъ и съ которыхъ отбываютъ повинности. Въ правильномъ порядкѣ это дѣлается путемъ выкупа, котораго условія могутъ быть различны. Но во всякомъ случаѣ это мѣра единовременная, которая принимается при переходѣ изъ одного порядка въ другой. О постоянномъ или возобновляющемся надѣленіи не можетъ быть рѣчи. Въ общегражданскомъ строѣ, основанномъ на свободѣ, поземельная собственность пріобрѣтается и отчуждается путемъ свободныхъ сдѣлокъ, и такими же сдѣлками опредѣляются отношенія землевладѣльца къ арендатору.

Такимъ образомъ, при свободныхъ экономическихъ отношеніяхъ, составляющихъ норму всякаго промышленнаго производства, высота арендной платы зависитъ отъ отношенія предложенія къ требованію. Предложеніе опредѣляется обиліемъ земель и легкостью переселенія, требованіе зависитъ отъ количества капитала и рабочихъ рукъ, ищущихъ помѣщенія. При экстенсивномъ хозяйствѣ и скудости капиталовъ, арендаторами большею частью являются крестьяне, работающіе своими руками; при накопленіи капиталовъ и введеніи интенсив-

наго хозяйства, установляется фермерство, которое возводитъ земледѣліе на высшую ступень. Но окончательно высота платы опредѣляется цѣною произведеній, слѣдовательно конкурренціей. Чѣмъ удобнѣе пути сообщенія, чѣмъ дешевле перевозка, тѣмъ легче сбытъ, но зато тѣмъ сильнѣе соперничество на всемірномъ рынкѣ. Вслѣдствіе этого, цѣна произведеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и арендная плата, возвышаются или падаютъ независимо отъ дѣятельности производителей и даже отъ государства, а въ силу обстоятельствъ, опредѣляемыхъ общими условіями міроваго производства.

Сообразно съ этимъ возвышается или падаетъ самая капитальная цѣнность земли, которая, какъ и цѣнность всякаго стоячаго капитала, опредѣляется ея доходностью. Колебанія могутъ быть въ ту или другую сторону; но во всякомъ случаѣ выгоды и убытки падаютъ на владѣльца, и ни на кого другаго. Общее юридическое правило, какъ уже сказано выше, состоитъ въ томъ, что случай падаетъ на собственника, и это правило въ экономическихъ отношеніяхъ находитъ полное свое оправданіе. Хозяинъ потому и есть хозяинъ, что онъ несетъ рискъ. Кто вкладываетъ свой капиталъ въ землю, тотъ ожидаетъ, что она со временемъ повысится въ цѣнѣ, но онъ рискуетъ и тѣмъ, что она можетъ понизиться. Это шансы промышленныхъ силъ, которые потому именно должны падать на хозяина, что онъ одинъ способенъ на нихъ расчитывать и къ нимъ приспособляться. Въ первомъ состоитъ предпріимчивость, во второмъ изворотливость, качества, составляющія душу всякаго хозяйства. Устранить ихъ нельзя, не подорвавши въ корнѣ самую хозяйственную дѣятельность человѣка. Отсюда нелѣпость мечтаній о присвоеніи государству всѣхъ выгодъ поземельной собственности. Въ здравой экономической наукѣ для нихъ нѣтъ мѣста.

2. Процентъ съ капитала.

Процентъ съ капитала есть вознагражденіе за приносимую имъ экономическую пользу. Процентомъ онъ называется въ отношеніи къ капитальной цѣнности, опредѣляемой общимъ мѣриломъ—деньгами. Это равно относится къ стоячему капиталу и къ оборотному. Но въ первомъ, кромѣ вознагражденія за пользованіе, требуется еще возмѣщеніе траты, ибо стоячій капиталъ пользованіемъ потребляется; для сохраненія его нужно, чтобы часть приносимаго имъ дохода употреблялась на поддержаніе его въ первоначальномъ видѣ или, если это невозможно, на возстановленіе капитальной цѣнности въ денежной формѣ. Это возмѣщеніе траты принадлежитъ къ издержкамъ производства, которыя возвращаются изъ доходовъ. Въ оборотномъ же

капиталѣ траты нѣтъ никакой, ибо, переходя изъ одной формы въ другую, онъ самъ собою окончательно принимаетъ видъ денегъ. А потому здѣсь процентъ является чистымъ доходомъ съ капитала. Всего яснѣе это выражается тамъ, гдѣ капиталистъ и препринниматель два разныя лица. Предприниматель получаетъ въ ссуду капиталъ, который онъ возвращаетъ съ приплатою процентовъ. Но и тотъ, кто работаетъ съ собственнымъ капиталомъ, насчитываетъ на него извѣстный процентъ, ибо капиталъ, вложенный въ предпріятіе, становится однимъ изъ дѣятелей производства, а потому на его долю должна причитаться извѣстная часть дохода.

Изъ этого ясно, что процентъ съ капитала составляетъ совершенно справедливую и экономически необходимую форму дохода. Всѣ возгласы соціалистовъ противъ этого ненавистнаго имъ прироста ничто иное какъ пустая декламація *). Они разбиваются о тотъ простой фактъ, что капиталъ приноситъ экономическую пользу, которая должна быть вознаграждена. Возмѣщеніе траты не есть вознагражденіе; это— только возвращеніе издержекъ. Если нѣтъ излишка, то самая работа, употребленная на созданіе капитала, въ какой бы формѣ онъ ни являлся, остается невознагражденной. Для созданія оборотнаго или денежнаго капитала, также какъ и стоячаго, требуется работа; если употребленіе этого капитала не вознаграждается, то и положенная въ него работа ни вознаграждена. Онъ приноситъ пользу, но не тѣмъ лицамъ, которыя его создали и сохранили, а совсѣмъ другимъ.

Чѣмъ же опредѣляется высота вознагражденія? Опять же отношеніемъ предложенія къ требованію. Капиталъ есть произведеніе, обращаемое на новое производство; слѣдовательно, онъ требуется для предпріятій. Чѣмъ больше требованіе сравнительно съ предложеніемъ, тѣмъ выше процентъ. Такъ бываетъ во всѣхъ странахъ съ мало развитою промышленностью, гдѣ капиталы скудны, и всякое предпріятіе, при обиліи непочатыхъ силъ природы и недостаточной конкурренціи, обѣщаетъ значительныя выгоды. Напротивъ, съ умноженіемъ капиталовъ вслѣдствіе избытка доходовъ надъ издержками производства, процентъ естественно понижается. Это и есть нормальное явленіе во всѣхъ прогрессирующихъ странахъ, гдѣ капиталъ умножается быстрѣе, нежели другіе дѣятели производства.

Этотъ процессъ равно касается всѣхъ промышленныхъ отраслей. Предпріимчивость устремляется туда, гдѣ обѣщается бо́льшая выгода; туда устремляются и капиталы. Но именно это обиліе предложенія,

---

*) Подробный ихъ разборъ см. въ моемъ сочиненіи: *Собственность и Государство*, ч. II, стр. 57 и слѣд.

съ одной стороны, и конкурренція съ другой понижаютъ прибыль, а съ тѣмъ вмѣстѣ и процентъ. А такъ какъ это относится ко всѣмъ отраслямъ производства, то, вообще, процентъ съ капиталовъ стремится къ общему уровню.

Въ частностяхъ, этотъ процессъ подвергается болѣе или менѣе значительнымъ видоизмѣненіямъ и колебаніямъ. Предпріятіе, обѣщающее крупныя выгоды, можетъ представлять и большой рискъ. Поэтому капиталы помѣщаются туда съ крайнею осторожностью; чтобы приманить ихъ, требуется значительное вознагражденіе. Къ обычному проценту прибавляется премія за рискъ, которая можетъ быть болѣе или менѣе высока, смотря по довѣрію къ предпріятію и къ управляющимъ имъ лицамъ.

Кромѣ выгодности предпріятій, требованіе капитала вызывается иногда и нуждою. А такъ какъ требованія нужды бываютъ самыя сильныя, то этимъ пользуются обладатели капиталовъ для полученія чрезмѣрно высокихъ процентовъ. Въ этомъ состоитъ ростовщичество, которое не есть экономическое употребленіе капитала, а пользованіе нуждою для вымогательства. Подобныя сдѣлки не должны находить защиты въ законѣ. Поэтому обыкновенно законодательства установляютъ извѣстную высоту процента, сверхъ которой прекращается взысканіе. Конечно, не трудно обойти законъ причисленіемъ процентовъ къ капитальной суммѣ; въ виду этого, недозволенныя или скрытыя сдѣлки иногда караются потерей самаго капитала. Но всѣ подобныя ограниченія, имѣющія въ виду огражденіе нуждающихся отъ притѣсненій, не должны мѣшать правильнымъ сдѣлкамъ. Высота закономъ огражденнаго процента должна быть такова, чтобы оставалось мѣсто для всѣхъ видоизмѣненій, проистекающихъ изъ риска и выгодности предпріятій.

Общій уровень процента подвергается и временнымъ колебаніямъ вслѣдствіе состоянія промышленности. Открытіе новыхъ поприщъ порождаетъ усиленное требованіе капиталовъ, что ведетъ къ увеличенію процента. Съ другой стороны, тотъ же результатъ можетъ имѣть и удрученное состояніе торговли, которое уменьшаетъ прибыль, слѣдовательно увеличиваетъ рискъ и сокращаетъ сбереженія. Эти колебанія выражаются въ учетномъ процентѣ, который взимается банками при денежныхъ операціяхъ. Онъ служитъ признакомъ состоянія промышленнаго міра.

Въ странахъ, стоящихъ на различномъ уровнѣ промышленнаго производства, процентъ съ капитала очевидно долженъ быть разный. Однако и тутъ, при усиленіи торговыхъ сношеній и удобствѣ путей сообщенія, проявляется стремленіе къ большему или меньшему урав-

енію. Капиталы изъ богатыхъ странъ переносятся въ бѣдныя и тѣмъ пособствуютъ пониженію процента въ послѣднихъ. Но такъ какъ тотъ переносъ всегда сопряженъ съ затрудненіями и рискомъ, то полнаго уравненія не происходитъ, а есть только большее или меньшее вліяніе различныхъ странъ другъ на друга, зависящее отъ разнообразныхъ фактическихъ условій.

Общее міровое явленіе состоитъ въ постепенномъ пониженіи процента съ капитала. Этимъ обозначается прогрессъ человѣчества на пути экономическаго развитія. Накопляясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, капиталъ ростетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ умножается и его благотворная дѣятельность. Онъ своимъ владѣльцамъ приноситъ все меньшее и меньшее вознагражденіе; большая же часть приносимой имъ выгоды идетъ на пользу потребителей, ибо уменьшеніе процента на обращающійся въ производствѣ капиталъ ведетъ къ уменьшенію цѣны произведеній. Значительная доля этихъ выгодъ достается и на долю заработной платы, ибо чѣмъ больше капиталовъ ищутъ помѣщенія, тѣмъ болѣе возвышается требованіе рабочихъ рукъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и заработная плата. Отъ обилія капиталовъ всего болѣе выигрываетъ масса. Представляя собою возрастающее наслѣдіе слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній, капиталъ является величайшимъ благодѣтелемъ человѣческаго рода.

Но это уменьшеніе процента никогда не можетъ дойти до полнаго уничтоженія, ибо этимъ самымъ прекратился бы всякій поводъ къ накопленію капиталовъ. Тогда начался бы обратный процессъ. Съ возрастаніемъ народонаселенія и потребностей снова увеличилось бы требованіе на капиталъ, а вслѣдствіе того сталъ бы возвышаться и процентъ. Гдѣ есть приносимая экономическая польза, тамъ должна быть и получаемая экономическая выгода. На этомъ основана вся дѣятельность человѣка на промышленномъ поприщѣ. Мы здѣсь опять приходимъ къ тому, что стремленіе въ извѣстномъ направленіи вовсе не означаетъ окончательнаго его торжества. Гдѣ есть взаимодѣйствіе различныхъ силъ, тамъ ни одна не можетъ уничтожиться въ пользу другой.

3. Заработная плата.

Заработная плата есть вознагражденіе за трудъ, положенный въ производство. Работать можетъ и самъ хозяинъ; въ такомъ случаѣ его заработная плата сливается для него съ прибылью предпріятія. Но во всякомъ сколько-нибудь обширномъ дѣлѣ веденіе хозяйства отличается отъ исполненія различныхъ работъ, а потому оба фактора оплачиваются особо. Даже тамъ, гдѣ хозяиномъ предпріятія является

артель рабочихъ, отличается плата, получаемая каждымъ за произведенную работу, и общая прибыль, которая дѣлится между всѣми на тѣхъ или другихъ основаніяхъ. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ оба фактора раздѣлены, и тогда величина заработной платы опредѣляется ихъ отношеніемъ, то-есть, формально, или юридически, договоромъ, а экономически предложеніемъ и требованіемъ, спросомъ со стороны предпринимателя и количествомъ рукъ, ищущихъ работы. Общій законъ, опредѣляющій всѣ экономическія отношенія, прилагается здѣсь вполнѣ.

Противъ этого неумѣстно возраженіе, что тутъ дѣло идетъ не о мертвомъ товарѣ, а о живомъ человѣкѣ, котораго вся судьба зависитъ отъ заработной платы и который, будто бы, въ силу этого закона, отдается въ кабалу предпринимателю. Именно потому ,что это не мертвая вещь, а человѣкъ, требуется его согласіе. Всегда и вездѣ отношенія свободныхъ лицъ опредѣляются договоромъ, и это именно имѣетъ мѣсто здѣсь. Тутъ вопросъ идетъ не объ устройствѣ судьбы человѣка, которое, при свободныхъ отношеніяхъ, лежитъ на немъ самомъ и ни на комъ другомъ, а объ исполненіи извѣстной работы, за которую обѣщается извѣстное вознагражденіе. По содержанію, договоръ можетъ быть выгоденъ или невыгоденъ для той или другой стороны; это зависитъ отъ множества разныхъ условій. Иногда рабочія руки дешевы, и предприниматель получаетъ хорошую прибыль; иногда, наоборотъ, работа оплачивается хорошо, а предприниматель терпитъ убытокъ. Во всякомъ случаѣ, ни о какой кабалѣ тутъ не можетъ быть рѣчи. Тѣ громадныя стачки, которыя устроиваются рабочими въ Западной Европѣ и Америкѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что всѣ подобныя возраженія ничто иное какъ пустая декламація. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ не допускаются стачки, напримѣръ у насъ въ Россіи, погоня землевладѣльцевъ за рабочими руками и трудность ихъ удержать показываютъ, что тутъ отношенія не принудительныя, а свободныя, опредѣляемыя обоюдною выгодой. Если, при полной юридической равноправности, капиталъ фактически имѣетъ какое-либо преимущество, то это такое преимущество, которое вытекаетъ изъ самой его природы и изъ его общественнаго назначенія. Фактическія вліянія рождаются изъ взаимодѣйствія свободныхъ общественныхъ силъ. Государство призвано не противодѣйствовать имъ, а напротивъ, поддерживать ихъ, ибо они полезны для общества. Ими держится весь общественный строй.

Но именно противъ этихъ фактическихъ вліяній вооружаются соціалъ-демократы; они отвергаютъ всякую зависимость человѣка отъ человѣка, утверждая, что этимъ унижается человѣческое достоинство.

И въ этомъ возраженіи нѣтъ ничего, кромѣ риторики. Мы видѣли, что нравственное значеніе труда состоитъ въ томъ, что человѣкъ принуждаетъ себя исполнять извѣстную работу въ пользу другаго; юридическая же сторона заключается въ томъ, что онъ получаетъ за это вознагражденіе. Если тутъ установляется зависимость, то лишь такая, которую человѣкъ добровольно на себя принимаетъ, и это нисколько не унижаетъ его достоинства, ибо это составляетъ исполненіе человѣческаго назначенія. Взаимнодѣйствіе свободныхъ лицъ установляетъ между ними сложную цѣпь частныхъ зависимостей. При безконечномъ разнообразіи жизненныхъ условій, одни могутъ занимать высшее положеніе, другіе низшее; но пока есть свобода, зависимость всегда обоюдная, ибо высшій нуждается въ услугахъ низшаго, также какъ послѣдній нуждается въ платѣ. Въ этомъ состоитъ свободная солидарность людей, не исключающая іерархическаго порядка, а напротивъ, требующая такого порядка, ибо, при неравенствѣ силъ и призваній, свобода сама собою ведетъ къ неравенству положеній, которымъ и опредѣляется взаимная зависимость. Только этимъ путемъ установляется внутренняя, свободная организація общества, которая одна даетъ ему крѣпость и устойчивость.

Эта организація держится многообразными отношеніями. Кромѣ экономической связи, тутъ установляется и нравственная, ибо вездѣ, гдѣ есть люди, рождаются нравственныя требованія. Со стороны низшихъ требуется уваженіе къ высшимъ и добросовѣстное исполненіе принятыхъ на себя обязанностей. Въ этомъ состоитъ нравственное ихъ достоинство, которое одно имѣетъ цѣну и которое можетъ проявляться въ самой низменной долѣ. Оно дается не матеріальными средствами и не общественнымъ положеніемъ, а тѣмъ нравственнымъ чувствомъ, съ которымъ человѣкъ относится къ своему положенію. Обоюдно, со стороны высшихъ требуется уваженіе къ низшимъ и вниманіе къ ихъ нуждамъ. Но нравственность опять же есть дѣло свободной совѣсти. Задача нравственнаго проповѣдника— внушить людямъ, что съ экономическими отношеніями должны связываться и нравственныя, что служеніе ближнимъ и забота о нихъ составляютъ долгъ совѣсти. Всего плодотворнѣе тутъ дѣйствуетъ христіанское ученіе. Экономистъ же, котораго призваніе состоитъ не въ нравственной проповѣди, а въ изслѣдованіи экономическихъ отношеній, беретъ вопросъ съ другой стороны: онъ старается выяснить общіе законы, которыми, при тѣхъ или другихъ экономическихъ условіяхъ, опредѣляется заработная плата. Если же, не ограничиваясь этою научною задачей, онъ хочетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, взять на себя роль нравственнаго проповѣдника, не имѣя на то никакого научнаго

основанія, и еще болѣе, если онъ, смѣшивая нравственность съ правомъ, присоединяетъ къ этому превратныя юридическія понятія, то не только онъ не достигаетъ научной цѣли, а напротивъ, онъ производитъ только умственный хаосъ, что мы и видимъ въ дѣйствительности.

Экономистъ имѣлъ бы однако полное право возстать противъ опредѣленія заработной платы предложеніемъ и требованіемъ, еслибы было доказано, что при свободномъ отношеніи промышленныхъ силъ рабочіе, какъ слабѣйшіе, всегда остаются въ накладѣ, а потому неизбѣжно обречены на нищету. Это и утверждаютъ соціалисты. Лассаль указывалъ на „желѣзный законъ", въ силу котораго, при свободномъ соперничествѣ и сосредоточенія капиталовъ въ рукахъ богатыхъ, заработная плата едва достаточна для поддержанія жизни рабочихъ. Если она понижается, то часть рабочихъ, не будучи въ состояніи себя содержать, вымираетъ, вслѣдствіе чего уменьшается предложеніе и плата опять идетъ вверхъ. Наоборотъ, какъ скоро заработная плата, при большемъ на нее спросѣ, повышается, такъ рабочіе размножаются, предложеніе увеличивается и плата опять идетъ внизъ. Такимъ образомъ. рабочіе классы всегда находятся на краю нищеты.

Эта теорія основывается на ученіи Мальтуса, который доказывалъ, что ростъ народонаселенія всегда стремится превысить средства существованія. Первое умножается въ геометрической прогрессіи, вторыя въ ариѳметической. Поэтому, какъ скоро народонаселеніе размножается такъ, что средствъ существованія становится недостаточно, такъ различныя физическія бѣдствія, голодъ, болѣзни, войны, истребляютъ лишнее количество и низводятъ его снова къ уровню, допускаемому существующими условіями жизни. Лѣкарство противъ этого роковаго закона Мальтусъ видѣлъ только въ добровольномъ воздержаніи отъ размноженія.

Еслибы эта теорія была вѣрна, то никакія соціалистическія преобразованія не могли бы избавить огромное большинство человѣческаго рода отъ неисцѣлимой нищеты. Государство должно было бы не только взять на себя все промышленное производство, но и регулировать размноженіе, опредѣлять, сколько кому дозволяется имѣть дѣтей. А такъ какъ всякое собственное побужденіе къ воздержанію было бы устранено, а съ другой стороны, производство въ рукахъ государства давало бы меньше прежняго, то понятно, что такой порядокъ вещей превосходилъ бы самыя ужасныя тираніи, какія когда-либо доводилось испытывать человѣчеству.

Къ счастью, въ немъ нѣтъ нужды. Экономическое производство содержитъ въ себѣ элементъ, который служитъ противовѣсомъ чрез-

мѣрному размноженію народонаселенія. Этотъ элементъ есть капиталъ. Если народонаселеніе ростетъ, то и капиталъ накопляется, передаваясь отъ поколѣнія поколѣнію. Надобно только, чтобъ онъ возрасталъ быстрѣе, нежели народонаселеніе. Когда Мальтусъ развивалъ свою теорію объ отношеніи народонаселенія къ средствамъ существованія, онъ имѣлъ въ виду страну съ ограниченнымъ пространствомъ земли. Но пока на земномъ шарѣ существуютъ необработанныя почвы, до тѣхъ поръ о недостаткѣ средствъ существованія не можетъ быть рѣчи. Капиталы и рабочія руки переносятся въ другія страны; капиталъ дѣлаетъ способы перевозки удобными и дешевыми; наконецъ, капиталъ доставляетъ рабочимъ покупныя средства, возвышая заработную плату въ другихъ отрасляхъ производства. Капиталъ, слѣдовательно, является благодѣтелемъ человѣческаго рода, избавляющимъ его отъ нищеты. Вся задача состоитъ въ томъ, чтобы онъ возрасталъ быстрѣе народонаселенія, а это достигается именно свободнымъ дѣйствіемъ частныхъ экономическихъ силъ, ибо въ рукахъ частныхъ лицъ, движимыхъ экономическимъ интересомъ, капиталъ умножается быстрѣе и сберегается лучше, нежели въ рукахъ правительственныхъ агентовъ.

Этимъ не устраняется требованіе собственнаго воздержанія; но оно можетъ быть только дѣломъ свободы, а не принужденія. Рождая въ свѣтъ дѣтей, человѣкъ долженъ знать, что онъ въ значительной степени беретъ на себя отвѣтственность за ихъ судьбу. Очевидно, такое сознаніе можетъ войти въ нравы только тамъ, гдѣ человѣкъ самъ является распорядителемъ своей судьбы и отвѣтственнымъ за себя лицемъ. Если же онъ относительно собственной судьбы и судьбы дѣтей можетъ положиться на государство или общество, то этимъ устраняются всякіе поводы къ обузданію естественныхъ влеченій. Всего сильнѣе размножаются тѣ, которые не думаютъ о будущемъ.

Отношеніемъ капитала къ народонаселенію опредѣляется отношеніе предложенія къ требованію рабочихъ рукъ. Капиталы ищутъ помѣщенія въ предпріятіяхъ, ибо только этимъ путемъ они могутъ приносить доходъ; предпріятіе же нуждается въ рабочихъ. Такимъ образомъ, предприниматель является посредникомъ между капиталистами и рабочими; это—связующее ихъ звено. Вознагражденіе тѣхъ и другихъ входитъ въ составъ издержекъ производства. При одинакой высотѣ издержекъ, очевидно, что чѣмъ меньше вознаграженіе капитала, тѣмъ больше можетъ быть вознагражденіе рабочихъ. Уменьшенію процентовъ соотвѣтствуетъ увеличеніе заработной платы. Но издержки должны быть возмѣщены изъ цѣны произведеній, а цѣна, какъ мы видѣли, зависитъ отъ предложенія и требованія на общемъ рын-

къ. Слѣдовательно, окончательно, заработная плата опредѣляется состояніемъ рынка, ускользающимъ отъ всякой произвольной регламентаціи.

Отсюда невозможность опредѣлить наименьшую, необходимую для жизни работника высоту заработной платы, какъ требуютъ соціалисты. Безъ сомнѣнія, желательно, чтобы работникъ имѣлъ всегда средства существованія, но обезпечить ему эти средства государство не въ силахъ, ибо они зависятъ отъ экономическихъ отношеній, надъ которыми государство не властно. Если издержки производства не окупаются цѣною произведеній, то приходится или понизить заработную плату или прекратить производство.

При такихъ условіяхъ, вознагражденіе рабочихъ путемъ заработной платы представляетъ для нихъ громадную выгоду. Предпріятіе можетъ идти въ убытокъ, но надежда на будущее поправленіе заставляетъ хозяина продолжать свое дѣло. Рабочіе получаютъ все туже плату, а убытки всѣ падаютъ на предпринимателей. Отсюда многочисленные примѣры акціонерныхъ компаній, которыя въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ не даютъ пайщикамъ никакого дивиденда, между тѣмъ какъ милліоны выплачиваются въ видѣ заработной платы.

Подобныя предпріятія составляютъ однако исключеніе. Въ концѣ концовъ, производство, приносящее убытокъ, прекращается. Все развитіе промышленности и ростъ капиталовъ основаны на предпріятіяхъ, которыя окупаются. На этомъ же основано и возрастаніе заработной платы, которое составляетъ выдающееся явленіе новѣйшаго промышленнаго развитія. Сравнивая величину заработной платы въ началѣ нынѣшняго столѣтія и въ концѣ, мы видимъ громадный успѣхъ. Во Франціи и въ Англіи она увеличилась вдвое. Съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшилось количество рабочихъ часовъ и возросла покупная сила заработка. Значительное удешевленіе большей части произведеній повело къ тому, что за одну и туже сумму денегъ рабочій гораздо лучше можетъ удовлетворить своимъ потребностямъ. Умножая капиталы, промышленная свобода разливаетъ благосостояніе въ массѣ народонаселенія *).

Этотъ общій прогрессъ не исключаетъ однако временныхъ колебаній. Перепроизводство въ тѣхъ или другихъ отрасляхъ, а также происходящее отъ конкурренціи уменьшеніе цѣнъ ведутъ къ умаленію прибылей, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ задержкамъ и даже къ сокращенію производства. Вслѣдствіе этого и рабочіе лишаются заработка. Это

---

*) См. сочиненіе Леруа-Больё: *Essai sur la répartition des richesses*. Цифры приведены въ моемъ сочиненіи: *Собственность и Государство*, ч. II, стр 109 и слѣд.

составляетъ для нихъ источникъ весьма значительныхъ бѣдствій. Чѣмъ меньше они могли или умѣли сберечь на случай нужды, тѣмъ сильнѣе на нихъ отражается удрученное состояніе промышленнаго рынка. Но и противъ этого государство безсильно. Оно не можетъ сочинить работу, когда нѣтъ спроса на произведенія. Право на работу есть соціалистическое требованіе, не имѣющее ни юридическаго, ни экономическаго основанія. Право обезпечиваетъ человѣку свободное распоряженіе тѣмъ, что ему принадлежитъ, а не даетъ ему притязанія на то, чего у него нѣтъ. При подобныхъ временныхъ экономическихъ колебаніяхъ помощь можетъ оказывать только благотворительность, частная или государственная.

На отношеніе предложенія къ требованію рабочихъ рукъ имѣютъ вліяніе и тѣ разнообразныя стѣсненія, которымъ подвергается свободное движеніе экономическихъ силъ. Они могутъ касаться, какъ предложенія, такъ и требованія. Всякія фискальныя и иныя мѣры, стѣсняющія предпріимчивость, неизбѣжно отражаются и на заработной платѣ. Также дѣйствуетъ отчасти и закрытіе или ограниченіе внѣшнихъ рынковъ таможенными пошлинами. Для внутренняго рынка таможенныя пошлины имѣютъ послѣдствіемъ привлеченіе предпріимчивости къ покровительствуемымъ отраслямъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возвышеніе заработной платы. Но это совершается, какъ мы видѣли, въ ущербъ потребителямъ, а также и тѣмъ отраслямъ производства, которыя вывозятъ свои произведенія. Здѣсь, вслѣдствіе стѣсненія сбыта, заработная плата, напротивъ, понижается. Задача экономической политики состоитъ въ правильномъ соображеніи существующихъ условій и ихъ послѣдствій для народнаго хозяйства.

Что касается до предложенія, то прежнія внутреннія стѣсненія свободнаго передвиженія народонаселенія большею частью исчезли. Но международныя стѣсненія практикуются еще въ широкихъ размѣрахъ. Самый разительный примѣръ представляетъ изгнаніе китайскихъ работниковъ изъ Соединенныхъ Штатовъ. Китаецъ работаетъ усердно съ утра до ночи, довольствуясь самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ; черезъ это онъ становится опаснымъ конкуррентомъ для туземныхъ рабочихъ, привыкшихъ къ уровню жизни, требующему несравненно болѣе высокой платы. Американцы не нашли инаго средства помочь этому злу, какъ выгнать всѣхъ Китайцевъ изъ Америки. Ихъ примѣру слѣдуетъ и Австралія. Но европейскія государства, несмотря на раздающіеся въ нихъ возгласы противъ наплыва иностранныхъ рабочихъ, доселѣ воздерживаются отъ подобныхъ мѣръ. Они понимаютъ, что при живомъ развитіи международныхъ сношеній нельзя оградить себя китайскою стѣной отъ иностранцевъ. Въ особенности

такъ, гдѣ допускаются стачки рабочихъ, соперничество иностранцевъ служитъ имъ самымъ сильнымъ противодѣйствіемъ.

Послѣднее явленіе составляетъ характеристическую черту современнаго экономическаго быта. Свобода соглашеній неизбѣжно ведетъ къ стачкамъ. Онѣ образуются, какъ между предпринимателями, такъ и между рабочими. Для рабочихъ это часто единственное средство поддержать свои интересы. Въ одиночку они безсильны; соединяясь, они составляютъ сплоченную массу, которая нерѣдко въ состояніи предписывать свои условія. Несправедливо, что при свободныхъ соглашеніяхъ предприниматели всегда имѣютъ перевѣсъ, ибо они обладаютъ денежными средствами и потому могутъ ждать, тогда какъ рабочіе, побуждаемые голодомъ, принуждены принимать самыя невыгодныя для нихъ условія. Предприниматель обыкновенно имѣетъ долги, съ срочною расплатою, и обязательства, которыя онъ долженъ исполнить. Если предпріятіе останавливается, онъ разоряется. Рабочіе же, при взаимной помощи, могутъ выдерживать долго, особенно въ странахъ, гдѣ общій уровень заработной платы довольно высокъ. Но чѣмъ болѣе они въ состояніи выдерживать, тѣмъ ярче выступаютъ невыгодныя стороны стачекъ. Безспорно, онѣ могутъ содѣйствовать улучшенію условій работы; регулируя предложеніе, онѣ ставятъ рабочихъ въ болѣе выгодное положеніе. Имѣя передъ собою не беззащитныя единицы, а крѣпко организованную массу, предприниматель принужденъ дѣлать всѣ тѣ уступки, которыя совмѣстны съ его интересами. Но эти выгоды покупаются иногда чрезмѣрно высокою цѣной. Всякое прекращеніе работы отражается громадными потерями, и для производства, и для потребителей, и для самихъ рабочихъ. Такъ, напримѣръ, забастовка рабочихъ въ цѣломъ обширномъ районѣ угольныхъ копей имѣетъ послѣдствіемъ значительное вздорожаніе топлива, а это не только составляетъ бѣдствіе для всего неимущаго населенія страны, но ведетъ къ задержкѣ или даже прекращенію работъ на многихъ фабрикахъ и такимъ образомъ оставляетъ безъ заработка множество даже стороннихъ рабочихъ. Предприниматели терпятъ громадные убытки, и сами забастовщики съ ихъ семействами переносятъ величайшую нужду. Всѣ ихъ мелкія сбереженія уходятъ, и только помощь товарищей поддерживаетъ ихъ существованіе. Поразительны тѣ цифры чистыхъ потерь, какъ для самихъ рабочихъ, такъ и для всего народнаго хозяйства, которыми выражаются издержки каждой забастовки. И часто все это не ведетъ ни къ чему. Въ большей половинѣ случаевъ рабочіе не выдерживаютъ и возобновляютъ работу на прежнихъ условіяхъ. Или же имъ дѣлаются уступки, далеко не покрывающія того, что они теряютъ отъ временной пріостановки заработковъ. Еще хуже, когда

рабочіе становятся орудіями политическихъ агитаторовъ, которые поддерживаютъ забастовки изъ партійныхъ цѣлей и разжигаютъ народныя страсти. Тогда рабочіе дѣлаются жертвами безумной соціалистической пропаганды. Такъ это происходитъ большею частью во Франціи, съ тѣхъ поръ какъ стачки тамъ разрѣшены. Наконецъ, рѣдко подобныя движенія происходятъ безъ насилія надъ другими. Забастовка только тогда можетъ имѣть успѣхъ, когда она обнимаетъ всѣхъ рабочихъ безъ исключенія. Между тѣмъ, многіе вовсе не хотятъ жертвовать судьбою своихъ семействъ для выгодъ часто весьма проблематическихъ. Всегда есть и сторонніе люди, не имѣющіе заработка и готовые идти на всякія условія. Чтобы достигнуть цѣли, забастовщики должны прибѣгнуть къ острасткѣ, а если это не дѣйствуетъ, то и къ насилію. Нужны чрезвычайныя полицейскія мѣры, чтобъ оградить желающихъ работать отъ толпы забастовщиковъ. Разрѣшая стачки, какъ явленія свободы, государство очевидно не можетъ терпѣть, чтобъ онѣ обращались въ нарушеніе чужой свободы. Нерѣдко рабочіе, принадлежащіе къ организованнымъ союзамъ, требуютъ, чтобы на фабрикахъ вовсе не принимались сторонніе рабочіе. Это составляетъ уже самое возмутительное посягательство на свободу промышленности и труда.

По всѣмъ этимъ причинамъ, стачки рабочихъ допустимы только тамъ, гдѣ широкое развитіе экономической и политической свободы укоренило ее въ нравахъ и утвердило въ самыхъ низшихъ классахъ привычку уважать свободу другихъ. Иначе онѣ ведутъ къ нескончаемымъ смутамъ, къ насиліямъ и къ неисчислимымъ потерямъ для народнаго хозяйства и для самихъ рабочихъ. Въ демократическихъ странахъ, конечно, этого избѣжать невозможно. Но нельзя утверждать, что только путемъ стачекъ поднимается заработная плата, а вслѣдствіе того и благосостояніе рабочаго класса. Экономическая исторія нынѣшняго столѣтія показываетъ, что такой же подъемъ произошелъ и тамъ, гдѣ стачки вовсе не допускались. Во Франціи, какъ указано выше, заработная плата удвоилаеь, не смотря на то, что стачки разрѣшены только въ новѣйшее время. Во многихъ случаяхъ стачки имѣли результатомъ улучшеніе условій работы; во множествѣ другихъ онѣ повели, напротивъ, къ громаднымъ потерямъ. Въ суммѣ же, рѣшающее вліяніе имѣетъ тутъ вовсе не организація стачекъ, а отношеніе предложенія къ требованію. При умноженіи капитала возрастаетъ требованіе рабочихъ рукъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и заработная плата. Отъ этого зависитъ и самый успѣхъ стачекъ. Предприниматели тогда готовы идти на уступки, когда капиталы предлагаются въ изобиліи и предпріятіе идетъ успѣшно.

Сказанное о стачкахъ относится и къ рабочимъ союзамъ, которые и суть главные устроители стачекъ. Какъ организація взаимной помощи и средство для обсужденія совокупныхъ интересовъ, они принесли и приносятъ существенную пользу рабочему классу. Но это—оружіе обоюдо-острое. Нужна глубоко вкоренившаяся привычка къ самодѣятельности и ясное пониманіе своихъ интересовъ, для того чтобъ эти союзы не обратились въ орудіе политической борьбы и возбужденія взаимной ненависти классовъ. Въ Англіи, рабочіе союзы доселѣ держали себя въ сторонѣ отъ политики и преслѣдовали только свои экономическія цѣли; однако и въ нихъ въ настоящее время начинаютъ пріобрѣтать почву соціалистическія ученія. Во Франціи же, недавно учрежденные синдикаты рабочихъ прямо попали въ руки соціалистическихъ агитаторовъ и сдѣлались самымъ удобнымъ поприщемъ для противообщественной пропаганды. Ничего не смыслящія массы становятся слѣпыми орудіями въ рукахъ демагоговъ, которые пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы разжигать страсти и съ помощью смутъ играть выдающуюся роль. Доселѣ, кромѣ вреда, французскіе синдикаты ничего не принесли.

Тамъ, гдѣ рабочіе союзы держатся на почвѣ своихъ собственныхъ, чисто экономическихъ интересовъ, въ нихъ замѣчается другое, антидемократическое стремленіе. Они замыкаются внутри себя и образуютъ нѣчто въ родѣ средневѣковыхъ гильдій, съ привилегированнымъ положеніемъ. Имѣя въ виду регулировать предложеніе работы, они стараются не допускать къ ней постороннихъ. Отсюда упомянутое выше требованіе, чтобы на фабрикахъ принимались только члены рабочихъ союзовъ. Современное законодательство, исходящее отъ общегражданской свободы, конечно, не можетъ покровительствовать подобнымъ стремленіямъ, которыя находили настоящую свою почву въ сословномъ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе, фактически, рабочіе союзы могутъ пріобрѣтать болѣе или менѣе привилегированное положеніе тамъ, гдѣ работа требуетъ подготовки и умѣнія и гдѣ поэтому невозможно свободное передвиженіе рабочихъ изъ одной отрасли въ другую. Отсюда общее явленіе, что рабочіе союзы образуются преимущественно изъ высшаго разряда рабочихъ въ каждой отрасли. Изъ общей массы выдѣляется своего рода рабочая аристократія, которая организуется въ союзы и обладаетъ иногда весьма значительными средствами. Масса же простыхъ рабочихъ остается внѣ союзовъ, переходя, смотря по потребности, отъ одной работы къ другой.

Всѣ эти явленія составляютъ естественное послѣдствіе экономической свободы, предоставляющей безпрепятственное поприще неравнымъ силамъ. Человѣческій трудъ различается не только количественно, но

и качественно. Вслѣдствіе этого, и требованіе труда не ограничивается извѣстнымъ числомъ рабочихъ дней и часовъ; для разныхъ производствъ нуженъ различнаго качества трудъ, и чѣмъ выше качество, тѣмъ трудъ оплачивается дороже. Это признается я тѣми, которые, какъ Карлъ Марксъ, хотятъ цѣнность произведеній опредѣлить количествомъ положенныхъ на нихъ рабочихъ дней. Они допускаютъ высшую плату за высшаго качества работу, но утверждаютъ, что на практикѣ квалифицированная работа легко переводится на простую: день той или другой квалифицированной работы приравнивается къ столькимъ-то днямъ простой работы, которая служитъ общимъ для нихъ мѣриломъ. Чѣмъ же однако на практикѣ опредѣляется это отношеніе? Опять тѣмъ же отвергаемымъ ими закономъ предложенія и требованія. Работа высшаго качества оплачивается дороже, потому что требованіе на нее больше, а предложеніе меньше. Потребитель готовъ заплатить больше за лучшую работу, а доставить ее можетъ не всякій: для этого нужно умѣніе, а иногда и талантъ. Послѣдній есть чисто личное, прирожденное свойство, а потому составляетъ естественную привилегію немногихъ. Для перваго же требуется болѣе или менѣе продолжительное приготовленіе. Человѣкъ тогда только станетъ тратить на это время, деньги и трудъ, когда онъ имѣетъ въ виду, что на такого рода работу есть спросъ и что она оплачивается хорошо. Это своего рода накопляемый человѣкомъ умственный капиталъ, который приноситъ процентъ. Но величина этого процента опредѣляется исключительно предложеніемъ и требованіемъ, и ничѣмъ другимъ. Извѣстная квалифицированная работа можетъ требовать весьма значительнаго приготовленія; но если спросъ на нее небольшой или конкурренція велика, то она оплачивается плохо. Отсюда весьма обыкновенное явленіе, особенно въ образованныхъ странахъ, что молодые люди съ довольно высокимъ образованіемъ не находятъ себѣ мѣста; пріобрѣтенныя ими знанія, за недостаткомъ спроса, остаются безъ приложенія. Изъ этого образуется такъ называемый умственный пролетаріатъ, который, не находя исхода своимъ способностямъ, нерѣдко устремляется на неправильные пути. Тѣ, напротивъ, которые находятъ подлежащее имъ мѣсто въ общественномъ строѣ, занимаютъ въ немъ высшее положеніе и пользуются болѣе или менѣе значительными выгодами въ сравненіи съ другими. Такимъ образомъ, въ силу закона предложенія и требованія, человѣческій трудъ самъ собою организуется въ іерархическомъ порядкѣ, съ соотвѣтствующимъ каждой ступени вознагражденіемъ и съ свободнымъ передвиженіемъ вверхъ и внизъ. На вершинѣ этой лѣстницы стоитъ та рабочая аристократія, о которой говорено выше. Она составляетъ цвѣтъ рабочей массы; изъ нея выходитъ и значительная часть предпринимателей.

4. Прибыль предпринимателя.

Прибыль предпринимателя образуется изъ разности между издержками производства и цѣною произведеній. Это и составляетъ вознагражденіе предпринимателя за руководящій трудъ и за сопряженный съ предпріятіемъ рискъ. А такъ какъ, при одних и тѣхъ же издержкахъ, цѣны произведеній, вслѣдствіе измѣненія предложенія и требованія, подвергаются колебаніямъ, то очевидно, что этотъ избытокъ можетъ быть больше или меньше, смотря по обстоятельствамъ. Поэтому, изъ всѣхъ видовъ дохода, прибыль предпринимателя есть самый разнообразный и измѣнчивый. На немъ прежде всего отражаются свойства и результаты экономическаго движенія, и они служатъ ему мѣриломъ.

Изъ двухъ входящихъ въ составъ прибыли элементовъ, труда и риска, первый имѣетъ характеръ субъективный, второй объективный. Но и трудъ предпринимателя заключаетъ въ себѣ двоякое начало: собственно руководящую работу, которая требуется всегда и вездѣ, и безъ которой никакое предпріятіе не можетъ идти, и промышленный талантъ, который составляетъ чисто личное свойство руководителя, а потому разнообразенъ до безконечности.

Самый обыкновенный трудъ предпринимателя требуетъ сочетанія недюжинныхъ качествъ. Здѣсь необходимы: 1) талантъ организаціи; 2) умѣніе выбирать людей и управлять ими; 3) знаніе экономическихъ условій и различныхъ способовъ производства; 4) умѣніе правильно расчесть возможныя выгоды и убытки. Чѣмъ крупнѣе предпріятіе, тѣмъ эти свойства требуются въ большей степени. Для предпріятій, расчитывающихъ на обширные рынки, при остромъ соперничествѣ, нужно и болѣе или менѣе широкое образованіе. Но всего нужнѣе практическій смыслъ.

Понятно, что такой трудъ требуетъ и высокаго вознагражденія. Тамъ, гдѣ хозяинъ самъ ведетъ предпріятіе, это вознагражденіе прямо дается прибылью. Но въ акціонерныхъ компаніяхъ, гдѣ участниковъ предпріятія множество, руководящій трудъ приходится возлагать на одного или нѣсколькихъ, и тогда онъ оплачивается особо. Однако и тутъ руководящимъ лицамъ, кромѣ постояннаго жалованья, всегда предоставляется болѣе или менѣе значительная доля въ прибыли, ибо только этимъ способомъ личный интересъ, составляющій главную побудительную причину экономическаго производства, связывается съ выгодами предпріятія. Поэтому, крупные доходы руководителей составляютъ первое и необходимое условіе всякаго обширнаго предпріятія. Конечно, этимъ можно злоупотреблять. Въ дурно организованныхъ

компаніяхъ директоры получаютъ значительные оклады, давая скудный дивидендъ акціонерамъ. Но этому злу легко помочь уменьшеніемъ постоянныхъ окладовъ и увеличеніемъ доли, причитающейся изъ прибыли.

Какъ бы однако ни была высока эта прибыль, въ упроченныхъ предпріятіяхъ и въ отрасляхъ, вошедшихъ въ извѣстную колею, она не превышаетъ извѣстнаго уровня. Побуждаемыя личнымъ интересомъ, лучшія промышленныя силы устремляются туда, гдѣ ожидается наибольшая выгода, а соперничество ихъ ведетъ къ пониженію цѣнъ. Поэтому, здѣсь прибыль болѣе или менѣе стремится къ уравненію, хотя особенности единичныхъ предпріятій и умѣніе ихъ вести всегда отражаются на высотѣ дохода. Совершенно иное имѣетъ мѣсто, когда открываются новыя поприща дѣятельности или новые способы производства. Здѣсь требуется уже не обыкновенное умѣніе вести дѣло, а высшая способность. Здѣсь настоящее поприще для промышленнаго таланта, умѣющаго предугадывать новыя условія и воспользоваться счастливо слагающимися обстоятельствами.

Вознагражденіе таланта не имѣетъ мѣры, ибо это чисто личное, безконечно разнообразное свойство, котораго оцѣнка вполнѣ зависитъ отъ вкуса и потребностей публики. Это относится ко всѣмъ поприщамъ. Цѣна картины великаго художника можетъ достигнуть баснословныхъ размѣровъ. Но въ искусствѣ денежное вознагражденіе составляетъ только низшую, матеріальную его сторону. Высшее вознагражденіе художника заключается въ пріобрѣтаемой имъ славѣ и въ томъ сочувствіи, которое онъ встрѣчаетъ въ другихъ. Иногда оцѣнка немногихъ знатоковъ для него дороже рукоплесканій толпы. На промышленномъ же поприщѣ весь талантъ заключается въ полученіи денежной прибыли, ибо на это направлена вся дѣятельность. Поэтому и высота таланта измѣряется прибылью: чѣмъ выше талантъ, тѣмъ больше онъ доставляетъ выгоды. Отсюда стремленіе даровитыхъ предпринимателей къ большему и большему пріобрѣтенію. Этимъ они выказываютъ свой талантъ и получаютъ извѣстность, а вмѣстѣ и довѣріе, необходимое для крупныхъ предпріятій. Отсюда и тѣ громадныя состоянія, которыя возникаютъ въ особенности на новыхъ поприщахъ. Какъ вознагражденіе таланта, они по всей справедливости принадлежатъ предпринимателямъ, пролагающимъ новые пути. И такъ какъ эти состоянія созданы ими, и никѣмъ другимъ, то они составляютъ крупныя пріобрѣтенія для всего народнаго хозяйства. Отъ нихъ получаютъ выгоды и всѣ другіе участники предпріятія, капиталисты, влагающіе въ него свои сбереженія, и работники, участвующіе въ немъ своимъ физическимъ и умственнымъ трудомъ. Этимъ, нако-

нецъ, возбуждается духъ предпріимчивости, составляющій движущую пружину всего экономическаго развитія. Народное хозяйство тогда только можетъ достигнуть сколько-нибудь значительной высоты, когда промышленнымъ талантамъ предоставляется свободное поприще. Даровитые предприниматели играютъ такую же роль въ экономической жизни, какъ значительные ученые и художники въ области науки и искусства. Это—герои промышленнаго міра.

Походъ близорукихъ поклонниковъ равенства противъ крупныхъ состояній, образующихся на промышленномъ поприщѣ, тогда только находитъ нѣкоторое оправданіе, когда значительныя богатства возникаютъ не путемъ свободной промышленной дѣятельности, а съ помощью искусственныхъ мѣръ, создающихъ для извѣстныхъ лицъ монопольное положеніе въ ущербъ другимъ. Такъ, напримѣръ, когда многомилліонныя состоянія образуются подъ защитою покровительственныхъ пошлинъ, потребитель не можетъ не видѣть, что они берутся изъ его кармана. Его заставляютъ покупать дороже и хуже то, что онъ могъ бы пріобрѣсть дешевле и лучше. Въ этомъ случаѣ крупныя выгоды предпринимателей являются очевиднымъ доказательствомъ, что покровительственныя пошлины служатъ не только поддержкою младенческой промышленности, но средствомъ чрезмѣрнаго обогащенія однихъ на счетъ другихъ. И тутъ талантъ проявляетъ свою силу; но эта сила выражается главнымъ образомъ въ обираніи чужихъ кармановъ съ помощью правительственныхъ распоряженій. Лѣкарство противъ этого зла лежитъ единственно въ свободномъ соперничествѣ, которое, предоставляя таланту самое широкое поприще, не ставитъ его въ привилегированное положеніе, а даетъ только проявиться естественному его превосходству.

Крупное вознагражденіе таланта, пролагающаго новые пути, тѣмъ необходимѣе, чѣмъ больше рискъ предпріятія. Всякое предпріятіе сопряжено съ рискомъ, ибо обстоятельства, опредѣляющія, какъ условія производства, такъ и отношеніе предложенія къ требованію, неисчислимы и измѣнчивы. Они не подлежатъ точному опредѣленію. Но когда извѣстная отрасль до нѣкоторой степени упрочилась, различныя вліяющія на нее случайности становятся болѣе или менѣе извѣстными. Статистика обнаруживаетъ ихъ повтореніе и ихъ размѣры. На этомъ основано страхованіе, которое выплачивается изъ прибыли и такимъ образомъ составляетъ часть издержекъ производства. Но страхованіе касается лишь нѣкоторыхъ случайностей; оно не можетъ обезпечить цѣнъ на произведенія, отъ которыхъ окончательно зависитъ вся выгода предпріятія. Поэтому, даже въ упроченныхъ отрасляхъ, предприниматель всегда долженъ имѣть въ виду такіе крупные

барыши, которые покрывали бы возможные убытки. Это составляетъ существенную часть прибыли. Еще болѣе это имѣетъ мѣсто въ предпріятіяхъ новыхъ, еще неизвѣданныхъ. Тутъ нуженъ большой талантъ, нужна и надежда на значительные барыши, чтобы побудить человѣка рискнуть всѣмъ своимъ состояніемъ для проложенія новаго пути. Рискъ въ новыхъ предпріятіяхъ такъ великъ, что обыкновенно первые зачинатели разоряются, и только слѣдующіе за ними, умудренные ихъ опытомъ, пріобрѣтаютъ тѣ громадныя выгоды, которыя поражаютъ современниковъ.

Во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ дѣйствуютъ обстоятельства независимыя отъ человѣческой воли, шансы могутъ быть и въ ту и въ другую сторону. Въ этомъ и состоитъ рискъ. Задача же человѣка заключается въ томъ, чтобы по возможности расчитать тѣ и другіе, воспользоваться хорошими и отвратить или выдержать дурные. Въ этомъ выражается сила разума, призваннаго дѣйствовать во внѣшнемъ мірѣ, который есть міръ случайностей, ибо, находясь въ условіяхъ пространства и времени, онъ представляетъ поприще частныхъ силъ, а случайность ничто иное какъ отношеніе частныхъ силъ. Самъ человѣкъ, какъ единичное существо, подлежитъ всякаго рода случайностямъ; но разумъ и свобода на то ему и даны, чтобы онъ среди этихъ случайностей нашелъ надлежащій путь и обратилъ ихъ въ свою пользу. И это онъ можетъ сдѣлать предусмотрительностью, изворотливостью, постоянствомъ, однимъ словомъ, тѣми свойствами ума и характера, которыя составляютъ сущность промышленнаго таланта и которыя дѣлаютъ человѣка царемъ земли. Когда Лассаль утверждалъ, что среди безчисленныхъ условій экономическаго быта никакого расчета произвести нельзя, и что успѣваетъ всегда глупѣйшій, именно потому что онъ менѣе всѣхъ расчитываетъ, то это одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ порадоксовъ, которыми соціалисты стараются затемнить недостатокъ аргументовъ. Разумъ человѣческій, среди случайностей промышленнаго міра, есть болѣе, чѣмъ шансъ банкомета, даже болѣе, чѣмъ шансъ умнаго игрока, который въ коммерческихъ играхъ, при перемѣнахъ счастья, окончательно остается въ выигрышѣ, потому что хорошо играетъ: это—шансъ первенствующаго дѣятеля, который умѣетъ не только воспользоваться благопріятными обстоятельствами, но и приладить ихъ такъ, чтобъ они служили ему къ выгодѣ. На этомъ основана самая существенная часть прибыли предпринимателей. Но непремѣнное для этого условіе заключается въ свободномъ употребленіи своихъ силъ и способностей. Поэтому совершенно нелѣпо предположеніе тѣхъ, которые требуютъ, чтобы благопріятные шансы шли на пользу государства. Какъ уже сказано выше, подобное требованіе

подрываетъ промышленность въ самомъ ея корнѣ, ибо этимъ уничтожается предпріимчивость. Человѣкъ, въ этой системѣ, перестаетъ быть свободнымъ единичнымъ существомъ, призваннымъ дѣйствовать во внѣшнемъ мірѣ; онъ становится колесомъ неповоротливой бюрократической машины, страдательно воспринимающимъ извнѣ падающія на него блага и невзгоды. Присвоивая себѣ шансы, государство присвоиваетъ себѣ все, ибо шансы падаютъ на хозяина.

Изъ всего этого ясно, что прибыль предпринимателя составляетъ самую разнообразную, подвижную и измѣнчивую часть дохода. Это— прогрессивный элементъ промышленнаго міра. Изъ прибыли выдѣляются остальныя части дохода, поземельная рента, процентъ съ капитала и заработная плата; затѣмъ остающаяся часть служитъ мѣриломъ выгодности предпріятія, а вмѣстѣ и успѣховъ народнаго хозяйства. Она служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ источникомъ приращенія капиталовъ, составляющаго первое и необходимое условіе экономическаго развитія. Часть полученной прибыли потребляется; остальная же часть становится капиталомъ и обращается на новое производство. Этимъ опредѣляется и отношеніе производства къ потребленію. Въ оборотѣ это отношеніе выражается въ цѣнѣ произведеній; въ доходѣ оно проявляется въ количественномъ отношеніи потребляемаго къ сберегаемому. Это приводитъ насъ къ изслѣдованію потребленія.

ГЛАВА V.

Потребленіе.

Потребности человѣка такъ же разнообразны, какъ разнообразна сама человѣческая природа. Какъ физическое существо, онъ нуждается въ средствахъ существованія; какъ духовное существо, онъ ставитъ себѣ высшія цѣли: онъ ищетъ гармоніи и изящества жизни. Эту печать духа онъ стремится наложить и на свою матеріальную обстановку, дѣлая ее болѣе удобною и изящною. А такъ какъ изобрѣтательность человѣческаго ума не имѣетъ предѣловъ, а съ другой стороны, столь же неисчерпаемы богатства природы, изъ которыхъ человѣкъ можетъ извлечь пользу или наслажденіе, сдѣлавъ ихъ образомъ и орудіемъ духа, то понятно, что потребности могутъ рости и разнообразиться до безконечности, вызывая все новую и новую дѣятельность съ цѣлью ихъ удовлетворенія.

Всю эту сумму потребностей можно раздѣлить на нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней, смотря по тому, какой цѣли онѣ отвѣчаютъ. Низшую ступень составляютъ потребности *необходимыя*, имѣющія въ виду *поддержаніе* жизни. Сюда относятся пища, одежда, жи-

лище и топливо. Вторую ступень составляютъ потребности *удобства* и *удовольствія,* имѣющія въ виду *пріятность* жизни. Наконецъ, третью и высшую ступень составляютъ потребности *роскоши*, имѣющія въ виду *изящество* жизни. Какъ удобство, такъ и роскошь въ значительной степени состоятъ въ улучшеніи предметовъ необходимости въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; но къ этому присоединяется множество другихъ вещей, имѣющихъ цѣлью дать матеріальной жизни человѣка обликъ, соотвѣтствующій требованіямъ духовной его природы.

Развитіе всѣхъ этихъ потребностей не идетъ равномѣрно отъ низшей ступени къ высшей. Исходную точку, безъ сомнѣнія, составляетъ удовлетвореніе необходимыхъ нуждъ. Можно думать, что человѣчество жило цѣлыя тысячелѣтія, прежде нежели оно успѣло возвыситься надъ этимъ уровнемъ. Въ эти первобытныя времена, матеріальное состояніе людей почти одинаково; всѣ они едва имѣютъ скудныя средства существованія. Выходъ изъ этого положенія можетъ дать только накопленіе капитала. Но на этой начальной ступени капиталъ состоитъ почти исключительно изъ первобытныхъ орудій и рабочаго скота. Къ этому присоединяется разумное орудіе — подвластные люди. Мы видѣли, что рабство составляетъ отличительную черту первой эпохи экономическаго развитія. Посредствомъ него человѣчество вышло изъ состоянія дикости и вступило на путь экономическаго и общественнаго прогресса.

Съ водвореніемъ рабства, черезъ покореніе однихъ народовъ другими, образуется противоположность владычествующихъ и подчиненныхъ, съ чѣмъ вмѣстѣ развивается и различіе потребностей. Для однихъ все ограничивается скудными средствами существованія; среди другихъ возникаютъ потребности роскоши, и чѣмъ шире и крѣпче установившаяся власть, чѣмъ выше стоитъ образованіе, тѣмъ болѣе эти потребности ростутъ. Отсюда тѣ изумительныя картины роскоши, которыя представляютъ намъ восточныя монархіи. Лучшими тому свидѣтелями служатъ раскрываемые нынѣ остатки египетскаго искусства, процвѣтавшаго за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова.

Тоже повторяется и въ классическихъ государствахъ. Пока близкій къ первобытнымъ временамъ родовой порядокъ держится въ предѣлахъ центральной общины, окруженной небольшою территоріей, потребности роскоши получаютъ мало развитія. Онѣ даже воздерживаются государствомъ въ видахъ охраненія нравовъ. Въ Спартѣ, всякая роскошь воспрещалась закономъ. Но какъ скоро родовая община расширяетъ свои предѣлы и становится завоевательной, съ чѣмъ вмѣстѣ умножается и количество рабовъ, такъ является неудержимое

вторженіе потребностей роскоши, а вслѣдствіе того противоположность богатыхъ и бѣдныхъ, которая повела наконецъ къ паденію древнихъ республикъ. Надъ противоборствующими общественными классами воздвигается опять монархія; но потребности роскоши все ростутъ. Роскошь римскихъ императоровъ и знатныхъ лицъ не знала предѣловъ, а нищета массы населенія все увеличивалась. Вообще, это противоположеніе потребностей роскоши и скудныхъ средствъ существованія, съ отсутствіемъ потребностей удобства, составляетъ отличительную черту древняго міра. Это — принадлежность экономическаго быта, основаннаго на рабствѣ. Самая торговля въ древности имѣла въ виду почти исключительно удовлетвореніе потребностей роскоши.

Начало развитія среднихъ потребностей относится къ сословному строю. Въ земледѣльческой отрасли, при господствѣ крѣпостнаго права, и тутъ является противоположность богатства и бѣдности; но при іерархическомъ порядкѣ землевладѣнія и постепенномъ переходѣ отъ крупнаго землевладѣнія къ мелкому, образуются среднія звенья, связывающія противоположныя крайности. Настоящее же, самостоятельное развитіе эта средняя ступень получаетъ въ городѣ, который является средоточіемъ промышленнаго и торговаго класса. Европейскій городъ есть колыбель всей промышленности новаго времени, которая имѣетъ въ виду уже не удовлетвореніе потребностей однихъ богатыхъ, а общее благосостояніе всѣхъ. Эта новая промышленная сила разбиваетъ наконецъ сословныя преграды и создаетъ себѣ свободное поприще въ общегражданскомъ строѣ, гдѣ нѣтъ уже рѣзко опредѣленныхъ дѣленій, а установляется безконечное разнообразіе положеній съ постепенными переходами отъ одной крайности къ другой. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и все промышленное развитіе новѣйшаго времени. Фабричное производство имѣетъ въ виду уже не удовлетвореніе потребности немногихъ, а именно массу. Оно понижаетъ цѣны и расчитываетъ на возможно обширный кругъ потребителей. Рядомъ съ этимъ остаются художественныя производства, имѣющія цѣлью удовлетвореніе утонченнаго вкуса богатыхъ; но они играютъ второстепенную роль. Выдающееся явленіе современнаго экономическаго быта, связаннаго съ общегражданскимъ строемъ, составляетъ производство массами, расчитанное на болѣе и болѣе увеличивающійся кругъ среднихъ потребителей. Развитіе жизненныхъ удобствъ, разлитое въ среднихъ слояхъ, составляетъ явленіе новаго времени.

Такимъ образомъ, результатъ экономическаго процесса состоитъ въ томъ, что между противоположными крайностями вставляются связующія ихъ среднія звенья. Этотъ результатъ соотвѣтствуетъ общему

закону, которымъ управляются всѣ явленія, какъ физическаго, такъ и духовнаго міра, закону, который можно назвать *закономъ средняго типа*. Вездѣ, гдѣ извѣстная сила, дѣйствующая среди окружающихъ условій, выражается въ рядѣ явленій, наибольшее ихъ количество падаетъ на среднія формы; крайности же становятся тѣмъ болѣе рѣдкими, чѣмъ болѣе онѣ удаляются отъ средины. Этотъ законъ, признаваемый и естествоиспытателями, находитъ вполнѣ достовѣрное подтвержденіе въ статистикѣ, которая формулировала его въ ученіи о *среднемъ человѣкѣ*. Однако, началомъ развитія этотъ законъ подвергается существенному видоизмѣненію. Развитіе не идетъ равномѣрно, отъ одной ступени къ другой, путемъ количественнаго умноженія. Процессъ здѣсь иной: сперва изъ безразличной массы, гдѣ господствуютъ средніе типы, выдѣляются противоположности, затѣмъ эти противоположности опять сводятся къ высшему единству вставленіемъ между ними среднихъ звеньевъ. Такимъ образомъ, высшая ступень представляетъ какъ бы возвращеніе къ низшей, но съ сохраненіемъ разнообразія и съ возвышеніемъ общаго уровня. Этотъ общій законъ, къ которому мы подробнѣе вернемся впослѣдствіи, вполнѣ выражается въ указанномъ выше экономическомъ процессѣ. Задача послѣдняго заключается, слѣдовательно, въ постепенномъ поднятіи общаго уровня путемъ возможно широкаго развитія среднихъ звеньевъ, при сохраненіи естественнаго разнообразія положеній и потребностей. Это и совершается на почвѣ общегражданскаго строя, который предоставляетъ полную свободу развитію частныхъ силъ подъ общимъ, сдерживающимъ ихъ закономъ.

Если это такъ, то совершенно неумѣстно ополченіе моралистовъ и соціалистовъ противъ роскоши. Какъ всякими другими благами, роскошью можно злоупотреблять, но сама по себѣ она есть благо, а не зло. Красота жизни есть одна изъ высокихъ потребностей человѣческаго духа. Высшую роскошь составляютъ художественныя произведенія, которыми обставляетъ себя человѣкъ. Недостаточно любоваться ими на площади или въ музеяхъ. Надобно, чтобъ они составляли принадлежность домашняго быта. Этимъ поднимается духъ и развиваются изящные вкусы и нравы. Къ высокимъ общественнымъ наслажденіямъ принадлежитъ и широкое гостепріимство, связывающее людей и создающее образованные центры общественной жизни, гдѣ вырабатываются утонченные нравы и просвѣщенныя понятія. Конечно, все это составляетъ достояніе немногихъ; но надобно, чтобы это въ обществѣ было. Геній, талантъ, красота, высшее образованіе составляютъ также достояніе немногихъ; но они служатъ высшимъ украшеніемъ общества. Распространенная въ обществѣ роскошь означаетъ тотъ уровень богатства и образованія, до котораго оно достигло.

Роскошь имѣетъ и экономическое значеніе: она служитъ побужденіемъ къ дѣятельности. Всякая экономическая дѣятельность имѣетъ въ виду не только поддержаніе, но и улучшеніе жизни. Для того, чтобы она шла безостановочно, надобно, чтобы самая возможность улучшенія простиралась до высшихъ предѣловъ. Предприниматель, который достигъ средняго уровня, работаетъ для того, чтобы достигнуть высшей ступени для себя и для своихъ дѣтей. Конечно, онъ можетъ свой избытокъ пожертвовать на какое-нибудь общественное дѣло; это вполнѣ отъ него зависитъ. Но при этомъ не возбраняется и украшеніе собственной жизни. Это желаніе вполнѣ законное и до такой степени присущее человѣку, что устранить его значитъ подорвать человѣческую дѣятельность въ самомъ ея корнѣ.

Потребности роскоши оплачиваютъ и трудъ, обращенный на ихъ удовлетвореніе. Количество работы, потребной для производства предметовъ первой необходимости въ извѣстной странѣ, имѣетъ предѣлъ, опредѣляемый мѣстными условіями. Англія, напримѣръ, не въ состояніи производить всего хлѣба, нужнаго для ея населенія. Ей выгоднѣе покупать недостающее у постороннихъ, которые производятъ дешевле. Но для этого необходимо, чтобы остальное населеніе имѣло заработокъ, дающій ему средства покупать хлѣбъ. Этотъ заработокъ дается удовлетвореніемъ другихъ потребностей. Чѣмъ шире и разнообразнѣе эти потребности, тѣмъ больше и требованіе на работу и тѣмъ большее количество населенія можетъ поддерживать свое существованіе. Въ числѣ этихъ производствъ предметы роскоши занимаютъ видное мѣсто. Они требуются самою зажиточною частью народа, а потому оплачиваются всего лучше. Страна, въ которой нѣтъ роскоши, всегда остается бѣдною и мало образованною, способною содержать только скудное населеніе.

Безъ сомнѣнія, не всякая роскошь можетъ быть оправдана. Экономически оправдывается только та, которая соразмѣрна со средствами. Стремленіе къ роскоши, превышающей доходъ, ведетъ къ разоренію. Эстетически оправдывается только та роскошь, которая дѣйствительно имѣетъ художественное значеніе, а не безвкусіе, стремящееся блистать богатствомъ, иногда при отсутствіи самыхъ элементарныхъ жизненныхъ удобствъ. Не наружный блескъ, а гармонія жизни составляетъ истинную ея красоту. Наконецъ, нравственно оправдывается только та роскошь, которая не развивается въ ущербъ нравственнымъ обязанностямъ къ ближнимъ. Богатый человѣкъ, который, украшая свою жизнь, оказываетъ помощь другимъ, не можетъ подвергаться нравственному осужденію. Но какъ эстетическая, такъ и нравственная оцѣнка роскоши не принадлежитъ къ задачамъ экономиста.

Внутреннія побужденія человѣка лежатъ внѣ области его изслѣдованія. Они составляютъ предметъ проповѣди эстетика и моралиста; для экономиста важно существованіе потребностей, вызывающихъ извѣстное экономическое производство.

Во всякомъ случаѣ, то употребленіе, которое человѣкъ дѣлаетъ изъ своего дохода, зависитъ отъ него одного и ни отъ кого другаго. Законы противъ роскоши принадлежатъ къ области прошлаго. Въ древности они издавались въ виду поддержанія расшатывающихся нравовъ; но они оказались безсильными остановить этотъ процессъ. Они были умѣстны и при средневѣковомъ порядкѣ, когда различіе сословій выражалось не только въ правахъ и обязанностяхъ, но и во всей внѣшней обстановкѣ жизни. Каждой группѣ людей возбранялось выступать изъ положенныхъ для нея предѣловъ. Но съ переходомъ къ общегражданскому строю всѣ эти преграды исчезли. Свободѣ промышленности соотвѣтствуетъ и свобода потребленія. Каждый воленъ дѣлать изъ пріобрѣтеннаго имъ достоянія то употребленіе, которое онъ хочетъ, никому не давая въ томъ отчета, ибо оно принадлежитъ ему и никому другому. Юридически и экономически, это единственно правильная точка зрѣнія. Нравственно, употребленіе богатства можетъ быть хорошо или дурно; но это дѣло совѣсти. Нравственность есть начало не принудительное, а свободное. Моралисты и проповѣдники могутъ стараться распространить нравственныя понятія и вызывать въ людяхъ нравственныя побужденія; мнѣніе окружающей среды можетъ ихъ въ этомъ поддерживать: законодателю до этого нѣтъ дѣла, а экономистъ не имѣетъ тутъ голоса. Всего менѣе позволительно смотрѣть на богатыхъ людей, какъ на носителей общественнаго достоянія, призванныхъ исполнять извѣстныя общественныя обязанности. Такая точка зрѣнія не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Она коренится въ хаотическомъ смѣшеніи понятій юридическихъ, нравственныхъ и экономическихъ. Въ воображеніи воздвигается фантастическій призракъ общества, какъ цѣлаго, владычествующаго надъ частями и распредѣляющаго между ними свои функціи. Мы видѣли, что въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ. Всѣ люди имѣютъ нравственную обязанность помогать ближнимъ; чѣмъ больше средствъ, тѣмъ, разумѣется, можно оказать бóльшую помощь. Но это обязанность личная, коренящаяся въ совѣсти и утверждаемая религіей, а не налагаемая на людей во имя какого-то общественнаго начала. Религія внушаетъ даже, что правая рука не должна знать, что дѣлаетъ лѣвая, въ знакъ того, что всякое общественное начало тутъ неумѣстно. Люди имѣютъ обязанности и къ обществу, какъ цѣлому, то-есть къ государству, а равно и къ заключающимся въ немъ частнымъ союзамъ

къ которымъ они принадлежатъ. Эти обязанности состоятъ въ разныхъ повинностяхъ и общественной службѣ, принудительной или добровольной. Онѣ излагаются въ государственномъ правѣ. Ничего другаго нѣтъ, ни въ теоріи, ни въ жизни. Есть только нравственная оцѣнка человѣческихъ поступковъ, сужденіе о свойствахъ людей; но никакихъ требованій и обязанностей изъ этого не вытекаетъ.

Но если государство не въ правѣ вмѣшиваться въ употребленіе, которое дѣлаютъ богатые изъ своего избытка, то оно не можетъ оставаться равнодушнымъ къ другой крайности, именно, къ недостатку въ средствахъ существованія. Восполненіе этого недостатка составляетъ долгъ человѣколюбія. Заключая въ себѣ нравственный элементъ, государство не можетъ оставаться ему чуждымъ. Но съ чьей бы стороны ни оказывалась помощь неимущимъ, со стороны ли частныхъ лицъ, общинъ или государства, это все-таки остается *благотворительностью*, то-есть, дѣломъ *милосердія*. Никакого права изъ этого не рождается. Человѣкъ, страдающій недостаткомъ средствъ, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать отъ другихъ, чтобы они ему помогали: онъ можетъ только взывать къ ихъ человѣколюбію. И это не составляетъ униженія правильно понятаго человѣческаго достоинства, ибо этимъ установляется нравственная связь между людьми и вызываются самыя высокія чувства, составляющія именно нравственное достоинство человѣка. Съ одной стороны является смиреніе и благодарность, съ другой стороны милосердіе и любовь. Эти чувства смягчаютъ то, что можетъ быть унизительнаго въ благотворительности; они дѣлаютъ ее однимъ изъ самыхъ высокихъ проявленій человѣческой души. Но именно поэтому благотворительность есть прежде всего дѣло личное. Ея высокое нравственное значеніе проявляется только тамъ, гдѣ человѣкъ свободно отдаетъ этому дѣлу свою душу, а не тамъ, гдѣ дѣйствуетъ бездушное юридическое лице посредствомъ наемныхъ служителей. Поэтому частная благотворительность всегда должна быть правиломъ, а общественная исключеніемъ. Только единичное лице, съ его сердечнымъ участіемъ къ судьбѣ ближняго, способно вникнуть и во всѣ нужды, различить дѣйствительный недостатокъ средствъ отъ стремленія жить даромъ на чужой счетъ. Общественная благотворительность, дѣйствующая путемъ общихъ правилъ, не въ состояніи подвести подъ нихъ все разнообразіе жизни, а потому всегда будетъ грѣшить въ ту или другую сторону.

Отсюда вытекаютъ нѣкоторыя общія начала, которыми должна руководиться всякая благотворительность. Во-первыхъ, помощь должна оказываться съ строгимъ разборомъ, лишь тамъ, гдѣ есть дѣйствительная нужда. Во-вторыхъ, къ пособіямъ изъ чужихъ средствъ слѣ-

дуетъ прибѣгать только тамъ, гдѣ невозможна самопомощь, то-есть, гдѣ человѣкъ не въ состояніи самъ заработывать свой хлѣбъ. Въ-третьихъ, общественная благотворительность должна дѣйствовать только за недостаткомъ частной, опираясь на послѣднюю и скорѣе приходя къ ней на помощь, нежели дѣйствуя самостоятельно. Въ-четвертыхъ, общественная благотворительность должна находиться въ рукахъ прежде всего тѣхъ частныхъ союзовъ, къ которымъ принадлежатъ граждане; эти мелкія единицы ближе стоятъ къ людямъ и болѣе знакомы съ ихъ нуждами. Государство же должно оказывать помощь лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда нужда становится общею. Въ-пятыхъ, помощь должна оказываться только по мѣрѣ средствъ. Частный человѣкъ, конечно, можетъ располагать своими средствами по своему усмотрѣнію; онъ воленъ продать все свое имѣніе и роздать нищимъ. Но общественныя средства, которыя собираются принудительно, а не добровольно, имѣютъ свое законное назначеніе. Только избытокъ ихъ можетъ идти на благотворительность. Государство, въ особенности, не въ состояніи помогать всякой нуждѣ. Оно не призвано опекать всѣхъ гражданъ и доставлять имъ средства существованія. Задача его состоитъ въ управленіи тѣми совокупными интересами, которые составляютъ общія условія этого благосостоянія. Помощь, оказанная частнымъ лицамъ, для него дѣло случайное.

Изъ этого ясно, что восполненіе недостатка средствъ существованія у неимущихъ предполагаетъ чрезвычайное разнообразіе условій и способовъ дѣйствія. Причины недостатка могутъ быть разныя. Во-первыхъ, онѣ могутъ быть чисто физическія, проистекающія изъ дѣйствія естественныхъ силъ: таковы болѣзни, старость, сиротство. Сюда же принадлежатъ случайныя бѣдствія, постигающія человѣка, какъ-то: пожары, наводненія, засухи, и т. п. Во-вторыхъ, человѣкъ можетъ лишиться пропитанія вслѣдствіе безработицы, проистекающей отъ удрученнаго состоянія промышленности или отъ пролагаемыхъ ею новыхъ путей, а также и отъ конкурренціи состоящихъ въ болѣе выгодномъ положеніи. Иногда соперничество рабочихъ въ извѣстной отрасли можетъ быть такъ велико, что при самой усиленной работѣ имъ едва достаетъ средствъ пропитанія, а иные совершенно остаются безъ дѣла. Все это причины, коренящіяся въ измѣнчивыхъ условіяхъ промышленной дѣятельности. Наконецъ, въ-третьихъ, причина недостатка средствъ часто кроется въ собственной винѣ человѣка. Извѣстно, какую глубокую язву среди рабочаго класса составляютъ пьянство и безпутная жизнь. Пороки родителей ведутъ къ разоренію семьи и отражаются даже на потомствѣ.

Послѣдняя причина требуетъ прежде всего нравственнаго враче-

ванія, а это задача самая трудная, ибо воздержаться отъ пороковъ человѣкъ можетъ только приложеніемъ своей воли. Тутъ безсильны экономическія средства, а равно и юридическое принужденіе; нужны нравственныя силы, которыя однѣ могутъ поднять и укрѣпить волю человѣка. О нихъ будетъ рѣчь ниже.

Что касается до причинъ физическихъ, то противъ нихъ могутъ быть разныя средства. Главное состоитъ въ широкомъ развитіи взаимности, въ силу которой случайности распредѣляются на многихъ. При господствѣ свободы въ экономической и гражданской области, основнымъ началомъ всѣхъ подобныхъ учрежденій должна быть самопомощь. Свободное лице отвѣтственно за себя и за свою семью, а потому оно само должно заботиться о своей и ея судьбѣ. Къ такого рода учрежденіямъ принадлежатъ кассы взаимной помощи, а также и потребительныя товарищества, имѣющія цѣлью, посредствомъ оптовыхъ закупокъ, удешевить и улучшить средства пропитанія. Подобныя товарищества составляютъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для поднятія уровня жизни рабочаго класса.

Но взаимность не ограничивается тѣснымъ кругомъ знающихъ другъ друга лицъ; она получаетъ болѣе обширное значеніе въ общихъ системахъ страхованія. Страхованіе отъ физическихъ бѣдствій извѣстно съ давнихъ поръ. Оно не только распространено среди болѣе или менѣе зажиточныхъ классовъ, но простирается и на мало имущихъ, которые могутъ быть въ конецъ разорены случайнымъ бѣдствіемъ. У насъ введено принудительное страхованіе отъ огня крестьянскихъ строеній. Принужденіе вызывается тѣмъ, что погорѣвшіе крестьяне неизбѣжно падаютъ на общественное попеченіе. При существующей у насъ системѣ крестьянскихъ построекъ, пожары составляютъ не частное только и случайное бѣдствіе, а общее и постоянное, а потому требующее общихъ мѣръ. Въ новѣйшее время стало распространяться и страхованіе жизни, имѣющее въ виду обезпеченіе семьи въ случаѣ смерти ея главы. Но для рабочаго класса всего важнѣе вводимое нынѣ страхованіе рабочихъ отъ болѣзней и увѣчья, а равно и пенсіонныя кассы для старости. Въ Германіи эта система получила широкое примѣненіе; въ другихъ странахъ все ограничивается пока слабыми попытками. Причина та, что здѣсь возникаютъ вопросы весьма сомнительнаго свойства. Первый состоитъ въ томъ: насколько тутъ умѣстно принужденіе? второй: насколько умѣстно обязательное участіе въ этомъ дѣлѣ стороннихъ лицъ и самого государства?

Принужденіе въ дѣлѣ страхованія можетъ быть оправдано тѣмъ, что лишающійся средствъ падаетъ на содержаніе общественной благотворительности. Но такая точка зрѣнія умѣстна только тамъ, гдѣ

бѣдствіе дѣйствительно имѣетъ общій характеръ. Пожаръ, распространяясь, истребляетъ цѣлыя села; увѣчье же, болѣзнь, беспомощная старость суть чисто личныя бѣды, не отражающіяся на другихъ. Нельзя притомъ не сказать, что всякое подобное принужденіе есть опека, предполагающая, что лице неполноправно и не въ состояніи само распоряжаться своею судьбой. Поэтому оно примѣнимо только тамъ, гдѣ общественное призрѣніе принимаетъ весьма широкіе размѣры, а человѣческая свобода цѣнится очень невысоко. Въ Германія, какъ извѣстно, эта система была введена въ надеждѣ этимъ путемъ отвлечь рабочее населеніе отъ соціализма. Эта надежда не оправдалась: напротивъ, соціализмъ развился еще съ большею силой. Государственное вмѣшательство въ экономическія отношенія дѣйствуетъ ему на руку.

Что касается до втораго вопроса, то привлеченіе хозяевъ къ участію въ страхованіи рабочихъ отъ увѣчій, происходящихъ въ ихъ собственномъ производствѣ, можетъ быть поддержано во имя справедливости. Различныя законодательства возлагаютъ на нихъ даже большую или меньшую отвѣтственность за увѣчья. Но совсѣмъ иное дѣло участіе въ страхованіи отъ случайныхъ болѣзней и старости, которыя не имѣютъ ничего общаго съ производствомъ. Предприниматели могутъ учреждать у себя больницы для наличныхъ рабочихъ и пенсіонныя кассы для стариковъ, которые всю жизнь работали въ ихъ предпріятіи. Подобныя учрежденія весьма желательны; они установляютъ нравственную связь между предпринимателями и рабочими. Но принудительное участіе въ общемъ страхованія не только не укрѣпляетъ этой связи, а напротивъ, ее разрываетъ. Рабочій не дорожитъ уже предпріятіемъ, гдѣ онъ находитъ постоянную работу, даже если со стороны хозяина прилагаются всѣ заботы, чтобы устроить его жизнь и обезпечить его судьбу. Выплачивая обязательно извѣстную сумму, онъ знаетъ, что остальное будетъ внесено другими, и не дорожитъ уже ничѣмъ, а переходитъ, какъ перелетная птица, туда, гдѣ онъ минутно надѣется найти наибольшую выгоду. Со своей стороны, предприниматель перестаетъ принимать участіе въ судьбѣ блуждающихъ рабочихъ. Принудительное участіе въ страхованіи становится для него просто частью издержекъ производства. Оно возмѣщается или уменьшеніемъ рабочей платы или возвышеніемъ цѣны произведеній. Такой порядокъ, разрушающій всѣ естественно образующіяся частныя связи, не можетъ быть выгоденъ ни для экономическаго быта, ни для государства.

Еще менѣе оправдывается участіе въ страхованіи самого государства. Оно можетъ проявляться въ разной формѣ: или въ видѣ посо-

бія добровольно образующимся кассамъ взаимной помощи, какъ нынѣ вводится во Франціи, или въ видѣ взноса въ общую кассу, установленную закономъ и управляемую самимъ государствомъ, какъ въ Германіи. Первое имѣетъ въ виду поддержаніе и развитіе самопомощи, и это составляетъ существенную ея выгоду. Но точка зрѣнія здѣсь все-таки радикально ложная. Какими бы цѣлями ни прикрывалась эта помощь, она все-таки ничто иное какъ благотворительность; но благотворительность должна оказываться наиболѣе нуждающимся, а здѣсь она оказывается тѣмъ, которые сберегаютъ, слѣдовательно не нуждаются; тѣ же которые терпятъ наибольшую нужду, остаются безъ помощи. Вторая система имѣетъ то преимущество, что здѣсь помощь оказывается всѣмъ безъ различія. Это та точка зрѣнія, на которую становится государство, когда оно руководится справедливостью, составляющею верховное начало всей его дѣятельности. Но именно къ благотворительности это начало менѣе всего приложимо. Благотворительность, распространяемая на цѣлые классы безъ разбора, въ силу общаго закона, представляетъ полное извращеніе нравственнаго ея значенія, которое состоитъ въ оказаніи помощи тамъ, гдѣ обнаруживается нужда. Государство не имѣетъ права распоряжаться такимъ образомъ средствами плательщиковъ, обращая обязанность человѣколюбія въ принудительную подать, взимаемую съ одной части гражданъ въ пользу другой. Когда же оно беретъ на себя львиную долю этого взноса, какъ предлагалось въ проектѣ, представленномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ французской палатѣ, то подобное учрежденіе представляетъ совершенно чудовищное извращеніе истинныхъ отношеній государства къ гражданамъ. Рабочій приравнивается къ чиновнику, получающему отъ государства пенсію за долговременную службу. Такая точка зрѣнія можетъ корениться только въ полномъ смѣшеніи всѣхъ понятій, въ непониманіи различія между публичнымъ правомъ и частнымъ, между государствомъ и гражданскимъ обществомъ. Рабочій—не лице, облеченное общественною должностью и получающее за это установленное закономъ вознагражденіе, а послѣ извѣстнаго срока пенсію: это—частный человѣкъ, который самъ за себя отвѣтствуетъ и самъ устроиваетъ свою судьбу, вступая въ частныя договорныя отношенія съ другими. Дѣлать его пенсіонеромъ государства значитъ подрывать въ немъ чувства отвѣтственности за себя и обязанности къ своей семьѣ, чувства, которыя одни даютъ истинно нравственное значеніе личной свободѣ. Когда человѣкъ знаетъ, что онъ не самъ себя обезпечиваетъ, а обезпечивается другими, въ немъ уничтожается главная пружина самодѣятельности, именно то, что можетъ поднять его на общественной лѣстницѣ. А между тѣмъ, на

государство это возлагаетъ такое громадное бремя, которое ему совершенно не по силамъ. Всѣ подобныя мѣры суть ничто иное какъ уступки соціализму, стремящемуся разрушить существующій общественный строй. Правительство старается привлечь къ себѣ рабочихъ разными приманками, чтò въ странахъ, гдѣ господствуетъ всеобщее право голоса, составляетъ обыкновенную уловку практической политики. Но подобныя уступки, представляющія искаженіе правильныхъ началъ государственной жизни, способны только утвердить въ рабочихъ ложныя понятія о ихъ правахъ и о тѣхъ требованіяхъ, которыя они могутъ предъявлять государству. Онѣ не ослабляютъ, а укрѣпляютъ соціалистическія стремленія.

Истинное начало государственной жизни состоитъ въ томъ, что государство, управляя совокупными интересами, вовсе не призвано и не въ силахъ исправлять всѣ частныя бѣдствія и обезпечивать благосостояніе частныхъ лицъ. Поэтому оно безсильно противъ золъ, проистекающихъ отъ экономическихъ кризисовъ и отъ разнообразныхъ случайностей экономическаго движенія. Если рабочіе, вслѣдствіе введенія машинъ или экономическаго перепроизводства, остаются безъ заработка, они не могутъ требовать отъ государства, чтобы оно давало имъ работу, ибо оно не имѣетъ ея въ своемъ распоряженіи. Конечно, могутъ случайно встрѣтиться полезныя общественныя работы, которыя можно ускорить, съ принесеніемъ даже нѣкоторыхъ жертвъ, чтобы придти на помощь нуждающимся. Но вообще, подобныя работы, вызываемыя случайными обстоятельствами, представляютъ только безполезную трату общественныхъ средствъ. На практикѣ онѣ большею частью приносили болѣе вреда, нежели пользы.

Противъ случайныхъ бѣдствій, когда они наступили, существуетъ, какъ сказано, только одно средство—благотворительность. Она можетъ принимать различныя формы и размѣры. Она можетъ ограничиваться пособіями на дому, что требуетъ строгаго вниманія и разбора. Она можетъ проявляться и въ формѣ постоянныхъ учрежденій для призрѣнія малолѣтнихъ, престарѣлыхъ, больныхъ. Сюда относятся также дешевыя квартиры и столовыя, ночныя убѣжища, воспитательные дома. Могутъ быть и посредническія учрежденія для пріисканія заработковъ, наконецъ даже рабочія колоніи, хотя послѣднія менѣе всего могутъ расчитывать на успѣхъ. Широкое развитіе всѣхъ формъ благотворительности составляетъ одну изъ лучшихъ сторонъ современнаго общественнаго быта. Здѣсь проявляются высшія качества человѣческой души, любовь къ ближнему, самоотверженіе. Здѣсь богатый подаетъ руку нищему и обрекаетъ себя на служеніе послѣднему. Но именно поэтому, какъ уже замѣчено, это область преимущественно

частной, а не общественной дѣятельности. Недостатки свободнаго экономическаго развитія восполняются свободными нравственными силами, а не принудительною организаціею; это—начало, на которое нельзя достаточно напирать. Государство играетъ тутъ только роль пособника въ случаяхъ крайности.

Къ свободнымъ нравственнымъ силамъ принадлежитъ и собственная предусмотрительность, воздерживающая удовлетвореніе потребностей настоящаго въ видахъ обезпеченія будущаго, для себя и для своей семьи. Въ этомъ и состоитъ сбереженіе. Оно представляетъ безъ сравненія важнѣйшее средство отразить или, по крайней мѣрѣ, смягчить тѣ экономическія бѣдствія, которыя обрушиваются на человѣка вслѣдствіе случайностей жизни. Самое страхованіе есть видъ сбереженія, подкрѣпляющагося взаимностью. Тамъ, гдѣ страхованіе не приложимо, человѣкъ ограждаетъ себя отъ возможныхъ невзгодъ тѣмъ, что откладываетъ часть своего дохода на черный день. Это составляетъ нравственный его долгъ относительно себя и семьи.

Соціалисты утверждаютъ, что рабочіе не только не могутъ, но и не должны сберегать. Мы уже замѣтили, что это одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ парадоксовъ, которыми замѣняются разумные доводы. Возможность сбереженій доказывается, какъ ростомъ сберегательныхъ кассъ, такъ и тѣми громадными суммами, которыя издерживаются на стачки, нерѣдко по самымъ пустымъ поводамъ. Она доказывается и тѣмъ количествомъ косвенныхъ налоговъ, которые уплачиваются низшими классами на предметы чистой прихоти, какъ-то, на вино и табакъ. Удовлетвореніе прихотей очевидно не есть требованіе нравственности. Оно извинительно и нравственно допустимо только тамъ, гдѣ человѣкъ, не лишая себя удовольствій въ настоящемъ, думаетъ и о будущемъ и откладываетъ копѣйку на черный день. Нравственное значеніе воли состоитъ не въ удовлетвореніи влеченій, а въ разумномъ ихъ воздержаніи. Поэтому, привычка къ сбереженіямъ составляетъ высоко нравственное начало, присущее экономической дѣятельности человѣка. На немъ основаны и всѣ успѣхи промышленнаго развитія, ибо только откладывая избытокъ дохода и обращая его на новое производство, получается увеличеніе средствъ. Это и есть тотъ передаваемый отъ поколѣнія поколѣнію капиталъ, котораго ростъ обозначаетъ непрерывное развитіе экономическаго быта, а вмѣстѣ и постепенное совершенствованіе человѣческой жизни.

Но для того, чтобы это начало могло получить полное развитіе, необходима свобода. Рабы не сберегаютъ, потому что у нихъ отнимается все. Не сберегаютъ и рабовладѣльцы; они обезпечиваютъ себя тѣмъ, что заставляютъ другихъ работать на себя. Поэтому, въ древ-

ности нѣтъ рѣчи о сбереженіяхъ. Сокровища древняго міра составляли плодъ рабскаго труда. Они состояли въ грудахъ золота и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которыя сохраняются, потому что не могутъ быть истребляемы. Процессъ сбереженія начинается тамъ, гдѣ водворяются зачатки экономической свободы, а именно, въ средневѣковыхъ городахъ. На немъ основанъ весь ростъ средняго сословія. Привычка къ сбереженіямъ установляется и въ низшемъ земледѣльческомъ классѣ, тамъ гдѣ онъ пользуется большими или меньшими правами и достаточно огражденъ отъ хищенія. Но такъ какъ при господствѣ сословнаго порядка низшія сословія, вообще, разсматривались главнымъ образомъ какъ предметъ всевозможныхъ поборовъ (la gent taillable et corvéable à merci), то сбереженія здѣсь не обращаются на новое производство, а прячутся отъ хищенія. Только высшіе слои промышленнаго сословія болѣе или менѣе ограждены отъ фискальныхъ требованій; поэтому и экономическій ростъ ихъ такъ великъ, что наконецъ онъ разбиваетъ всѣ преграды и превращаетъ сословный порядокъ въ общегражданскій.

При господствѣ общегражданской свободы и равенства передъ закономъ, все экономическое развитіе народа основано уже вполнѣ на началѣ сбереженія. Только тѣ классы способны поддержать себя на своемъ уровнѣ и улучшить свою жизнь, которые имѣютъ привычку сберегать. Иначе они бѣднѣютъ или разоряются, и никакія государственныя мѣры имъ не помогутъ.

Примѣръ мы можемъ видѣть въ собственномъ отечествѣ. Рабовладѣльческое хозяйство, какъ сказано, не могло развить привычки къ сбереженіямъ ни въ помѣщикахъ, ни въ крестьянахъ. Поэтому, при разрѣшеніи крѣпостной связи, ни тѣ, ни другіе не въ состояніи были справиться съ своею новою экономическою задачей. Значительная часть помѣщиковъ разорилась вслѣдствіе неумѣнія сдѣлать правильный хозяйственный расчетъ и приспособить свой бытъ къ измѣнившимся условіямъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о крестьянахъ. Несправедливо, что тяжести, возложенныя на нихъ Положеніемъ о Выкупѣ, были такъ велики, что они не въ силахъ были ихъ нести. Возложенныя на нихъ тяжести были несравненно меньше тѣхъ повинностей, которыя были съ нихъ сняты. Свободнымъ заработкомъ легко было ихъ покрыть. Въ этомъ отношеніи, первые годы послѣ освобожденія были особенно благопріятны. Поэтому, въ то время благостояніе крестьянъ видимо возрастало. Но полученные избытки не сохранялись на черный день, а тратились на разгулъ, который принялъ самые широкіе размѣры, и когда наступили болѣе трудныя времена, сбереженій не оказалось никакихъ. Даже и при нынѣшнихъ условіяхъ, возможность для крестьянъ дѣлать сбереженія доказывается тѣми

суммами, которыя тратятся на водку и которыя составляютъ лишь ничтожную часть потерь и ущерба, наносимаго хозяйству привычкою къ пьянству. Она доказывается и тѣми крупными издержками, которыя, въ силу обычая, дѣлаются на свадьбы и которыя ведутъ къ разоренію семействъ на многіе годы. Иногда въ одномъ и томъ же селѣ оказывается, что всѣ раскольники живутъ богато, а всѣ православные въ бѣдности. Однако и среди православныхъ встрѣчаются въ особенности небольшія деревни, гдѣ крестьяне, смирные и работящіе, пользуются довольствомъ и исправно уплачиваютъ всѣ подати. Но вообще, у крестьянъ, также какъ у помѣщиковъ, въ силу привычекъ, укоренившихся при крѣпостномъ правѣ, всѣ лишнія деньги уходятъ сквозь пальцы. А между тѣмъ, народонаселеніе ростетъ, силы земли истощаются все расширяющейся выпашкой, а долженствующій восполнить ихъ капиталъ, при отсутствіи сбереженій, не образуется: чего же можно ожидать отъ такого экономическаго порядка, кромѣ общаго обѣднѣнія?

Никакія государственныя мѣры не въ состояніи помочь этому злу. Напротивъ, онѣ могутъ только его усилить, пріучая населеніе къ мысли, что не отъ него самого, не отъ его дѣятельности и предусмотрительности зависитъ улучшеніе его быта, а отъ благъ, расточаемыхъ на него правительствомъ. Можно положить общимъ правиломъ, что всякое учрежденіе, подрывающее заботу человѣка о самомъ себѣ и о своихъ дѣтяхъ и побуждающее его полагаться на чужую помощь, приноситъ неисчислимый вредъ народному хозяйству. Сюда принадлежитъ и общинное владѣніе, которое даетъ каждому нарождающемуся члену общины право получать участокъ земли изъ общаго достоянія. Домохозяинъ знаетъ, что не отъ него, а отъ общины его дѣти получатъ свое обезпеченіе, а потому онъ о нихъ и не заботится. Такой порядокъ, естественный въ тѣ времена, когда родовая община составляла одно цѣлое, связанное кровными узами, умѣстный и при крѣпостномъ правѣ, когда хозяинъ надѣляетъ своихъ рабовъ земельными участками, съ которыхъ они несутъ свои повинности, противорѣчитъ началамъ общегражданской свободы, которая дѣлаетъ каждаго человѣка отвѣтственнымъ за себя и за свое потомство. Къ такого же рода учрежденіямъ принадлежатъ и переселенія на счетъ государства. Въ крайнихъ случаяхъ можно, конечно, прибѣгать къ этой мѣрѣ; но какъ постоянное учрежденіе, оно безусловно должно быть признано вреднымъ. Безъ сомнѣнія, каждому человѣку должно быть предоставлено право переселяться, куда угодно, на свой собственный страхъ и рискъ. Во избѣжаніе совершенно безполезныхъ и разорительныхъ тратъ, ему могутъ быть облегчены всевозможныя справки. Но по-

ощреніе переселеній разными льготами и пособіями на общественный счетъ дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на мѣстное населеніе. Человѣкъ перестаетъ дорожить мѣстнымъ улучшеніемъ своего быта, когда онъ знаетъ, что его перевезутъ на счетъ государства за тридевять земель и тамъ онъ получитъ даромъ всевозможныя блага. Такая политика менѣе всего умѣстна въ странѣ съ такимъ рѣдкимъ населеніемъ, какъ Россія. У насъ обыкновенно говорятъ о возрастающей недостаточности крестьянскаго надѣла, какъ будто каждый крестьянинъ непремѣнно долженъ быть надѣленъ извѣстнымъ участкомъ земли, обезпечивающимъ его существованіе. Тѣ заработки, которые онъ можетъ имѣть на сторонѣ, вовсе не принимаются при этомъ въ расчетъ. Такой взглядъ, составляющій остатокъ воззрѣній крѣпостнаго права, совершенно неприложимъ къ порядку, основанному на свободѣ.

Въ общегражданскомъ строѣ единственнымъ источникомъ улучшенія экономическаго быта служитъ свободное сбереженіе. Государство не можетъ и не должно въ это вмѣшиваться, ибо оно не въ правѣ распоряжаться тѣмъ, что человѣкъ пріобрѣлъ своимъ трудомъ, опредѣлять ту часть, которая должна идти на удовлетвореніе настоящихъ его нуждъ, и ту, которая должна быть сохранена для будущаго. Оно не призвано быть судьею личныхъ потребностей и замѣнять личную предусмотрительность. Пріобрѣтеннымъ имъ достояніемъ свободный и взрослый человѣкъ распоряжается самъ, по собственному усмотрѣнію, въ силу неотъемлемо принадлежащаго ему права. И это имѣетъ неисчислимыя выгоды для всего народнаго хозяйства. Всѣ изумительные успѣхи промышленности въ новѣйшее время основаны на свободномъ сбереженіи.

Этотъ процессъ начинается сверху. Чѣмъ меньше въ обществѣ капиталовъ и чѣмъ ниже стоитъ промышленное производство, тѣмъ труднѣе сберечь что-нибудь за удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей. Только крупные доходы даютъ возможность крупныхъ сбереженій. Въ этомъ состоитъ въ высшей степени важная роль ихъ въ развитіи народнаго хозяйства. Избытки крупныхъ доходовъ обращаются на новое производство и тѣмъ питаютъ промышленность и умножаютъ народное богатство. Но съ развитіемъ послѣдняго умножаются и средніе доходы, которые, въ свою очередь, открываютъ возможность все бо́льшихъ и бо́льшихъ сбереженій. Этотъ процессъ распространяется все далѣе и далѣе, на нижніе слои, разливая благосостояніе въ массахъ. Отсюда тѣ громадныя суммы, которыя скопляются въ сберегательныхъ кассахъ. Въ прежнія времена правительства, когда хотѣли заключать займы, обращались къ крупнымъ банкирамъ;

въ настоящее время прибѣгаютъ къ всенародной подпискѣ, которая покрывается въ нѣсколько десятковъ разъ. Самый мелкій людъ несетъ свои сбереженія и получаетъ доходъ на свой капиталъ.

Въ результатѣ получается наибольшее сбереженіе при наибольшемъ, возможномъ въ существующихъ условіяхъ, удовлетвореніи потребностей. Это и составляетъ конечную цѣль всего промышленнаго развитія. Здѣсь обнаруживается и отношеніе производства къ потребленію. Постараемся его выяснить.

Экономистовъ занималъ вопросъ о тѣхъ способахъ, какими можно получить наибольшую сумму удовлетворенія въ народномъ хозяйствѣ. Если подъ именемъ удовлетворенія разумѣть сумму получаемыхъ удовольствій, то этотъ вопросъ не только неразрѣшимъ, но даже и неумѣстенъ, ибо удовольствіе есть чисто личное ощущеніе, для котораго нѣтъ мѣрила. Всѣ подобныя оцѣнки, въ которыхъ упражнялись Бентамъ и его школа, ничто иное какъ чистѣйшій произволъ. Но если мы спросимъ: чего ищутъ всѣ потребители? то отвѣтъ можетъ быть только одинъ: возможной дешевизны произведеній. Слѣдовательно, наибольшее удовлетвореніе получается возможно большею, при существующихъ условіяхъ, дешевизною произведеній, а это достигается свободною конкурренціей производителей. Препятствуетъ же дешевизнѣ всякая монополія. Слѣдовательно, задача государства, имѣющаго въ виду возможно большее удовлетвореніе потребителей, состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать монополіямъ.

Конечно, государство можетъ находящіеся въ его владѣніи предметы отдавать въ пользованіе даромъ и тѣмъ увеличивать сумму удовлетворенія. Но не надобно забывать, что даровое пользованіе всегда производится на чей-нибудь счетъ. Возобновленіе находящихся въ пользованіи предметовъ совершается изъ общественныхъ суммъ, то-есть, на счетъ плательщиковъ податей. Это своего рода принудительная благотворительность. Такой порядокъ умѣстенъ только тамъ, гдѣ пользованіе общее и одинакое для всѣхъ; но тамъ, гдѣ пользованіе ограниченное и разнообразное, оно должно оплачиваться главнымъ образомъ тѣми, которымъ оно служитъ удовлетвореніемъ. Улицами и грунтовыми дорогами можно пользоваться даромъ; но проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и пользованіе газовымъ освѣщеніемъ въ домахъ должны оплачиваться потребителями. Этого равно требуютъ и справедливость и общественная польза. Государство, о которомъ мечтаютъ соціалисты, можетъ все давать въ пользованіе даромъ, потому что оно все себѣ присвоило и не нуждается уже ни въ какихъ податяхъ. Но оно даетъ не то, что отъ него требуется, а то, что оно хочетъ дать, ибо оно всеобщій монополистъ. Владѣя всѣмъ, оно опредѣляетъ

и потребности граждань и средства ихъ удовлетворенія. А такъ какъ всякое личное побужденіе къ дѣятельности прекращается, а само государство худшій изъ производителей, то эти средства наименьшія, какія возможны. Соціализмъ есть система наибольшаго притѣсненія при наименьшемъ удовлетвореніи.

Но и въ системѣ свободы далеко не всегда установляется надлежащее отношеніе между производствомъ и потребленіемъ. Предѣлъ удешевленію произведеній полагается здѣсь прибыльностью производства. Надобно, чтобы оно окупалось. Нерѣдко, вслѣдствіе конкурренціи, цѣна произведеній падаетъ даже ниже этого предѣла. Стараясь вытѣснить другъ друга съ рынка, конкурренты продаютъ товаръ себѣ въ убытокъ. Нерѣдко также, при выгодности извѣстнаго производства, туда устремляются промышленныя силы и производится болѣе, нежели требуется. Тогда цѣны падаютъ ниже стоимости произведеній; производство страдаетъ, и наступаетъ промышленный кризисъ. Если въ предпріятіе вложенъ крупный капиталъ, то перемѣстить его не легко; съ этимъ сопряжены значительныя потери. Поэтому, производство нѣкоторое время продолжается, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ, въ надеждѣ на поднятіе цѣнъ. Но работать себѣ въ убытокъ постоянно невозможно; въ концѣ концовъ производство должно сократиться. Вслѣдствіе этого, многіе предприниматели разоряются, капиталисты лишаются своихъ капиталовъ, а рабочіе теряютъ заработокъ. Это отражается и на другихъ отрасляхъ, ибо при сокращеніи производства уменьшаются доходы заинтересованныхъ въ немъ лицъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и требованіе ихъ на всякаго рода другія произведенія, удовлетворяющія ихъ нуждамъ. Еще хуже, когда это осложняется разстройствомъ монетной системы, что, напримѣръ, происходитъ нынѣ при обезцѣненіи серебра. Тогда происходитъ всеобщее удрученіе торговли, задержка производства и сокращеніе потребленія.

Таковы весьма обыкновенныя явленія, которыми сопровождается нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ при системѣ экономической свободы. Эти явленія повторяются какъ бы періодически. За періодомъ общаго оживленія промышленности и торговли слѣдуютъ періоды упадка. Чѣмъ шире торговый рынокъ, чѣмъ тѣснѣе и оживленнѣе международныя сношенія, тѣмъ болѣе измѣненія промышленныхъ условій въ одной странѣ отражаются на другихъ. Иногда кризисъ происходитъ отъ соперничества странъ, гдѣ разработываются непочатыя еще богатства природы. Такъ, современный кризисъ земледѣлія въ Россіи и на Западѣ происходитъ отъ усилившагося производства въ Сѣверной и Южной Америкѣ, въ Индіи и въ Австраліи. Иногда, наоборотъ, кризисъ наступаетъ вслѣдствіе сокращенія

производства въ другой странѣ, откуда получается необходимый матеріалъ. Таковъ былъ, напримѣръ, хлопчатобумажный кризисъ въ Англіи вслѣдствіе междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Или же извѣстное государство возвышаетъ у себя таможенныя пошлины и тѣмъ сокращаетъ ввозъ произведеній изъ другихъ странъ. Вслѣдствіе этого, въ послѣднихъ оказывается излишекъ произведеній, которыя, не находя сбыта, падаютъ въ цѣнѣ.

Противъ всѣхъ подобныхъ нарушеній равновѣсія государство можетъ принимать нѣкоторыя мѣры. Когда кризисъ происходитъ отъ иностраннаго соперничества на внутреннемъ рынкѣ, оно можетъ установленіемъ таможенныхъ пошлинъ оградить туземное производство. Но, какъ уже замѣчено выше, оно всегда дѣлаетъ это въ ущербъ потребителямъ, которые принуждаются покупать хуже и дороже. А такъ какъ удовлетвореніе потребителей составляетъ конечную цѣль промышленнаго производства, то подобныя мѣры всегда представляютъ нѣчто ненормальное. Онѣ могутъ оправдываться временными обстоятельствами, но окончательно онѣ все-таки наносятъ глубокій вредъ народному хозяйству, придавая ему совершенно искусственное направленіе. Вмѣсто свободнаго приспособленія производства къ потребленію, онѣ водворяютъ принудительное обираніе однихъ въ пользу другихъ. Производители пріучаются полагаться не на самихъ себя, а на дарованныя имъ правительствомъ привилегіи, подъ покровомъ которыхъ они могутъ свободно налагать подать на чужіе карманы. Когда же покровительство достигаетъ высокихъ размѣровъ, то этимъ, въ свою очередь, вызываются внутренніе кризисы, которые тѣмъ вреднѣе для народнаго хозяйства, что они составляютъ послѣдствіе искусственнаго направленія промышленности. Соблазняемые выгодою, капиталы и предпріимчивость устремляются въ тѣ отрасли, которымъ оказывается высокое покровительство; вслѣдствіе этого, тутъ происходитъ перепроизводство, которое многимъ грозитъ разореніемъ. Чтобы помочь этому злу, государство, которое само его вызвало, прибѣгаетъ къ поощренію вывоза. Производители отправляютъ за границу излишекъ своихъ произведеній и продаютъ его за полъ-цѣны, возмѣщая убытокъ преміею или поднятіемъ цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ, огражденномъ отъ иностраннаго соперничества. Во всякомъ случаѣ расплачивается за это туземный потребитель, котораго обираютъ не только въ пользу производителей, но и въ пользу иностранцевъ, покупающихъ произведенія по удешевленной цѣнѣ. Все это мы видимъ на своихъ глазахъ въ нашемъ сахарномъ производствѣ.

Всего хуже, когда покровительство оказывается неравномѣрное, ибо, какъ уже было замѣчено, государство можетъ покровительство-

вать только тѣмъ отраслямъ, которыя ввозятъ, а не тѣмъ, которыя вывозятъ. Обыкновенно вывозныя преміи составляютъ только возврату внутренняго акциза; во всякомъ случаѣ, онѣ являются исключеніемъ. Относительно предметовъ вывоза, все, что государство можетъ сдѣлать, это стараться облегчать ихъ сбыть заключеніемъ торговыхъ договоровъ и расширеніемъ колоній. Но оба эти средства весьма ненадежны. Первое зависитъ отъ воли другихъ державъ, второе отъ географическаго положенія страны и международныхъ сношеній. Противъ соперничества странъ, находящихся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ на международномъ рынкѣ, государство безсильно. Какъ ни могущественна Россія, она не можетъ сдѣлать, чтобы производство хлѣбовъ въ Аргентинской Республикѣ не понижало цѣнъ на европейскомъ рынкѣ и черезъ это не ставило въ критическое положеніе русскихъ производителей, которые расширяли свои запашки въ виду все возраставшаго сбыта за границу.

Окончательно, единственнымъ средствомъ противъ промышленныхъ кризисовъ является сокращеніе производства, черезъ что возвышаются цѣны и возстановляется нарушенное равновѣсіе. Но это уже прямо дѣло самихъ производителей. Только самъ хозяинъ можетъ рѣшить, выгодно ли ему продолженіе производства или онъ долженъ его прекратить. Слабѣйшіе въ этихъ кризисахъ погибаютъ; другіе сокращаютъ производство, и только наиболѣе способные и находящіеся въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ въ состояніи выдержать борьбу.

Такимъ образомъ, приспособленіе производства къ потребленію и установленіе правильнаго между ними отношенія, по существу своему, есть дѣло свободы. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣло предусмотрительности и сбереженій. Періодическія колебанія промышленности указываютъ на то, что во времена подъема нужно ожидать слѣдующаго затѣмъ періода упадка, а потому сберегать средства, чтобы поддержать себя въ трудную пору, Успѣхи промышленности измѣряются среднимъ курсомъ. Самые періоды упадка содѣйствуютъ экономическому развитію тѣмъ, что заставляютъ человѣка изыскивать новыя средства и новые пути, чѣмъ и улучшается его экономическій бытъ. Но изысканіе этихъ средствъ и путей не есть дѣло государственной власти, которая ничего сама не изобрѣтаетъ: это — задача личной предпріимчивости и расчетливости, постоянно стремящихся впередъ, подъ вліяніемъ личнаго интереса, составляющаго душу всей экономической дѣятельности человѣка. А для этого первое условіе есть экономическая свобода.

Отъ свободы зависитъ, наконецъ, и отношеніе потребленія къ сбереженіямъ. Существеннѣйшимъ факторомъ является здѣсь ростъ дохода. Чѣмъ больше доходъ, тѣмъ очевидно больше возможность дѣлать

сбереженія; но какимъ образомъ человѣкъ воспользуется этою возможностью, это зависитъ отъ личнаго его усмотрѣнія и ни отъ кого другаго. Опасеніе, которое высказывается писателями съ соціалистическимъ направленіемъ, что избытокъ сбереженій надъ потребленіемъ ведетъ къ перепроизводству, и что поэтому слѣдуетъ сокращать *безполезное* сбереженіе *), лишено всякаго основанія. Человѣкъ всегда склоненъ предпочитать настоящее удовлетвореніе неизвѣстному будущему; когда же съ возрастаніемъ народнаго богатства, соблазны въ настоящемъ умножаются, а доходъ съ сберегаемаго капитала, напротивъ, уменьшается, то эта наклонность получаетъ еще бо́льшую силу. Сбереженія увеличиваются, когда производство идетъ успѣшно, и уменьшаются въ періоды упадка. Равновѣсіе установляется само собою, естественнымъ путемъ, сообразно съ обстоятельствами.

Столь же неосновательна мысль, что перепроизводство происходитъ отъ избытка сбереженій у однихъ, при недостаткѣ покупной силы у другихъ. Избытокъ сбереженій ведетъ къ умноженію капитала, слѣдовательно къ возвышенному спросу на рабочія руки, а потому къ увеличенію покупной силы рабочихъ классовъ. Какъ уже выяснено выше, весь ростъ народнаго богатства зависитъ отъ того, что капиталъ умножается быстрѣе народонаселенія, а это опредѣляется количествомъ сбереженій. Сокращеніе сбереженій, при безпрепятственномъ ростѣ населенія, есть вѣрный путь къ нищетѣ. Къ этому и ведутъ всѣ соціалистическія теоріи.

Въ дѣйствительности, размѣръ потребленія, а вмѣстѣ и отношеніе его къ сбереженіямъ, опредѣляется тѣмъ *уровнемъ быта* (standart of life), который установляется въ данное время въ извѣстной средѣ. Человѣкъ стремится въ своей обстановкѣ и въ удовлетвореніи своихъ потребностей стать въ уровень съ окружающею средой. Тщеславіе побуждаетъ его даже ее превзойти. Но если онъ тратитъ все, что получаетъ, то въ трудныя времена ему приходится идти назадъ, а это сопряжено съ лишеніями и страданіями. Опытъ жизни научаетъ его предусмотрительности. А такъ какъ эти различныя побужденія дѣйствуютъ одинаково на всѣхъ, то изъ этого образуется средній уровень быта, который постепенно ростетъ по мѣрѣ увеличенія народнаго богатства, то-есть, по мѣрѣ умноженія сбереженій и капитала.

Этотъ уровень различенъ для различныхъ общественныхъ группъ. Онъ очевидно тѣмъ ниже, чѣмъ меньше средства, и возвышается по мѣрѣ увеличенія дохода. Отсюда образованіе общественныхъ классовъ, съ различнымъ достаткомъ, положеніемъ и потребностями. Общество,

*) См. Hobson: The Evolution of modern capitalism стр. 200 и слѣд.; стр. 364.

дѣйствіемъ экономическихъ силъ, располагается въ іерархическомъ порядкѣ. Стоящіе внизу удовлетворяютъ только необходимымъ своимъ потребностямъ; стоящіе посрединѣ пользуются удобствами и удовольствіями; наконецъ, стоящіе на вершинѣ могутъ удовлетворять и потребностямъ роскоши. Съ умноженіемъ народнаго богатства общій уровень поднимается, но различія богатства и положенія остаются, ибо они составляютъ необходимое послѣдствіе свободы. Мы видѣли, что свобода естественно ведетъ къ неравенству. Это вполнѣ прилагается къ экономическимъ отношеніямъ. Вытекающее изъ нихъ неравенство общественныхъ классовъ составляетъ важнѣйшій общественный результатъ экономическаго развитія, ибо имъ опредѣляется самое строеніе общества. Поэтому оно требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

ГЛАВА VI.

Общественные классы.

Общественные классы, какъ намъ уже извѣстно, имѣютъ происхожденіе не только экономическое, но и юридическое, политическое и даже религіозное. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* изложены были различныя формы, которыя они принимаютъ въ дѣйствительной жизни. Здѣсь нужно выяснить отношеніе юридическихъ формъ къ экономическимъ началамъ. Оно наглядно выражается въ ихъ исторіи.

Мы видѣли, что уже въ родовомъ порядкѣ, въ силу понятій о кровномъ старшинствѣ, является различіе классовъ. Съ высшею честью обыкновенно соединяется и высшій достатокъ. Правящіе роды получаютъ нѣсколько больній надѣлъ и владѣютъ большимъ имуществомъ, нежели другіе. Но вообще, это различіе не велико. Каждый родъ имѣетъ свой, болѣе или менѣе равный съ другими надѣлъ, который и составляетъ основаніе матеріальнаго его положенія. Въ родовомъ порядкѣ господствуетъ еще свойственное первоначальной ступени безразличіе состояній. Самый экономическій бытъ весьма простъ; онъ ограничивается земледѣліемъ и скотоводствомъ. При обиліи непочатыхъ еще естественныхъ богатствъ, земли достаетъ на всѣхъ, а какъ скоро оказывается излишекъ населенія, онъ выселяется въ колоніи, которыя занимаютъ новыя пустопорожнія мѣста. Поэтому здѣсь нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ; господствуетъ средній, довольно впрочемъ низкій экономическій уровень.

Рѣзкое различіе классовъ, а вмѣстѣ и достатка, появляется съ переходомъ отъ чисто родоваго союза, съ одной стороны, къ гражданскому, съ другой къ религіозному. Послѣднее совершается выдѣленіемъ духовныхъ функцій, которыя, силою религіознаго сознанія, со-

здаютъ свой особенный міръ понятій, существенно видоизмѣняющихъ общественный порядокъ. Первое же происходитъ путемъ завоеванія, которое къ началамъ кровнаго союза присоединяетъ отношенія гражданскія, а на высшей ступени государственныя. Покоренные становятся рабами или подвластными. Однако, на этой первой ступени развитія, ни гражданскій, ни религіозный союзъ не образуютъ еще самостоятельной области отношеній, опредѣляемыхъ свойственными имъ началами. Общество все еще составляетъ единое цѣльное тѣло; но къ первоначальнымъ родовымъ элементамъ присоединяются другіе, ихъ видоизмѣняющіе и возводящіе ихъ на высшую ступень. Восприятіемъ ихъ родовое начало преобразуется въ государственное. Изъ этихъ новыхъ элементовъ преобладаніе можетъ получить или тотъ или другой. Преобладаніе религіознаго начала ведетъ къ теократіи, преобладаніе гражданскаго начала къ чисто свѣтскому развитію.

Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* были изложены различныя формы теократическаго государства. Мы возвратимся къ нимъ ниже. Въ отношеніи къ экономическому быту всѣ онѣ имѣютъ одинъ общій характеръ: такъ какъ все здѣсь опредѣляется религіозными понятіями, то экономическое развитіе не получаетъ самостоятельнаго значенія, а потому не можетъ быть вліяющимъ факторомъ общественной жизни. Въ теократическихъ государствахъ промышленное искусство можетъ достигать весьма высокаго развитія; но при отсутствіи свободы, въ немъ нѣтъ того внутренняго начала, которое производитъ движеніе впередъ. Теократическія государства всегда болѣе или менѣе неподвижны. Въ массѣ сохраняется въ большей или меньшей степени первобытный родовой порядокъ, надъ которымъ воздвигается религіозно-государственный строй, управляемый неизмѣнными нормами. Таковы, вообще, восточные народы.

Совершенно иное имѣетъ мѣсто при свѣтскомъ развитіи. Оно ведетъ къ постепенному разложенію родоваго порядка примыкающими къ нему сторонними элементами, которые требуютъ уравненія правъ и въ концѣ концовъ достигаютъ своей цѣли. Таковъ именно былъ процессъ развитія классическихъ государствъ. Отъ родовой аристократіи они постепенно переходятъ къ демократіи. Но съ уравненіемъ политическихъ правъ и съ уничтоженіемъ основаннаго на нихъ различія классовъ, на сцену выступаетъ экономическое различіе, какъ опредѣляющій факторъ: является противоположность богатыхъ и бѣдныхъ, а вслѣдствіе того возгорается борьба между ними.

Къ этому результату ведетъ все предшествующее развитіе общества. Завоеваніе имѣетъ послѣдствіемъ созданіе многочисленнаго класса рабовъ, на которыхъ возлагается удовлетвореніе хозяйственныхъ нуждъ.

Гражданинъ же всецѣло посвящаетъ себя общественнымъ дѣламъ: онъ или сражается на полѣ брани или подаетъ голосъ на площади. Заниматься своими хозяйственными дѣлами ему некогда. Поэтому средній классъ свободныхъ земледѣльцевъ, обработывающихъ свои участки, тотъ классъ, который составлялъ главную силу греческихъ республикъ и римскаго государства, постепенно исчезаетъ. Является, съ одной стороны, классъ богатыхъ рабовладѣльцевъ, которые захватываютъ все большее и большее количество земель и рабовъ въ свои руки, съ другой стороны голая чернь, которая сама не работаетъ, но имѣетъ право голоса въ общественныхъ дѣлахъ и пользуется имъ для того, чтобы получать пропитаніе и увеселенія на счетъ государства и богатыхъ лицъ. Естественно, что она хочетъ употребить предоставленную ей власть для улучшенія своего состоянія. Это дѣлается не путемъ свободнаго труда, а съ помощью государственныхъ мѣръ, которыя имѣютъ въ виду, съ большею или меньшею долей справедливости и цѣлесообразности, обобрать богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Естественно, съ другой стороны, что послѣдніе стараются дать отпоръ революціоннымъ стремленіямъ, направленнымъ на измѣненіе экономическаго порядка. Отсюда нескончаемыя междоусобія, наполняющія исторію Греціи и Рима въ позднѣйшій періодъ ихъ развитія, слѣдующій за водвореніемъ демократіи.

При экономическомъ бытѣ, основанномъ на рабствѣ, изъ этой борьбы нѣтъ исхода. Посредствующимъ звеномъ между богатыми и бѣдными можетъ быть только средній классъ, а его нѣтъ, да и не откуда ему взяться, ибо нѣтъ свободнаго труда. При такихъ условіяхъ, общественная свобода немыслима. Надъ борющимися классами воздвигается деспотическая государственная власть, которая сдерживаетъ ихъ въ должныхъ предѣлахъ и каждому элементу указываетъ подобающее ему мѣсто въ общей системѣ. Здѣсь лежитъ и начало перехода къ сословному строю. Каждая группа отдѣляется отъ другихъ и получаетъ свое назначеніе. Государство же стоитъ надъ ними, какъ представитель цѣлаго, охраняющій это распредѣленіе и обращающій его на общую пользу. Но именно вслѣдствіе такого отрѣшенія отъ общественныхъ элементовъ, оно лишается почвы и какъ бы виситъ на воздухѣ. Поэтому, оно само обречено на паденіе.

Древнее государство въ историческомъ процессѣ рушилось; но сословный порядокъ, который начиналъ установляться подъ его сѣнью, черезъ это не исчезъ, а, напротивъ, получилъ еще большее развитіе съ паденіемъ сдерживающей власти. Каждая группа однородныхъ интересовъ замкнулась въ себѣ и обставила себя привилегіями. Слабые подчинились сильнымъ, а тѣ, которые, сомкнувшись, въ состояніи

были себя отстоять, образовали самостоятельные союзы, также съ привилегированнымъ положеніемъ. Такъ установился средневѣковой сословный порядокъ, съ многообразными видоизмѣненіями, но тождественный въ основныхъ чертахъ. Здѣсь экономическія силы снова были вполнѣ подчинены юридическимъ опредѣленіямъ. Крѣпостное право охватило всѣ низшіе слои населенія; промышленность была опутана всевозможными сѣтями. Однако здѣсь было начало, которое могло быть источникомъ новаго, высшаго развитія. Такимъ началомъ была свобода промышленнаго труда, нашедшая себѣ убѣжище въ городахъ. Не смотря на всѣ стѣсненія, она пробила себѣ путь; капиталъ накоплялся и промышленность росла. На помощь ей пришло возродившееся государство, которое въ городскомъ сословіи искало поддержки противъ притязаній феодальныхъ владѣльцевъ. Къ горожанамъ примкнула и развивающаяся бюрократія, ставившая себѣ цѣлью подчиненіе сословныхъ привилегій высшимъ требованіямъ государства. Наконецъ, эти соединенныя силы, которыя носили въ себѣ и накопляющееся богатство и все возрастающее образованіе, опрокинули всѣ преграды и разрушили сословный порядокъ. „Что такое третье сословіе? спрашивалъ Сіэсъ.—Ничто. Чѣмъ оно должно быть?—Всѣмъ".

Подъ напоромъ возрастающихъ экономическихъ силъ сословный порядокъ уступилъ мѣсто общегражданскому. Здѣсь уже экономическая свобода получаетъ полное развитіе. Она сдерживается юридическимъ закономъ, воспрещающимъ одному лицу нарушать права другихъ; но это законъ общій и равный для всѣхъ, не установляющій никакихъ привилегій, ограждающій, а не стѣсняющій человѣческую свободу. Каждый подъ его охраною воленъ работать, пользоваться плодами своего труда и полученнымъ отъ предковъ достояніемъ и безпрепятственно подвигаться на общественной лѣстницѣ. Преграды человѣческой дѣятельности ставятся лишь естественными условіями и состояніемъ экономическаго быта, а не юридическими нормами. Такой порядокъ вполнѣ соотвѣтствуетъ, какъ идеалу права, такъ и требованіямъ экономическаго развитія. Въ немъ равная для всѣхъ юридическая свобода и полное обезпеченіе правъ сочетаются съ неотъемлемыми требованіями экономической свободы, составляющей первое условіе развитія, и съ проистекающимъ изъ нея безконечнымъ разнообразіемъ экономическихъ положеній и отношеній.

Выше было уже замѣчено, что такое разнообразіе положеній и отношеній составляетъ необходимое условіе проявленія всякой реальной силы въ дѣйствительномъ мірѣ. Всякая сила природы, дѣйствуя въ безконечно измѣняющихся условіяхъ пространства и времени, производитъ все присущее ей разнообразіе явленій. Таковъ міровой законъ.

Это безконечное разнообразіе, съ вытекающими изъ него частными отношеніями, составляетъ дѣйствительность. Тоже самое прилагается и къ силамъ, дѣйствующимъ въ области человѣческихъ отношеній. Какъ реальное существо, а не какъ воображаемая единица, человѣкъ находится въ условіяхъ пространства и времени и не можетъ отъ нихъ отрѣшиться. А потому лежащій въ этихъ условіяхъ законъ безконечнаго разнообразія положеній подчиняетъ его себѣ съ неотразимою силой. Совокупность проистекающихъ отсюда частныхъ отношеній и взаимнодѣйствій составляетъ тотъ дѣйствительный міръ, въ которомъ онъ живетъ. Въ особенности этотъ законъ проявляется въ экономической дѣятельности, которая вся направлена на подчиненіе внѣшней природы потребностямъ человѣка. Находясь во взаимнодѣйствіи съ силами природы, человѣкъ подчиняется присущимъ имъ условіямъ пространства и времени. Только черезъ это онъ можетъ ими пользоваться. И это приспособленіе къ безконечно разнообразнымъ внѣшнимъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ собственной его природѣ, не только какъ единичнаго физическаго существа, обладающаго органическимъ тѣломъ, но и какъ духовнаго существа, одареннаго внутреннимъ самоопредѣленіемъ. Какъ свободное лице, человѣкъ дѣйствуетъ на внѣшнюю природу и подчиняетъ ее своимъ цѣлямъ; какъ свободное лице, онъ занимаетъ въ экономическомъ порядкѣ то положеніе, которое дается ему собственною его дѣятельностью и личными его отношеніями къ окружающему его міру и къ предшествовавшимъ ему поколѣніямъ.

Такимъ образомъ, дѣйствіемъ свободныхъ экономическихъ силъ образуется іерархія лицъ съ различными степенями достатка и проистекающею отсюда различною шириною потребленія. Такъ происходятъ общественные классы, высшіе, средніе и низшіе. Въ общегражданскомъ порядкѣ, между ними нѣтъ юридическихъ преградъ; каждое лице можетъ безпрепятственно повышаться и понижаться по общественной лѣствицѣ. Но люди съ одинакими средствами естественно занимаютъ одинакое общественное положеніе и связываются общими интересами. Общество раздѣляется на слои или группы, незамѣтно переходящіе другъ въ друга, но, тѣмъ не менѣе, имѣющіе свои отличительныя особенности и свое призваніе въ цѣломъ. Это призваніе не налагается на нихъ принудительнымъ закономъ, а вытекаетъ изъ фактическаго ихъ положенія; оно составляетъ естественный результатъ свободнаго движенія экономическихъ силъ.

Въ экономическомъ производствѣ зажиточные классы являются представителями накопленнаго вѣками богатства. Ихъ экономическое значеніе состоитъ въ обладаніи силами природы, въ накопленіи капи-

тала, въ руководствѣ обширными промышленными предпріятіями. Въ противоположность имъ, масса, составляющая огромное большинство населенія, призвана участвовать въ производствѣ своимъ физическимъ трудомъ. Пока человѣкъ существуетъ на землѣ и имѣетъ физическія потребности, до тѣхъ поръ покореніе природы и пользованіе ея силами всегда будутъ требовать массы физическаго труда, и всегда этотъ физическій трудъ будетъ дѣломъ наименѣе достаточной части населенія. Таковъ неизмѣнный и непреложный законъ, управляющій всѣмъ экономическимъ производствомъ и составляющій необходимое условіе всякаго улучшенія человѣческаго быта, ибо только раздѣленіемъ труда и различіемъ общественныхъ призваній достигается высшее экономическое развитіе. Но этотъ желѣзный законъ не дѣйствуетъ на отдѣльное лице съ роковою необходимостью: онъ не полагаетъ свободѣ человѣка неодолимыхъ преградъ, а побуждаетъ его только искать своего призванія въ томъ, что естественно дается его положеніемъ и способностями. Если онъ чувствуетъ въ себѣ высшія силы, ничто не мѣшаетъ ему, пользуясь благопріятными обстоятельствами, достигать даже самыхъ высокихъ ступеней. Примѣры рабочихъ, которые дѣлались милліонерами, нерѣдки въ наше время. Но обыкновенно возвышеніе идетъ медленнымъ путемъ, черезъ среднія ступени, и совершается въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній. Экономическое призваніе среднихъ классовъ состоитъ именно въ томъ, что они связываютъ крайности, представляя сочетаніе высшихъ формъ труда съ руководящею дѣятельностью въ мелкомъ производствѣ. Черезъ нихъ, незамѣтными переходами, способнѣйшіе люди изъ низшихъ классовъ достигаютъ высшихъ ступеней. Они составляютъ связующій элементъ экономическаго быта. Отъ нихъ же исходитъ и главная иниціатива движенія, которая имѣетъ своимъ источникомъ напряженный умственный трудъ, не ослабленный ни потребностью удовлетворенія физическихъ нуждъ, ни обезпеченностью положенія, а упорно стремящійся къ достиженію предположенныхъ имъ цѣлей.

Умственный трудъ требуетъ образованія. Оно одно дѣлаетъ его истинно плодотворнымъ. Въ этомъ отношеніи опять обнаруживается различіе призванія тѣхъ и другихъ общественныхъ классовъ. Оно касается уже не одного экономическаго быта, а всей общественной жизни, которой высшее значеніе состоитъ въ развитіи духовныхъ силъ, зависящихъ отъ образованія. Экономическій достатокъ даетъ средства и досугъ для пріобрѣтенія знаній и для умственной дѣятельности. Поэтому, зажиточные классы суть вмѣстѣ образованные классы. Это опять неизмѣнный и непреложный законъ, управляющій всею жизнью и развитіемъ обществъ. Какой бы высокой степени про-

свѣщенія ни достигло человѣчество, никогда человѣкъ, котораго жизненное призваніе состоитъ въ физическомъ трудѣ, не будетъ равняться въ образованіи съ тѣмъ, который посвящаетъ себя умственной дѣятельности. Стремленіе установить равное для всѣхъ интегральное образованіе ничто иное, какъ праздная мечта, обличающая совершенное непониманіе истиннаго существа просвѣщенія. Можно читать рабочимъ классамъ сколько угодно лекцій: хватаніе верхушекъ не сдѣлаетъ изъ нихъ образованныхъ людей. Этимъ путемъ можно только водворять въ ихъ умахъ полный хаосъ понятій и способнѣйшихъ отвлечь отъ настоящаго ихъ назначенія, ибо образованный человѣкъ никогда не будетъ считать своимъ жизненнымъ призваніемъ физическій трудъ. Онъ посвятитъ себя умственной работѣ, къ которой влечетъ его возбужденный въ немъ высшій интересъ и въ которой одной онъ можетъ найти удовлетвореніе. Серіозное образованіе требуетъ такого количества досуга и труда, которое всегда дѣлало и будетъ дѣлать его достояніемъ немногихъ. Въ этомъ отношеніи, зажиточные классы поставлены въ счастливыя условія, которыя значительно облегчаютъ имъ эту задачу. Они воспитываются и живутъ въ такой сферѣ, гдѣ главный интересъ заключается не въ удовлетвореніи физическихъ нуждъ, а въ умственномъ общеніи, основанномъ на широкомъ знакомствѣ съ современнымъ бытомъ. У нихъ есть и средства многое видѣть; есть и обширныя связи съ людьми различнаго положенія и направленія. Самыя окружающія ихъ разнообразныя и утонченныя потребности въ сколько-нибудь воспріимчивыхъ натурахъ возбуждаютъ интересъ къ образованію. Конечно, бываютъ многія исключенія. Человѣкъ, пользующійся значительнымъ достаткомъ, нерѣдко употребляетъ его единственно на удовлетвореніе своихъ физическихъ влеченій. Бываютъ и цѣлые классы, погруженные въ роскошь и забывающіе высшіе интересы. Но это всегда служитъ признакомъ вообще весьма невысокаго общественнаго развитія. Можно сказать не ошибаясь, что тамъ, гдѣ таковы зажиточные классы, тамъ низшіе въ умственномъ отношеніи стоятъ еще гораздо ниже. Высшее развитіе образованія прежде всего обнаруживается въ верхнихъ слояхъ, отъ которыхъ оно постепенно переходитъ на остальные. Таковъ опять непреложный законъ человѣческаго совершенствованія.

И въ этомъ отношеніи оказывается существенное различіе между высшими классами и средними. Значительный избытокъ средствъ, избавляя человѣка отъ необходимости работать, вообще ослабляетъ напряженіе умственнаго труда; поэтому, за рѣдкими исключеніями, научное и литературное движеніе исходитъ отъ среднихъ классовъ. Зато высшіе болѣе посвящаютъ себя общественной дѣятельности; въ

этомъ состоитъ главное ихъ призваніе. На всякомъ поприщѣ личный интересъ составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ побужденій къ дѣятельности; самоотверженное желаніе общаго блага всегда является исключеніемъ. Но для зажиточныхъ классовъ экономическій интересъ представляется уже второстепеннымъ; они къ этомъ отношеніи удовлетворены. Поэтому, стремленіе ихъ обращается къ общественной дѣятельности, которая даетъ имъ вліяніе и почетъ. И это для самого общества чрезвычайно важно. Общественное дѣло стоитъ несравненно выше, когда съ нимъ не соединяется никакой экономическій интересъ, то-есть, когда оно исполняется безвозмездно, а это именно достигается тѣмъ, что оно находится въ рукахъ зажиточныхъ классовъ. Средніе классы не имѣютъ этой выгоды. Занятые своимъ спеціальнымъ дѣломъ, на которомъ основывается ихъ благосостояніе, они не имѣютъ ни времени, ни охоты посвящать себя общественной дѣятельности. Обыкновенно ей предаются тѣ, которые нажили себѣ состояніе и отстаютъ отъ экономическаго производства. Однако и участіе среднихъ классовъ въ общественной жизни въ высшей степени важно. Оно одно полагаетъ предѣлъ поползновенію высшихъ классовъ обратить общественное дѣло въ орудіе частныхъ своихъ выгодъ. Средніе классы, преимущественно передъ всѣми другими, являются представителями общаго права; на нихъ, поэтому, главнымъ образомъ, лежитъ поддержаніе общественнаго порядка; въ нихъ находятъ главную свою опору и начала свободы. Низшіе классы, напротивъ, и по своимъ свойствамъ, и по своему положенію менѣе, всего способны къ общественной дѣятельности. Не имѣя ни экономической независимости, ни образованія, они либо являются покорными орудіями власти, либо попадаютъ въ руки профессіональныхъ политикановъ, ищущихъ своихъ личныхъ выгодъ, а еще чаще демагоговъ, которые направляютъ ихъ къ своимъ разрушительнымъ цѣлямъ, возбуждая ихъ страсти и представляя имъ въ превратномъ видѣ то, что они сами не въ состояніи понять.

Все это въ особенности приложимо къ представительному порядку. Политическая свобода немыслима безъ обезпеченныхъ состояній. Только экономическая независимость обезпеченныхъ классовъ даетъ обществу независимость политическую. Это — истина, которая яркими чертами написана на страницахъ исторіи, и на которой нельзя достаточно настаивать. Поэтому, бѣдная страна не можетъ быть свободной страной, развѣ въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ и на низкой ступени развитія. Тамъ, гдѣ при простыхъ условіяхъ жизни, общія дѣла, весьма несложнаго свойства, постоянно находятся у всѣхъ на виду и близко знакомы всѣмъ, для участія въ нихъ не требуется особенной способности. Но здѣсь обыкновенно нѣтъ и рѣзкаго различія богатыхъ и

бѣдныхъ. При невысокихъ потребностяхъ всѣ состоянія болѣе или менѣе обезпечены. Напротивъ, въ обширныхъ странахъ, гдѣ отношенія несравненно сложнѣе и въ общественномъ дѣлѣ замѣшаны крупные интересы, гдѣ, самою силою вещей, развивается противоположность правительства, какъ представителя государства, и общества, какъ совокупности частныхъ силъ, тамъ самостоятельность послѣдняго и участіе его въ государственныхъ дѣлахъ зависятъ исключительно отъ экономической обезпеченности его членовъ. Поэтому все, что расшатываетъ экономическій бытъ образованныхъ классовъ отдаляетъ возможность политической свободы.

Отсюда понятна громадная важность экономическаго развитія для политической жизни народа. Понятно и все безуміе соціалистическихъ мечтаній, которыя хотятъ основать народную свободу не на умноженіи обезпеченныхъ состояній, а на полномъ ихъ уничтоженіи. Въ соціалистическомъ строѣ всѣ граждане становятся служителями государства, приставленными къ исполненію извѣстной общественной обязанности, колесами громадной бюрократической машины, охватывающей всю жизнь человѣка и дѣлающей его чистымъ орудіемъ власти. Всякая независимость исчезаетъ; каждый гражданинъ относительно всѣхъ мелочей жизни и всѣхъ средствъ существованія постоянно находится въ рукахъ всемогущаго правительства, то-есть, владычествующей партіи и руководящихъ ею демагоговъ, которымъ нѣтъ возможности сопротивляться и отъ которыхъ некуда уйти. И этотъ чудовищный деспотизмъ украшается именемъ свободы и выдается за высшій идеалъ общественнаго устройства. Подобными небылицами можно кормить ничего не смыслящую толпу, но для всякаго человѣка способнаго связывать двѣ мысли, онѣ представляются произведеніями чистѣйшаго шарлатанства и грубаго невѣжества. Въ наукѣ онѣ находятъ мѣсто, лишь какъ историческое явленіе, указывающее на состояніе умовъ въ данную эпоху.

Кромѣ количественныхъ степеней богатства, важное общественное значеніе имѣетъ и различное его качество. Характеръ собственности и связанной съ нею экономической дѣятельности, опредѣляя призваніе человѣка и окружая его извѣстными впечатлѣніями, кладетъ свою печать на весь его образъ мыслей и привычки и тѣмъ даетъ ему спеціальное назначеніе въ цѣломъ. Въ этомъ отношеніи, важнѣйшую роль играютъ различія недвижимой и движимой собственности, умственнаго и физическаго труда.

Земля не есть произведеніе человѣческаго труда; она дается самою природой. Человѣкъ не можетъ располагать ею по произволу, переносить ее съ мѣста на мѣсто, измѣнять ея существо, истреблять и

уничтожать ее. Она остается вѣчно неподвижною и неизмѣнною, и этотъ характеръ болѣе или менѣе сообщается владѣльцамъ. Тѣже свойства имѣетъ и дѣятельность, обращенная на обработку земли. Земледѣльческія работы совершаются подъ вліяніемъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ природы, съ которыми человѣкъ долженъ сообразоваться и которыми онъ не можетъ располагать по своему произволу. Правильныя смѣны временъ года требуютъ правильнаго и неизмѣннаго порядка жизни. Самые плоды труда окончательно зависятъ отъ стихійныхъ силъ, передъ которыми человѣкъ безпомощенъ. Постигающія его случайности, которыми разрушается иногда все, что онъ готовилъ и сѣялъ, являются произведеніемъ неотразимыхъ законовъ природы. Высшее развитіе земледѣлія требуетъ и приложенія капитала; но и это дѣлается медленно, постепенно, въ строго ограниченныхъ предѣлахъ. Вложеніе капитала въ землю слѣдуетъ закону уменьшающейся доходности. Поэтому нѣтъ отрасли, которая бы развивалась такими медленными шагами, какъ земледѣліе. Тутъ нѣтъ ни быстраго обогащенія, ни быстраго обѣдненія, а есть только постепенное движеніе въ ту или другую сторону, сообразно съ условіями сбыта. Временныя колебанія зависятъ отъ метеорологическихъ вліяній, опредѣляющихъ не только мѣстное производство, но и состояніе міроваго рынка. Къ нимъ надобно примѣняться составленіемъ при хорошемъ урожаѣ запасовъ для дурныхъ годовъ; а это требуетъ предусмотрительности и бережливости. Производя предметы первой необходимости, земледѣлецъ можетъ всегда расчитывать на извѣстный сбытъ и на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ своихъ потребностей; но улучшеніе состоянія возможно для него только весьма медленно, приспособляясь къ независимымъ отъ него условіямъ, съ помощью правильнаго и неусыпнаго труда и бережливости.

Всѣ эти обстоятельства заставляютъ земледѣльца не столько полагаться на собственныя силы, сколько покоряться владычествующему надъ нимъ порядку. Въ немъ развиваются не столько предпріимчивость и изобрѣтательность, сколько постоянство. Онъ долженъ собственную свою жизнь устроить въ правильно измѣняющемся порядкѣ; онъ держится не новизны, а преданій и опыта. Онъ любитъ улучшенія постепенныя, которыя не измѣняютъ разомъ всего быта, но совершаются въ связи съ предшествующимъ, правильнымъ теченіемъ жизни. Однимъ словомъ, какъ недвижимая собственность, такъ и земледѣліе развиваютъ въ человѣкѣ духъ охранительный, а это составляетъ для государственной жизни элементъ первостепенной важности. Само государство основано на преемственности поколѣній, на преданіи, идущемъ изъ рода въ родъ и связывающемъ въ одно живое цѣлое отда-

древнѣйшія времена. Эта связь и дѣлаетъ его юридическимъ лицемъ, имѣющимъ права и обязанности, унаслѣдованныя отъ предковъ и передаваемыя потомкамъ. Потребность развитія вноситъ въ него и начало движенія; но охранительный духъ всегда составляетъ самую основу его существованія. Тамъ, гдѣ его нѣтъ, государству грозитъ разрушеніе, и если въ здоровомъ обществѣ онъ временно затмѣвается, онъ скоро возстановляется съ новою силой.

Этотъ охранительный духъ, въ связи съ независимостью положенія, всего болѣе свойственъ крупной поземельной собственности. Послѣдняя даетъ владѣльцу и обширное мѣстное вліяніе, а вмѣстѣ и наибольшій досугъ для занятія общественными дѣлами. Переходя изъ рода въ родъ, она является носительницею преданій и высокаго общественнаго положенія, передаваемаго потомственно. Поэтому, во всѣ времена и при всѣхъ порядкахъ, крупная поземельная собственность составляетъ матеріальную опору родовой аристократіи. Даже при полномъ гражданскомъ и политическомъ равенствѣ, она фактически остается главною представительницею аристократическаго элемента, необходимо присущаго всякому развитому обществу, носящему въ себѣ государственныя преданія. Гдѣ качество поглощается количествомъ, уровень общественной жизни не можетъ быть высокъ.

Однако, одной крупной поземельной собственности недостаточно для того, чтобы дать аристократическому элементу подобающее ему общественное значеніе. Надобно, чтобы матеріальное обезпеченіе отражалось и на духовномъ мірѣ: съ экономическою независимостью должна соединяться независимость нравственная. По своему положенію, поземельная аристократія всего болѣе призвана къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Обезпеченная въ своемъ матеріальномъ положеніи и имѣя досугъ, она естественно стремится къ почету и власти. Но почетъ и власть она можетъ пріобрѣсти двоякимъ путемъ: либо какъ независимая общественная сила, облеченная правами, либо пользуясь благодѣяніями правительства, охраняющаго ея привилегіи. Въ первомъ случаѣ она является политическою аристократіей, во второмъ случаѣ она становится аристократіей служебною и придворною. Черезъ это общественное ея значеніе умаляется и можетъ даже совершенно исчезнуть. Чѣмъ болѣе она дорожитъ своими привилегіями, чѣмъ менѣе ея притязанія соотвѣтствуютъ истинному ея достоинству, тѣмъ болѣе она возбуждаетъ противъ себя низшіе классы. Вмѣсто того, чтобы стоять во главѣ общества, какъ требуется ея призваніемъ, придворная аристократія дѣлается помѣхою развитію. Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ французское высшее дворянство. Все свое могущество, идущее отъ феодальныхъ временъ, оно

употребляло главнымъ образомъ для сохраненія своихъ привилегій. Понятіе объ общественномъ благѣ было ему до такой степени чуждо, что даже въ половинѣ XVII-го вѣка высшіе его представители нисколько не затруднялись соединяться съ врагами отечества и идти на него войною. Когда же наконецъ его сила была сломлена, оно столпилось ко двору и вмѣстѣ съ собою повлекло къ погибели самую монархію, которая, окруженная царедворцами, потеряла смыслъ истинныхъ нуждъ народа и сдѣлалась расточителемъ милостей для привилегированныхъ классовъ. Такая же участь должна постигнуть всякую аристократію, которая потеряла политическія права и сдѣлалась покорнымъ орудіемъ власти. Между общественнымъ значеніемъ, требующимъ независимости, и придворнымъ положеніемъ, требующимъ угодливости, есть коренное противорѣчіе, которое можетъ разрѣшиться въ ту или другую сторону, сообразно съ чѣмъ измѣняется и самая историческая роль высшаго сословія. Образцомъ умѣнія поддержать свое общественное значеніе можетъ служить англійская аристократія, которая искони стояла во главѣ общества и, отказавшись отъ всякихъ гражданскихъ привилегій, въ союзѣ съ другими классами, отстаивала народныя права. Въ теченіи вѣковъ она была руководителемъ общества на пути политическаго развитія, носителемъ государственныхъ преданій и однимъ изъ краеугольныхъ столбовъ англійской конституціи. Еслибы она была унесена напоромъ демократіи, то Англія перестала бы быть Англіей. Тѣ, которые хотятъ подражать англійской аристократіи, должны прежде всего усвоить ея историческую роль; иначе это будетъ только жалкая карикатура. Истинная аристократія есть политическая аристократія. Крупная поземельная собственность служитъ ей матеріальною опорой, но на этой основѣ развивается политическій духъ, сочетающій уваженіе къ преданіямъ съ стремленіемъ къ свободѣ; только этотъ духъ даетъ аристократіи право на высшій почетъ.

Съ нѣсколько инымъ оттѣнкомъ проявляется тотъ же духъ въ среднихъ землевладѣльцахъ. Они составляютъ настоящее зерно землевладѣльческаго класса, безъ котораго самая поземельная аристократія лишена настоящей почвы. Въ сословномъ порядкѣ они образуютъ низшее дворянство; въ общегражданскомъ строѣ они остаются классомъ средняго состоянія помѣщиковъ, живущихъ на мѣстахъ и занятыхъ своимъ хозяйствомъ. Не пользуясь высокимъ политическимъ и служебнымъ положеніемъ, они не подвергаются тѣмъ соблазнамъ, которые окружаютъ высшія сферы, а потому сохраняютъ бóльшую или меньшую независимость, даже когда высшая аристократія становится чисто придворною. Настоящее ихъ общественное призваніе со-

стоитъ въ руководствѣ мѣстными дѣлами, областными и уѣздными. Значеніе ихъ тѣмъ выше, чѣмъ большая доля предоставляется самоуправленію. На этомъ поприщѣ они сталкиваются съ бюрократіей, а потому становятся естественными ея врагами. Правильная организація и разумное примиреніе этихъ двухъ элементовъ въ мѣстномъ управленіи составляютъ одну изъ существенныхъ задачъ государственной политики. Вмѣшательство государства въ этой области тѣмъ необходимѣе, чѣмъ шире привилегіи мѣстныхъ землевладѣльцевъ и чѣмъ болѣе они склонны пользоваться ими для своихъ хозяйственныхъ выгодъ и для подчиненія себѣ низшаго народонаселенія. Удаленные отъ центровъ, гдѣ проявляется свободное движеніе мысли, мѣстные землевладѣльцы, вообще, причастны охранительному духу въ еще большей степени, нежели высшіе слои, и этотъ духъ, вслѣдствіе связи съ мѣстными интересами, принимаетъ у нихъ болѣе узкій характеръ. Поэтому они вообще являются противниками всякихъ нововведеній, особенно тѣхъ, которыя касаются ихъ личныхъ правъ и интересовъ. Это вытекаетъ изъ самаго ихъ положенія. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что значительная часть русскаго дворянства нехотя приняла великую реформу освобожденія крестьянъ. Надобно, напротивъ, удивляться тому, что нашлось такъ много мѣстныхъ помѣщиковъ, которые всѣмъ сердцемъ отдались дѣлу, грозившему подорвать все ихъ благосостояніе, требовавшему кореннаго измѣненія всего ихъ хозяйственнаго быта, и вынесли его на своихъ плечахъ. Это дѣлаетъ величайшую честь русскому дворянству. Но эта готовность жертвовать своими правами имѣетъ и свою оборотную сторону. Она дѣлаетъ русскій помѣщичій классъ безсильнымъ противъ натиска бюрократіи и неспособнымъ стоять за свои права. На это есть свои историческія причины, коренящіяся въ слишкомъ недостаточномъ развитіи началъ права въ Русскомъ государствѣ. Нѣмцы въ этомъ отношеніи имѣютъ несравненно болѣе стойкости. Воспитанные корпоративнымъ духомъ, унаслѣдованнымъ отъ феодальныхъ учрежденій, они умѣютъ стоять за себя. Они ýже и упорнѣе, нежели Русскіе, но гораздо самостоятельнѣе. Охотно подчиняясь верховной власти, охраняющей ихъ права и интересы, они на мѣстахъ хотятъ быть хозяевами. Они сплотняются и организуются тамъ, гдѣ Русскіе расплываются и покорствуютъ. Это отражается и на самомъ экономическомъ бытѣ. Нѣмцы умѣютъ вести правильный расчетъ, устроить свое хозяйство сообразно съ измѣняющимися условіями и соединяться для совокупныхъ цѣлей. Русскіе же оказываются безсильными противъ экономическихъ невзгодъ и только взываютъ къ помощи правительства. Между тѣмъ, землевладѣльческій классъ, который не спо-

собою стоять на своихъ ногахъ и не умѣетъ самъ устроить свой экономическій бытъ, не можетъ имѣть никакого общественнаго и политическаго значенія. Онъ теряетъ всякую независимость. Такимъ образомъ, историческія начала и народный характеръ видоизмѣняютъ тѣ черты, которыя вытекаютъ изъ экономическаго положенія различныхъ общественныхъ классовъ.

Наконецъ, и мелкіе землевладѣльцы, то, что можно назвать русскимъ именемъ крестьянства, одушевлены тѣмъ же охранительнымъ духомъ, который составляетъ общее свойство землевладѣльческаго класса. Чѣмъ болѣе они отдалены отъ общихъ центровъ и привязаны къ своимъ мѣстнымъ интересамъ, чѣмъ ниже ихъ образованіе, тѣмъ упорнѣе держатся въ нихъ уваженіе къ преданіямъ, любовь къ старинѣ, господство обычая и отвращеніе отъ всякихъ нововведеній. Въ нихъ религіозныя вліянія находятъ самую сильную поддержку; крестьянство во всѣхъ европейскихъ странахъ составляетъ главную опору клерикальной партіи. Отсюда громадная важность этого класса для государства, котораго охранительныя силы покоятся на этомъ фундаментѣ; отсюда необходимость чувствомъ личной собственности привязать его къ гражданскому строю. Эта необходимость ростетъ съ водвореніемъ общегражданскаго порядка, основаннаго на свободѣ. При сословномъ бытѣ, крестьянство подчиняется крѣпостному праву и составляетъ только страдательный элементъ общества. Но какъ скоро оно получило свободу, такъ оно становится самостоятельнымъ факторомъ общественной жизни; съ тѣмъ вмѣстѣ рождается потребность поставить его въ условія, благопріятныя свободному развитію. Въ демократическихъ странахъ въ особенности, классъ мелкихъ землевладѣльцевъ составляетъ главную общественную силу, охраняющую политическій порядокъ и мѣшающую ему носиться по волѣ вѣтра и волнъ. Таково именно положеніе дѣлъ во Франціи. Тамъ же, гдѣ этотъ классъ, вслѣдствіе историческихъ причинъ, исчезъ, тамъ, съ развитіемъ демократіи, является потребность создать его вновь. Въ Англіи съ этою цѣлью принимаются чисто искусственныя мѣры, несогласныя съ правильнымъ гражданскимъ порядкомъ, но объясняемыя политическою потребностью.

Необходимость правильнаго устройства гражданскихъ отношеній мелкаго землевладѣнія тѣмъ настоятельнѣе, что, не смотря на присущій ему охранительный духъ, оно можетъ подпасть и радикальному направленію. Когда на немъ лежатъ тяготы въ пользу высшихъ классовъ, оно становится во враждебное отношеніе къ послѣднимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ тѣмъ государственнымъ началамъ, которыхъ они являются представителями. Ограниченное узкою сферою своихъ мел-

кихъ интересовъ и удаленное отъ образованныхъ теченій, оно неохотно несетъ и тѣ тягости, которыя требуются общими государственными нуждами; оно готово вѣрить тѣмъ, которые говорятъ ему, что собираемыя съ него подати идутъ на прихоти, роскошь и затѣи высшихъ классовъ и правящихъ лицъ. Съ этой стороны, проповѣдь радикализма находитъ въ немъ воспріимчивую почву. Еще опаснѣе проповѣдь соціализма, подрывающая не только основы государства, но и весь существующій общественный строй. Въ чувствѣ собственности она находитъ самое сильное противодѣйствіе, а потому, въ демократическихъ странахъ въ особенности, крѣпкій классъ мелкихъ землевладѣльцевъ представляетъ самый надежный оплотъ противъ разрушительныхъ стремленій. Но этой проповѣди открывается самое обширное поприще, какъ скоро колеблются основанія собственности и крестьяне привыкаютъ думать, что землю можно произвольно отнимать у одного и отдавать другому; а къ этому именно ведутъ учрежденія, подобныя общинному землевладѣнію. Когда за него стоятъ соціалисты, которые видятъ въ немъ осуществленіе своихъ мечтаній, то это понятно; но когда его поддерживаютъ люди, дорожащіе гражданственностью и порядкомъ, то можно только удивляться ихъ ослѣпленію. Они готовятъ своему отечеству неисчислимыя бѣдствія.

Переходомъ отъ землевладѣльцевъ къ обладателямъ движимой собственности является классъ фермеровъ, которые вкладываютъ свой капиталъ въ арендуемую ими землю. Здѣсь существенно важно то отношеніе, въ которомъ они состоятъ къ владѣльцамъ земли. Мы видѣли, что въ Англіи мелкіе землевладѣльцы нашли выгоднымъ продать свои участки и сдѣлаться фермерами на земляхъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Это именно возвело земледѣліе въ Англіи на такую высокую степень, съ которою не можетъ соперничать ни одна страна въ мірѣ. При такихъ условіяхъ, классъ фермеровъ становится естественною опорой поземельной аристократіи, отъ которой они состоятъ въ экономической зависимости. Но тоже Соединенное Королевство представляетъ въ другой своей части, въ Ирландіи, явленіе совершенно противоположнаго характера. Здѣсь, вслѣдствіе историческихъ причинъ, поведшихъ къ насильственному обезземеленію населенія, голодные фермеры соперничаютъ между собою въ погонѣ за клочкомъ земли; алчущіе поземельной собственности становятся въ радикально враждебное отношеніе къ тѣмъ, которые ею обладаютъ. Это и повело англійское правительство къ принятію мѣръ чисто революціоннаго свойства, клонящихся къ установленію класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ Такимъ. образомъ, при однихъ условіяхъ, фермеры

являются опорою охранительныхъ началъ, при другихъ они становятся орудіями самаго крайняго радикализма.

Носителемъ прогрессивныхъ началъ въ человѣческихъ обществахъ является движимая собственность. Мы видѣли, что развитіе народнаго богатства состоитъ въ накопленіи капитала, передающагося отъ поколѣнія поколѣнію. Въ этомъ и заключается экономическій прогрессъ, который влечетъ за собою и прогрессъ умственный, ибо капиталъ доставляетъ средства и досугъ для занятій и открываетъ все новыя и новыя поприща дѣятельности. Капиталъ не дается природою; онъ чисто произведеніе человѣческаго ума. Человѣкъ можетъ располагать имъ по произволу, переносить его съ мѣста на мѣсто, прилагать его къ новымъ предпріятіямъ. Въ экономической дѣятельности, основанной на капиталѣ, успѣхъ зависитъ не отъ дѣйствія стихійныхъ силъ, не подчиняющихся волѣ человѣка, а главнымъ образомъ отъ собственной его изобрѣтательности и расчета. Но здѣсь есть и рискъ, при которомъ можно или много выиграть или все потерять. Отсюда возможность быстраго обогащенія и столь же быстраго обѣдненія. Отсюда колебанія промышленности и состояній, какого нѣтъ въ земледѣліи.

Эти свойства движимой собственности и основанныхъ на ней отраслей производства развиваютъ въ владѣльцахъ сознаніе собственныхъ силъ, духъ предпріимчивости, стремленіе къ нововведеніямъ, наконецъ любовь къ свободѣ. Изъ этого класса исходили главнымъ образомъ либеральныя стремленія новыхъ европейскихъ народовъ. Онъ составляетъ подвижный элементъ общества, и это свойство проявляется въ немъ тѣмъ съ большею силой, чѣмъ значительнѣе этотъ классъ, чѣмъ выше стоятъ промышленность и образованіе. Но исходящее отъ него движеніе только при сильномъ разгарѣ страстей принимаетъ бурный характеръ. Вообще, оно правильное и постепенное; оно соединяется съ любовью къ порядку, ибо порядокъ для промышленности и торговли составляетъ насущную потребность. Всякій безпорядокъ причиняетъ остановку въ дѣлахъ и грозитъ страшными потерями. Поэтому, при внутреннихъ переворотахъ, промышленные классы легко кидаются въ объятія реакціи.

Эта противоположность недвижимой и движимой собственности усиливается свойствами той среды, въ которой онѣ призваны дѣйствовать. Средоточіемъ движимой собственности является городъ, средоточіемъ земледѣлія село. Эти два центра имѣютъ совершенно различный характеръ. Къ вліянію движимой собственности присоединяются въ городѣ скопленіе людей, разнообразіе интересовъ, постоянныя столкновенія, совокупленіе силъ для общихъ предпріятій. Го-

родъ есть настоящій центръ дѣятельности и образованія. Въ селахъ, напротивъ, люди живутъ болѣе или менѣе разобщенные, столкновенія рѣже, жизнь однообразнѣе, поводовъ къ умственному движенію меньше. Здѣсь настоящая среда для охранительныхъ элементовъ общества.

И въ движимой собственности различный ея размѣръ кладетъ особенный отпечатокъ на владѣющіе классы и даетъ имъ различное общественное значеніе. Наиболѣе охранительнымъ духомъ естественно отличается крупная собственность. Значительные капиталисты образуютъ денежную аристократію, которая составляетъ необходимое восполненіе и противовѣсъ аристократіи поземельной, или родовой. Денежное богатство рѣдко переходитъ изъ рода въ родъ. Обыкновенно оно дробится; поддержаніе его требуетъ коммерческихъ способностей, которыя не передаются по наслѣдству. Есть, конечно, торговыя фирмы и банкирскіе дома, которые сохраняются въ цѣломъ рядѣ поколѣній, но они составляютъ исключеніе. Тѣмъ не менѣе, обладая громадными средствами, денежная аристократія занимаетъ высокое общественное положеніе. Соперничая въ этомъ отношеніи съ аристократіей родовой, она не даетъ послѣдней замыкаться въ сословныхъ предразсудкахъ. Связанная коммерческими расчетами, она, вообще, обладаетъ меньшею шириною политическихъ взглядовъ, но зато она болѣе открыта новымъ движеніямъ. Въ исторіи, замкнутыя торговыя аристократіи проявляли крупныя политическія способности, однако всегда съ нѣкоторою узкостью взглядовъ, которая окончательно подрывала ихъ силу. Таковъ былъ въ древности Карѳагенъ, а въ новомъ мірѣ Венеція. Въ общегражданскомъ строѣ классъ крупныхъ капиталистовъ играетъ выдающуюся общественную роль. Когда другія общественныя силы, основанныя на преданіи, падаютъ, могущество денегъ не только остается непоколебимымъ, но получаетъ еще большее значеніе. Въ экономической области этотъ классъ является регуляторомъ промышленнаго движенія и денежнаго оборота. Для экономическаго развитія страны въ высшей степени важно, когда эту роль исполняетъ независимая общественная сила, а не государственная власть, подчиняющаяся разнообразнымъ политическимъ соображеніямъ, перемѣнамъ партій, а нерѣдко и случайнымъ взглядамъ государственныхъ людей. Неисчислимы тѣ выгоды, которыя приноситъ богатымъ странамъ существованіе независимаго центральнаго банка, приходящаго на помощь государству въ случаяхъ нужды, но стоящаго вдали отъ всякихъ политическихъ колебаній и твердо хранящаго преданія экономической устойчивости. Только съ помощью независимыхъ и крупныхъ общественныхъ силъ сохраняется устойчивость во всякомъ движеніи.

И въ классѣ движимыхъ собственниковъ, также какъ среди по-

земельныхъ владѣльцевъ, настоящее его зерно составляютъ средніе состоянія. Они образуютъ связующее звено между высшими слоями и низшими; черезъ нихъ совершается движеніе вверхъ и внизъ по общественной лѣстницѣ. Въ нихъ проявляются и все то разнообразіе положеній и та подвижность, которыя составляютъ результатъ развитія движимой собственности. А такъ какъ все это дается свободою, то эти классы, по преимуществу, являются носителями либеральныхъ идей. Таковыми они были во всѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ развитіе богатства и образованія давало имъ возможность играть болѣе или менѣе значительную общественную роль. Они же доставляли главные элементы той бюрократіи, которая составляла важнѣйшее орудіе королей въ ихъ борьбѣ съ средневѣковыми привилегіями и тѣмъ подготовляла водвореніе новаго порядка. Можно сказать, что общегражданскій строй, основанный на свободѣ и равенствѣ, былъ главнымъ образомъ созданіемъ этихъ классовъ, которые и по количеству и по качеству собственности носили по преимуществу названіе среднихъ. Ратуя за себя, они боролись за всѣхъ. У насъ, слабое развитіе этого общественнаго элемента и невысокій уровень его образованія составляли и доселѣ составляютъ главную помѣху либеральному движенію.

Если на среднихъ ступеняхъ движимой собственности развивается наклонность къ либерализму, то низшіе слои этого класса представляютъ удобную почву для радикализма. Чѣмъ меньше ихъ экономическое достояніе, тѣмъ меньше они дорожатъ существующимъ общественнымъ строемъ, а чѣмъ ниже ихъ образованіе, тѣмъ меньше ихъ способность къ общественной дѣятельности. А между тѣмъ, стоя на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, они естественно стремятся вверхъ и хотятъ играть общественную роль. Ихъ притязанія вообще не соотвѣтствуютъ ихъ способностямъ, а это и составляетъ отличительную черту радикализма. Отсюда и стремленіе отрѣшиться отъ разнообразныхъ условій дѣйствительной жизни и все подводить подъ общій уровень отвлеченныхъ началъ. Въ гражданской области такой взглядъ находитъ себѣ надлежащее мѣсто, ибо здѣсь устанавляются только общія, одинакія для всѣхъ нормы права, дѣйствительное же ихъ осуществленіе предоставляется свободному движенію экономическихъ силъ. Но въ политической области, гдѣ всякое право даетъ вмѣстѣ власть надъ другими, такое направленіе представляетъ серіозную опасность. Однако и на этихъ низшихъ ступеняхъ промышленнаго міра присущее имъ начало собственности проявляетъ свою охранительную силу. Мелкіе промышленники и торговцы боятся всякихъ потрясеній, задерживающихъ тѣ промыслы, которые даютъ имъ средства существованія, и грозящихъ даже совершенно уни-

чтожить ихъ маленькое, трудомъ пріобрѣтенное достояніе. Поэтому они готовы подчиниться самому деспотическому правительству, лишь бы оно охраняло порядокъ и избавило отъ ихъ анархіи.

Это связанное съ собственностью побужденіе исчезаетъ только тамъ, гдѣ исчезаетъ самая собственность, то-есть, въ классахъ, которые питаются исключительно своимъ трудомъ. Здѣсь необходимая въ обществѣ устойчивость поддерживается уже не упроченными плодами экономическаго развитія, а господствующими въ обществѣ духовными силами.

Мы видѣли, что трудъ раздѣляется на умственный и физическій. Первый можетъ быть обращенъ вовсе не на экономическое производство, а на разработку и усвоеніе тѣхъ высшихъ областей духа, которыя составляютъ лучшее достояніе человѣчества — религія, науки, искусства. Здѣсь собственною личною дѣятельностью выдвигаются тѣ свѣтила, которыя властвуютъ надъ умами и указываютъ человѣчеству его путь. Они составляютъ зерно того, что можно назвать умственною аристократіей, въ отличіе отъ поземельной и денежной. Соединяя въ себѣ охранительныя начала и прогрессивныя, она служитъ какъ бы связующимъ звеномъ между ними. Это высшее сочетаніе противоположныхъ направленій вытекаетъ изъ того, что, съ одной стороны, проложеніе новыхъ путей требуетъ свободной дѣятельности и только на почвѣ свободы можетъ происходить высшее умственное и общественное развитіе, а съ другой стороны, изученіе совокупности явленій исторіи ведетъ къ неотразимому убѣжденію, что будущее коренится въ прошедшемъ и подготовляется путемъ медленнаго и постепеннаго перехода отъ одного строенія къ другому. Чѣмъ глубже пониманіе, тѣмъ ярче изъ временныхъ, измѣняющихся явленій выступаютъ тѣ вѣчныя начала, которыя выражаются въ развитіи человѣческаго духа. Призваніе руководителей умственнаго движенія состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобъ указать современникамъ правильное отношеніе противоположныхъ началъ. Въ различныя эпохи можетъ преобладать то или другое, смотря по измѣняющимся потребностямъ и по состоянію общества. Мы увидимъ далѣе, что развитіе человѣческаго ума идетъ не прямолинейнымъ ходомъ, а путемъ разработки одностороннихъ направленій и послѣдующаго сведенія ихъ къ высшему единству. Но именно поэтому, задача руководящихъ мыслителей, понимающихъ свое призваніе, состоитъ въ томъ, чтобъ обнаружить односторонность взглядовъ и выяснить мѣсто и значеніе каждаго элемента въ совокупномъ составѣ общества и въ послѣдовательномъ его развитіи. Исторія показываетъ, что эта чисто теоретическая работа всегда имѣла громадное вліяніе на современное состояніе умовъ,

а вслѣдствіе того и на весь ходъ событій. Теоретики мысли были всегда двигателями человѣческаго прогресса. Поэтому, отъ болѣе или менѣе высокаго уровня этой умственной аристократіи въ значительной степени зависитъ и самый уровень общественнаго быта. Каковы бы ни были успѣхи промышленности, если въ высшихъ умственныхъ сферахъ есть разладъ, то будетъ разладъ и въ обществѣ.

Эта умственная работа имѣетъ однако и свою экономическую сторону. Она приноситъ доходъ. Но этотъ доходъ совершенно несоразмѣренъ съ тѣмъ умственнымъ трудомъ, которому онъ служитъ вознагражденіемъ. Всякій экономическій доходъ опредѣляется потребностью; поэтому и доходъ съ умственныхъ произведеній опредѣляется потребностью массы, а эта потребность, вообще, весьма невысокаго свойства. Именно тѣ произведенія, на которыя всего болѣе положено умственнаго труда, всего менѣе доступны толпѣ, ибо для пониманія ихъ и оцѣнки тоже нуженъ умственный трудъ, превышающій ея способность. Этотъ недостатокъ можетъ отчасти восполняться помощью государства и оцѣнкою зажиточныхъ классовъ, которыхъ общественное значеніе черезъ это возвышается. Но вообще, соразмѣрность между трудомъ и вознагражденіемъ здѣсь вовсе не требуется, ибо цѣль работы заключается не въ экономической выгодѣ, а въ удовлетвореніи иныхъ, высшихъ потребностей духа. Результатъ зависитъ, съ одной стороны, отъ способностей и таланта работниковъ, съ другой стороны отъ свойства и уровня той среды, въ которой они призваны дѣйствовать.

Въ иномъ видѣ представляется отношеніе работы къ доходу въ прикладныхъ сферахъ, гдѣ плоды теоріи обращаются на полученіе экономическихъ выгодъ. И тутъ нерѣдко первые зачинатели дѣла, именно тѣ, которые положили на него всего болѣе умственнаго труда, вслѣдствіе недостатка средствъ, неприлаженности условій или малаго развитія потребностей, не только не получаютъ никакого вознагражденія, но даже разоряются. Таково свойство всякаго промышленнаго предпріятія. Но если приложеніе теоріи дѣйствительно выгодно, то оно скоро получаетъ общее признаніе и становится обильнымъ источникомъ экономическаго дохода. Отсюда тѣ крупныя богатства, которыя пріобрѣтаются техниками. Здѣсь умственная работа и экономическая прибыль находятся въ большемъ или меньшемъ равновѣсіи. Техники составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ тѣхъ среднихъ классовъ, которые соединяютъ движимую собственность съ умственнымъ трудомъ и предпріимчивостью. Сюда же слѣдуетъ причислить и другія профессіи, требующія умственной подготовки и обращенныя на практическія цѣли, хотя и не экономическаго свой-

ства. Таковы медики, адвокаты, журналисты, учителя. Всѣ они образуютъ наиболѣе интеллигентную часть среднихъ классовъ; а такъ какъ они, по преимуществу, получаютъ доходъ свой отъ личнаго умственнаго труда, то они всего болѣе воспріимчивы къ либеральнымъ идеямъ. Это прямо вытекаетъ изъ ихъ общественнаго призванія и положенія. Но либеральное направленіе умѣряется самыми пріобрѣтаемыми ими средствами, которыя, установляя гармонію между умственнымъ развитіемъ и матеріальнымъ положеніемъ, служатъ сдержкою разрушительнымъ стремленіямъ.

Этой сдержки нѣтъ въ тѣхъ сферахъ умственнаго труда, гдѣ ощущается недостатокъ въ экономическихъ средствахъ. Человѣкъ, получившій извѣстное образованіе, не можетъ уже посвящать себя физическому труду, который не соотвѣтствуетъ ни его привычкамъ, ни его подготовкѣ, ни его кругозору. Могутъ встрѣчаться единичные оригиналы, которые находятъ въ этомъ удовольствіе или предаются физической работѣ по убѣжденію; общимъ такое явленіе не можетъ быть, ибо оно ненормально. А между тѣмъ, поприщъ для умственнаго труда можетъ быть слишкомъ мало для желающихъ. Случается, что предложеніе превышаетъ спросъ. Такое явленіе рѣдко встрѣчается при нормальномъ порядкѣ воспитанія молодыхъ поколѣній, когда родители даютъ дѣтямъ образованіе на собственныя средства, въ виду тѣхъ поприщъ, на которыя они могутъ расчитывать впослѣдствіи. Однако и тутъ стремленіе низшихъ общественныхъ слоевъ къ повышенію, желаніе избавить дѣтей отъ физическаго труда и дать имъ возможность занять болѣе почетное мѣсто на общественной лѣствицѣ, можетъ вести къ переполненію свободныхъ профессій и къ избытку кандидатовъ на государственную службу. Но въ еще большей мѣрѣ это несоотвѣтствіе между предложеніемъ и спросомъ обнаруживается тамъ, гдѣ высшее образованіе дается даромъ и даже поощряется стипендіями. Государство, нуждающееся въ образованныхъ чиновникахъ, можетъ прибѣгать къ подобной мѣрѣ, имѣя въ виду дать своимъ стипендіатамъ опредѣленныя мѣста. Но затѣмъ является общественное увлеченіе; учреждаются безчисленныя стипендіи, въ надеждѣ, что лишь было бы образованіе, поприща всегда найдутся, а эта надежда на практикѣ можетъ оказаться совершенно невѣрною. Изъ этого образуется такъ называемый умственный пролетаріатъ, классъ людей, которыхъ умственная подготовка вовсе не соотвѣтствуетъ матеріальному достатку. Необходимое въ человѣческой жизни равновѣсіе между духовною стороной и физическою нарушено. Притязанія велики, а средствъ для удовлетворенія нѣтъ. Отсюда внутренній разладъ, недовольство и озлобленіе противъ существующаго порядка, въ особен-

ности противъ богатства, которое тѣмъ ненавистнѣе, чѣмъ болѣе чувствуется въ немъ недостатокъ. Воображаютъ, что оно несправедливо присвоивается одними въ ущербъ другимъ; ополчаются противъ общества, которое узаконяетъ эту неправду. Умственный пролетаріатъ представляетъ самую благодарную почву для всякихъ разрушительныхъ стремленій. И чѣмъ ниже его умственный уровень, тѣмъ рѣзче выступаютъ эти стремленія. Въ этомъ отношеніи русскій нигилизмъ представляетъ поучительное явленіе. Безъ сомнѣнія, онъ не объясняется однимъ размноженіемъ умственнаго пролетаріата; корни его лежатъ гораздо глубже. Они кроются вообще въ современномъ состояніи европейскихъ обществъ и въ особенности въ томъ гнетѣ, который такъ долго тяготѣлъ надъ русскою мыслью. Чѣмъ сильнѣе было давленіе, тѣмъ безпорядочнѣе дѣйствуетъ сила, освобожденная отъ оковъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе взбунтовавшихся холоповъ, а таковы именно русскіе нигилисты. Поэтому они дерзостью превзошли своихъ европейскихъ собратьевъ, не смотря на то, что среда, въ которой они дѣйствовали, представляла гораздо менѣе благопріятныхъ условій, и поводовъ къ дѣйствію не было никакихъ. Когда совершались величайшія преобразованія, въ то время какъ освобождались двадцать милліоновъ крѣпостныхъ, менѣе всего можно было жаловаться на правительство. Если, не смотря на то, нигилисты могли образовать болѣе или менѣе сплоченную силу, то это произошло потому, что они нашли благодарную почву въ расплодившемся у насъ умственномъ пролетаріатѣ. Недоученые юноши, руководимые фантазирующими журналистами, у которыхъ смѣлость замѣняла знаніе и талантъ, вообразили себя цвѣтомъ человѣчества, призваннымъ разрушить весь существующій строй и дать русскому народу невиданныя доселѣ формы жизни. И во имя этихъ дикихъ мечтаній совершались чудовищныя злодѣянія, глубоко потрясшія все русское общество и свернувшія Россію съ правильнаго пути гражданскаго развитія. Надъ такимъ явленіемъ не можетъ не призадуматься историкъ и мыслитель, наблюдающій разнообразныя движенія общественной жизни.

Но умственный пролетаріатъ остается безсиленъ, если онъ не находитъ поддержки въ пролетаріатѣ рабочемъ. Мы видѣли, что и въ массахъ, имѣющихъ призваніемъ физическій трудъ, образуются различные классы. Высшія формы труда, связанныя съ техникой и умѣніемъ, даютъ рабочимъ возможность пріобрѣсть нѣкоторый достатокъ и тѣмъ возвыситься на общественной лѣствицѣ. Они вступаютъ въ рядъ мелкихъ капиталистовъ,—явленіе наиболѣе ненавистное соціалистамъ, которые въ рабочемъ, сдѣлавшемся мѣщаниномъ, видятъ отступника, ускользающаго изъ-подъ ихъ вліянія. Но въ этомъ имен-

но заключается вся будущность рабочаго класса. Поднятіе его уровня зависитъ отъ возможности пріобрѣтать достатокъ и тѣмъ самымъ поступать въ ряды мѣщанства. Этимъ уничтожаются и рѣзкія экономическія грани между различными классами, а съ тѣмъ вмѣстѣ смягчается ихъ противоположность.

Затѣмъ однако остается масса, для которой единственное средство пропитанія заключается въ ежедневной физической работѣ. Она и образуетъ настоящій пролетаріатъ, котораго общественное назначеніе состоитъ въ физическомъ трудѣ. Имѣя при этомъ скудное образованіе, слѣдовательно лишенная именно того накопленнаго предшествующими поколѣніями матеріальнаго и умственнаго капитала, который возводитъ человѣка на высшую ступень, она естественно занимаетъ низшее мѣсто на общественной лѣствицѣ. Она всего болѣе подвержена лишеніямъ и страданіямъ, а потому возбуждаетъ наибольшее сочувствіе. Къ ней съ любовью обращаются и милосердныя души во имя христіанскаго братства, и служители церкви, несущіе страждущимъ слово утѣшенія, и художники, которые въ самой низкой сферѣ умѣютъ раскрывать человѣческій образъ и высокія черты духовной жизни. Но къ ней же, съ видомъ участія, обращаются и тѣ, которые хотятъ ея лишенія и страданія сдѣлать орудіемъ своихъ разрушительныхъ цѣлей, вдыхая въ нее сѣмена ненависти и злобы. Недостатокъ обращается въ право. Пролетаріямъ твердятъ, что они, въ сущности, производители всего человѣческаго богатства, и что если они имъ не пользуются, то это происходитъ оттого, что ихъ обираютъ жадные капиталисты; ихъ увѣряютъ, что различіе состояній есть плодъ насилія и обмана; что имъ стоитъ сплотиться, чтобъ опрокинуть весь этотъ основанный на неправдѣ общественный строй; что къ этому ведетъ самая исторія, выдвигающая на первый планъ сперва верхніе классы, затѣмъ средніе и наконецъ пролетаріатъ, который призванъ окончательно восторжествовать надъ всѣми и такимъ образомъ является вѣнцомъ всего человѣческаго развитія.

Умственная и нравственная превратность этой проповѣди очевидна. Недостатокъ какихъ бы то ни было жизненныхъ благъ не рождаетъ ни малѣйшаго на нихъ права. Право состоитъ въ свободѣ дѣйствовать и пріобрѣтать, не нарушая чужаго права, и эта свобода въ общегражданскомъ порядкѣ присвоивается всѣмъ на совершенно равныхъ основаніяхъ. Фактическая же возможность пріобрѣтать и пользоваться жизненными благами зависитъ отъ накопленія именно того элемента, который выставляется главнымъ врагомъ рабочаго класса — капитала. Пока его мало, онъ сосредоточивается въ немногихъ рукахъ; чѣмъ болѣе онъ накопляется, тѣмъ болѣе онъ разливается въ мас-

сахъ. Въ этомъ и состоитъ прогрессъ человѣческаго благосостоянія. Противоположеніе безмѣрнаго богатства однихъ и нищеты другихъ не есть, безъ сомнѣнія, отрадное явленіе, но оно составляетъ необходимую посредствующую ступень экономическаго развитія. Это хуже, нежели общее довольство; но это лучше, нежели общая нищета. Исторія ведетъ къ большему и большему накопленію капитала, слѣдовательно къ большему и большему экономическому преобладанію капитализма, а отнюдь не къ поставленію на первое мѣсто именно тѣхъ, которые ничего не имѣютъ. Представленіе матеріальнаго и умственнаго недостатка вѣнцомъ человѣческаго развитія есть чудовищное извращеніе понятій и отрицаніе исторіи. Какъ бы высоко ни поднялось человѣчество, физическій трудъ всегда имѣлъ и будетъ имѣть значеніе служебное, а потому никогда не можетъ быть первенствующимъ факторомъ общественной жизни.

Эти весьма простыя истины понятны всякому, кто получилъ достаточное образованіе и чей умъ не затемненъ предвзятыми идеями. Но онѣ совершенно недоступны массамъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго понятія о наукѣ, о правѣ, о задачахъ государства, объ историческомъ развитіи, и когда ихъ страсти разжигаются, когда имъ говорятъ, что онѣ имѣютъ право на все и что ихъ обираютъ, онѣ готовы вѣрить. Въ этой средѣ, противовѣсомъ разрушительной проповѣди соціализма могутъ служить только одинаково доступныя всѣмъ истины религіи. Взывая къ самымъ глубокимъ нравственнымъ основамъ человѣческой души, религія учитъ ее смиренію и покорности; она указываетъ на высшую Волю, управляющую судьбами человѣка; она страдающимъ и удрученнымъ обѣщаетъ вознагражденіе въ иномъ, лучшемъ мірѣ, гдѣ плачущіе утѣшатся и послѣдніе будутъ первыми. И эта высокая нравственная проповѣдь именно въ смиренныхъ и угнетенныхъ сердцахъ находитъ живой отголосокъ. Пока пролетаріатъ подчиняется вліянію религіи, онъ въ простотѣ сердца исполняетъ свое человѣческое призваніе, терпѣливо перенося лишенія и невзгоды, неразлучныя съ земнымъ существованіемъ, и наслаждаясь тѣми высокими радостями, которыя равно доступны всякому человѣку. Таковъ большею частью пролетаріатъ сельскій, удаленный отъ соблазновъ и сохраняющій привычки и преданія, свойственныя простому деревенскому быту. Поэтому онъ болѣе всѣхъ другихъ классовъ подчиняется вліянію духовенства; въ немъ клерикальная партія находитъ самую сильную поддержку. Напротивъ, на пролетаріатъ городской дѣйствуютъ всякія развращающія вліянія: и разнообразныя искушенія городской жизни, и видъ безмѣрной роскоши однихъ рядомъ съ нищетою другихъ. Здѣсь онъ приходитъ въ сношенія съ умственнымъ

пролетаріатомъ и увлекается его зажигательною проповѣдью: религіозныя убѣжденія въ немъ расшатываются, распаляются политическія страсти; онъ становится открытымъ всѣмъ разрушительнымъ ученіямъ. Городской пролетаріатъ представляетъ настоящую почву и орудіе для соціальной борьбы.

На этомъ явленіи, которое играетъ выдающуюся роль въ современныхъ обществахъ, слѣдуетъ остановиться.

Борьба составляетъ необходимую принадлежность всякаго взаимодѣйствія частныхъ силъ. Она существуетъ въ физической природѣ; она проявляется и на каждой ступени человѣческаго развитія. Всякій новый порядокъ вырабатывается борьбою съ старымъ. Въ этомъ заключается условіе движенія, какъ въ политической, въ умственной, такъ и въ экономической сферѣ. Чѣмъ разнообразнѣе и противоположнѣе взгляды и интересы, тѣмъ съ большею силой возгарается между ними борьба. Мы видѣли, что въ древнемъ мірѣ, послѣ борьбы за право, выступила на сцену борьба за экономическіе интересы. Богатые и бѣдные старались захватить въ свои руки государственную власть, съ тѣмъ чтобы обратить ее въ свою пользу. Но при рабовладѣльческомъ хозяйствѣ не могла еще возникнуть борьба между капиталомъ и трудомъ; послѣдній былъ въ неволѣ. Происходили только случайныя и временныя возмущенія рабовъ. По той же причинѣ не могла развиться экономическая борьба при сословномъ порядкѣ, основанномъ на крѣпостномъ правѣ. Только съ водвореніемъ экономической свободы, когда человѣческой дѣятельности предоставляется полный просторъ и противоположность интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ можетъ проявиться во всей своей рѣзкости, возгорается между ними борьба на экономической почвѣ. При господствѣ закона предложенія и требованія, предприниматели естественно стремятся нанять рабочихъ за возможно меньшую плату и получить отъ нихъ наибольшую выгоду; рабочіе, съ своей стороны, стремятся по возможности возвысить плату и сократить работу. Возгорается соперничество между самими предпринимателями, борьба крупныхъ капиталовъ съ мелкими и другъ съ другомъ; является конкурренція и между рабочими, ведущая къ пониженію платы и къ старанію не допускать постороннихъ.

Всякая борьба, составляя условіе развитія, имѣетъ и свои невыгодныя стороны, ибо слабые не могутъ соперничать съ сильными. Но отвратить эти невыгоды нельзя иначе, какъ уничтоживъ самый источникъ борьбы, человѣческую свободу, а съ тѣмъ вмѣстѣ задержавши самое развитіе низведеніемъ сильныхъ къ уровню слабыхъ. Все, что человѣкъ можетъ сдѣлать во имя нравственныхъ требованій,

это—подать помощь слабымъ, тамъ, гдѣ въ этомъ оказывается нужда. Это и составляетъ задачу общества и государства. Здѣсь открывается обширное поприще для благотворительности.

Пока вопросъ держится на этой почвѣ, онъ составляетъ, можно сказать нормальное явленіе жизни, не представляющее никакой опасности для общества. Но онъ получаетъ совершенно иной характеръ, какъ скоро онъ изъ экономической области переносится на почву юридическую, когда, при господствѣ политической свободы, противоположные интересы стремятся къ тому, чтобы захватить государственную власть въ свои руки и обратить ее въ свою пользу. Богатые стараются путемъ законодательства притѣснить бѣдныхъ, а бѣдные обобрать богатыхъ. Это стремленіе выказывается въ особенности со стороны массъ. Зажиточные классы довольствуются свободою, которая удовлетворяетъ ихъ умственнымъ, нравственнымъ и экономическимъ потребностямъ. Самый общегражданскій порядокъ, установляя одинакую для всѣхъ свободу и равенство, полагаетъ предѣлъ возможнымъ притѣсненіямъ. Народныя массы, напротивъ, не довольствуются свободою; онѣ хотятъ экономическихъ выгодъ и за этимъ обращаются къ государству, которое онѣ стремятся сдѣлать своимъ орудіемъ для ограбленія зажиточныхъ классовъ. Развитіе демократіи предоставляетъ имъ для этого всѣ нужныя средства: съ водвореніемъ всеобщаго права голоса верховная власть достается въ руки большинства, а большинство составляютъ рабочіе классы. Черезъ это рабочая партія становится грозною силой, которая, если не получаетъ перевѣса, то вынуждаетъ уступки; съ нею надобно считаться. Начинается эра законодательства, обращеннаго исключительно на пользу массъ: регламентація работъ, введеніе прогрессивнаго налога съ избавленіемъ бѣдныхъ, участіе государства въ пенсіонныхъ кассахъ, принудительное отчужденіе земли въ пользу частныхъ лицъ и т. п.

Однако всѣ эти частныя мѣры не въ состояніи удовлетворить требованія рабочихъ. Въ самыхъ демократическихъ странахъ зажиточные классы, обладая естественнымъ превосходствомъ, которое дается образованіемъ и богатствомъ, сохраняютъ свое преобладающее положеніе въ государствѣ и не даютъ ему обратиться въ чистое орудіе ограбленія. Вслѣдствіе этого у руководителей массъ рождается мысль, что весь государственный и общественный строй, какъ онъ создался вѣками и выработался исторіею человѣчества, основанъ на неправдѣ и долженъ быть ниспровергнутъ. Рабочая партія становится носителемъ ученій соціализма въ различныхъ его видахъ, въ формѣ всепоглощающаго и всеподавляющаго государственнаго деспотизма или въ формѣ безумной анархіи, представляющей полную разнузданность человѣ-

ческой воли. Исторія соціализма показываетъ, что это двѣ вѣтви одного и того же корня; обѣ исходятъ изъ однихъ началъ и одинаково имѣютъ въ виду разрушеніе всего существующаго. Пока сплотившійся пролетаріатъ сдерживается страхомъ, онъ, въ лицѣ своихъ вожаковъ, можетъ прикидываться политическою партіей; какъ скоро онъ получаетъ силу въ руки, онъ становится чистымъ орудіемъ разрушенія. Терроръ 1793 года, Іюньскіе дни и ужасы парижской Коммуны доказали это съ очевидностью. Если первый находитъ объясненіе въ политическихъ условіяхъ того времени, въ ожесточенной борьбѣ, возгорѣвшейся при отмѣнѣ стараго порядка, въ необходимости раздавить внутреннихъ враговъ, чтобы дать отпоръ внѣшнему неріятелю, то послѣднія явленія не находятъ уже ни малѣйшаго оправданія: тутъ не было ни внѣшней, ни внутренней опасности; не было даже спорныхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ бы разгорѣлась борьба, а просто проявлялись звѣрскіе инстинкты разнузданной массы. Это—факты, которыхъ нельзя вычеркнуть изъ исторіи. Рабочій пролетаріатъ, руководимый пролетаріатомъ умственнымъ, теоретически является носителемъ самыхъ безумныхъ ученій, а переходя въ дѣйствіе, становится звѣремъ. Такимъ онъ показалъ себя въ самыхъ образованныхъ странахъ міра; чего же можно ожидать въ остальныхъ?

Изъ этого ясно, что соціальный вопросъ, какъ онъ нынѣ ставится въ Европѣ, имѣютъ двѣ существенно разныя стороны, экономическую и умственную, съ которою связана и нравственная: хозяйственное положеніе рабочаго класса и то умственное состояніе, которое дѣлаетъ его жертвою нелѣпыхъ ученій. Обѣ стороны вопроса требуютъ разрѣшенія; ибо гдѣ есть борьба, тамъ долженъ быть и выходъ. Составляя условіе развитія, борьба все-таки не есть цѣль, а средство; цѣль же состоитъ въ высшемъ примиреніи противоположностей. Задача человѣческаго разума состоитъ въ томъ, чтобы сознать эту цѣль и держаться того пути, который къ ней ведетъ.

Мы видѣли, что въ древности, при рабовладѣльческомъ хозяйствѣ, изъ этой борьбы не было исхода. Только отвлеченная государственная власть, воздвигаясь надъ борющимися классами, могла сдерживать ихъ въ должныхъ границахъ и указывать каждому подобающее ему мѣсто въ цѣломъ. Въ новомъ мірѣ напротивъ, при свободѣ экономическаго труда, исходъ прямо указывается жизнью. Онъ состоитъ въ развитіи посредствующихъ звеньевъ, связывающихъ крайности, то-есть, среднихъ классовъ. Всякое разумное примиреніе противоположностей состоитъ именно въ развитіи связующихъ элементовъ, которые, идя въ разнообразныхъ сочетаніяхъ отъ одной крайности къ другой, представляютъ высшее ихъ соглашеніе. На почвѣ экономической свободы

повторяется общій законъ человѣческаго развитія. На первыхъ порахъ, при появленіи новыхъ промышленныхъ силъ, выдвигаются крайности: первобытныя мелкія производства падаютъ и замѣняются фабричною промышленностью; съ этимъ вмѣстѣ является противоположеніе крупныхъ капиталовъ и рабочаго пролетаріата. Но какъ скоро промышленное движеніе входитъ въ нормальную колею, распространяя благосостояніе въ массахъ, такъ въ возрастающей прогрессіи развиваются именно среднія состоянія. Крупныя богатства дробятся естественнымъ ходомъ вещей, и если при открытіи новыхъ поприщъ они вновь образуются въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, то они уже не дѣйствуютъ въ-одиночку, а призываютъ на помощь среднія состоянія, которыя одни, массою своихъ сбереженій, способны доставить средства крупнымъ акціонернымъ компаніямъ, затѣвающимъ новыя предпріятія. Этотъ неудержимый ростъ среднихъ состояній составляетъ характеристическую черту нашего времени. Статистика не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія *). Всѣ толки о томъ, что экономическая свобода ведетъ къ безмѣрному обогащенію однихъ и къ обѣднѣнію другихъ, лишены фактическаго основанія. Исходя отъ частныхъ явленій, они упускаютъ изъ вида общій неотразимый ходъ экономической жизни. Статистика свидѣтельствуетъ и о крупномъ подъемѣ благосостоянія рабочаго класса въ нынѣшнемъ столѣтіи, именно при господствѣ экономической свободы. И въ этомъ фактическія изслѣдованія не оставляютъ никакого сомнѣнія. Джиффенъ расчитывалъ, что за сорокъ лѣтъ, отъ 1843 до 1883 г., доходъ капиталистовъ увеличился на 100 процентовъ, а заработокъ рабочихъ на 160 процентовъ. Первый въ 1883 году равнялся 400 милліоновъ фунтовъ, а послѣдній 620 милліоновъ **). И этотъ прогрессъ идетъ все возрастая. Чѣмъ болѣе понижается процентъ съ капитала, тѣмъ болѣе ростетъ заработная плата.

Слѣдовательно, исходъ борьбы найденъ. Съ экономической точки зрѣнія вопросъ вполнѣ разрѣшается свободою, которая сама собою ведетъ къ развитію среднихъ классовъ и къ поднятію общаго уровня.

Противъ этого могутъ возразить, что это процессъ медленный, а нужды пролетаріата настоятельны и требуютъ врачеванія. Но гдѣ же мѣрило быстроты человѣческаго развитія? Всякій прогрессъ совер-

---

*) См. указанное выше сочиненіе Леруа-Болье: *Essai sur la Répartition des richesses*, и мое сочиненіе: *Собственность и Государство* ч. II, стр. 109 и слѣд. См. также рѣчь англійскаго министра финансовъ Гошена о результатахъ подоходнаго налога за десятилѣтіе 1873—1883 г. и цифры, приведенныя статистикомъ Джиффеномъ въ 1883 г. Times Weekly Ed. 23 Ноября.

**) См. приведенную выше рѣчь.

шается медленно и постепенно; если движущей силѣ дать искусственный толчокъ, то она, по присущему ей закону, возвратится назадъ и будетъ колебаться до тѣхъ поръ, пока достигнется состояніе устойчиваго равновѣсія. На почвѣ свободы возможны и всякія улучшенія, ведущія къ подъему рабочаго класса, какъ-то: промышленныя товарищества, потребительныя и даже производительныя, участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія, страхованіе и пенсіонныя кассы, наконецъ самое широкое развитіе благотворительности. Не въ измѣненіи юридическаго порядка, а въ дальнѣйшемъ развитіи экономическихъ и нравственныхъ силъ лежитъ вся экономическая будущность человѣческихъ обществъ. Юридическій порядокъ, который есть порядокъ формальный, совершилъ свое дѣло, когда онъ установилъ право общее и равное для всѣхъ. Затѣмъ, подъ этою охраною, открывается самое широкое поприще движенію свободныхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ все дальнѣйшее преуспѣяніе.

Но если на чисто экономической почвѣ соціальный вопросъ вполнѣ разрѣшается свободою, то этимъ не разрѣшается вопросъ умственный и нравственный. Напротивъ, чѣмъ выше поднимается экономическій уровень рабочихъ классовъ, тѣмъ они становятся притязательнѣе и тѣмъ менѣе они готовы довольствоваться своимъ настоящимъ положеніемъ и дожидаться медленнаго улучшенія въ будущемъ. Чѣмъ больше имъ предоставляется правъ, тѣмъ болѣе они склонны воспользоваться ими для того, чтобы захватить власть въ свои руки и обратить ее въ орудіе ограбленія зажиточныхъ классовъ. Для человѣка, который съ научной точки зрѣнія изслѣдуетъ различныя стороны общественнаго быта и умѣетъ связывать свои мысли, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что соціализмъ есть экономическій, юридическій, нравственный и политическій абсурдъ; но какъ убѣдить въ этомъ массы, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о наукѣ, и вожаковъ, воображающихъ себя пророками, призванными возвѣстить человѣчеству невѣдомыя доселѣ начала? Фактическаго доказательства нелѣпости соціалистическихъ мечтаній представить нельзя, ибо въ дѣйствительности соціализмъ никогда не осуществлялся и не можетъ осуществиться. Еслибы даже ему удалось гдѣ либо получить перевѣсъ и временно произвести полное разрушеніе общественнаго быта, за чѣмъ, разумѣется, послѣдуетъ еще болѣе сильная реакція, то все же онъ можетъ оправдываться тѣмъ, что обстоятельства были неблагопріятны, и утверждать, что при лучшихъ условіяхъ ему удастся наконецъ осчастливить человѣческій родъ. При отсутствіи всякой почвы, фантазировать можно сколько угодно. Гдѣ нѣтъ фактическаго доказательства, тамъ, по выраженію Милля, люди съ самыми обширными

научными свѣдѣніями разсуждають иногда такимъ же жалкимъ образомъ, какъ и круглый невѣжда; чего же ожидать отъ чуждыхъ всякому образованію массъ? И вотъ мы видимъ то удивительное явленіе, что парижская чернь, произведшая ужасы Коммуны, считаетъ себя высшимъ цвѣтомъ человѣчества, а недоученые нигилисты, у которыхъ въ головѣ нѣтъ ничего, кромѣ цѣликомъ проглоченныхъ нелѣпостей Карла Маркса, видятъ въ себѣ провозвѣстниковъ идеальнаго будущаго, призванныхъ обновить человѣческія общества!

Лѣкарство противъ этого зла, составляющаго величайшую язву современнаго міра, заключается только въ развитіи просвѣщенія. Накипѣвшій въ Европѣ соціальный вопросъ есть въ сущности вопросъ не экономическій, а умственный и нравственный. Экономически, какъ сказано, онъ разрѣшается свободою, которая ведетъ къ постепенному улучшенію быта рабочаго класса; но для умственнаго и нравственнаго исправленія требуется работа совершенно инаго рода. Тутъ необходимо дѣйствіе тѣхъ духовныхъ силъ, которыя призваны направлять человѣчество. Соціализмъ тогда только будетъ побѣжденъ, когда человѣку, сколько-нибудь причастному образованію, будетъ также совѣстно признать себя соціалистомъ, какъ совѣстно признать себя послѣдователемъ народнаго повѣрья, что земля стоитъ на четырехъ китахъ. А для достиженія этой цѣли нужно не только постепенное развитіе образованія въ среднихъ и низшихъ слояхъ, но и умноженіе того умственнаго капитала, который составляетъ его источникъ. Къ несчастью, именно въ этомъ отношеніи современное просвѣщеніе представляетъ самыя существенныя прорѣхи. Весь умственный капиталъ, унаслѣдованный отъ предшествующихъ поколѣній, кинутъ за бортъ, и работа начата съизнова, исходя отъ фактовъ. Но доселѣ она привела только къ полному хаосу понятій. Всѣ коренныя основы, на которыхъ строились человѣческія общества, расшатаны, а новаго и прочнаго не выработано ничего. Нѣтъ, можно сказать, ни одного существеннаго начала, на которомъ бы сходились люди, стоящіе во главѣ современнаго просвѣщенія; самые коренные запросы человѣческой души, тѣ, отъ которыхъ зависитъ все нравственное существованіе человѣка, объявляются неразрѣшимыми. Въ результатѣ получается только полное разочарованіе въ самой жизни, или же строятся фантастическія утопіи, которыя должны въ будущемъ замѣнить слишкомъ тяжелое настоящее. Въ такой средѣ соціалистическія бредни обрѣтаютъ готовую почву. При хаотическомъ броженіи умовъ, самые дикіе вымыслы, говорящіе страстямъ, находятъ отголосокъ и собираютъ вокругъ себя сплоченныя массы, не встрѣчая надлежащаго отпора. Отсюда успѣхи соціализма. Они коренятся не въ собственной его

силѣ, а въ дряблости тѣхъ элементовъ, которые призваны ему противодѣйствовать.

Такимъ образомъ, экономическія воззрѣнія, господствующія въ обществѣ, находятся въ зависимости отъ дѣйствующихъ въ немъ духовныхъ силъ. Но изслѣдованіе этихъ силъ выходитъ уже изъ области экономической науки. Вынуждаемые самимъ предметомъ, который обнаруживаетъ связь разнородныхъ явленій въ дѣйствительной жизни, новѣйшіе экономисты пытаются изъ чисто экономической сферы перейти въ область права, нравственности и государства; но тутъ они обнаруживаютъ только полную свою несостоятельность. Для раскрытія началъ, господствующихъ въ высшихъ сферахъ человѣческаго духа, нужны изслѣдованія совершенно другаго рода. Они составляютъ задачу общественной науки, которая имѣетъ въ виду изучить различные факторы, входящіе въ составъ общественной жизни, и показать ихъ вліяніе на устройство и развитіе общества. Кромѣ экономическихъ интересовъ, есть интересы духовные, которые имѣютъ самостоятельную природу и свойства, а потому требуютъ особаго изслѣдованія.

Къ нимъ мы теперь и переходимъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Духовные интересы.

ГЛАВА I.

Религія.

Изъ всѣхъ духовныхъ интересовъ человѣка, религія есть тотъ, который является наиболѣе могущественнымъ факторомъ общественной жизни. Она имѣетъ самое сильное вліяніе на массы. Въ исторіи она производила самые глубокіе перевороты. Появленіе христіанства было поворотною точкой въ исторіи человѣчества.

Въ наукѣ объ обществѣ изслѣдованіе этого элемента должно быть ведено, конечно, не съ точки зрѣнія того или другаго вѣроисповѣданія, а чисто объективно, съ точки зрѣнія науки, изучающей явленія и объясняющей ихъ значеніе въ общественной жизни и ихъ вліяніе на ходъ событій. Субъективно, каждый можетъ исповѣдывать ту или другую вѣру по указаніямъ своего разума и своей совѣсти; онъ можетъ даже не исповѣдывать никакой, что однако не дѣлаетъ его болѣе безпристрастнымъ. Объективно, всякое вѣроисповѣданіе изучается со стороны тѣхъ дѣйствій, которыя оно производило или производитъ на общество.

Разсматривая религію въ ея совокупности, мы должны прежде всего признать, что она отвѣчаетъ кореннымъ потребностямъ человѣческой души. Всеобщность этого явленія, всеохватывающая мощь религіозныхъ движеній, ихъ вліяніе на судьбы человѣчества показываютъ, что религія есть духовная сила, коренящаяся въ глубочайшихъ основахъ человѣческаго естества. И это вліяніе не ограничивается низшими слоями, непричастными образованію; оно охватываетъ и просвѣщенные классы; оно покоряетъ самые сильные умы. Христіанство явилось среди высокой культуры греко-римскаго міра, когда человѣческій умъ во всѣхъ отрасляхъ проявлялъ свою пытливую дѣя-

тельность, когда искусство стояло на недосягаемой доселѣ степени совершенства, когда процвѣтали философскія школы самыхъ разнородныхъ направленій, отъ высокаго идеализма Платона и Аристотеля до чистаго матеріализма Епикурейцевъ. И не только униженныя и угнетенныя массы жадно воспринимали слово обѣтованія: ему смиренно внимали самые гордые цари; ему подчинялись величайшіе умы, извѣдавшіе всю глубину знанія и мысли, какъ, напримѣръ, Бл. Августинъ. И въ новое время глубочайшіе мыслители, геніи, двигавшіе науку и раскрывавшіе всеобъемлющіе законы природы, какъ Паскаль, Ньютонъ, Лейбницъ, Шеллингъ, были вмѣстѣ и глубоко религіозные люди. Отецъ эмпирической философіи новаго времени, Бэконъ, говорилъ, что немного философія отвращаетъ отъ религіи, а болѣе основательная философія возвращаетъ къ религіи. При такихъ фактахъ, видѣть въ религіи лишь плодъ невѣжества или отжившій предразсудокъ можно только при крайне поверхностномъ взглядѣ на вещи. Съ самыхъ первыхъ ступеней своего духовнаго существованія, человѣкъ инстинктивно ищетъ Бога и стремится къ нему всею душой. Сначала онъ поклоняется ему въ явленіяхъ природы, которыя поражаютъ его своимъ величіемъ; затѣмъ, возвышаясь разумомъ надъ мимолетными явленіями, онъ восходитъ къ абсолютнымъ началамъ бытія, которыхъ власть онъ признаетъ надъ собою. Какъ ограниченное существо, онъ никогда не можетъ обнять ихъ вполнѣ; но онъ постепенно приближается къ нимъ, очищая и возвышая свои понятія по мѣрѣ развитія своихъ духовныхъ силъ.

Анализъ человѣческаго мышленія убѣждаетъ насъ, что этотъ фактическій процессъ происходитъ въ силу неотразимыхъ требованій разума. По законамъ логики, все относительное имѣетъ основаніе въ абсолютномъ; все, что зависитъ отъ другаго, предполагаетъ нѣчто, зависящее только отъ себя. Это и есть бытіе самосущее, или абсолютное. Существованіе этого понятія въ человѣческомъ разумѣ есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію; если же есть понятіе, и притомъ необходимое, то есть и познаніе, то-есть, опредѣленіе этого понятія. Признавать, что человѣкъ имѣетъ понятіе объ абсолютномъ, но что оно непознаваемо, есть логическое противорѣчіе. Познаніе дается тѣмъ самымъ процессомъ мысли, который приводитъ къ понятію. Если бытіе самосущее признается источникомъ всякаго относительнаго бытія, то оно опредѣляется, какъ сила производящая. Если все отъ него зависитъ, то оно всему даетъ законъ; а такъ какъ чистый законъ, выражающій необходимость, является въ сознаніи разума, то бытіе самосущее тѣмъ самымъ опредѣляется, какъ верховный разумъ, управляющій міромъ. Наконецъ, заключая въ себѣ всю полноту бы-

тія, бытіе самосущее представляется и высшимъ совершенствомъ: отъ него все исходитъ, къ нему же все возвращается; съ этой точки зрѣнія, оно опредѣляется какъ начало конечное. Такимъ образомъ, эти три верховныя опредѣленія абсолютнаго бытія, причина производящая, или начальная Сила, причина формальная, или верховный Разумъ, и причина конечная, или Духъ, все сводящій къ конечному совершенству, представляются какъ начало, средина и конецъ всего сущаго. Къ этому присоединяется четвертая причина—матеріальная, составляющая начало всего дробнаго и относительнаго. Человѣческій разумъ, устремленный на познаніе вещей, въ силу присущихъ ему законовъ, необходимо приходитъ къ этимъ опредѣленіямъ. Они лежатъ въ основаніи всѣхъ философскихъ и религіозныхъ системъ, которыя когда-либо существовали въ мірѣ. Различіе этихъ системъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что дается преобладаніе тому или другому началу *).

Но религія не ограничивается раціональными опредѣленіями Абсолютнаго; она ставитъ человѣка въ живое къ нему отношеніе. И это вполнѣ согласно съ требованіями разума. Если существуетъ Абсолютное, какъ живая сила, отъ которой зависитъ все относительное, то есть и реальное взаимодѣйствіе между тѣмъ и другимъ, слѣдовательно между человѣкомъ и Божествомъ. Абсолютное не является внѣшнимъ чувствамъ, которымъ доступно только частное, матеріальное бытіе; но оно открывается духовному взору человѣка, и здѣсь оно охватываетъ его всецѣло, подчиняя себѣ не только его разумъ, но и чувство и волю. Прежде нежели человѣкъ начинаетъ философствовать, онъ всѣмъ существомъ своимъ стремится къ Божеству, въ силу необходимаго внутренняго влеченія, составляющаго самую глубокую основу человѣческой природы. Это инстинктивное влеченіе разума есть *вѣра*; она выражается вознесеніемъ чувства въ *молитвѣ* и преклоненіемъ воли въ *жертвѣ*, символически совершаемой религіозными обрядами, а внутренно состоящей въ самоотреченіи. Таковы существенныя принадлежности всякой религіи. Но это живое духовное взаимодѣйствіе естественно принимаетъ различныя формы, смотря по свойствамъ и развитію воспринимающаго существа. Чѣмъ ниже умственное состояніе человѣка, тѣмъ менѣе онъ способенъ понимать Абсолютное и тѣмъ менѣе оно ему раскрывается. Отсюда дикія и безобразныя формы религіознаго поклоненія, которыя встрѣчаются на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія. Ихъ уродливость состоитъ именно въ коренномъ противорѣчіи между высокимъ

---

*) См. мое сочиненіе *Основанія логики и метафизики*. Ср. также *Наука и Религія* и *Положительная философія и единство науки*.

внутреннимъ стремленіемъ и тѣми низменными понятіями, въ которыхъ оно выражается. Но чѣмъ болѣе просвѣтляется разумъ, тѣмъ болѣе очищается самое богопочитаніе, тѣмъ полнѣе раскрывается человѣку Божество. Когда человѣкъ доходитъ до философскаго пониманія Абсолютнаго, религіозныя вѣрованія становятся выраженіемъ глубочайшихъ метафизическихъ системъ. Таковыми представляется браманизмъ, буддизмъ и наконецъ христіанство.

Понятно, что дѣйствуя не только на разумъ, но и на чувство и волю, религія имѣетъ самое сильное вліяніе на все существо человѣка. Отсюда громадная ея роль въ исторіи; отсюда могучее ея дѣйствіе на народныя массы. Человѣкъ всѣми силами души привязывается къ тому, что составляетъ для него верховное начало бытія, источникъ всей его жизни. Религіей связывается и направляется человѣческая совѣсть. Поэтому она является высшею нравственною силою на землѣ. Отсюда выдающееся ея значеніе для всего общественнаго быта.

Можно сказать, что для массъ религія всегда была и останется единственнымъ мѣриломъ нравственныхъ требованій. Нравственный законъ существуетъ и отдѣльно отъ религіи; онъ вытекаетъ изъ самой природы человѣка, какъ разумно-свободнаго существа. Разумъ раскрываетъ человѣку общій законъ, по которому онъ долженъ дѣйствовать, а внутренняя свобода даетъ ему возможность согласовать съ этимъ закономъ свои поступки. У человѣка есть и внутреннее инстинктивное мѣрило для оцѣнки дѣйствій и побужденій; *совѣсть* указываетъ ему различіе добра и зла. Однако это руководящее начало далеко не всегда обладаетъ достаточною силой для направленія человѣческихъ дѣйствій. Какъ показываетъ всемірный опытъ, влеченія и страсти нерѣдко заглушаютъ его голосъ. Чтобъ укрѣпить совѣсть, нужно дать ей опору въ тѣхъ высшихъ началахъ, отъ которыхъ она сама получаетъ свое бытіе. Надобно связать ее съ совокупнымъ міросозерцаніемъ, выяснить ея отношеніе къ метафизической природѣ человѣка, который призванъ не подчиняться влеченіямъ, а возвышаться надъ ними и ставить себѣ цѣлью абсолютное и вѣчное. А это выясненіе можетъ быть только дѣломъ философіи или религіи. Иного пути для утвержденія нравственности не существуетъ. Эмпирическая нравственность не есть нравственность, а чистая путаница понятій. Нравственность не есть фактъ, а требованіе. Фактъ тотъ, что человѣкъ обыкновенно повинуется своимъ влеченіямъ и ищетъ своего личнаго удовольствія или пользы, а требованіе состоитъ въ томъ, чтобъ онъ этого не дѣлалъ, а подчинялся высшему закону, хотя бы это лично причиняло ему вредъ. Утвердить это требованіе на прочныхъ основахъ могутъ только философія и религія. Но

изъ этихъ двухъ сферъ, носящихъ въ себѣ сознаніе нравственныхъ началъ, первая для массы совершенно недоступна. Философское мышленіе требуетъ такого умственнаго развитія, нужно такъ много труда, чтобы составить себѣ связное міросозерцаніе, что оно всегда было и будетъ удѣломъ лишь высоко образованнаго меньшинства. Для огромнаго же большинства человѣческаго рода высшею нравственною опорою всегда была и останется религія, которая одинаково говоритъ сердцу каждаго и раскрываетъ истины понятныя простѣйшимъ умамъ. Поэтому, какъ скоро въ массахъ расшатываются религіозныя вѣрованія, такъ въ нихъ исчезаютъ и всякіе нравственные устои. Соціалъ-демократія провозглашаетъ атеизмъ основою своего міросозерцанія, но именно поэтому она представляетъ полное извращеніе всѣхъ нравственныхъ началъ: подъ именемъ любви она проповѣдуетъ зависть и ненависть; она возбуждаетъ вражду классовъ и стремится къ разрушенію всего общественнаго строя. И тѣ, которые противъ нея борются на чисто свѣтской почвѣ, тщетно ищутъ опоры въ гражданской нравственности помимо религіи. Сухая нравственная проповѣдь, лишенная своихъ метафизическихъ основъ, не удовлетворяетъ разума и не въ состояніи направить совѣсть. Она годна для прописей, но не можетъ воспитывать гражданъ. Отсюда нравственное безплодіе современной французской свѣтской школы.

Вліяніе религіи на человѣческую жизнь не всегда однако имѣетъ одинакую силу. Есть эпохи въ исторіи, которыя характеризуются возбужденіемъ религіознаго духа, и другія, въ которыхъ, напротивъ, этотъ духъ слабѣетъ, уступая мѣсто чисто свѣтскому развитію общественныхъ элементовъ. Первыя эпохи можно назвать синтетическими, вторыя аналитическими. Въ первыхъ господствуетъ цѣльное міросозерцаніе, охватывающее весь общественный бытъ и дающее ему характеръ неподвижности, во вторыхъ развивается разнообразіе и проявляется движеніе общественныхъ элементовъ. Это по преимуществу времена прогресса.

Начало исторіи обозначается именно нераздѣльнымъ владычествомъ религіи. Можно сказать, что религія была воспитательницею человѣческаго рода. И это понятно. На первыхъ ступеняхъ развитія господствуетъ слитность всѣхъ элементовъ духа. Содержась въ инстинктивной цѣльности духовнаго бытія, они только постепеннымъ процессомъ выдѣляются изъ этой общей основы и образуютъ свои самостоятельные міры. Эта первобытная цѣльность составляетъ настоящую почву для религіи, которая, взывая къ глубочайшимъ инстинктамъ человѣческаго разума и человѣческаго сердца, возводитъ ихъ къ верховнымъ началамъ бытія и кладетъ свою печать на всю человѣческую жизнь.

Таковъ былъ характеръ древняго Востока, представляющаго колыбель человѣческаго рода; такимъ онъ остается и доселѣ, какъ живой памятникъ минувшихъ временъ. Въ немъ господствуютъ величавыя, но вмѣстѣ неподвижныя и неизмѣнныя теократіи.

Историческое движеніе начинается въ классическомъ мірѣ, который, отрѣшаясь отъ теократическихъ основъ, первый далъ самостоятельное развитіе всѣмъ разнообразнымъ элементамъ человѣческаго духа — наукѣ, искусству, праву, государственной жизни. Здѣсь лежитъ начало всего свѣтскаго просвѣщенія, того, что составляетъ высокое и неотъемлемое достояніе современнаго человѣчества. Только развиваясь самостоятельно и образуя каждый свой собственный міръ, управляемый своими началами и находящійся въ свободномъ взаимодѣйствіи съ другими, эти разнообразные элементы могли проявить все, что въ нихъ заключается, и черезъ это дать человѣческой жизни надлежащую полноту. Но именно вслѣдствіе своего разобщенія они не въ состояніи были водворить въ ней цѣльность и связность. Для этого потребовался новый религіозный синтезъ, который и явился въ христіанствѣ. Такимъ образомъ, свѣтское развитіе древняго міра привело къ новому господству религіозныхъ началъ. Этимъ характеризуются средніе вѣка.

Однако этотъ новый религіозный синтезъ не былъ похожъ на прежній. Древнія религіи были, можно сказать, выраженіемъ первобытнаго единства; онѣ охватывали человѣка всецѣло, опредѣляли всѣ подробности его жизни, не оставляя мѣста для свободы и движенія. Христіанство, напротивъ, обнимаетъ только высшую, нравственную сторону человѣка, которую оно выдѣляетъ изъ другихъ элементовъ. Отрѣшаясь отъ земныхъ стремленій, оно указываетъ людямъ на будущую жизнь, на спасеніе души. Религіозный союзъ отдѣляется отъ гражданскаго и образуетъ свой особый самостоятельный міръ, гдѣ господствуютъ вѣчныя, незыблемыя начала, въ противоположность превратностямъ земнаго бытія. Царство Божіе, съ присущею ему вѣчною правдой, противополагается царству мірскому, гдѣ господствуетъ зло, то-есть не прерывающаяся борьба частныхъ силъ и страстей. Это раздвоеніе составляетъ основаніе всего средневѣковаго міросозерцанія.

Такое существенное отличіе христіанскаго синтеза отъ древнихъ объясняется самымъ различіемъ ихъ содержанія. Религіи древняго міра были, можно сказать, познаніемъ или откровеніемъ Бога въ природѣ. Величіе окружающихъ явленій и собственная судьба человѣка, какъ земнаго существа, вели его къ признанію высшаго, владычествующаго надъ всѣмъ начала, и какъ разнообразны были пред-

меты, поражающіе его взоры, такъ разнообразно было и самое пониманіе этого верховнаго начала. Вращающіяся въ неизмѣнномъ порядкѣ свѣтила приводили къ понятію о небесномъ Богѣ, какъ верховномъ Разумѣ, дающемъ всему законъ. Таковымъ доселѣ представляется Божество въ глазахъ Китайцевъ. Жизнь, разлитая во всей вселенной, рождала понятіе о Духѣ, присущемъ міру и проявляющемся въ безконечномъ разнообразіи формъ; отсюда пантеистическія религіи Индіи и Египта. А съ другой стороны, измѣнчивость явленій, порождаемая борьбою естественныхъ силъ, и въ особенности превратности отданнаго имъ на жертву человѣческаго существованія заставляли преклоняться передъ верховною Силою, владычествующею въ мірѣ и располагающею жизнью и участью людей. Таково было воззрѣніе Семитовъ. Наконецъ и матеріальное начало, источникъ всего частнаго и дробнаго, находило представителя въ женскомъ божествѣ, въ Матери - Природѣ, рождающей тѣ разнообразныя индивидуальныя силы, которыя, владычествуя каждая въ своей сферѣ, сочетаются однако въ общемъ гармоническомъ строѣ вселенной. Въ этомъ состояла сущность міросозерцанія классическихъ народовъ. Каждое изъ этихъ началъ, въ свою очередь, будучи связано съ другими и заключая ихъ въ себѣ, какъ подчиненные моменты, представляло возможность самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненій и сочетаній. Отсюда необыкновенная полнота и многообразіе древнихъ вѣрованій. Они представляютъ цѣлый міръ самыхъ разнородныхъ міросозерцаній, связанныхъ однако общимъ закономъ, подобно тому, что представляютъ намъ философскія системы, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Каждый народъ, сообразно съ своимъ характеромъ и съ своею исторіей, подходитъ по своему къ пониманію Божества. Многіе, какъ напримѣръ Египтяне, проходили черезъ различныя ступени религіознаго міросозерцанія. Нѣкоторыя изъ этихъ религій, по своему болѣе общечеловѣческому характеру, получали и болѣе широкое распространеніе. Такъ напримѣръ, буддизмъ, изгнанный изъ своего отечества, Индіи, широко распространился среди другихъ азіатскихъ племенъ. Но вообще, древнія религіи были, по преимуществу, религіи народныя. Вытекая изъ народнаго духа, онѣ сковывали всю общественную и частную жизнь въ неподвижныя и неизмѣнныя формы. Таковъ ихъ отличительный характеръ. Менѣе всего этотъ характеръ принадлежалъ тѣмъ религіямъ, которыя отличались наименьшею глубиной, именно господствовавшему въ классическомъ мірѣ поклоненію индивидуальнымъ, производнымъ божествамъ. И оно носило на себѣ чисто національный отпечатокъ; но среди разнообразія предметовъ поклоненія, которые сами получали человѣческій обликъ, оно оставляло

болѣе мѣста для человѣческой свободы. Поэтому отсюда началось свѣтское развитіе *).

Совершенно иными свойствами отличается христіанство. Оно вовсе не касается отношеній Бога къ природѣ. Изъ всѣхъ религій древняго міра оно признало единственно ту, въ которой всего болѣе было человѣческаго, которая представляла поклоненіе Богу Силы, владычествующему въ судьбахъ избраннаго имъ народа. Но оно эту религію отрѣшило отъ всего народнаго и дало ему совершенно новое содержаніе. Вся сущность христіанства заключается въ разрѣшеніи нравственныхъ вопросовъ: о грѣхѣ, объ искупленіи, о спасеніи души, о наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни. Можно сказать, что оно представляетъ откровеніе Бога въ нравственномъ мірѣ. Но по этому самому, христіанство есть религія общечеловѣческая. Нравственные вопросы одинаково касаются всѣхъ и понятны всѣмъ. Христіанское братство и связанная съ нимъ нравственная солидарность человѣческаго рода, выражающаяся въ искупленіи, обнимаетъ всѣхъ людей безъ исключенія. Христосъ отдалъ себя въ жертву для спасенія всѣхъ, кто въ Него вѣруетъ, безъ различія племенъ и народовъ. Вслѣдствіе этого, Евреи, какъ чисто восточный народъ, отвергли эту религію, возникшую въ ихъ собственныхъ нѣдрахъ, также какъ браманы отвергли буддизмъ. Они остались вѣрны тому великому Завѣту, который воспитывалъ ихъ народность съ самой ея колыбели и охранялъ ее среди всѣхъ превратностей земныхъ судебъ. Въ этомъ состоитъ ихъ нравственное величіе, но вмѣстѣ и ихъ ограниченность. Рожденная среди нихъ новая религія нашла, напротивъ, благодарную почву у тѣхъ племенъ, которыя развитіемъ свѣтскаго образованія были подготовлены къ воспринятію общечеловѣческихъ началъ. Христіанство сдѣлалось религіей всѣхъ новыхъ народовъ. Черезъ это оно явилось величайшею историческою силой; оно составляетъ поворотную точку въ исторіи человѣчества.

Этотъ отвлеченно-нравственный, общечеловѣческій характеръ христіанства и былъ причиною того раздвоенія, которое обнаружилось въ средневѣковомъ міросозерцаніи. Христіанская церковь выдѣлилась изъ міра, какъ царство Божіе, имѣющее главою Христа; свѣтская же область была предоставлена собственному теченію: здѣсь господствовало право силы, борьба страстей; здѣсь происходили беспрерывныя войны, которыя вели къ угнетенію слабыхъ. Съ высоты своего незыблемаго величія, церковь пыталась однако воздѣйствовать на этотъ волнующійся міръ, подчинить его высшему нравственному закону. Но

*) См. далѣе: Книги пятой главу I.

въ этомъ именно обнаружилось коренное противорѣчіе между требованіями и средствами. Нравственное начало, основанное на внутреннемъ самоопредѣленіи разумнаго существа, есть, по самой своей сущности, начало свободное. Нравственный законъ обращается къ совѣсти и не подлежитъ принужденію, которое составляетъ принадлежность закона юридическаго, опредѣляющаго внѣшнюю свободу. Также свободно и вознесеніе души къ Богу, составляющее сущность всякой религіи. Между тѣмъ, чтобы воздѣйствовать на волнующійся міръ страстей и подчинить его нравственному закону, средневѣковая церковь обращалась не только къ проповѣди, но и къ принужденію. Она хотѣла подчинить себѣ и человѣческую мысль и самую гражданскую область. Еретиковъ и вольнодумцевъ сжигали на кострахъ; противъ зараженныхъ ересью племенъ воздвигались крестовые походы; потоки крови лились во имя заповѣди милосердія и любви. Непокорные церковной власти князья отлучались отъ церкви и подданные разрѣшались отъ повиновенія. Все это кореннымъ образомъ противорѣчило завѣтамъ Христа, который говорилъ, что Его царство не отъ міра сего. Человѣческая мысль, воспитанная всѣмъ предшествующимъ свѣтскимъ развитіемъ, наконецъ возмутилась; и государи и подданные отказали въ повиновеніи. Между церковною властью и свѣтскими элементами началась борьба, которая кончилась побѣдой послѣднихъ. Церковь потеряла свое первенствующее положеніе въ мірѣ; она перестала быть руководительницею человѣческихъ обществъ въ историческомъ ихъ движеніи. Всѣ свѣтскіе элементы, наука, искусство, право, государство, снова обрѣли свою независимость и стали развиваться чисто изнутри себя, на основаніи собственныхъ началъ, помимо всякихъ указаній религіи. Начался новый періодъ чисто свѣтскаго развитія, составляющій характеристическую черту новой исторіи. Поклонники церковнаго владычества объ этомъ сокрушаются, считая это отпаденіе отъ церкви непозволительнымъ своеволіемъ человѣческаго ума; защитники свободы и свѣтскаго образованія, напротивъ, радуются предоставленному имъ простору, въ которомъ они видятъ источникъ всѣхъ благъ. Во всякомъ случаѣ, это историческій фактъ, который не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но переставши быть руководительницею человѣчества на пути историческаго развитія, церковь не потеряла своей власти надъ умами. Въ христіанствѣ заключаются нравственныя начала, которыя отвѣчаютъ вѣчнымъ потребностямъ человѣческаго духа. Поэтому мы видимъ, что, не смотря на яростные нападки разума, возмущеннаго церковными притязаніями или увлекающагося односторонними теоріями, христіанская церковь стоитъ непоколебима. Послѣ періодовъ времен-

наго затмѣнія настаютъ эпохи, въ которыя исповѣдуемыя ею ученія овладѣваютъ умами съ обновленною силой. Потерявъ свое первенствующее положеніе, религія остается однимъ изъ самыхъ существенныхъ факторовъ общественной жизни.

Наибольшое вліяніе она оказываетъ на народныя массы. Выше мы уже видѣли, что для низшихъ слоевъ народонаселенія религія составляетъ, можно сказать, единственную духовную пищу. Но изъ всѣхъ религій именно христіанство всего болѣе обращается къ униженнымъ и обездоленнымъ. Оно провозглашаетъ всѣхъ людей братьями и признаетъ одинакое человѣческое достоинство въ богатыхъ и бѣдныхъ, въ знатныхъ и темныхъ; оно сулитъ утоленіе скорбей и утѣшеніе плачущимъ; оно гласитъ, что въ царствіи Божьемъ послѣдніе будутъ первыми, что высшее призваніе состоитъ въ служеніи ближнимъ и наибольшій подвигъ въ самоотверженіи; оно вѣщаетъ, что богатому такъ же трудно войти въ царство Божіе, какъ канату пройти сквозь иголочное отверстіе, между тѣмъ какъ нищій Лазарь послѣ смерти покоится на лонѣ Авраама. Помощь страждущимъ, подаяніе нищимъ, утѣшеніе скорбящихъ сдѣлались высшими подвигами христіанскихъ душъ. Благотвореніе приняло самые широкіе размѣры. Вдохновляясь словами братства и любви, многіе христіанскіе проповѣдники отстаиваютъ даже соціалистическія начала. Рядомъ съ свѣтскимъ соціализмомъ развивается соціализмъ христіанскій.

Послѣднее направленіе находится однако въ противорѣчіи съ истинными началами христіанской религіи. Христосъ проповѣдывалъ самоотверженіе и любовь, какъ внутреннее требованіе совѣсти, а не какъ принудительное начало общественной жизни. Весь юридическій порядокъ лежитъ внѣ сферы, опредѣляемой религіей. Высоко ставя служеніе страждущимъ и помощь неимущимъ, христіанство не говоритъ послѣднимъ, что они имѣютъ одинакое со всѣми *право* на всѣ блага жизни, а утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что въ замѣнъ недостающихъ имъ земныхъ благъ они получатъ блага небесныя, и тѣмъ болѣе могутъ питать въ себѣ эту надежду, чѣмъ терпѣливѣе они переносятъ ниспосылаемыя имъ лишенія и страданія. Провозглашая всеобщее братство и одинакое нравственное достоинство людей, оно не превозноситъ человѣка, а учитъ его смиренію и покорности; оно требуетъ отъ него уваженія къ установленнымъ властямъ, оно указываетъ ему на Провидѣніе, управляющее судьбами человѣка. Поэтому христіанская религія является главною опорой и связью всѣхъ охранительныхъ элементовъ общества. Напротивъ, она всего ненавистнѣе соціалистамъ, проповѣдующимъ разрушеніе существующаго общественнаго строя. Весь соціализмъ основанъ на возмущеніи человѣка противъ Бога и

людей, во имя личной непомѣрной гордыни, стремящейся къ усвоенію себѣ всѣхъ земныхъ благъ, но отрицающей всѣ условія земнаго существованія. Немудрено, что атеизмъ составляетъ его лозунгъ.

Понятна поэтому неизмѣримая важность христіанскихъ началъ для всего общественнаго порядка. Можно сказать, что государственная власть, объявляющая войну христіанству, не въ состояніи держаться. Однако, еслибы все значеніе религіи ограничивалось нравственнымъ обуазданіемъ массъ и удержаніемъ ихъ въ покорности обѣщаніемъ небесныхъ благъ въ замѣнъ недостающихъ имъ благъ земныхъ, то положеніе ея было бы весьма шатко. Религія, не находящая почвы въ образованныхъ классахъ, рано или поздно обречена на паденіе. Но и въ этомъ отношеніи христіанство сохраняетъ несокрушимую силу. Оно отвѣчаетъ такимъ глубокимъ потребностямъ человѣческой души, которыя въ немъ только находятъ удовлетвореніе. Страданія и скорби не составляютъ принадлежности однихъ только неимущихъ классовъ. Они одинаково постигаютъ богатыхъ и бѣдныхъ, властителей и подвластныхъ. Бренное существованіе человѣка подвержено всѣмъ случайностямъ частнаго бытія. Среди обуревающихъ его житейскихъ невзгодъ, болѣзней, смерти, физическихъ и нравственныхъ страданій, онъ находитъ опору и прибѣжище только въ живомъ общеніи съ высшею силой, обѣщающей ему утѣшеніе скорбей и душевный миръ послѣ всѣхъ треволненій земли. Христіанство даетъ прибѣжище и тѣмъ умамъ, которые среди хаоса носящихся въ обществѣ разнородныхъ мнѣній не въ состояніи выработать себѣ связное міросозерцаніе, а таково огромное большинство людей. Человѣкъ не можетъ успокоиться на скептицизмѣ. И умъ, и сердце, и воля, все требуетъ связныхъ убѣжденій, удовлетворяющихъ стремленію къ истинѣ и направляющихъ практическую дѣятельность; а гдѣ ихъ найти среди безчисленныхъ противорѣчій, которыя осаждаютъ его со всѣхъ сторонъ? Особенно въ такія эпохи, когда высшіе представители современнаго умственнаго движенія провозглашаютъ абсолютное непознаваемымъ, когда величайшіе естествоиспытатели, указывая на тѣсные предѣлы естествознанія, восклицаютъ: „ignoramus et semper ignorabimus“ *), человѣку волею или неволею остается искать прибѣжища въ религіи. Чѣмъ болѣе наука ограничивается эмпиризмомъ, чѣмъ болѣе она признаетъ недоступнымъ человѣческому разуму именно то, что составляетъ для него самое существенное и важное, вопросы о начальныхъ и конечныхъ причинахъ бытія, тѣмъ болѣе она кидаетъ человѣка въ объятія религіи, которая одна даетъ удовлетвореніе глубочайшимъ его

*) „Мы не знаемъ и никогда не будемъ знать“.

потребностямъ. Особенно сильны эти потребности у женской половины человѣческаго рода. Женщина, по своей природѣ, менѣе всего склонна къ чисто логическому сцѣплепію понятій. Преобладаніе въ ней разсудочности составляетъ ненормальное явленіе. Въ своихъ убѣжденіяхъ и въ жизни она руководится болѣе чувствомъ, нежели разумомъ. Она воспринимаетъ истину всѣмъ существомъ своимъ, а не въ силу логическихъ выводовъ. Поэтому религія всегда находила въ ней самую крѣпкую привязанность и поддержку. Даже во времена безвѣрія женщины остаются непоколебимо вѣрны своему религіозному идеалу, а это имѣетъ громадное вліяніе на весь семейный бытъ и на самое общество.

Но и всего этого мало. Религія не можетъ быть прочною общественною силой въ образованномъ обществѣ, если она не въ состояніи привлечь къ себѣ высшіе умы. Факты доказываютъ, что христіанство исполняетъ и эту задачу. Оно стоитъ непоколебимо въ теченіи почти двухъ тысячелѣтій, обнаруживая свою способность бороться противъ самыхъ сильныхъ нападокъ. Поверхностные умы на него ополчались, но самые крѣпкіе приходили ему на помощь. Оно могло удовлетворить такихъ всеобъемлющихъ мыслителей, какъ Лейбницъ, Шеллингъ, Баадеръ, не потому, что они разочаровывались въ силѣ разума и искали въ религіи убѣжища отъ скептицизма, а потому что они находили въ христіанствѣ самое полное и глубокое разрѣшеніе тѣхъ нравственныхъ вопросовъ, которые составляютъ неотъемлемую принадлежность человѣческаго духа. Къ тому же результату долженъ придти всякій мыслитель, который въ послѣдовательности и полнотѣ разовьетъ начала, составляющія незыблемыя основы нравственнаго міра.

Нравственные вопросы съ неотразимою силой возникаютъ въ душѣ человѣка. Въ его разумѣ и совѣсти запечатлѣнъ нравственный законъ, какъ абсолютное требованіе. Но это законъ свободы; нравственное его значеніе заключается именно въ томъ, что онъ исполняется не принудительно, а добровольно, по внутреннему побужденію. Между тѣмъ, свобода предполагаетъ и возможность уклоненія. Это уклоненіе есть *грѣхъ*, нарушеніе нравственнаго долга. Въ дѣйствительности, при несовершенствѣ человѣческой природы, уклоненія значительно перевѣшиваютъ строгое исполненіе закона. Люди въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются частными побужденіями, слѣдуютъ своимъ влеченіямъ и страстямъ; нерѣдко голосъ совѣсти совершенно въ нихъ заглушается. Человѣческая природа грѣховна по самому своему существу; это—міровой фактъ. Нося въ своей совѣсти сознаніе высшаго нравственнаго закона, какъ абсолютнаго требованія, человѣкъ

безпрерывно отъ него уклоняется. Между этими двумя началами происходитъ не перестающая борьба. Какъ же разрѣшается это противорѣчіе?

Абсолютное значеніе нравственнаго закона требуетъ, чтобы всякое его отрицаніе было въ свою очередь отрицаемо. За грѣхомъ должно слѣдовать наказаніе, то-есть *возмездіе* за уклоненіе отъ закона. Въ этомъ состоитъ *правосудіе*, которое есть непремѣнное и непреложное начало нравственнаго міра. Кому же принадлежитъ отправленіе правосудія на землѣ? Въ области внѣшней свободы эта задача исполняется внѣшнею властью, которая установляетъ принудительный законъ и наказываетъ всякое его нарушеніе. Но нравственная область внѣшнему принужденію не подлежитъ; это—область свободы. Не имѣетъ тутъ силы и мнѣніе окружающей среды, которая можетъ быть даже болѣе грѣховна, нежели подлежащее обсужденію лице. Иногда единичное нравственное сознаніе безконечно возвышается надъ окружающею средой и осуждается именно за свою нравственную высоту. Нравственный законъ, написанный въ сердцахъ людей, не есть дѣло рукъ человѣческихъ; какъ абсолютное требованіе, онъ исходитъ отъ абсолютнаго начала, отъ верховнаго Разума, владычествующаго въ мірѣ. А потому хранителемъ нравственнаго закона и верховнымъ нравственнымъ судьею человѣческой совѣсти можетъ быть только само Божество. Но въ земной жизни Божество не проявляется и не дѣйствуетъ непосредственно. Здѣсь предоставленъ полный просторъ человѣческой свободѣ, которою человѣкъ пользуется для того, чтобы безпрерывно нарушать нравственный законъ. И это совершается безнаказанно; зло торжествуетъ, а праведные подвергаются притѣсненіямъ и страданіямъ. Если все человѣческое существованіе ограничивается земнымъ бытіемъ, то нравственный законъ теряетъ всякую силу. Какъ бы громко онъ ни вопіялъ въ единичной совѣсти, дѣйствительность ему противорѣчитъ. Мысль о томъ, что можетъ быть, когда-нибудь, установится лучшій порядокъ, не можетъ служить утѣшеніемъ. Настоящія и прошедшія неправды не исправляются проблематическимъ будущимъ. Абсолютный законъ всегда требуетъ удовлетворенія, а это удовлетвореніе онъ можетъ получить только если для человѣка все не ограничивается земнымъ существованіемъ, если за предѣлами гроба его ожидаютъ награды и наказанія отъ рукъ всемогущаго и всевѣдущаго Божества. Бытіе Бога и будущая жизнь суть необходимые постулаты нравственнаго закона. Это и было признано Кантомъ, который съ полною очевидностью выработалъ эту сторону нравственныхъ требованій.

Но кромѣ правосудія есть и *благость*, или *любовь*, которая составляетъ

высшее нравственное начало. Во имя ея, грѣшному человѣку долженъ быть открытъ путь къ возврату. Самъ онъ, по своей грѣховной природѣ, подняться не можетъ; ему нужно протянуть руку. Въ этомъ состоитъ нравственная обязанность тѣхъ, которые носятъ въ себѣ высшее нравственное сознаніе. Павшій человѣкъ поднимается подвигами любви и самоотверженія, совершенными для него и за него. Въ этомъ выражается *нравственная солидарность* человѣческаго рода. Связывая людей, провозглашая ихъ братьями, нравственный законъ дѣлаетъ ихъ нравственно солидарными другъ съ другомъ. Самопожертвованіемъ однихъ искупаются грѣхи другихъ и удовлетворяется божественное правосудіе.

Однако и весь человѣческій родъ, по своей грѣховности, не въ состояніи совершить это искупленіе. Надобно, чтобы къ нему на помощь пришло само Божество, которое составляетъ центръ всего нравственнаго міра: отъ Него исходитъ нравственный законъ и Оно же есть верховный источникъ благости. Именно это и совершается въ христіанствѣ, котораго вся сущность состоитъ въ томъ, что Верховный Разумъ, или Слово Божіе, нисходитъ на землю и приноситъ себя въ жертву для спасенія рода человѣческаго, тѣмъ самымъ запечатлѣвая духовное единство божественной природы и человѣческой и нравственную солидарность всѣхъ разумныхъ существъ. Не развитіемъ логическихъ началъ, а реальнымъ актомъ, живымъ взаимодѣйствіемъ между человѣкомъ и Богомъ разрѣшаются нравственные вопросы, примиряется правосудіе съ милосердіемъ и возстановляются цѣльность и полнота всего нравственнаго міра. Сила христіанства, покорившая себѣ всѣ образованные народы, заключалась не въ отвлеченной нравственной проповѣди, которую тщетно вели философы идеалисты, а въ живой вѣрѣ въ Сына Божьяго, сошедшаго на землю для спасенія рода человѣческаго. Эта вѣра перевернула весь ходъ исторіи и возвела ее на новую высоту; ею человѣчество питалось въ теченіи многихъ вѣковъ. Тѣ, которые отвергаютъ христіанство, считая его предразсудкомъ, исчезающимъ передъ свѣтомъ науки, должны признать, что фантасмагоріи составляютъ историческую силу, подвигающую человѣчество впередъ. Но такое признаніе есть абсурдъ. Серіозная наука не можетъ на немъ остановиться. Фактическое значеніе христіанства въ исторіи человѣчества объясняется только истиною его содержанія.

Отчего же однако, если христіанство заключаетъ въ себѣ всю полноту нравственныхъ истинъ, оно потеряло свою прежнюю власть надъ умами? Отчего христіанская церковь, какъ замѣчено выше, перестала быть руководительницею человѣчества на пути его развитія? Оттого, что нравственныя истины, какъ бы онѣ ни были высоки и важны,

далеко не обнимають собою всей человѣческой жизни. Нравственность составляетъ только одну изъ областей духа; но есть и другія: наука, искусство, право, государство, экономическій бытъ. Всѣ онѣ имѣютъ свои собственныя, присущія имъ начала, которыхъ значеніе и развитіе отнюдь не опредѣляются отношеніемъ ихъ къ нравственнымъ требованіямъ. Средневѣковой синтезъ поставилъ себѣ задачею подчиненіе всѣхъ этихъ сферъ нравственно-религіозному началу; но такая насильственная связь не только произвела возмущеніе мысли и жизни противъ церковныхъ притязаній, но она повела къ извращенію самаго нравственно-религіознаго начала, которое изъ свободнаго сдѣлалось принудительнымъ. По самой природѣ, какъ нравственнаго начала, такъ и свѣтскихъ элементовъ, соглашеніе ихъ можетъ произойти только на почвѣ свободы. Къ этому свѣтскіе элементы должны подготовиться собственнымъ внутреннимъ развитіемъ. Это и составляетъ содержаніе историческаго процесса новаго времени. Высшая задача его состоитъ въ гармоническомъ соглашеніи всѣхъ разнообразныхъ элементовъ человѣческой жизни, въ сочетаніи абсолютныхъ нравственныхъ требованій съ свободнымъ движеніемъ жизни и съ полнотою развитія всего ея духовнаго и матеріальнаго содержанія. Можно думать, что для окончательнаго достиженія этой цѣли требуется новый религіозный синтезъ, не замѣняющій, а восполняющій христіанство, синтезъ, имѣющій своимъ идеаломъ совершенство не только нравственной, но совокупной человѣческой жизни. Такой идеалъ составляетъ конечную цѣль всего человѣческаго развитія; но осуществленіе его возможно только путемъ свободы, безъ которой нѣтъ ни совершенства жизни, ни полноты развитія. Это—не дѣло власти, охраняющей внѣшній порядокъ посредствомъ принужденія, а дѣло Духа, изнутри дѣйствующаго и невидимыми путями ведущаго человѣчество къ конечной цѣли его существованія.

Въ этомъ подготовительномъ процессѣ, христіанская церковь, хотя не занимаетъ руководящаго положенія, однако играетъ весьма существенную роль. Все новое развитіе происходитъ въ средѣ народовъ, воспитанныхъ христіанствомъ и насквозь проникнутыхъ его духомъ. Христіанская церковь остается высшею опорой всѣхъ дѣйствующихъ въ обществѣ нравственныхъ элементовъ; она въ особенности сдерживаетъ народныя массы. Непоколебимая въ своихъ основахъ, она стоитъ, среди борющихся и волнующихся стихій, какъ вѣковѣчное зданіе, о которое сокрушаются всѣ натиски враждебныхъ силъ. Никогда ея величіе не обнаруживается въ такой мѣрѣ, какъ среди гоненій. И чѣмъ яростнѣе были нападки, тѣмъ сильнѣе наступаетъ реакція: послѣ періодовъ распространяющагося безвѣрія церковь прі-

обрѣтаетъ еще бо́льшую власть надъ умами. Если она перестала быть руководительницею, то она осталась умѣрительницею движенія.

Но именно въ этой роли умѣстно увѣщаніе, а не принужденіе. Когда церковь, воскрешая средневѣковыя притязанія, хочетъ насильственно подчинить себѣ и человѣческую мысль и человѣческую совѣсть, когда она хочетъ властвовать въ гражданской области и объявляетъ войну началамъ новаго времени, она не только возбуждаетъ противъ себя всѣ независимые умы, но она отталкиваетъ лучшія нравственныя силы, которыя возмущаются притѣсненіемъ совѣсти. Если за періодами безвѣрія слѣдуютъ періоды реакціи, то и періоды безвѣрія слѣдуютъ за періодами угнетенія совѣсти. Противорелигіозныя ученія XVIII-го вѣка распространились во Франціи послѣ отмѣны Нантскаго Эдикта и суроваго преслѣдованія протестантовъ. Они находили самую сильную поддержку въ такихъ явленіяхъ, какъ казнь Каласа и Ла-Барра. Въ виду этихъ ужасовъ, Вольтеръ могъ воскликнуть: „écrasons l'infame!“ и найти отголосокъ въ окружающемъ его обществѣ. Не насиліемъ и борьбой, а миролюбіемъ и любовью поддерживается нравственное начало; не объявленіемъ войны свободѣ новаго времени и проистекающему изъ нея самостоятельному развитію свѣтскихъ элементовъ, а признаніемъ ихъ законныхъ правъ можетъ установиться нравственное согласіе человѣческой жизни.

Особенно опасною становится роль церкви, когда она вступаетъ на политическое поприще. Черезъ это она вовлекается въ борьбу партій, дѣлается причастною всѣмъ человѣческимъ страстямъ, возбуждаетъ противъ себя непримиримую вражду. То высоко нравственное, общечеловѣческое начало, которое составляетъ существенное содержаніе христіанства, низводится съ своей недосягаемой высоты, изъ той чистой области свѣта и любви, гдѣ оно паритъ надъ волненіями человѣческихъ обществъ; оно становится средствомъ для земныхъ цѣлей и черезъ это теряетъ свое высокое нравственное значеніе. Обращеніе религіи въ орудіе политики есть искаженіе самаго ея существа, превращеніе высшаго, что есть въ человѣкѣ, отношенія души къ Богу, въ средство для измѣнчивыхъ и далеко не всегда нравственныхъ интересовъ государства. Такой низменный взглядъ на религію хуже самаго ея отрицанія. И наоборотъ, обращеніе политики въ орудіе религіи есть извращеніе существа обѣихъ, внесеніе принужденія въ такую область, гдѣ оно не должно существовать. Поэтому, образованіе политическихъ партій, связанныхъ религіознымъ началомъ, всегда составляетъ ненормальное явленіе въ обществѣ. Оно вызывается либо притѣсненіями власти, стремящейся поработить себѣ церковь, либо стремленіемъ церкви поработить себѣ свѣтлую область, а всего чаще тѣмъ

и другимъ вмѣстѣ. Когда клерикальная партія, отстаивая независимость церковнаго союза, взываетъ къ началу свободы, она, безъ сомнѣнія, стоитъ на твердой почвѣ, ибо религіозный союзъ, по существу своему, независимъ отъ политическаго, хотя и можетъ состоять съ нимъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи. Но обыкновенно, отстаивая свободу для себя, клерикальная партія хочетъ отнять ее у другихъ и тѣмъ обнаруживаетъ свои поползновенія. Нерѣдко она вступаетъ въ союзъ и съ демократіей, ибо именно въ массѣ народа она находитъ главную свою поддержку. Мы видѣли, что въ ней проявляются даже соціалистическія стремленія. Все это мы разсмотримъ подробнѣе въ *Политикѣ*, при изслѣдованіи различныхъ политическихъ партій. Здѣсь нужно было только указать вообще на роль, которую играетъ религія въ политической области.

Въ этомъ отношеніи, существенную важность имѣетъ связь ея съ тою или другою народностью. Мы видѣли, что религіи древняго міра были по преимуществу національныя. Христіанство, напротивъ, есть религія общечеловѣческая. Однако и оно, въ своемъ историческомъ процессѣ, принимаетъ различныя формы, которыя, усвоиваясь различными народностями, кладутъ на нихъ свою печать и тѣмъ оказываютъ громадное вліяніе на весь ихъ общественный и государственный бытъ. Объ отношеніи народности къ религіи мы будемъ говорить ниже, когда будемъ разсматривать народность въ ея исторической роли. Здѣсь же необходимо обозначить въ общихъ чертахъ существо и свойства тѣхъ различныхъ формъ, которыя принимаетъ христіанство въ своемъ историческимъ движеніи, организуясь въ нравственно-религіозные союзы съ гражданской подкладкой. Конечно, тутъ дѣло идетъ не о догматическихъ различіяхъ, разсмотрѣніе которыхъ предоставляется богословію, а о различіяхъ въ устройствѣ и способахъ дѣйствія церкви въ общественной сферѣ, какъ они проявлялись въ дѣйствительности.

По идеѣ, христіанская церковь едина и имѣетъ невидимымъ главою Христа. Въ Сѵмволѣ Вѣры исповѣдуется единство церкви. Но въ дѣйствительности она распадается на отдѣльныя отрасли, изъ которыхъ каждая въ своей организаціи представляетъ преобладаніе того или другаго изъ элементовъ общественной жизни. Мы видѣли, что всякій общественный союзъ заключаетъ въ себѣ четыре основныхъ элемента: власть, законъ, свободу и цѣль, или идею, которая состоитъ въ гармоническомъ соглашеніи всѣхъ элементовъ. Именно эти начала развиваются въ историческомъ процессѣ церковной организаціи.

По самому существу нравственно-религіознаго союза, исходною точкой служитъ установленіе *закона*. И точно, первые вѣка христіанства на-

полнены разработкою догмы. Происходятъ ожесточенные споры со всякими ересями, или уклоненіями отъ истиннаго духа христіанской вѣры. Верховными рѣшителями этихъ догматическихъ споровъ являются *соборы*, составленные изъ духовенства. Въ то время религіозные интересы имѣли первенствующее значеніе въ общественной жизни. Однако эта новая духовная сила и самый подъемъ духа, вызванный обсужденіемъ высшихъ вопросовъ, какіе могутъ занимать человѣческій умъ, не въ состояніи были обновить разлагающійся греко-римскій міръ. Дряхлая Византія, которая наиболѣе потрудилась надъ разработкою догмы, въ теченіи тысячи лѣтъ влачила жалкое существованіе и окончательно погибла подъ ударами нехристіанскихъ народовъ. Для обновленія человѣчества нужны были свѣжія племена, воспитанныя христіанствомъ, но носящія въ себѣ всю дикую мощь непочатой природы и всю энергію личнаго начала, не признающаго надъ собою никакой власти. Таковы были варвары.

Съ появленіемъ на сцену этихъ новыхъ элементовъ, римскій міръ распадается на двѣ половины: восточную и западную. Въ послѣдней, подъ натискомъ варваровъ, разрушился весь государственный строй и водворился хаосъ буйныхъ силъ, надъ которыми возвышалась одна только христіанская церковь, какъ высшее, примиряющее начало. Въ восточной же половинѣ, гдѣ поселены были преимущественно славянскіе народы, болѣе мягкіе и разсѣянные на болѣе широкихъ пространствахъ, сохранялась связь съ дряхлѣющею Византіей, откуда шли и государственныя и церковныя преданія. Съ этимъ вмѣстѣ и самая христіанская церковь распалась на двѣ половины. Процессъ установленія закона былъ завершенъ; на сцену выступили другія начала общественной жизни. Въ Западной церкви развилось начало *власти*, въ Восточной — идея *согласія*, составляющая высшую цѣль общественнаго союза. Одно есть выраженіе *внѣшняго*, другое—*внутренняго* единства. Каждое изъ нихъ было вызвано историческими потребностями и состояніемъ той среды, въ которой призвана была дѣйствовать церковь. Каждое въ своемъ развитіи высказало и присущія ему качества и недостатки.

Католическая церковь провела начало всемірнаго единства не только въ догматахъ, но и въ самомъ управленіи. Не довольствуясь невидимымъ главою, она создала внѣшняго главу церкви въ лицѣ папы, который является всемірнымъ духовнымъ властителемъ, совершенно независимымъ отъ свѣтскихъ князей. До послѣдняго времени онъ имѣлъ даже свою государственную область. Такое устройство безспорно даетъ католической церкви такое независимое и высокое положеніе, какимъ не пользуется никакая другая. Всѣ мѣстныя церкви имѣютъ

въ папѣ центръ и опору; имъ назначаются высшіе церковные сановники. Въ безбрачномъ духовенствѣ и монашескихъ орденахъ онъ имѣетъ цѣлую духовную армію, всегда послушную его велѣніямъ и слѣдующую каждому его слову. Такого могущественнаго орудія дѣйствія, простирающагося на весь міръ, не имѣла никакая власть на землѣ. И когда эта власть стоитъ незыблемо въ теченіи многихъ вѣковъ, взирая невозмутимо на всѣ обуревающія ее земныя волненія и напасти, то нельзя не преклоняться передъ величіемъ этого зданія. О него сокрушались самыя грозныя ополченія; оно обуздывало самыхъ могучихъ владыкъ. Передъ нравственною силой папы Генрихъ IV-й стоялъ босоногій въ Каноссѣ, вымоляя прощеніе; Фридрихъ Барбаросса преклонялъ свою голову подъ его ноги. Понынѣ еще папская власть является самымъ крѣпкимъ оплотомъ противъ всѣхъ притязаній свѣтскихъ правительствъ, стремящихся поработить себѣ церковь. Нѣмецкая культурная борьба доказала это во всей очевидности. Не только Генрихъ IV-й, но и князь Бисмаркъ долженъ былъ идти въ Каноссу.

При такихъ громадныхъ и централизованныхъ средствахъ, католическая церковь естественно оказываетъ самое могущественное вліяніе на человѣческія души. Не было въ мірѣ учрежденія, которое бы имѣло такое дисциплинирующее дѣйствіе на человѣческое общество, не силою внѣшняго только порядка, а возбужденіемъ радостной покорности въ сердцахъ. Нигдѣ, подъ вліяніемъ церкви, не совершались такіе подвиги любви и самоотверженія; нигдѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ не учреждались братства для проповѣди Евангелія и для помощи ближнимъ. Католическія сестры милосердія могутъ служить образцомъ для всѣхъ. И все это дѣлается не въ силу суроваго сознанія долга, а по сердечному влеченію, возносящему человѣка въ высшій міръ, гдѣ онъ находитъ удовлетвореніе глубочайшихъ своихъ потребностей. Соединяя гибкость съ неуклонною твердостью, глубоко понимая всѣ изгибы человѣческаго сердца, поражая воображеніе въ то время, какъ она взываетъ къ чувству, католическая церковь явилась величайшею руководительницей человѣческихъ сердецъ, какую представляетъ всемірная исторія.

Но эти высокія качества имѣютъ и свою оборотную сторону. Гдѣ есть неизмѣримо возвышающаяся власть, тамъ неизбѣжно рождается и властолюбіе. Чѣмъ значительнѣе было историческое призваніе католической церкви, чѣмъ болѣе требовалось наложить нравственную узду на варварскія племена, разрушившія Римскую Имперію, тѣмъ шире и сильнѣе развивались ея притязанія. Она хотѣла господствовать во всей гражданской области, быть верховнымъ судьею царей и на-

родовъ, подчинить земныя цѣли цѣли небесной, не путемъ убѣжденія, а путемъ принужденія, насилуя совѣсть, безпощадно преслѣдуя всякую свободу мысли и всякое уклоненіе отъ правовѣрнаго ученія. На этомъ пути она не останавливалась ни передъ чѣмъ; для утвержденія своей власти она совершала злодѣянія, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ ужасы революціоннаго террора. Крестовый походъ противъ Альбигойцевъ, костры инквизиціи, Варѳоломеевская ночь, драгоннады Людовика XIV-го остаются на католицизмѣ вѣчнымъ пятномъ, которое не смоютъ никакія историческія заслуги. И въ то время, какъ во имя религіи мира и любви потоками проливалась кровь и пылали костры, представители высшаго нравственнаго порядка, облеченные неограниченною властю надъ душами, являли на папскомъ престолѣ примѣры самаго гнуснаго разврата. Имя Борджіа сдѣлалось синонимомъ всѣхъ преступленій. Высочайшая нравственная власть въ мірѣ превратилась въ орудіе самыхъ низменныхъ цѣлей. Мудрено ли, что возмущенная человѣческая совѣсть, въ лицѣ протестантизма, отказала въ повиновеніи этой власти и объявила свободное отношеніе души къ Богу единственнымъ истиннымъ началомъ религіи?

Исторія осудила притязанія католической церкви и сама она, вынужденная обстоятельствами, должна была на практикѣ отъ нихъ отказаться. Но прошлое наложило на нее свою неизгладимую печать, и въ теоріи средневѣковыя ея воззрѣнія остались непоколебимы. При Піи IX-мъ, съ высоты папскаго престола преданы были проклятію всѣ завоеванія новаго времени, всѣ требованія свободы. Даже при умѣренномъ и дипломатическимъ Львѣ XIII-мъ, въ Венгріи ведется ярый походъ противъ гражданскаго брака и свободы вѣроисповѣданій, то-есть противъ такихъ началъ, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность гражданскаго общества. Отрицаніе гражданскаго брака есть прямое притязаніе на владычество въ гражданской области. Бракъ можетъ признаваться таинствомъ; но это не мѣшаетъ ему быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, гражданскимъ установленіемъ. Такимъ онъ неизбѣжно является, когда онъ становится источникомъ гражданскихъ правъ и обязанностей. А между тѣмъ, католическіе прелаты не хотятъ признать его законность, то-есть право гражданской власти распоряжаться въ принадлежащей ей области. Послѣ этого, чего же можно ожидать при папѣ, менѣе склонномъ къ примиренію? Отсюда та неисцѣлимая вражда и то глубокое недовѣріе, которое питаютъ къ католицизму всѣ защитники либеральныхъ началъ. Тѣ искренніе католики, которые пытались сочетать свободу съ религіей, были формально осуждены папскимъ престоломъ. Отсюда, съ другой стороны, тотъ фанатизмъ, съ кото-

рымъ ревностные католики ополчаются противъ свободы. Въ католическихъ странахъ эта взаимная вражда составляетъ источникъ безчисленныхъ затрудненій и постоянной борьбы. Трудно даже сказать, какой изъ нея можетъ быть исходъ. Примиреніе католицизма съ духомъ новаго времени представляется почти безнадежною задачей.

Совершенно иныя свойства имѣетъ церковь Восточная. Основное ея начало, какъ сказано, не власть, а согласіе, или любовь. По идеѣ, несомнѣнно, это начало высшее, ибо верховная цѣль всякаго человѣческаго союза, а тѣмъ болѣе союза нравственнаго, состоитъ въ соглашеніи всѣхъ его элементовъ. Но именно трудность осуществленія этой идеи дѣлаетъ то, что основанный на ней союзъ гораздо менѣе способенъ къ дѣйствію. Идеалъ Восточной церкви состоитъ не въ пріобрѣтеніи власти надъ душами, а въ отрѣшеніи отъ міра, въ монашеской жизни. Поэтому, относительно практическихъ способностей, она далеко не можетъ сравняться съ церковью Западною. Представляя высокіе примѣры благочестивой жизни, она не выказала себя руководительницею людей. Поэтому она не въ силахъ была отстаивать свою независимость отъ свѣтской власти. Стремленіе къ согласію рождаетъ податливость, и эту печать Восточная церковь наложила на воспитанные ею народы. Въ самомъ церковномъ управленіи свѣтская власть нерѣдко распоряжалась по своему изволенію. Самыя крупныя перемѣны, какъ-то, отобраніе церковныхъ имуществъ, совершались безъ протеста. При отсутствіи внѣшняго единства церкви, свѣтскіе князья не были поставлены въ необходимость вести переговоры съ независимою отъ нихъ всемірною властью, которой принадлежало верховное слово въ церковныхъ дѣлахъ; нужно было сладить только съ внутреннею, мѣстною оппозиціею, а сдѣлать это было тѣмъ легче, что Восточная церковь не выработала организаціи, которая соотвѣтствовала бы ея идеалу и давала бы каждому элементу подобающее ему мѣсто и значеніе въ цѣломъ. Все зависѣло отъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Такъ, въ Россіи сперва были митрополиты, болѣе или менѣе подчиненные Константинопольскому патріарху, затѣмъ учрежденъ былъ особый патріархатъ, наконецъ патріархъ замѣненъ Синодомъ, въ который епископы призываются по назначенію государственной власти. Также измѣнялись устройство приходовъ и отношеніе свѣтскаго элемента къ церковному.

При такомъ недостаткѣ прочной организаціи, обезпечивающей каждому элементу принадлежащій ему голосъ въ союзѣ, согласіе могло охраняться только внутреннимъ, духовнымъ началомъ, присущимъ всему церковному тѣлу, именно, неуклоннымъ храненіемъ церковнаго *преданія*. Это и дѣлаетъ Восточную церковь самымъ консер-

ватившимъ учрежденіемъ, какое существуетъ въ мірѣ. Отсюда громадная ея важность для государства. Но и это начало имѣетъ свою оборотную сторону. Привязанность къ неизмѣнному обычаю рождаетъ обрядность. Поклоненіе внѣшнимъ формамъ замѣняетъ живое религіозное чувство. Въ необразованной средѣ самый обрядъ можетъ съ теченіемъ времени подвергнуться постепенному искаженію, и когда церковная власть хочетъ исправить вкравшіяся ошибки, она неожиданно встрѣчаетъ въ паствѣ совершенно безсмысленное сопротивленіе. Это именно произошло у насъ при исправленіи церковныхъ книгъ. Когда цѣлыя массы народа выдѣляются изъ церкви и предаютъ ее проклятію изъ-за двуперстнаго сложенія и сугубой аллилуіи, то дѣло идетъ уже не о высокихъ нравственныхъ и метафизическихъ вопросахъ, раздѣляющихъ человѣческую совѣсть, а о чисто внѣшнихъ обрядахъ, не имѣющихъ въ истинно религіозной жизни никакого значенія и обличающихъ только крайнее развитіе формализма въ народной средѣ.

Съ другой стороны, господство формализма не даетъ удовлетворенія и внутреннему религіозному чувству, которое ищетъ убѣжища въ сектахъ сродныхъ протестантизму. По своей идеѣ, согласіе, представляя сочетаніе всѣхъ общественныхъ элементовъ, требуетъ и предоставленія должнаго простора свободѣ. Но когда оно опирается на неизмѣнное и неподвижное преданіе, то для свободы не остается уже мѣста. Она ищетъ инаго исхода.

Этотъ исходъ она находитъ въ протестантизмѣ, который дѣлаетъ свободное отношеніе души къ Богу кореннымъ началомъ всей религіозной жизни. Это—послѣдняя, новѣйшая форма, которую приняло христіанство въ своемъ историческомъ развитіи, форма, которая отрицаетъ предыдущія, но не въ состояніи ихъ замѣнить, ибо она сама основана на одностороннемъ началѣ.

Непоколебимая истина протестантизма заключается въ томъ, что личное, внутреннее, свободное вознесеніе души къ Богу составляетъ источникъ всякой религіи. Богъ открывается только тѣмъ, кто въ Него вѣритъ, а вѣра есть дѣло свободнаго внутренняго убѣжденія. Безъ этого есть только мертвый внѣшній формализмъ, не только не возвышающій, а напротивъ, унижающій душу. Только это внутреннее свободное влеченіе даетъ ей и нравственную силу, необходимую для совершенія подвиговъ самоотверженія и любви. Оно освящаетъ и чувство и волю, направляя ихъ къ источнику всякаго добра и укрѣпляя ихъ живымъ духовнымъ взаимодѣйствіемъ съ верховнымъ началомъ всего нравственнаго міра. Отсюда та нравственная крѣпость, то непоколебимое сознаніе долга, которыми отличаются послѣдова-

тели протестантизма; отсюда и его громадное воспитательное значеніе для человѣческой личности. Католицизмъ пріучаетъ ее къ дисциплинѣ, пратестантизмъ воспитываетъ ее для свободы, сдержанной сознаніемъ высшаго долга. Отсюда и великая политическая роль протестантизма въ исторіи. Политическая свобода развилась прежде всего и шире всего въ протестантскихъ странахъ. Здѣсь она совмѣщалась съ неуклоннымъ уваженіемъ къ закону, а потому имѣла наибольшую прочность. Въ католическихъ странахъ, напротивъ, свобода становилась во враждебное отношеніе къ религіи; она являлась какъ возмущеніе противъ господствовавшаго закона, а потому воздвигала только шаткія зданія.

Но религіозный союзъ основанъ на сознаніи абсолютной истины, а личное внутреннее чувство, измѣнчивое и разнообразное, менѣе всего можетъ быть мѣриломъ истины. Оно открываетъ путь всякимъ фантастическимъ представленіямъ. Для того чтобы обрѣсти полную увѣренность въ истинѣ, личное чувство нуждается въ опорѣ. И Восточная и Западная церковь даютъ ему эту опору въ учрежденіяхъ, незыблемо стоящихъ въ теченіи многихъ вѣковъ и свято сохраняющихъ религіозное преданіе, идущее отъ самаго начала христіанства. Протестантизмъ, отвергнувъ эти основы, какъ представляющія уклоненія отъ истинныхъ началъ христіанской вѣры, искалъ опоры единственно въ Священномъ Писаніи. Но Священное Писаніе можно понимать весьма различными способами. При отсутствіи всякаго авторитета, каждый толкуетъ его по-своему и видитъ въ немъ то, что хочетъ. Вслѣдствіе этого, протестантизмъ естественно разбивается на секты. Единой церкви онъ никогда составить не могъ.

Въ различныхъ его отрасляхъ опять выражаются указанныя выше основныя начала общественной жизни, съ преобладаніемъ того или другаго. Ближе всего къ прежнему устройству осталась англиканская церковь, которая сохранила епископство, какъ учрежденіе, идущее, силою рукоположенія, отъ самихъ апостоловъ. Этотъ аристократическій элементъ является представителемъ и хранителемъ *закона*. Лютеранская церковь, напротивъ, отвергнувъ епископатъ, подчинилась *власти*, но уже не духовной, а гражданской. Во главѣ ея стоитъ свѣтскій правитель. Здѣсь нѣкогда господствовало знаменитое правило: «чья земля, того и вѣра» (cujus est regio, illius est religio). Реформатская или пресвитеріанская церковь отвергла и это начало. Послѣдовательно проводя коренной принципъ протестантизма, личную *свободу*, она признаетъ только свободную общину, выбирающую своихъ пастырей. Изъ нея вышли самые могучіе борцы за свободу и въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ. Наконецъ, являлись и такія секты, которыя,

поставляя себѣ *идеальную цѣль*, проповѣдывали всеобщее равенство, общеніе имуществъ. Воображая себя вдохновенными свыше, онѣ исповѣдывали личное наитіе Духа, глаголющаго черезъ своихъ пророковъ. Когда эти секты выступали на историческое поприще, онѣ стремились къ разрушенію всего общественнаго строя. Таковы были въ XVI-мъ вѣкѣ анабаптисты. Но когда онѣ ограничиваются теоретическимъ исповѣданіемъ своей вѣры, онѣ образуютъ мирныя общины, которыя никому не дѣлаютъ вреда, но и не играютъ никакой общественной роли. Прочнаго вліянія въ какой бы то ни было странѣ онѣ никогда не могли получить.

Таковъ былъ общій ходъ развитія христіанской церкви. Единая въ началѣ, она распалась на нѣсколько отдѣльныхъ отраслей, изъ которыхъ каждая считаетъ себя обладательницею абсолютной истины. Благочестивыя души мечтаютъ о ихъ возсоединеніи; но безпристрастно взирая на вещи, нельзя не признать подобныя стремленія тщетными. Возсоединеніе церквей, очевидно, можетъ совершиться только на почвѣ католицизма или православія; раздробленный протестантизмъ не въ состояніи объединить себя, не только-что другихъ. Католицизмъ питаетъ на это наиболѣе надежды. Понынѣ еще папа взываетъ къ восточнымъ церквамъ, убѣждая отпавшихъ возвратиться въ лоно единой истинной церкви. Но для Востока примкнуть къ католицизму значитъ отречься отъ своего тысячелѣтняго прошлаго, подчиниться совершенно чуждой ему власти, наконецъ, признать своими всѣ историческія злодѣянія, совершенныя католицизмомъ. Непонятно, притомъ, зачѣмъ нужно объединеніе, не только догматическое, но и административное, въ союзѣ, основанномъ не для мірскихъ, а для нравственно-религіозныхъ цѣлей. Исповѣдуя начало внутренняго единства, восточныя церкви хранятъ общеніе вѣры и любви; относительно же административнаго устройства каждая страна можетъ сообразоваться съ своими внутренними потребностями и своими историческими судьбами. Отсутствіе внѣшняго единства можетъ имѣть нѣкоторыя невыгоды: разсѣянныя церкви менѣе способны отстоять свою независимость противъ свѣтскихъ правительствъ. Но лѣкарства отъ этого зла слѣдуетъ искать не въ подчиненіи внѣшней церковной власти, а въ признаніи начала свободы, которое одно можетъ обезпечить церкви надлежащую самостоятельность.

Но если Восточная церковь не можетъ подчиниться католицизму, не отказавшись отъ всего, что для нея есть самаго высокаго и дорогаго, то еще менѣе можетъ католицизмъ отречься отъ всего своего прошлаго, въ особенности отъ могучей организаціи, которая, вырабатываясь въ теченіи тысячелѣтій, донынѣ представляетъ сильнѣйшій

оплотъ противъ всякихъ разрушительныхъ силъ. Каждая изъ христіанскихъ церквей имѣетъ свои историческія судьбы и свое земное призваніе. Объединеніе ихъ искренній христіанинъ можетъ искать не въ этой области земныхъ стремленій, а въ невидимомъ духовномъ мірѣ, обнимающемъ живыхъ и умершихъ. гдѣ главою является не земной владыка, вѣнчанный папскою тіарой, а Христосъ, сошедшій на землю для спасенія рода человѣческаго. Только эта невидимая церковь, обнимающая небо и землю, представляетъ всю полноту нравственнаго міра, какъ онъ выразился въ христіанскомъ міросозерцаніи. Земныя же ея отрасли, развивающіяся въ измѣнчивыхъ условіяхъ пространства и времени, представляютъ примѣненіе вѣчныхъ христіанскихъ началъ къ разнообразію судебъ и потребностей человѣка. Каждый народъ по-своему воспринимаетъ эти высшія истины и посвоему осуществляетъ ихъ въ своей жизни. Мало того: даже въ одномъ и томъ же народѣ не всѣ имѣютъ одинакія духовныя потребности и одинакое религіозное пониманіе. Чѣмъ шире народный духъ, чѣмъ разностороннѣе его элементы, тѣмъ больше разнообразія должно проявиться и въ самомъ воспринятіи религіозныхъ истинъ. Съ этой точки зрѣнія, распространеніе сектъ не есть зло, а благо для общества. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ немъ живо религіозное чувство, которое не находя удовлетворенія въ оффицальномъ формализмѣ, ищетъ его въ другихъ выраженіяхъ религіозной истины. И никто не въ правѣ ему это возбранять, ибо никто не въ правѣ сказать человѣку: ищи Бога здѣсь, а не тамъ, поклоняйся ему этимъ, а не другимъ способомъ. Человѣческая совѣсть свободна и ищетъ Бога тамъ, гдѣ она чувствуетъ себя къ Нему ближе, гдѣ Онъ сильнѣе дѣйствуетъ на душу. Какими путями Богъ призываетъ къ себѣ человѣка и привлекаетъ къ себѣ его сердце, это отъ человѣческихъ взоровъ сокрыто, а потому внѣшняя власть не въ правѣ святотатственно налагать руку на эти отношенія. Таково должно быть воззрѣніе истиннаго благочестія; съ своей стороны, философъ и политикъ могутъ только подтвердить этотъ взглядъ.

Если такимъ образомъ церковь, въ своемъ земномъ существованіи, распадается на отдѣльныя отрасли, соотвѣтствующія разнообразнымъ потребностямъ и судьбамъ человѣка, то очевидно, что ни одна изъ нихъ не можетъ быть исключительнымъ мѣриломъ истины, хотя каждая себя считаетъ таковымъ. Изъ того, что человѣкъ родился членомъ извѣстной церкви, и что она отвѣчаетъ его религіознымъ потребностямъ, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы она была носительницею абсолютной истины. Магометане, брамины, буддисты точно также родились и воспитывались въ извѣстной вѣрѣ, которая соотвѣтствуетъ

ихъ потребностямъ и даетъ имъ внутреннее убѣжденіе. Для того чтобы опредѣлить, которое изъ существующихъ на землѣ вѣроисповѣданій болѣе или менѣе подходитъ къ тому, что человѣкъ можетъ признать для себя абсолютной истиной, надобно возвыситься надъ ними и сравнить ихъ между собою; надобно сопоставить ихъ съ духовными потребностями человѣка вообще, а равно и съ указаніями его разума.

Такое сравненіе можетъ быть только дѣломъ разума. Никакое чувство не можетъ служить мѣриломъ истины, ибо чувство есть нѣчто непосредственное, субъективное, разнообразное и измѣнчивое. Чтобы знать, насколько оно соотвѣтствуетъ объективному бытію, надобно его разнять и сравнить съ тѣмъ, что дается другими путями. Для утвержденія объективной истины необходимы анализъ и провѣрка, а это дѣло разума, отвлекающагося отъ всѣхъ конкретныхъ явленій и подвергающаго ихъ испытанію. Всякое мѣрило, по самому своему понятію, есть начало отвлеченное; поэтому имъ не можетъ быть никакое чувство, въ особенности религіозное, которое охватываетъ человѣка всецѣло и въ своемъ конкретномъ единствѣ связываетъ самыя разнообразныя стороны его жизни. Безъ сомнѣнія, человѣческій разумъ самъ есть начало измѣнчивое и шаткое, а потому онъ абсолютнымъ мѣриломъ служить не можетъ. Но инаго у человѣка нѣтъ. Даже тѣ, которые, отвергая разумъ, даютъ первенство религіи, дѣлаютъ это на основаніи предварительнаго испытанія того, что можетъ дать то и другое. Какъ разумное существо, человѣкъ, съ помощью даннаго ему Богомъ орудія, долженъ искать истины: въ этомъ состоитъ его величіе. Но какъ ограниченное существо, онъ въ этомъ исканіи можетъ ошибаться, а потому изслѣдованіе истины составляетъ работу многихъ и многихъ поколѣній. Приложеніе разума къ познанію вещей есть наука, которая такимъ образомъ, при всѣхъ своихъ колебаніяхъ и недостаткахъ, является путеводнымъ указателемъ для разумнаго существа на его жизненномъ поприщѣ. Посмотримъ, что она можетъ дать.

ГЛАВА II.

Наука.

Наука есть систематическое, руководимое разумомъ познаніе вещей. Она заключаетъ въ себѣ разные элементы, въ зависимости отъ объекта и отъ способовъ дѣйствія.

Первоначальное, непосредственное познаніе дается реальнымъ взаимнодѣйствіемъ съ предметомъ. Какъ во всякомъ взаимнодѣйствіи, тутъ есть два независимыхъ другъ отъ друга элемента: субъектъ познаю-

щій и объектъ познаваемый; ихъ отношеніе есть *явленіе*. Всякое непосредственное познаніе есть познаніе явленій.

Явленія внѣшняго матеріальнаго міра раскрываются намъ внѣшними чувствами. Это составляетъ область *внѣшняго опыта*. Но есть и явленія внутренняго міра, которыя познаются субъектомъ, когда онъ обращается на самого себя. Разумъ познаетъ собственныя свои дѣйствія, а равно и свои отношенія къ внѣшнему міру, выражающіяся въ воспріимчивости и воздѣйствіи, то-есть въ чувствѣ и волѣ. Все это составляетъ область *внутренняго опыта*, въ которомъ верховное, связующее начало есть *самосознаніе* разума. Субъектъ сознаетъ себя центромъ всего заключающагося въ немъ міра впечатлѣній, чувствъ, стремленій и мыслей. Эта сознающая себя центральная точка есть *я*; къ нему субъектъ относитъ всѣ частныя явленія внутренняго міра, признавая ихъ *своими*.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ два противоположныхъ другъ другу міра, находящіеся въ тѣсной взаимной связи: міръ внѣшнихъ, случайныхъ и разсѣянныхъ явленій, который раскрывается нами внѣшними чувствами, и міръ внутреннихъ явленій, связанныхъ единичнымъ самосознаніемъ. Однако и этотъ внутренній міръ, также какъ внѣшній, состоитъ подъ условіями пространства и времени, ибо самъ субъектъ подчиняется этимъ условіямъ. Все, что онъ думаетъ, чувствуетъ и хочетъ, совершается въ извѣстное время и на извѣстномъ мѣстѣ. Но пространство и время суть формы бытія, которыхъ всѣ части лежатъ *внѣ* другъ друга, одно въ порядкѣ совмѣстномъ, другое въ порядкѣ послѣдовательномъ. Поэтому всѣ явленія, по существу своему, представляются частными, измѣнчивыми и безсвязными. Самъ субъектъ, какъ явленіе, представляется только вмѣстилищемъ разнообразныхъ и измѣняющихся впечатлѣній, мыслей, чувствъ и хотѣній, которыя въ немъ соединяются и раздѣляются, безъ какого-либо общаго руководящаго и связующаго начала. Такимъ онъ дѣйствительно признается эмпиризмомъ, который, останавливаясь на этой первоначальной ступени, представляетъ низшую форму пониманія, свойственную человѣческому уму.

Очевидно однако, что такое пониманіе не составляетъ науки. Для того чтобы изъ разсѣянныхъ и безсвязныхъ явленій составить систему, нужно раскрыть въ нихъ то, что въ нихъ есть общаго и постояннаго; а это не дается явленіями. Необходимо познаніе связующихъ началъ, которыя недоступны ни внѣшнимъ чувствамъ, ни внутреннему опыту. Эти начала разумъ находитъ въ самомъ себѣ. Пока онъ къ явленіямъ относится страдательно, какъ чистая доска, на которую отпечатлѣваются слѣды чуждыхъ ему силъ, на него дѣйствующихъ, онъ далѣе разсѣяннаго, случайнаго, слѣдовательно безсмысленнаго познанія не пойдетъ. Систематическое и разумное познаніе вещей возможно только

тогда, когда разумъ самъ является дѣятельною силой, которая связываетъ и раздѣляетъ познаваемыя явленія и возводитъ ихъ къ общимъ, присущимъ имъ началамъ, скрытымъ отъ голаго опыта, но яснымъ для умственнаго взора.

Эту раздѣляющую и связующую дѣятельность разумъ можетъ совершать только на основаніи своихъ собственныхъ, присущихъ ему законовъ. Всякая сила дѣйствуетъ по своимъ собственнымъ законамъ, вытекающимъ изъ ея природы. Если разуму свойственно систематическое познаніе вещей, то онъ въ себѣ самомъ долженъ заключать связующія начала, способныя свести разсѣянныя и измѣняющіяся явленія къ общей и связной системѣ. Эти начала раскрываются изслѣдованіемъ познавательной способности человѣка, проявляющейся въ его дѣятельности, то-есть логикой.

Къ такимъ связующимъ началамъ принадлежатъ прежде всего пространство и время, какъ общія формы, обнимающія всѣ явленія. Въ этихъ общихъ формахъ разумъ распредѣляетъ всѣ встрѣчающіяся ему случайныя явленія, опредѣляя мѣсто каждаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ совмѣстныя и послѣдовательныя отношенія къ другимъ. Поверхностный эмпиризмъ, ничего не понимающій, кромѣ голаго опыта, признаетъ и эти формы чистыми продуктами опытнаго знанія. Болѣе глубокій анализъ показываетъ, что въ нихъ есть свойства, которыя не даются никакимъ опытомъ: безконечность, непрерывность, однообразность, всеобъемлемость, наконецъ, способность служить источникомъ всякихъ умозрительныхъ построеній. Все это доказываетъ, что пространство и время суть формы, присущія самому разуму, какъ дѣятельной силѣ, обращенной на познаніе явленій. Таковыми призналъ ихъ Кантъ, и таковыми не можетъ не признать ихъ всякій серіозный мыслитель, не останавливающійся на поверхности вещей *).

Но эти чисто внѣшнія формы, представляющія среду, въ которой распредѣляются явленія, не даютъ еще началъ, связывающихъ ихъ внутреннею связью. Послѣднія даются логическими *категоріями*, посредствомъ которыхъ разумъ связываетъ и раздѣляетъ познаваемыя явленія. Въ разнообразномъ и измѣняющемся онъ ищетъ единаго и постояннаго. Это усматриваемое разумомъ единое, лежащее въ основаніи различій, онъ называетъ *субстанціею*, а принадлежащее ему разнообразіе онъ опредѣляетъ какъ *признаки*. Прилагая къ этому отношенію форму времени, онъ опредѣляетъ единое какъ *причину*, а признаки какъ *дѣйствіе* или *слѣдствіе*. Но во времени единое не только

*) См. мои *Основанія логики и метафизики*, а также статью о *Пространствѣ и времени*, напечатанную въ журналѣ: *Вопросы философіи и психологіи*. Январь, 1895 г.

предшествуетъ различіямъ, но можетъ и слѣдовать за ними. Послѣдующее единое, опредѣляющее предшествующія различія, представляетъ отношеніе *цѣли* и *средствъ*. Наконецъ, получившія самостоятельность различія, приходя въ соотношеніе, находятся во *взаимнодѣйствіи*, управляемомъ общимъ *закономъ*. Таковы четыре основныя категоріи ума, опредѣляющія реальныя отношенія вещей: субстанціальность, причинность, цѣлесообразность и взаимнодѣйствіе. Но на этомъ разумъ не останавливается. Реальныя отношенія, какъ таковыя, суть нѣчто конкретное, то-есть, они представляютъ сочетаніе болѣе простыхъ началъ. Разнимая ихъ, разумъ приходитъ къ болѣе отвлеченнымъ категоріямъ. Единое и пребывающее возводится къ категоріи *бытія*, которая въ чистой формѣ противополагается *небытію*, а въ конкретной формѣ сочетается съ послѣднимъ и даетъ *бытіе опредѣленное*, которое есть начало всякаго различія. Съ другой стороны, измѣняющійся элементъ возводится къ категоріи *дѣйствія* съ присущими ей опредѣленіями *возможности*, *необходимости* и *дѣйствительности*. Наконецъ, отвлеченіе отъ всякаго качественнаго различія, какъ бытія, такъ и дѣйствія, даетъ категорію *количества*, которое есть соединеніе и раздѣленіе тождественнаго *).

Всѣ эти опредѣленія, вытекая изъ единаго разума, образуютъ единую систему, логически связанную, а потому выводимую а пріори. Этотъ выводъ категорій, съ приложеніемъ ихъ къ общимъ формамъ бытія, относительнаго и абсолютнаго, составляетъ задачу *метафизики*, какъ науки. Въ отличіе отъ формальной логики, изслѣдующей чисто формальную сторону познанія, она представляетъ развитіе умозрительнаго содержанія познавательнаго процесса, то-есть, объединяющихъ категорій. На этомъ основаны всѣ философскія системы; каждая изъ нихъ, съ своей точки зрѣнія, старается объяснить все человѣческое знаніе подведеніемъ всего міра явленій подъ общія логическія категоріи. Совокупность этихъ системъ представляетъ развитіе человѣческаго пониманія. Поэтому и самую метафизику можно опредѣлить какъ науку пониманія, ибо пониманіе состоитъ именно въ усмотрѣніи разумной связи вещей, или въ подведеніи ихъ подъ общія логическія начала. Метафизика показываетъ, какими способами это совершается или можетъ совершаться.

Спрашивается однако: соотвѣтствуютъ ли эти чисто логическія формы, выводимыя а пріори, тому, что существуетъ въ дѣйствительности, или, можетъ-быть, онѣ представляютъ только субъективные способы объединенія знаній, вовсе не похожіе на то, что есть на

*) См. мои *Основанія логики и метафизики*.

самомъ дѣлѣ? Послѣдняго мнѣнія, какъ извѣстно, держался Кантъ; онъ видѣлъ въ категоріяхъ чисто субъективныя логическія формы, служащія для объединенія опытнаго знанія, но не дающія никакого понятія о сущности вещей, которая должна вѣчно оставаться отъ насъ скрытой. Понынѣ эта скептическая точка зрѣнія раздѣляется многими, хотя исторически ученіе Канта было только преходящею ступенью умственнаго развитія, началомъ, изъ котораго, въ силу неотразимой логической необходимости, выработались цѣльныя объективныя системы, связывавшія общими разумными началами весь духовный и физическій міръ.

Вопросъ рѣшается безповоротно тѣмъ, что законы разума суть вмѣстѣ и законы внѣшняго міра. Это одно, что даетъ человѣку возможность познавать вещи и дѣйствовать въ окружающей его средѣ. При всякомъ взаимодѣйствіи, управляющій имъ законъ представляетъ начало общее дѣйствующимъ другъ на друга вещамъ. Поэтому, логически необходимое необходимо и въ дѣйствительности. Фактически это доказывается тѣмъ, что умозрительные выводы разума находятъ подтвержденіе въ опытѣ. Кромѣ метафизики, есть другая наука, которая, исходя отъ чисто умозрительныхъ началъ и дѣйствуя путемъ отвлеченно логическихъ выводовъ, приходитъ къ совершенно точному и достовѣрному знанію. Эта наука есть математика. Она развиваетъ начала, присущія той же самой логической категоріи количества, которая составляетъ точку отправленія метафизики, какъ-то: единое и многое, безграничное и граница, величина и число. Изъ этихъ началъ она выводитъ цѣлый міръ отношеній, связанныхъ логическою необходимостью. При этомъ она оперируетъ съ такими логическими опредѣленіями, которыя не только не даются никакимъ опытомъ, но даже и не представимы, какъ безконечно-малое и безконечно-великое; а между тѣмъ, на основаніи вычисленій, исходящихъ именно изъ этихъ началъ, опредѣляются самымъ точнымъ образомъ движенія небесныхъ свѣтилъ, предсказываются явленія даже за сотни лѣтъ, съ опредѣленіемъ самаго момента, въ который они должны совершиться. Математикъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, цѣлые годы дѣлаетъ отвлеченныя выкладки и по окончаніи ихъ утверждаетъ, что въ такую-то минуту, на такомъ-то мѣстѣ на небѣ должна находиться никому неизвѣстная планета, и когда на это мѣсто наводится подзорная труба, то дѣйствительно эта планета тамъ обрѣтается. Болѣе очевиднаго доказательства совпаденія законовъ разума и законовъ внѣшняго міра невозможно придумать. А такъ какъ законы разума не ограничиваются одною категоріей количества, а образуютъ цѣльную систему, то ясно, что соотвѣтствіе должно быть общее. И точно, въ другихъ

областяхъ мы находимъ такое же совпаденіе. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, метафизики, исходя отъ понятія о субстанціи, которое эмпирики объявляютъ чистымъ призракомъ, провозгласили, что вещество не можетъ ни прибавляться, ни убавляться, а только соединяется и раздѣляется, и новѣйшая химія подтвердила эту истину. Тѣже метафизики поняли матерію, какъ состоящую изъ недѣлимыхъ частицъ, или атомовъ, и опять же химики объявляютъ, что нѣтъ инаго способа объяснить законы пропорцій въ химическихъ соединеніяхъ.

Однако, однихъ метафизическихъ началъ далеко не достаточно для познанія вещей. Они даютъ только отвлеченныя умственныя категоріи, или способы сочетанія явленій, а какимъ образомъ въ томъ или другомъ случаѣ эти категоріи прилагаются къ дѣйствительности, это вопросъ совершенно другаго рода, который не можетъ быть рѣшенъ умозрѣніемъ. Явленія представляютъ безконечное разнообразіе частныхъ силъ, которыя состоятъ въ безпрерывно измѣняющихся отношеніяхъ другъ къ другу. Все это измѣнчивое разнообразіе надобно фактически изучить, разнять составные его элементы и путемъ сравненія извлечь изъ него то, что въ немъ есть общаго и постояннаго. Это—работа громадная, требующая изощренія всѣхъ умственныхъ способностей, тонкости и изобрѣтательности. Въ этомъ состоитъ задача *опыта*, дѣйствующаго путемъ *наведенія*, то-есть, восхожденія отъ частнаго къ общему. На немъ основано все познаніе внѣшняго міра, въ особенности физической природы.

Еслибы эти два противоположные пути, индуктивный и дедуктивный, одинъ идущій отъ частнаго къ общему, другой отъ общаго къ частному, всегда совпадали, то наука двигалась бы равномѣрнымъ путемъ, представляя только постепенное умноженіе человѣческихъ знаній. Но на дѣлѣ это происходитъ не такъ. Полное совпаденіе обоихъ путей возможно лишь тогда, когда оба достигли надлежащей полноты. Это и составляетъ цѣль всего познавательнаго процессса, но именно поэтому оно можетъ осуществиться только въ концѣ. Пока этого нѣтъ, всегда окажется несоотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ, вслѣдствіе чего человѣческій умъ попеременно становится то на ту, то на другую точку зрѣнія. Съ одной стороны опытъ, при скудномъ матеріалѣ и недостаточныхъ средствахъ, представляетъ лишь обрывки знанія, которые не укладываются въ логическія категоріи или могутъ быть подведены подъ нихъ только искусственнымъ путемъ. Съ другой стороны, умозрѣніе не представляетъ сразу цѣльной и полной системы. Разумъ есть способность развивающаяся. Развитіе его состоитъ въ томъ, что присущія ему логическія начала одно за другимъ выступаютъ въ сознаніе и становятся способами объединенія всего умствен-

наго кругозора. Это совершается путемъ діалектическимъ. Сперва изъ общей безразличной основы выдѣляются противоположности, затѣмъ, въ силу логической необходимости, эти противоположности опять сводятся къ высшему единству. Этотъ процессъ повторяется на всѣхъ ступеняхъ. Вслѣдствіе этого, философскія системы смѣняютъ одна другую и вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу. Каждая изъ нихъ, становясь на исключительную точку зрѣнія, представляетъ недостаточное или одностороннее развитіе метафизическихъ началъ и только въ ихъ совокупности выражается цѣльный процессъ умственнаго развитія человѣчества. Понятно при этомъ, что недостаточное или одностороннее начало не въ состояніи дать такое объединеніе знанія, которое соотвѣтствовало бы дѣйствительности. Недостаточно изученныя явленія насильственно подводятся подъ тѣ или другія одностороннія категоріи, представляя обманчивый призракъ знанія, тамъ, гдѣ въ дѣйствительности есть только искусственное построеніе или плохая догадка. Но рано или поздно опытъ обнаруживаетъ несостоятельность этихъ взглядовъ, а такъ какъ это повторяется на каждой ступени, то отсюда рождается общее недовѣріе къ метафизикѣ.

Таковъ совокупный процессъ умственнаго развитія человѣчества. Онъ представляетъ послѣдовательность смѣняющихъ другъ друга міросозерцаній, которыя, опредѣляя весь умственный кругозоръ человѣка, имѣютъ огромное вліяніе на всю его дѣятельность, а потому и на общественное развитіе. Если въ синтетическія эпохи религія является господствующимъ началомъ въ мысли и жизни, то въ аналитическія эпохи наука становится верховныхъ руководителемъ развитія. Эта роль принадлежитъ въ особенности метафизикѣ, которая, опредѣляя самыя основы міросозерцанія, служитъ и главною пружиной человѣческой дѣятельности. Исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ яркими чертами.

Мы видѣли, это доселѣ человѣчество прошло черезъ двѣ эпохи свѣтскаго развитія: древнюю и новую. Въ обѣихъ человѣческій умъ попеременно исходитъ то отъ умозрѣнія, то отъ опыта, начиная то сверху, то снизу. Цѣльность міросозерцанія требуетъ, разумѣется, сочетанія противоположныхъ путей; поэтому, на каждой ступени существуютъ оба; но тотъ или другой является преобладающимъ. Господство умозрѣнія можно назвать *раціонализмомъ*, господство опыта—*реализмомъ*, наконецъ сочетаніе обоихъ—*универсализмомъ*. Каждая изъ этихъ ступеней представляетъ полное развитіе всего цикла умственныхъ категорій. Обозначимъ вкратцѣ этотъ процессъ *).

---

*) Развитіе философскихъ системъ и вытекающихъ изъ нихъ общественныхъ

Движенie естественно начинается съ безразличія обоихъ путей. Это—то, что можно назвать первобытнымъ универсализмомъ. Таковъ характеръ древнѣйшей греческой философіи. Мысль инстинктивнымъ синтезомъ охватывала всѣ области бытія и подчиняла ихъ общему началу. Нерѣдко она выражалась въ поэтической формѣ. Въ эту первую эпоху замѣчается двоякій процессъ. Сперва мысль, исходя отъ явленій, постепенно возвышается къ связующему ихъ абсолютному закону и такимъ образомъ приходитъ къ самой отвлеченной изъ всѣхъ категорій, къ количеству. Таково было значенie подготовительнаго періода греческой философіи, представляемаго Іонійцами. Изъ нихъ вышелъ Пиѳагоръ, который провозгласилъ число сущностью всѣхъ вещей. Пиѳагорейская система представляетъ первую попытку связать общимъ закономъ весь физическій и нравственный міръ. Эта попытка не ограничивалась умственною областью; она вліяла и на общественную жизнь. Въ городахъ Великой Греціи образовались пиѳагорейскіе союзы, которые составляли болѣе или менѣе замкнутыя корпораціи, управлявшія всѣми дѣлами. Господствующая аристократія находила въ нихъ теоретическую поддержку. Съ Пиѳагорейцевъ начинается обратный процессъ. Мысль, въ своемъ логическомъ развитіи, переходитъ одну за другою всѣ остальныя категоріи сущаго. Категорія бытія находитъ свое выраженie въ ученіи Элеатовъ, которые понимали сущее какъ единое, неподвижное и неизмѣнное начало, признавая все остальное призракомъ. Въ противоположность имъ, категоріи дѣйствія развиваются въ ученіи Гераклита, которому міръ представлялся вѣчнымъ процессомъ. Наконецъ, этотъ первоначальный циклъ мышленія завершается развитіемъ категорій реальныхъ отношеній, высшимъ выраженіемъ которыхъ является атомистика, понимающая субстанцію, какъ составленную изъ единичныхъ силъ, соединяющихся и раздѣляющихся, но не измѣняющихъ своего существа. Соотвѣтственно этому движенію совершается и развитіе общественной жизни; аристократическій строй переходитъ въ демократическій, черезъ посредствующія ступени тиранніи, установляющей единство власти, и сложныхъ формъ, представляющихъ измѣняющееся сочетаніе различныхъ элементовъ во имя идеальной цѣли. Демократія есть чистый политическій атомизмъ. Мы видимъ, что аналогія тутъ полная. Общественная жизнь и умственное развитіе слѣдуютъ общему закону и находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи.

Но и въ умственной сферѣ, также какъ въ общественной жизни,

началъ въ древнемъ и новомъ мірѣ см. въ моей *Исторіи политическихъ ученій* 4 части. Ср. также *Наука и религія*, кн. 3, и *Основанія логики и метафизики*.

выражающееся въ атомистикѣ господство индивидуальныхъ началъ раскрываетъ фактическую противоположность частныхъ силъ и ведетъ къ ихъ борьбѣ. Эта фактическая сторона становится теперь первенствующею: мысль отъ началъ переходитъ къ *явленію*; универсализмъ замѣняется реализмомъ. Въ греческой философіи этотъ важный шагъ былъ сдѣланъ Софистикой, которая устами Протагора провозгласила, что истина есть явленіе, а мѣрило всѣхъ вещей человѣкъ, какъ субъектъ явленій, то-есть, какъ единичное физическое существо, воспринимающее и ощущающее измѣнчивыя впечатлѣнія, наносимыя на него потокомъ матеріальнаго бытія. Изъ этихъ началъ вытекало цѣлое новое міросозерцаніе, которое разрушало всѣ существующія основы общественной жизни, религію, право, нравственность, освященный преданіемъ общественный строй. Платонъ, въ Разговорѣ о *Законахъ*, излагаетъ этотъ взглядъ, который, какъ онъ говоритъ, находится въ устахъ почти у всѣхъ *). Въ основныхъ чертахъ, онъ совершенно напоминаетъ современное намъ направленіе, хотя онъ господствовалъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. По этому воззрѣнію, все въ мірѣ раздѣляется на естественное и искусственное. Естественно то великое и прекрасное, что представляетъ намъ физическая природа. Все это произошло не отъ какой-либо разумной причины, а чисто отъ слѣпаго случая, вслѣдствіе отношенія физическихъ силъ. Напротивъ, искусственно все то, что создается и измышляется бреннымъ человѣкомъ; это—людскія игрушки, мало причастныя истинѣ и представляющія только тѣни и подобія. Только тѣ искусства болѣе существенны, которыя приближаются къ природѣ; таковы земледѣліе, медицина, гимнастика. Религія же и политика ничто иное какъ изобрѣтенія человѣческаго ума. Боги не существуютъ въ природѣ, а выдуманы человѣкомъ, а потому разные у разныхъ народовъ, смотря по тому, какіе установлены законодателями. Столь же искусственна и политика. Справедливость вовсе не истекаетъ изъ природы, а дѣло чисто человѣческое. Люди, слѣдуя случайнымъ воззрѣніямъ, безпрерывно мѣняютъ свои законы: что они постановляютъ въ извѣстное время, тѣмъ они и управляются. Послѣдовательно проводя эти начала, Софисты признавали справедливымъ то, что полезно сильнѣйшему; а такъ какъ большинство сильнѣе меньшинства, то оно въ правѣ постановлять все, что оно считаетъ для себя нужнымъ. Другіе, съ неменьшею послѣдовательностью, выводили изъ этого оправданіе тиранніи: если тиранъ умѣетъ захватить власть и держитъ своихъ согражданъ въ повиновеніи, то въ этомъ онъ слѣдуетъ только закону природы, которая

*) См. Исторію политическихъ ученій. Часть I, стр. 28.

даетъ право сильнѣйшему. Всякій ищетъ того, что ему полезно или пріятно, и если онъ хочетъ пріобрѣсти власть и богатство, то позволительно употреблять для этого всякія средства. Сами Софисты ставили себѣ цѣлью научать людей способамъ достигать желаннаго. Такъ какъ въ государствѣ, по естественному закону, владычествуетъ большинство, то надобно стараться склонить это большинство на свою сторону. Лучшимъ для этого средствомъ служитъ краснорѣчіе. Софисты являлись учителями риторики и наставляли юношей искусству убѣждать людей дѣлать то, чего хочетъ ораторъ; за это они получали крупные гонорары. Они поучали и всякимъ другимъ искусствамъ, странствуя по городамъ и похваляясь тѣмъ, что они все знаютъ и все умѣютъ. Это былъ эмпиризмъ во всемъ своемъ послѣдовательномъ развитіи, не сдержанный никакими нравственными побужденіями.

Понятно, что такая проповѣдь разрушала всѣ общественныя связи. Она внесла въ греческую жизнь такой разладъ, отъ котораго она никогда не оправилась. Вызванная естественнымъ движеніемъ мысли и жизни, Софистика явилась въ ней разлагающимъ элементомъ. Однако и она, въ свою очередь, вызывала реакцію. Человѣкъ не есть только игралище явленій; онъ носитъ въ себѣ внутреннія начала, которыя не поддаются софистическимъ воззрѣніямъ и возмущаются противъ проповѣди личнаго своекорыстія. Какъ разумно-свободное существо, онъ возвышается надъ случайностями и приходитъ къ сознанію общихъ началъ, на основаніи которыхъ онъ самъ себя опредѣляетъ къ дѣятельности, стараясь направить и подчинить себѣ внѣшнія явленія. Въ силу этого внутренняго самосознанія, субъектъ, какъ разумное, дѣятельное начало, противополагаетъ себя объекту. На самой почвѣ реализма внутренній опытъ противополагается внѣшнему. Таково было значеніе Сократа, который сдѣлался исходною точкой для всего дальнѣйшаго развитія философіи.

Однако и это внутреннее начало дѣйствовало разлагающимъ образомъ на сложившіяся вѣками основы общественнаго порядка. Возвышая человѣка надъ случайностями, возводя его въ область чисто внутренняго самоопредѣленія, оно отрѣшало его и отъ той среды, въ которой онъ призванъ былъ жить и дѣйствовать. Вышедшіе изъ школы Сократа Киники провозглашали себя космополитами; Киренаики ставили себѣ цѣлью умное пользованіе жизненными благами. Вмѣстѣ съ Софистикой, критикѣ подвергалось и все существующее, во имя чисто разумныхъ началъ. Прежде всего она касалась установленной религіи. Внутреннее самосознаніе разума вело къ признанію единаго верховнаго Разума, владычествующаго въ мірѣ, а это разрушало многобожіе. Поэтому Сократъ былъ преданъ смерти ревностными защит-

никами старины. Приготовляя человѣчеству лучшее будущее, онъ возстановлялъ противъ себя умирающее прошлое.

Но оставаясь на почвѣ реализма, внутреннее самосознаніе не въ состояніи было служить объединяющимъ центромъ всей человѣческой жизни. Для этого надобно было изъ области относительнаго, гдѣ происходитъ распаденіе субъекта и объекта, возвыситься къ абсолютному, въ которомъ они связываются высшимъ, господствующимъ надъ ними началомъ, то-есть, надобно было отъ реализма перейти къ раціонализму. Это и сдѣлалъ ученикъ Сократа, Платонъ, который черезъ это сталъ основателемъ новаго метафизическаго періода греческаго мышленія. Реализмъ явился здѣсь, какъ онъ всегда долженъ быть по самому своему существу, только переходною ступенью между двумя метафизическими періодами.

И тутъ мы видимъ полную аналогію съ тѣмъ, что произошло въ общественной жизни. Тамъ надъ борющимися общественными стихіями возвысилось государство, какъ господствующій надъ ними союзъ; здѣсь туже роль играла метафизика, возвысившись къ сознанію абсолютнаго, господствующаго надъ относительнымъ. Но какъ тамъ отвлеченное государство способно было установить только внѣшній порядокъ, а не внутреннюю связь частей, такъ и здѣсь отвлеченный раціонализмъ не въ состояніи былъ сдѣлаться началомъ всего человѣческаго знанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и человѣческой жизни. Въ обоихъ случаяхъ недоставало одного и того же: посредствующихъ звеньевъ между общимъ и частнымъ. Скудное развитіе опытныхъ наукъ не дозволяло подводить явленія подъ общія начала иначе, какъ искусственнымъ и поверхностнымъ образомъ. Поэтому древняя метафизика, удовлетворяя высшіе умы, стремившіеся къ познанію абсолютнаго, и давая имъ жизненную опору, мало имѣла вліянія на общественный бытъ. Въ своемъ развитіи она болѣе и болѣе удалялась отъ жизни. Отъ идеализма Платона и Аристотеля, которые высшимъ началомъ признавали причину конечную, представляющую конкретное сочетаніе противоположностей, мышленіе перешло къ противоположенію причины формальной и причины матеріальной: первой у Стоиковъ, которые все производили отъ верховнаго Разума, владычествующаго въ мірѣ, второй у Епикурейцевъ, которые основаніемъ всего сущаго признавали раздѣленную на атомы матерію. Наконецъ, умственный циклъ завершился возведеніемъ противоположностей къ общему ихъ источнику, къ причинѣ производящей: такова была точка зрѣнія послѣдней ступени греческой философіи — неоплатонизма. Изъ этихъ системъ наибольшее общественное вліяніе имѣлъ стоицизмъ, который развитіемъ нравственныхъ началъ старался внести разумный порядокъ въ

разлагающійся міръ. У него поучались римскіе юристы, которые, ра: вивая общечеловѣческія начала права, создали вѣковѣчный памятник перешедшій въ наслѣдіе къ новымъ народамъ; имъ вдохновлялся тот возвышенный самодержецъ, который кроткою мудростью пыталс охранять міръ и законный порядокъ въ своей необъятной имперіі Но отвлеченное нравственное начало менѣе всего способно быть орг: низаторомъ общественной жизни. Стоицизмъ замѣнился неоплатони: момъ, проповѣдь нравственнаго закона религіознымъ погруженіемъ в абсолютный источникъ всего сущаго. И то и другое было поготоı леніемъ къ восприятію новой религіи нравственнаго міра. Стоя н почвѣ греческаго мышленія, послѣдніе его представители, Неоплат(ники, явились врагами новаго вѣроисповѣданія. Они пытались нач лами, выработанными философіей, обновить и воскресить отжившс язычество. Но эта попытка была тщетная. Язычество принадлежал къ области прошлаго, и философскія его толкованія были чист искусственныя. Существенное значеніе всей греческой философіи сост(яло именно въ томъ, что, разрушивъ язычество, она пролагала пут христіанству. Поэтому самые сильные умы, не удовлетворенные неопла тонизмомъ, становились христіанами. Новая религія, отвергнутая наро домъ, изъ котораго она вышла, нашла воспріимчивую почву у тѣхт которые были подготовлены къ ней свѣтскимъ развитіемъ мысли.

Обозрѣвая весь ходъ древняго мышленія, мы видимъ, что оно ш параллельно съ жизнью, въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ послѣднею Но въ этомъ взаимодѣйствіи мысль являлась болѣе разлагающимъ нежели созидающимъ началомъ, ибо таковъ былъ самый жизненны процессъ. Общественный бытъ классическихъ народовъ, основанны на крѣпкомъ народномъ духѣ, на преданіяхъ, идущихъ изъ рода в родъ, разлагался двоякимъ путемъ: съ одной стороны развитіем частныхъ интересовъ, вытѣснявшихъ интересъ общественный, с другой стороны развитіемъ отвлеченнаго общечеловѣческаго начала которое подрывало конкретныя формы народной жизни. Въ обоихт направленіяхъ философская мысль являлась существеннымъ факто ромъ движенія. Но въ этихъ разлагающихъ началахъ коренились і зачатки новой, высшей жизни. Преобладаніе частныхъ интересов вело къ развитію личности, съ принадлежащею ей сферою дѣятель ности, которой не было простора въ древнемъ государствѣ; сознаніе же общечеловѣческаго начала привело къ понятію о человѣкѣ, как разумно-нравственномъ существѣ, съ его внутреннимъ достоинствомъ, независимымъ отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ опредѣленій, понятію, нашедшему высшее свое выраженіе въ христіанствѣ, которое, отвергнувъ различіе между Эллинами и варварами, провозгласило всѣхъ

людей братьями во имя Христа. Окончательнымъ результатомъ этого процесса было распаденіе общества на два противоположные міра: одинъ представлялъ безграничное господство частныхъ силъ и частныхъ интересовъ; въ другомъ, напротивъ, воплощалось общечеловѣческое начало, которое служило связью возвышающагося надъ свѣтскою областью нравственно-религіознаго союза. Таковъ былъ характеръ средневѣковаго порядка.

Въ этомъ новомъ религіозномъ синтезѣ наука имѣла подчиненное значеніе. Она считалась служанкою богословія. Всякое стремленіе къ самостоятельному мышленію подавлялось безпощадно. Однако, въ области юридическихъ отношеній, она смѣло отстаивала права свѣтской власти противъ папскихъ притязаній и въ этомъ находила защиту у свѣтскихъ владыкъ. Самая схоластика, которая была попыткою втѣснить завѣщанное древностью философское наслѣдіе въ узкія рамки богословскихъ опредѣленій, изощряла человѣческій умъ, который наконецъ сбросилъ съ себя наложенныя на него оковы и выступилъ, какъ самостоятельный дѣятель. На первыхъ порахъ, путеводными свѣтилами въ этомъ движеніи были великіе мыслители древности, которыхъ творенія вдохновляли передовые умы. Наступила эпоха Возрожденія, которая была началомъ новаго, свѣтскаго развитія мысли и жизни.

Въ этомъ пробужденіи всѣхъ силъ человѣческаго духа, вырвавшихся на просторъ, всѣ элементы знанія, какъ метафизика, такъ и опытъ, нашли себѣ мѣсто. Однако метафизика была преобладающимъ началомъ. Она сдѣлалась руководительницею человѣческихъ обществъ въ первый періодъ ихъ развитія. Такимъ образомъ, здѣсь умственное движеніе начиналось не съ стремленія понять дѣйствительность, какъ въ древности въ первобытномъ универсализмѣ, а съ отрѣшенія отъ дѣйствительности. Умъ, свергнувшій свои оковы, исходилъ отъ самого себя. Послѣдняя ступень древней философіи была первою ступенью новаго мышленія. Самый процессъ развитія раціонализма шелъ въ обратномъ порядкѣ, не отъ конкретныхъ началъ къ отвлеченнымъ, а отъ отвлеченныхъ къ конкретнымъ. Исходною точкою новой философіи было понятіе о причинѣ производящей, то, которое было послѣднею ступенью древняго міросозерцанія. Это начало лежитъ въ основаніи ученій Картезіанской школы. Затѣмъ выступаетъ противоположность причины формальной и причины матеріальной: первая въ школѣ Лейбница, которая развивала понятіе о верховномъ Разумѣ, владычествующемъ надъ единичными духовными силами, или монадами, и подчиняющемъ ихъ непреложному закону; вторая въ философіи XVIII вѣка, которая возвратилась къ понятію о раздѣленной на атомы

матеріи. Наконецъ, противоположности сводятся къ высшему един ству причиною конечною, составляющею основное начало нѣмецкаг идеализма.

Сообразно съ этимъ развиваются и умозрительныя начала обще ственной жизни. Прежде всего установляется понятіе о государствѣ какъ союзѣ, облеченномъ верховною властью надъ членами; затѣм выступаютъ противоположныя начала права и нравственности; одн лежащее въ основаніи индивидуалистическихъ теорій XVIII вѣка, дру гое въ школѣ Лейбница и Вольфа; наконецъ, эти противоположны начала возводятся къ идеѣ, составляющей высшую цѣль государствен наго развитія: такова точка зрѣнія идеализма. Изъ этихъ началъ въ отличіе отъ того, что мы видѣли въ древности, наибольшее влія ніе на общественную жизнь оказали тѣ, которыя ближе стояли к дѣйствительности. Индивидуалистическія теоріи XVIII вѣка, можн сказать, перевернули весь міръ. Онѣ произвели глубочайшія потря сенія и окончательно разрушили средневѣковой порядокъ. Даже тамъ гдѣ онѣ не находили подготовленной почвы, онѣ повели къ коренным перемѣнамъ, какъ въ жизненномъ строѣ, такъ и въ общихъ воззрѣ ніяхъ. Въ особенности онѣ нашли полное и плодотворное приложені въ области гражданской, гдѣ личное начало составляетъ корень і основаніе всѣхъ отношеній. Подъ ихъ вліяніемъ сословный строй пре вратился въ общегражданскій, и это составляетъ прочное пріобрѣтені человѣчества. Меньшее дѣйствіе онѣ оказали въ политической сферѣ ибо здѣсь, по самому свойству государственнаго союза, личное начал не можетъ имѣть притязанія на исключительное господство. Въ это области одностороннее развитіе индивидуализма можетъ являтьс результатомъ мѣстныхъ условій или составлять переходную ступен развитія, но теоретически оно не оправдывается. Поэтому, здѣсь в самомъ умственномъ процессѣ неизбѣжно происходитъ реакція. В государствѣ требуется не исключительное развитіе того или другаг изъ входящихъ въ него началъ, а сведеніе ихъ къ высшему единству Это и составляетъ задачу идеализма. Однако и идеализмъ, если он является чисто теоретическимъ ученіемъ, не принаровленнымъ к фактическимъ условіямъ мѣста и времени, лишенъ жизненной почвы а потому обреченъ на паденіе. Такова была вездѣ судьба отвлечен наго доктринерства, считавшаго возможнымъ прилагать умозрительны теоріи, безъ вниманія къ той почвѣ, на которой онѣ должны осу ществиться.

Такова же была судьба раціонализма вообще. Отвлеченное умо зрѣніе не въ состояніи дать полноты знанія. Для этого надобно изу чить явленія въ самихъ себѣ; необходимо восполненіе умозрѣнія опы

томъ. Вслѣдствіе этого, человѣческая мысль, завершивъ свой раціоналистическій циклъ, неизбѣжно переходитъ къ реализму. Въ идеализмѣ, представляющемъ сочетаніе противоположностей въ конечномъ единствѣ, философія достигла высшаго изъ всѣхъ умозрительныхъ началъ. Но самый идеализмъ, какъ исключительная система, въ свою очередь, оказывается одностороннимъ. Конечное единство, отрѣшенное отъ своихъ основъ, ведетъ къ отрицанію самостоятельности частныхъ силъ; единичное начало является здѣсь только преходящею ступенью общаго процесса. Въ общемъ міросозерцаніи это ведетъ къ пантеизму, въ области общественной къ поглощенію лица государствомъ. Конечно, строгіе мыслители, понимающіе точныя границы понятій, воздерживаются отъ этихъ крайностей; но односторонніе ученики выводятъ ихъ съ кажущеюся послѣдовательностью. Между тѣмъ, противоположные элементы, которые требуется свести къ высшему единству, не суть нѣчто преходящее, улетучивающееся въ общемъ процессѣ. Они составляютъ реальныя начала жизни, образующія каждое свой особенный міръ своеобразныхъ отношеній, сохраняющихъ свою относительную самостоятельность даже при подчиненіи ихъ высшему единству. Поэтому, исключительный идеализмъ, когда онъ хочетъ налагать свой законъ на весь міръ явленій, становится съ ними въ противорѣчіе. Тутъ онъ встрѣчаетъ протестъ въ наукѣ, опирающейся на факты. А такъ какъ факты дѣлаются черезъ это высшимъ мѣриломъ истины, то они, въ свою очередь, полагаются въ основаніе всего умственнаго кругозора. Во имя опыта отвергается не только односторонній идеализмъ, но и все умозрѣніе, котораго онъ составляетъ высшій продуктъ. Спустившись изъ области отвлеченной метафизики къ конкретнымъ явленіямъ, мысль отъ раціонализма переходитъ къ реализму.

По существу своему, опытъ долженъ быть восполненіемъ метафизики. Но человѣческій умъ, въ своемъ развитіи, идетъ отъ одной крайности къ другой, исчерпывая до конца содержаніе каждой. Поэтому, вступленіе его на почву реализма знаменуется полнымъ отрицаніемъ метафизики. Она выкидывается черезъ бортъ, какъ отслужившій свое время и уже ненужный хламъ. Такова точка зрѣнія современной науки. И въ этомъ одностороннемъ увлеченіи есть глубокій смыслъ. Ибо опытъ имѣетъ свои совершенно самостоятельныя, непоколебимыя начала, независимыя отъ метафизики. Именно поэтому онъ и можетъ служить провѣркою послѣдней. Человѣческій разумъ способенъ достигать полноты знанія, потому что онъ имѣетъ два противоположныхъ и вполнѣ самостоятельныхъ пути, которые могутъ провѣряться одинъ другимъ. Но по этому самому, каждый изъ нихъ, взятый въ своей исключительности, не даетъ требуемой полноты. Если отвлеченная метафизика ча-

сто грѣшитъ незнаніемъ явленій, то исключительный опытъ грѣшитъ полнымъ ихъ непониманіемъ, ибо безъ метафизики, заключающей въ себѣ связующія начала мышленія, никакое пониманіе невозможно. Отрицаніе ея ведетъ только къ полнѣйшему умственному хаосу, въ которомъ находятъ пріютъ самыя безобразныя теоріи и самыя крайнія направленія. Это и составляетъ характеристическую черту нашего времени.

Также какъ въ древности, въ періодъ Софистики, современный реализмъ распадается на двѣ противоположныхъ отрасли, которыя можно назвать реализмомъ матеріалистическимъ и реализмомъ нравственнымъ. Первый господствуетъ преимущественно въ Англіи и Франціи, второй въ Германіи. Можно сказать, что первый составляетъ преобладающее направленіе нашего времени, а второй служитъ ему только плохою поправкой *).

Въ матеріалистическомъ реализмѣ, опирающемся на внѣшній опытъ, высказываются самымъ яркимъ образомъ всѣ существенные недостатки чисто эмпирической точки зрѣнія. Внѣшнія чувства не даютъ намъ ничего, кромѣ совмѣстности и послѣдовательности явленій въ пространствѣ и времени. Все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ, недоступно эмпирическому познанію. Поэтому эмпирики объявляютъ абсолютное непознаваемымъ. Это основной ихъ догматъ. Но черезъ это исчезаетъ возможность всякаго связнаго міросозерцанія, ибо относительное, то-есть частное, измѣнчивое, условное, зависимое отъ другаго, находитъ опору и единство только въ безусловномъ, неизмѣнномъ, зависимомъ лишь отъ себя, то-есть, въ абсолютномъ. Безъ этого весь міръ представляется загадочною игрой случайныхъ силъ, жертвою которыхъ является человѣкъ. Самъ познающій разумъ становится внутренно противорѣчащимъ себѣ началомъ. Понятіе объ абсолютномъ ему присуще; это — фактъ, который невозможно отрицать. Какъ только человѣкъ начинаетъ себя сознавать, онъ, по выраженію Конта, ставитъ себѣ именно тѣ вопросы, которые совершенно ему недоступны, вопросы о начальныхъ и конечныхъ причинахъ бытія. И эти вопросы сопровождаютъ его на самыхъ высшихъ ступеняхъ умственнаго развитія, ибо они составляютъ неотразимую потребность, какъ его разума, такъ и его совѣсти. Съ рѣшеніемъ ихъ связано все, что ему дорого и свято на землѣ. Разумъ не можетъ успокоиться на относительномъ, когда само относительное неотразимо указываетъ ему на абсолютное, какъ на первоначальный свой источ-

*) Относительно критики реализма ср. мое сочиненіе: *Положительная философія и единство науки*, а также *Основанія логики и метафизики*.

никъ и верховный законъ. Если онъ самъ не въ состоянія выпутаться изъ этого противорѣчія, то единственнымъ для него исходомъ остается подчиненіе религіи, которая открываетъ чувству высшую область, недоступную разумѣнію. Такъ дѣлалъ Паскаль, и такъ должны дѣлать всѣ высокія души, жаждущія истины и не обрѣтающія ея въ низменныхъ сферахъ относительнаго знанія. Но тогда наука становится въ служебное положеніе къ религіи, также, какъ въ средніе вѣка. Она ограничивается низшею областью эмпирическаго бытія и перестаетъ быть руководительницею человѣка на его жизненномъ пути. Признаніе абсолютнаго непознаваемымъ есть отреченіе науки отъ руководящей роли въ человѣческой жизни.

Но не только въ этой верховной области знанія, а также въ различныхъ сферахъ относительнаго бытія, въ познаніи природы и человѣка, обнаруживается тоже неисцѣлимое внутреннее противорѣчіе чистаго эмпиризма. Въ естествовѣдѣніи опытная наука празднуетъ величайшія свои побѣды. Ей главнымъ образомъ человѣчество обязано своею властью надъ природою. Всѣ изумительныя изобрѣтенія нашего времени, то, что дало самой общественной жизни совершенно новый строй, машинное производство, желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы, все это произведено руководимою опытомъ наукою. И въ чисто теоретической области матеріалъ собранъ громадный; все доступное человѣческимъ чувствамъ изслѣдовано въ мельчайшихъ подробностяхъ. Но если, не ограничиваясь поверхностью явленій, мы допросимъ эмпирическую науку о тѣхъ началахъ, которыя лежатъ въ ихъ основаніи, о существѣ тѣхъ силъ природы, которыя выражаются въ безконечномъ разнообразіи явленій, то на это мы не найдемъ въ ней отвѣта. Тутъ все для насъ покрыто непроницаемою тайной. Мы самымъ точнымъ образомъ опредѣляемъ движенія небесныхъ свѣтилъ, за сотни лѣтъ можемъ предсказывать затмѣнія, но существо производящей эти явленія силы притяженія остается для насъ чистѣйшею загадкой. Мы изслѣдуемъ явленія электричества, вычисляемъ невидимыя колебанія свѣтовыхъ волнъ, но все это строится на гипотезѣ таинственнаго эѳира, который не подлежитъ нашимъ чувствамъ и которому мы принуждены приписывать, повидимому, противорѣчащія свойства: несжимаемость и упругость, наполненіе пространства и непротивленіе движенію. Еще хуже обстоитъ дѣло въ познаніи органическаго міра. Тутъ неизвѣстно даже, какого рода началамъ мы должны приписывать наблюдаемыя явленія: достаточно ли однихъ механическихъ и химическихъ силъ или слѣдуетъ признать особую органическую, или жизненную силу, производящую строеніе и развитіе организма?

Наше время иногда опредѣляютъ какъ вѣкъ механическаго міросозерцанія и дарвинизма. Но одно противорѣчитъ другому, хотя оба воззрѣнія равно несостоятельны. Механическое міросозерцаніе есть метафизическая теорія, все сводящая къ частнымъ силамъ, присущимъ матеріи. Она находитъ полное свое примѣненіе въ области дѣйствія чисто механическихъ силъ, но совершенно неприложима къ органической жизни, не только-что къ человѣку. Никто никогда не въ состояніи былъ объяснить строеніе и развитіе организма извѣстными намъ механическими законами. Тутъ самыя явленія обнаруживаютъ цѣлесообразно дѣйствующую силу, отношенія цѣли и средствъ, органовъ и функцій, которымъ нѣтъ мѣста въ чисто механической системѣ, не знающей ничего, кромѣ производящихъ причинъ. Поэтому, когда органическія явленія стараются свести къ дѣйствію механическихъ и химическихъ силъ, то этимъ обнаруживается только крайняя скудость въ анализѣ и связи понятій. Дарвинизмъ не грѣшитъ этою односторонностью; по существу своему, онъ противорѣчитъ механическому воззрѣнію, ибо основнымъ началомъ въ эволюціи организмовъ онъ признаетъ *пользу*, то-есть, отношеніе цѣли и средствъ, выходящее изъ предѣловъ чистой механики. Когда рьяные дарвинисты, въ родѣ Геккеля, объявляютъ, что въ силу гипотезы Дарвина все развитіе органическаго міра сводится къ механическимъ законамъ, то они доказываютъ только свою неспособность связывать понятія. Однако и самъ Дарвинъ подалъ къ этому поводъ, ибо онъ старался дѣйствіе фактически признаннаго имъ начала пользы объяснить чисто механически, случайными столкновеніями частныхъ силъ, изъ которыхъ всегда побѣждаетъ наиболѣе приспособленная къ окружающимъ условіямъ. Черезъ это, отношеніе цѣли и средствъ низводится на степень совершенно безсмысленнаго начала неизвѣстнаго происхожденія, которое, подчиняясь закону случайности, не въ состояніи объяснить восходящее развитіе организмовъ. Ибо какіе организмы можно считать наиболѣе приспособленными къ разнообразнымъ и измѣнчивымъ условіямъ земной жизни? Не тѣ, которыхъ сложное и разнообразное строеніе требуетъ столь же сложныхъ и разнообразныхъ жизненныхъ условій, а тѣ, которыя, по простотѣ строенія, приспособлены ко всякимъ условіямъ. Именно поэтому низшіе организмы, какъ показываетъ опытъ, размножаются несравненно быстрѣе и въ большемъ количествѣ, нежели высшіе, а при столкновеніи частныхъ силъ въ борьбѣ за существованіе, количество въ концѣ концовъ всегда будетъ имѣть перевѣсъ надъ качествомъ. Искусственный подборъ, который составлялъ для Дарвина исходную точку его изслѣдованій, доказываетъ, что будучи предоставлены случайной игрѣ

силъ, бережно взлелѣянныя особи дичаютъ. Вслѣдствіе этого, онъ самъ принужденъ былъ признать, что его гипотеза не объясняетъ, въ силу чего низшіе организмы развиваются въ высшіе. Но тогда какое же научное значеніе можетъ имѣть подобная гипотеза? Она не имѣетъ основанія ни въ логикѣ, ни еще менѣе въ фактахъ. Еслибы она была вѣрна, мы постоянно видѣли бы превращеніе организмовъ другъ въ друга, въ силу неустанно дѣйствующей борьбы за существованіе. Но ничего подобнаго мы не замѣчаемъ. Поэтому Дарвинъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ новой гипотезѣ безконечно долгихъ періодовъ времени, потребныхъ для произведенія малѣйшей перемѣны въ организмахъ, гипотезѣ, лишенной всякой почвы въ виду быстраго дѣйствія искусственнаго подбора, и представляющей, по выраженію великаго Бэра, только плохую гавань, куда фантазирующая мысль укрывается отъ напора фактовъ.

Такимъ образомъ, всѣ старанія объяснить явленія природы съ точки зрѣнія чисто опытной науки оказываются тщетными. Легкомысленные поклонники эмпиризма могутъ на матеріалистической почвѣ строить всевозможные воздушные замки; они могутъ даже провозглашать, что въ природѣ нѣтъ болѣе таинъ. Все это остается только плохою метафизикой, въ которой недостатокъ твердаго знанія восполняется ничѣмъ не обузданною фантазіей. Строгій ученый, держась опытнаго пути, можетъ только воскликнуть, вслѣдъ за знаменитымъ естествоиспытателемъ: „ignoramus et semper ignorabimus!“ *).

Мало того: отвергая умозрѣніе, эмпирическая наука, на самой опытной почвѣ, не можетъ безъ нея обходиться. Величайшими своими успѣхами она обязана чисто умозрительной наукѣ—математикѣ, которая раскрываетъ уже не относительные, а абсолютные, логически необходимые законы количественныхъ отношеній. Все, что есть раціональнаго въ механическомъ міросозерцаніи, основано на математическихъ началахъ. Этого нельзя отвергать; а такъ какъ это кореннымъ образомъ противорѣчитъ эмпирической теоріи, то приверженцы ея пытаются самую математику выдать за науку, построенную на опытныхъ началахъ. Даже великіе естествоиспытатели, какъ Гельмгольцъ, подъ вліяніемъ современнаго теченія, усвоиваютъ себѣ этотъ фактически невѣрный и логически нелѣпый взглядъ. И тутъ, какъ и вездѣ, съ отрицаніемъ умозрѣнія, приходится опытъ восполнять фантазіей. Выходя изъ строго опредѣленной области человѣческаго разумѣнія, основаннаго на законахъ логической необходимости, ученые математики вдаются въ гиперматематическія построенія, развиваютъ непред-

*) Мы не знаемъ и никогда не будемъ знать.

ставимыя представленія пространства о четырехъ и болѣе измѣре-ніяхъ, которыя при ближайшемъ анализѣ оказываются совершеннымъ абсурдомъ. И все это дѣлается для того, чтобы, отвергнувъ всякую логику, признать внѣшнія чувства единственнымъ основаніемъ человѣческаго знанія. Къ счастью, эти праздныя блужданія не мѣшаютъ математикѣ быть и оставаться чисто умозрительною наукой. Логическій анализъ математическихъ понятій и представленій обнаруживаетъ это съ полнѣйшею достовѣрностью. Только изъ умозрительныхъ началъ можно сдѣлать логически необходимые выводы. Опытъ же не даетъ ничего, кромѣ аналогіи, изъ которой никакого точнаго вывода сдѣлать нельзя и которымъ, поэтому, математика никогда не руководствуется *).

Подчиняясь во всѣхъ количественныхъ опредѣленіяхъ математическимъ законамъ, опытная наука не обходится и безъ метафизики. Понятія о матеріи и о силѣ, лежащія въ основанія законовъ механики и физики, суть понятія метафизическія. Какъ мѣщанинъ во дворянствѣ, который не подозрѣвалъ, что онъ говоритъ прозою, естествоиспытатели, отвергающіе метафизику, не подозрѣваютъ, что они постоянно ею руководятся, ибо безъ нея нельзя связывать понятія. Къ довершенію комичности ихъ положенія, они громко объявляютъ, что мы не знаемъ, что такая матерія и сила, и вслѣдъ затѣмъ начинаютъ опредѣлять свойства и дѣйствія этихъ неизвѣстныхъ вещей, какъ будто опредѣленіе свойствъ и дѣйствій не есть искомое познаніе вещи. Только неясность понятій можетъ требовать чего-либо другаго.

При такомъ состояніи науки, естествознаніе представляетъ изумительную смѣсь самыхъ разнорѣчивыхъ понятій и самыхъ вопіющихъ противорѣчій. Матеріалъ собранъ громадный; техническіе пріемы и приложенія достойны всякой похвалы и удивленія; но свѣтъ, озаряющій эту необъятную область—ничтожный и мерцающій: это—скудная лампада, зажженная неумѣлыми руками. Для поверхностнаго легкомыслія всѣ вопросы, конечно, рѣшаются очень просто. Стòитъ только усвоить себѣ механическое міросозерцаніе и дарвинизмъ, и въ природѣ нѣтъ болѣе таинъ. Если что-нибудь еще не объяснено, то оно объяснится со временемъ. Но болѣе строгіе умы поражаются именно необъятностью того, чего мы не знаемъ; а тѣ, которые сохранили еще слѣды философскаго образованія, могутъ видѣть въ современномъ естествознаніи лишь подготовительную ступень для науки. Это—тщательно собранный, но не переваренный матеріалъ, ожидающій озаре-

*) См. главу о математикѣ въ моемъ сочиненіи: *Положительная философія и единство науки*. Ср. также *Основанія логики и метафизики*.

нія мысли. Въ настоящемъ своемъ положеніи, онъ менѣе всего способенъ служить руководящимъ началомъ въ умственномъ развитіи человѣчества. Тѣ, которые отдаются всецѣло одностороннему направленію естествознанія, либо увлекаются пошлѣйшимъ матеріализмомъ, либо погружаются въ умственный хаосъ, изъ котораго нѣтъ исхода.

Но если таково состояніе естественныхъ наукъ, то еще хуже обстоитъ съ познаніемъ человѣка. Тутъ требуется не только изученіе явленій и сведеніе ихъ къ фактическимъ законамъ, но и ихъ оцѣнка. Когда естествоиспытатель изслѣдуетъ какое нибудь явленіе физическаго міра, онъ принимаетъ его за непреложный фактъ, выражающій истинные законы природы. Только черезъ это опытная наука пріобрѣтаетъ твердую почву. Но когда изслѣдователь, не признающій ничего, кромѣ чистаго опыта, встрѣчается съ историческими или жизненными явленіями, носящими на себѣ печать метафизики, какъ-то, съ религіозными ученіями или съ философскими системами, онъ видитъ въ нихъ не выраженіе истины, а произведеніе лжи. Для него это предразсудки, которые должны исчезнуть передъ свѣтомъ разума. А такъ какъ вся исторія и современная жизнь наполнены подобными явленіями, то и та и другая подвергаются повальному отрицанію. Опытная наука по мнѣнію ея послѣдователей, должна выработать новыя начала, призванныя обновить человѣчество. Между тѣмъ, голый опытъ никакихъ подобныхъ началъ въ себѣ не заключаетъ, а потому изъ всѣхъ такого рода воззрѣній выходитъ только бредъ воображенія.

При такомъ взглядѣ, вся человѣческая природа подвергается коренному извращенію. Человѣкъ, по природѣ своей, есть метафизическое существо, носящее въ себѣ сознаніе сверхчувственнаго міра и руководящееся этимъ сознаніемъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Всѣ высшія теоретическія и практическія начала жизни, религія, философія, свобода, право, нравственность, государство, суть начала метафизическія. Изучая окружающій его физическій міръ, человѣкъ исходитъ отъ явленій и старается возвести ихъ къ общимъ законамъ; но воздѣйствуя на внѣшній міръ и подчиняя его своимъ цѣлямъ, онъ руководствуется тѣмъ, что онъ находитъ внутри себя, въ собственномъ внутреннемъ самоопредѣленіи, а это и есть источникъ всякой метафизики. Если же именно это внутреннее начало отвергается, то человѣкъ становится страдательнымъ игралищемъ внѣшнихъ силъ; весь смыслъ его жизни теряется; высокая, разумная его природа низводится на чисто животную ступень. Любимая мечта эмпириковъ состоитъ въ томъ, чтобы представить его потомкомъ обезьяны.

Извращеніе начинается съ самого разума, который представляется не дѣятельною силой, имѣющею поэтому свои законы, а чисто стра-

дательною способностью, руководимою эмпирическими данными, или скорѣе пустою средой, въ которой, въ силу частныхъ сцѣпленій, сталкиваются и связываются различныя случайныя представленія, невѣдомымъ путемъ добытыя извнѣ и почему-то ставшія какими-то самостоятельными существами. Эмпирическая логика, въ сущности, ничто иное какъ отрицаніе логики. Таковою она является у Милля, главнаго теоретика этой школы. Когда признается, что самыя элементарныя логическія операціи, напримѣръ положеніе, что двѣ величины равныя третьей равны между собою, являются только результатомъ видѣннаго на опытѣ, то что же остается для логики? Между тѣмъ, человѣческая мысль заключаетъ въ себѣ понятія, которыя никакимъ опытомъ не даются, напримѣръ понятія о силѣ, о причинѣ. Опытъ даетъ только совмѣстность и послѣдовательность явленій, а не связующія начала. Математика содержитъ въ себѣ и недоступныя опыту понятія о безконечно великомъ и безконечно маломъ, которыя полагаются въ основаніе совершенно точныхъ вычисленій. Эмпирической логикѣ приходится объяснять всѣ эти неподходящіе подъ ея теорію факты, и тутъ пускаются въ ходъ самые изумительные софизмы, имѣющіе цѣлью затемнить истину и скрыть очевидность. Философъ, признающій, что человѣческій разумъ способенъ понимать только относительное, вдругъ объявляетъ, что причиною называется послѣдовательность *безотносительная*, дѣйствующая при всякихъ условіяхъ, какъ будто всѣ существующія въ мірѣ частныя причины не видоизмѣняются и часто не парализуются окружающими условіями. Понятіе о силѣ объявляется нефилософскимъ, а физическій законъ сохраненія энергіи сводится къ субъективному ожиданію чего то неизвѣстнаго. Для объясненія математическаго опредѣленія параллельныхъ линій, которыя не встрѣчаются нигдѣ, будучи продолжены въ безконечность, насъ приглашаютъ перенестись мысленно въ то мѣсто, гдѣ кривая поворачиваетъ, и тѣмъ убѣдиться, что она не есть прямая. Однимъ словомъ, для устраненія неустранимыхъ возраженій изобрѣтаются самые чудовищные парадоксы, и все это принимается на вѣру тѣми, которые разучились связывать понятія. Да и зачѣмъ нужно понимать, когда мы напередъ отреклись отъ всякаго пониманія?

Такое же извращеніе происходитъ и въ практической области. Всѣ побужденія къ дѣятельности, всѣ руководящія ею начала, право, нравственность, государственныя цѣли, сводятся къ ощущенію удовольствія или страданія. Полученіе удовольствія и избѣжаніе страданія составляютъ *пользу*, общимъ мѣриломъ которой становится наибольшая сумма удовольствій наибольшаго количества людей. Этимъ обобщеніемъ своего нравственнаго мѣрила эмпирическій утилитаризмъ нашего вре-

мени отличается отъ древней Софистики, которая признавала мѣрило чисто личное. Воспитанная христіанствомъ совѣсть возмущается противъ возведенія грубаго своекорыстія на степень верховнаго побужденія человѣческой дѣятельности. Новѣйшіе утилитаристы принуждены вступить съ нею въ компромиссъ, и это они дѣлаютъ самымъ необыкновеннымъ изворотомъ: они увѣряютъ, что альтруизмъ доставляетъ гораздо болѣе удовольствія, нежели эгоизмъ, а потому ему надобно слѣдовать. Но если такой выводъ оказываетъ большее уваженіе къ нравственности, то онъ гораздо менѣе послѣдователенъ, нежели чистая проповѣдь личнаго интереса. Въ дѣйствительности, мѣриломъ удовольствія можетъ быть только личное чувство и ничто иное. Если есть люди, которые находятъ удовольствіе въ альтруистическихъ побужденіяхъ, то они вольны имъ слѣдовать; но они не имѣютъ ни малѣйшаго права навязывать свои чувства другимъ. Опытъ показываетъ, что огромное большинство человѣческаго рода предпочитаетъ эгоистическія побужденія альтруистическимъ, а такъ какъ опытъ составляетъ для насъ единственный путь къ познанію, то мы несомнѣнно должны признать личный интересъ, съ вытекающею изъ него борьбою за существованіе, верховнымъ началомъ всей человѣческой дѣятельности. Это и дѣлали древніе Софисты. На практикѣ, признаніе высшею цѣлью человѣка наибольшей суммы удовольствій наибольшаго количества людей можетъ вести лишь къ тому, что большинство, во имя своего удовольствія, будетъ считать себѣ все позволеннымъ. Когда удовольствіе, какъ таковое, безъ всякой нравственной оцѣнки, становится мѣриломъ дѣятельности, то судьею ощущенія можетъ быть только самъ ощущающій субъектъ, и сдержки нѣтъ никакой. При такомъ взглядѣ, право низводится на степень интереса; нравственность становится благоразумнымъ выборомъ удовольствій, а государство превращается въ орудіе ограбленія имущихъ неимущими. Чистый утилитаризмъ не ведетъ ни къ чему другому.

Немногимъ выше стоитъ и реализмъ нравственный. Онъ имѣетъ то существенное преимущество передъ первымъ, что обращаетъ вниманіе на внутреннюю сторону человѣческаго естества, противополагая ее внѣшнимъ явленіямъ. Разумъ признается дѣятельною силой, нравственное начало требованіемъ совѣсти. Но оторванныя отъ своей метафизической основы, которая даетъ имъ смыслъ и указываетъ имъ значеніе въ цѣломъ, эти начала представляются какими-то шаткими обрывками, которые не только не въ состояніи объединить человѣческую жизнь, но способны внести въ нее лишь бо̀льшую смуту, ибо они состоятъ въ неустранимомъ противорѣчіи со всѣмъ окружающимъ міромъ. Противополагая себя объекту, какъ единичный субъектъ, че-

ловѣкъ, отрѣзанный отъ своей духовной почвы, остается игралищемъ внѣшнихъ силъ, брошеннымъ на жертву случайностей, вопреки своей разумной природѣ, требующей разумнаго устроенія жизни. Къ этому внѣшнему противорѣчію присоединяется и внутренній разладъ, ибо что же это за странное существо, которое сознаетъ въ себѣ начала, не имѣющія ничего общаго съ окружающею средою и мучится вопросами недоступными его пониманію? Разумъ въ этомъ воззрѣніи представляется не полученнымъ свыше свѣтомъ, способнымъ выяснить занимающіе человѣка міровые вопросы, а ограниченною, частною силою, связанною своими внѣшними отношеніями и носящею въ себѣ какой-то мерцающій свѣтильникъ, который едва проливаетъ слабые отблески на безконечный, окружающій его мракъ. Даже внутри субъекта онъ подчиненъ слѣпой реальной силѣ, безсмысленному влеченію *воли*, которая не только въ единичномъ субъектѣ является господствующимъ элементомъ, но возводится на степень міроваго начала, все изъ себя производящаго и все въ себя опять поглощающаго. Разумъ нуженъ волѣ повидимому лишь затѣмъ, чтобы показать ей все безсмысліе ея стремленій. Инстинктивное влеченіе даетъ субъекту нравственное начало въ руководящей имъ совѣсти; но и совѣсть, оторванная отъ общаго метафизическаго міросозерцанія, а потому безсильная въ своемъ одиночествѣ, повидимому, дана человѣку лишь для того, чтобы онъ могъ видѣть все несоотвѣтствіе реальныхъ отношеній съ нравственными требованіями. Лишенное настоящей своей почвы, внутренней свободы, которой нѣтъ мѣста въ эмпирическомъ міросозерцаніи, нравственное начало смѣшивается съ правомъ, вносится въ область экономическихъ законовъ, извращаетъ существо государства, однимъ словомъ, вноситъ смуту во всѣ человѣческія отношенія. Подъ его покровомъ развиваются на просторѣ самыя нелѣпыя требованія и самыя дикія фантазіи. Во имя его возбуждаются въ массахъ зависть и ненависть; во имя его человѣкъ отрицаетъ всю исторію и всю современность, вознося свое случайное, неосмысленное *я* превыше всего и всѣхъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого направленія можетъ быть только глубочайшій пессимизмъ, который и составляетъ характеристическую черту нашего времени, особенно въ Германіи. Если мораль матеріалистическаго реализма состоитъ въ мимолетномъ, грубомъ наслажденіи, то мораль нравственнаго реализма заключается въ пессимизмѣ. Это результатъ міросозерцанія, потерявшаго всякія прочныя основы. Въ древности, нравственный реализмъ, выразившійся въ школѣ Сократа, былъ тѣмъ великъ, что, въ противоположность Софистамъ, онъ указывалъ на внутренній духовный міръ человѣка и черезъ это сдѣлался началомъ новаго высшаго полета мысли, вознесшейся отъ относитель-

наго къ абсолютному. Современный же нравственный реализмъ, откинувъ всѣ выработанныя философіей высшія начала, остался какъ бы на мели, лишенный опоры, а потому обреченный на безплодіе. Матеріалистическій реализмъ далъ по крайней мѣрѣ крупные результаты въ изслѣдованіи внѣшней природы; нравственный реализмъ въ изслѣдованіи человѣка не далъ, можно сказать, почти ничего, а только перепуталъ всѣ понятія. Съ отрицаніемъ метафизики, въ человѣческомъ познаніи водворяется непроницаемый мракъ. Современныя нѣмецкія изложенія логики и психологіи представляютъ хаосъ, въ которомъ трудно разобраться. Въ такомъ же хаотическомъ состояніи находятся и науки общественныя. Цѣнныя работы въ этой области представлены только тѣми, которые держались старыхъ началъ, стараясь изслѣдовать фактическое ихъ примѣненіе къ разнообразнымъ условіямъ жизни. Всѣ попытки внести сюда что-нибудь новое оказались радикально несостоятельными. Недавно еще столь высоко стоявшая германская наука понизилась такъ, что ее едва можно узнать. Никто, болѣе Нѣмцевъ, не потрудился надъ разработкой метафизики; въ этомъ состоитъ вѣчная ихъ заслуга передъ человѣчествомъ. Отрекшись отъ нея, нѣмецкая наука какъ будто отвергла собственную душу.

При такомъ состояніи человѣческаго знанія, не мудрено, что многіе начинаютъ отворачиваться отъ науки. Провозглашаютъ даже ея банкротство, къ великому негодованію рьяныхъ ея приверженцевъ. Въ сущности, это только банкротство эмпиризма, который исключительно величаетъ себя наукою, хотя не имѣетъ на то ни малѣйшаго права. Какъ замѣчено выше, онъ составляетъ не болѣе какъ подготовительную ступень для истинной науки. Эмпиризмъ представляетъ лишь груду матеріала, ожидающаго разумной разработки. Если въ немъ есть что-нибудь связное, то этимъ онъ обязанъ математикѣ. Самъ же онъ не въ состояніи рѣшить ни одного изъ высшихъ вопросовъ, занимающихъ человѣческій умъ и составляющихъ высшую задачу науки. Но, какъ бывало во всѣ времена, недостатки существующаго научнаго міросозерцанія побуждаютъ людей отвращаться отъ науки вообще и искать разрѣшенія занимающихъ ихъ вопросовъ въ области религіи. То, чего не даетъ разумъ, то ожидается отъ чувства. Однако, такое ожиданіе совершенно напрасно. Мы уже сказали, что личное чувство, не озаренное разумомъ, не можетъ служить мѣриломъ истины. Оно способно дать субъективное удовлетвореніе, но не объективную увѣренность. Менѣе всего можно имъ руководствоваться въ изслѣдованіи какихъ бы то ни было явленій внѣшняго или внутренняго міра. Пониманіе явленій съ помощью чувства можетъ служить только прикрытіемъ самыхъ одностороннихъ и ложныхъ

взглядовъ и источникомъ безконечныхъ праздныхъ фантазій. Каждый, при такой методѣ, видитъ въ явленіяхъ то, что ему угодно. Это, конечно, очень пріятно и избавляетъ отъ труда, но такой способъ изслѣдованія не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ истинѣ. Въ особенности, изученіе исторіи съ помощью чувства есть дверь открытая всякимъ патріотическимъ бреднямъ. Такого рода воззрѣнія обнаруживаютъ полное непониманіе истиннаго значенія науки.

Побѣдить одностороннее направленіе науки можетъ только всестороннее ея развитіе. Отвлеченная метафизика оказалась несостоятельною; но еще болѣе несостоятельнымъ оказался эмпиризмъ. Полноту знанія можетъ дать только сочетаніе обоихъ открытыхъ человѣческому разуму путей: умозрѣнія и опыта. Реализмъ новаго времени, также какъ древній, можетъ быть лишь переходною ступенью между двумя періодами метафизическаго развитія. Но между тѣмъ какъ въ древности мысль, отрѣшаясь отъ противоположностей относительнаго бытія, воздвигла свой собственный идеальный міръ абсолютныхъ началъ, мысль новаго времени, прошедшая уже черезъ ступень раціонализма, должна возвыситься къ точкѣ зрѣнія, объединяющей оба пути познанія: отъ реализма она должна перейти къ универсализму. Это — возвращеніе къ первоначальной, исходной точкѣ зрѣнія древней философіи, но уже совершенно въ иной формѣ, не на степени первобытнаго безразличія, а какъ высшее единство развившагося во всей полнотѣ своей разнообразія. Такимъ образомъ, древнее мышленіе и новое образуютъ полный циклъ, въ которомъ конецъ совпадаетъ съ началомъ, съ тѣмъ однако существеннымъ различіемъ, что конечное единство не поглощаетъ въ себѣ частнаго бытія, а предоставляетъ ему полную свободу, внутренно направляя его къ высшей, идеальной цѣли. Оно представляетъ не однообразное безразличіе жизни и не внѣшнее ея подчиненіе чуждому ей началу, а свободное и гармоническое ея согласіе. Таковъ указанный мыслью идеалъ человѣчества.

Возможность исполненія этой задачи лежитъ въ самомъ развитіи реализма. Древній реализмъ, при крайне скудныхъ средствахъ опытнаго знанія, не былъ достаточно подготовленъ къ объединенію явленій раціональными началами. Чтобы достигнуть единства, мысль должна была отрѣшиться отъ реальнаго міра и перейти къ чистому раціонализму. Новый реализмъ, напротивъ, вооруженный всѣми средствами опытной науки, добылъ громадный матеріалъ, который ждетъ только свѣта разума, чтобы сложиться въ стройное зданіе. Въ этомъ состоитъ положительное его значеніе и великая его заслуга. Но самъ онъ этого свѣта произвести не въ состояніи; его можетъ дать только ме-

тафизика. Поэтому, первая задача науки въ наше время состоитъ въ возстановленіи метафизики.

Эту задачу исполнить относительно легко. Исторія философіи даетъ для этого всѣ нужные матеріалы; ихъ стоитъ только свести къ общему итогу. Человѣческій разумъ, развиваясь, излагаетъ одно за другимъ всѣ присущія ему опредѣленія, и эти опредѣленія повторяются на каждой ступени, образуя всякій разъ полный циклъ и тѣмъ доказывая, что ими исчерпывается совокупность логическихъ формъ, служащихъ къ объединенію знанія. Въ сущности, все сводится къ умозрительному развитію категорій и къ умозрительному же ихъ приложенію къ различнымъ формамъ бытія. Ничего новаго человѣческій умъ въ этомъ отношеніи не можетъ произвести. Нужно только точнымъ образомъ сдѣлать выводы и указать необходимую логическую связь присущихъ разуму понятій. Историческое развитіе мысли можетъ служить фактическою провѣркой возможныхъ при этомъ ошибокъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего неисполнимаго *).

Но этимъ не ограничивается задача. Для объединенія знанія мало изслѣдовать свойства и законы орудія мысли. Недостаточно и чисто логическаго развитія началъ. Универсализмъ состоитъ въ сочетаніи обоихъ путей. Нужно выведенныя начала провести по всѣмъ явленіямъ, провѣрить ихъ фактами, изслѣдовать приложеніе ихъ во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія и жизни. Это — задача, несравненно болѣе обширная и трудная, нежели предыдущая. Она требуетъ такого объема свѣдѣній и такого развитія мысли, которыя, при громадности накопившагося матеріала, не по силамъ одному человѣку. Тутъ необходима совокупная работа многихъ. Важнѣйшая часть этой задачи состоитъ въ нахожденіи посредствующихъ звеньевъ, способныхъ служить связью между умозрѣніемъ и опытомъ. Какъ въ области экономическихъ и общественныхъ силъ, такъ и въ чисто умственномъ мірѣ, развитіе посредствующихъ элементовъ составляетъ первое и главное условіе высшаго объединенія противоположностей.

Современная наука указываетъ намъ и способы нахожденія этихъ звеньевъ. Мы видѣли, что не смотря на реалистическое направленіе, она не могла отдѣлаться отъ умозрительныхъ началъ. Математика въ особенности даетъ намъ совершенно точное и достовѣрное знаніе, которое можетъ служить указаніемъ правильнаго пути во всякомъ научномъ изслѣдованіи. Приложеніе математики къ опытнымъ даннымъ показываетъ намъ въ живыхъ примѣрахъ, какимъ образомъ умозрѣніе сочетается съ опытомъ. Метода состоитъ въ томъ, что опыт-

*) Ср. мои *Основанія логики и метафизики*.

ныя данныя подвергаются *конструкціи*, способной служить выраженіемъ отвлеченныхъ законовъ. Тотъ же пріемъ можетъ быть употребленъ и въ отношеніи къ метафизическимъ началамъ. Понять явленія значитъ подвести ихъ подъ логическіе законы, то-есть, построить ихъ такъ, чтобы они могли служить выраженіемъ раціональныхъ началъ. Безъ сомнѣнія, конструкція можетъ быть искусственная и невѣрная; это случается и съ математическими построеніями. Но провѣрку въ обоихъ случаяхъ сдѣлать легко, съ одной стороны сравненіемъ съ явленіями, съ другой стороны противорѣчіемъ сдѣланныхъ этимъ способомъ выводовъ тому, что намъ достовѣрно извѣстно. Если явленія не укладываются въ схему, значитъ схема построена неправильно; если получается выводъ противорѣчащій фактамъ, то приложеніе закона невѣрно. Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ не отказываться отъ всякаго построенія, а стараться его исправить или искать новаго, ибо это единственный путь къ раскрытію раціональныхъ началъ, заключающихся въ опытныхъ данныхъ.

Изъ двухъ свойственныхъ человѣческому разуму системъ умозрительнаго знанія, математики и метафизики, первая находитъ полное приложеніе въ области естествовѣдѣнія, поддающейся количественнымъ измѣреніямъ. Механика, астрономія, физика свидѣтельствуютъ о великомъ ея значеніи для изслѣдованія реальнаго міра. Несравненно меньшее приложеніе находитъ здѣсь метафизика. Силы природы не раскрываются человѣку непосредственно, въ видѣ раціональныхъ началъ. Онѣ должны быть логически выведены изъ явленій, а это путь долгій и трудный, требующій изощренія всѣхъ способностей человѣческаго ума. Однако и тутъ находятъ приложеніе не только чисто отвлеченныя метафизическія понятія, какъ сила, законъ, матерія, но и цѣлыя связныя метафизическія системы, напримѣръ атомистика. Какъ замѣчено выше, химическіе законы даютъ ей непоколебимую основу. Но именно здѣсь между общимъ началомъ и частными явленіями недостаетъ посредствующихъ звеньевъ. Изъ общаго понятія объ атомѣ нельзя вывести ни его строенія, ни его качественныхъ различій, а между тѣмъ, это необходимо для объясненія явленій. Наполненіе этого пробѣла путемъ математической и метафизической конструкціи составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ современной науки, задачу, рѣшеніе которой не представляетъ также непреодолимыхъ трудностей.

Но если въ области дѣйствія механическихъ силъ математическая конструкція проявляетъ всю свою мощь, то къ изслѣдованію органическаго міра она вовсе не примѣнима, ибо органическія силы не поддаются количественнымъ опредѣленіямъ. Приложеніе же метафизиче-

скихъ началъ хотя и совершается въ современной наукѣ, но превратно. Оно состоитъ въ стремленіи свести органическія явленія къ механическому міросозерцанію, между тѣмъ какъ именно здѣсь послѣднее непримѣнимо, ибо явленія совершенно другаго рода. Вслѣдствіе этого, доселѣ всѣ подобныя попытки не привели ни къ одному сколько-нибудь достовѣрному выводу. При такомъ отсутствіи всякаго руководящаго начала, науки, изслѣдующія органическій міръ, представляютъ ту область знанія, которая озарена наименьшимъ свѣтомъ. Тутъ все загадочно, а потому здѣсь возможно распространеніе всякаго рода фантастическихъ теорій, въ родѣ дарвинизма. Блуждая во тьмѣ кромѣшной, растерянная мысль хватается за нихъ, какъ за якорь спасенія.

Столь же мало приложенія находитъ математика и въ наукахъ, обращенныхъ на изслѣдованіе человѣка. Попытки подвести экономическія явленія подъ математическія формулы представляютъ болѣе остроумныя иллюстраціи, нежели строгіе законы. Когда отношенія просты, такого рода формулы могутъ служить нагляднымъ выраженіемъ общаго закона; но при болѣе сложныхъ элементахъ, математическія конструкціи скорѣе могутъ вести къ затемнѣнію понятій. Попытку приложить къ экономическимъ явленіямъ дифференціальное исчисленіе, сдѣланную Маршаллемъ, нельзя назвать удачною.

Зато метафизика находитъ въ области человѣческихъ отношеній такое приложеніе, которое не только умѣстно, но и совершенно необходимо, ибо здѣсь она сама становится явленіемъ. Какъ сказано, человѣкъ, по природѣ своей, есть метафизическое существо, и такимъ онъ является во всей своей дѣятельности. Отъ самыхъ низшихъ ступеней развитія до высшихъ онъ руководится метафизическими началами, которыя онъ черпаетъ извнутри себя и которымъ онъ подчиняетъ окружающій его міръ. Какъ метафизическое существо, онъ сознаетъ себя свободнымъ, то-есть самоопредѣляющимся субъектомъ, и это сознаніе онъ вноситъ во всѣ свои общественныя отношенія. На этомъ зиждутся право, нравственность, государство. Поэтому, въ этой области все для человѣка ясно. Тутъ нѣтъ необходимости раскрывать въ явленіяхъ невѣдомыя силы. Дѣйствующія тутъ силы суть собственныя силы человѣческаго разума, которыя сознаются имъ непосредственно и сознательно прилагаются къ жизни. Онѣ сами о себѣ говорятъ. Въ области наукъ человѣческихъ все становится темнымъ только тогда, когда къ нимъ пытаются примѣнить неосмысленную методу наукъ естественныхъ, когда именно главная движущая пружина, то-есть сознательное метафизическое начало, отвергается, и все человѣческое развитіе выводится изъ слѣпыхъ инстинктовъ и

фактическихъ отношеній, гдѣ исчезаетъ все разумное. Естественно, что при такомъ взглядѣ всѣ историческія явленія получаютъ превратный видъ. Вмѣсто пониманія общихъ идей, руководящихъ событіями, историкъ-реалистъ пробавляется мелочными подробностями, которыя возводятся на степень крупныхъ явленій; подъ видомъ глубокомыслія тянется нескончаемая канитель ничего не значущихъ или давно извѣстныхъ психологическихъ замѣчаній, которыя выдаются за важные историческіе факторы; выкапываются пошленькіе анекдоты изъ провинціальныхъ архивовъ, и изъ цѣлой груды собраннаго такимъ образомъ матеріала воздвигается зданіе, представляющее только карикатуру дѣйствительности. Образецъ такого рода исторіографіи, примѣненный къ одному изъ важнѣйшихъ событій новой исторіи, у насъ на глазахъ, какъ поучительный примѣръ того, къ чему ведетъ чисто эмпирическая метода.

Такое состояніе науки не можетъ не оказать громаднаго вліянія на весь общественный бытъ. Современный эмпиризмъ извратилъ всѣ понятія, на которыхъ строятся человѣческія общества. Право низводится на степень интереса; нравственность смѣшивается съ пользою и удовольствіемъ; государство становится орудіемъ ограбленія. Революціонныя стремленія сдерживаются только внѣшнею силой, ибо нравственный отпоръ слишкомъ слабъ. Безумныя соціалистическія теоріи, среди господствующаго хаоса идей, находятъ готовую почву и подвигаютъ массы на разрушеніе всего существующаго строя. Растерянные умы, лишенные всякой опоры, не знаютъ, за что ухватиться, и человѣчество стоитъ передъ невѣдомымъ будущимъ, съ ужасомъ взирая на тѣ дикія силы, которыя дружнымъ натискомъ осаждаютъ расшатавшееся зданіе, провозглашая недалекое уже свое торжество. У друзей свободы и порядка отваливаются руки, ибо что можетъ дать свобода и что можно основать прочнаго при полномъ хаосѣ понятій и при разнузданности дикихъ страстей?

Вывести человѣческія общества изъ этого безотраднаго состоянія можно только путемъ выясненія понятій, ибо порядокъ въ жизни возможенъ лишь при порядкѣ въ умахъ. Эмпирическая наука произвела всю эту смуту: отвергнувъ высшія, метафизическія начала человѣческой жизни, она исказила самое естество человѣка, лишила его всякой нравственной опоры и отдала его на жертву всѣмъ случайностямъ внѣшняго бытія. Исцѣлить эти наболѣвшія язвы, вывести человѣчество изъ той низменной области, въ которую оно погружено, и поставить его на правильный путь можетъ только наука, взошедшая на высшую ступень. Реализмъ можетъ быть побѣжденъ только универсализмомъ, сознающимъ метафизическія начала, не толь-

ко въ ихъ отвлеченіи, но и въ ихъ приложеніи къ разнообразнымъ условіямъ жизни, въ ихъ дѣйствіи на человѣческія общества, какъ въ исторіи, такъ и въ современности, которая есть плодъ исторіи. Только универсализмъ, обнимая совокупность явленій и озаряя ихъ свѣтомъ разума, можетъ указать мѣсто и значеніе каждаго въ общей системѣ человѣческихъ отношеній, обнаружить односторонность взглядовъ, обличить нелѣпыя теоріи и тѣмъ приготовить человѣчеству лучшее будущее. Въ этомъ состоитъ задача современной общественной науки, достойной этого имени. Въ этомъ можно видѣть спасеніе современныхъ европейскихъ обществъ.

И для исполненія этой задачи есть на-лице всѣ нужные элементы. Исторія изучена во всѣхъ подробностяхъ и весьма основательно. Что-либо новое можетъ представить въ этомъ отношеніи развѣ только изслѣдованіе доисторическихъ временъ или начальныхъ ступеней развитія; но въ сокровищницѣ добытаго наукою всемірной исторіи отъ этого прибавится весьма немного. Фактически изучено и развитіе учрежденій; а съ другой стороны, исторія философской мысли разработана, какъ никогда. Нужно только свести къ общему итогу всѣ имѣющіяся данныя и стараться вывести изъ нихъ общіе законы, управляющіе историческими явленіями. Цѣль настоящаго курса—способствовать, по мѣрѣ силъ, исполненію этой задачи.

Нельзя однако ожидать, чтобы наука, даже возведенная на высшую ступень, могла въ скоромъ времени измѣнить умственное состояніе общества. Чѣмъ поверхностнѣе и одностороннѣе теорія, тѣмъ легче она воспринимается и распространяется. Для легкомысленнаго отрицанія не нужно никакой подготовки; съ него обыкновенно начинаетъ мысль, едва пробудившаяся къ сознанію и начинающая критически относиться къ окружающему ее міру. Пониманіе положительной стороны вещей требуетъ зрѣлости. Когда же теорія потакаетъ страстямъ и сулитъ неисчислимыя блага, какъ убѣдить людей, что это чистая нелѣпость? Чѣмъ шире и глубже точка зрѣнія, на которую становится мыслитель, чѣмъ болѣе она обнимаетъ явленій и требуетъ основательныхъ знаній, тѣмъ менѣе она доступна массѣ. Серіозная мысль всегда была и будетъ достояніемъ немногихъ. Они образуютъ умственную аристократію, которая составляетъ цвѣтъ народа и отъ которой зависитъ все его умственное развитіе. Составомъ этой аристократіи, тѣми болѣе или менѣе крупными силами, которыя она въ себѣ заключаетъ, ея внутреннею жизнью и направленіемъ, тѣмъ умственнымъ авторитетомъ, которымъ она пользуется, опредѣляется уровень образованія общества. Къ этому высшему умственному міру принадлежатъ не только специалисты по разнымъ отраслямъ

знанія, но и тѣ истинно образованные люди, которые, стоя на высотѣ современнаго просвѣщенія, въ состояніи оцѣнить и взвѣсить мысль, свойство вообще рѣдко встрѣчающееся въ людяхъ и требующее широкаго пониманія. Авторитетъ этихъ первенствующихъ умовъ въ особенности важенъ въ области наукъ, касающихся человѣка, которыя имѣютъ наибольшее значеніе для общества. Но именно въ этомъ отношеніи реализмъ, и сверху и снизу, дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ и тѣмъ затрудняетъ успѣхи умственнаго просвѣщенія.

Съ одной стороны, онъ ведетъ къ измельчанію, а вслѣдствіе того къ паденію умственной аристократіи. Если въ области естествознанія выдаются крупные спеціалисты по разнымъ отраслямъ, то уровень силъ, обращенныхъ на изученіе человѣка и его отношеній, несомнѣнно понижается. Съ отрицаніемъ метафизики всюду сказывается недостатокъ философскаго образованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ недостаточная ширина взгляда, смѣшеніе понятій, превратное пониманіе началъ, руководящихъ человѣческою дѣятельностью. Этимъ страдаютъ самые видные представители науки. А между тѣмъ, чѣмъ шире становится объемъ изучаемыхъ наукъ, чѣмъ обильнѣе матеріалъ, чѣмъ явственнѣе выступаетъ связь различныхъ отраслей, тѣмъ болѣе требуются именно общія, связующія начала, способныя внести свѣтъ въ эту груду разнорѣчивыхъ частностей. Одного спеціальнаго знанія мало; нужна философская мысль. Но вмѣсто руководящихъ идей, дающихъ направленіе общественному сознанію, реализмъ производитъ только смуту въ умахъ. Даже выдающіеся ученые выпускаютъ въ свѣтъ такія сочиненія, которыя подчасъ кажутся бредомъ сумасшедшаго. Стòитъ вспомнить многотомную книгу Шеффле о строеніи и жизни общественнаго тѣла. А когда на вершинѣ господствуетъ хаосъ, чего можно ожидать внизу?

Съ другой стороны, подъ вліяніемъ реализма, отвергающаго всѣ прежнія, добытыя человѣчествомъ общія идеи, какъ устарѣвшій хламъ, происходитъ демократизація мысли, которая, откинувъ всякіе авторитеты, признаетъ полную независимость личнаго мышленія. И это направленіе всего легчѐ водворяется въ области наукъ, касающихся человѣка. Чтобы судить о явленіяхъ природы, необходимы спеціальныя знанія; здѣсь тотчасъ можно уличить человѣка въ полномъ невѣжествѣ. Но каждый считаетъ себя въ правѣ судить о человѣческихъ дѣлахъ, которыя близко касаются всѣхъ, а потому кажутся всѣмъ доступными. Здѣсь кривотолкъ, взывающій къ страстямъ и нахально выдающій величайшія нелѣпости за непреложныя истины, гораздо легче можетъ пріобрѣсти вліяніе на массы, нежели ученый, вооруженный самымъ обширнымъ запасомъ свѣдѣній, недоступныхъ непро-

свѣщенныхъ умамъ. А когда разъ такое направленіе утвердилось, съ нимъ трудно бороться. Нужно много времени, труда и таланта, чтобы возстановить порядокъ въ расшатанныхъ умахъ.

Существенную роль играютъ тутъ средніе интеллигентные слои, которые призваны не разработывать науку, а усвоивать и популяризировать ея результаты. Это—задача гораздо низшаго свойства, которая приходится по плечу среднимъ умамъ, составляющимъ главное зерно интеллигентнаго общества. Этотъ средній классъ, болѣе или менѣе причастный просвѣщенію, стоитъ между умственною аристократіей и народною массой, до которой научное образованіе доходитъ въ весьма слабой степени. Какъ вездѣ, эта промежуточная ступень раздѣляется внутри себя на множество слоевъ, съ большею или меньшею степенью умственнаго развитія, но не имѣющихъ опредѣленныхъ границъ. Чѣмъ ближе она стоитъ къ народной массѣ, тѣмъ ниже ея умственный уровень. Распредѣленіе выработаннаго человѣчествомъ умственнаго капитала совершается по тѣмъ же законамъ, какъ и распредѣленіе капитала матеріальнаго, съ тѣмъ различіемъ, что умноженіе перваго не производится собственнымъ трудомъ этихъ среднихъ слоевъ; онъ получается ими отъ высшихъ въ готовомъ видѣ, а ихъ умственная работа состоитъ только въ усвоеніи.

Популяризація науки въ этихъ среднихъ слояхъ имѣетъ двоякую цѣль: практическое приложеніе и общее умственное развитіе. Достиженіе первой цѣли, кромѣ усвоенія знаній, требуетъ и умѣнія примѣнять ихъ къ существующимъ условіямъ. Въ этомъ отношеніи, реализмъ приноситъ самую существенную пользу; главная его сила заключается въ изученіи разнообразія условій и въ примѣненіи къ нимъ общихъ началъ. Практическое приложеніе науки требуетъ и основательнаго ея изученія; поверхностность знанія тотчасъ оказывается на дѣлѣ. Поэтому, главныя умственныя силы среднихъ слоевъ состоятъ изъ практическихъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности. Всякаго рода техники играютъ въ нихъ важнѣйшую роль.

Совершенно въ иномъ видѣ представляется вопросъ объ общемъ образованіи. Здѣсь важно знать: какая пища дается обществу? Популяризація науки и усвоеніе ея результатовъ совершается тѣмъ легче и тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ болѣе сама наука достигла прочныхъ и достовѣрныхъ выводовъ. Когда же въ основныхъ научныхъ понятіяхъ господствуетъ полная безурядица, когда всякія общія начала подвергаются отрицанію или искаженію, что можетъ дать популяризація науки, кромѣ безсвязныхъ, ни на что не нужныхъ свѣдѣній или пропаганды самыхъ крайнихъ теорій, которыя выдаются за непреложныя истины и принимаются какъ таковыя неподготовленными умами? И

точно, если мы взглянемъ на тѣ популярныя библіотеки по разнымъ отраслямъ знанія, которыя издаются нынѣ во множествѣ въ образованной Европѣ, то мы встрѣтимъ въ нихъ откровенную проповѣдь чистаго матеріализма и соціализма, которые провозглашаются послѣднимъ словомъ науки. И все это принимается на вѣру наивнымъ читателемъ, неспособнымъ провѣрить истину подносимыхъ ему теорій. Продѣлать весь путь научнаго мышленія—задача трудная, требующая умственной работы, на которую способны немногіе, а повѣрить тому, что выдается за послѣднее слово науки, очень легко и даже лестно, ибо это служитъ признакомъ образованія. Для этого не нужно даже чтенія книгъ: достаточно небольшихъ брошюръ. Но всего лучше эта задача исполняется журналистикой, которая ежедневно или ежемѣсячно дастъ каждому, въ самой популярной формѣ, совсѣмъ уже переработанный и готовый матеріалъ. Все это прямо кладется въ ротъ и проглатывается безъ малѣйшаго труда.

Журналистика, даже помимо политической области, въ чисто теоретической сферѣ, имѣетъ весьма существенное значеніе, когда она дастъ серіозную критику и оцѣнку выходящихъ произведеній. Но обыкновенно ея задача совсѣмъ другаго рода. При демократизаціи мысли, она расчитываетъ не на немногіе избранные умы, которымъ нужна серіозная критика, а на массу читателей, которые требуютъ легкой пищи. И этой потребности она удовлетворяетъ вполнѣ, къ великому ущербу для умственнаго уровня общества. Въ Европѣ горько жалуются на то, что люди отвыкаютъ отъ серіознаго чтенія, съ тѣхъ поръ какъ журналы замѣнили книгу. То умственное напряженіе, которое необходимо для того, чтобъ усвоить логическій ходъ понятій или одолѣть обиліе матеріала, становится уже не въ мочь современнымъ читателямъ, воспитаннымъ на журналахъ. Гораздо проще принимать на вѣру то, что постоянно твердитъ ежедневно пробѣгаемое летучее изданіе, въ легкихъ статейкахъ, не требующихъ никакой умственной работы. Это тѣмъ пріятнѣе, что всегда можно выбрать журналъ, который приходится по вкусу, оставляя въ сторонѣ все остальное. Съ паденіемъ умственной аристократіи, журналистика становится господствующимъ явленіемъ общественной жизни, распространительницею всякаго рода свѣдѣній, судьею всѣхъ авторитетовъ. однимъ словомъ, царицей умственнаго міра. Личная независимость сужденій на дѣлѣ оказывается безотчетнымъ подчиненіемъ ремесленной литературѣ, которая тѣмъ доступнѣе массѣ читателей и тѣмъ болѣе удовлетворяетъ ея потребностямъ, чѣмъ ниже она спускается къ ея уровню. Подъ вліяніемъ журналистики, публика привыкаетъ къ легкомысленнымъ сужденіямъ, къ праздной болтовнѣ, и совершенно уже

теряетъ способность отличать то, что имѣетъ вѣсъ и цѣну, отъ того, что не имѣетъ никакой. Демократизація науки ведетъ къ большему и большему опошлѣнію мысли; въ этомъ согласны всѣ мыслящіе наблюдатели современной жизни. И если таково положеніе просвѣщенной Европы, то чего же можно ожидать въ малообразованныхъ странахъ, гдѣ умы не подготовлены къ самостоятельной работѣ вѣками плодотворной дѣятельности? Нельзя не придти въ ужасъ отъ той массы извращенныхъ понятій, которыя кинуты въ русское общество самыми популярными журналистами новѣйшаго времени, каковы были Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ. Понынѣ еще эти сѣятели нигилизма всѣхъ родовъ превозносятся какъ великіе писатели, которые двинули самосознаніе русскаго общества, между тѣмъ какъ человѣкъ способный отличать науку и невѣжество, мысль и бозсмысліе, талантъ и нахальство, не находитъ въ ихъ сочиненіяхъ ничего, кромѣ самонадѣянной, пустой и невѣжественной болтовни, внушающей отвращеніе умамъ воспитаннымъ на серіозной мысли. Только весьма низкій умственный уровень общества объясняетъ подобныя явленія.

Но образованіе этой средней массы читателей зависитъ не отъ одного состоянія науки. Тутъ важную роль играетъ другой существенный факторъ общественной жизни—искусство. Посмотримъ, что оно даетъ.

ГЛАВА III.

Искусство.

Наука имѣетъ двоякое общественное значеніе: съ одной стороны, она даетъ общее направленіе умамъ и выясняетъ существенныя основы человѣческой жизни; съ другой стороны, изученіемъ природы она содѣйствуетъ покоренію ея цѣлямъ человѣка и тѣмъ умножаетъ благосостояніе человѣческихъ обществъ. Вліяніе искусства иное: оно непосредственно дѣйствуетъ на чувство и волю. Изображая въ яркихъ чертахъ тѣ идеалы, къ которымъ стремится человѣкъ, и тѣ превратности, которыя онъ испытываетъ въ своей жизни, оно возбуждаетъ въ немъ любовь и ненависть, вселяетъ въ его душу гармонію или разладъ, возноситъ ее къ небу или низвергаетъ на землю. Произведенія науки являются выраженіемъ современнаго ея состоянія; немногія сохраняютъ прочное значеніе. Произведенія искусства составляютъ вѣчное достояніе человѣчества: представляя образы непреходящей красоты, они служатъ источникомъ возвышенныхъ наслажденій для всѣхъ временъ и народовъ.

Искусство опредѣляется какъ выраженіе идеи въ соотвѣтствующей ей гармонической формѣ. Въ наукѣ идея выражается въ отвлечен-

ныхъ, логическихъ понятіяхъ; въ искусствѣ выраженіемъ ея служат конкретные образы и чувства. Художественная идея, проникающа произведенія, не есть только мысль; содержаніемъ ея можетъ быт впечатлѣніе, чувство или дѣйствіе. Самыя философскія начала полу чаютъ здѣсь плоть и кровь; иначе они не принадлежатъ къ област искусства.

Для конкретнаго выраженія идеи требуется матеріалъ. Приспо собленіе его къ цѣлямъ искусства составляетъ область техники. Ра личіемъ матеріала опредѣляются различные виды искусства: пластика живопись, музыка, поэзія. Изъ нихъ высшую ступень занимаетъ по эзія, которая, выражая идею въ наиболѣе соотвѣтствующей ей форм слова, соединяетъ въ себѣ живописность образа съ музыкальность звука, воображеніе съ чувствомъ, совмѣстность изображенія съ по слѣдовательностью разсказа. Поэтому, поэзія имѣетъ наиболѣе могу щественное вліяніе на людей. Поэтическія произведенія составляют высшій цвѣтъ народнаго духа; ими опредѣляется общее настроені умовъ. Однако и другія отрасли искусства имѣютъ свое высоко призваніе. Не подлежитъ сомнѣнію великое значеніе живописи пластики, а также и пѣнія, для возбужденія религіознаго чувства Извѣстно также могучее дѣйствіе музыки на поддержаніе военнаг духа.

Но для того, чтобы идея, выраженная въ матеріалѣ, имѣла зна ченіе художественнаго произведенія, надобно, чтобы она получил стройную и гармоническую форму, привлекающую душу. Въ этомъ со стоитъ *красота*, которая есть собственная идея искусства, въ отличі отъ тѣхъ частныхъ идей, которыя оно призвано изображат Этимъ оно отличается отъ другихъ началъ человѣческаго духа этимъ она дѣйствуетъ на душу. Красота образа есть *изящество*, кра сота чувства есть *поэзія*, въ смыслѣ производимаго на душу впе чатлѣнія. Чувствомъ красоты, которое возбуждается художественны произведеніемъ, душа окрыляется и возносится въ идеальную сферу превыше обыденныхъ жизненныхъ мелочей. Этимъ и воля направляетс къ идеальнымъ цѣлямъ.

Идеею красоты опредѣляется и отношеніе содержанія къ форм въ искусствѣ. Содержаніе искусства двоякое: съ одной стороны т высшія идеи, которыя оно призвано выразить, съ другой стороны т жизненныя явленія, которыя должны служить выраженіемъ идей Послѣднія берутся изъ самой жизни, и чѣмъ болѣе они съ нею сход ствуютъ, чѣмъ ярче они ее изображаютъ, тѣмъ больше жизненно правды заключается въ художественномъ произведеніи, тѣмъ глубж оно затрогиваетъ человѣка. Это составляетъ реалистическій элемент

искусства. Поэтому оно опредѣляется иногда какъ *подражаніе природѣ*. Но такое опредѣленіе не соотвѣтствуетъ настоящему его понятію. Природа и жизнь даютъ только матеріалъ для искусства. Реальный міръ содержитъ въ себѣ въ хаотическомъ смѣшеніи существенное и случайное, высокое и безобразное. Для того, чтобы изъ этого матеріала составить художественное произведеніе, надобно откинуть отъ него все случайное и создать изъ него нѣчто цѣльное и гармоническое, выражающее идею, иными словами, надобно жизненный матеріалъ очистить и наложить на него печать красоты. Черезъ это художественное произведеніе не перестаетъ быть правдивымъ изображеніемъ жизни; но оно изображаетъ не внѣшнія, случайныя явленія, а самую ея сущность, то, что составляетъ глубочайшій ея смыслъ. Возвышая человѣка надъ міромъ случайностей, оно заставляетъ его живѣе чувствовать и понимать существенное содержаніе жизни. Въ этомъ состоитъ великая задача художника, его высокое общественное призваніе. Сила, производящая этотъ очищенный отъ случайности идеальный міръ, есть своего рода *творчество*. Это — сила, непосредственно, почти безсознательно истекающая изъ души художника и покоряющая ему сердца людей. Онъ становится творцомъ идеальныхъ образовъ, въ которыхъ міръ себя узнаетъ, но узнаетъ возвышаясь и очищаясь.

Это не значитъ однако, что художникъ долженъ ограничиваться изображеніемъ идеальной стороны жизни. Дѣйствительность весьма далеко отстоитъ отъ идеала, и представленіе этого несоотвѣтствія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ искусства. Но несоотвѣтствующія идеалу явленія опять же должны быть изображены не въ ихъ случайности, а въ ихъ существѣ, то-есть, въ *типической*, или идеальной формѣ, заключающей въ себѣ не фактическую, а существенную правду. И самая идея, которой они противорѣчатъ, должна возвышаться надъ ними, освѣщая ихъ своимъ свѣтомъ. Возвышеніе идеи надъ житейскою пошлостью является въ видѣ обличительнаго смѣха; въ этомъ состоитъ *комизмъ*. Возвышеніе идеи надъ житейскою мерзостью, посягающею на лучшее, что есть въ человѣкѣ, появляется въ видѣ скорби и негодованія. Изображеніе борьбы идеальныхъ стремленій съ обуревающими ихъ жизненными невзгодами составляетъ одну изъ величайшихъ задачъ искусства. Въ этомъ состоитъ *трагизмъ*. Чѣмъ чище и глубже идея, чѣмъ возвышеннѣе характеры, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ трагическое положеніе на человѣческую душу. Величайшіе художники въ этомъ проявляли свой геній.

Но трагизмъ имѣетъ еще высшее значеніе. Оно изображаетъ не только борьбу идеала съ несоотвѣтствующею ему дѣйствительностью, но и

борьбу тѣхъ міровыхъ силъ, которыя дѣйствуютъ въ исторіи и и которыхъ слагается измѣнчивая жизнь человѣка. Въ безпрерывно в нующемся морѣ событій гармоническія явленія жизни предаются жертву неудержимому потоку и сокрушаются силою владычеству щаго надъ ними рока. Красота жизни есть преходящій цвѣтъ, закл чающій въ себѣ сѣмена смерти, а потому носящій въ себѣ трагич ское начало. Она представляетъ полное и гармоническое изображе идеи въ частномъ явленіи; но всякое частное явленіе есть нѣчто пр ходящее, не вполнѣ соотвѣтствующее идеѣ, а потому долженству щее погибнуть. Наслаждаясь жизнью, человѣкъ носитъ въ себѣ э скорбное чувство измѣнчивости бытія; но какъ носитель идеи, онъ з ключаетъ въ себѣ и стремленіе выдти изъ ограниченности частна явленія и возвыситься въ область вѣчнаго, незыблемаго, стоящаго на всѣми случайностями. Эта неудовлетворенность настоящимъ, это пр сущеее человѣку стремленіе къ безконечному составляетъ, въ сво очередь, обильный источникъ художественнаго творчества. Оно об значаетъ особенное направленіе искусства, отличное отъ того, кото рое полагаетъ себѣ цѣлью идеальное изображеніе дѣйствительност Послѣднее составляло характеристическую черту классическаго мір первое же развилось съ появленіемъ христіанства.

Греческій міръ былъ весь проникнутъ чувствомъ красоты. Въ этом весеннемъ разцвѣтѣ человѣческаго духа различные его элементы н получили еще односторонняго и самостоятельнаго развитія. Все сли валось въ одно стройное и гармоническое цѣлое: и природа и жизнь и небо и земля; все представлялось человѣческому взору исполнен нымъ прелести и поэзіи. Боги понимались не какъ грозныя, стихійны силы, владычествующія надъ судьбою людей; они являлись человѣ ческому сознанію въ стройныхъ, изящныхъ образахъ, какъ идеаль всего высокаго и прекраснаго. Вся природа дышала полнотою жизн и наполнялась прелестными созданіями воображенія. Въ человѣческомъ существованіи поклоненіе красотѣ во всѣхъ ея видахъ было господствующимъ началомъ. Въ самой борьбѣ страстей сохранялось чувство мѣры и гармоніи. Все это естественно находило свое выраженіе въ искусствѣ, которое, вслѣдствіе этого, достигло такой идеальной красоты формъ, какъ никогда прежде и никогда послѣ. Безконечное разнообразіе содержанія не затмѣвало еще стройности цѣлаго. Все было просто и ясно, а потому все могло выливаться въ произведеніяхъ, которыя съ первоначальною простотою соединяли высшую степень изящества.

Но уже Греки чувствовали всю бренность красоты. Отсюда трагизмъ, господствующій въ ихъ міросозерцаніи. Надъ всѣмъ царитъ

неумолимый рокъ, сокрушающій все лучшее на землѣ. Божеству представлялось завистливымъ. Дальнѣйшее движеніе жизни могло только усугубить это сознаніе. Вторженіе новыхъ элементовъ внесло въ нее неисцѣлимый разладъ, который все увеличивался. А съ гармоніей жизни должна была исчезнуть и гармонія въ искусствѣ. За періодомъ высшаго расцвѣта слѣдуетъ періодъ упадка, который идетъ неудержимыми шагами. Въ послѣдніе вѣка греко-римскаго міра отъ древняго искусства остаются только слабые слѣды. Не поклоненіемъ красотѣ, а скорбью и негодованіемъ отзываются лучшія произведенія того времени. Эти чувства выражаются въ сатирѣ Ювенала и въ мастерскихъ изображеніяхъ Тацита. Древній міръ разрушался, а съ нимъ исчезало и древнее искусство.

Именно это послужило исходною точкой для средневѣковаго творчества. Основнымъ его мотивомъ было отрицаніе земнаго и стремленіе къ небесному. Земля представлялась юдолемъ плача, поприщемъ для борьбы дикихъ силъ. Только въ представленіи загробной жизни человѣкъ находилъ себѣ утѣшеніе. Это идеальное стремленіе къ безконечному выражалось и въ стрѣльчатыхъ соборахъ, вадымающихся къ небесамъ, и въ изображеніяхъ изможденныхъ святыхъ, съ безобразными формами, но исполненныхъ внутренняго, глубокаго благоговѣнія, и въ поэзіи, которая высшее свое выраженіе нашла въ картинахъ ада и рая. Этимъ идеальнымъ стремленіемъ къ чему-то высшему, чистому, недоступному человѣческимъ страстямъ, проникались и поклонники земной красоты. Оно выражалось въ рыцарской любви, вдохновлявшей средневѣковыхъ пѣвцовъ. На ряду съ изображеніями загробной жизни стоитъ у Данте поклоненіе Беатриче.

Средневѣковое искусство содержало въ себѣ и сильный реалистическій элементъ. Раздвоеніе, господствовавшее въ жизни, отражалось и въ искусствѣ. Въ немъ, рядомъ съ идеальнымъ стремленіемъ къ небесному, проявляется самое мелочное вниманіе къ подробностямъ быта. Въ особенности этотъ контрастъ поражаетъ насъ въ произведеніяхъ германскаго духа, который былъ типическимъ представителемъ раздвоеннаго средневѣковаго міросозерцанія. Въ готическихъ соборахъ, уносящіяся къ небу стрѣлки и своды украшены самыми прихотливыми и мелочными орнаментами, съ разнообразными, часто уродливыми фигурами. Въ произведеніяхъ нидерландской живописи глубокое религіозное выраженіе фигуръ сочетается съ необыкновенною жизненною правдой и съ самою мелочною и тщательною выдѣлкой обстановки. Но эта реальная сторона произведеній того времени чужда всякаго понятія о красотѣ. Фигуры угловаты и часто безобразны; драпировка какъ бы вся составлена изъ многоугольниковъ;

нѣтъ ни перспективы, ни композиціи. Только тщате
и одухотворяющее ихъ глубокое религіозное чувство д
метомъ невольнаго удивленія. Въ итальянскомъ ис
сохраняло въ себѣ гораздо большіе слѣды древности,
выражался въ гораздо менѣе рѣзкой формѣ. Здѣсь си
ствовалъ надъ реализмомъ. Но несоотвѣтствіе форм
потребность гармоническаго ихъ соглашенія рано или
были повести къ новому направленію.

Это совершилось возвращеніемъ искусства къ ф
таннымъ древностью. Въ этомъ состоитъ великое зна
рожденія. Образы вѣчной красоты, завѣщанные Элли
типами, въ которые влилось все средневѣковое міро
стіанская эпопея была изображена въ цѣломъ рядѣ
веденій, вѣнцомъ которыхъ являются творенія Рафа
стороны, весь выработанный средними вѣками реализм
ческаго представителя въ могучемъ геніи Шекспира.
великая эпоха художественнаго творчества въ истор
Но существенно новыхъ элементовъ она въ искусств
все было исчерпано предшествующимъ развитіемъ.
далъ идеальную красоту формы, дальше которой челов
не шло и не можетъ идти, ибо она представляетъ с
другой стороны, средневѣковое міросозерцаніе, рядомъ
разнообразнымъ содержаніемъ жизни, развило стремлені
му, уносящее человѣка за предѣлы земнаго бытія. Изъ эт
ныхъ элементовъ составляется все человѣческое искусст
времени состоитъ въ ихъ соглашеніи. Въ эпоху Возр
четаніе было произведено непосредственнымъ актомъ с
чества, создавшаго новый идеальный міръ, въ кот
формы и средневѣковое содержаніе сливались въ одно
цѣлое; а такъ какъ непосредственное творчество соста
силу искусства, то и здѣсь оно достигло такой иде
какая не дана была уже послѣдующимъ вѣкамъ. Н
разработки требуетъ анализа; въ искусствѣ все дѣл
синтетическомъ творчествѣ. Этотъ первоначальный т
этотъ первый полетъ воображенія, стремящагося изо
ный міръ въ новыхъ, совершенныхъ формахъ, имѣютъ т
и такое обаяніе, съ которыми ничто не можетъ сравн
слѣдующее представляется уже болѣе или менѣе подр

Однако и послѣдующее развитіе искусства нельзя
комъ. Но различные его элементы, обособляясь, приня
стороннее, а потому менѣе высоко-художественное на

стремленіе къ ихъ соглашенію не носило уже той печати непосредственнаго, самороднаго творчества, какимъ отличалась эпоха Возрожденія. И здѣсь, также какъ и въ развитіи науки, мы можемъ различить два послѣдовательныхъ періода: періодъ идеализма и періодъ реализма. Въ первомъ, въ идеальной формѣ, развиваются всѣ элементы искусства новаго времени: поклоненіе античнымъ образцамъ въ классической школѣ, средневѣковыя стремленія въ романтизмѣ, художественный реализмъ въ произведеніяхъ голландской школы живописи и въ романахъ XVIII-го вѣка, наконецъ сочетаніе этихъ разнородныхъ началъ въ художественномъ міросозерцаніи, которое съ спокойной высоты взирая на все безконечное разнообразіе жизни, стремится извлечь изъ нея то, что соотвѣтствуетъ идеалу. Высшимъ представителемъ этого послѣдняго направленія является величайшій изъ поэтовъ новаго времени, Гёте, который орлинымъ взоромъ окидывая всю вселенную, умѣлъ античную красоту формы сочетать съ глубочайшимъ пониманіемъ всѣхъ элементовъ новой жизни, которому равно доступны были и высота философской мысли и невинный лепетъ дѣвическаго сердца. У насъ, это сочетаніе идеальной красоты формы съ романтическими стремленіями и съ изображеніемъ разнообразныхъ сторонъ русской дѣйствительности нашло высшее выраженіе въ поэзіи Пушкина.

Но и въ области искусства, также какъ и въ наукѣ и въ жизни, за періодомъ идеализма слѣдуетъ періодъ односторонняго реализма. Современное искусство стремится къ изображенію жизни, какъ она есть, въ ея будничномъ теченіи, даже, и еще болѣе, въ ея низменностяхъ. Это—направленіе наиболѣе удаляющееся отъ того, что составляетъ высшую задачу искусства, отъ стремленія къ идеалу, отъ изображенія красоты. Въ литературѣ поэзія замѣняется прозою; преобладающими формами литературныхъ произведеній являются романъ и комедія, но романъ безъ занимательности и комедія безъ смѣха. Интересъ романа заключается въ содержаніи, а безконечная и однообразная канитель будничной жизни порождаетъ только скуку. Безъ сомнѣнія, и въ обыденной жизни могутъ проявляться высокія стороны человѣческой души. Простое, беззатѣйливое существованіе можетъ представлять такую внутреннюю гармонію и такую нравственную чистоту, которыя дѣлаютъ его предметомъ сочувствія и умиленія. Старосвѣтскіе помѣщики, съ ихъ безконечною добротой, среди окружающаго ихъ глубокаго мира, въ простотѣ отношеній, даютъ намъ отрадное и возвышающее душу впечатлѣніе. Это — изображеніе красоты жизни въ самомъ темномъ закоулкѣ. Но когда, вмѣсто плѣнительной идилліи, намъ представляютъ цѣлый рядъ событій, въ которыхъ пошлые люди ведутъ пошлые разговоры и совершаютъ пошлыя дѣйствія, то подобныя

эпопея становится невыносимою. Только смѣхъ искупаетъ изобра ніе пошлости. Но и смѣхъ долженъ быть высоко художественн Таковъ былъ глубокій и мѣткій смѣхъ Гоголя. Онъ одинъ способе былъ поднять *Ревизора* и *Мертвыя души* на степень первоклассны произведеній искусства. Напротивъ, поверхностное, подчасъ заб ное, но всегда пошлое глумленіе Щедрина въ концѣ концовъ на няетъ тоску. Комедія безъ смѣха плѣняетъ иногда тонкостью мысл игривостью формы, но она всегда остается произведеніемъ низша разряда. Когда же все ограничивается изображеніемъ пошлости, хо и правдивымъ, но не выходящимъ изъ ея предѣловъ, то здѣсь да объ истинномъ художествѣ не можетъ быть рѣчи. Еще хуже, ког вмѣстѣ съ пошлостью изображается грязь, и самъ авторъ услажденіемъ купается въ этой грязи. Подобныя картины внушаю отвращеніе не только къ произведенію, но и къ самому автору. Хладн кровное и безстрастное изображеніе пошлости и грязи составляет одно изъ самыхъ противныхъ явленій реализма. Оно характеризует самыхъ выдающихся писателей новѣйшаго времени во Франціи.

Все это относится въ особенности къ той отрасли реализма, ко торую и въ области искусства можно назвать матеріалистически реализмомъ и которая имѣетъ въ виду изображеніе жизни въ са мыхъ неприглядныхъ ея проявленіяхъ. Гораздо выше стоитъ то на правленіе, которое можно назвать реализмомъ нравственнымъ. Он имѣетъ въ виду изобразить проявленіе въ жизни высшихъ нравствен ныхъ началъ. Самая симпатическая его сторона состоитъ въ раскры тіи высокихъ нравственныхъ побужденій въ самыхъ низменныхъ сфе рахъ, въ сочувствіи обездоленнымъ и угнетеннымъ, въ указаніи человѣ ческаго образа на самыхъ низкихъ ступеняхъ умственнаго развитія Этимъ оно привлекаетъ сердца, возбуждаетъ сочувствіе и сострада ніе къ ближнимъ, связываетъ высшія сферы съ низшими. Но когда все этимъ ограничивается, когда передъ взорами тянется только без конечная вереница страданій, униженія и нищеты, безъ всякаго при миряющаго элемента, тогда на читателя нагоняется такая же гнетущая тоска, какъ и нескончаемыми изображеніями человѣческой пошлости. Душа стремится вырваться на свѣжій воздухъ изъ этой удушливой ат мосферы, въ которой она напрасно ищетъ чего-нибудь, на чемъ бы она могла отдохнуть и успокоиться. Высшее примиряющее призваніе искусства черезъ это совершенно теряется. Идея выражается не въ соотвѣтствующей, а именно въ несоотвѣтствующей ей формѣ. Хорошо указывать красоту даже и въ безобразіи, но представлять красоту непремѣнно въ безобразіи, это—тенденція, наиболѣе противорѣчащая требованіямъ художества. Еще хуже, когда мужикъ выстав-

ляется идеаломъ, а вся высшая сторона развитія, закрытая для художественнаго взора, подвергается отрицанію. Подобное направленіе идетъ совершенно на руку современнымъ демократическимъ стремленіямъ, но способно возбудить только смуту и ненависть, а не примиреніе и любовь. Въ самой душѣ художника, при такомъ одностороннемъ направленіи, вселяется неизбѣжный разладъ. Онъ носитъ въ себѣ нравственный идеалъ, которому вовсе не соотвѣтствуетъ прикововывающая его реальность, и съ этимъ противорѣчіемъ онъ сладить не въ силахъ. Матеріалистическій реализмъ примиряется съ обыденною пошлостью, далѣе которой онъ не идетъ; нравственный реализмъ стремится внести въ нее нѣчто иное, что съ нею вовсе не клеится. Если дарованіе не велико, художникъ становится на ходули и сочиняетъ небывалые образы, какими переполнены, напримѣръ, драмы Ибсена. Болѣе крупные таланты просто погибаютъ отъ этого внутренняго разлада. Такъ погибъ геній Гоголя, который въ послѣдніе годы своей жизни мучился неразрѣшимыми противорѣчіями и наконецъ умеръ, предавши огню свое приготовленное уже къ печати произведеніе. Объ эти противорѣчія сокрушился и великій талантъ Толстого. Отрекаясь отъ художества, онъ сдѣлался фантазирующимъ моралистомъ. Такое направленіе можетъ сбивать съ толку неприготовленныхъ юношей; въ болѣе зрѣлыхъ умахъ оно возбуждаетъ только чувство глубокаго сожалѣнія объ утратѣ крупнаго дарованія.

Въ исторіи человѣческой мысли это направленіе не ново. Уже въ древности нравственный реализмъ выработалъ изъ себя отрасль, которая полагала разумную нравственность въ отреченіи отъ всего внѣшняго. Антисѳенъ, гордость котораго проглядывала сквозь его рубища, Діогенъ, который жилъ въ бочкѣ и разбилъ свой ковшъ, когда увидалъ, что мальчикъ черпаетъ воду рукою, были представителями этого воззрѣнія. Съ возрожденіемъ нравственнаго реализма въ новое время, и оно естественно должно было проявиться. На почвѣ новой исторіи, къ прежней односторонности прибавилось только искаженіе христіанства, ибо стремленіе возвратить послѣднее къ міросозерцанію Киниковъ нельзя назвать иначе, какъ грубымъ искаженіемъ. По существу своему, христіанство безконечно шире всѣхъ этихъ узкихъ теорій, которыя произвольно выдергиваютъ изъ него тѣ или другіе урывки и, толкуя ихъ по-своему, строятъ на нихъ фантастическій міръ.

Во всякомъ случаѣ, нравственный реализмъ, со всѣми вытекающими изъ него отраслями, составляетъ пережитый моментъ въ исторіи человѣческой мысли. Въ искусствѣ, также какъ и въ наукѣ, онъ является остаткомъ прошлаго, а не началомъ будущаго. Что требуется

для будущаго, это ясно изъ тѣхъ недостатковъ, которыми страдает реализмъ въ обѣихъ своихъ отросляхъ. Общая отрицательная их черта, то, что поражаетъ насъ въ современности, состоитъ въ пол номъ отсутствіи поэзіи, ибо нельзя назвать поэзіей тѣ жалкія попыт ки на стихотворство, которыми насъ даритъ въ особенности фран цузская литература. Рубленая проза съ претензіями, съ холодно вычурностью формъ, но часто безъ всякаго смысла, потому тольк выдается за поэзію, что она украшается беззвучными риомами и об лекается въ неуклюжее стопосложеніе. Во всемъ этомъ нѣтъ и тѣн искренняго чувства или поэтическаго полета воображенія. Столь ж мало можно назвать поэзіей тотъ неопредѣленный мистицизмъ, кото рый, стремясь вырваться изъ пошлой дѣйствительности, уходитъ в совершеннѣйшую пустоту. Современный міръ не имѣетъ ни одног сколько-нибудь крупнаго поэта, способнаго пробудить дремлющі стороны человѣческаго сердца и поднять его на новую высоту. Никогда еще человѣчество не переживало такой эпохи, когда, при необыкновенномъ обиліи литературныхъ произведеній, нѣтъ ни одного, которое было бы не только предметомъ разговоровъ, но событіемъ въ общественной жизни. Многіе думаютъ даже, что вѣкъ поэзіи прошелъ безвозвратно. Но это значило бы, что человѣческій духъ утратилъ то, что въ немъ есть самаго высокаго и прекраснаго; ибо когда высокое и прекрасное звучитъ въ душѣ человѣка, оно естественно выливается въ пѣснѣ. Поэтическое содержаніе требуетъ и поэтической формы. Такъ всегда было, съ тѣхъ поръ какъ человѣчество себя сознаетъ, и такъ всегда будетъ, пока оно не низойдетъ на степень животныхъ. Реализмъ, отрицающій поэзію, составляетъ только преходящій моментъ въ исторіи человѣческаго сознанія. Какъ въ наукѣ требуется возрожденіе метафизики, такъ въ искусствѣ требуется возрожденіе поэзіи. Оба начала тѣсно связаны другъ съ другомъ. Современное человѣчество, потерявши вѣру, разочарованное во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, жаждетъ появленія могучаго генія, который сумѣлъ бы разбудить умолкнувшіе звуки и дать крылья душѣ, пресмыкающейся по землѣ.

Когда появится этотъ геній и что онъ скажетъ благоговѣющимъ людямъ, этого, разумѣется, никто предсказать не можетъ. Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ и какъ хочетъ. Менѣе всего можно поставить какія-либо рамки свободному творчеству. Но позволительно указать тѣ условія, при которыхъ поэтъ можетъ дѣйствовать на сердца современниковъ въ настоящемъ состояніи человѣческихъ обществъ.

Мы видѣли, что ближайшая ступень, на которую предстоитъ взойти человѣческой мысли, есть универсализмъ. Онъ состоитъ въ соче-

танія раціонализма съ реализмомъ, въ высшемъ соглашеніи разнообразныхъ элементовъ человѣческаго духа, указаніемъ мѣста и значенія каждаго въ общей системѣ духовнаго міра. Именно это высшее, гармоническое соглашеніе жизненныхъ элементовъ составляетъ задачу поэзіи. Въ гармоніи заключается красота, а это и есть идея искусства. Но чѣмъ шире задача, тѣмъ менѣе допустимо какое-либо одностороннее направленіе. Универсальный поэтъ не можетъ уединяться въ отвлеченной сферѣ, отказать въ сочувствіи тѣмъ или другимъ жизненнымъ явленіямъ. Онъ не скажетъ, какъ Пушкинъ:

Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Въ развратѣ каменѣйте смѣло,
Не оживитъ васъ лиры гласъ.

Призванный дѣйствовать въ обществѣ и на общество, онъ долженъ радоваться всѣмъ его радостямъ и мучиться всѣми его скорбями. Ничто человѣческое не можетъ быть ему чуждо. Но призванный указать и вызвать къ жизни высшую гармонію сущаго, онъ не можетъ и не долженъ быть причастенъ тѣмъ или другимъ господствующимъ въ обществѣ одностороннимъ теченіямъ или волнующимъ общество страстямъ. Сочувствіе его къ явленіямъ жизни должно измѣряться тѣмъ идеаломъ красоты, который составляетъ верховный источникъ всякой поэзіи. Поэтъ можетъ вдохновляться идеей свободы, ибо это одно изъ высокихъ началъ духовнаго міра; оно давало высшій полетъ поэзіи Шиллера и Байрона. Но ходульный талантъ Виктора Гюго тѣмъ болѣе удалялся отъ истинной поэзіи, чѣмъ болѣе онъ погружался въ мутный потокъ современности. Тенденціозныя произведенія не могутъ имѣть притязанія на поэтическое достоинство. Поэтъ демократъ или соціалистъ менѣе всего способенъ исполнять свою высокую задачу. Если сочувствіе обездоленнымъ представляетъ возвышенную черту нравственной натуры, то злобныя стремленія низшихъ классовъ къ владычеству и возникающія на этой почвѣ дикія фантазіи не въ состояніи привлечь поэта, носящаго въ себѣ ясный образъ красоты. Художественному взору, обнимающему все безконечное разнообразіе жизни, равно должны быть открыты всѣ ея сферы, какъ низшія, такъ и высшія, послѣднія даже болѣе, нежели первыя, ибо въ нихъ всего полнѣе осуществляется идеалъ и въ нихъ таится законъ гармоническаго соглашенія всѣхъ элементовъ.

Для того чтобы постигнуть все разнообразіе міровыхъ явленій, поэтъ долженъ быть образованнымъ человѣкомъ. Одного художественнаго чутья недостаточно для пониманія высшихъ сторонъ жизни; необходимы разносторонность свѣдѣній и умственное развитіе. Вели-

чайшіе поэты новаго времени, Шиллеръ и Гёте, бы
ванные люди; имъ доступны были самые глубокі
просы. И чѣмъ шире задача, тѣмъ это требованіе с
тельнѣе. Поэты, выходящіе изъ народныхъ массъ,
плѣнительные звуки для выраженія простыхъ чувст
но совладать съ высшими задачами человѣческой
силахъ. Художникъ съ скуднымъ образованіемъ вс
каться односторонними тенденціями. Только широк
способно очистить самое художественное чувство о
ностей реальнаго бытія, въ которое оно погружено
широкое и всестороннее образованіе составляетъ са
дачу въ настоящее время. Какимъ образомъ можн
моническому міросозерцанію, когда жизнь представ
разладъ, когда въ умахъ царствуетъ хаосъ и все сам
рогое человѣку расшатано въ самыхъ основахъ и о
всякимъ дикимъ инстинктамъ и уродливымъ фантазія
щее нынѣ естествознаніе и въ умственной сферѣ
ни малѣйшей почвы для рѣшенія вопросовъ, касаю
а въ области искусства оно не даетъ ровно ничего.
методы естественныхъ наукъ менѣе всего приложимы

Очевидно, что появленіе поэта, способнаго дѣйств
ство, должно быть подготовлено самою жизнью. Вооб
цвѣтъ искусства является плодомъ долговременнаг
процесса. Рафаэль и Микель Анджело были завер
эпохи Возрожденія; Пушкинъ явился какъ вѣнецъ
періода русской литературы. Поэтъ воспитывается
средой, а эту среду составляетъ тотъ избранный кру
художниковъ и цѣлителей искусства, который являе
существенныхъ элементовъ умственной аристократіи о
всенародный столь же мало можетъ безъ этого об
художникъ, выражающій исключительно чувства и в
другой группы людей.

Мы приходимъ тутъ къ вопросу о значеніи искусс
ныхъ общественныхъ сферъ и классовъ, вопросу, кот
объ обществѣ имѣетъ самое существенное значеніе.

Какъ выраженіе красоты жизни во всѣхъ ея проя
ство составляетъ неотъемлемую принадлежность чело
на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Какъ скоро выраба
способный служить выраженіемъ чувствъ и представ
дожественное творчество естественно выливается въ н
или слагается въ легендарные и фантастическіе разск

ное выраженіе художественной души народа. Здѣсь проявляются уже тѣ духовныя свойства и особенности, которыя отличают народъ на дальнѣйшемъ его историческомъ пути. Поэтому они такъ дороги и для изслѣдователей народнаго быта и для поэтовъ, черпающихъ изъ глубины народнаго творчества мотивы для своихъ вдохновеній. Но именно какъ первоначальное проявленіе духа, оно вмѣстѣ самое скудное. Народныя пѣсни и разсказы доступны всѣмъ, потому что стоятъ на томъ низкомъ, однообразномъ уровнѣ, который господствуетъ въ первобытныя времена и къ которому подводятся всѣ общественныя явленія. На низшихъ ступеняхъ развитія, разнообразныя формы и явленія жизни еще не выдѣляются изъ состоянія слитности; общество представляетъ однородную массу, еще не расчленяющуюся на сословія или классы, имѣющіе различныя воззрѣнія, интересы и вкусы.

Эти различія водворяются съ развитіемъ образованія. Оно полагаетъ глубокую пропасть между классами образованными и необразованными, преданными умственному и матеріальному труду. Съ этимъ связано и коренное различіе быта, понятій и интересовъ. И эти различія никогда не изглаживаются, какъ бы широко ни распространилось образованіе въ обществѣ. Высшее развитіе не состоитъ въ возвращеніи къ первоначальному однообразію, а въ установленіи высшей гармоніи, при сохраненіи всѣхъ различій. Народной массѣ, преданной физическому труду, всегда будутъ доступны только простѣйшіе мотивы духовной жизни. Все, что требуетъ болѣе глубокаго пониманія, болѣе утонченнаго вкуса, становится достояніемъ избранной части. Такое раздѣленіе общества естественно и необходимо. Мы сказали уже, что количество и качество составляютъ необходимую принадлежность всякаго бытія. Простѣйшія основныя начала духовной жизни совершенно достаточны для удовлетворенія обыкновеннаго человѣка; можетъ-быть, они даютъ даже большее счастіе, нежели утонченныя потребности. Но высшій цвѣтъ духовной жизни все-таки остается достояніемъ немногихъ. Изъ народной массы выдѣляется умственная аристократія, которая призвана выражать высшія стороны народнаго духа.

Съ этимъ вмѣстѣ искусство получаетъ новое значеніе. Народныя пѣсни и разсказы остаются духовною пищею массъ, мотивомъ для художниковъ, услажденіемъ любителей, особенно тѣхъ, которымъ дорого и близко все, что выливается изъ народной души; но задачи искусства становятся уже совершенно иными. Оно живыми красками изображаетъ тѣ взгляды, понятія и интересы, которые господствуютъ въ образованной средѣ. Въ эпохи отвлеченнаго идеализма оно даже ис-

ключительно ставитъ себѣ эту цѣль, какъ единственно достойную искусства, носящаго въ себѣ идеалъ красоты. Съ водвореніемъ реализма оно нисходитъ съ этой высоты; оно приближается къ массѣ и дѣлаетъ, въ свою очередь, будничную жизнь исключительнымъ предметомъ своей творческой фантазіи. Но эта послѣдняя односторонность еще хуже первой, ибо она дальше отъ идеала, составляющаго всегда и вездѣ высшую задачу искусства. Универсализмъ требуетъ сочетанія обоихъ направленій; но сочетаніе не есть уравненіе. Въ какой бы формѣ оно ни являлось, высшее содержаніе духовной жизни, глубина мысли, утонченность вкуса, никогда не могутъ быть достояніемъ толпы. Искусство въ высшихъ своихъ проявленіяхъ, по существу своему, составляетъ аристократическій элементъ въ человѣческихъ обществахъ. Истинныхъ цѣнителей художества, одаренныхъ тонкимъ чувствомъ изящнаго, способныхъ понимать всю его возвышенность и красоту, всегда очень немного.

Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,

тотъ принадлежитъ къ числу избранниковъ, составляющихъ умственную аристократію общества. Массы же поражаются болѣе яркостью образовъ и красокъ, нежели ихъ гармоніей. Нерѣдко онѣ предпочитаютъ безобразіе красотѣ. Въ Италіи замѣчено, что предметомъ народнаго поклоненія всегда служатъ самыя уродливыя мадонны. Народный поэтъ можетъ, конечно, низойти до пониманія массъ. Своимъ художественнымъ чутьемъ угадывая ея потребности, онъ можетъ въ простыхъ и ясныхъ образахъ дать ей духовную пищу. Но высшія стороны его таланта всегда останутся ей недоступны. Общественное его значеніе ограничивается вліяніемъ на тѣ средніе слои, которые лежатъ между умственною аристократіей и народными массами и которые составляютъ главное связующее зерно новыхъ обществъ. Здѣсь искусство призвано играть высокую роль. Именно въ этихъ слояхъ, преданныхъ житейскимъ заботамъ, распространена та пошлость взглядовъ и стремленій, которая составляетъ вообще принадлежность посредственныхъ натуръ. Облагородить ихъ вкусы, возвысить ихъ житейскія понятія, указать имъ идеальныя стремленія, такова существенная задача искусства вообще и поэзіи въ особенности. Погруженный въ житейскія мелочи, человѣкъ нуждается въ досугѣ. Въ высшей степени важно, чѣмъ онъ наполняетъ этотъ досугъ: пустыми ли разговорами и разнаго рода безсмысленными играми и упражненіями, или впечатлѣніями, возвышающими душу? Послѣднія доставляетъ ему искусство.

Однако, для восприятія художественныхъ впечатлѣній надобно быть болѣе или менѣе подготовленнымъ. Чтобы дѣйствовать на публи-

ку, недостаточно одного художественнаго творчества; надобно содержаніе этого творчества, такъ сказать, разжевать и вложить въ ротъ посредственнымъ людямъ. Это составляетъ задачу эстетической и литературной критики. Послѣдняя въ особенности можетъ играть важную общественную роль. Такъ какъ искусство касается всѣхъ сторонъ жизни, то и литературная критика можетъ обсуждать всѣ вопросы, повсюду возбуждать мысль и давать направленіе. Въ странахъ, лишенныхъ политической жизни, она иногда получаетъ даже политическое значеніе. Это мы, Русскіе, видѣли у себя. Вслѣдствіе этого, отъ свойствъ и направленія литературной критики зависитъ иногда самое настроеніе общества. Это такое явленіе, на которомъ нельзя не остановиться.

По существу своему, литературная критика требуетъ сочетанія весьма высокихъ умственныхъ качествъ: широкаго образованія, тонкаго эстетическаго вкуса, глубокаго пониманія жизни. Поэтому, въ истинномъ своемъ значеніи она должна исходить изъ высоко - образованной среды, составляющей умственную аристократію общества. Этотъ избранный кругъ служитъ посредникомъ между художественнымъ творчествомъ и массою общества, которой онъ выясняетъ эстетическій и жизненный смыслъ художественныхъ произведеній. Когда же эта умственная аристократія распадается или исчезаетъ, что, какъ мы видѣли, составляетъ результатъ реализма, тогда литературная критика попадаетъ въ руки всякаго журнальнаго сотрудника, владѣющаго бойкимъ перомъ. Научная критика требуетъ все-таки нѣкотораго, хотя и весьма поверхностнаго знанія; для литературной критики не нужно ровно ничего. Чтобы высказывать самоувѣренныя сужденія о всякихъ литературныхъ произведеніяхъ, чтобы хлестко говорить кое-что обо всемъ на свѣтѣ, не требуется ни основательныхъ свѣдѣній, ни ума, ни тонкаго вкуса; нужно только прійтись по плечу необразованной публикѣ и, главное, проводить извѣстныя тенденціи. Тогда успѣхъ обезпеченъ, и ничего не смыслящій журнальный борзописецъ возводится на степень руководителя общественнаго сознанія.

За примѣрами ходить не далеко. У насъ, представителемъ идеалистической критики сороковыхъ годовъ можно считать Бѣлинскаго. Мало людей, имѣвшихъ такое вліяніе именно на средніе слои русскаго общества, какъ этотъ популяризаторъ и сѣятель мыслей. Самъ по себѣ, онъ обладалъ довольно скуднымъ образованіемъ, но онъ принадлежалъ къ кружку высоко-образованныхъ людей; ими онъ вдохновлялся. По своей страстной натурѣ, онъ въ жадномъ исканіи истины переходилъ отъ одного направленія къ другому, при этомъ постоянно вдаваясь въ крайности: онъ самъ про себя говорилъ, что куда онъ ни кинется въ погонѣ за истиной, онъ всегда очутится гдѣ-нибудь на краю. Но

эти крайности умѣрялись у него глубокимъ эстетическимъ чувствомъ, которое одно дастъ ему прочное значеніе въ русской литературѣ. Оно не всегда ограждало его отъ увлеченій, и подъ часъ искажалось односторонней тенденціей, но оно не дозволяло ему удаляться отъ идеальныхъ требованій и отъ образованныхъ взглядовъ. Этотъ шагъ сдѣлали тѣ, которые считали себя его послѣдователями. Они перешли черезъ край истины, и пустились въ безбрежную пустоту отрицанія, услаждаясь фантастическими мечтами о томъ новомъ мірѣ, который долженъ имъ открыться въ концѣ этого безотраднаго плаванія. Научной и философской подготовки у нихъ не было никакой, и еще менѣе было знанія жизни. Объ эстетическомъ чувствѣ никто и не помышлялъ: оно отвергалось, какъ устарѣлое аристократическое начало. Это былъ самый дикій разгулъ мысли, не сдержанный ни логикой, ни фактами, нахально бьющій направо и налѣво, проповѣдывающій матеріалистическій реализмъ во всей его наготѣ, стремящійся, подъ личиною сочувствія къ угнетеннымъ, къ разрушенію всего существующаго. Такова была картина русской умственной жизни въ шестидесятыхъ годахъ, эпоха, о которой запоздалые поклонники этого направленія понынѣ вспоминаютъ съ умиленіемъ. Результатомъ этого движенія были тѣ явленія нигилизма, которыя всѣхъ поразили ужасомъ и многихъ заставили одуматься. Россія была сбита съ пути мирнаго законнаго развитія, на который поставили ее совершенныя правительствомъ преобразованія. Оторопѣлое общество шаталось, какъ угорѣлый, не зная, за что ухватиться.

Реакція была неизбѣжна; но и она оказалась весьма невысокаго свойства. Это былъ нравственный реализмъ въ самыхъ низменныхъ своихъ формахъ: патріотизмъ самаго пошлаго характера, проповѣдь грубаго произвола, узкая вѣроисповѣдная нетерпимость. Всѣ высшія начала общественной жизни, религія, отечество, государство, низводились на степень притѣснительныхъ орудій, тяжелымъ гнетомъ ложащихся на человѣческую мысль и на человѣческую совѣсть, способныхъ удовлетворить лишь самые низкіе и пошлые инстинкты коснѣющихъ въ невѣжествѣ массъ. Таковы естественные плоды обѣихъ отраслей реализма въ мало образованномъ обществѣ. О художественномъ творчествѣ не было, разумѣется, и помину. Оно пало среди общаго умственнаго и жизненнаго разлада. Осталась одна тенденція.

Но съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, искусство всегда являлось на помощь людямъ жаждущимъ идеала. Въ глубинѣ народнаго духа, носящаго въ себѣ сѣмена будущаго, таятся живыя силы, способныя возвести его на новую высоту. Когда душа человѣка, погруженная въ низменныя сферы, ищетъ изъ нихъ исхода, является

геній, вокругъ котораго группируются лучшіе люди, образуя поэтическую умственную аристократію, могущую служить руководительницею общественнаго сознанія. Созданіе ея есть дѣло не учрежденій, а жизни. Геніальные поэты, великіе художники, просвѣщенные умы, способные ихъ понимать, все это дается не государствомъ, а обществомъ. Академія остаются мертвыми формами безъ одухотворяющихъ ихъ общественныхъ силъ.

Жизнь даетъ и богатый матеріалъ для художественнаго творчества, но жизнь въ ея совокупности, а не въ мимолетныхъ явленіяхъ настоящаго дня. Поэтъ, призванный изображать всѣ высшія стороны человѣческаго духа, не ограничивается тѣмъ, что представляетъ ему окружающая его среда; предметомъ вдохновенія служитъ для него вся волнующаяся въ вѣчномъ движеніи исторія человѣчества. Не взоръ, прикованный къ частностямъ, а пониманіе цѣлаго, въ его совокупномъ теченіи, способно выяснить высшее и лучшее, что есть въ человѣкѣ. Можно сказать, что этотъ матеріалъ доселѣ еще мало разработанъ. Идеализмъ коснулся его отчасти; реализмъ, погруженный въ будничную жизнь, совершенно неспособенъ его понять. Только универсализмъ, отъ частнаго возвышающійся къ общему, можетъ въ живыхъ краскахъ изобразить исторію человѣчества. Это—задача будущаго.

Исторія даетъ художнику не одинъ только матеріалъ въ событіяхъ прошлаго; она создала и вѣчные образцы художественнаго творчества для всѣхъ временъ и народовъ. Какъ мыслитель находитъ въ исторіи философіи тѣ глубокіе взгляды, которые служатъ ему руководящими нитями въ построеніи новаго умственнаго зданія, такъ и художникъ находитъ въ прошедшихъ вѣкахъ тѣ высокія созданія искусства, которыя въ спокойномъ величіи озаряютъ земной путь и даютъ человѣку возможность проникнуть восхищеннымъ взоромъ въ глубину небесныхъ пространствъ. Художникъ поставленъ въ этомъ отношеніи даже въ лучшія условія, нежели мыслитель. Философія идетъ развиваясь: прошлое служитъ ей только матеріаломъ, а не образцомъ для будущаго. Въ искусствѣ, напротивъ, неувядающая красота, воплощенная въ идеальныхъ образахъ, остается вѣчнымъ достояніемъ человѣческаго духа, источникомъ полнаго и нераздѣльнаго эстетическаго наслажденія для всѣхъ поколѣній. Боги и герои Иліады и Одиссеи и въ настоящее время, среди совершенно измѣнившихся взглядовъ и условій, наполняютъ насъ неудержимымъ восторгомъ. Творенія Шекспира для всѣхъ временъ и народовъ останутся глубочайшимъ откровеніемъ человѣческихъ страстей и характеровъ. Въ эпоху Возрожденія началомъ новой исторической жизни было возвращеніе къ образцамъ вѣчной красоты, созданнымъ древнимъ міромъ. Въ настоящее время

идеальными образцами могутъ служить уже не одни произведенія древности, но и то, что создано средними вѣками и новымъ человѣчествомъ. Все это въ совокупности образуетъ міровой художественный эпосъ, который является неизсякающимъ источникомъ поученія и вдохновенія для всякой души, стремящейся къ идеалу. Только въ живомъ общеніи съ этимъ источникомъ возможно возрожденіе поэзіи, и оно дастъ его приниженному къ землѣ человѣчеству.

ГЛАВА IV.

Нравы.

Юридическій законъ установляетъ формальный принудительный порядокъ общественной жизни; фактическій порядокъ установляется нравами. А такъ какъ фактическія отношенія, возникающія изъ безконечно разнообразныхъ и постоянно измѣняющихся жизненныхъ явленій, несравненно шире и богаче отношеній юридическихъ, то и область нравовъ значительно превышаетъ объемъ юридическихъ нормъ.

Эти двѣ стороны общественной жизни находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи и имѣютъ существенное вліяніе другъ на друга. Съ одной стороны, нравы слагаются подъ вліяніемъ учрежденій, особенно гражданскихъ, опредѣляющихъ частныя отношенія людей. Патріархальный сословный и общегражданскій строй, имѣютъ каждый свои нравы. Въ первомъ, съ однообразіемъ быта и простотою отношеній соединяется почитаніе старшинства, доходящее до самыхъ мелочныхъ подробностей. Во второмъ господствуютъ раздѣльность и замкнутость общественныхъ сферъ, выражающіяся и во внѣшнихъ признакахъ и въ обхожденіи. Въ третьемъ, съ водвореніемъ юридическаго равенства, все опять подводится къ внѣшнему однообразному уровню, что однако не мѣшаетъ установленію безчисленныхъ оттѣнковъ, вытекающихъ изъ фактическихъ отношеній. Подчиняясь вліянію того или другаго общественнаго строя, нравы, съ своей стороны, не только видоизмѣняютъ его, но нерѣдко дѣйствуютъ на него разрушительнымъ образомъ. И патріархальный и сословный строй разлагаются нравами, прежде нежели юридическія ихъ формы отмѣняются закономъ. Даруя лицу извѣстныя права, юридическій законъ даетъ ему только возможность дѣйствовать; самое же пользованіе правомъ зависитъ отъ нравовъ. Поэтому одинъ и тотъ же законъ можетъ имѣть совершенно различное дѣйствіе, смотря по тому, какъ онъ прилагается. Законъ, который въ свое время соотвѣтствовалъ нравамъ, можетъ съ теченіемъ времени превратиться въ мертвую форму, которая наконецъ отмѣняется, потому что перестала отвѣчать жизненнымъ явленіямъ. Невозможно сохранить

уваженіе къ родовому старшинству или сословныя отличія, когда жизнь идетъ имъ наперекоръ.

Иногда нравы замѣняютъ даже самый законъ. Такъ напримѣръ въ Англіи, крѣпостное право было отмѣнено не какимъ-либо законодательнымъ актомъ, а дѣйствіемъ нравовъ, которое повело къ уничтоженію обязательныхъ отношеній. Но бываетъ и наоборотъ, что юридическій законъ отмѣняетъ извѣстный порядокъ, который однако долго еще держится въ нравахъ, когда давно пересталъ уже существовать въ законодательствѣ. Слѣды патріархальныхъ нравовъ можно найти въ крестьянской средѣ, когда они потеряли уже всякое юридическое значеніе. Точно также удерживаются сословныя различія и предразсудки, когда существенное ихъ значеніе исчезло. Предразсудки держатся даже упорнѣе, нежели что-либо другое. И въ этомъ отношеніи нравы нерѣдко замѣняютъ и восполняютъ законъ. Въ общегражданскомъ порядкѣ въ особенности, область ихъ все расширяется на счетъ принужденія. Гражданскій законъ установляетъ общую свободу и равенство; но нравы вносятъ сюда различія, которыя разбиваютъ общество на множество отдѣльныхъ сферъ, имѣющихъ каждая свои правила жизни. Эти правила дѣйствуютъ иногда сильнѣе, нежели законъ. Послѣдній можно обойти; его можно оставить безъ исполненія, ибо власть не все видитъ и не всегда на сторожѣ. Но отъ нравовъ уйти невозможно, ибо они поддерживаются всею окружающею средой. Отсюда то явленіе, что самое широкое развитіе свободы совмѣщается иногда съ самымъ деспотическимъ господствомъ нравовъ. Такое явленіе замѣчается, напримѣръ, въ Англіи. И это понятно. Необузданность свободы ведетъ къ анархіи, разрушающей всѣ общественныя связи. Поэтому, чѣмъ менѣе она сдерживается принудительнымъ закономъ, тѣмъ болѣе она должна сдерживаться нравами. Иначе немыслимъ общественный порядокъ, а безъ прочнаго порядка не можетъ существовать никакое общество. Вслѣдствіе этого, защитники свободы, указывая на благотворныя ея дѣйствія, окончательно должны полагаться на нравы.

Изъ этого ясно, какое неизмѣримо важное значеніе имѣютъ нравы для всей общественной жизни. Отсюда то вниманіе, которое посвящаютъ имъ проницательные наблюдатели человѣческихъ обществъ.

Нравы установляются негласнымъ, почти безсознательнымъ соглашеніемъ на счетъ тѣхъ правилъ, которыми должны руководствоваться люди въ своихъ отношеніяхъ. Въ значительной степени они вытекаютъ изъ самыхъ этихъ отношеній, изъ свойства людей, изъ уровня ихъ развитія, изъ ихъ общественнаго положенія, изъ тѣхъ условій, въ которыя они поставлены. Когда эти отношенія получаютъ характеръ

общности, однообразности и прочности, они слагаются въ нравы. Въ человѣкѣ, какъ существѣ общежительномъ, есть извѣстное стадное чувство, стремленіе стать въ уровень со всѣмъ окружающимъ, дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ другіе. Чѣмъ ниже развитіе, тѣмъ менѣе личность предъявляетъ свои права, а потому тѣмъ сильнѣе ложится на весь общественный бытъ общая однообразная печать. Весь родовой порядокъ, можно сказать, держится нравами. Они передаются отъ поколѣнія поколѣнію, образуя крѣпкую основу, на которой покоится весь общественный строй. Но и на высшихъ ступеняхъ, когда лице выдѣляется изъ общей массы, это стремленіе стать въ уровень съ окружающею средою проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Имъ опредѣляется даже измѣнчивый элементъ нравовъ—*мода*. Первоначально она возникаетъ изъ присущаго человѣку стремленія отличиться отъ другихъ, изобрѣсти что-нибудь новое, чего нѣтъ ни у кого. Но немедленно же являются подражатели, и скоро мода становится достояніемъ массы. Изъ этого рождается желаніе опять придумать что-нибудь такое, чѣмъ можно отличиться отъ другихъ, и снова происходитъ тотъ же процессъ. Когда протекло достаточно времени и старое забыто, нерѣдко опять къ нему возвращаются; эти колебанія повторяются періодически. Элементъ моды составляетъ одинъ изъ достойныхъ вниманія факторовъ общественной жизни. Имъ опредѣляются не только второстепенныя принадлежности быта, какъ покрой платья, но и явленія духовной жизни, напримѣръ колебанія общественнаго мнѣнія. Когда появляется новая идея, или даже подогрѣтая старая, всѣ поверхностные умы, составляющіе массу, жадно за нее хватаются изъ желанія не казаться отсталыми. Въ обществѣ происходитъ увлеченіе, которое многіе принимаютъ за развитіе общественной мысли или, по крайней мѣрѣ, за рождающуюся въ обществѣ потребность, требующую удовлетворенія, но которое, въ сущности, ничто иное какъ игра моды на поверхности общественнаго сознанія. Проходитъ нѣкоторое время, и это увлеченіе уступаетъ мѣсто совершенно противоположному, обозначая колебанія мысли, не нашедшей еще точки равновѣсія.

Выражая общіе взгляды и вкусы, господствующіе въ извѣстной средѣ, нравы измѣняются сообразно съ самою средою. Только на низшихъ ступеняхъ, при господствѣ первобытнаго безразличія, они одинаково простираются на всѣ слои. Какъ же скоро общество, съ дальнѣйшимъ развитіемъ, расчленяется внутри себя, такъ установляются различные нравы для высшихъ, среднихъ и низшихъ состояній или классовъ.

Эти различія выражаются прежде всего въ устройствѣ матеріаль-

наго быта. Мы видѣли, что развитіе экономическаго порядка неизбѣжно ведетъ къ различному уровню быта въ различныхъ слояхъ общества. Этотъ уровень опредѣляется, съ одной стороны, потребностями, съ другой стороны средствами для ихъ удовлетворенія. Послѣднія зависятъ отъ экономическихъ условій и отъ законовъ, ими управляющихъ; первыя же опредѣляются главнымъ образомъ нравами. Строго необходимое человѣку для его существованія ограничивается весьма немногимъ; все, что выходитъ за эти предѣлы, установляется нравами. Это ясно выражается въ соперничествѣ рабочихъ, привыкшихъ къ нѣкоторымъ удобствамъ жизни, съ тѣми, которые довольствуются скуднымъ пропитаніемъ. Такъ напримѣръ, сѣвероамериканскій работникъ, стоящій на относительно высокомъ уровнѣ быта, не въ состояніи выдержать конкурренцію Китайцевъ, которые живутъ въ конурахъ, питаясь пригоршней риса. Извѣстный уровень образованія и вытекающіе отсюда нравы рождаютъ потребности, отъ которыхъ трудно отказаться, разъ онѣ завелись. Поэтому соціалисты, провозглашающіе желѣзный законъ заработной платы, въ силу котораго рабочіе будто бы всегда получаютъ лишь необходимое для поддержанія ихъ существованія, принуждены видоизмѣнить это положеніе признаніемъ извѣстнаго „уровня быта", ниже котораго рабочій уже не можетъ или не хочетъ спускаться, чѣмъ самымъ ниспровергается самая теорія. Этотъ утвердившійся нравами уровень быта имѣетъ вліяніе и на самыя средства существованія. Онъ составляетъ самое сильное побужденіе къ труду. Человѣкъ долженъ больше и усидчивѣе работать, чтобы поддержать себя на извѣстномъ уровнѣ и удовлетворить зародившимся въ немъ потребностямъ. Этимъ опредѣляются и тѣ сбереженія, которыя онъ можетъ сдѣлать. Чѣмъ больше потребностей, тѣмъ больше нужно средствъ для ихъ удовлетворенія и тѣмъ меньше остается для сбереженій.

Такимъ образомъ, отношеніе потребностей къ средствамъ существенно опредѣляется нравами. Въ этомъ состоитъ громадное экономическое значеніе послѣднихъ для всѣхъ классовъ народа, не только низшихъ, но также среднихъ и высшихъ. Отъ этого зависитъ весь экономическій прогрессъ общества, который опредѣляется избыткомъ дохода надъ расходомъ: гдѣ люди тратятъ все, что они получаютъ, тамъ ни о какомъ экономическомъ прогрессѣ не можетъ быть рѣчи. Отъ этого же зависитъ все внутреннее благосостояніе и довольство семей, изъ которыхъ составляется общество. Соглашеніе потребностей съ средствами составляетъ первую задачу всякаго хозяйства; оно даетъ и матеріальную обезпеченность и внутренній миръ. Среди безконечнаго разнообразія потребностей и средствъ, эта задача на разныхъ ступеняхъ

исполняется различно; но во всякомъ быту возможна та внутренняя гармонія, которая составляетъ истинную красоту жизни, и которая привязываетъ человѣка къ земному существованію. Въ этомъ отношеніи, у дикихъ племенъ встрѣчаются привлекательные примѣры. Нашъ извѣстный путешественникъ, Миклуха-Маклай, нашелъ близъ Новой Гвинеи группу острововъ, которые онъ назвалъ Архипелагомъ Довольныхъ Людей.

При малыхъ потребностяхъ и скудныхъ средствахъ, соглашеніе достигается даже легче, нежели при болѣе широкомъ развитіи тѣхъ и другихъ. Конечно, когда бѣдная семья едва имѣетъ насущный хлѣбъ и должна выбиваться изъ силъ, чтобы добывать себѣ скудное пропитаніе, положеніе ея горько, а иногда ужасно. Оно становится источникомъ неисчислимыхъ страданій. Но при сколько-нибудь обезпеченномъ матеріальномъ положеніи рабочаго класса, такомъ, напримѣръ, какимъ онъ въ значительномъ большинствѣ пользуется въ европейскихъ странахъ, простота быта, при отсутствіи всякихъ прихотей, даетъ возможность такого гармоническаго существованія и такого внутренняго довольства, какія рѣдко встрѣчаются на болѣе высокихъ общественныхъ ступеняхъ. Здѣсь высшее развитіе обнаруживается не въ роскоши, и даже не въ удобствахъ жизни, а въ чистотѣ и порядкѣ, которые свидѣтельствуютъ объ образованныхъ вкусахъ и водворяются нравами даже въ самой бѣдной средѣ. Чѣмъ далѣе эта сфера отъ соблазновъ образованной жизни, чѣмъ болѣе въ ней сохраняются патріархальные нравы, тѣмъ чаще встрѣчаются въ ней миръ и довольство. Эти нравы могутъ держаться даже и при крѣпостномъ состояніи, о чемъ свидѣтельствуетъ наше крестьянство. Но вообще, крѣпостное состояніе не способствуетъ выработкѣ нравовъ, клонящихся къ соглашенію потребностей и средствъ. У кого нѣтъ ничего своего, тотъ привыкаетъ тратить все, что онъ получаетъ. Оттого наши крестьяне такъ мало привыкли къ сбереженіямъ; у нихъ деньги уходятъ сквозь пальцы. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и общинное владѣніе. Только неотъемлемая личная собственность развиваетъ нравы, способные упрочить домашнее благосостояніе изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Еще хуже дѣйствуютъ на рабочій классъ соблазны городской жизни. Стремленіе къ внутреннему устройству быта замѣняется исканіемъ внѣшнихъ удовольствій и развлеченій, на которыя тратятся скудныя средства, въ ущербъ домашнему хозяйству, а нерѣдко даже на счетъ пропитанія семьи. Къ этому присоединяется та шаткость нравовъ и понятій, которая водворяется въ блуждающемъ населеніи, доступномъ всякимъ вліяніямъ, затрогивающимъ его страсти. Столь широко распространенная нынѣ проповѣдь матеріалистическаго реализма, приправ-

леннаго бреднями соціализма, съ одной стороны возбуждаетъ стремленіе къ матеріальнымъ благамъ, съ другой стороны вселяетъ зависть, злобу и ненависть ко всему существующему порядку вещей. Тутъ, вмѣсто прочныхъ нравовъ, которые въ мало образованной средѣ одни могутъ замѣнить сознательныя правила жизни, водворяется полная безурядица понятій и стремленій. Сбитая съ толку рабочая масса представляетъ самое печальное зрѣлище для наблюдателя человѣческихъ отношеній.

Еще, можетъ-быть, труднѣе, нежели въ низшихъ сферахъ, соглашеніе потребностей со средствами на самыхъ высшихъ ступеняхъ общежитія. Но здѣсь дѣйствуютъ другія причины. Въ высшихъ слояхъ общества потребности получаютъ наибольшее развитіе; здѣсь господствуетъ изящество жизни, которое налагаетъ свою печать на весь общественный бытъ и съ которыми средства большинства далеко не всегда соразмѣрны. Желаніе поддержать свое положеніе, стать въ уровень съ другими, и присоединяющіяся къ этому мелкія стороны человѣческой души, самолюбіе, тщеславіе, играютъ здѣсь бóльшую роль, нежели въ темной средѣ, гдѣ люди не стоятъ у всѣхъ на виду. Прихотливость, эта величайшая пагуба домашняго быта, развита здѣсь въ сильной степени. При сословномъ порядкѣ, все это еще закрѣпляется и умножается сословными предразсудками, привычкою къ безграничной власти надъ крѣпостными и непривычкою къ промышленной дѣятельности и расчетливости. Всѣ эти свойства влекутъ за собою несоразмѣрность потребностей съ средствами. И въ прежнее время разоряющіеся русскіе бары были у насъ заурядньмъ явленіемъ. Когда же, съ освобожденіемъ крестьянъ, наступилъ переломъ, значительная часть русскаго дворянства не умѣла ни устроить свое хозяйство на новыхъ началахъ, ни соразмѣрить свои потребности съ своими средствами. Къ извиненію его надобно сказать, что пониженіе уровня быта, измѣненіе укоренившихся съ дѣтства понятій и привычекъ, составляютъ одну изъ самыхъ трудныхъ жизненныхъ задачъ. Такіе же нравы, какъ у русскаго барства прежняго времени, господствовали и среди французскаго дворянства до Революціи. Тамъ страшная катастрофа волей или неволей его отрезвила. Суровый опытъ жизни научилъ его понижать свои потребности къ уровню средствъ и видѣть въ этомъ единственный прочный залогъ матеріальнаго благосостоянія.

Наибольшую соразмѣрность потребностей съ средствами можно найти въ среднихъ классахъ. Здѣсь нѣтъ гнетущей бѣдности, которая едва имѣетъ необходимое, а съ другой стороны нѣтъ и роскоши, а есть довольство при весьма эластическихъ потребностяхъ удобства. Съ промышленною дѣятельностью и расчетливостью здѣсь со-

единяется привычка къ сбереженіямъ, которая даетъ прочную основу домашнему быту. Съ небольшими матеріальными потребностями могутъ сочетаться и болѣе или менѣе развитыя умственныя стремленія, которыя находятъ пріютъ въ самой скромной средѣ. Здѣсь развивается та нѣмецкая Gemüthlichkeit, то благодушное довольство скромною долей, которое составляетъ красу этой золотой середины, искони прославленной поэтами и философами. Мы видѣли, что средніе слои общества составляютъ источникъ всякаго экономическаго преуспѣянія; но это преуспѣяніе тогда только прочно, когда оно покоится на передаваемыхъ отъ поколѣнія поколѣнію хозяйственныхъ нравахъ. И въ этомъ отношеніи, разлагающее дѣйствіе имѣетъ матеріалистическій реализмъ, расшатывающій всѣ понятія и возбуждающій жажду матеріальныхъ благъ. Тлетворному его вліянію всего болѣе подвержены именно средніе слои, которые, раздробляясь на множество ступеней, при легкомъ переходѣ отъ одной къ другой, представляютъ наименѣе устойчивости. Въ обществѣ, котораго всѣ нравственные устои подорваны, значеніе денегъ становится преобладающимъ; постоянная промышленная дѣятельность замѣняется биржевою игрой; скромныя привычки жизни исчезаютъ; вездѣ, а на высшихъ ступеняхъ въ особенности, развивается стремленіе къ роскоши, выставляющейся на показъ. Одни быстро обогащаются, другіе также быстро разоряются; общество, какъ бы увлекаемое неудержимымъ водоворотомъ, представляетъ картину лихорадочнаго движенія, въ которомъ единицы безпрерывно несутся то вверхъ, то внизъ, слагаясь не въ прочныя созданія жизни, а въ преходящія группы, лишенныя всякой внутренней связи. При такомъ настроеніи, въ которомъ находится нынѣ большинство европейскихъ народовъ, владычество нравовъ, передающихся отъ поколѣнія поколѣнію, исчезаетъ совершенно; на мѣсто ихъ водворяется мимолетное царство моды. Современный романъ представляетъ намъ картину этого хаотическаго броженія, въ которомъ господствуетъ всеобщій разладъ. А какъ скоро нравы расшатались, возстановленіе ихъ дѣло не легкое; нуженъ долговременный нравственный и экономическій процессъ для того, чтобы жизнь снова сложилась въ крѣпкія формы, изъ которыхъ могли бы выработаться прочныя правила для руководства людей.

Говоря объ этой сторонѣ нравовъ, нельзя не упомянуть о той значительной роли, которую играетъ въ этомъ отношеніи женщина. Она является нравственнымъ центромъ семейнаго быта; на ней лежитъ все внутреннее благоустройство дома; отъ нея главнымъ образомъ зависитъ то соглашеніе потребностей и средствъ, та гармонія жизни, безъ которыхъ нѣтъ семейнаго счастія. Поэтому, въ ней вы-

соко цѣнятся всѣ тѣ свойства, которыя способствують этой внутренней гармоніи: довольство малымъ, умѣніе изъ всего извлечь пользу, сочетать порядокъ и изящество съ простотой, дѣйствіе болѣе чувствомъ, привлекающимъ сердца, нежели волей, направляющею людей, однимъ словомъ, все то, что дѣлаетъ домашнюю жизнь притягательнымъ центромъ для семьи и друзей. Женщина является въ семьѣ главною хранительницей нравовъ и преданій, на которыхъ покоится семейный бытъ; но она же становится и главнымъ разлагающимъ элементомъ, если, вмѣсто означенныхъ качествъ, въ ней развиваются противоположныя: желаніе внѣшняго блеска, тщеславіе, прихотливость, привязанность къ модѣ. Домашнимъ свойствамъ противорѣчатъ и всѣ тѣ новѣйшія стремленія, которыя вытекаютъ изъ отвлеченнаго пониманія началъ свободы и равенства, составляющихъ сущность общегражданскаго порядка. Женщина, которая стремится къ внѣшней дѣятельности, хлопочетъ о правахъ, хочетъ стать наравнѣ съ мужчиной и принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, отрекается отъ настоящаго своего призванія; она всегда будетъ плохою домохозяйкой. Не въ области права, а въ области нравовъ проявляется настоящее значеніе женщины, и здѣсь оно неизмѣримо важно. Отъ нея зависитъ благоустройство семейнаго быта, слѣдовательно главная красота жизни и земное счастіе человѣка. Невидимое и негласное ея вліяніе такъ велико, что оно перевѣшиваетъ всякія общественныя права.

Это вліяніе не ограничивается однимъ домашнимъ бытомъ; оно простирается и на общественныя отношенія, но не публичныя, а частныя, которыя регулируются не юридическими нормами, а опять же нравами. Эта область играетъ весьма важную роль въ развитіи общества.

Постоянныя правила общественныхъ отношеній, установляемыя молчаливымъ соглашеніемъ людей, суть *обычаи*. Они могутъ получить и юридическій характеръ, если они прилагаются судами къ разрѣшенію тяжебъ. Таково первоначальное происхожденіе всякаго права. Но, кромѣ этого, признаются многочисленныя правила общежитія, безъ которыхъ общественная жизнь не можетъ плавно идти. Они занимаютъ въ ней такое же мѣсто, какъ привычка въ личной жизни. Установляясь почти безсознательно, въ силу самопроизвольно слагающихся отношеній и передаваясь отъ поколѣнія поколѣнію, они получаютъ силу естественныхъ законовъ и имѣютъ надъ человѣкомъ тѣмъ болѣе власти, чѣмъ менѣе развита въ немъ разсуждающая способность. На первоначальныхъ ступеняхъ общежитія, обычаи охватываютъ человѣка всецѣло. Патріархальный порядокъ весь ими про-

никнуть; теократіи возводять ихъ въ священныя правила жизни. Не менѣе крѣпокъ обычай и въ сословномъ строѣ; но здѣсь онъ имѣетъ иной характеръ. Патріархальный порядокъ, не смотря на безчисленныя ступени старшинства, представляетъ болѣе или менѣе однообразную массу, а потому и обычаи здѣсь однородны. Въ сословномъ порядкѣ, напротивъ, установляются разные обычаи для различныхъ разрядовъ людей. Существенное ихъ значеніе состоитъ именно въ выработкѣ жизненнаго строя, сообразнаго съ общественнымъ призваніемъ каждой группы, но при существующихъ между сословіями юридическихъ граняхъ, оказываются и тѣ невыгодныя послѣдствія и столкновенія. которыя проистекаютъ изъ ихъ замкнутости и разобщенности. Послѣднія черты исчезаютъ въ общегражданскомъ строѣ; юридическія грани падаютъ и отношенія болѣе или менѣе подводятся къ общему уровню. Однако, выработанное сословнымъ порядкомъ разнообразіе не исчезаетъ: на различныхъ ступеняхъ общества сохраняются разные обычаи, сообразные съ ихъ бытомъ и общественнымъ положеніемъ, при незамѣтныхъ переходахъ отъ одной ступени къ другой.

И тутъ слѣдуетъ отмѣтить низшіе слои, средніе и высшіе. Каждая ступень имѣетъ свои характеристическія черты.

Въ народной массѣ, не затронутой образованіемъ, долѣе всего сохраняются обычаи патріархальнаго порядка. Ихъ можно наблюдать въ нашей крестьянской средѣ. Здѣсь господствуетъ однообразный порядокъ жизни, при строгомъ соблюденіи всѣхъ степеней родоваго старшинства, что не мѣшаетъ, однако, молодымъ оказывать полное неуваженіе къ старымъ, какъ скоро послѣдніе перестали быть дѣятельными главами семья и отбыли на покой. Для всѣхъ движеній обыденной жизни, а тѣмъ болѣе для крупныхъ ея событій, выработанъ извѣстный обрядъ, передающійся отъ поколѣнія поколѣнію и считающійся чѣмъ-то священнымъ. Обрядность вносится и въ пониманіе религіи, часто въ ущербъ внутреннему духу. Можно думать, что самый церковный союзъ въ значительной степени заимствуетъ господствующее въ немъ направленіе отъ той среды, въ которой онъ водворяется. Даже на внѣшнемъ обликѣ крестьянской массы отражается выработанный жизнью формальный строй: мужчинамъ онъ придаетъ нѣкоторую степенность и важность, а въ женщинахъ онъ выражается въ скромной сдержанности и полной достоинства простотѣ, чертахъ, которыя съ трудомъ вырабатываются въ самыхъ высшихъ сферахъ и ставятъ иную крестьянскую бабу на ряду съ самою утонченною аристократкой. Только строгое господство обычая, налагающаго печать на все поведеніе человѣка, воздерживаетъ

ту грубость нравовъ и ту внѣшнюю распущенность, которыя обыкновенно проявляются въ мало образованной средѣ, какъ скоро исчезаетъ въ ней эта выработанная жизнью сдержка. Уваженіе къ формамъ, на низшихъ, еще болѣе, нежели на высшихъ ступеняхъ, составляетъ такой элементъ нравовъ, которому нельзя не придавать весьма существеннаго значенія. На низшихъ ступеняхъ его нельзя ничѣмъ замѣнить. Разрушеніе сложившагося вѣками обычая дѣйствуетъ пагубно на народныя массы.

Уваженіемъ къ формамъ проникнуты и обычаи аристократической среды. На немъ основано внѣшнее изящество, которое является здѣсь основнымъ требованіемъ быта, а равно и учтивость, составляющая первое условіе пріятныхъ отношеній между людьми. Свѣтскія приличія всѣ имѣютъ въ виду или то или другое; соблюденіе ихъ вносить въ жизнь утонченный порядокъ, который входитъ въ плоть и кровь и дѣлаетъ сношенія легкими и удобными. Въ отношеніи къ высшимъ, изъ этого вырабатывается этикетъ, который имѣетъ ту существенную выгоду, что всякій знаетъ, что ему дѣлать, и избѣгаются всякія недоразумѣнія и столкновенія. И въ этой области важнѣйшую роль играетъ женщина, въ сношеніяхъ съ которой изящество и учтивость составляютъ первыя требованія. Присутствіе женщины смягчаетъ и сдерживаетъ нравы; оно одно въ состояніи внести въ общественныя отношенія тонкость и изящество, свойственныя аристократической средѣ. Отсюда важное общественное значеніе ассамблей, введенныхъ у насъ Петромъ Великимъ. Мужчинъ свѣтскіе обычаи съ молоду пріучаютъ къ постоянному самообладанію, а этимъ вырабатываются не только внѣшнія формы, но и самый характеръ. Въ средѣ, требующей изящества, менѣе, нежели гдѣ либо, допустимы распущенность, неряшество, невниманіе къ другимъ.

Однако этотъ свѣтскій формализмъ имѣетъ и свою оборотную сторону. Налагая на всѣхъ однообразную печать, онъ сглаживаетъ тѣ индивидуальныя особенности, которыя составляютъ самую привлекательную сторону человѣка. Требуя постоянной сдержанности, онъ налагаетъ узду на тѣ искреннія и живыя выраженія мысли и чувства, которыя составляютъ оживляющій элементъ всякаго общежитія. Общество, опутанное свѣтскими приличіями, становится монотоннымъ и скучнымъ; а когда съ внѣшнимъ лоскомъ соединяются полная внутренняя пустота и отсутствіе всякихъ высшихъ интересовъ, то образованнаго человѣка охватываетъ въ этой средѣ невыносимая тоска, отъ которой онъ бѣжитъ въ менѣе блестящія сферы. Еще хуже, когда подъ изящнымъ покровомъ скрываются выработанные сословнымъ порядкомъ аристократическіе предразсудки, надменность

и чванство, не оправдывающіяся никакимъ существеннымъ содержаніемъ. Нерѣдко въ аристократической средѣ сохраняются отжившія понятія, которыя оказываютъ вліяніе на самый политическій бытъ. Извѣстно, какую печальную роль играли во Франціи парижскіе салоны во времена Реставраціи и Іюльской монархіи. Доселѣ они являются главнымъ центромъ лишеннаго всякой почвы реакціонаго направленія, составляющаго существенную помѣху объединенію партій и правильному политическому развитію.

Господство свѣтскаго формализма смягчается въ тѣхъ среднихъ образованныхъ слояхъ, которые, не гоняясь за внѣшнимъ изяществомъ, болѣе дорожатъ умственными интересами Равно отстоя отъ грубости нравовъ низшихъ классовъ и отъ чопорности высшихъ, они представляютъ ту наиболѣе пріятную для жизни среду, въ которой образованный человѣкъ, не стѣсненный ничѣмъ, чувствуетъ себя привольно и можетъ свободно изливать свои мысли и чувства. Здѣсь мѣсто и тому радушному гостепріимству, которое, не ослѣпляя внѣшнимъ блескомъ, раскрываетъ и притягиваетъ сердца. И тутъ женщина играетъ значительную роль, и какъ центръ домашней жизни, и какъ смягчающій и оживляющій элементъ общества. Эти средніе кружки составляютъ настоящій пріютъ той умственной аристократіи, отъ существованія которой зависитъ все умственное движеніе общества. Москва сороковыхъ годовъ представляла въ этомъ отношеніи привлекательный образецъ.

Въ тѣсной связи съ обычаями находятся и понятія о чести, господствующія въ той или другой общественной средѣ. Честь есть общественное достоинство человѣка. Высшимъ ея основаніемъ служитъ внутреннее нравственное достоинство лица. Всякій поступокъ, противорѣчащій нравственнымъ требованіямъ, налагаетъ пятно на честь. Но въ общественныхъ отношеніяхъ къ этому присоединяется внѣшній элементъ: общественныя заслуги и въ особенности положеніе, которымъ оказывается внѣшній почетъ. Этотъ внѣшній элементъ можетъ даже совершенно заслонять собою внутренній. Нерѣдко честь воздается людямъ, которые вовсе этого не заслуживаютъ по своимъ нравственнымъ свойствамъ.

Различіе общественныхъ положеній опредѣляется особенностями того или другаго общественнаго строя. Отсюда разныя понятія о чести на различныхъ ступеняхъ гражданскаго развитія. Въ родовомъ порядкѣ, положеніе опредѣляется кровнымъ старшинствомъ. На этомъ основанъ почетъ, который вообще оказывается старшимъ, и тѣ безчисленные его степени и оттѣнки, которые входятъ въ обычай, какъ составной его элементъ. Это сохраняется отчасти и при переходѣ къ

сословному порядку; но здѣсь отношенія осложняются и видоизмѣняются пріобрѣтеннымъ положеніемъ. Для различныхъ общественныхъ группъ вырабатываются общія начала чести, а внутри каждой группы установляется іерархическій порядокъ чиновъ, который строго соблюдается во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Отсюда безконечные споры о правѣ сидѣть выше другихъ (préséance), которые составляли характеристическую черту этого строя и на Западѣ и у насъ.

Въ сословномъ строѣ выработались и правила рыцарской чести, съ ея утонченными требованіями и правомъ личной мести за всякую обиду. Въ основаніи этихъ понятій лежитъ совершенно вѣрное требованіе полнаго внѣшняго уваженія къ лицу, хотя въ приложеніи оно можетъ быть доведено до излишней щепетильности. Вѣрно и то, что человѣкъ самъ является судьею и защитникомъ своей чести. Иногда оскорбленіе такого рода, что оно не можетъ даже быть предано гласности, но омывается только кровью. Въ поединкѣ выражается то высокое начало, что честь ставится выше жизни; не только тотъ, кто оскорбляетъ другаго, рискуетъ своею жизнью, но и оскорбленный омываетъ обиду, подвергая себя смерти изъ-за чести. Тщетно законодательства боролись и продолжаютъ бороться противъ этихъ понятій. Они такъ глубоко вкоренились въ нравахъ, что даже съ уничтоженіемъ сословнаго быта они продолжаютъ считаться кодексомъ чести въ высшихъ слояхъ большей части европейскихъ обществъ. При господствѣ сословнаго порядка они служатъ выраженіемъ и охраною личной независимости аристократическаго сословія. Монтескьё считалъ честь началомъ монархическаго правленія. Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что при отсутствіи юридическихъ сдержекъ, границы самодержавной власти полагаются нравами, ограждающими независимость лица. Именно поэтому, подобныя понятія могли развиться только тамъ, гдѣ высшее сословіе пользовалось независимымъ положеніемъ. У насъ, при господствѣ холопскихъ отношеній служилыхъ людей къ государю, установившихся вслѣдствіе татарскаго владычества, понятія о личной части не могли выработаться; они перешли къ намъ отъ Запада. Старое русское боярство отстаивало свои личныя права только въ мѣстническихъ счетахъ, которые уживались съ холопствомъ.

Съ переходомъ сословнаго порядка въ общегражданскій, самое начало чести изъ сословнаго превращается въ общегражданское. За всѣми признается одинакое человѣческое достоинство. Это составляетъ значительный шагъ впередъ въ развитіи общественныхъ понятій. Однако различія общественнаго положенія и взглядовъ, господствующихъ въ высшихъ и низшихъ классахъ, значительно видоизмѣняютъ

это начало. Утонченность нравовъ влечетъ за собою и утонченныя понятія о чести, которыя отсутствуютъ въ болѣе грубой средѣ. Какъ сказано, выработанныя сословнымъ порядкомъ правила въ большей или меньшей мѣрѣ сохраняются въ высшихъ слояхъ. Въ Англіи поединки вывелись, но зато установился кодексъ общественныхъ требованій и приличій, который ставитъ отношенія людей въ весьма опредѣленныя рамки и охраняется строгимъ нравственнымъ судомъ общества. И это можетъ быть только дѣломъ нравовъ, а не законодательства.

Публичность и гласность новаго времени внесли однако въ общественную жизнь такой элементъ, который значительно ослабляетъ утонченныя понятія о чести. Свобода журнальной полемики нерѣдко ведетъ къ самымъ оскорбительнымъ нападкамъ, не только на общественныя дѣянія, но и на самую частную жизнь отдѣльныхъ лицъ. Даже въ наиболѣе образованныхъ странахъ только журналы высшаго разряда держатся приличнаго тона. Большинство же считаетъ вполнѣ законнымъ пріемомъ полемики кидать грязью въ противниковъ, и чѣмъ грубѣе нападки, тѣмъ больше ими услаждается пошлая масса публики. Въ мало образованномъ обществѣ эти пріемы составляютъ господствующее явленіе. У насъ они получили самое широкое развитіе подъ перомъ публициста, который своимъ талантомъ занялъ первенствующее мѣсто въ журнальномъ мірѣ, но полнымъ отсутствіемъ нравственнаго смысла и беззастѣнчивостью своей полемики болѣе всѣхъ содѣйствовалъ упадку литературныхъ нравовъ. Противъ этого зла безсильны всякія законодательныя мѣры. Общественный дѣятель нашего времени, при свободѣ печати, долженъ отказаться отъ тѣхъ утонченныхъ понятій о чести, которыя господствуютъ въ аристократической средѣ. Онъ долженъ сдѣлаться толстокожимъ и отвѣчать только презрѣніемъ на брань и клевету. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого, въ Англіи, гдѣ раньше всего развилась общественная жизнь съ сопровождающею ее гласностью, видоизмѣнились и понятія о чести. Самыя парламентскія пренія, гдѣ порядокъ охраняется предсѣдателемъ, не всегда ограждаютъ людей отъ личныхъ оскорбленій. Еще недавно сцены личной расправы происходили не только въ итальянской палатѣ и во французской, но и въ столь высоко стоявшей доселѣ англійской Палатѣ Общинъ. Нельзя не сказать, что эта демократизація нравовъ составляетъ одинъ изъ печальныхъ признаковъ нашего времени.

Лѣкарство противъ этого зла заключается лишь въ постепенномъ развитіи нравственныхъ понятій, составляющихъ высшую, но вмѣстѣ и самую неуловимую сторону нравовъ. Независимо отъ общечеловѣческой нравственности, каждый общественный строй имѣетъ свои

свойственныя сну нравственныя начала, которыя проникають весь быть и управляють дѣйствіями людей. Разложеніе строя ведеть къ шаткости нравственныхъ правилъ, и наоборотъ, упадокъ нравственности ведетъ къ разложенію быта.

На первыхъ ступеняхъ развитія человѣческихъ обществъ, нравственныя начала не имѣютъ еще того высокаго и чистаго характера, какой они получаютъ въ христіанствѣ. Нравственность здѣсь уже, но зато она крѣпче и болѣе коренится въ нравахъ. Родовой порядокъ весь основанъ на строгомъ охраненіи семейной нравственности. Древній Римъ представляетъ въ этомъ отношеніи типическій примѣръ. Съ разложеніемъ построеннаго на этихъ началахъ общественнаго порядка расшатываются и нравы. Послѣднія времена республики и періодъ имперіи представляютъ картину полнѣйшаго разврата, что и было одною изъ причинъ паденія древнихъ обществъ.

Но семья составляетъ, какъ мы видѣли, основаніе общества не въ одномъ родовомъ порядкѣ. Выше было объяснено высокое значеніе семейной связи для всякаго общественнаго быта. Въ сословномъ порядкѣ семьи связываются въ отдѣльныя группы, уже не въ силу кровныхъ отношеній, а на основаніи совокупнаго общественнаго призванія. Эти группы имѣютъ болѣе или менѣе наслѣдственный характеръ, а потому сохраненіе въ нихъ преданій связано съ крѣпостью семейнаго начала. И тутъ разложеніе быта идетъ рука объ руку съ порчею нравовъ. Оно начинается съ переходомъ средневѣковаго порядка къ государственному строю новаго времени. Центральные пункты новыхъ государствъ, дворы князей и монарховъ, являются въ этомъ отношеніи главнымъ разлагающимъ элементомъ. Съ одной стороны соблазны роскоши, почета и власти, съ другой стороны привычка ставить себя выше всего и считать себѣ все дозволеннымъ, ведутъ къ полной распущенности нравовъ, беззастѣнчиво выставляющейся напоказъ. Роль любовницъ французскихъ королей, Людовика XIV-го и Людовика XV-го, а равно и фаворитовъ Екатерины Второй, представляетъ примѣры совершеннаго презрѣнія къ нравственнымъ требованіямъ. Изъ придворныхъ сферъ эти нравы распространялись и на всѣ высшіе слои общества. Только въ среднихъ классахъ сохранялись еще семейныя добродѣтели, которыя считались чѣмъ то мѣщанскимъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, распущенность нравовъ достигла крайнихъ предѣловъ. Но это былъ и послѣдній періодъ сословнаго порядка. Онъ рушился, уступая мѣсто общегражданскому строю. Мѣщанскія добродѣтели восторжествовали. Въ общественномъ сознаніи произошла реакція, которая несомнѣнно повела къ улучшенію нравовъ. Нынѣ картины придворнаго разврата, какія представлялъ XVIII-й

вѣкъ, сдѣлались почти неизвѣстными. Все это отошло къ области прошлаго.

Однако и общегражданскій порядокъ, по существу своему, представляетъ мало опоръ для семейной нравственности. Многое въ немъ, напротивъ, способствуетъ ея разложенію. Господствующія въ немъ начала свободы и равенства, внесенныя въ семейный бытъ, ведутъ къ требованію свободы и равенства для женщинъ, а это есть разрушеніе органическаго начала семьи. Шаткость нравовъ еще болѣе усиливается реализмомъ, отрицающимъ всѣ высшія основы человѣческаго естества. Въ общегражданскомъ строѣ, гдѣ устраняются всѣ искусственныя преграды, онъ находитъ благопріятную почву, но онъ разрушаетъ именно то, что здѣсь всего болѣе требуется, тѣ связующія начала, которыя, съ паденіемъ юридическихъ граней, могутъ держаться только свободнымъ дѣйствіемъ нравственныхъ силъ. Отсюда тѣ печальныя картины нравовъ, которыя даетъ намъ современный романъ. Въ высшихъ сферахъ чувство внѣшняго приличія полагаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторый предѣлъ явному разврату; въ среднихъ же слояхъ полусвѣтъ составляетъ, если не господствующее, то во всякомъ случаѣ весьма видное явленіе современнаго быта.

Противодѣйствовать этимъ разлагающимъ вліяніямъ можетъ только болѣе глубокое пониманіе общественныхъ отношеній, а вмѣстѣ и болѣе высокое развитіе нравственнаго сознанія въ обществѣ. Это составляетъ задачу будущаго. Нравственное возрожденіе современныхъ обществъ тѣсно связано съ возрожденіемъ метафизики и поэзіи.

Понятно, какую громадную роль играетъ въ этомъ процессѣ литература. Отъ мыслителей и поэтовъ зависитъ въ значительной степени нравственный уровень общества. Ничто такъ не способствовало упадку нравовъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, какъ матеріалистическое направленіе тогдашней философіи. И въ наше время господство матеріалистическаго реализма всего болѣе содѣйствуетъ шаткости всѣхъ нравственныхъ понятій. Но еще сильнѣе, нежели философъ, дѣйствуетъ на на общество художникъ. Представляя людямъ тѣ или другіе идеалы, изображая въ яркихъ краскахъ или упоеніе разнузданныхъ влеченій, или то высшее удовлетвореніе, которое даютъ гармонія семейной жизни и сознаніе исполненнаго долга, онъ по своей волѣ направляетъ сердца въ ту или другую сторону. Въ эпохи свободы въ особенности, онъ является главнымъ зиждителемъ и хранителемъ нравовъ.

Кромѣ семейныхъ нравовъ, весьма важное значеніе имѣетъ развитіе сознанія общественнаго долга. И оно находится въ тѣсной связи съ гражданскимъ строемъ. Родовой порядокъ не ограничивался семейною средой; онъ охватывалъ совокупность общественныхъ отно-

шеній, подчиняя ихъ высшей идеѣ отечества. Древній гражданинъ всецѣло принадлежалъ государству, которое представлялось ему воплощеніемъ отечества; оно было для него тѣмъ священнѣе и дороже, что оно замѣняло ему все. Взоръ его не простирался за его предѣлы; онъ не зналъ еще чисто человѣческихъ отношеній. И внутри, частная жизнь не отличалась отъ общественной; область частныхъ интересовъ не выдѣлялась въ отдѣльный гражданскій союзъ. Все сверху до низу связывалось въ одно живое цѣлое, которому гражданинъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ, считая высшимъ благомъ умереть за родину. И въ этомъ отношеніи Римъ представлялъ типическій примѣръ гражданскихъ доблестей. Всѣ древнія республики держались этою нравственною связью. Онѣ пали, какъ скоро этотъ духъ исчезъ вслѣдствіе развитія другихъ элементовъ, общечеловѣческихъ и частныхъ.

Въ сословномъ порядкѣ общія обязанности гражданина въ отношеніи къ отечеству замѣняются спеціальнымъ призваніемъ сословій. Дворянство, въ особенности, имѣетъ своимъ назначеніемъ служеніе государству. Эта обязанность можетъ въ большей или меньшей степени имѣть юридическій характеръ; но и съ ослабленіемъ или отмѣною принудительнаго начала она остается нравственнымъ долгомъ высшаго сословія. Съ этой стороны, какъ свойства и размѣры обязанности, такъ и исполненіе зависятъ отъ нравовъ, а потому видоизмѣняются съ развитіемъ жизни. Мы видѣли, что средневѣковой бытъ весь былъ основанъ на частномъ правѣ. Тотъ же характеръ имѣли и сословныя обязанности. Онѣ относились не къ обществу, какъ цѣлому, а къ лицу феодальнаго господина. Съ юридическими обязательствами соединялось и нравственное начало — *вѣрность*. Отсюда развилась личная преданность монарху, черта, которая нерѣдко сохраняется даже среди совершенно измѣнившихся условій жизни. Доселѣ она удержалась у потомковъ французскаго дворянства, какъ нравственный обломокъ давно исчезнувшей старины. Прежнее значеніе монархическаго начала во Франціи совершенно утратилось; фактически оно давно перестало существовать; но французскіе легитимисты сохранили непоколебимую вѣрность преданію, чувство поэтическое, но дѣлающее ихъ неспособными къ настоящей политической жизни и составляющее, можно сказать, существенную помѣху установленію нормальнаго политическаго быта. Люди, всею душею привязанные къ прошлому, мало пригодны для настоящаго.

Эта личная привязанность къ господину не мѣшала однако феодальнымъ владѣльцамъ крѣпко отстаивать свои права и объявлять войну своимъ князьямъ при всякомъ ихъ нарушеніи. И эта черта сохранилась съ водвореніемъ государственнаго порядка. Отсюда, напри-

мѣръ, то поражающее насъ явленіе, что еще въ половинѣ XVII-го вѣка первые полководцы Франціи, даже принцы крови, какъ Конде и Тюреннъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, становились во главѣ непріятельскихъ войскъ и шли войною на отечество. Личныя отношенія къ князю совершенно заслоняли идею отечества, представителемъ которой былъ монархъ и которая постепенно вырабатывалась государственною жизнью новаго времени. У насъ, аналогическія съ этимъ явленія представляли въ средніе вѣка отъѣзды бояръ и слугъ, которые замѣнились потомъ холопскими отношеніями къ князю. И тутъ, подъ частною формой, развивались служебныя отношенія къ государству; съ тѣмъ вмѣстѣ крѣпла и любовь къ отечеству, котораго единство создавалось стоявшею во главѣ его монархическою властью. Отсюда сохраняющаяся въ народномъ сознаніи связь обоихъ началъ, связь, которая служитъ самою крѣпкою нравственною опорой государственнаго порядка.

Во Франціи, столкновеніе средневѣковаго начала личныхъ отношеній къ князю съ новою идеею отечества проявилось въ полной силѣ во времена Революціи. Эмигранты, по примѣру предковъ, присоединились къ иностраннымъ войскамъ и шли войною на своихъ согражданъ; но они оказались безсильными противъ революціонныхъ ополченій, одушевленныхъ идеей отечества. Эта идея придавала главную силу революціоннымъ стремленіямъ и дала имъ возможность побѣдить старую Европу. Но, въ свою очередь, она водушевила и тѣ народы, которые возстали противъ Наполеона, когда онъ хотѣлъ наложить руку на чужую независимость. Существовавшая въ древности тѣсная связь между идеей отечества и идеей народности возстановилась въ новой исторіи, главнымъ образомъ вслѣдствій революціонныхъ войнъ. Съ этимъ связано и водвореніе общегражданскаго порядка, въ которомъ всѣ считаются свободными и равными гражданами единаго и общаго для всѣхъ отечества.

Однако и въ этомъ новомъ строѣ сохраняется выработанная сословнымъ порядкомъ специальность общественнаго призванія высшихъ классовъ. Она продолжаетъ существовать уже не какъ юридическое начало, а какъ нравственная обязанность участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, лежащая на тѣхъ, которые обладаютъ достаточнымъ имуществомъ и досугомъ. Таковы въ особенности болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы. Сознаніе этой обязанности составляетъ одну изъ самыхъ прочныхъ основъ, какъ мѣстнаго самоуправленія, такъ и политической свободы. Вся политическая жизнь Англіи въ теченіи вѣковъ держалась главнымъ образомъ этимъ началомъ, какъ было выяснено Гнейстомъ. Но для того, чтобы это сознаніе могло сохраняться, необходимо, чтобы самыя учрежденія представляли для него благопріятную

почву. Добровольное и безвозмездное участіе высшихъ классовъ въ общественныхъ дѣлахъ возможно только тамъ, гдѣ они пользуются независимостью и вліяніемъ. И то и другое уничтожается, съ одной стороны, вторженіемъ бюрократіи, съ другой стороны развитіемъ демократіи, два начала, которыя обыкновенно соединяются для уничтоженія стоящихъ между ними независимыхъ силъ. Вторженіе бюрократіи въ мѣстное управленіе оправдывается только тамъ, гдѣ высшій классъ пользуется своимъ вліяніемъ для частныхъ цѣлей, вопреки интересамъ отечества. Во Франціи, послѣ Революціи, когда дворянство эмигрировало и соединилось съ врагами, очевидно не оставалось иного исхода, какъ ввѣрить все мѣстное управленіе бюрократіи. Съ другой стороны, развитіе демократіи представляетъ историческій процессъ, охватывающій всѣ западно-европейскія общества, а онъ неудержимо ведетъ къ постепенному вытѣсненію высшихъ классовъ изъ прежняго ихъ преобладающаго положенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ этотъ процессъ давно уже совершился; въ результатѣ оказалось, что зажиточные и образованные классы устраняются отъ общественныхъ дѣлъ, которыя попадаютъ въ руки черни, руководимой демагогами. Тутъ уже всякое сознаніе общественной обязанности исчезаетъ; остается борьба изъ-за личныхъ интересовъ. Общественная дѣятельность становится поприщемъ для наживы политикановъ, которые дѣлаютъ изъ этого ремесло, а честнымъ людямъ приходится прибѣгать къ невѣроятнымъ и большею частью тщетнымъ усиліямъ для того только, чтобъ ихъ не грабили немилосердно. Плохимъ лѣкарствомъ противъ этого торжества худшихъ элементовъ общества служитъ вліяніе капитала, который силою подкупа направляетъ общественныя дѣла къ достиженію частныхъ выгодъ. Исправить глубоко вкоренившееся зло можно только возстановленіемъ нормальнаго отношенія классовъ. Но для этого демократія не содержитъ въ себѣ никакихъ элементовъ. Мы возвратимся къ этому вопросу въ *Политикѣ*.

Въ средневѣковомъ порядкѣ получила свое развитіе и другая, высокая нравственная обязанность, имѣющая значеніе уже не политическое, а соціальное, именно, обязанность любви къ ближнему и оказанія ему помощи. Какъ общественное начало, она является въ видѣ организованной благотворительности. Въ средніе вѣка церковь была источникомъ и органомъ благотворенія; тѣ громадныя имущества, которыя ей дарились, предназначались въ значительной степени на пособія бѣднымъ. И въ позднѣйшее время, когда свѣтская область получила полную независимость, благотворительныя общества и учрежденія возникали и распространялись главнымъ образомъ подъ вліяніемъ церкви. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на дѣя-

тельность Св. Викентія. Понынѣ религіозный духъ составляетъ главное движущее начало многочисленныхъ частныхъ благотворительныхъ учрежденій. Онъ подвигаетъ свѣтскихъ дамъ высшаго парижскаго общества на подвиги смиренія и служенія ближнимъ. Можно сказать, что это та сторона быта, которою современное общество всего болѣе можетъ гордиться. Никогда еще человѣчество не видало столь широко распространенной и такъ разумно устроенной благотворительности. Прежнія нравственныя связи, соединявшія людей въ мелкіе союзы, исчезли; въ замѣнъ того развилось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ оказаніе помощи во имя общаго начала христіанской любви. Этимъ, конечно, не разрѣшается еще соціальный вопросъ. Страданій и нищеты, заслуженныхъ и незаслуженныхъ, на свѣтѣ такъ много, что приложенныхъ силъ и средствъ далеко еще не хватаетъ на ихъ утоленіе. Но въ оказаніи помощи ближнему во имя христіанской любви заключается единственный путь къ врачеванію тѣхъ случайностей, которымъ подвергается человѣкъ на своемъ земномъ поприщѣ. Не въ принудительной организаціи, а въ свободномъ самоотверженіи лежитъ истинное разрѣшеніе соціальнаго вопроса. И оно зависитъ не отъ законодательства, а отъ нравовъ.

Поэтому, въ высшей степени важно все то, что способствуетъ развитію нравственныхъ началъ въ человѣческихъ обществахъ. Главнымъ факторомъ являются тутъ, какъ мы видѣли, религія и философія. Но послѣдняя составляетъ достояніе немногихъ высокообразованныхъ людей; религія же дѣйствуетъ на всѣхъ: она самыхъ скудныхъ умомъ подвигаетъ на самоотверженіе. И изъ всѣхъ религій, христіанство возводитъ это начало на высшую ступень совершенства, дѣлая его краеугольнымъ камнемъ всего нравственнаго міра. Въ этомъ отношеніи, христіанской церкви, во всѣхъ ея видахъ, предстоитъ еще высокая роль. Только при ея содѣйствіи, силою воспитаннаго и укрѣпляемаго ею духа христіанской любви, возможно разрѣшеніе соціальнаго вопроса. Но и для нея опасность заключается въ смѣшеніи нравственныхъ началъ съ юридическими. Такое смѣшеніе противорѣчитъ, какъ ея цѣлямъ, такъ и ея интересамъ, ибо нравственная область принадлежитъ ей вполнѣ, а юридическая отходитъ отъ нея всецѣло. Поэтому христіанскій соціализмъ представляется какимъ-то междуумкомъ, идущимъ въ разрѣзъ и съ истиннымъ духомъ христіанства и съ непоколебимыми основами гражданскаго общества. Пытаясь внести религіозныя требованія въ гражданскія отношенія, онъ является возвращеніемъ на новой почвѣ къ средневѣковымъ началамъ, оказавшимися несостоятельными и осужденнымъ исторіей. Проповѣдь любви къ ближнимъ есть высокое дѣло; но превращеніе этой любви

въ принудительную норму жизни есть извращеніе, какъ нравственности, такъ и религіи.

Еще превратнѣе въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ антихристіанскій соціализмъ. Отвергая христіанскую любовь, онъ замѣняетъ ее неопредѣленнымъ началомъ альтруизма. Но въ альтруизмѣ, какъ фактѣ человѣческой природы, стоящемъ на-ряду съ другими многочисленными фактами совершенно противоположнаго свойства, нѣтъ ровно ничего обязательнаго, ни нравственно, ни еще менѣе юридически. На этомъ началѣ ничего нельзя построить. Поэтому оно выдвигается только для оправданія принудительной организаціи, основанной вовсе не на нравственныхъ обязанностяхъ, а на воображаемомъ правѣ. Благотвореніе изъ добровольно оказанной помощи становится юридическимъ требованіемъ нуждающихся. Но такое смѣшеніе разнородныхъ началъ ведетъ, какъ уже было указано выше, лишь къ полному извращенію нравственныхъ понятій. Актъ милосердія признается благомъ, но принятіе этого акта считается унизительнымъ для человѣческаго достоинства. Въ силу равенства, лице требуетъ помощи, какъ принадлежащаго ему права. Вина за всѣ его несчастія взваливается на общество, которое поэтому обязано его вознаградить. Имущіе выставляются эксплуататорами, высасывающими кровь изъ своихъ ближнихъ. Вмѣсто любви, проповѣдуются зависть и ненависть. Самыя низкія и злобныя чувства возбуждаются въ массахъ подъ личиною сочувствія къ ихъ бѣдствіямъ. Таковы характеристическія черты современной соціалистической пропаганды. Если христіанская благотворительность составляетъ самую свѣтлую сторону современнаго быта, то проповѣдь соціализма, со всѣми его развращающими послѣдствіями, представляетъ, напротивъ, самую темную картину современныхъ нравовъ. Это и есть то глубочайшее зло, съ которымъ надобно бороться всѣми силами.

Лѣкарство противъ него лежитъ опять же не въ законодательныхъ мѣрахъ, а въ возстановленіи правильныхъ нравственныхъ понятій въ общественномъ сознаніи. Съ нравственнымъ зломъ можно бороться только нравственными силами. Всегда и вездѣ нравственный судъ общества надъ своими членами составляетъ одну изъ важнѣйшихъ его функцій: это—высшее проявленіе нравовъ. Онъ тѣмъ болѣе требуется, чѣмъ болѣе человѣку предоставляется свободы. Но именно въ этомъ отношеніи современный общегражданскій строй представляетъ наименѣе точекъ опоры. Въ родовомъ порядкѣ, который весь держится нравственно-юридическою связью, вытекающею изъ кровныхъ отношеній, нравственный судъ этой среды служитъ сдержкою и указаніемъ для лица. Такое же значеніе имѣетъ нравственный

вторитетъ тѣхъ частныхъ корпоративныхъ союзовъ,
ивается сословный порядокъ. Надъ всѣми ими возв
ого, авторитетъ церкви, высоко стоящей надъ свѣ
. дающей ей нравственное направленіе. Въ общеграж
все это исчезло. Мелкіе корпоративные союзы разру
потеряла свою власть надъ умами. Юридическій поря
на началахъ свободы и равенства, предоставляющихъ
сторъ лицу; но для нравственнаго суда надъ дѣйствія
стаетъ органовъ. Все ограничивается неопредѣленнымъ
щимся *общественнымъ мнѣніемъ*, главнымъ выразите
является періодическая печать. Между тѣмъ, именно в
ственныхъ отношеній, періодическая печать, представ
разнородныя направленія, менѣе всего способна быть
обыкновенно она выдаетъ себя за непреложный органъ
сужденій общества.

Существенное значеніе печати состоитъ въ разоблач
ность выводитъ наружу скрывающіяся во тьмѣ дѣяні
съ раскрытіемъ истины, какая безконечная сѣть лж
няется этимъ путемъ! Сколько безстыдной клеветы, н
совѣстное искаженіе или умолчаніе фактовъ! Только пр
номъ отношенія къ реальному міру можно воображать,
номъ обсужденіи человѣческихъ дѣйствій истина всегда
Въ газетной полемикѣ перевѣсъ обыкновенно имѣетъ т
ступаетъ смѣлѣе другихъ и болѣе неразборчивъ на
самому существу своему, періодическая печать не может
нравственныхъ вопросовъ. Первое качество судьи есть б
а первое требованіе отъ печатнаго органа состоитъ в
Призванный проводить мнѣнія и интересы извѣстной п
сводитъ къ этой односторонней цѣли, искажая истину
зей и стараясь всячески унизить и умалить значеніе
Если крупные органы въ этомъ отношеніи показывают
сдержанность, то мелкіе, нисколько не стѣсняясь, стре
тому, чтобы закидать грязью противниковъ. Этимъ п
ся собственное ихъ значеніе, этимъ они пріобрѣтаютъ
интересамъ партіи присоединяются и денежныя выгод
получаютъ пособія то отъ правительства, то отъ подде
ихъ партій. Черезъ это они перестаютъ быть выраже
симаго мнѣнія. Въ большинствѣ европейскихъ государст
етъ въ той или другой формѣ *фондъ рептилій*, назнача
держку газетъ. Такой же фондъ составляетъ крупную
жекъ во всякомъ промышленномъ предпріятіи. При все

ности, предпріятіе только при помощи газетъ можетъ расчитывать на успѣхъ. Ихъ поддержка привлекаетъ кліентовъ, ихъ вражда можетъ быть смертельнымъ ударомъ. А пріобрѣсти поддержку и устранить мнимыя или истинныя разоблаченія можно только съ помощью денегъ. Реклама и шантажъ посредствомъ газетъ становятся господствующимъ явленіемъ современнаго міра. Гдѣ же тутъ мѣсто для нравственнаго суда?

Въ доказательство, что эта картина не преувеличена, повторю приведенныя въ другомъ сочиненіи *) сужденія самыхъ безпристрастныхъ и либеральныхъ наблюдателей общественныхъ явленій. „Чтобы произвести на читателей нѣкоторое впечатлѣніе книгою", говоритъ Сисмонди, „нужно по крайней мѣрѣ имѣть извѣстную массу свѣдѣній, извѣстную сумму идей, нѣкоторую долю таланта; иначе книга падаетъ изъ рукъ читателя или остается у книгопродавца. Но на журналъ подписываются, не зная, что онъ будетъ содержать, читаютъ его на досугѣ, между сномъ и бдѣніемъ, отлагаютъ его безъ мысли, мало ему довѣряя, а между тѣмъ ежедневное повтореніе однихъ и тѣхъ же положеній, догматовъ или клеветъ оставляетъ въ умахъ болѣе впечатлѣнія, нежели мнѣніе, основанное на строгомъ изслѣдованіи и серіозномъ изученіи. Пускай прочтутъ журналы, которые показывались въ эпохи уничтоженія цензуры, въ странахъ, находившихся подъ вліяніемъ революціонныхъ движеній, особенно журналы мало распространенные, и всякій ужаснется невѣжества, предразсудковъ, мстительныхъ страстей, которыя проглядываютъ въ нихъ на каждой строкѣ; станетъ совѣстно за униженіе литературы, причиняемое этими мнимыми литераторами. И когда подумаешь, что самыя лучшія брошюры не въ состояніи соперничать съ отвратительнѣйшими газетами, придешь къ заключенію, что вліяніе, предоставленное имъ на публику, вліяніе, заглушающее истинные таланты, уничтожило бы всякое движеніе мысли, всякое разумное преніе, а потому и всякую истинную свободу" **).

Также судилъ и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ либеральныхъ публицистовъ Франціи, Бенжаменъ Констанъ: „Необходимость писать каждый день", говоритъ онъ, „кажется мнѣ камнемъ преткновенія для таланта. Спекуляція, которая изъ журнала дѣлаетъ доходную статью, соображаетъ подписку, устанавливаетъ опредѣленный и подробный расчетъ между читателемъ, мнѣніямъ котораго надобно угождать, и писателемъ, расточающимъ лесть, не оставляетъ журналисту ни времени, ни независимости, необходимыхъ для полезныхъ сочине-

*) *О народномъ представительствѣ*, стр. 448—9.
**) Études sur les constitutions des peuples libres, p. 356.

нiй. Потребность поражать умы сильными доводами ведетъ къ
увлеченiю; желанiе позабавить читателя вовлекаетъ въ клевету.
эти невыгоды умножаются еще полемическими препiями и личн
ссорами, неразлучными съ этимъ ремесломъ. Журналистъ отрекае
отъ достоинства литератора, отъ глубины сужденiй, отъ своб
мыслей. Обыкновенно журналъ хуже своего автора и еще чаще
торъ становится хуже своего журнала" *).

Съ тѣхъ поръ какъ высказывались эти сужденiя, положенiе ух
шилось. Демократизацiя общества ведетъ къ большему и больш
паденiю обращенной къ массѣ литературы. Въ гостинныхъ требует
по крайней мѣрѣ, внѣшнее приличiе; грубые прiемы вызываютъ
вращенiе. Въ кабакѣ, гдѣ собираются для чтенiя журналовъ и тол
ванiя объ общественныхъ дѣлахъ, грубость и нахальство совершен
умѣстны. Къ неразлучному съ демократiей господству пошлости р
лизмъ присоединяетъ шаткость всѣхъ нравственныхъ понятiй, а
цiалистическая пропаганда, неизвѣстная еще во времена цитирова
ныхъ авторовъ, переполняетъ чашу возбужденiемъ въ массѣ самы
низкихъ страстей. При такихъ условiяхъ не можетъ быть рѣчи о го
подствѣ нравственныхъ началъ.

Если въ обществѣ требуется нравственный судъ, то органомъ е
не можетъ быть перiодическая печать. Нравственный судъ нуже
прежде всего надъ самою печатью. Такимъ органомъ не можетъ бы
и государственная власть, ибо нравственность независима отъ гос
дарства. И надъ государственною властью требуется нравственн
судъ, и чѣмъ менѣе у нея юридическихъ сдержекъ, тѣмъ настоятел
нѣе эта потребность. Въ среднiе вѣка она удовлетворялась нравстве
нымъ судомъ церкви надъ князьями; въ настоящее время этотъ суд
можетъ принадлежать только независимымъ общественнымъ силам
имѣющимъ въ обществѣ неоспоримый нравственный авторитетъ. И
таковыхъ въ современныхъ обществахъ не обрѣтается; надобно их
создать. Къ возрожденiю философiи и поэзiи присоединяется требо
ванiе возрожденiя нравственнаго авторитета. Онъ можетъ принадле
жать только умственной аристократiи, если она съ умственнымъ пре
восходствомъ соединяетъ высшiя нравственныя качества. Въ обще
гражданскомъ порядкѣ она составляетъ необходимое восполненiе юри
дической организацiи, основанной на свободѣ и равенствѣ. Она одна
можетъ дать нравственную устойчивость обществу. Но опять же со
зданiе такой аристократiи не есть дѣло законодательства; она можетъ
возникнуть лишь свободнымъ дѣйствiемъ нравственныхъ силъ.

---

*) *Cours de politique constitutionnelle*, éd. Laboulaye, t. II, p. 93.

Есть ли на это какіе-нибудь задатки? Ведетъ ли историческій процессъ современныхъ обществъ къ высшей нравственной организаціи или они осуждены болѣе и болѣе погружаться въ нравственный хаосъ, не видя исхода? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только изслѣдованіе историческаго развитія человѣчества и управляющихъ имъ законовъ. Но прежде, нежели мы приступимъ къ этой задачѣ, надобно разсмотрѣть тотъ умственный и нравственный процессъ, которымъ духовное достояніе одного поколѣнія передается другому. Этотъ процессъ есть *воспитаніе*.

ГЛАВА V.

Воспитаніе.

Процессъ историческаго развитія человѣчества состоитъ въ томъ, что добытое матеріальнымъ и умственнымъ трудомъ одного поколѣнія передается другому, которое, въ свою очередь, умножаетъ это достояніе и передаетъ его слѣдующему за нимъ. Передача и усвоеніе матеріальныхъ благъ не требуетъ труда; формально это совершается простымъ юридическимъ актомъ. Однако, для сохраненія и умноженія пріобрѣтеннаго необходимы извѣстныя свойства, которыя развиваются воспитаніемъ: нужна привычка къ порядку, бережливость, осторожность, умѣніе расчетливо вести свое хозяйство, соображать расходы съ доходами. Безъ этого, полученное отъ отцовъ достояніе быстро исчезаетъ, что мы и видимъ на каждомъ шагу. Еще болѣе требуется для усвоенія достоянія умственнаго. На это нуженъ собственный трудъ. Въ періодъ юности, то-есть приготовленія къ жизни, новое поколѣніе, подъ руководствомъ стараго, воспринимаетъ духовное наслѣдіе отцовъ, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи, собственнымъ самостоятельнымъ трудомъ, умножить его и передать тѣмъ же путемъ своимъ потомкамъ. Въ этомъ состоитъ задача воспитанія.

Понятно, какую громадную роль оно играетъ въ общественномъ развитіи. Связывая поколѣнія, оно опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія; завершая настоящее, оно готовитъ будущее. Отъ него зависитъ умноженіе духовныхъ силъ и ихъ направленіе, а слѣдовательно и то мѣсто, которое занимаетъ народъ въ ряду другихъ.

Въ воспитаніи надобно различать двѣ стороны: умственную и нравственную, развитіе ума и развитіе чувства и воли. Первое есть образованіе, второе — воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ. Образованіе, когда оно правильно поставлено, несомнѣнно должно заключать въ себѣ элементъ воспитанія; развитіе ума вліяетъ и на другія способности человѣческой души. Тѣмъ не менѣе, эти двѣ стороны не только раз-

личны, но и принадлежатъ разнымъ направляющимъ
ваніе есть дѣло спеціально подготовленныхъ учителе
разныхъ ступеняхъ, въ цѣлой системѣ учрежденій,
частныхъ. Воспитаніе же есть прежде всего дѣло се
ловѣкъ получаетъ первыя свои впечатлѣнія, оставля
мый слѣдъ на всей его жизни; изъ нея онъ выноситъ
ный духъ, который незамѣтно вліяетъ на всѣ его чув
онъ совершенно отъ него отрѣшился. Школа только
статочной степени можетъ восполнять или исправлят
мейнаго быта. Даже тамъ, гдѣ она въ этомъ успѣв
самымъ разрушаетъ духовную связь семьи, что, въ св
великое зло, не только частное, но и общественное.

Для общества въ высшей степени важно, чтобы э
тельныя силы дѣйствовали согласно. Гдѣ семья не пс
статочно для школы, а послѣдняя дѣйствуетъ въ ра
нымъ духомъ, тамъ неизбѣжно происходитъ разрывъ
ніями. Молодые люди, получившіе несвойственное ихъ
воспитаніе, отрываются отъ своей среды и часто не
надлежащаго мѣста; въ семьяхъ поселяется раздоръ,
ряется шаткость. Все это явленія весьма хорошо извѣс
скимъ, и объясняющія многое въ нашемъ общественно

Отсюда ясно, съ какою осторожностью слѣдуетъ пр
ственныя мѣры для распространенія образованія. Тут
чисто теоретическія соображенія о пользѣ просвѣщенія;
какъ оно прилагается въ данной средѣ. Когда правитель
въ образованныхъ чиновникахъ, а общество не доста
достаточномъ количествѣ, система поощренія можетъ
умѣстна. Мѣста готовы, требованіе есть; для удовлетво
новляются привилегіи, учреждаются стипендіи, правит
воспитаніе на свой счетъ. Но совершенно иное значеніе пс
мѣры, когда онѣ не имѣютъ въ виду опредѣленной цѣл
ное привлеченіе людей къ образованію, на которое нѣ
спроса, можетъ вести только къ разладу между полу
зованіе и тою средой, къ которой онъ принадлежитъ.
счетъ родителей указываетъ на то, что въ самой семь
ность дать дѣтямъ извѣстное образованіе; воспитаніе же
ства или государства дѣлаетъ дѣтей независимыми отъ
заставляетъ ихъ искать совершенно иныхъ путей, неж
рые представляетъ имъ окружающая среда. А эти
сто не оказывается. Когда у родителей нѣтъ достаточн
чтобы дать высшее образованіе дѣтямъ, то обыкновенн

гдѣ нѣтъ достаточно средствъ для оплаты образованныхъ силъ; нѣтъ на нихъ и спроса. Искусственными мѣрами образуется умственный пролетаріатъ, о которомъ упомянуто выше, среда недовольныхъ, вышедшихъ изъ своей колеи и не нашедшихъ другой дороги, а потому готовыхъ обвинять и семью и общество за свои неудачи. Между пріобрѣтеннымъ образованіемъ и матеріальными средствами оказывается такое же несоотвѣтствіе, какъ между умственнымъ уровнемъ молодого поколѣнія и ихъ родителей. Всюду водворяется разладъ, вредный для общественной жизни и опасный для государства.

Кромѣ семьи, высокое воспитательное значеніе имѣетъ церковь, и это вліяніе всегда благотворно, ибо религія составляетъ высшую нравственную силу, какая существуетъ на землѣ. Мы видѣли, что все нравственное міросозерцаніе человѣка, даже съ чисто философской точки зрѣнія, окончательно сводится къ сознанію Абсолютнаго, какъ верховнаго источника нравственнаго закона. Религія даетъ это сознаніе въ живомъ поклоненіи, охватывающемъ и чувство и волю. Для массъ, которымъ философское пониманіе недоступно, религіозныя вѣрованія составляютъ первый и главный источникъ нравственныхъ понятій. Таковыми же они являются и для юнаго возраста. Ничто не можетъ замѣнить для молодыхъ поколѣній воспитательнаго значенія религіи, возводящей душу къ верховнымъ началамъ бытія и указывающей ей на абсолютное Благо, какъ на верховную цѣль всей человѣческой жизни. Душа, въ дѣтствѣ не воспитанная религіей, лишена существеннѣйшей опоры въ жизни; она всегда остается нравственно искалѣченною. Дѣтскій возрастъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ же какъ и во всемъ человѣчествѣ, требуетъ религіознаго воспитанія.

Пока ребенокъ находится въ семьѣ, церковь можетъ дѣйствовать только черезъ послѣднюю. Это — вліяніе нравственное, а потому свободное. Какъ ни важно для общества согласное воспитательное направленіе семьи и церкви, оно не властно установить его тамъ, гдѣ оно рушилось. Конечно, государство можетъ требовать, чтобы дѣти получали извѣстное религіозное воспитаніе. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* было объяснено, что даже при полной свободѣ вѣроисповѣданія отсутствіе религіознаго воспитанія можетъ считаться такимъ же нарушеніемъ обязанности родителей въ отношеніи къ дѣтямъ, какъ и недостатокъ свѣтскаго образованія. Но всѣ подобныя внѣшнія мѣры не приносятъ пользы, когда духъ семьи идетъ имъ въ разрѣзъ. Для того, чтобы религія въ дѣтскомъ возрастѣ дѣйствовала на душу, надобно, чтобы уваженіемъ къ ней была проникнута та атмосфера, которою дышетъ ребенокъ. Дѣло не въ заучиваніи уроковъ, а въ прак-

ственномъ духѣ воспитывающей среды. А на это госуд
имѣть никакого вліянія. Это—дѣло свободы.

Иначе ставится вопросъ объ отношеніи церкви
имѣетъ свою исторію. Въ средніе вѣка церковь была
цей всего человѣческаго образованія, которое впроче
невысоко. Всѣ школы были въ ея рукахъ. Въ новое
тіемъ свѣтской науки, эта область отъ нея отошла
частной корпораціи, предоставляется право заводить
этимъ правомъ она пользуется въ большей или меньшей
по средствамъ и по одушевляющему ее воспитательн
гдѣ господствуетъ система частнаго обученія, какъ
Англіи, тамъ вѣроисповѣдныя школы составляютъ прео
Но въ школахъ, учрежденныхъ на общественный с
естественно принадлежитъ общественнымъ органамъ,
ству или мѣстнымъ учрежденіямъ, смотря по тому,
онѣ содержатся. Однако и здѣсь духовенство, въ ос
лическое, нерѣдко предъявляетъ притязаніе на преобла
Важность религіознаго воспитанія юношества даетъ
ніямъ сильную опору. Немудрено, что между защитник
и свѣтскаго образованія происходятъ на этотъ счет
пререканія.

Вопросъ касается преимущественно народной школ
ное обученіе имѣетъ наибольшее значеніе. Здѣсь элем
образованія весьма скудны. Научнаго развитія они не д
мыя свѣдѣнія совершенно элементарны; усвоиваются
нія, сколько орудія и средства умственной дѣятель
письмо, счетъ. По содержанію же, самая существенная
состоитъ именно въ усвоеніи религіозныхъ истинъ, кот
ютъ завѣтъ всего человѣчества; дѣйствуя на чувство и
общаютъ высокій нравственный духъ, необходимый
гражданина. Поэтому, безъ религіознаго образованія н
всегда остается лишенною самаго жизненнаго своего э

Это и оказывается въ тѣхъ странахъ, гдѣ вслѣдствіе
и государства народная школа получила чисто свѣтс
съ устраненіемъ всякаго религіознаго обученія. Нынѣшня
республика произвела этотъ опытъ въ самыхъ обширны
Поводомъ послужила вражда католическаго духовенств
тическимъ учрежденіямъ. Демократія, основанная на все
голоса, болѣе нежели какая-либо другая государст
нуждается въ школѣ. Народъ, которому принадлежитъ
долженъ, по крайней мѣрѣ, быть грамотенъ. Но пр

ствѣ нѣтъ достаточно средствъ для оплаты образованныхъ сил[illegible] ими и спроса. Искусственными мѣрами образуется умств[illegible] пролетаріатъ, о которомъ упомянуто выше, среда недовольн[illegible] битыхъ изъ своей колеи и не нашедшихъ другой дороги, [illegible] готовыхъ обвинять и семью и общество за свои неудачи. Меж[illegible] обрѣтенныхъ образованіемъ и матеріальными средствами оказ[illegible] такое же несоотвѣтствіе, какъ между умственнымъ уровнемъ [illegible] поколѣнія и ихъ родителей. Всюду водворяется разладъ, вредн[illegible] общественной жизни и опасный для государства.

Кромѣ семьи, высокое воспитательное значеніе имѣетъ церк[illegible] это вліяніе всегда благотворно, ибо религія составляетъ высш[illegible] ственную силу, какая существуетъ на землѣ. Мы видѣли, что [illegible] нравственное міросозерцаніе человѣка, даже съ чисто философ[illegible] точки зрѣнія, окончательно сводится къ сознанію Абсолютнаг[illegible] верховнаго источника нравственнаго закона. Религія даетъ это со[illegible] ніе въ живомъ поклоненіи, охватывающемъ и чувство и вол[illegible] массы, которой философское пониманіе недоступно, религіозны[illegible] ванія составляютъ первый и главный источникъ нравственныхъ [illegible] бужденій. Таковымъ же они являются и для юнаго возраста. Ни[illegible] не можетъ замѣнить для молодыхъ поколѣній воспитательнаго зна[illegible] нія религіи, возводящей душу къ верховнымъ началамъ бытія и [illegible] зывающей ей на абсолютное Благо, какъ на верховную цѣль [illegible] человѣческой жизни. Душа, въ дѣтствѣ не воспитанная религіей, л[illegible] шена существеннѣйшей опоры къ жизни; она всегда остается вр[illegible] ственно искаженною. Дѣтскій возрастъ въ отдѣльномъ человѣк[illegible] такъ же какъ и во всемъ человѣчествѣ, требуетъ религіознаго во[illegible] питанія.

Пока ребенокъ находится въ семьѣ, церковь можетъ дѣйствова[illegible] только черезъ послѣднюю. Это — вліяніе нравственное, а потому св[illegible] бодное. Какъ ни важно для общества согласное воспитательное н[illegible] правленіе семьи и церкви, оно не властно установить его тамъ, гд[illegible] оно рушилось. Конечно, государство можетъ требовать, чтобы дѣт[illegible] получили извѣстное религіозное воспитаніе. Въ *Общемъ Государствен*[illegible] *номъ Правѣ* было объяснено, что даже при полной свободѣ вѣроис[illegible] вѣданія отсутствіе религіознаго воспитанія можетъ считаться так[illegible] же нарушеніемъ обязанности родителей въ отношеніи къ дѣтямъ, как[illegible] и недостатокъ свѣтскаго образованія. Но всѣ подобныя внѣшнія мѣры не приносятъ пользы, когда духъ семьи идетъ имъ въ разрѣзъ. Для того, чтобы религія въ дѣтскомъ возрастѣ дѣйствовала на душу, [illegible] добно, чтобы уваженіемъ къ ней была проникнута та атмосфера, ко[illegible] торою дышетъ ребенокъ. Дѣло не въ заучиваніи уроковъ, а въ пре[illegible]

нномъ духѣ воспитывающей среды. А на это государство не мож ъ никакого вліянія. Это—дѣло свободы.

Иначе ставится вопросъ объ отношеніи церкви къ школѣ. етъ свою исторію. Въ средніе вѣка церковь была руководител всего человѣческаго образованія, которое впрочемъ стояло вес ысоко. Всѣ школы были въ ея рукахъ. Въ новое время, съ ра ъ свѣтской науки, эта область отъ нея отошла. Церкви, к тной корпораціи, предоставляется право заводить свои школы мъ правомъ она пользуется въ большей или меньшей степени, смо средствамъ и по одушевляющему ее воспитательному духу. Т ѣ господствуетъ система частнаго обученія, какъ напримѣръ нгліи, тамъ вѣроисповѣдныя школы составляютъ преобладающій т о въ школахъ, учрежденныхъ на общественный счетъ, управл тественно принадлежитъ общественнымъ органамъ, то-есть госуд тву или мѣстнымъ учрежденіямъ, смотря по тому, на чьи средс нѣ содержатся. Однако и здѣсь духовенство, въ особенности ка ическое, нерѣдко предъявляетъ притязаніе на преобладающее вліян Важность религіознаго воспитанія юношества даетъ этимъ стрем ніямъ сильную опору. Немудрено, что между защитниками религіоз и свѣтскаго образованія происходятъ на этотъ счетъ ожесточени пререканія.

Вопросъ касается преимущественно народной школы, гдѣ религі ное обученіе имѣетъ наибольшее значеніе. Здѣсь элементы свѣтск образованія весьма скудны. Научнаго развитія они не даютъ. Сообщ мыя свѣдѣнія совершенно элементарны; усвоиваются не столько з нія, сколько орудія и средства умственной дѣятельности — чтен письмо, счетъ. По содержанію же, самая существенная сторона шко состоитъ именно въ усвоеніи религіозныхъ истинъ, которыя состав ютъ завѣтъ всего человѣчества; дѣйствуя на чувство и волю, онѣ с общаютъ высокій нравственный духъ, необходимый для человѣка гражданина. Поэтому, безъ религіознаго образованія народная шко всегда остается лишенною самаго жизненнаго своего элемента.

Это и оказывается въ тѣхъ странахъ, гдѣ вслѣдствіе разлада церк и государства народная школа получила чисто свѣтскій характер съ устраненіемъ всякаго религіознаго обученія. Нынѣшняя Французск республика произвела этотъ опытъ въ самыхъ обширныхъ размѣрах Поводомъ послужила вражда католическаго духовенства къ демокр тическимъ учрежденіямъ. Демократія, основанная на всеобщемъ пра голоса, болѣе нежели какая-либо другая государственная форм нуждается въ школѣ. Народъ, которому принадлежитъ верховенств долженъ, по крайней мѣрѣ, быть грамотенъ. Но предоставить е

Есть ли на это какіе-нибудь задатки? Ведетъ ли историческій процессъ современныхъ обществъ къ высшей нравственной организаціи, или они осуждены болѣе и болѣе погружаться въ нравственный хаосъ, не видя исхода? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только изслѣдованіе историческаго развитія человѣчества и управляющихъ имъ законовъ. Но прежде, нежели мы приступимъ къ этой задачѣ, надобно разсмотрѣть тотъ умственный и нравственный процессъ, которымъ духовное достояніе одного поколѣнія передается другому. Этотъ процессъ есть *воспитаніе*.

ГЛАВА V.

Воспитаніе.

Процессъ историческаго развитія человѣчества состоитъ въ томъ, что добытое матеріальнымъ и умственнымъ трудомъ одного поколѣнія передается другому, которое, въ свою очередь, умножаетъ это достояніе и передаетъ его слѣдующему за нимъ. Передача и усвоеніе матеріальныхъ благъ не требуетъ труда; формально это совершается простымъ юридическимъ актомъ. Однако, для сохраненія и умноженія пріобрѣтеннаго необходимы извѣстныя свойства, которыя развиваются воспитаніемъ: нужна привычка къ порядку, бережливость, осторожность, умѣніе расчетливо вести свое хозяйство, соображать расходы съ доходами. Безъ этого, полученное отъ отцовъ достояніе быстро исчезаетъ, что мы и видимъ на каждомъ шагу. Еще болѣе требуется для усвоенія достоянія умственнаго. На это нуженъ собственный трудъ. Въ періодъ юности, то-есть приготовленія къ жизни, новое поколѣніе, подъ руководствомъ стараго, воспринимаетъ духовное наслѣдіе отцовъ, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи, собственнымъ самостоятельнымъ трудомъ, умножить его и передать тѣмъ же путемъ своимъ потомкамъ. Въ этомъ состоитъ задача воспитанія.

Понятно, какую громадную роль оно играетъ въ общественномъ развитіи. Связывая поколѣнія, оно опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія; завершая настоящее, оно готовитъ будущее. Отъ него зависитъ умноженіе духовныхъ силъ и ихъ направленіе, а слѣдовательно и то мѣсто, которое занимаетъ народъ въ ряду другихъ.

Въ воспитаніи надобно различать двѣ стороны: умственную и нравственную, развитіе ума и развитіе чувства и воли. Первое есть образованіе, второе — воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ. Образованіе, когда оно правильно поставлено, несомнѣнно должно заключать въ себѣ элементъ воспитанія; развитіе ума вліяетъ и на другія способности человѣческой души. Тѣмъ не менѣе, эти двѣ стороны не только раз-

личны, но и принадлежать разнымъ направляющимъ силамъ. Образованіе есть дѣло спеціально подготовленныхъ учителей; оно дается, на разныхъ ступеняхъ, въ цѣлой системѣ учрежденій, общественныхъ и частныхъ. Воспитаніе же есть прежде всего дѣло семьи. Изъ нея человѣкъ получаетъ первыя свои впечатлѣнія, оставляющія неизгладимый слѣдъ на всей его жизни; изъ нея онъ выноситъ тотъ нравственный духъ, который незамѣтно вліяетъ на всѣ его чувства, даже когда онъ совершенно отъ него отрѣшился. Школа только въ весьма недостаточной степени можетъ восполнять или исправлять недостатки семейнаго быта. Даже тамъ, гдѣ она въ этомъ успѣваетъ, она тѣмъ самымъ разрушаетъ духовную связь семьи, что, въ свою очередь, есть великое зло, не только частное, но и общественное.

Для общества въ высшей степени важно, чтобы эти двѣ воспитательныя силы дѣйствовали согласно. Гдѣ семья не подготовляетъ достаточно для школы, а послѣдняя дѣйствуетъ въ разрѣзъ съ семейнымъ духомъ, тамъ неизбѣжно происходитъ разрывъ между поколѣніями. Молодые люди, получившіе несвойственное ихъ семейному быту воспитаніе, отрываются отъ своей среды и часто не находятъ себѣ надлежащаго мѣста; въ семьяхъ поселяется раздоръ, въ умахъ водворяется шаткость. Все это явленія весьма хорошо извѣстныя намъ, Русскимъ, и объясняющія многое въ нашемъ общественномъ бытѣ.

Отсюда ясно, съ какою осторожностью слѣдуетъ принимать искусственныя мѣры для распространенія образованія. Тутъ недостаточны чисто теоретическія соображенія о пользѣ просвѣщенія; надобно знать, какъ оно прилагается въ данной средѣ. Когда правительство нуждается въ образованныхъ чиновникахъ, а общество не доставляетъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, система поощренія можетъ быть вполнѣ умѣстна. Мѣста готовы, требованіе есть; для удовлетворенія его установляются привилегіи, учреждаются стипендіи, правительство беретъ воспитаніе на свой счетъ. Но совершенно иное значеніе получаютъ тѣже мѣры, когда онѣ не имѣютъ въ виду опредѣленной цѣли. Искусственное привлеченіе людей къ образованію, на которое нѣтъ настоящаго спроса, можетъ вести только къ разладу между получившимъ образованіе и тою средой, къ которой онъ принадлежитъ. Воспитаніе на счетъ родителей указываетъ на то, что въ самой семьѣ есть потребность дать дѣтямъ извѣстное образованіе; воспитаніе же на счетъ общества или государства дѣлаетъ дѣтей независимыми отъ родителей и заставляетъ ихъ искать совершенно иныхъ путей, нежели тѣ, которые представляетъ имъ окружающая среда. А этихъ путей часто не оказывается. Когда у родителей нѣтъ достаточныхъ средствъ, чтобы дать высшее образованіе дѣтямъ, то обыкновенно и въ обще-

ствѣ нѣтъ достаточно средствъ для оплаты образованныхъ силъ; нѣтъ на нихъ и спроса. Искусственными мѣрами образуется умственный пролетаріатъ, о которомъ упомянуто выше, среда недовольныхъ, выбитыхъ изъ своей колеи и не нашедшихъ другой дороги, а потому готовыхъ обвинять и семью и общество за свои неудачи. Между пріобрѣтеннымъ образованіемъ и матеріальными средствами оказывается такое же несоотвѣтствіе, какъ между умственнымъ уровнемъ молодаго поколѣнія и ихъ родителей. Всюду водворяется разладъ, вредный для общественной жизни и опасный для государства.

Кромѣ семьи, высокое воспитательное значеніе имѣетъ церковь, и это вліяніе всегда благотворно, ибо религія составляетъ высшую нравственную силу, какая существуетъ на землѣ. Мы видѣли, что все нравственное міросозерцаніе человѣка, даже съ чисто философской точки зрѣнія, окончательно сводится къ сознанію Абсолютнаго, какъ верховнаго источника нравственнаго закона. Религія даетъ это сознаніе въ живомъ поклоненіи, охватывающемъ и чувство и волю. Для массы, которой философское пониманіе недоступно, религіозныя вѣрованія составляютъ первый и главный источникъ нравственныхъ побужденій. Таковымъ же они являются и для юнаго возраста. Ничто не можетъ замѣнить для молодыхъ поколѣній воспитательнаго значенія религіи, возводящей душу къ верховнымъ началамъ бытія и указывающей ей на абсолютное Благо, какъ на верховную цѣль всей человѣческой жизни. Душа, въ дѣтствѣ не воспитанная религіей, лишена существеннѣйшей опоры къ жизни; она всегда остается нравственно искаженною. Дѣтскій возрастъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ же какъ и во всемъ человѣчествѣ, требуетъ религіознаго воспитанія.

Пока ребенокъ находится въ семьѣ, церковь можетъ дѣйствовать только черезъ послѣднюю. Это — вліяніе нравственное, а потому свободное. Какъ ни важно для общества согласное воспитательное направленіе семьи и церкви, оно не властно установить его тамъ, гдѣ оно рушилось. Конечно, государство можетъ требовать, чтобы дѣти получили извѣстное религіозное воспитаніе. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* было объяснено, что даже при полной свободѣ вѣроисповѣданія отсутствіе религіознаго воспитанія можетъ считаться такимъ же нарушеніемъ обязанности родителей въ отношеніи къ дѣтямъ, какъ и недостатокъ свѣтскаго образованія. Но всѣ подобныя внѣшнія мѣры не приносятъ пользы, когда духъ семьи идетъ имъ въ разрѣзъ. Для того, чтобы религія въ дѣтскомъ возрастѣ дѣйствовала на душу, надобно, чтобы уваженіемъ къ ней была проникнута та атмосфера, которою дышетъ ребенокъ. Дѣло не въ заучиваніи уроковъ, а въ нрав-

нномъ духѣ воспитывающей среды. А на это государство не можетъ гъ никакого вліянія. Это—дѣло свободы.

Иначе ставится вопросъ объ отношеніи церкви къ школѣ. Онъ етъ свою исторію. Въ средніе вѣка церковь была руководительни- всего человѣческаго образованія, которое впрочемъ стояло весьма ысоко. Всѣ школы были въ ея рукахъ. Въ новое время, съ развимъ свѣтской науки, эта область отъ нея отошла. Церкви, какъ стной корпораціи, предоставляется право заводить свои школы, и имъ правомъ она пользуется въ большей или меньшей степени, смотря средствамъ и по одушевляющему ее воспитательному духу. Тамъ, ѣ господствуетъ система частнаго обученія, какъ напримѣръ въ нгліи, тамъ вѣроисповѣдныя школы составляютъ преобладающій типъ. о въ школахъ, учрежденныхъ на общественный счетъ, управленіе стественно принадлежитъ общественнымъ органамъ, то-есть государтву или мѣстнымъ учрежденіямъ, смотря по тому, на чьи средства нѣ содержатся. Однако и здѣсь духовенство, въ особенности католическое, нерѣдко предъявляетъ притязаніе на преобладающее вліяніе. Важность религіознаго воспитанія юношества даетъ этимъ стремленіямъ сильную опору. Немудрено, что между защитниками религіознаго и свѣтскаго образованія происходятъ на этотъ счетъ ожесточенныя пререканія.

Вопросъ касается преимущественно народной школы, гдѣ религіозное обученіе имѣетъ наибольшее значеніе. Здѣсь элементы свѣтскаго образованія весьма скудны. Научнаго развитія они не даютъ. Сообщаемыя свѣдѣнія совершенно элементарны; усвоиваются не столько знанія, сколько орудія и средства умственной дѣятельности — чтеніе, письмо, счетъ. По содержанію же, самая существенная сторона школы состоитъ именно въ усвоеніи религіозныхъ истинъ, которыя составляютъ завѣтъ всего человѣчества; дѣйствуя на чувство и волю, онѣ сообщаютъ высокій нравственный духъ, необходимый для человѣка и гражданина. Поэтому, безъ религіознаго образованія народная школа всегда остается лишенною самаго жизненнаго своего элемента.

Это и оказывается въ тѣхъ странахъ, гдѣ вслѣдствіе разлада церкви и государства народная школа получила чисто свѣтскій характеръ, съ устраненіемъ всякаго религіознаго обученія. Нынѣшняя Французская республика произвела этотъ опытъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Поводомъ послужила вражда католическаго духовенства къ демократическимъ учрежденіямъ. Демократія, основанная на всеобщемъ правѣ голоса, болѣе нежели какая-либо другая государственная форма, нуждается въ школѣ. Народъ, которому принадлежитъ верховенство, долженъ, по крайней мѣрѣ, быть грамотенъ. Но предоставить его

воспитаніе сословію, которое явно становится во главѣ враговъ существующаго государственнаго строя, церкви, которая предаетъ анаѳемѣ всѣ общественныя вольности новаго времени, очевидно, нѣтъ возможности. Законы о свѣтской школѣ во Франціи были вызваны политическою необходимостью. Говорю не о тѣхъ крайностяхъ, въ которыя увлекаются враги всякой религіи, а о самомъ существѣ дѣла. Но такое изгнаніе религіознаго обученія изъ народной школы не можетъ не оказать самаго вреднаго дѣйствія на ея нравственный характеръ. Какъ бы умѣло ни владѣли ученики элементарными орудіями знанія, какъ бы твердо они ни усвоивали сообщенныя имъ элементарныя свѣдѣнія, отъ этого ихъ нравственный уровень не подвинется ни на шагъ. Такъ называемая гражданская нравственность не въ состояніи замѣнить религіозной. Нравственность, какъ мы видѣли, можетъ опираться либо на философію, либо на религію. О философіи въ народной школѣ не можетъ быть рѣчи; вообще, она доступна весьма немногимъ высоко образованнымъ людямъ; религія же совершенно устраняется. Остаются нравственныя сентенціи, которыя годны для прописей, но совершенно не въ силахъ дѣйствовать на человѣческій умъ и на человѣческое сердце. Это нравственность, доведенная до той степени пошлости, при которой она можетъ быть только предметомъ насмѣшки.

Результаты оказались такіе, какихъ можно было ожидать. Въ прошедшемъ 1894 году, на международномъ съѣздѣ соціологіи во Франціи, англійскій ученый, сэръ Джонъ Лёббокъ, представилъ поразительныя статистическія цифры о результатахъ народнаго образованія въ Англіи, съ тѣхъ поръ какъ правительство стало давать частнымъ школамъ значительныя пособія. Съ 1870 года, средняя цифра заключенныхъ въ тюрьмахъ уменьшилась съ 12000 на 5000. Средняя годовая цифра осужденныхъ на тюремное заключеніе понизилась съ 3000 на 800. Ежегодное число молодыхъ людей, осужденныхъ за преступленія, понизилось съ 14000 на 5000. Число бѣдныхъ, получающихъ помощь, понизилось съ 47 до 22 на 1000 жителей. Французы съ горестью должны были признать, что ничего подобнаго они у себя не видятъ, не смотря на то, что школа поставлена гораздо шире и траты дѣлаются несравненно большія. Школа, изъ которой изгнано всякое религіозное преподаваніе, никогда не можетъ соперничать въ нравственномъ отношеніи съ тою, въ которой этотъ элементъ занимаетъ подобающее ему мѣсто.

Напрасно, въ виду явной несостоятельности такого рода элементарной школы, составляются общества для нравственнаго руководства молодыхъ людей по окончаніи начальнаго ученія. Сами эти общества

лишены всякихъ нравственныхъ опоръ, ибо нравственность можно основать только на религіи или на философіи, а когда то и другое отвергается, остаются лишь смутныя и шаткія понятія, которыя не въ состояніи дѣйствовать на людей.

Еще болѣе несообразнымъ представляется преподаваніе въ свѣтскихъ школахъ только тѣхъ религіозныхъ догматовъ, которые общи всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, какъ нынѣ принято въ англійскихъ общественныхъ школахъ. Религія составляетъ нѣчто цѣльное, изъ чего нельзя по произволу выбирать то или другое. Менѣе всего къ ней приложимъ механическій эклектизмъ, лишающій ее всякой нравственной силы. Такой странный компромиссъ между свѣтскимъ направленіемъ и церковнымъ могъ придти въ голову только людямъ, которые привыкли подводить религію къ одной точкѣ зрѣнія съ политикой.

Однако, изъ того, что религія должна составлять существенный элементъ первоначальнаго обученія, отнюдь не слѣдуетъ, что народная школа должна по праву находиться въ рукахъ духовенства. Такое возвращеніе къ средневѣковымъ началамъ не только противорѣчитъ духу и направленію новаго времени, но оно способно вселить разладъ въ такое дѣло, которое болѣе всякаго другаго требуетъ согласія. Съ матеріальной стороны, школа должна находиться въ рукахъ тѣхъ, кто даетъ на нее средства. Поэтому и церкви нельзя отказать въ правѣ, наравнѣ съ частными лицами, заводить школы на свое иждивеніе; но школы, содержимыя на общественныя средства, должны состоять въ управленіи государства или мѣстныхъ общественныхъ органовъ, смотря по тому, кто даетъ деньги. Передача этихъ школъ въ вѣдѣніе духовенства не можетъ быть ничѣмъ оправдано. Съ педагогической же стороны, существенное значеніе свѣтскаго образованія состоитъ въ томъ, что оно одно для всѣхъ вѣроисповѣданій. Какъ таковое, оно составляетъ цѣльную систему, сверху до низу; изъ нея нельзя вырѣзать часть и передать ее другому вѣдомству съ другимъ направленіемъ. Учителя народной школы учатся въ свѣтскихъ заведеніяхъ; подчинить ихъ духовенству значитъ лишить ихъ того самостоятельнаго положенія, которое они занимаютъ и должны занимать въ учебномъ мірѣ. Въ народной школѣ, какъ и вездѣ, не принудительное подчиненіе одного элемента другому, а свободное ихъ соглашеніе составляетъ идеальную цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться.

Менѣе всего подчиненіе народныхъ школъ церкви умѣстно тамъ, гдѣ исторически духовенство не обнаружило самостоятельной педагогической дѣятельности и не выказало въ этомъ дѣлѣ ни малѣйшей

иниціативы, какъ было, напримѣръ, у насъ. При такихъ условіяхъ, передача ему народныхъ школъ не имѣетъ никакого оправданія. Въ нашей недавно возникшей по инициативѣ земства народной школѣ религіозное преподаваніе занимаетъ первое мѣсто, и если призванное къ нему духовенство исполняетъ, какъ слѣдуетъ, возложенныя на него обязанности, то за это можно быть ему глубоко благодарнымъ. Это и есть правильная и нормальная постановка первоначальнаго образованія. Вносить же смуту въ это важное дѣло, вмѣсто согласнаго дѣйствія возбуждать неумѣстное соперничество и взаимную вражду, внушать православному духовенству свойственныя католицизму властолюбивыя притязанія, которыя доселѣ были ему чужды, это — такое направленіе, которое должно встрѣтить строгое осужденіе со стороны людей, понимающихъ потребности народной школы и искренно желающихъ ея преуспѣянія. Подобное сочетаніе средневѣковыхъ понятій съ бюрократическими стремленіями въ дѣлѣ народнаго образованія можетъ принести только величайшій вредъ.

Гораздо меньшее значеніе имѣетъ вопросъ объ умѣстности религіознаго преподаванія въ средней школѣ; однако и здѣсь онъ можетъ разсматриваться съ разныхъ точекъ зрѣнія. Преподаваніе свѣтскихъ наукъ получаетъ здѣсь такой объемъ, что религіозное преподаваніе отходитъ на второй планъ. Свѣтская же наука имѣетъ свои начала, независимыя отъ религіи; преподаватели средней школы еще менѣе, нежели народные учителя, могутъ быть подчинены контролю духовенства. Если они уклоняются отъ своей педагогической задачи, воздержаніе ихъ можетъ принадлежать только свѣтскому же начальству. Но изъ этого не слѣдуетъ, что религіозное преподаваніе должно быть устранено изъ средней школы. Напротивъ, оно въ ней совершенно умѣстно. Юноша долженъ имѣть понятія о религіи несравненно высшія, нежели тѣ, которыя преподаются ребенку въ начальной школѣ; эта область должна раскрываться уже нѣсколько развитому образованіемъ уму. Полезно также, чтобы религіозное преподаваніе совершалось въ школѣ, а не внѣ ея; не желательно, чтобы въ незрѣломъ еще умѣ юноши было полное разъединеніе этихъ двухъ сферъ. Хотя наука совершенно независима отъ религіи, но въ объемѣ тѣхъ неоспоримыхъ истинъ, которыя преподаются въ средней школѣ, между обѣими нѣтъ противорѣчія. Его не должно быть и въ молодыхъ умахъ. Возможный разладъ и возможное соглашеніе—все это дѣло позднѣйшаго испытующаго процесса, требующаго умственной зрѣлости. Средняя школа только подготовляетъ людей къ самостоятельному рѣшенію высшихъ вопросовъ, и въ этомъ отношеніи наука, въ предѣлахъ достовѣрности, и религія, въ предѣлахъ терпимости, должны подавать другъ другу

руку. Каждая изъ нихъ имѣетъ свое воспитательное призваніе, и только сочетаніе обѣихъ даетъ то гармоническое развитіе, которое требуется для юношескаго возраста. Такова именно задача средней школы, безъ которой она не исполняетъ своего назначенія.

Но если правильное отношеніе свѣтскаго преподаванія и религіознаго въ средней школѣ опредѣляется довольно просто, то въ предѣлахъ самаго свѣтскаго преподаванія возникаютъ вопросы гораздо болѣе сложные, которые составляютъ предметъ горячихъ споровъ. Источникомъ ихъ служитъ частью различное назначеніе средней школы, частью различное направленіе современнаго знанія.

Средняя школа имѣетъ двоякую цѣль: приготовленіе къ практической дѣятельности средняго уровня, промышленной и технической, и приготовленіе къ высшему образованію. Первой цѣли служатъ реальныя училища, второй гимназіи. Этимъ различіемъ опредѣляется самое содержаніе и направленіе преподаванія. Тѣ высшія его стороны, которыя подготовляютъ юношу къ усвоенію высшаго знанія, отпадаютъ въ реальныхъ училищахъ. Устройство ихъ приспособляется къ практическимъ потребностямъ. Они имѣютъ въ виду не возвысить человѣка надъ обыкновенною средой, а дать ему возможность дѣйствовать съ пользою въ этой средѣ. Поэтому и самое преподаваніе зависитъ отъ уровня данной среды. Возникающіе здѣсь вопросы преимущественно техническіе и практическіе. Общаго значенія они не имѣютъ.

Совершенно иной характеръ гимназій. Здѣсь возникаютъ вопросы объ общемъ направленіи преподаванія. Если въ народной школѣ споръ идетъ между средневѣковымъ началомъ и духомъ новаго времени, то въ средней школѣ кипитъ борьба между двумя послѣдовательными ступенями развитія новаго времени—идеализмомъ и реализмомъ. Представителемъ перваго является классическая система, представителемъ втораго реальная.

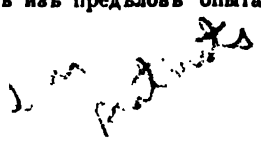
Мы видѣли, что переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени характеризуется возрожденіемъ классицизма. Въ наукѣ, въ искусствѣ, въ правѣ, образцы, оставленные намъ древностью, послужили исходною точкой всего новаго міросозерцанія; они легли въ основаніе дальнѣйшаго развитія человѣчества. Поэтому, изученіе памятниковъ древности сдѣлалось главною пищей молодыхъ поколѣній въ теченіи всего идеалистическаго періода новой исторіи, до новѣйшаго времени.

И это имѣло глубокій смыслъ. Конечно, новая жизнь во многомъ несходна съ древнею. Средневѣковой порядокъ, съ его безконечнымъ разнообразіемъ жизненныхъ явленій, подъ высшимъ руководствомъ христіанскихъ началъ, наложилъ на новые народы свою неизгладимую печать. Но не менѣе существеннымъ элементомъ остались начала, выработан-

ныя древностью. Всѣ основныя человѣческія отношенія, какъ умственныя, такъ и общественныя, чувства, взгляды, понятія, выразились въ произведеніяхъ древняго міра съ такою простотой, ясностью и изяществомъ, къ какимъ способна была только жизнь при первомъ своемъ разцвѣтѣ, пока она не осложнилась историческими наростами и потребностью сочетанія разнородныхъ элементовъ. Это высоко идеальное наслѣдіе юношеской поры человѣческаго рода можетъ и должно служить незамѣнимымъ воспитательнымъ средствомъ и вмѣстѣ неизсякаемымъ источникомъ возвышенныхъ мыслей и чувствъ для всѣхъ вновь нарождающихся поколѣній. И строгость логической связи, и простое изящество формъ, и сила выраженія, все здѣсь соединяется для того, чтобы сдѣлать эти сокровища, завѣщанныя античнымъ міромъ, предметомъ постояннаго удивленія и поученія для людей. Безъ знакомства съ классиками нельзя быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ.

Жизнь новаго времени выдвигаетъ однако новыя задачи, которыя дѣлаютъ классическое образованіе недостаточнымъ. Въ особенности изученіе силъ природы и ея покореніе цѣлямъ человѣка безмѣрно расширили предѣлы знанія и вызвали требованіе такого запаса свѣдѣній, какихъ не дастъ классическая школа. Въ области естествознанія реалистическая наука празднуетъ величайшія свои побѣды. Отсюда ополченіе приверженцевъ реализма противъ классическаго образованія, которое будто бы держится въ отвлеченной сферѣ, не удовлетворяя насущнымъ потребностямъ общества и не приготовляя людей къ усвоенію и исполненію задачъ новаго времени.

Это возмущеніе противъ классицизма страдаетъ крайнею односторонностью. Какъ ни важно естествовѣдѣніе, особенно въ настоящее время, оно не составляетъ не только единственной, но даже высшей стороны знанія и воспитанія. Кромѣ природы, есть человѣкъ, котораго познаніе все-таки всего важнѣе для человѣка, а оно естествовѣдѣніемъ не дается. Мало того; одностороннее развитіе мысли въ духѣ естественныхъ наукъ сообщаетъ совершенно превратное направленіе понятіямъ о человѣкѣ. Современная эмпирическая наука о природѣ отвергаетъ всякую метафизику, а метафизика, какъ было объяснено выше, выражаетъ самую сущность духовной жизни; она составляетъ руководящее начало всей человѣческой дѣятельности. Къ метафизическимъ началамъ принадлежитъ и человѣческая свобода. Въ природѣ для нея нѣтъ мѣста; тамъ все происходитъ по неизмѣннымъ законамъ. Вслѣдствіе того, эмпирики отрицаютъ ее въ человѣкѣ. Съ точки зрѣнія чистаго реализма отвергается, вообще, познаваемость всего, что выходитъ изъ предѣловъ опыта, а это въ концѣ концовъ приводитъ

къ отрицанію всякаго связнаго міросозерцанія, слѣдовательно подрываетъ всѣ высшія основы человѣческой жизни. Если же, отрекаясь отъ послѣдовательности и совершая неизмѣримый логическій скачокъ, эмпиризмъ хочетъ массу разнородныхъ явленій свести къ общимъ началамъ, онъ не находитъ въ объемѣ своихъ понятій ничего, кромѣ внѣшняго механизма; самое понятіе объ организмѣ остается ему недоступнымъ. Между тѣмъ, изъ всѣхъ возможныхъ міросозерцаній, механическое наименѣе приложимо къ человѣку. Это — низшая форма понятій, опредѣляющая явленія извѣстнаго разряда и совершенно неспособная объяснить дѣйствіе высшихъ силъ природы, не только-что явленія духа. Поэтому, приложеніе методъ и взглядовъ естественныхъ наукъ къ области человѣческихъ отношеній ведетъ къ совершенно извращенному пониманію послѣднихъ. Полнота знанія требуетъ, чтобъ изученіе природы восполнялось самостоятельнымъ изученіемъ человѣка, а это изученіе дается въ самой элементарной и доступной юнымъ умамъ формѣ классическимъ образованіемъ. Можно сказать, что истинно образованнымъ естествоиспытателемъ можетъ быть только тотъ, кто прошелъ черезъ классическую школу.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что одинъ классицизмъ не даетъ всесторонняго познанія человѣка. Какъ сказано, онъ составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ жизни новаго времени, но далеко не единственный. Восполнить его можетъ только исторія, которая, представляя послѣдовательное развитіе человѣчества, указываетъ настоящее мѣсто и значеніе классицизма въ этомъ движеніи. Поэтому исторія должна составлять одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія въ средней школѣ, подготовляющей къ высшему знанію. Другимъ, хотя и второстепеннымъ, пособіемъ служитъ изученіе первоклассныхъ произведеній литературы новаго времени. Наконецъ, необходимо и знаніе основныхъ законовъ природы. Здѣсь главное мѣсто занимаютъ тѣ отрасли естественныхъ наукъ, которыя представляютъ не одинъ сборъ фактовъ, но и строго логическую послѣдовательность мысли, пріучающую юношество къ научному мышленію. Сюда относится математика и физика. Таковъ необходимый циклъ преподаванія, который дѣлаетъ среднюю школу способною достигать истинной своей цѣли—приготовленія молодыхъ поколѣній къ усвоенію высшихъ областей знанія.

Понятно, что такой объемъ преподаванія требуетъ весьма высокихъ условій; но именно въ этомъ отношеніи встрѣчаются значительныя затрудненія, какъ со стороны учащихъ, такъ и со стороны учащихся.

Для того, чтобы классическое преподаваніе, сохраняя свое значеніе, удѣляло мѣсто другимъ отраслямъ знанія безъ чрезмѣрнаго обремененія учащихся, надобно, чтобы въ немъ количество замѣнялось

качествомъ, то-есть, требуется весьма высокій уровень преподавателей. А именно это всего труднѣе найти при господствѣ реалистическаго направленія, которое, изгоняя классическій духъ изъ литературы и изъ общества, естественно изгоняетъ его и изъ воспитанія. Для учителя недостаточно твердо знать грамматику и вѣрно переводить классиковъ; надобно проникнуться ихъ духомъ и умѣть этотъ духъ вдохнуть въ учениковъ. Иначе классическое преподаваніе обращается въ мертвую рутину, возбуждающую только отвращеніе въ учащихся. Таковъ именно былъ результатъ предпринятой у насъ въ семидесятыхъ годахъ классической реформы, гдѣ благородное знамя классицизма служило только прикрытіемъ мертвой рутины и бюрократическаго формализма. Зубреніе греческой и латинской грамматики выдавалось за самое надежное лѣкарство противъ либеральныхъ идей, которыя думали искоренить отупѣніемъ учениковъ. Въ результатѣ получилось не только не поднятіе классическихъ знаній, но напротивъ, ихъ упадокъ, а вмѣстѣ и упадокъ всякаго литературнаго образованія, доходящій до неумѣнія выражаться даже на родномъ языкѣ. Какъ учащіеся, такъ и общество равно получили отвращеніе отъ классицизма. Всякая учебная реформа, а тѣмъ болѣе классическая, тогда только можетъ быть плодотворна, когда она опирается на живыя силы въ сословіи преподавателей. Но вызвать къ жизни и организовать эти силы—дѣло не легкое; сочинить же программу съ усиленнымъ числомъ уроковъ ничего не стоитъ; это дѣлается однимъ почеркомъ пера.

Другое затрудненіе встрѣчается со стороны учащихся. Въ прежнія времена классическое образованіе имѣло цѣлью выдѣлить цвѣтъ общества и поставить его во главѣ народа. Оно составляло достояніе немногихъ. Въ настоящее же время, въ университетахъ толпятся массы, которымъ классицизмъ и безполезенъ и не по плечу. Демократизація общества имѣла послѣдствіемъ демократизацію университетовъ. Съ этимъ явленіемъ надобно считаться. Отъ средней массы нельзя требовать такого образованія, которое пригодно только для умственной аристократіи. Приходится либо сокращать доступъ въ университеты, либо допускать, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые факультеты людей безъ классическаго образованія. Но первое идетъ совершенно наперекоръ всѣмъ современнымъ стремленіямъ и никакъ не можетъ содѣйствовать поднятію уровня образованія въ народѣ. Остается примириться съ послѣднимъ. Можно думать, что въ будущемъ классическое образованіе останется достояніемъ высоко-образованнаго меньшинства, призваннаго быть умственнымъ руководителемъ общества. Масса же будетъ довольствоваться образованіемъ реальнымъ.

Вопросъ о классицизмѣ касается собственно средней школы, при-

готовляющей къ высшему образованію; въ высшей школѣ онъ отпадаетъ. Изученіе классиковъ становится тамъ спеціальностью. Причина та, что наука въ ея полнотѣ не можетъ быть предметомъ изученія для отдѣльныхъ лицъ; приходится довольствоваться тою или другою ея отраслью. Поэтому, вмѣсто энциклопедическаго образованія, составляющаго содержаніе средней школы, университетъ раздѣляется на факультеты. Однако, взаимодѣйствіе различныхъ отраслей знанія до такой степени важно, что различные факультеты обыкновенно соединяются въ одно учрежденіе. Они распредѣляются по разнымъ центрамъ только тамъ, гдѣ главное ихъ назначеніе состоитъ не въ развитіи высшаго научнаго образованія, а въ приготовленіи молодыхъ людей къ спеціальнымъ карьерамъ. Примѣръ такого устройства представляетъ Франція. Но подобный взглядъ унижаетъ и достоинство науки и уровень преподаванія. Живое взаимодѣйствіе умственныхъ силъ въ различныхъ отрасляхъ знанія необходимо, какъ для преподавателей, такъ и для учащихся. Только этимъ создаются умственные центры, которые могутъ служить разсадниками науки и просвѣщенія. Высшимъ образцомъ такого рода учрежденій является Германія. Она находится въ этомъ отношеніи въ особенно счастливыхъ условіяхъ. Государственное разъединеніе и недостатокъ политической жизни послужили на пользу просвѣщенія. Высшія умственныя силы устремились въ область теоретическихъ изслѣдованій; всюду создались университеты, которые соперничаютъ между собою въ привлеченіи ученыхъ. Провинціальные университеты въ особенности, удаленные отъ столичныхъ интересовъ и соблазновъ, были пріютомъ чистаго стремленія къ наукѣ. Въ педагогическомъ отношеніи, провинціальная жизнь, если только есть въ ней достаточно умственныхъ силъ, представляетъ весьма важныя преимущества. У насъ, высокое положеніе Московскаго университета въ сороковыхъ годахъ объясняется тѣмъ, что Москва давно перестала быть столицей. Тому же обстоятельству обязанъ былъ своимъ процвѣтаніемъ нѣкогда столь высоко стоявшій, нынѣ разгромленный, университетъ Дерптскій.

Но мало одного соединенія факультетовъ. Для того, чтобы университеты могли получить настоящее общественное значеніе, какъ центры умственной жизни, надобно, чтобъ они были поставлены въ болѣе или менѣе независимое положеніе. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* было объяснено, что университеты, по существу своему, должны составлять самостоятельныя корпораціи, облеченныя выборными правами. Профессоръ—не чиновникъ, исполняющій приказанія начальства, а человѣкъ самостоятельно изучающій науку и передающій слушателямъ результаты своихъ изслѣдованій. Только независимое положеніе

и корпоративная связь способны водворить въ средѣ преподавателей и тотъ нравственный духъ, который дастъ имъ авторитетъ надъ учащимися. Умственныя силы суть независимыя силы; иначе онѣ теряютъ всякое вліяніе. Орудіе не есть сила, а средство въ чужихъ рукахъ. Поэтому, лишеніе университетовъ корпоративныхъ правъ и низведеніе профессоровъ на степень простыхъ чиновниковъ не можетъ не имѣть своимъ послѣдствіемъ глубокій упадокъ высшаго образованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и умственнаго уровня общества. Въ этомъ отношенія, университетская реформа 1884 года нанесла русскому просвѣщенію такой ударъ, отъ котораго оно не скоро оправится.

Въ связи съ независимымъ положеніемъ университетовъ находится и свобода преподаванія. Сообразно съ двоякою цѣлью высшаго преподаванія рождаются и двоякія требованія: въ видахъ приготовленія людей къ высшимъ карьерамъ установляются обязательныя программы; напротивъ, развитіе науки требуетъ свободныхъ курсовъ. При широкомъ объемѣ преподаванія, при значительномъ запасѣ умственныхъ силъ, то и другое можетъ сочетаться. Чѣмъ выше умственное значеніе университетовъ, чѣмъ больше въ нихъ соединяется силъ, и чѣмъ выше уровень учащихся, тѣмъ болѣе свободный элементъ преобладаетъ надъ принудительнымъ. И въ этомъ отношеніи Германія представляетъ образецъ, которому однако лишь съ большою осторожностью могутъ подражать менѣе образованные народы.

Свобода преподаванія предполагаетъ и большую или меньшую свободу въ выраженіи политическихъ и религіозныхъ мнѣній. Безъ сомнѣнія, профессоръ не въ правѣ ополчаться противъ религіи и законовъ своего государства; даже тамъ, гдѣ это допускается въ печати, это не дѣло каѳедры, которая должна стоять въ сторонѣ отъ борьбы партій. Еще менѣе профессоръ въ правѣ преподавать теоріи, разрушающія общественный строй. Но въ этихъ предѣлахъ есть мѣсто для широкой свободы, безъ которой умственное развитіе немыслимо. Тамъ, гдѣ она оффиціально стѣсняется черезъ мѣру, тамъ негласнымъ и косвеннымъ путемъ пробивается потаенная ѣдкая критика, гораздо болѣе опасная, нежели явная, и дѣйствующая сильнѣе на молодые умы. Наиболѣе стѣсненные формальнымъ образомъ центры становятся разсадникомъ самыхъ крайнихъ мыслей и самой рѣзкой оппозиціи.

Независимость, какъ въ общественномъ положеніи, такъ и въ выраженіи своихъ мнѣній, таково первое и основное требованіе тѣхъ высшихъ умственныхъ силъ, которыя призваны руководить общественнымъ воспитаніемъ. Это и есть существенное свойство всякой аристократіи, умственной еще болѣе, нежели другихъ, ибо умственная сила только черезъ то имѣетъ авторитетъ, что она дѣй-

ствуетъ независимо, по собственному почину. Отъ этихъ высших умственныхъ силъ зависитъ все народное образованіе и все дальнѣйшее умственное развитіе общества. Ибо образованіе идетъ не снизу а сверху. Отъ умственнаго состоянія университетовъ зависитъ уровень преподавателей средней школы, а отъ послѣднихъ уровень преподавателей народной школы. Тутъ установляется іерархическій порядокъ, получающій движеніе сверху.

Такая же іерархія умственнаго образованія водворяется и в цѣломъ составѣ общества. Это дѣлается не въ силу какихъ-либ искусственныхъ мѣръ или учрежденій, а само собою, вслѣдстві потребностей и хода жизни. Такой порядокъ составляетъ естественное и необходимое слѣдствіе самаго общественнаго развитія Какъ свободное движеніе экономическихъ силъ установляетъ в обществѣ іерархію состояній въ безконечно-разнообразныхъ ступеняхъ, такъ и различіе воспитанія само собою порождаетъ іерархі умственнаго развитія. Такъ всегда было, есть и будетъ, ибо таков необходимый законъ общественной жизни. То интегральное образованіе, о которомъ мечтаютъ соціалисты, стремящіеся всѣхъ подвести к одному умственному уровню, есть не болѣе какъ праздная фантазія обличающая полное непониманіе и существа науки, и задачъ воспитанія, и различнаго призванія людей. Истинно научное образованіе н можетъ быть доступно всѣмъ; оно требуетъ такой массы умственнаг труда, которая всегда будетъ дѣлать его достояніемъ немногихъ, и тѣ которые этотъ трудъ осилили, не станутъ посвящать свою жизнь физической работѣ. Кто пятнадцать лѣтъ своей молодости посвятилъ усвоенію умственнаго достоянія человѣчества, кто сидѣлъ надъ Софокломъ и Виргиліемъ, кто изучалъ правовѣдѣніе или медицину, тотъ не пойдетъ рабочимъ на прядильную фабрику или кочегаромъ на желѣзную дорогу. Между умственною подготовкой и жизненнымъ призваніем должно быть соотвѣтствіе, а тутъ оказывается полное противорѣчі Конечно, и для рабочихъ полезно чтеніе лекцій о разныхъ предметахъ но считать это популярное изложеніе, приноровленное къ умственном уровню массы, серіознымъ образованіемъ могутъ только тѣ, которые н имѣютъ о наукѣ ни малѣйшаго понятія. Несравненно умнѣе и послѣдовательнѣе были тѣ старые соціалисты, въ родѣ Бабёфа, которые дл умственнаго уравненія всѣхъ требовали изгнанія всѣхъ наукъ и ограниченія преподаванія тѣмъ, что нужно рабочимъ массамъ. Это—единственное интегральное образованіе, согласное съ началами соціализма

Соотвѣтствіе умственнаго уровня матеріальному благосостоянію жизненному призванію различныхъ общественныхъ классовъ составляетъ нормальное требованіе, отъ котораго зависитъ правильный ход

общественной жизни. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ ощущается разладъ. Аристократія, родовая или денежная, которая не держится на высотѣ современнаго умственнаго уровня, теряетъ свое нравственное вліяніе и неизбѣжно клонится къ паденію. Точно также, когда въ среднихъ классахъ умственное развитіе и матеріальный достатокъ не соотвѣтствуютъ другъ другу, образуется умственный пролетаріатъ, который составляетъ самый опасный элементъ для общества. Наконецъ, когда въ народныхъ массахъ зарождаются умственныя потребности, превышающія ея матеріальныя средства, въ ней распространяется неудовольствіе, которое можетъ вести къ переворотамъ. Однако, когда говорится о соотвѣтствіи, это не означаетъ количественнаго совпаденія. Высокое умственное развитіе вовсе не требуетъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ, а только обезпеченности, дающей независимость. Главный контингентъ умственныхъ силъ даютъ все-таки средніе слои, которые съ достаточною обезпеченностью соединяютъ упорную умственную работу, необходимую для высшаго развитія. Этимъ трудомъ умножается и накопляется, какъ матеріальный, такъ и умственный капиталъ, отъ котораго зависитъ все дальнѣйшее развитіе человѣчества. Какъ зиждители капитала, средніе слои выдѣляютъ изъ себя и денежную и умственную аристократію; они составляютъ неизсякаемый источникъ народныхъ силъ, изъ котораго происходитъ постоянное обновленіе высшихъ слоевъ.

Но для этого обновленія требуется высшая школа, исполняющая свое назначеніе и способная дать правильное направленіе умамъ. Въ настоящее время много хлопочутъ о народной школѣ. Въ демократическихъ странахъ въ особенности, необходимо дать образованіе народу, облеченному политическими правами. У насъ, послѣ освобожденія крестьянъ, явилось также стремленіе поднять освобожденную массу, открыть ей новые умственные горизонты. Все это достойно полнаго сочувствія; но когда берутся учить народъ, надобно, чтобъ у самихъ учителей головы были въ порядкѣ, а то ли мы видимъ на дѣлѣ? Образованіе массы не ограничивается формальнымъ обученіемъ грамотѣ и ариѳметикѣ; надобно знать, какая умственная и нравственная пища ей дается. Столь высоко стоящая нѣмецкая школа мѣшаетъ ли народнымъ массамъ слѣпо воспринимать безумныя теоріи соціализма? Ужасающій ростъ соціалистической партіи въ Германіи служитъ на это отвѣтомъ. Тоже самое мы видимъ и во Франціи. Самая образованная часть низшаго народонаселенія, городскіе рабочіе классы, насквозь заражены самымъ крайнимъ соціализмомъ. Школа возбуждаетъ въ нихъ только умственныя стремленія, дѣлающія ихъ воспріимчивыми ко всякимъ разрушительнымъ теоріямъ. Ужасы парижской Коммуны

показали, что образованный парижскій работникъ, по звѣрскимъ инстинктамъ, стоитъ не только не выше, а можетъ-быть и ниже самаго безграмотнаго крестьянина. Инаго нельзя и ожидать, когда въ обществѣ нѣтъ высшей руководящей силы, когда наверху, благодаря реализму, царствуетъ полный умственный хаосъ, когда всѣ науки, касающіяся человѣка, опрокинуты вверхъ дномъ, когда въ нихъ исчезло всякое твердое начало, когда, съ отрицаніемъ философіи, самая возможность разумнаго міросозерцанія исчезла, оставляя мѣсто только для превратныхъ фантазій. Главное современное зло лежитъ наверху, а не внизу. Тщетно лѣчить ноги, когда болитъ голова. Чтобы поднять народную школу, надобно прежде всего дать крѣпкія основы высшему образованію, а для этого необходимо, чтобы создалась руководящая умственная аристократія, которая въ настоящее время находится въ жалкомъ упадкѣ.

Мы приходимъ здѣсь какъ бы къ логическому кругу. Для того, чтобы поднять умственную аристократію, нужна правильно поставленная школа, а для того, чтобы поднять школу, нужна умственная аристократія, стоящая на высотѣ своего призванія. Гдѣ же изъ этого выходъ? Онъ лежитъ единственно въ неудержимомъ ходѣ исторіи, направляющей человѣчество къ высшей цѣли его существованія, съ участіемъ человѣческой воли, но по законамъ, стоящимъ выше человѣческой воли и вытекающимъ изъ самой природы духа.

Изслѣдованію этого процесса будетъ посвящена слѣдующая книга.

КНИГА ПЯТАЯ.

Историческое развитіе.

ГЛАВА I.

Понятіе о развитіи.

Исторія представляетъ преемственный процессъ, переходящій отъ поколѣнія къ поколѣнію. Каждое изъ нихъ, получая матеріальное и умственное наслѣдіе своихъ отцовъ, умножаетъ его собственною работой и передаетъ дѣтямъ. Такимъ образомъ, добытое предками становится прочнымъ достояніемъ потомства.

Этотъ процессъ не идетъ однако непрерывнымъ ходомъ. Иногда внѣшнія дикія силы разрушаютъ плоды многовѣковаго преемственнаго просвѣщенія. Такъ было въ Европѣ при нашествіи варваровъ. Обыкновенно эти перевороты подготовляются внутреннимъ разложеніемъ общества, подтачивающимъ его силы и черезъ то дѣлающимъ его неспособнымъ противостоять внѣшнему натиску. Это и случилось съ Греками и Римлянами. Однако этимъ не уничтожается умственное наслѣдіе человѣчества. Оно усвоивается другими народами, которые снова умножаютъ его своею работой и передаютъ нарождающимся поколѣніямъ. Нынѣ мы пользуемся плодами трудовъ Грековъ и Римлянъ, хотя эти племена давно исчезли съ лица земли. Умственное ихъ наслѣдіе перешло въ плоть и кровь новыхъ народовъ и сдѣлалось источникомъ новаго высшаго развитія жизни.

Всѣ эти явленія приводятъ насъ къ понятію о постепенномъ совершенствованіи человѣческаго рода. Мы несомнѣнно богаче, нежели древніе, и наше богатство идетъ возрастая. Современная наука безспорно стоитъ выше, нежели у древнихъ, и знаніе точно также идетъ возрастая. Такимъ образомъ, передъ нами открывается путь, которому не предвидится конца. Человѣческій разумъ, изощряясь, болѣе и болѣе расширяетъ область познанія и покоряетъ себѣ природу. Конечно,

при ограниченности человѣческихъ средствъ, полнота и совершенство въ томъ и другомъ отношеніи никогда не могутъ быть достигнуты. Идеальная цѣль лежитъ въ безконечности; но человѣчество можетъ постепенно къ ней приближаться. Отсюда взглядъ на исторію, какъ на безконечный прогрессъ, выработанный преимущественно философами XVIII-го вѣка.

Однако, это количественное опредѣленіе далеко недостаточно. Оно не объясняетъ періодовъ упадка, часто происходящаго не отъ внѣшнихъ, а отъ внутреннихъ причинъ. Оно не выясняетъ и взаимныхъ отношеній различныхъ сторонъ духовнаго процесса. Наконецъ, въ самомъ развитіи разума, все, при этомъ взглядѣ, ограничивается формальнымъ умноженіемъ знанія, безъ опредѣленія его содержанія, тогда какъ послѣднее играетъ въ исторіи важнѣйшую роль. Человѣкъ познаетъ не только внѣшнюю природу, но и самого себя, тѣ внутреннія силы, которыя лежатъ въ глубинѣ его духа. Постепенное выясненіе этихъ внутреннихъ началъ, приведеніе ихъ къ самосознанію и устройство на этомъ основаніи человѣческой жизни,—таково существенное содержаніе исторіи. Не стремленіе къ совершенству, какъ думали мыслители прошлаго вѣка, а *углубленіе въ себя* составляетъ истинный ея смыслъ и руководящее ею начало. Въ этомъ состоитъ *развитіе*, понятіе основное и для органическаго міра и для духовной жизни.

Въ этомъ понятіи сочетаются разныя опредѣленія. Изъ самаго его смысла очевидно, что оно представляетъ переходъ въ *дѣйствительность*, или въ дѣятельное состояніе, того, что заключалось въ *возможности*, или въ потенціальномъ состояніи. Но здѣсь это совершается не подъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ, а дѣйствіемъ внутренняго начала, составляющаго самую природу даннаго существа, которое стремится проявить во внѣшнемъ мірѣ всю полноту заключающихся въ немъ опредѣленій. А такъ какъ осуществленіе въ дѣйствительности совокупности жизненныхъ опредѣленій составляетъ *цѣль* прогресса, то развитіе есть цѣлесообразный процессъ, переводящій внутреннюю природу даннаго существа изъ потенціальнаго состоянія въ дѣятельное, при взаимнодѣйствіи съ окружающею средой.

Этимъ внутреннимъ, цѣлесообразно дѣйствующимъ началомъ развитіе отличается отъ чисто механическихъ процессовъ, которые сами по себѣ не представляютъ никакой цѣлесообразности, и если подчиняются какимъ-либо цѣлямъ, то послѣднія остаются для нихъ внѣшними, почему и направляющая къ нимъ сила является для нихъ посторонней. Машины служатъ цѣлямъ человѣка; но не онѣ сами развиваются въ виду этой цѣли, а человѣкъ ихъ строитъ и направляетъ. Въ природѣ, цѣлесообразно дѣйствующія силы встрѣчаются только въ

организмахъ, почему къ нимъ только и прилагается понятіе о развитіи. Каждая единичная особь, растительнаго или животнаго царства, представляетъ тому примѣръ.

Въ сѣмени, въ потенціальномъ состояніи заключается уже все будущее растеніе. Въ силу присущаго ему дѣятельнаго начала, оно претворяетъ въ себя окружающій его матеріалъ и такимъ образомъ развивается въ цѣльную единичную особь, имѣющую опредѣленное строеніе и свойства, именно эти, а не какія-либо другія, каково бы ни было различіе внѣшнихъ условій. Строеніе и свойства, образующія извѣстный *типъ*, вполнѣ уже заключаются въ сѣмени, нисколько не завися отъ окружающихъ условій, которыя могутъ только способствовать или задерживать развитіе, дать преобладаніе тому или другому признаку, но не въ состояніи измѣнить самаго типа. Изъ сѣмени осины всегда произойдетъ осина, а никогда береза, въ какую бы среду оно ни было поставлено. Производимый человѣкомъ искусственный подборъ, дѣйствуя въ теченіи многихъ поколѣній, видоизмѣняетъ типъ лишь въ томъ отношеніи, что все большій и большій перевѣсъ дается тому или другому признаку; какъ же скоро это искусственное направленіе прекращается и растеніе предоставляется дѣйствію естественныхъ силъ, такъ оно возвращается къ своему естественному типу.

Такимъ образомъ, результатомъ развитія является воспроизведеніе типа, заключающагося въ сѣмени. Какъ скоро типъ проявился во всей своей полнотѣ, такъ дальнѣйшее развитіе прекращается. Этотъ результатъ составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, направляющее начало всего процесса, то-есть, *цѣль* развитія. Самый процессъ имѣетъ *цѣлесообразный* характеръ: онъ состоитъ въ развитіи опредѣленныхъ *органовъ* для извѣстныхъ *отправленій* организма; отношеніе же органовъ и отправленій есть отношеніе цѣли и средствъ. Слѣдовательно, и съ этой стороны развитіе есть цѣлесообразный процессъ, или явленіе внутренней, цѣлесообразно дѣйствующей силы, которая, по присущимъ ей законамъ, создаетъ органы для отправленій цѣлесообразно устроеннаго организма. Ничего подобнаго механическія и химическія силы намъ не представляютъ. Развитіе составляетъ исключительную принадлежность существа одареннаго *жизнью*, то-есть, находящагося въ цѣлесообразномъ взаимодѣйствіи съ окружающею средой. Завершеніемъ этого органическаго процесса является произведеніе новаго сѣмени, совершенно подобнаго прежнему, изъ котораго, въ свою очередь, развивается новая особь совершенно того же типа. Старая, достигши полноты своего развитія, умираетъ, а новая заступаетъ ея мѣсто. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же типъ сохраняется непрерывно въ рядѣ смѣняющихся поколѣній. Одна и таже цѣлесообразно

дѣйствующая сила переходитъ отъ потенціальнаго состоянія въ дѣятельное и затѣмъ обратно, изъ дѣятельнаго состоянія въ потенціальное, составляющее начало новой особи.

Тотъ же процессъ повторяется и въ животномъ царствѣ. Въ человѣкѣ, параллельно съ нимъ идетъ и духовное развитіе. Въ появившемся на свѣтъ ребенкѣ духовныя способности находятся въ зачаточномъ видѣ, въ состояніи слитности; съ физическимъ развитіемъ организма развиваются и онѣ, изощряясь въ цѣлесообразной дѣятельности. Онѣ позднѣе, нежели тѣло, достигаютъ зрѣлости; затѣмъ, со старостью онѣ слабѣютъ и наконецъ исчезаютъ съ разрушеніемъ тѣла. Составляетъ ли это исчезновеніе конечный предѣлъ существованія человѣка или присущая ему единичная духовная сила, составляющая его *я*, съ разложеніемъ тѣла возвращается въ потенціальное состояніе, съ тѣмъ чтобы потомъ опять возродиться къ новой жизни, объ этомъ мы фактически ничего не знаемъ. Мы можемъ только дѣлать объ этомъ заключеніе изъ свойствъ человѣческой особи и изъ назначенія человѣка. Исходя отъ начала развитія, мы не можемъ не признать, что, въ отличіе отъ физическихъ организмовъ, духовное развитіе человѣческой особи не исчерпываетъ ея содержанія. Человѣческая мысль, чувство и воля идутъ далеко за предѣлы преходящаго земнаго бытія. Если нормальное развитіе, не прерванное случайностями, состоитъ въ достиженіи полноты существованія, то человѣку эта полнота не дается: онъ на землѣ не достигаетъ своего назначенія, изъ чего можно заключить, что земною жизнью не исчерпывается его существованіе, и что онъ предназначенъ для инаго, высшаго бытія. Это заключеніе подтверждается свойствами единичной субстанціи, представляющей недѣлимое, а потому не подлежащее разложенію цѣлое, духовный атомъ, а также и требованіями, вытекающими изъ нравственнаго закона. Оно составляетъ общее убѣжденіе человѣчества, которое отвергается только одностороннимъ матеріализмомъ.

Но развитіе не ограничивается отдѣльною особью. Даже въ органическомъ мірѣ, если мы взглянемъ на совокупность растительнаго или животнаго царства, мы не можемъ не замѣтить постепеннаго перехода отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе и болѣе сложнымъ, отъ менѣе совершенныхъ къ болѣе совершеннымъ, понимая подъ именемъ совершенства согласіе въ разнообразіи, то-есть, раздѣленіе органовъ и отправленій и подчиненіе ихъ общему средоточію. Съ этой точки зрѣнія, всѣ организмы распредѣляются по іерархической лѣствицѣ, на вершинѣ которой стоитъ человѣкъ. Различные роды и виды растеній и животныхъ распредѣляются на ней по группамъ и ступенямъ, между которыми являются переходныя формы, но есть и мно-

гочисленные скачки. Въ общемъ итогѣ, органическій міръ представляетъ цѣльную систему цѣлесообразно устроенныхъ и постепенно совершенствующихся формъ. Процессъ развитія, которымъ опредѣляется ростъ отдѣльной особи, повторяется и въ цѣломъ. А потому мы и здѣсь должны признать присутствіе цѣлесообразно дѣйствующей силы, которая постепенно производила этотъ рядъ организмовъ и завершилась наконецъ созданіемъ человѣка, представляющаго явленіе новой, высшей силы духовной.

Естественный выводъ, который можно сдѣлать изъ этой картины, состоитъ въ томъ, что всѣ эти организмы произошли одинъ отъ другаго путемъ постепеннаго совершенствованія. Такова именно была теорія, которую въ началѣ нынѣшняго вѣка развивали въ Германіи натуръ-философы, а во Франціи Ламаркъ и его послѣдователи. Противъ нея есть однако существенное фактическое возраженіе: въ дѣйствительности мы не видимъ превращенія однихъ органическихъ формъ въ другія; напротивъ, мы совершенно достовѣрно знаемъ, въ предѣлахъ нашего опыта, что разъ установившійся типъ не измѣняется ни въ какой другой, и если онъ искусственно получаетъ одностороннее развитіе, то, предоставленный себѣ, онъ возвращается къ своей естественной формѣ. Новѣйшія попытки устранить это возраженіе признаніемъ безконечно длинныхъ періодовъ времени, въ теченіи которыхъ постепенно накопляются незамѣтныя перемѣны, тѣмъ менѣе могли утвердить теорію превращенія на прочныхъ основахъ, что самая причина, производящая эти перемѣны, та внутренняя сила, которая лежитъ въ основаніи развитія, не была не только изслѣдована, но даже указана. Ее старались просто обойти, замѣнивъ ее чисто механическимъ дѣйствіемъ борьбы за существованіе, въ которой побѣждаютъ особи, наиболѣе приспособленныя къ окружающимъ условіямъ. Приспособленность же сводится къ фактическому началу измѣнчивости организмовъ: предполагается, что хотя бы ничтожныя, но выгодныя для организма перемѣны даютъ лишній шансъ въ борьбѣ за существованіе и сохраняющимися въ живыхъ особями передаются потомственно; постепенное же накопленіе перемѣнъ производитъ наконецъ полное превращеніе типа. Но въ дѣйствительности измѣнчивость организмовъ держится въ тѣсныхъ предѣлахъ даннаго типа и всегда къ нему возвращается; признаніе неограниченной измѣнчивости есть чисто произвольная гипотеза. Такъ же произвольно и распространеніе мелкихъ перемѣнъ на громадные періоды времени, придуманные для того, чтобъ объяснить отсутствіе фактовъ: искусственный подборъ, на который ссылаются послѣдователи этой теоріи, дѣйствуетъ несравненно быстрѣе, а природа, по ихъ собственному призна-

нію, владѣетъ безконечно бóльшими силами, нежели человѣкъ. Наконецъ, начало приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ само по себѣ не ведетъ къ высшему развитію; напротивъ, чѣмъ сложнѣе и совершеннѣе организмъ, тѣмъ болѣе онъ требуетъ утонченныхъ, слѣдовательно болѣе рѣдкихъ условій для своего существованія. Наиболѣе приспособлены ко всѣмъ измѣняющимся условіямъ среды вовсе не высшіе, а именно низшіе организмы. Они же и размножаются несравненно быстрѣе. Слѣдовательно, и качественно и количественно, они имѣютъ наиболѣе шансовъ на существованіе, а потому должны получить перевѣсъ въ борьбѣ.

Чтобы побѣдить всѣ эти невыгоды, нужна внутренняя, движущая причина развитія, возводящая организмы на высшія и высшія ступени, до тѣхъ поръ пока наконецъ она достигнетъ своего предѣла. Эта внутренняя цѣлесообразно дѣйствующая сила раскрывается намъ въ развитіи единичнаго существа. Если мы пріобрѣтенное этимъ путемъ понятіе о развитіи приложимъ къ совокупности организмовъ, то и здѣсь мы должны признать цѣлесообразно дѣйствующую силу природы, которая постепенно произвела различные типы, восходя все выше и выше, до тѣхъ поръ, пока не было достигнуто совершенство органической жизни въ существѣ, способномъ быть носителемъ новой, высшей жизни духовной. Въ отличіе отъ силы, дѣйствующей въ единичномъ организмѣ, эта общая сила не ограничивается воспроизведеніемъ даннаго строенія. Производя все новые и новые типы, она является *творческою*; но это твореніе не извнѣ, а извнутри. Постепенно совершенствующійся рядъ цѣлесообразно устроенныхъ организмовъ раскрываетъ намъ законъ развитія этой силы; мы замѣчаемъ тутъ общій планъ и постепенность переходовъ. Но какимъ путемъ она дѣйствовала, незамѣтнымъ ли превращеніемъ однихъ организмовъ въ другіе, или скачками, производя новые типы изъ зачаточнаго состоянія, объ этомъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія, ибо при существующихъ условіяхъ ничего подобнаго уже не совершается. Разъ созданные и упроченные типы не носятъ въ себѣ никакихъ началъ дальнѣйшаго развитія. Они держатся въ данныхъ предѣлахъ, колеблясь немного въ ту и другую сторону, но постоянно возвращаясь къ среднему состоянію. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для построенія научной гипотезы, а фантастическія гипотезы должны быть изгоняемы изъ науки.

Совершенно иное представляетъ намъ развитіе духа. И тутъ процессъ восхожденія отъ низшей ступени къ высшей не ограничивается единичною особью, а обнимаетъ цѣлые народы и даже все человѣчество. Но здѣсь самый способъ перехода отъ одной ступени къ дру-

гой намъ достовѣрно извѣстенъ. Всѣ люди находятся или могутъ находиться въ духовномъ общеніи другъ съ другомъ; умственное наслѣдіе одного поколѣнія усвоивается другимъ и умноженное передается далѣе. Для этого не нужно даже непосредственнаго общенія; дѣятельность духа оставляетъ по себѣ матеріальные слѣды, изъ которыхъ познаются руководившія имъ начала. Литературные и художественные памятники древности послужили источникомъ новой духовной жизни, когда создавшіе ихъ народы давно перестали существовать. Этимъ способомъ духовное наслѣдіе переходитъ отъ одного народа къ другому и становится прочнымъ достояніемъ человѣчества.

Изъ этихъ явленій неотразимо вытекаетъ понятіе о совокупной, преемственно переходящей духовной жизни всего человѣчества, слѣдовательно о единомъ духѣ, развивающемъ изнутри себя полноту своихъ опредѣленій въ послѣдовательномъ движеніи всемірной исторіи. Всѣ народы, съ этой точки зрѣнія, представляются членами единаго духовнаго цѣлаго, а отдѣльныя лица дѣятелями въ общемъ духовномъ процессѣ. Такова именно была теорія, выработанная нѣмецкою философіей въ первой четверти нынѣшняго вѣка.

Первоначально, въ школѣ натуръ-философовъ, это духовное развитіе было подведено подъ одну категорію съ развитіемъ органическимъ. Ему дано было названіе *эволюціи*, при чемъ постепенность эволюціоннаго движенія противополагалась революціоннымъ переломамъ жизни. Но болѣе глубокое пониманіе историческаго процесса выяснило, что онъ совершается не только путемъ постепеннаго органическаго роста, но и путемъ сознательной борьбы. Эта борьба происходитъ, какъ между односторонними направленіями, раздѣляющими современность, такъ и между смѣняющими другъ друга началами, старымъ и новымъ, при чемъ побѣждаетъ то, которое имѣетъ за себя наибольшую духовную силу и носитъ въ себѣ высшія начала духовной жизни, а потому способно возвесть человѣчество на высшую ступень. Это — развитіе не *органическое*, а *діалектическое*, направляемое законами разума.

Этотъ взглядъ на исторію, выработанный главнымъ образомъ Гегелемъ и его послѣдователями, не былъ, однако, приложенъ къ явленіямъ съ достаточною точностью и осмотрительностью. Основная мысль была глубокая и вѣрная, но построеніе было ложное. Діалектическій законъ требовалъ выдѣленія противоположностей изъ первоначальнаго единства и затѣмъ сведенія послѣднихъ къ новому, высшему единству. Это высшее, конечное единство Гегель видѣлъ въ христіанствѣ; поэтому онъ всю новую исторію, совокупно съ средневѣковою, понималъ какъ постепенное развитіе христіанскихъ началъ, при чемъ главными дѣятелями въ этомъ процессѣ онъ считалъ Германцевъ;

среднее же звено исторіи, представляющее противоположность элементовъ, онъ отнесъ къ римскому міру. Такое построеніе было несогласно съ фактами. Противоположность основныхъ элементовъ человѣческаго развитія, религіознаго и свѣтскаго, церковнаго и гражданскаго, является, напротивъ, характеристическимъ признакомъ среднихъ вѣковъ; Римская же имперія представляла послѣднюю, унаслѣдованную отъ древности связь стремящихся врозь противоположностей, съ паденіемъ которой противоборствующіе элементы выступили во всей своей рѣзкости. Въ связи съ этимъ невѣрнымъ построеніемъ находится и преувеличенная роль, предоставленная Германцамъ. Они, дѣйствительно, были преобладающимъ элементомъ въ средніе вѣка; но въ новой исторіи, съ возвращеніемъ къ началамъ древняго міра, они остались однимъ изъ существенныхъ факторовъ исторической жизни, однако отнюдь не первенствующимъ, а стоящимъ на ряду съ другими.

Исправить эти недостатки, очевидно, можно было только внимательнымъ изученіемъ фактовъ и стараніемъ свести ихъ къ общимъ законамъ. Такова именно была задача реализма. Но послѣдній, отвергнувъ метафизическія системы, которыя строили исторію сверху, исходя отъ апріорныхъ началъ, въ свою очередь впалъ въ противоположную и еще худшую односторонность. Начавши снизу, онъ отрицалъ всякую метафизику, какъ незаконное проявленіе мысли, между тѣмъ какъ именно метафизическія начала составляютъ главнѣйшее содержаніе историческаго развитія. Огюстъ Контъ пытался даже построить на этомъ отрицаніи цѣлую историческую систему. Онъ признавалъ послѣдовательность періодовъ богословскаго, метафизическаго и положительнаго основнымъ закономъ историческаго развитія человѣчества. Богословское воззрѣніе, по его теоріи, составляетъ принадлежность младенческаго состоянія мысли, когда, вмѣсто изслѣдованія фактическихъ законовъ, она приписываетъ всѣ явленія природы непосредственному дѣйствію высшихъ существъ. Метафизика представляетъ уже выходъ изъ этого первобытнаго міросозерцанія: фантастическія существа замѣняются отвлеченными сущностями. Но послѣднія имѣютъ столь же мало реальнаго значенія, какъ и первыя, а потому, съ большею зрѣлостью мысли, и онѣ отвергаются: человѣкъ ограничивается изслѣдованіемъ фактическихъ законовъ, не пытаясь постигнуть первоначальныя и конечныя причины бытія, недоступныя его пониманію. Такова точка зрѣнія положительной философіи.

Это реалистическое построеніе исторіи страдаетъ тѣмъ же отвлеченнымъ схематизмомъ, въ которомъ оно упрекаетъ метафизику. Въ дѣйствительности, мы такого закона не находимъ; чтобы провести его въ исторіи, надобно извратить всѣ явленія, что и дѣлалъ Контъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы уже видѣли, что древняя мысль перешла отъ богословской точки зрѣнія къ метафизической и затѣмъ къ положительной, но потомъ опять вернулась отъ положительнаго воззрѣнія къ метафизическому и наконецъ отъ метафизическаго къ богословскому. Слѣдовательно, это законъ мнимый, идущій наперекоръ историческимъ фактамъ *).

Позднѣйшіе реалисты и не пытались его поддерживать. Подобно Конту отвергая метафизику, они старались, стоя на чисто фактической почвѣ, свести всѣ явленія развитія къ общимъ законамъ бытія, раскрываемымъ эмпирическою наукою. Главная попытка въ этомъ родѣ принадлежитъ Спенсеру. Понятіе о развитіи онъ замѣняетъ заимствованнымъ у метафизиковъ терминомъ *эволюція*; самый же процессъ сводится къ *интеграціи* и *дифференціаціи*, то-есть, количественному соединенію при качественномъ раздѣленіи. Интеграціи подвергается матерія, что сопровождается разсѣяніемъ присущаго ей движенія, а уменьшеніе внутренняго движенія влечетъ за собою обособленіе разнороднаго, подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, дѣйствующихъ въ увеличивающейся прогрессіи, ибо каждая причина порождаетъ многія слѣдствія и каждое слѣдствіе, въ свою очередь, становится причиною. Подъ эти общія начала подводятся всѣ явленія мірозданія. Причины же приводятся исключительно механическія; всякая извнутри дѣйствующая, а тѣмъ болѣе цѣлесообразная сила отвергается. Такимъ образомъ, весь міръ представляется чистымъ механизмомъ. Но дошедши до крайнихъ предѣловъ, этотъ процессъ смѣняется обратнымъ: за эволюціей слѣдуетъ *диссолюція*, выражающаяся въ дизинтеграціи матеріи съ поглощеніемъ движенія, опять же вслѣдствіе дѣйствія внѣшнихъ силъ, при чемъ различія сглаживаются и возстановляется однородная масса. Въ постоянной смѣнѣ періодовъ эволюціи и диссолюціи состоитъ, по мнѣнію Спенсера, весь процессъ бытія.

Что эта совершенно безсмысленная смѣна безсмысленныхъ процессовъ представляетъ не болѣе какъ чистую фантазію, объ этомъ не нужно много распространяться. Соединеніе и раздѣленіе суть дѣйствія, которыя можно найти во всемъ на свѣтѣ. Обозрѣвая совокупность явленій, легко подобрать сколько угодно примѣровъ интеграціи и дифференціаціи и столько же можно подобрать примѣровъ противнаго. Изъ этого ровно ничего не выдетъ, кромѣ совершенно произвольныхъ построеній. Внѣшними механическими причинами, во всякомъ случаѣ, развитіе не объясняется, и самъ Спенсеръ, воздвигнувъ свою

*) Болѣе подробный разборъ этой теоріи см. въ моемъ сочиненіи: *Положительная философія и единство науки.*

воздушную систему, заявляетъ, что при всемъ томъ, остается совершенно непонятнымъ, почему изъ двухъ яицъ, положенныхъ подъ одну насѣдку, выходитъ изъ одного цыпленокъ, а изъ другаго утенокъ. Это, говоритъ онъ, загадка, неразрѣшимая при настоящемъ состояніи человѣческаго знанія. А между тѣмъ, именно, въ этой загадкѣ заключается вся тайна развитія. Въ такъ называемой эволюціи для этого понятія нѣтъ мѣста. Эволюція есть терминъ, заимствованный у философовъ, но лишенный всякаго точнаго смысла, а потому приложимый ко всему на свѣтѣ. Еще менѣе въ этой системѣ есть мѣсто для развитія духовнаго. Въ основаніе эволюціи полагается интеграція матеріи съ разсѣяніемъ движенія: слѣдовательно, вся теорія покоится на матеріалистической почвѣ; о духовной дѣятельности нѣтъ рѣчи *).

Реализмъ, отрицающій метафизику, вообще неспособенъ не только объяснить начало развитія, но и отличить его отъ другихъ процессовъ, совершающихся въ мірѣ. Только универсализмъ, обнимающій совокупность началъ бытія и все разнообразіе явленій, можетъ указать мѣсто и значеніе каждаго въ общей системѣ міровыхъ силъ. Мы видѣли, что развитіе слѣдуетъ строго отличать отъ всякихъ механическихъ процессовъ соединенія и раздѣленія. Оно непосредственно связано съ началомъ *жизни*; источникомъ его служитъ цѣлесообразно дѣйствующая сила, которая подчиняетъ себѣ внѣшній матеріалъ и въ немъ раскрываетъ свои внутреннія опредѣленія. Вслѣдствіе этого, при однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ, изъ двухъ яицъ выходятъ два совершенно разныхъ животныхъ. Эта живая, цѣлесообразно дѣйствующая сила, которая сама создаетъ свой организмъ при постоянномъ взаимодѣйствіи съ окружающею средой, называется *душою*. Это метафизическое понятіе находитъ полное приложеніе въ явленіяхъ органической жизни.

Но мы видѣли, что явленія этой силы не ограничиваются единичною особью. Она переходитъ изъ одного поколѣнія въ другое, при постоянно возобновляющейся смѣнѣ потенціальнаго состоянія и дѣятельнаго. Изъ сѣмени выростаетъ дерево, которое даетъ новое сѣмя, выростающее опять въ дерево. Тоже происходитъ и въ животномъ царствѣ. Слѣдовательно, единичная органическая душа есть только частное явленіе болѣе общей силы, дѣйствующей въ цѣломъ рядѣ смѣняющихся поколѣній. Если мы признаемъ, что весь органическій міръ развился изъ первоначальной протоплазмы, то мы должны будемъ

*) Болѣе подробный разборъ теоріи Спенсера см. въ моемъ сочиненіи: *Собственность и Государство*, ч. II, кн. 3, гл. 6.

этой жизненной силѣ придать еще болѣе общее значеніе, признавъ ее началомъ и источникомъ всего органическаго процесса. Къ этому и приводитъ дарвинизмъ, который затемняетъ только безсознательно заключающееся въ немъ понятіе признаніемъ основными факторами процесса измѣнчивость организма и борьбу за существованіе. Измѣнчивость организма не идетъ далѣе присущей ему силы. Какъ бы ни были благопріятны внѣшнія условія, ничего не выйдетъ, если нѣтъ силы способной произвести данное измѣненіе. Признавши измѣнчивость безграничную, хотя бы въ безконечномъ рядѣ поколѣній, мы должны необходимо признать существованіе силы, способной произвести всѣ эти измѣненія и возвести организмъ отъ зачаточной формы до самой высшей ступени развитія. Борьба за существованіе можетъ только содѣйствовать процессу или его замедлить, но не она его производитъ. Какой бы теоріи мы ни держались, трансформизма или творенія, дѣйствующаго извнутри по извѣстному плану, мы все-таки должны придти къ понятію о единой творческой силѣ, лежащей въ основаніи процесса и произведшей цѣлый рядъ организмовъ, отъ низшихъ ступеней до высшихъ, то-есть, мы должны признать существованіе общей души, проявляющейся въ рядѣ органическихъ формъ и одаренныхъ жизнью существъ.

Древніе философы, понимая вселенную какъ единое, живое цѣлое, разсматривали ее какъ одушевленное животное, и съ этой точки зрѣнія приходили къ понятію о міровой душѣ. Сравнивая это понятіе съ явленіями, которыя раскрываются опытными науками, мы должны сказать, что оно вовсе не примѣнимо къ дѣйствію механическихъ и химическихъ силъ, но находитъ приложеніе въ области органической жизни. Происхожденіе и развитіе организмовъ въ ихъ совокупности мы не можемъ объяснить иначе, какъ присутствіемъ творческой, цѣлесообразно дѣйствующей силы, дающей форму и жизнь органическому строенію и возводящей единичныя свои созданія отъ низшихъ, простѣйшихъ ступеней до самыхъ высокихъ и сложныхъ. Эта общая проявляющаяся въ органическомъ мірѣ жизненная сила составляетъ низшую ступень *духа*. Поэтому и предѣлъ ея лежитъ тамъ, гдѣ начинается процессъ сознающаго себя духа. Произведши человѣка, общая органическая сила природы достигаетъ конечной своей цѣли, съ чѣмъ вмѣстѣ всякое дальнѣйшее движеніе прекращается и всѣ произведенныя на свѣтъ органическія формы затвердѣваютъ въ своемъ опредѣленномъ, частномъ бытіи. Таковъ логическій выводъ, который мы должны сдѣлать изъ имѣющихся у насъ фактическихъ данныхъ.

По формѣ, духовное развитіе сходно съ органическимъ. Духъ нача-

гаетъ свои внутреннія опредѣленія въ цѣлесообразномъ процессѣ, при взаимодѣйствіи съ внѣшнею природой. И здѣсь это взаимодѣйствіе составляетъ только внѣшнее условіе, ускоряющее или задерживающее развитіе, дающее преобладаніе тому или другому элементу; но не оно опредѣляетъ содержаніе развитія. Духъ покоряетъ себѣ природу и дѣлаетъ ее орудіемъ своихъ собственныхъ цѣлей. Эти цѣли онъ черпаетъ изъ самого себя; ими онъ существенно отличается отъ всего органическаго міра. Въ послѣднемъ высшую цѣль процесса составляетъ все-таки органическая жизнь единичной особи; къ ней приспособлены всѣ развивающіеся органы и отправленія. Жизнь можетъ быть болѣе или менѣе полна и разнообразна; чисто органическія отправленія, питаніе, дыханіе, оплодотвореніе, могутъ сопровождаться чувствомъ, внѣшнею впечатлительностью и самопроизвольнымъ движеніемъ; но все же конечною цѣлью остается индивидуальная органическая жизнь. Замѣчательно, что среди животныхъ совокупная жизнь обществами, съ подчиненіемъ отдѣльныхъ особей общему строю, встрѣчается именно на низшихъ ступеняхъ, у пчелъ и у муравьевъ. Животныя съ наиболѣе совершеннымъ строеніемъ, позвоночныя и въ особенности млекопитающія, живутъ въ-одиночку, и если соединяются въ стада, то безъ всякаго совокупнаго строя: каждая особь живетъ для себя; взаимодѣйствія, протекающаго изъ раздѣленія труда, нѣтъ никакого. На самыхъ высокихъ своихъ ступеняхъ органическая жизнь не идетъ далѣе матеріальнаго удовлетворенія единичнаго организма.

Совершенно иное содержаніе духовнаго развитія. Съ покореніемъ природы, матеріальная жизнь человѣка, безъ сомнѣнія, обогащается новыми средствами; но не въ нихъ заключается существо человѣческаго развитія, а въ тѣхъ духовныхъ, метафизическихъ началахъ, которыя сознаются и осуществляются въ историческомъ процессѣ. Эти начала суть изложенные выше духовные интересы человѣческихъ обществъ: религія, наука, искусство, право, нравственность, государственная и общественная жизнь. Къ этому присоединяется и покореніе природы, какъ средство для осуществленія духовныхъ цѣлей. Эти начала не ограничиваются уже единичнымъ существомъ, а составляютъ общее достояніе всѣхъ; они развиваются совокупными силами, при живомъ духовномъ взаимодѣйствіи единичныхъ особей, въ преемственномъ рядѣ поколѣній, передающихъ другъ другу общее духовное наслѣдіе. Этотъ духовный элементъ связываетъ въ одно живое цѣлое не только одновременно живущія единицы, но и всѣ прошедшія и будущія. Всѣ онѣ составляютъ живыя звенья единой связывающей ихъ цѣпи; всѣ онѣ являются участниками совокупнаго процесса, въ которомъ проявляется общая, цѣлесообразно дѣйствующая сила. Эта сила и есть

духъ, развивающій свои опредѣленія въ исторіи человѣчества. Общая сила, присущая органическому міру, находится въ послѣднемъ еще на низшей ступени, въ безсознательномъ состояніи; въ духѣ она просвѣтляется сознаніемъ и свободою. Это—высшая форма, какой достигаетъ совокупное, извнутри дѣйствующее, цѣлесообразное начало, составляющее вѣнецъ бытія.

Эта совокупная сила, которая служитъ связующимъ элементомъ человѣческихъ обществъ, не существуетъ помимо отдѣльныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ въ той частной формѣ, въ какой она проявляется въ земномъ существованіи человѣчества. Она имъ присуща; она живетъ и дѣйствуетъ въ нихъ и черезъ нихъ; сознаніе и воля составляютъ принадлежность единичнаго лица. Но являясь носителемъ общаго начала, лице не становится чрезъ это чистымъ его орудіемъ или преходящимъ моментомъ совокупнаго процесса. Лице не происходитъ отъ развивающагося въ человѣчествѣ общаго духа, а имѣетъ свое самостоятельное существованіе. Оно причастно общему процессу, но мѣстною и временною ролью, которую онъ въ немъ играетъ, не исчерпывается его содержаніе и его назначеніе. Какъ носитель сознанія абсолютнаго, человѣкъ имѣетъ высшее призваніе, уносящее его за предѣлы частнаго земнаго существованія. Онъ дѣйствуетъ, какъ орудіе земнаго духа, для высшихъ его цѣлей, но дѣйствуетъ по собственному, внутреннему самоопредѣленію, сознательно и свободно. Въ этомъ состоитъ высокое его достоинство; въ этомъ состоитъ и высокое достоинство самаго процесса. Духъ сознанія и свободы развиваетъ свои опредѣленія чрезъ свободныя лица, которыя сами опредѣляютъ себя къ дѣятельности и осуществляютъ то, что они считаютъ благомъ.

Съ другой стороны, эта совокупная сила есть дѣйствительная, живая сила, присущая лицамъ, а не только отвлеченное понятіе, выражающее ихъ отношеніе, или законъ ихъ взаимнодѣйствія. Всякое взаимнодѣйствіе предполагаетъ общій элементъ, въ силу котораго совершается воспріятіе и сообщеніе дѣйствія. Если люди понимаютъ другъ друга, то это обнаруживаетъ присутствіе въ нихъ общаго разума, съ тождественными законами и опредѣленіями. Духовное общеніе возможно только на общей почвѣ. И этотъ совокупный элементъ, связывающій отдѣльныя лица, не ограничивается настоящимъ; онъ обнаруживаетъ постоянство во времени. Понятія, чувства и стремленія одного поколѣнія передаются другому, даже не связанному съ нимъ естественною связью, просто въ силу духовнаго усвоенія. Они передаются не какъ внѣшній только придатокъ, подобно матеріальнымъ благамъ, а какъ начала, опредѣляющія самыя внутреннія свойства и духовную жизнь людей. Отсюда образуется живая преемственная

связь, которая извѣстныя группы людей дѣлаетъ постоянными, развивающимися во времени единицами, подобно отдѣльной особи. Таковы народы. Существованіе народовъ, съ ихъ особенными духовными свойствами, съ ихъ общею жизнью и общимъ развитіемъ, наглядно доказываетъ присутствіе въ отдѣльныхъ особяхъ общаго духовнаго, связующаго ихъ элемента, пребывающаго во времени и развивающагося изнутри себя, при взаимодѣйствіи съ другими. Отсюда возможность образовать изъ этихъ общихъ единицъ юридическія лица, облеченныя правами и обязанностями. Таковы государства. Сознаніе и воля все-таки принадлежатъ отдѣльнымъ особямъ, которыхъ самостоятельное значеніе не можетъ быть отрицаемо безъ нарушенія того, что̀ составляетъ самую духовную ихъ природу и что одно дѣлаетъ ихъ способными быть носителями духовныхъ началъ. Но рядомъ съ этимъ существуетъ и общій, связывающій ихъ элементъ, который дѣлаетъ ихъ членами одного цѣлаго, живущаго совокупною жизнью въ рядѣ смѣняющихся поколѣній. Въ силу этого общаго духовнаго элемента, народъ становится реальнымъ лицемъ, играющимъ роль въ исторіи. Если народъ не есть только отвлеченное понятіе, а реальная единица, то реальнымъ мы должны признать и тотъ общій духовный элементъ, который дѣлаетъ изъ него единое, пребывающее во времени цѣлое, имѣющее свои спеціальныя свойства и свою особенную жизнь. Такое же реальное бытіе имѣетъ и духовный элементъ, присущій всему человѣческому роду. Всякое частное явленіе предполагаетъ общее, проявляющееся въ немъ начало, менѣе конкретное, но болѣе широкое. Народы суть члены единаго человѣческаго рода; народный духъ есть частная форма общечеловѣческаго духа, проявляющагося въ совокупности народовъ и развивающагося въ общемъ историческомъ процессѣ. Будучи менѣе конкретнымъ, этотъ общій духъ не дѣлаетъ изъ человѣчества такое же организованное цѣлое, какимъ представляется народъ, устроенный въ государство. Онъ является только общею, свободною стихіей, присущею всѣмъ. Тѣмъ не менѣе, и тутъ есть и единство содержанія и единство развитія. Содержаніе составляютъ указанныя выше идеи, общія всѣмъ народамъ, религія, наука, искусство, право, нравственность. Принимая безконечно разнообразныя формы, онѣ составляютъ руководящія начала всей духовной жизни народовъ, какъ въ теоретической, такъ и въ практической области. Единство же развитія доказывается тѣмъ, что это достояніе передается въ преемственномъ порядкѣ отъ однихъ народовъ другимъ, образуя совокупный процессъ, управляемый общимъ закономъ. Начало исторической жизни зарождается на Востокѣ; въ Греціи заимствованные у Востока элементы перерабатываются

и возводятся на высшую ступень; завоевательный Римъ усвоиваетъ себѣ греческую цивилизацію и передаетъ ее новымъ народамъ, которые, въ свою очередь, перерабатываютъ и умножаютъ это общее достояніе человѣчества. Отъ Востока пришла и религія новаго времени — христіанство. Греческіе философы, съ своей стороны, подготовили классическіе народы къ ея воспріятію; черезъ это она сдѣлалась достояніемъ всѣхъ новыхъ народовъ, которые, представляя въ себѣ сочетаніе обоихъ элементовъ, греко-римскаго и христіанскаго, всецѣло стоятъ на почвѣ, подготовленной ихъ предшественниками, и разрабатываютъ далѣе полученное отъ нихъ наслѣдіе. Во всемъ этомъ несомнѣнно видна общая нить, идущая черезъ весь процессъ и связующая его въ одно живое цѣлое. При всемъ разнообразіи явленій, при всей видимой случайности событій, всемірная исторія представляетъ развитіе единаго духа, излагающаго въ ней свои внутреннія опредѣленія.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ два общихъ фактора историческаго развитія: общечеловѣческій и народный. Первымъ опредѣляется совокупный процессъ, вторымъ тѣ разнообразныя формы, которыя онъ принимаетъ въ дѣйствительности. Взаимное отношеніе этихъ двухъ началъ имѣетъ существенную важность для всей общественной жизни, въ устроеніи и развитіи которой народность играетъ первенствующую роль. Къ изслѣдованію этого отношенія мы теперь переходимъ.

ГЛАВА II.

Народность въ исторіи.

Мы уже разсматривали народность, какъ одинъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ общественной и политической жизни. Мы видѣли, что въ ней къ этнографическому элементу присоединяется духовный, извѣстный складъ ума, понятій и чувствъ, который вырабатывается въ историческомъ процессѣ, при взаимодѣйствіи съ окружающими условіями. Народность, какъ духовная единица, есть главнымъ образомъ продуктъ исторіи, однако не страдательный, а дѣятельный, ибо она сама является факторомъ историческаго процесса. Народъ, также какъ организмъ, будучи поставленъ въ извѣстныя условія, въ значительной степени самъ создаетъ свою исторію; онъ участвуетъ и въ созданіи исторіи человѣчества. Выведенное выше понятіе о развитіи, какъ постепенномъ осуществленіи опредѣленій, которыя кроются въ глубинѣ духа, приложимо и къ нему. Спрашивается: въ какомъ же отношеніи находится развитіе этой частной духовной силы къ совокупному процессу развитія человѣческаго рода?

Германская философія, вырабатывая понятіе о развитіи духа въ

послѣдовательномъ рядѣ ступеней, или моментовъ, признавала, что каждая историческая народность является выраженіемъ одной изъ этихъ ступеней. Въ этомъ полагалось ея историческое призваніе. Съ этой точки зрѣнія, Востокъ, въ своей совокупности, представляетъ первоначальную ступень слитнаго сознанія, погруженнаго въ общую теократическую стихію. Въ Греціи является первое пробужденіе свободы, еще не отдѣляющей себя отъ окружающаго міра и находящейся въ гармоническомъ единеніи съ цѣлымъ. Затѣмъ, въ Римѣ происходитъ разладъ: свобода единичнаго лица противополагаетъ себя цѣлому, вслѣдствіе чего развивается, съ одной стороны, частное право, основанное на личной свободѣ, съ другой стороны отвлеченная Имперія, обнимающая весь міръ. Наконецъ, въ христіанствѣ совершается примиреніе противоположныхъ началъ вѣрою въ единство человѣческаго естества и божественнаго; отсюда новое міросозерцаніе, носителемъ котораго являются Германцы.

Такимъ образомъ, для другихъ народовъ не оказалось мѣста въ новой исторіи. Мы уже видѣли несостоятельность этого построенія, которое, отрѣшаясь отъ фактическихъ данныхъ, значительно способствовало паденію философіи исторіи. Нельзя однако не признать, что высказанный здѣсь взглядъ на историческую народность, какъ на выраженіе извѣстнаго момента всемірнаго развитія, прилагается отчасти къ древнему міру. Дѣйствительно, восточные народы, достигнувъ извѣстной ступени развитія, какъ будто затвердѣваютъ на ней и остаются на вѣкъ неподвижны, напоминая собою тѣ органическіе типы, дальше которыхъ данная порода не идетъ. А съ другой стороны, классическіе народы, выработавъ изъ себя все, что могла дать древняя жизнь, исчезаютъ, какъ скоро историческое развитіе переходитъ на иную, высшую ступень. Самое христіанство не въ состояніи было ихъ обновить, какъ доказываетъ примѣръ Византіи, которая, принявъ христіанскую вѣру, просуществовала еще болѣе тысячелѣтія въ видѣ дряхлѣющаго тѣла, не носящаго въ себѣ никакихъ зачатковъ новой жизни, и наконецъ пала подъ ударами мусульманъ. Нужны были свѣжіе народы, для того чтобы проникнутая христіанствомъ цивилизація могла дать новые плоды.

Но всѣ эти явленія не даютъ намъ права возвести ихъ на степень общаго закона. Поражающій своею неподвижностью Востокъ въ ранніе эпохи своей исторіи переходилъ черезъ различныя фазы. Распространеніе буддизма и затѣмъ ислама составляютъ въ немъ крупныя событія, выходящія далеко за предѣлы отдѣльной народности и имѣвшія громадное вліяніе на его судьбы. И доселѣ онъ не сказалъ своего послѣдняго слова. Недавній примѣръ Японія доказываетъ, что и во-

сточные народы способны усвоить себѣ плоды европейскаго просвѣщенія и черезъ это пріобрѣсти новыя силы. Этотъ примѣръ тѣмъ назидательнѣе, что усвоеніе произошло не вслѣдствіе внѣшняго завоеванія или столкновеній съ иностранцами, а чисто по внутреннему почину, что указываетъ на присущее народу стремленіе къ высшему развитію. Это и составляетъ главное ручательство за будущее, хотя теперь еще трудно сказать, къ чему можетъ привести это новое движеніе.

Что касается до классическихъ народовъ, то паденіе ихъ объясняется тѣмъ, что самый историческій процессъ, которому они подверглись, былъ процессомъ разложенія, а не созиданія. Они представляли начальное единство духа, которое должно было уступить мѣсто развитію противоположностей. Послѣднее требовало новыхъ силъ. Мы видѣли, что средневѣковой порядокъ, возникшій на развалинахъ античной цивилизаціи, распадался на два противоположные міра, религіозный и свѣтскій: одинъ являлся носителемъ общечеловѣческаго начала, другой былъ основанъ на личности, не знающей никакихъ сдержекъ. Представителями послѣдней могли быть только народы, не связанные никакими преданіями и никакою цивилизаціей. Они и сдѣлались преобладающими, когда пришла ихъ очередь играть всемірно-историческую роль. Христіанская церковь и варвары — таковы были элементы средневѣковаго порядка. Однако и наслѣдіе греко-римскаго міра не исчезло. Воспитанные церковью, варвары, въ свою очередь, восприняли начала древней цивилизація, которыя сдѣлались для нихъ исходною точкою новой, высшей жизни. Новые народы представляютъ собою уже не какой-либо односторонній моментъ, а сочетаніе всѣхъ трехъ основныхъ историческихъ началъ, выработанныхъ предшествующимъ развитіемъ: національнаго, или греко-римскаго, общечеловѣческаго, или христіанскаго, наконецъ чисто-индивидуальнаго, или варварскаго. Гармоническое ихъ соглашеніе составляетъ цѣль всего историческаго развитія новаго времени. Въ этомъ совокупномъ процессѣ каждый народъ участвуетъ съ своими свойствами и съ своими особенностями; но ни одинъ изъ нихъ не представляетъ уже никакого затвердѣвшаго типа. Всѣ содержатъ въ себѣ неисчерпаемыя сѣмена развитія и всѣ проходятъ болѣе или менѣе черезъ одинакія фазы, стремясь къ общей цѣли совокупными средствами, при живомъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ.

Въ этомъ живомъ взаимодѣйствіи народовъ заключается весь смыслъ новой исторіи. Каждый изъ нихъ настолько является историческимъ народомъ, насколько онъ участвуетъ въ общемъ процессѣ, и наоборотъ, настолько остается на низшей ступени, насколько онъ

уединяется въ своей особенности. Историческое развитіе новаго времени несравненно шире древняго: происходя на почвѣ общечеловѣческаго начала, выработаннаго христіанствомъ, оно не ограничивается уже предѣлами той или другой народности, а составляетъ общее достояніе всѣхъ; оно представляетъ совокупную жизнь, которая идетъ отъ одной ступени къ другой, при живомъ взаимнодѣйствіи всѣхъ историческихъ силъ. Поэтому, появленіе всякаго новаго народа на историческомъ поприщѣ есть благо для всѣхъ; пріобщаясь къ совокупной жизни, онъ приноситъ запасъ новыхъ силъ на служеніе человѣчеству.

Для насъ, Русскихъ, этотъ вопросъ имѣетъ такую существенную важность, онъ подвергался и подвергается такимъ противоположнымъ воззрѣніямъ и такимъ ожесточеннымъ спорамъ, что слѣдуетъ нѣсколько на немъ остановиться. Прежде всего надобно опредѣлить, что̀ въ народной жизни есть заимствованнаго и что̀ въ ней самороднаго.

Первое и основное отличіе новыхъ пародовъ отъ древнихъ состоитъ въ томъ, что важнѣйшій элементъ общественной жизни, религія, у первыхъ есть начало заимствованное, а у вторыхъ самородное. Религіи древняго міра, за немногими исключеніями, были созданіями народнаго духа, а потому непосредственно связывались со всѣми сторонами народной жизни, которую онѣ охватывали всецѣло. Отсюда неподвижность восточныхъ теократій. Когда классическіе народы вступили на путь чисто свѣтскаго развитія, національныя ихъ вѣрованія поколебались, а съ паденіемъ религіи исчезла самая связанная съ нею народность. Однако и въ древнемъ мірѣ мы видимъ религіи съ болѣе общимъ характеромъ. Замѣчательнѣйшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ буддизмъ. Но именно потому, что онъ выходилъ изъ предѣловъ создавшей его народности, расширяя узкій ея кругозоръ, онъ былъ изгнанъ изъ своего отечества и нашелъ болѣе благодарную почву среди менѣе культурныхъ народовъ, не окрѣпшихъ еще въ установившейся теократической формѣ.

Таже участь постигла и христіанство. Какъ бы мы на него ни смотрѣли, какъ на ученіе принесенное свыше или какъ на историческое явленіе, несомнѣнно, что оно было завершеніемъ всего предшествующаго развитія Еврейскаго народа. Но и оно, также какъ буддизмъ, было отвергнуто тѣмъ племенемъ, среди котораго оно явилось. Евреи крѣпко держались и доселѣ держатся религіи Ветхаго Завѣта, создавшей, можно сказать, ихъ національность и сросшейся со всѣми ея элементами. Это самый поразительный примѣръ неразрывной связи народности и религіи, какой представляетъ всемірная исторія; но именно эта связь, въ нравственномъ отношеніи достойная всякаго удивленія, обрекла Евреевъ на дальнѣйшее историческое

безплодіе. Вышедшая изъ нѣдръ ихъ новая религія была сѣменемъ, изъ котораго выросъ цѣлый новый міръ, а они, среди этого новаго міра, остались обломками пережитаго прошлаго, можетъ быть предназначенные для новыхъ, невѣдомыхъ судебъ, но не сливаясь органическою связью съ окружающей ихъ средою, а потому не живя съ нею общею жизнью.

Христіанство, по существу своему, есть религія общечеловѣческая. Вліяніе, которое оно оказываетъ на народность, состоитъ въ томъ, что оно вноситъ въ нее общечеловѣческое начало и тѣмъ самымъ выводитъ ее изъ ея ограниченности и дѣлаетъ ее способною къ общечеловѣческому развитію. Только черезъ это она становится дѣятелемъ въ новой исторіи. Такимъ образомъ, та духовная основа, на которой строится весь новый міръ, есть начало не самородное, а заимствованное. Христіанство новые народы выработали не изъ себя, а получили отъ другихъ.

Однако пониманіе этого общечеловѣческаго начала можетъ быть разное. Подвергаясь историческому процессу, христіанство принимаетъ различныя формы; отсюда рождается различіе вѣроисповѣданій. Какъ ограниченія общаго начала, эти формы ближе стоятъ къ особенностямъ народнаго духа. Воспринимаясь тѣми или другими народностями, онѣ налагаютъ на нихъ свойственную имъ печать. Поэтому, нерѣдко духовное существо народности полагаютъ въ привязанности къ тому или другому вѣроисповѣданію.

Но если мы всмотримся ближе въ сущность этихъ различій, то увидимъ, что въ нихъ выражаются не народныя особенности, а болѣе общія начала духовной и общественной жизни, вслѣдствіе чего и они составляютъ достояніе не одного народа, а многихъ. Въ борьбѣ первоначальной христіанской церкви съ осаждавшими ее ересями выражалось не какое-либо національное начало, а чисто догматическое развитіе доступныхъ всему человѣчеству религіозныхъ истинъ. Эти ереси исчезли, не оставивъ по себѣ прочнаго слѣда. Затѣмъ, уже въ IX-мъ вѣкѣ, произошло раздѣленіе церквей, Восточной и Западной. Здѣсь главное существо вопроса заключалось уже не въ догматическихъ спорахъ, а въ различномъ пониманіи церковнаго устройства. Какъ было указано выше, Западная церковь признавала единство внѣшнее, съ подчиненіемъ единому главѣ, Восточная церковь, напротивъ, держалась единства внутренняго, преданія, сохраняемаго совокупностью церкви. Это различіе вызывалось различіемъ историческихъ судебъ обѣихъ половинъ Римской Имперіи. На Западѣ, старая Имперія рушилась и на развалинахъ ея водворилось анархическое броженіе буйныхъ силъ въ лицѣ варварскихъ народовъ. Среди этого хаоса, Рим-

ская церковь оставалась одна прочно организованнымъ союзомъ, замѣнившимъ собою павшее государство. Ей необходимо было крѣпкое внѣшнее единство, чтобы обуздать эти дикія силы и воспитать народы къ новой, высшей жизни. Этотъ подвигъ она совершила, и въ этомъ состоитъ ея величіе. Восточная церковь не имѣла такой задачи. Какъ ни дряхла была Византія, все же она представляла организованное государство, и церковь не призвана была его замѣнять. Поэтому, вмѣсто внѣшняго единства, она ограничивалась единствомъ внутреннимъ, оставляющимъ болѣе простора свѣтскому элементу, но зато съ гораздо меньшимъ воспитательнымъ значеніемъ. А такъ какъ главное призваніе средневѣковой церкви состояло именно въ духовномъ воспитаніи новыхъ народовъ, то Западная церковь, не смотря на менѣе высокую культуру въ сравненіи съ Византійской, успѣшнѣе совершила свое дѣло. Главнымъ центромъ исторической жизни въ средніе вѣка была западная половина Европы. Поэтому и воспитанные Римскою церковью народы ранѣе другихъ выступили на новое историческое поприще. Они смѣло двинулись впередъ по пути просвѣщенія, когда восточные коснѣли еще въ невѣжествѣ.

Но этотъ новый шагъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ переломомъ и въ отношеніяхъ къ церкви. Воспитательная ея задача кончилась; новые народы стали на свои собственныя ноги и сбросили съ себя опеку. Съ этимъ вмѣстѣ появилась на свѣтъ и новая форма христіанства, протестантизмъ, основанный на началѣ личной свободы въ пониманіи и толкованіи религіозныхъ истинъ.

Эта новая форма была преимущественно созданіемъ германскаго духа. Она появилась и укрѣпилась главнымъ образомъ среди народовъ германскаго племени. У другихъ она не нашла надлежащей почвы. Поэтому, если есть форма пониманія христіанства, которая носитъ болѣе или менѣе національный характеръ, то это именно протестантизмъ. Нельзя не видѣть однако, что въ немъ кроется нѣчто гораздо большее, нежели чисто народное пониманіе. Свобода мысли и совѣсти есть не народное, а общечеловѣческое начало, и если оно у однихъ народовъ водворяется ранѣе, нежели у другихъ, то на извѣстной ступени развитія оно становится общимъ достояніемъ всѣхъ. Поэтому протестантизмъ пустилъ крѣпкіе корни не только въ странахъ населенныхъ германскимъ племенемъ, но и во Франціи, и если онъ былъ оттуда изгнанъ актомъ безумнаго деспотизма, то онъ замѣнился чисто свѣтскимъ отрицаніемъ, которое повело наконецъ къ ниспроверженію всякой религіи. Секты съ протестантскимъ характеромъ появились и у насъ. Таковы духоборцы, молокане, штундисты: доказательство, что начало духовной свободы въ религіозной области не составляетъ

принадлежности какого-либо одного народа или племени, а представляетъ явленіе общее всѣмъ.

Однако оно далеко не всегда принимаетъ форму протестантизма. Въ самой Германіи значительная часть народонаселенія осталась вѣрна католической церкви. Этотъ примѣръ лучше всего свидѣтельствуетъ объ отношеніи народности къ вѣроисповѣданію. Изъ народностей, населяющихъ Европу, германская отличается, можетъ-быть, наибольшею самобытностью и наиболѣе рѣзкими особенностями. Это не смѣшанное племя, какъ латинскіе народы, какъ Англичане, или даже какъ Великоруссы, а самородная отрасль индоевропейской группы, съ языкомъ, идущимъ отъ глубочайшей древности и сохранившимъ всю свою чистоту и своеобразіе. Германцы въ исторіи играли выдающуюся роль, и на политическомъ поприщѣ, и въ области науки и искусства, гдѣ они проявили изумительную глубину мысли и самое высокое художественное творчество. Все это наложило на нихъ совершенно особенную печать. Изъ этого историческаго процесса выдѣлался своеобразный народный характеръ, выработалась народность, сознающая свое единство и обнаружившая въ стремленіи къ этому единству удивительное постоянство и энергію. А между тѣмъ, именно эта народность вовсе не представляется связанною съ какимъ-либо вѣроисповѣданіемъ. При самомъ началѣ своего историческаго поприща, Германцы отъ язычества перешли къ христіанству; затѣмъ, въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, именно въ ту эпоху, которая всего болѣе носитъ на себѣ печать германскаго духа, они оставались вѣрны католицизму. Когда же, съ началомъ новаго времени, изъ глубины того же германскаго духа возникъ протестантизмъ, онъ далеко не сдѣлался достояніемъ всего народа. Значительная часть послѣдняго сохранила прежнее вѣроисповѣданіе. Германія раздѣлилась на католическую и протестантскую, и если это различіе, въ теченіи послѣднихъ вѣковъ, препятствовало крѣпости внутренней связи, то оно не помѣшало ей въ новѣйшее время снова соединиться и образовать самое могучее государство въ мірѣ. Нынѣ католическая партія въ Германіи играетъ выдающуюся политическую роль, свидѣтельствуя о силѣ религіознаго чувства, возбужденнаго вѣроисповѣданіемъ, не имѣющимъ никакой національной почвы. Германская народность заключаетъ въ себѣ и протестантизмъ и католицизмъ, но не связана ни съ тѣмъ, ни съ другимъ.

Тоже явленіе представляетъ и другая европейская народность, столь же могучая и своеобразная, именно, англійская. Изъ всѣхъ отраслей протестантизма, англиканское вѣроисповѣданіе есть то, которое носитъ чисто національный характеръ. Однако и оно явилось уже пло-

домъ позднѣйшаго развитія. Воспитательницею англійской народности была опять же католическая церковь. И когда, вслѣдствіе Реформаціи, послѣ упорной борьбы, упрочилось наконецъ національное вѣроисповѣданіе, оно далеко не обняло всего народонаселенія. Не только сохранились многочисленные остатки католицизма, въ новѣйшее время даже значительно умножающіеся, но рядомъ съ оффиціальною церковью распространилось множество сектъ, которыя играли выдающуюся роль въ народномъ развитіи. Пуритане совершили величайшій переломъ въ англійской исторіи: они сломили абсолютизмъ Тюдоровъ. Понынѣ они составляютъ въ англійской жизни такой важный факторъ, съ которымъ постоянно надобно считаться. Какъ ни тѣсно связана англиканская церковь съ англійскою народностью, она не исчерпываетъ содержанія послѣдней.

И у насъ, когда говорятъ о неразрывной связи православія съ русскою народностью, то забываютъ, что изъ той же русской народности, рядомъ съ оффиціальною церковью, возникло множество разнообразныхъ сектъ, старообрядческихъ и духовныхъ. Можно даже сказать, что именно въ этихъ сектахъ преимущественно выразились особенности народнаго духа. Православіе было заимствовано нами у Византіи; это вѣроисповѣданіе у насъ общее съ народами, въ другихъ отношеніяхъ совершенно намъ чуждыми, напримѣръ съ Греками и Румынами. Но старообрядчество есть явленіе исключительно русское: это—та форма, которую приняло православіе въ древне-русской жизни. Наложеніе на него проклятія соборомъ 1667 года было знаменательнымъ актомъ, которымъ отвергалась чисто національная форма и утверждалась связь съ общечеловѣческимъ началомъ. Но черезъ это старообрядчество не перестало быть существеннымъ элементомъ народной жизни. Гоненіе на другихъ не служитъ признакомъ неразрывной связи господствующаго направленія съ преобладающею народностью. Оно доказываетъ, напротивъ, слабость духовной связи, которая иначе не можетъ поддерживаться, какъ принужденіемъ и насиліемъ. Живая духовная связь держится свободнымъ духовнымъ общеніемъ.

Изъ всего этого ясно, что народность и вѣроисповѣданіе въ дѣйствительности не совпадаютъ. Народность, съ одной стороны, тѣснѣе, съ другой шире всякаго вѣроисповѣданія. Она тѣснѣе въ томъ отношеніи, что одно и тоже вѣроисповѣданіе является достояніемъ разныхъ народностей, не имѣющихъ между собою ничего общаго; она шире, ибо заключаетъ въ себѣ разныя вѣроисповѣданія, въ которыхъ выражаются различныя стороны народнаго духа. Въ историческомъ своемъ развитіи, народность можетъ переходить отъ одного вѣроисповѣданія къ другому, какъ доказываютъ примѣры народовъ, перешед-

нихъ отъ католицизма къ протестантизму. Даже одно и тоже вѣроисповѣданіе можетъ въ разныя эпохи имѣть совершенно различное значеніе для народной жизни. Въ средніе вѣка, когда религіозный элементъ господствовалъ во всѣхъ сферахъ и свѣтское образованіе не имѣло самостоятельнаго значенія, отношеніе народовъ къ церкви было совершенно иное, нежели въ новое время, когда свѣтскій элементъ получилъ полную самостоятельность, какъ въ гражданской сферѣ, такъ и въ области мысли. Измѣненіе этого отношенія именно и повело къ возникновенію протестантизма, а тамъ, гдѣ послѣдній не могъ утвердиться, прежняя связь разрушилась неудержимымъ развитіемъ свѣтской мысли. Во Франціи, католицизмъ доселѣ остался религіей большинства Французовъ; но отношеніе къ нему Французскаго народа совершенно иное, нежели въ средніе вѣка или при Людовикѣ XIV-мъ. Подобныя перемѣны повторяются всюду, куда проникаетъ свобода мысли и совѣсти. Близорукіе политики воображаютъ, что они могутъ задержать историческое развитіе, насильственно подчиняя народъ господствующему вѣроисповѣданію и наказывая всякое отъ него отступленіе. Но это искусственное возвращеніе къ средневѣковой точкѣ зрѣнія, давно отжившей свой вѣкъ, обнаруживаетъ только умственную и духовную скудость, свойственную неподвижнымъ восточнымъ теократіямъ, но совершенно несовмѣстную съ стремленіями и потребностями христіанскихъ, развивающихся народовъ. Поэтому, рано или поздно, эти узы вездѣ разрываются. Свобода совѣсти составляетъ абсолютное, неотъемлемое право человѣка, которое окончательно должно восторжествовать въ историческомъ процессѣ. Народъ, коснѣющій въ средневѣковыхъ понятіяхъ, не можетъ быть носителемъ высшаго развитія, а потому не въ состояніи соперничать съ другими. Если онъ не обновляется духомъ, онъ обреченъ на паденіе.

Еще менѣе, нежели религіозными формами, народность связана какими-либо формами политическими. Де-Местръ развивалъ ту мысль, что извѣстное государственное устройство вытекаетъ изъ народнаго духа и развивается вмѣстѣ съ нимъ. Такой взглядъ не подтверждается исторіей и не имѣетъ теоретическаго основанія. Политическое устройство вытекаетъ изъ даннаго состоянія общества и присущихъ ему потребностей, а все это измѣняется со временемъ. Одинъ и тотъ же образъ правленія не можетъ быть пригоденъ народу, находящемуся въ младенческомъ состояніи, у котораго еще нѣтъ ни умственной жизни, ни образованныхъ потребностей, и тому, который достигъ уже болѣе или менѣе высокой степени развитія, у котораго есть и наука и литература. Еще болѣе это прилагается къ измѣненіямъ гражданскаго строя. Политическій порядокъ тѣсно связанъ съ гражданскимъ. Какъ было

выяснено выше, каждый гражданскій строй имѣетъ соотвѣтствующій ему строй политическій. Одинъ и тотъ же образъ правленія не можетъ быть пригоденъ для гражданскаго порядка, основаннаго на крѣпостномъ правѣ, и для того, который зиждется на общей свободѣ. Если между этими двумя сторонами общественнаго быта нѣтъ соотвѣтствія, то въ жизни ощущается постоянный разладъ.

Исторія вполнѣ подтверждаетъ этотъ взглядъ. Только неподвижные народы Востока коснѣютъ въ теченіи тысячелѣтій въ однихъ и тѣхъ же политическихъ формахъ. Развивающіеся народы и въ этомъ отношеніи проходятъ черезъ различныя ступени развитія. Во всей всемірной исторіи не было народа болѣе устойчиваго въ своихъ политическихъ стремленіяхъ, какъ Римляне; съ ними могутъ соперничать развѣ только Англичане. Между тѣмъ, Римъ, въ своей многовѣковой исторіи, прошелъ черезъ самыя различныя политическія формы; онъ испыталъ и монархію, и аристократію, и демократію, и смѣшанную республику, и кончилъ наконецъ имперіей, которая была собственно уже не національнымъ, а всемірнымъ явленіемъ: она возникла, какъ неотразимая потребность, когда политическая жизнь небольшаго племени замѣнилась всемірнымъ владычествомъ. Такія же измѣненія политическаго строя представляютъ и новые народы Европы. Всѣ они прошли чрезъ послѣдовательные періоды феодальнаго порядка, абсолютной монархіи и наконецъ конституціоннаго правленія. Англія въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія. Ея особенность состоитъ въ томъ, что въ ней измѣненія и переходы были менѣе рѣзки. Она обязана этимъ тому, что съ самаго начала ея конституція была сложная, заключающая въ себѣ всѣ общественные элементы и всѣ начала политической жизни. По мѣрѣ того, какъ исторія выдвигала тотъ или другой элементъ, онъ получалъ преобладаніе надъ остальными, не разрушая общаго строя. И тутъ, въ средніе вѣка, мы видимъ господство феодальныхъ бароновъ; затѣмъ, на развалинахъ феодализма воздвигается абсолютизмъ Тюдоровъ, при которомъ однако сохраняется, хотя и обезсиленное, народное представительство; когда же общество окрѣпло, оно, въ свою очередь, получило преобладаніе, и королевская власть отступила на второй планъ. Эластичность англійской конституціи, примѣнимость ея къ измѣняющимся потребностямъ жизни, произошли именно отъ ея сложности; національная же особенность состоитъ въ умѣніи приноровляться къ обстоятельствамъ, дѣлать нужныя уступки, дѣйствовать совокупными силами. Народъ, воспитанный въ политическихъ формахъ, основанныхъ на одностороннихъ началахъ, никогда не можетъ имѣть этихъ свойствъ. Они пріобрѣтаются только практикой.

Такимъ образомъ, всѣ новые европейскіе народы слѣдуютъ общему пути развитія и проходятъ черезъ однѣ и тѣ же ступени, при постоянномъ, живомъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Всякое развитіе совершается при взаимодѣйствіи съ окружающимъ міромъ. Даже древніе народы, болѣе обособленные, нежели новые, подчинялись этому закону. Греція потому ранѣе Рима выступила на историческое поприще, что она состояла въ постоянномъ общеніи съ Востокомъ и внутри себя заключала разнообразіе отдѣльныхъ племенъ, жившихъ однако совокупною жизнью. Къ этому присоединялось широкое распространеніе колоній, сохранявшихъ связь съ метрополіей. Все это придавало греческой жизни необыкновенное богатство элементовъ, составляющее первое условіе высокаго развитія. Болѣе уединенный Римъ долго боролся съ окружающими мелкими племенами, стоявшими на относительно низкой степени культуры. Но когда наконецъ и онъ выступилъ на болѣе широкое поприще и пришелъ въ столкновеніе съ Греціей, онъ усвоилъ себѣ плоды греческой цивилизаціи. Тотъ крупный вкладъ, который внесла латинская литература въ умственную сокровищницу человѣчества, былъ результатомъ этого усвоенія. Точно также и римское право выработалось подъ вліяніемъ сношеній съ иноплеменниками. Главнымъ его органомъ былъ преторъ иностранцевъ (praetor peregrinus). Для суда между различными племенами, подчиненными Риму, установлялись общія нормы права, имѣвшія уже не народный, а общечеловѣческій характеръ. На мѣсто jus civile становилось jus gentium. Это и дало римскому праву то всемірное значеніе, которое сдѣлало его основаніемъ теоретическаго и практическаго правовѣдѣнія въ новое время.

Въ еще большей мѣрѣ общечеловѣческія начала выступаютъ у новыхъ народовъ. Послѣдніе развиваются уже не каждый особнякомъ, а на общей духовной почвѣ, установленной, съ одной стороны, христіанствомъ, а съ другой стороны, наслѣдіемъ греко-римскаго міра. Въ своемъ историческомъ движеніи они параллельно проходятъ одинакія ступени, при живомъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Особенности народовъ проявляются въ тѣхъ конкретныхъ видоизмѣненіяхъ, которымъ на каждой ступени подвергаются общія всѣмъ начала, и въ томъ своеобразномъ вкладѣ, который вслѣдствіе того вносится въ совокупную жизнь. При такомъ взаимодѣйствіи постоянно происходятъ и заимствованія и сообщенія. Чѣмъ выше стоитъ народъ, чѣмъ богаче онъ содержаніемъ, чѣмъ болѣе онъ способенъ своею дѣятельностью обогатить человѣчество, тѣмъ меньше онъ получаетъ отъ другихъ и тѣмъ больше онъ въ состояніи имъ дать. Напротивъ, чѣмъ ниже онъ стоитъ на пути совокупнаго развитія, тѣмъ больше

ему приходится жить чужимъ добромъ. Народъ, который долго оставался въ сторонѣ отъ историческаго движенія и наконецъ къ нему примыкаетъ, естественно и неизбѣжно долженъ пройти черезъ періодъ заимствованія, то-есть, черезъ историческую школу.

Таково именно было положеніе Русскаго народа. У насъ много возставали противъ слѣпаго подражанія всему иностранному; возставали даже противъ реформъ Петра Великаго, который русскія національныя особенности замѣнялъ европейскими формами. Не хотѣли понять, что только этимъ путемъ Русскіе могли сдѣлаться историческимъ народомъ, самостоятельнымъ дѣятелемъ на поприщѣ всемірной исторіи. Въ средніе вѣка мы отъ Византіи получили христіанство; но усвоеніе греко-римскаго наслѣдія въ эпоху Возрожденія и все вытекшее отсюда новое развитіе жизни оставались намъ чуждыми. У насъ не было ни науки, ни искусства, а при такомъ низкомъ умственномъ уровнѣ самая общественная жизнь стояла на весьма невысокой ступени. Татарское владычество, оторвавшее насъ отъ Европы, истребило въ обществѣ и всякія начала права. Крѣпостная зависимость, въ самомъ широкомъ объемѣ, охватывала не только низшія сословія, но и высшія, которыя признавали себя холопами государя. Нужна была вся изумительная энергія великаго Преобразователя, чтобы находящійся въ такомъ состояніи народъ вдвинуть въ европейскую семью. Но для этого нужно было пройти черезъ европейскую школу, усвоить себѣ то, что было выработано другими, то-есть, вступить на путь подражанія. И какъ всегда бываетъ при невысокомъ развитіи, когда умъ еще не окрѣпъ, сперва усвоивается внѣшнее и случайное, и лишь впослѣдствіи, путемъ долгой работы и углубленіемъ въ предметъ, достигается пониманіе сущности. По той же причинѣ, все сначала усвоивается безъ надлежащей оцѣнки; ученикъ не въ состояніи разобрать, что вѣрно и что невѣрно въ томъ, что ему говоритъ учитель. Напрасно твердить ему, что онъ долженъ все самъ испытывать; для этого у него нѣтъ мѣрила. Только усвоивъ себѣ чуждое ему содержаніе и обнявъ предметъ вполнѣ, онъ въ состояніи выработать изъ этого собственный взглядъ и сдѣлаться самостоятельнымъ дѣятелемъ на умственномъ поприщѣ. Доказательствомъ зрѣлости служатъ вѣскіе вклады въ общую сокровищницу мысли, а не пустыя стремленія сказать непремѣнно что-нибудь свое, непохожее ни на что другое. Народъ, одаренный способностью къ высшему развитію, высказываетъ свое, только предварительно усвоивъ себѣ чужое. Періодъ подражанія необходимо предшествуетъ періоду сомостоятельности.

Иначе ставится вопросъ на практической почвѣ. Здѣсь для приложенія чужаго необходимы условія, которыя далеко не всегда на-

лице. Поэтому приверженцы консервативныхъ началъ справедливо возставали и возстаютъ противъ подражательныхъ конституцій, переносимыхъ на неподготовленную почву, а потому лишенныхъ всякой жизненной опоры. И тутъ однако надобно сказать, что одинакое развитіе рождаетъ и одинакія потребности. При живомъ обмѣнѣ мыслей между европейскими народами, при совокупной ихъ жизни, идеи переносятся изъ одной страны въ другую, всюду возбуждая одинакія стремленія. У всѣхъ народовъ Западной Европы періодъ абсолютизма смѣнился періодомъ развитія конституціонныхъ началъ. Англія ранѣе другихъ вступила на этотъ путь, а потому ея конституція, оправданная временемъ, послужила образцомъ для всѣхъ. Безъ сомнѣнія, перенесеніе ея цѣликомъ въ иныя условія было дѣломъ неосуществимымъ; отсюда множество неуспѣшныхъ попытокъ. Тѣмъ не менѣе, основныя ея черты, вытекающія не изъ какихъ-либо мѣстныхъ особенностей, а изъ самаго существа дѣла, какъ-то: система двухъ палатъ, одной народной, а другой болѣе или менѣе аристократической, предоставленіе палатамъ нѣкоторой доли законодательной власти и разсмотрѣнія смѣты, врученіе правительственной власти безотвѣтственному главѣ государства съ отвѣтственнымъ министерствомъ, наконецъ гарантіи личной свободы и правъ гражданъ, были приняты всѣми и сдѣлались прочнымъ достояніемъ европейскихъ народовъ. Видоизмѣненія касаются больше подробностей, имѣющихъ иногда существенное значеніе, но не измѣняющихъ самаго основанія политическаго устройства. Мечты людей, желавшихъ навсегда закрѣпить народы въ разъ установленныя формы политическаго быта, оказались тщетными.

До какой степени возможно успѣшное перенесеніе извѣстныхъ учрежденій на совершенно новую почву, доказываетъ наша судебная реформа. Послѣ освобожденія крестьянъ, разомъ были усвоены всѣ начала и пріемы суда, которые были выработаны западно-европейскими народами, и все это принялось съ полнымъ успѣхомъ. Въ безсудной дотолѣ Россіи, гдѣ господствовали крючкотворство и взяточничество, водворилось судебное устройство, составляющее вѣнецъ современнаго развитія. И для этого нашлись всѣ нужные элементы. Успѣхъ былъ бы даже еще больше, еслибы позднѣйшія теченія въ высшихъ сферахъ не шли наперекоръ благимъ стремленіямъ, положеннымъ въ основаніе этой реформы. Удача такого рѣзкаго перехода отъ полнаго безправія къ самымъ утонченнымъ гарантіямъ правосудія свидѣтельствуетъ о томъ, что умственное развитіе Россіи стояло далеко впереди ея общественнаго и политическаго строя, въ чемъ впрочемъ не сомнѣвались тѣ, которые жили въ эпоху преобразованій.

Изъ всего этого ясно, что отношеніе народности къ общимъ началамъ, развивающимися въ исторіи человѣчества, опредѣляется: 1) степенью развитія, 2) особенностями народа. Отъ степени развитія зависитъ способность усвоенія общечеловѣческихъ началъ, отъ особенностей народа тѣ своеобразныя формы, которыя имъ придаются, и характеръ того вклада, который народъ вноситъ въ совокупную жизнь. Эти два фактора не слѣдуетъ смѣшивать и приписывать особенностямъ народа то, что составляетъ лишь явленіе извѣстной степени развитія. Защитники крѣпостнаго права пытались выставить это учрежденіе спеціальною принадлежностью русской жизни, указывая на то, что на немъ основалось могущество Россіи и крѣпость ея внутренняго быта. И точно, оно, можетъ быть, болѣе нежели что-либо другое, послужило къ скрѣпленію государства. На всѣ сословія наложено было тяжкое ярмо; каждое на своемъ мѣстѣ должно было нести службу на пользу отечества. Россія выросла и окрѣпла подъ этимъ строемъ; опираясь на него, она одерживала великія побѣды и одно время управляла судьбами Европы. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ только преходящею ступенью въ ея развитіи. Необходимое въ младенческомъ состояніи общества, крѣпостное право было несовмѣстно съ высшими требованіями гражданскаго порядка и просвѣщенія. Отмѣна его была признаніемъ, что Россія вступила въ періодъ общественной зрѣлости.

Развивающіяся въ исторіи общечеловѣческія начала не составляютъ однако нѣчто единое и нераздѣльное, цѣликомъ переходящее отъ ступени къ ступени, какъ совокупное достояніе человѣчества. Они обнимаютъ разнообразныя стороны духовной жизни, и въ данномъ народѣ одна сторона можетъ преобладать надъ другими. Народъ можетъ стоять на высокомъ уровнѣ умственнаго развитія, при сравнительной отсталости въ гражданскомъ отношеніи. Причины могутъ быть историческія, а иногда и чисто личныя, коренящіяся въ свойствахъ правителей. Примѣръ представляетъ Пруссія въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Великія имена философовъ и ученыхъ, украшающихъ ея исторію въ эту эпоху, свидѣтельствуютъ о томъ, что умственно она стояла никакъ не ниже Франціи; но въ военномъ и гражданскомъ отношеніи она погрязала въ старой рутинѣ, тогда какъ Франція вся обновилась происшедшею въ ней революціей. Послѣдствіемъ былъ погромъ 1806-го года. Изъ этого состоянія униженія Пруссія вышла только путемъ глубокихъ реформъ, которыя подняли ее на новую высоту и сдѣлали ее выдающимся дѣятелемъ въ войнахъ освобожденія, а затѣмъ и во всей новѣйшей исторіи Германіи.

Не только въ разныхъ сферахъ, но и въ одной и той же области духа развитіе можетъ получить болѣе или менѣе односторонній харак-

теръ, вслѣдствіе народныхъ особенностей или историческихъ условій. Мы знаемъ, что политическая жизнь представляетъ сочетаніе различныхъ элементовъ: монархическаго, аристократическаго и демократическаго. При общемъ развитіи, народныя особенности могутъ дать преобладаніе тому или другому. Такъ, исторія Соединенныхъ Штатовъ представляетъ исключительное развитіе демократіи; въ англійской исторіи преобладающимъ элементомъ является аристократія, въ Германіи монархія. Этимъ не исключаются однако и другія начала. Чѣмъ полнѣе и выше жизнь, тѣмъ болѣе она совмѣщаетъ въ себѣ разнообразныхъ элементовъ, стремясь къ высшему ихъ соглашенію. Односторонность и исключительность началъ служатъ признакомъ низкаго уровня. Поэтому, съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни, рядомъ съ господствующими началами становятся и другія. Въ Сѣверной Америкѣ, среди демократія, значительнымъ вліяніемъ пользовалось крупное землевладѣніе, основанное на рабствѣ. Послѣ разгрома южныхъ штатовъ, преобладающее значеніе получила денежная аристократія. Въ Англіи, съ развитіемъ демократическихъ началъ, нижняя палата, основанная на самомъ широкомъ правѣ голоса, пріобрѣтаетъ все большій и большій перевѣсъ надъ верхней. Элементъ, который прежде былъ владычествующимъ, становится только задерживающимъ. Въ Германіи, рядомъ съ монархіей, учреждается народное представительство, которое хотя не пользуется такимъ преобладающимъ значеніемъ, какъ въ другихъ странахъ, однако служитъ существенною сдержкой, а вмѣстѣ и опорою верховной воли.

Свойствами народа опредѣляется и то участіе, которое онъ принимаетъ въ совокупномъ развитіи, и тотъ вкладъ, который онъ въ него вноситъ. Чѣмъ шире и многостороннѣе народный духъ, тѣмъ онъ способнѣе переходить отъ одной ступени къ другой, проявляя на каждой свои силы. Напротивъ, чѣмъ онъ ограниченнѣе, тѣмъ болѣе онъ коснѣетъ въ одномъ направленіи. Послѣднее, на практикѣ, имѣетъ ту значительную выгоду, что этимъ придается жизни большая устойчивость; но полнота развитія черезъ это терпитъ ущербъ.

Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Англія. При всемъ богатствѣ англійской жизни, при всемъ разнообразіи ея элементовъ, при тѣхъ великихъ способностяхъ, которыя обнаружены англійскимъ народомъ въ различныхъ сферахъ духовной жизни, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ промышленности, и въ политикѣ, нѣтъ сомнѣнія, что направленіе его преимущественно практическое. Поэтому, въ области мысли ему доступенъ главнымъ образомъ эмпиризмъ. На всѣхъ ступеняхъ умственнаго развитія, именно въ этомъ направленіи проявились его силы. Въ эпоху Возрожденія, Англія про-

извела Бэкона; въ XVII-мъ вѣкѣ она дала механическую систему Гоббеса; Локкъ былъ основателемъ сенсуалистической школы XVIII-го столѣтія; наконецъ, въ наше время имена Милля и Спенсера стоятъ на первомъ мѣстѣ въ числѣ корифеевъ эмпирической философіи. Напротивъ, все глубокое развитіе нѣмецкаго идеализма для англійской мысли прошло безъ слѣда.

Еще большую односторонность въ томъ же направленіи представляютъ Сѣверо-американцы. Имъ болѣе или менѣе чужды всѣ тѣ элементы европейской жизни, которые придаютъ ей высокій идеальный характеръ. Вся ихъ цѣль направлена на практическія задачи. Демократія, промышленность, прикладное знаніе,—этимъ въ сущности исчерпывается содержаніе ихъ жизни и тотъ вкладъ, который они вносятъ въ совокупное развитіе человѣчества.

Напротивъ, Франція, даже въ предѣлахъ новой исторіи, проходила черезъ самыя противоположныя направленія мысли и жизни. Въ философіи, съ одной стороны Декартъ и Паскаль, съ другой Вольтеръ и Дидро, въ религіи фанатическая привязанность къ католицизму и отрицаніе всякой вѣры, въ искусствѣ самые строгіе классики и самые растрепанные романтики, въ политикѣ абсолютизмъ Людовика XIV-го и Объявленіе правъ человѣка и гражданина, представляютъ крайности, смѣнявшія одна другую. И если XIX-й вѣкъ пытался согласить противоположныя начала, то и это дѣлалось не путемъ постепеннаго ихъ сліянія и замиренія, а скачками и борьбою противоположныхъ началъ. Отсюда крайняя неустойчивость въ понятіяхъ и учрежденіяхъ, черта, которая, коренясь въ самомъ народномъ характерѣ, дѣлаетъ Францію какъ бы передовымъ постомъ Европы, піонеромъ новыхъ путей, иногда открывающимъ новые просвѣты, а иногда служащимъ предостереженіемъ для другихъ. Переходя отъ одной ступени къ другой, Французы на самихъ себѣ испытываютъ всѣ выгоды и невыгоды послѣдовательныхъ формъ человѣческаго развитія.

Столь же противоположныя другъ другу направленія представляетъ и германская народность въ своемъ историческомъ движеніи. Какъ уже было указано выше, средневѣковой порядокъ представлялъ живое изображеніе германскаго характера. Это было сопоставленіе самаго возвышеннаго идеализма съ самою грубою практикой. Въ дальнѣйшемъ процессѣ, по мѣрѣ измѣненія задачъ и потребностей времени, выступала то та, то другая сторона. Даже существующее нынѣ поколѣніе могло видѣть на своихъ глазахъ, въ умственной области, изумительный скачокъ отъ глубочайшаго идеализма къ самому грубому матеріализму, отъ Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, къ Фейербаху,

Штирнеру, Фогту, Молешотту, а въ области гражданской, столь же изумительный переходъ отъ полнаго политическаго безсилія къ самой могущественной военной и государственной организаціи. Съ измѣненіемъ умственныхъ и жизненныхъ задачъ, съ восхожденіемъ исторіи на новую ступень, какъ будто разомъ мѣняется вся декорація. Народъ, весь преданный одному направленію, внезапно переходитъ къ совершенно другому, не связанный никакими понятіями и формами, но налагая на всѣ развивающіяся въ исторіи понятія и формы свою своеобразную печать.

Изъ всего этого ясно, что народность въ исторіи не представляетъ извѣстной ступени, или момента въ развитіи человѣчества. Это — одаренная своеобразными свойствами историческая сила, которая участвуетъ въ совокупномъ процессѣ, воспринимая и сообщая движеніе сообразно съ своими особенностями. Исторія, какъ процессъ развитія человѣческаго духа, проистекаетъ изъ этого взаимодѣйствія самостоятельныхъ силъ, вырабатывающихъ общее содержаніе и отражающихъ на себѣ, каждая въ своеобразной формѣ, результаты совокупной дѣятельности. Поэтому, каждая ступень развитія отражается различно на различныхъ народностяхъ. Въ однихъ извѣстное направленіе проявляется съ полною силой и доводится до крайности, въ другихъ оно отражается слабѣе, въ третьихъ оно не оставляетъ почти слѣда. Поэтому нѣтъ необходимости для каждаго народа проходить черезъ всѣ тѣ ступени, черезъ которыя проходятъ другіе. Разнообразіе содержанія распредѣляется между дѣйствующими силами, смотря по свойствамъ каждой изъ нихъ; чѣмъ извѣстное направленіе одностороннѣе, тѣмъ менѣе оно способно быть усвоено всѣми. Только элементы общіе и необходимые для всякаго человѣческаго развитія могутъ расчитывать на всеобщее примѣненіе. Къ такого рода элементамъ несомнѣнно принадлежитъ свобода, которая вытекаетъ изъ самой природы человѣка. Высшаго развитія достигаютъ только свободные народы, а не тѣ, которые коснѣютъ подъ крѣпостнымъ правомъ. Но степень и формы примѣненія свободы могутъ быть весьма разнообразны, смотря по особенностямъ того или другаго народа.

Къ такого рода одностороннимъ проявленіямъ свободы въ политической области принадлежитъ демократія, то-есть, политическая свобода общая и равная для всѣхъ. Мы уже указывали и ниже постараемся подробнѣе доказать, что демократія, по существу своему, не можетъ быть цѣлью развитія человѣческихъ обществъ, а является только переходною ступенью. Какъ односторонняя форма, она, по самымъ свойствамъ человѣческаго развитія, находитъ временное или даже постоянное примѣненіе въ нѣкоторыхъ обществахъ, которыя

особенно къ ней расположены по своему характеру или по своимъ историческимъ условіямъ; въ другія она входитъ, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ; въ третьихъ она можетъ даже совершенно отсутствовать, и это не служитъ признакомъ низшаго развитія, а свидѣтельствуетъ только о крѣпости другихъ общественныхъ элементовъ, которымъ, въ силу высшихъ потребностей государственной жизни, принадлежитъ направляющее значеніе. Если вѣрна высказанная выше мысль, къ которой мы возвратимся ниже, что возрожденіе аристократіи, въ умственной и въ общественной сферѣ, составляетъ насущную потребность современныхъ обществъ, то сохраненіе этихъ владычествующихъ элементовъ составляетъ залогъ будущаго, высшаго развитія.

Такимъ образомъ, въ народности отражаются въ своеобразной формѣ различныя фазы совокупнаго процесса. Отъ послѣдняго зависитъ и самое развитіе народнаго самосознанія. Давно извѣстная истина, что человѣкъ познаетъ себя только въ человѣкѣ, по сравненію съ другими, въ живомъ взаимнодѣйствіи съ себѣ подобными.

> Der Mensch erkennt sich nur im Menschen; nur das Leben
> Lerhet jedem was er sey *).

Какъ реальная сила, народность проявляется во всѣ времена. Уже въ племенномъ бытѣ выражаются основныя черты народнаго характера. Какъ сказано, Германцы наложили свою печать на весь средневѣковой бытъ; появившись на историческомъ поприщѣ, они внесли свой собственный элементъ во всемірную исторію. И въ основаніи новыхъ государствъ лежитъ начало народности. На низшихъ ступеняхъ развитія, народная связь, подкрѣпляемая неприязнью къ иноплеменникамъ, можетъ быть, еще крѣпче, нежели на высшихъ. Во времена Наполеоновскихъ войнъ наибольшее сопротивленіе оказали народы наименѣе образованные: Испанцы и Русскіе. Но во всѣхъ этихъ явленіяхъ народность находится на степени темнаго инстинкта, а не сознательнаго начала. Въ средніе вѣка, при анархическомъ броженіи буйныхъ силъ, при господствѣ частнаго права, о народности, какъ историческомъ дѣятелѣ, менѣе всего могло быть рѣчи. И когда изъ этого хаоса стали возникать новыя государства, имѣлось въ виду не собираніе народа, а увеличеніе владѣній. Правители дѣлили земли и присвоивали себѣ области, безъ малѣйшаго вниманія къ характеру населенія. Даже на Вѣнскомъ Конгрессѣ народы разрѣзывались на куски, въ силу интересовъ тѣхъ или другихъ державъ.

---

*) „Человѣкъ познаетъ себя только въ человѣкѣ; только жизнь научаетъ каждаго, что онъ такое“ (Гёте).

Однако, эти проявленія государственнаго деспотизма вызвали наконецъ реакцію. Въ народныхъ массахъ пробудилось живое чувство своей самобытности, а вмѣстѣ и стремленіе къ единенію съ своими соплеменниками. Философія пришла на-встрѣчу развивающемуся самосознанію. На государство перестали смотрѣть, какъ на отвлеченную силу, опирающуюся на войско и деньги; его стали понимать, какъ живое единство народной жизни. Философія выработала и понятіе объ исторической роли народовъ, какъ представителей общечеловѣческаго развитія. Все это повело къ тому, что начало народности выдвинулось на первый планъ и сдѣлалось господствующимъ факторомъ политической жизни. Даже подавленныя народности, коснѣвшія въ тупомъ подчиненіи чуждымъ имъ силамъ, пробудились къ самосознанію. Блистательные примѣры такого возрожденія представили Греція и Италія. Но еще любопытнѣе пробужденіе народнаго сознанія въ славянскихъ народахъ. Здѣсь не было ни великаго историческаго прошлаго, ни національной литературы. Все должно было созидать вновь, изъ глубины порабощеннаго духа. Движеніе началось въ чисто умственной сферѣ, съ словарей, съ историческихъ изысканій; но мало-по-малу оно расширялось и охватывало народныя массы, пока наконецъ оно сдѣлалось такою духовною силой, съ которою приходится считаться и въ политикѣ. Славянскій вопросъ сдѣлался живымъ вопросомъ современности.

Это идеалистическое воззрѣніе на народность, которое вырабатывалось и философіей и жизнью, естественно вело къ преувеличенію. Каждый народъ воображалъ себя первенствующимъ дѣятелемъ въ исторіи человѣчества. Французы смотрѣли на себя, какъ на великую, передовую націю, призванную обновить человѣчество, посѣять въ немъ начала свободы и права. Нѣмцы украшали своихъ предковъ всѣми добродѣтелями и признавали себя главными представителями всѣхъ началъ новаго міра; христіанскій періодъ исторіи именовался германскимъ. И мы, въ свою очередь, не отставали отъ другихъ. И у насъ возникла патріотическая школа, которая считала Россію представителемъ будущаго, призваннымъ смѣнить гніющій Западъ на историческомъ поприщѣ и обновить весь міръ началами православія и общины. Эта школа съ ожесточеніемъ возставала противъ реформъ Петра, сблизившихъ насъ съ Европою; въ классахъ, причастныхъ европейскому образованію, она видѣла отщепенцевъ отъ Русскаго народа, а въ русскомъ мужикѣ идеалъ всѣхъ совершенствъ. Плоды европейской науки отвергали съ презрѣніемъ, какъ несовмѣстные съ православными взглядами, а древнюю русскую исторію строили на основаніи фантастическихъ представленій о какомъ-то идеальномъ согласіи. Въ на-

стоящее время трудно повѣрить, что всѣ эти дѣтскія мечтанія могли сочиняться и раздѣляться умными и образованными людьми, каковы несомнѣнно были первые славянофилы. Черезчуръ легкій философскій и научный дилеттантизмъ, подбитый узкими религіозными воззрѣніями и доходящею до ослѣпленія любовью къ отечеству, объясняютъ это явленіе. Въ научномъ отношеніи, это направленіе, конечно, осталось совершенно безплоднымъ; но въ мало образованномъ обществѣ, каково наше, оно имѣло тѣ вредныя послѣдствія, что сбивало съ толку неподготовленные умы, возбуждало презрѣніе къ чуждому намъ знанію и къ отсутствующимъ въ русской исторіи началамъ права, побуждало фантазіи принимать за дѣйствительность и вмѣсто основательныхъ историческихъ изслѣдованій строить воздушные зáмки. Трудно опредѣлить всю ту массу ложныхъ взглядовъ и понятій, которые, подъ заманчивымъ покровомъ патріотизма и религіи, были пущены этимъ путемъ въ русское общество.

Но еще несравненно вреднѣе было то патріотическое направленіе, которое пришло ему на смѣну. Идеализмъ замѣнился реализмомъ; возрожденіе народностей сдѣлалось могучимъ реальнымъ факторомъ современной исторіи. Съ этимъ вмѣстѣ понятіе о народности съ неба спустилось на землю. Всякія идеальныя, общечеловѣческія цѣли были отвергнуты; народность ограничивалась областью практическихъ интересовъ. Провозглашали, какъ великую истину, что народъ долженъ имѣть въ виду только свои собственныя выгоды и ничего другаго, забывая что интересы притѣснителей не имѣютъ нравственнаго права на существованіе, если не опираются на высшія начала. Насиліе, нетерпимость, раболѣпство признавались спеціальными свойствами Русскаго народа. Подъ покровомъ патріотизма взывали къ самымъ низменнымъ общественнымъ страстямъ, къ самымъ темнымъ инстинктамъ массъ. Если прежнее понятіе о народности витало въ облакахъ, то новое валялось въ грязи. Въ сущности, новаго тутъ ничего не было; такъ называемый *квасной* патріотизмъ извѣстенъ у насъ съ давнихъ поръ. Но въ прежнія времена литература, исходящая изъ образованныхъ классовъ, старалась народные инстинкты облагородить и возвести на степень истинно человѣческихъ чувствъ; реалистическая же публицистика стремилась искоренить всякія человѣческія чувства и низвести ихъ на степень животныхъ инстинктовъ. Цинизмъ, съ которымъ проповѣдывались эти начала, превосходитъ всякое вѣроятіе. Люди съ возвышенными стремленіями, искренно любящіе свое отечество и желающіе видѣть его на высотѣ общечеловѣческаго просвѣщенія, не могли не возмущаться до глубины души этимъ безнравственнымъ загрязненіемъ самыхъ лучшихъ человѣческихъ чувствъ, этимъ низменнымъ понима-

ніемъ своихъ народныхъ особенностей. Имъ больно было видѣть, какое пятно налагалось на Русскій народъ послѣдствіями этого направленія. Только указаніе на общечеловѣческія начала, заключающіяся въ универсализмѣ, можетъ вывести пониманіе народности изъ этой реалистической тины. Народность, какъ дѣятель въ исторіи, настолько имѣетъ цѣны, насколько она осуществляетъ въ себѣ эти начала и сама содѣйствуетъ ихъ развитію. Не внѣшняя сила, а внутреннее благоустройство и просвѣщеніе, вытекающія изъ глубины народнаго духа великія произведенія науки и искусства, осуществленіе въ своемъ гражданскомъ бытѣ началъ справедливости и свободы, наконецъ гуманное отношеніе къ подвластнымъ племенамъ,—вотъ что даетъ народу право на высокую историческую роль и на признаніе со стороны другихъ. Это именно то, что можетъ пожелать ему всякій просвѣщенный патріотъ и чему онъ обязанъ содѣйствать всѣми силами.

Но для того, чтобъ исполнить эту задачу, чтобы правильно понять и особенности своей народности и тѣ общечеловѣческія начала, которыя она призвана осуществлять при взаимнодѣйствіи съ другими, надобно изслѣдовать содержаніе общаго историческаго развитія и тѣ законы, которыми оно управляется. Это мы и постараемся сдѣлать въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА III.

Законы развитія человѣчества.

Мы видѣли, что всемірную исторію слѣдуетъ понимать какъ развитіе единаго духа, излагающаго свои опредѣленія въ преемственномъ процессѣ. Но всякое развитіе имѣетъ свои законы. Законъ есть способъ дѣйствія силы, вытекающій изъ ея природы. Гдѣ есть взаимнодѣйствіе двухъ или болѣе силъ, тамъ общимъ закономъ опредѣляется ихъ отношеніе. Отсюда опредѣленіе законовъ, какъ необходимыхъ отношеній, вытекающихъ изъ природы вещей. Эти отношенія могутъ быть случайныя или цѣлесообразныя. Первыя проистекаютъ изъ мѣстныхъ и временныхъ столкновеній частныхъ силъ, не имѣющихъ между собою никакой необходимой связи. И тутъ отношеніе опредѣляется природою силъ; но оно можетъ быть и не быть, почему оно и называется случайнымъ. Вторыя, напротивъ, заключаютъ въ себѣ необходимость. Цѣль можетъ быть достигнута только съ помощью извѣстныхъ средствъ, вслѣдствіе чего цѣлесообразно дѣйствующая сила пользуется окружающимъ матеріаломъ и подчиняетъ его себѣ. При этомъ она должна дѣйствовать сообразно съ природою матеріала; иначе она его себѣ не подчинитъ. Но отношеніе опредѣляется прежде всего собственною ея природою, которая выражается въ полагаемой

ею цѣли и налагаетъ свою печать на окружающія ее условія существованія. Таково именно существо развитія, какъ оно было опредѣлено выше. Развитіе единичнаго органическаго существа происходитъ не иначе какъ при извѣстныхъ условіяхъ; но пользуясь этими условіями, оно послѣдовательно излагаетъ свои опредѣленія въ томъ видѣ, въ какомъ они заключаются въ немъ потенціально, или въ состояніи возможности. Это совершается всегда по одному и тому же закону, выражающему природу даннаго существа.

Тоже самое имѣетъ мѣсто относительно духа. И его развитіе состоитъ въ томъ, что онъ излагаетъ внутреннія свои опредѣленія въ условіяхъ пространства и времени. Поэтому, съ одной стороны, онъ осуществляетъ то, что заключается въ немъ самомъ, въ глубинѣ его природы, съ другой стороны онъ осуществляетъ свои опредѣленія сообразно съ тѣми внѣшними условіями, въ которыя онъ поставленъ, по мѣрѣ того, какъ онъ покоряетъ себѣ природу, и въ той постепенности, которая составляетъ законъ всякаго развитія. Оторваться отъ этихъ условій онъ не можетъ; еслибы духъ могъ творить чисто изъ самого себя, это былъ бы не человѣческій духъ, прикованный къ землѣ, а царство Божіе, существующее внѣ земныхъ предѣловъ. Однако эти внѣшнія условія, въ которыя онъ поставленъ, не составляютъ для него нѣчто случайное. Какъ общее начало, духъ, въ отличіе отъ единичнаго существа, стоитъ выше случайностей. Развитіе единичной особи можетъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, получить неправильный ходъ, задержаться или даже совсѣмъ прекратиться. Развитіе духа не связано съ тѣмъ или другимъ мѣстомъ и временемъ; оно совершается тамъ, гдѣ условія благопріятны для осуществленія извѣстнаго, лежащаго въ немъ опредѣленія. Общія условія земнаго существованія даны ему разъ навсегда. Они съ самаго начала ограничиваютъ возможность его проявленія на данной планетѣ. Общій духъ можетъ имѣть и болѣе широкое значеніе; человѣческій духъ есть исключительно духъ земной, ограниченный условіями земли. Общія духовныя начала проявляются въ немъ въ той формѣ, которая опредѣляется земнымъ бытіемъ.

Однако, въ себѣ самомъ, духѣ носитъ другой элементъ случайности, отличный отъ того, который зависитъ отъ внѣшнихъ условій. Духъ есть общая стихія, связывающая безконечное множество единичныхъ особей и не существующая внѣ ихъ, а эти особи приходятъ въ безконечно разнообразныя и случайныя столкновенія другъ съ другомъ. Самыя свойства этихъ особей таковы, что въ нихъ къ внѣшней случайности присоединяется внутренняя. Природа духа, въ отличіе отъ косной матеріи, состоитъ въ самоопредѣленіи, или внутренней свободѣ.

Это и есть основное свойство человѣка, какъ разумнаго существа. Но свобода состоитъ въ возможности дѣйствовать такъ или иначе, слѣдовать закону или уклоняться отъ него. Развитіе духа совершается посредствомъ взаимнодѣйствія свободныхъ единицъ, которыя, слѣдовательно, могутъ уклоняться отъ общаго закона, опредѣляясь не на основаніи какихъ-либо разумныхъ началъ, а въ виду своихъ частныхъ цѣлей и стремленій.

Повидимому, мы стоимъ тутъ передъ противорѣчіемъ: если общій законъ исполняется взаимнодѣйствіемъ свободныхъ лицъ, то онъ можетъ вовсе и не осуществиться, ибо каждое изъ нихъ имѣетъ въ виду свои личныя цѣли, а не общія; если же мы признаемъ безусловную необходимость общаго закона, то свобода лицъ исчезаетъ; они становятся невольными орудіями общихъ цѣлей, осуществляемыхъ помимо ихъ воли. Какъ же выдти изъ этой дилеммы?

Она разрѣшается правильнымъ пониманіемъ отношенія свободы къ необходимости въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Мы уже указывали на это отношеніе въ дѣятельности, направленной на покореніе внѣшней природы. И тутъ человѣкъ является свободнымъ существомъ, которое по собственному изволенію полагаетъ себѣ всякія цѣли. Между тѣмъ, природа управляется законами абсолютной необходимости, совершенно независимыми отъ человѣческой воли. Какія бы цѣли ни ставилъ себѣ человѣкъ, осуществить ихъ въ матеріальномъ мірѣ онъ можетъ не иначе, какъ сообразуясь съ вѣчными и неизмѣнными законами природы, которые полагаютъ предѣлы его дѣятельности. Какъ свободное существо, онъ можетъ сочинять и строить какія угодно машины, но дѣйствовать будутъ только тѣ, которыя согласны съ законами механики; иначе машина не пойдетъ. Perpetuum mobile неосуществимо, какъ ни старайся человѣкъ достигнуть этого результата. Онъ воленъ направлять своя дѣйствія, какъ хочетъ, но они останутся безплодны. Тоже самое имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ законамъ духа. Только тѣ свободныя человѣческія дѣйствія будутъ имѣть успѣхъ, которыя согласны съ этими законами; тѣ, которыя идутъ имъ наперекоръ, останутся тщетными.

Въ отношеніи къ законамъ духа, свобода человѣка ограничивается еще и тѣмъ, что они составляютъ для него не внѣшнюю только границу, а собственное внутреннее опредѣленіе. Свобода сама есть явленіе духа, а потому дѣйствуетъ по присущимъ ему законамъ. Проявляясь въ единичномъ лицѣ, она подвергается всѣмъ случайностямъ частнаго существованія. Какъ свободное лице, человѣкъ можетъ уклоняться отъ исполненія закона. Это уклоненіе и есть внутренняя случайность его личной природы. Но уклоненія могутъ быть въ ту или

другую сторону, и чѣмъ большее мы возьмемъ количество людей, тѣмъ болѣе противоположныя стремленія уравновѣшиваютъ другъ друга. Распредѣляясь въ массѣ, случайности исчезаютъ, оставляя мѣсто среднему теченію, въ которомъ выражается господствующая сила. Таковъ общій статистическій законъ, управляющій, какъ явленіями природы, такъ и человѣческими поступками. Ежегодно повторяющееся количество дѣйствій, повидимому совершенно зависящихъ отъ человѣческой воли, напримѣръ браковъ и преступленій, со всѣми особенностями относительно пола, возраста и качества, свидѣтельствуетъ объ этомъ законѣ, который, предоставляя полный просторъ человѣческой свободѣ, въ итогѣ подводитъ ее подъ общія нормы, выражающія дѣйствіе совокупныхъ силъ. Каждый вдовецъ воленъ вступать въ бракъ, жениться на дѣвушкѣ или на вдовѣ, но онъ не воленъ сдѣлать, чтобы количество заключающихся браковъ того и другаго разряда не повторялось приблизительно изъ года въ годъ.

Изъ этого понятно значеніе великихъ людей въ историческомъ процессѣ. Великіе люди тѣ, которые всего яснѣе понимаютъ потребности современной жизни. Поэтому они находятъ наибольшій отзывъ и имѣютъ успѣхъ. Дѣйствуя согласно съ законами духа, они являются какъ бы его орудіями, исполнителями его цѣлей. Они всего болѣе содѣйствуютъ движенію исторіи впередъ, по пути, указанному внутреннею природою духовной силы.

При всемъ томъ, нельзя отвергнуть и участіе чисто личнаго, слѣдовательно случайнаго элемента въ исторіи. Свободное лице никогда не является чистымъ органомъ общаго духа; оно всегда сохраняетъ свои личныя свойства и стремленія. Чѣмъ болѣе выдающуюся роль оно играетъ въ совокупномъ процессѣ, тѣмъ болѣе эти личныя свойства и стремленія отражаются на общемъ ходѣ дѣлъ. Они не въ силахъ измѣнить этотъ ходъ, но они могутъ ускорить его или задержать, дать развитію ту или другую окраску. Общій законъ можетъ осуществляться путемъ безконечно разнообразныхъ видоизмѣненій, выборъ которыхъ предоставленъ человѣческой свободѣ. Аналогію съ этимъ отношеніемъ представляетъ механическій законъ сохраненія энергіи. Въ силу этого закона, для прохожденія пути отъ одной опредѣленной точки къ другой нужна затрата извѣстнаго количества энергіи. Пути могутъ быть самые разнообразные; выборъ ихъ зависитъ отъ произвола. Но каковъ бы ни былъ путь, долгій или короткій, прямой или извилистый, въ концѣ концовъ затрата силы будетъ одна и таже.

Такимъ образомъ, слѣдуя общимъ законамъ развитія, исторія на своей поверхности представляетъ безконечно разнообразную игру человѣческихъ стремленій и страстей. Здѣсь личность проявляется во

всей своей свободѣ и со всѣми своими особенностями. Эта волнующаяся область представляетъ самую заманчивую картину, не только для воображенія, но и для мысли, стремящейся къ познанію людей и ихъ отношеній. Здѣсь политикъ можетъ почерпать самые назидательные уроки. Однако, для философскаго понимaнія, которое ставитъ себѣ задачею въ измѣнчивомъ разнообразіи явленій открыть внутренній ихъ смыслъ и управляющіе имъ законы, всего важнѣе тѣ общія начала, которыя осуществляются въ этой смѣнѣ лицъ и событій. Для изслѣдованія ихъ нужно разнять различныя стороны общественной жизни и стараться опредѣлить тѣ постепенные переходы, которымъ они подвергаются въ историческомъ процессѣ.

Въ предъидущемъ изложеніи мы разсматривали составные элементы общества, какъ въ ихъ принципіальномъ значеніи, такъ и въ ихъ историческомъ развитіи. Здѣсь намъ предстоитъ все сказанное свести къ единству и постараться вывести изъ этого общіе законы.

Разсмотрѣнные нами элементы общественной жизни суть, съ одной стороны, духовные интересы, съ другой стороны экономическій бытъ, наконецъ гражданскій строй, съ которымъ связанъ и строй политическій. Но экономическій бытъ состоитъ, какъ мы видѣли, въ тѣсной зависимости отъ гражданскаго порядка, на который онъ, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе. Въ развитія обществъ этотъ элементъ имѣетъ служебное значеніе; онъ является только орудіемъ высшихъ началъ. Поэтому, мы можемъ ограничиться опредѣленіемъ главныхъ моментовъ развитія гражданскаго и политическаго строя, въ которомъ экономическія отношенія найдутъ свое мѣсто. Что же касается до духовныхъ интересовъ, то въ нихъ первенствующую роль играютъ религія и философія, въ которыхъ выражаются основныя, руководящія начала человѣческаго сознанія. Частныя науки и искусства имѣютъ второстепенное значеніе. Такимъ образомъ, изслѣдованіе общаго хода исторіи представитъ намъ развитіе руководящихъ ею идей, съ одной стороны въ чисто теоретической области, въ религіи и философіи, съ другой стороны въ практической сферѣ, въ приложеніи къ общественной жизни.

Но изъ двухъ означенныхъ теоретическихъ сферъ, религія, какъ болѣе конкретное явленіе духа, дѣйствующее не только на разумъ, но и на чувство и волю, оказываетъ непосредственное вліяніе на самый общественный бытъ. Мы назвали времена, въ которыя преобладаетъ религія, синтетическими эпохами человѣческаго развитія: въ нихъ вся человѣческая жизнь, какъ въ теоретической, такъ и въ практической области, связывается религіознымъ началомъ въ одно систематическое цѣлое. Напротивъ, господствомъ философіи характе-

ризуются эпохи аналитическія, въ которыхъ каждая сторона жизни развивается самостоятельно, на основаніи собственныхъ, внутреннихъ началъ. Это раздѣленіе впервые было высказано Сенъ-Симонистами, которые однако поняли его слишкомъ поверхностно и не дали ему прочнаго основанія въ фактахъ. Между тѣмъ, изученіе явленій исторіи представляетъ ему полное подтвержденіе.

Доселѣ человѣчество въ своемъ историческомъ движеніи прошло черезъ двѣ синтетическія эпохи и двѣ аналитическія. Какъ уже было указано выше, исторія начинается съ первобытнаго синтеза. Поэтому, первыя ступени человѣческаго развитія обозначаются господствомъ теократіи, охватывающей всѣ стороны жизни и дающей имъ больщій или меньшій характеръ неподвижности. Таковы доселѣ народы Востока. Впервые человѣкъ сбрасываетъ съ себя теократическіе путы въ Греціи и Римѣ; господство теократіи смѣняется здѣсь свѣтскимъ развитіемъ мысли и жизни. Но этотъ аналитическій періодъ, завершивъ свое развитіе, приводитъ къ новому синтезу, уже не похожему на предыдущій, выражающему не первобытное единство, а раздвоеніе мысли и жизни. Религіозное начало обнимаетъ весь нравственный міръ, въ противоположность 'которому свѣтская область представляетъ хаосъ буйныхъ силъ, управляемыхъ началами частнаго права и приходящихъ въ безпрерывныя столкновенія другъ съ другомъ. Таковъ средневѣковой порядокъ. Но самая его раздвоенность и проистекающій отсюда разладъ ведутъ къ его паденію. За синтезомъ опять слѣдуетъ аналитическій періодъ, котораго исходная точка характеризуется возвращеніемъ къ началамъ древняго міра, выработаннымъ классическими народами. Опираясь на эти начала, человѣчество стремится къ высшему соглашенію противоположностей путемъ новаго, самостоятельнаго развитія всѣхъ сторонъ жизни. Это— тотъ періодъ, въ которомъ оно находится до настоящаго времени. Аналогія съ предыдущимъ и выражающійся въ совокупномъ процессѣ общій ходъ исторіи даютъ право предполагать, что и этотъ второй аналитическій періодъ долженъ привесть къ новому, высшему синтезу, представляющему уже не противоположность началъ, а идеальное ихъ соглашеніе. Такимъ образомъ, общій процессъ развитія состоитъ въ томъ, что человѣчество идетъ отъ первоначальнаго единства къ раздвоенію и затѣмъ отъ раздвоенія къ единству конечному. Начало, середина и конецъ процесса представляютъ синтетическіе періоды развитія, характеризующіеся господствомъ религіи, аналитическіе же періоды лежатъ въ промежуткахъ, обозначая переходы сперва между началомъ и серединой, а затѣмъ между серединой и концомъ.

Таковъ общій законъ развитія, который мы можемъ вывести изъ явленій исторіи. Это — законъ не фактическій только, а вполнѣ раціональный, ибо онъ представляетъ чистый законъ діалектическаго развитія, которое изъ первоначальнаго единства выдѣляетъ противоположности, и затѣмъ эти противоположности опять сводитъ къ высшему единству. Въ общемъ, онъ представляетъ круговоротъ, въ которомъ конецъ совпадаетъ съ началомъ. Однако это совпаденіе далеко не тождественное: то, что въ началѣ заключалось въ состояніи слитномъ, какъ бы въ зародышѣ, или въ возможности, то въ концѣ является въ состояніи раздѣльности. Каждый элементъ, достигнувъ полнаго развитія, получаетъ самостоятельное существованіе; онъ подчиняется цѣлому, но не поглощается послѣднимъ. Первоначальное единство есть состояніе еще невыдѣлявшагося разнообразія; конечное единство есть согласіе разнообразія.

Чтобы утвердить этотъ законъ на прочной научной основѣ, надобно провести его по всѣмъ явленіямъ. Здѣсь мы, разумѣется, принуждены ограничиться только главными моментами; но мы должны ихъ обозначить, ибо они для общественной жизни имѣютъ самое существенное значеніе.

Начнемъ съ первоначальныхъ религій, характеризующихъ первую синтетическую эпоху человѣческаго развитія.

Сознаніе абсолютныхъ началъ бытія, лежащее въ основаніи теократическихъ религій, не составляетъ первоначальнаго опредѣленія человѣческой мысли. Къ нему требуется извѣстное приготовленіе. Умъ, погруженный въ объективный міръ, долженъ отъ представляющихся ему частностей постепенно возвыситься къ безусловно общему. Поэтому, развитію философскихъ религій, составляющихъ сущность теократическаго міросозерцанія, предшествуетъ періодъ развитія религій первобытныхъ. Низшую ихъ ступень составляетъ *фетишизмъ*, то есть, поклоненіе какому-либо частному, земному явленію, какъ божеству. Исканіе Бога, какъ уже было замѣчено, искони присуще душѣ человѣка: это — первый признакъ ея внутренней, метафизической природы. Имъ онъ отличается отъ животныхъ, которыя передъ поражающимъ или привлекающимъ ихъ явленіемъ могутъ ощущать страхъ или влеченіе, но ничего похожаго на религіозное почитаніе. Этому внутреннему влеченію къ Богу, лежащему въ основаніи всего религіознаго процесса, человѣкъ удовлетворяетъ по мѣрѣ развитія своего сознанія. Первоначально умъ, погруженный въ міръ внѣшнихъ явленій, не въ состояніи отъ нихъ оторваться. Поражающее его явленіе онъ принимаетъ за Божество. Но глубокое несоотвѣтствіе между идеей и формой ведетъ къ дальнѣйшему развитію.

Отъ внѣшняго явленія умъ переходитъ къ сознанію внутренней его сущности, отъ видимаго къ невидимому. Это происходитъ двоякимъ путемъ: съ одной стороны, частныя явленія сводятся къ проявляющимся въ нихъ силамъ природы; съ другой стороны, развивается поклоненіе душамъ умершихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякимъ невидимымъ духамъ. Первую форму можно назвать *натурализмомъ*; вторая получила названіе *анимизма*. Нерѣдко между этими двумя противоположными началами, производящими силами природы и силами смерти, происходитъ идеальная борьба, которая выражается въ разнаго рода миѳическихъ сказаніяхъ. Примиреніе совершается черезъ то, что умъ отъ противоположности земныхъ силъ возвышается къ созерцанію вѣчнаго порядка, господствующаго во вселенной. Поднимая взоры къ небу, онъ видитъ небесныя свѣтила, всегда себѣ равныя, въ стройномъ чинѣ совершающія свой путь. Отсюда высшая форма первобытныхъ религій—*сабеизмъ*. Въ нѣкоторыхъ вѣрованіяхъ переходъ отъ анимизма къ сабеизму выражается тѣмъ, что души умершихъ возносятся на небо и становятся небесными свѣтилами.

Отсюда уже одинъ шагъ до сознанія единаго небеснаго Бога, какъ верховнаго Разума, владычествующаго въ мірѣ и установляющаго всюду законъ и порядокъ. Это міросозерцаніе составляетъ первую ступень развитія религій философскихъ. Но затѣмъ, одно за другимъ, выступаютъ и другія начала, указанныя выше *). Они соотвѣтствуютъ тому, что въ частной формѣ выражается уже въ первобытныхъ религіяхъ. Частныя силы природы сводятся къ понятію о единомъ Богѣ Силы, какъ творцѣ и верховномъ властителѣ всего сущаго; а съ другой стороны, представленія о единичныхъ духахъ подчиняются высшему понятію о Богѣ Духѣ, какъ душѣ міра, всюду присущей и всему дающей жизнь. Наконецъ, и матеріальное начало находитъ свое выраженіе въ представленіи женскаго божества, Матери-Природы, отъ которой происходятъ частныя силы, владычествующія въ различныхъ областяхъ вселенной, но образующія вмѣстѣ стройную систему. Такъ завершается полный циклъ философскихъ религій.

Мы уже видѣли, что эти четыре начала соотвѣтствуютъ четыремъ основнымъ опредѣленіямъ разума: причинѣ производящей, причинѣ формальной, причинѣ матеріальной и причинѣ конечной. Къ этимъ началамъ сводится всякое пониманіе, какъ относительнаго, такъ и абсолютнаго бытія. Вытекая изъ самыхъ законовъ разума, они одинаково прилагаются ко всему познаваемому. Отсюда рождаются систематическія міросозерцанія, которыя можно обозначить названіями

---

*) См. кн. III, гл. 1.

натурализма, спиритуализма, матеріализма и идеализма, смотря по тому, которое изъ этихъ четырехъ началъ является въ немъ преобладающимъ. А такъ какъ законы разума суть вмѣстѣ и законы внѣшняго міра, то они выражаютъ собою истинную сущность вещей.

Исходя изъ единаго источника, совокупность этихъ началъ образуетъ полный циклъ, состоящій изъ двухъ перекрещивающихся противоположностей. Поэтому, отправляясь отъ одного начала, умъ, въ силу внутренней логической необходимости, неизбѣжно переходитъ и къ другимъ, пока не завершится круговоротъ. И это повторяется на всѣхъ ступеняхъ развитія, вслѣдствіе чего каждая отдѣльная ступень представляетъ всю полноту основныхъ началъ бытія. Это мы можемъ видѣть, какъ въ развитіи религій, такъ и въ развитіи философіи.

Но порядокъ движенія можетъ быть разный, смотря по тому, которое изъ четырехъ началъ служитъ исходною точкой. Такъ какъ полный циклъ образуетъ двѣ перекрещивающіяся противоположности, то главная нить движенія можетъ идти либо отъ причины производящей, черезъ причины формальную и матеріальную, къ причинѣ конечной, и обратно, либо отъ причины матеріальной, черезъ причины производящую и конечную, къ причинѣ формальной, и обратно. Когда разумъ начинаетъ отъ себя, онъ идетъ первымъ путемъ, отъ начала къ концу; поэтому, этотъ путь можно назвать субъективнымъ. Когда же онъ исходитъ отъ объекта, онъ идетъ вторымъ путемъ, который поэтому можно назвать объективнымъ. Мы видѣли, что совокупное развитіе человѣчества идетъ отъ первоначальнаго единства, черезъ двѣ посредствующія противоположности, къ единству конечному. Слѣдовательно, это путь субъективный, выражающій развитіе духа извнутри себя. Но на первой ступени человѣческій умъ еще себя не сознаетъ, а погруженъ въ объективное бытіе. Поэтому здѣсь развитіе религіознаго сознанія идетъ объективнымъ путемъ, въ первобытныхъ религіяхъ отъ причины матеріальной къ причинѣ формальной, въ религіяхъ философскихъ обратно, отъ причины формальной къ причинѣ матеріальной. На дальнѣйшихъ ступеняхъ мы увидимъ всѣ разнообразныя точки исхода и пути развитія, которымъ слѣдуетъ умъ человѣческій.

Отношеніе общечеловѣческихъ идей къ народному духу ведетъ и къ тому, что различныя начала получаютъ преобладающее значеніе у различныхъ народовъ. Но такъ какъ всѣ эти начала связаны между собою, то въ болѣе или менѣе обширныхъ группахъ мы найдемъ всѣ означенныя формы, но въ различной степени развитія и въ различныхъ сочетаніяхъ. Отсюда сложность явленій, въ которой трудно иногда разобраться. Однако внимательное ихъ изученіе, насколько оно до-

ступно современной наукѣ, приводитъ насъ къ нѣкоторымъ выводамъ, которые можно признать достовѣрными *).

Максъ Мюллеръ раздѣляетъ религіи древняго міра на три главныя группы: туранскую, семитическую и арійскую. Но послѣднюю слѣдуетъ раздѣлить на двѣ, имѣющія совершенно разный характеръ: юговосточную, или азіатскую, и западную, или европейскую. Первая вполнѣ примыкаетъ къ восточному міросозерцанію, вторая представляетъ переходъ къ свѣтскому развитію. Такимъ образомъ получаются четыре группы, изъ которыхъ въ каждой преобладаетъ одно изъ четырехъ указанныхъ выше началъ: въ туранской—поклоненіе богу небесному, или верховному Разуму, въ семитической—поклоненіе богу Силы, въ юговосточной арійской—поклоненіе богу Духу, наконецъ въ европейской—поклоненіе индивидуальнымъ божествамъ, рожденнымъ отъ Матери-Природы. Но, какъ сказано, въ каждой отдѣльной группѣ развиваются и остальныя начала, изъ чего проистекаютъ болѣе сложныя формы.

Поклоненіе Небу, какъ верховному Разуму, источнику нравственнаго закона, установляющему порядокъ въ мірозданіи, представляетъ намъ религія Китайцевъ. Это и составляетъ главное содержаніе ученія Конфуція. Въ отличіе отъ него, въ сектѣ Лао-тце развивается пантеистическое понятіе о верховномъ Разумѣ, какъ душѣ міра. Это воззрѣніе служитъ переходомъ къ міросозерцанію юговосточныхъ Аріевъ. Отсюда восприятіе буддизма, который, въ преобразованномъ видѣ, получилъ господство въ Тибетѣ. Съ другой стороны, у монгольскихъ завоевателей является понятіе о единомъ Богѣ, властителѣ вселенной. Это составляетъ переходъ къ семитическому міросозерцанію, вслѣдствіе чего Монголы перешли въ магометанство. Наконецъ, индивидуалистическое начало спиритуализма, поклоненіе происшедшимъ отъ верховнаго Разума безсмертнымъ душамъ, присущее и другимъ отраслямъ, становится преобладающимъ въ туземной религіи Японцевъ, Синто. Они верховныя, небесныя божества считаютъ слишкомъ отдаленными отъ человѣка, и потому ему недоступными, и поклоняются небесной богинѣ Тенъ-сіо-дай-цинъ, родоначальницѣ людей, и происшедшимъ отъ нея душамъ предковъ, ками, или святымъ. Эта послѣдняя религіозная форма, по существу своему, является наименѣе устойчивой, а потому открываетъ доступъ другимъ вѣрованіямъ, а вмѣстѣ и свѣтскому развитію.

Таковъ религіозный циклъ туранской группы. Отъ нея произошли

*) Болѣе подробное изложеніе развитія древнихъ религій см. въ моемъ сочиненіи: *Наука и Религія*. Оно было издано шестнадцать лѣтъ тому назадъ и въ немъ приходится сдѣлать нѣкоторыя поправки, но главныя основанія я считаю вѣрными.

и семитическія религіи. Древнѣйшая изъ послѣднихъ, халдейская, прямо заимствовала свою верховную троицу у покоренныхъ народовъ туранской отрасли, Аккадовъ и Сумировъ. Верховнымъ божествомъ считался богъ неба—Анна, къ которому присоединялись богъ стихійной силы—Эа и богъ бездны, или царства мертвыхъ, Муль-же, или, по другому чтенію, Муллила. Наконецъ, къ этой верховной тріадѣ примыкало и женское божество, Давкина, дополняя собою основной циклъ. Воспринимая это міросозерцаніе, Семиты нѣсколько его видоизмѣнили, согласно съ своими духовными особенностями. Богъ темной бездны замѣнился у нихъ другою формой бога Силы, формою измѣнчивою, переходящею изъ одной противоположности въ другую, умирающею и воскресающею. Таковъ былъ Баль, видимымъ представителемъ котораго является солнце, восходящее и заходящее, то владычествующее на небѣ, то погружающееся въ преисподнюю. Точно также мѣсто Давкины у Семитовъ заступила небесная богиня Истаръ, или Балита, подруга Баля. Но изъ трехъ верховныхъ божествъ халдейской религіи, небесный богъ Анна скоро отошелъ на задній планъ и исчезъ изъ сознанія. Преобладающее значеніе получилъ, съ одной стороны, Баль, который сдѣлался верховнымъ божествомъ Вавилонской монархіи, а съ другой стороны, у Ассиріянъ; надъ всѣми халдейскими богами возвысился грозный богъ Силы, Ассуръ. Отсюда вѣковая борьба между двумя великими завоевательными монархіями Западной Азіи. Ассирія въ теченіи многихъ вѣковъ была грозою сосѣдей. Вавилонъ то затмѣвался, то вновь поднимался и окончательно пережилъ свою соперницу, возсіявъ необыкновеннымъ блескомъ передъ самымъ своимъ паденіемъ. Его верховное божество сдѣлалось господствующимъ и среди мелкихъ племенъ передней Азіи, у которыхъ оно принимало различныя формы. Но рядомъ съ нимъ, у нѣкоторыхъ даже выше его, становилось женское божество—Астарта, видоизмѣненная Истаръ. Однако и тутъ, въ противоположность многообразному и измѣнчивому богу Силы, Ваалу, развивалось понятіе о Богѣ Силы, вѣчно себѣ равномъ, какъ единое верховное Бытіе, исключающее всякое другое себѣ подобное и представляющееся началомъ всего сущаго. Это понятіе сдѣлалось народнымъ достояніемъ маленькаго племени Евреевъ, которое черезъ это получило міровое значеніе. Не только это понятіе о Божествѣ было исходною точкой для той формы семитическихъ вѣрованій, которая окончательно восторжествовала надъ всѣми другими и распространила свое владычество далеко за предѣлы Западной Азіи, именно для ислама, но отъ него получила начало и та общечеловѣческая религія, которая сдѣлалась воспитательницею новаго человѣчества—христіанство. Такимъ образомъ, еврейская на-

родность выработала въ себѣ и передала всему человѣчеству то, что составляетъ истинную сущность семитическаго міросозерцанія—понятіе о единомъ Богѣ, какъ всемогущемъ творцѣ міра и абсолютномъ властителѣ вселенной.

Съ другой стороны, изъ туранскихъ же вѣрованій развилось поклоненіе Богу-Духу. Столкновеніе проистекающаго отъ небеснаго Бога неизмѣннаго порядка съ господствующими на землѣ дикими силами приводитъ къ противоположенію свѣтлаго царства Добра темному царства Зла, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ противоположенію двухъ началъ, добраго и злаго, раздѣляющихъ между собою господство вселенной и находящихся въ постоянной борьбѣ. Это противоположеніе составляетъ сущность древнѣйшій изъ религій юговосточныхъ Аріевъ, зендской. Въ книгахъ, которыя приписываются Зороастру, весь процессъ мірозданія представляется постоянною борьбой между Ормуздомъ и Ариманомъ. Это міросозерцаніе было господствующимъ у всѣхъ иранскихъ народовъ, Бактровъ, Медовъ и Персовъ. Но на такомъ раздвоеніи мысль не могла остановиться. Требовалось единство, которое могло быть понято въ двоякой формѣ. Съ одной стороны, враждующія начала могли быть сведены къ понятію о силѣ измѣнчивой, переходящей изъ одной противоположности въ другую, къ тому самому понятію, которое развивалось въ религіи вавилонской и котораго внѣшнимъ представителемъ является солнце. И тутъ оно примыкаетъ къ солнечному богу, Митрѣ, поклоненіе которому господствовало въ особенности у Персовъ. Съ другой стороны, объединенія противоположныхъ началъ можно искать не въ силѣ, а въ духѣ, то-есть, въ началѣ внутреннемъ, вѣчно дѣйствующемъ и переходящемъ отъ одного опредѣленія къ другому. Въ иранской религіи это понятіе было развито въ формѣ Вѣчнаго Времени (Зерване Акерене). Но здѣсь оно не достигло преобладанія, а осталось достояніемъ отдѣльныхъ сектъ. Полное развитіе оно получило у другой отрасли юго-восточныхъ Аріевъ, у Индусовъ. Здѣсь выработалось цѣльное, чисто пантеистическое міросозерцаніе, съ тремя верховными божествами во главѣ: Брама, богъ закона, или верховный Разумъ, присущій міру, Шива, богъ силы въ двухъ противоположныхъ опредѣленіяхъ, благодѣтельный и грозный, созидающій и разрушающій, наконецъ Вишну, богъ жизни, составляющій внутреннюю, животворную сущность всякаго бытія и своими превращеніями осуществляющій согласіе на землѣ. Къ этимъ тремъ началамъ примыкаетъ наконецъ и четвертое, чисто индивидуалистическое. Оно выражается въ воплощеніи Божества въ единичномъ человѣкѣ, и наоборотъ, въ вознесеніи человѣка къ Божеству, отрѣшеніемъ отъ всего измѣнчиваго и частнаго. Такова сущность буддизма, которой, однако,

въ силу своего индивидуалистическаго характера, становится во враждебное отношеніе къ браманизму, а потому изгоняется изъ Индіи, но находитъ широкое распространеніе у другихъ народовъ, главнымъ образомъ въ туранской группѣ.

Но буддистскій индивидуализмъ былъ только исчезающимъ моментомъ бытія. Человѣкъ, въ этомъ міросозерцаніи, появляется на свѣтъ лишь за тѣмъ, чтобы отречься отъ себя и снова погрузиться въ безграничную стихію. Индивидуализмъ, какъ прочное начало частнаго существованія, долженъ былъ появиться какъ новая ступень религіознаго развитія. Это была та точка зрѣнія, на которую стали народы западной отрасли арійскаго племени. Для того чтобы могла выработаться эта новая ступень, нужно было взаимнодѣйствіе противоположныхъ міросозерцаній, семитическаго и восточно - арійскаго, поклоненія богу Силы и поклоненія богу-Духу. Индія, удаленная отъ всемірныхъ путей, не могла быть поприщемъ этого духовнаго столкновенія. Оно произошло въ Египтѣ, который поэтому занимаетъ особое мѣсто во всемірной исторіи, какъ посредникъ между Азіей и Европой.

Религіозное развитіе Египта представляетъ повтореніе тѣхъ же самыхъ ступеней, которыя были указаны выше, чѣмъ самымъ подтверждается общность закона. Первый періодъ египетской исторіи, Мемфисскій, характеризуется поклоненіемъ небесному богу Фта, мудрому устроителю вселенной, источнику закона и порядка. Но и здѣсь столкновеніе этого порядка съ неподдающимися ему буйными силами ведетъ къ противоположенію добраго начала злому и къ борьбѣ между ними. Это выражается въ борьбѣ небеснаго бога Добра, Озириса, съ олицетвореніемъ Зла, Сетомъ или Тифономъ. И тутъ это противоположеніе связывается двоякимъ единствомъ, съ одной стороны поклоненіемъ богу Силы, переходящему отъ одной противоположности къ другой и олицетворяемому солнцемъ, то царствующимъ на небѣ, то нисходящимъ въ подземную область, съ другой стороны поклоненіемъ Духу, самосущему, все проникающему, проявляющемуся въ безконечномъ разнообразіи формъ и всему дающему жизнь. Въ египетскомъ міросозерцаніи эти два верховныя начала отождествляются: духъ, Аммонъ, является вмѣстѣ и солнцемъ, Ра; оба отождествляются и съ Озирисомъ, богомъ Добра, въ борьбѣ его съ темными силами. Аммонъ-Ра-Гармакисъ *) было тройнымъ именемъ одного и того же божества. Въ другомъ представленіи Аммонъ-Ра сопоставляется съ Хонзу, богомъ небеснаго порядка, который считался его сыномъ, и съ Мутъ, женскимъ

*) Гармакисъ значитъ Горъ между двумя горизонтами, то-есть солнце, на небѣ между восходомъ и закатомъ, въ подземной между закатомъ и восходомъ. Горъ есть другая форма Озириса.

божествомъ, олицетворяющимъ матеріальное начало. Изъ всего этого развивается пантеистическое міросозерцаніе, въ которомъ Духъ, или душа міра, проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и поклоненіяхъ. Такова сущность египетской религіи во второй періодъ историческаго ея развитія, центромъ котораго были Өивы.

Въ эту именно пору произошло столкновеніе съ Семитами. Не разъ они покоряли Египетъ и не разъ были оттуда изгоняемы. Это отразилось на религіозныхъ понятіяхъ. Египетскій духъ зла, Сети, былъ отождественъ съ семитическимъ Сутекомъ, и борьба между ними представилась въ видѣ погибели Озириса, который разрывается на части противоположнымъ ему злымъ началомъ. Но послѣ него остается его жена, Мать-Природа, Изида, которая собираетъ разрозненные члены своего мужа и рождаетъ сына, мстителя за отца. Озирисъ, какъ отжившее начало, остается судьею въ царствѣ мертвыхъ, владыкою же вселенной становится сынъ Изиды, Горъ, который убиваетъ Тифона и воцаряется на землѣ. Поклоненіе Изидѣ въ связи съ миѳомъ объ Озирисѣ и съ воцареніемъ Гора составляетъ первенствующій элементъ въ послѣдній періодъ исторіи Египта, который сосредоточивается опять въ нижней его части, въ Дельтѣ. Далѣе этого религіозное развитіе Египта не пошло. Египтяне смотрѣли не впередъ, а назадъ. Торжествующая Изида ограничилась рожденіемъ въ новомъ видѣ стараго божества. Новаго поколѣнія боговъ она не произвела. Это было дѣломъ европейскихъ Аріевъ.

Въ греческой миѳологіи, какъ она передается намъ Гезіодомъ, развивается таже послѣдовательность ступеней религіознаго сознанія, которая указана выше. Сначала царствовали Небо и Земля; затѣмъ родителей смѣстилъ Кроносъ, завершитель, глотающій своихъ дѣтей, владыка золотаго вѣка, то-есть Духъ, все приводящій къ согласію, проявляющійся въ разнообразныхъ формахъ и опять снимающій или поглощающій эти различія; наконецъ, сынъ Кроноса, Зевсъ, спрятанный и вскормленный матерью, низвергаетъ отца и заставляетъ его выкинуть обратно проглоченныхъ имъ дѣтей. Кроносъ остается властителемъ Елисейскихъ Полей, въ царствѣ мертвыхъ. Вмѣстѣ съ нимъ Зевсъ низвергаетъ и его сподвижниковъ, Титановъ, призвавъ на помощь дикія силы природы, Сторукихъ и Великановъ, которыхъ онъ затѣмъ самъ обуздываетъ, послѣ чего онъ воцаряется безпрепятственно на Олимпѣ.

Выработавшійся изъ этого процесса сонмъ олимпійскихъ боговъ представляетъ стройную систему, въ которой каждое божество занимаетъ свое мѣсто и получаетъ свой индивидуальный характеръ, сродный человѣческому. Во главѣ стоятъ три верховныхъ бога, раздѣлившіе

между собою вселенную: богъ неба, Зевсъ-громовержецъ, богъ стихійной силы, Посейдонъ, и богъ подземнаго царства, Аидъ. Очевидно, это тѣже божества, которыя мы видѣли въ древней Халдеѣ у Аккадовъ и Сумировъ. Точки зрѣнія и формы мѣняются, но начала остаются тѣже. Сообразно съ индивидуалистическою формой греческаго многобожія, женское божество распадается на нѣсколько отдѣльныхъ лицъ: рядомъ съ царицею неба, супругою Зевса, Герой, является вышедшая изъ его головы Аѳина-Паллада, Мать-Земля Деметеръ, и дочь ея Персефона, супруга Аида, воинственная Артемида и богиня красоты Афродита. Особенное развитіе получаютъ у Грековъ идеалистическія представленія, связанныя съ подземнымъ царствомъ. Культъ Деметры и Персефоны, въ связи съ перешедшимъ изъ Малой Азіи поклоненіемъ Діонису, умирающему и воскресающему, составляютъ содержаніе мистерій, которыя для Грековъ были высшею тайной ихъ религіи и залогомъ будущей жизни.

Тѣже божества, но въ болѣе трезвой формѣ, съ меньшимъ преобладаніемъ воображенія, повторяются и у Римлянъ. Сообразно съ духомъ Римскаго народа, здѣсь большее значеніе получаетъ начало силы. Верховнымъ божествомъ остается арійскій Юпитеръ, тождественный съ греческимъ Зевсомъ; но національнымъ богомъ Римлянъ является Марсъ, богъ войны, отецъ Ромула и Рема, миѳическихъ основателей Рима. Подземное же божество, Аидъ, замѣняется двуликимъ Янусомъ, заимствованнымъ у Этрусковъ. Наконецъ, національнымъ женскимъ божествомъ является Веста, представительница земной твердыни и крѣпости домашняго очага. У Римлянъ не было мистерій, которыя, открывая религіозному чувству новые горизонты, выводили его изъ тѣснаго круга индивидуальныхъ божествъ и заставляли его подняться къ верховнымъ началамъ бытія.

Обозрѣвая совокупное развитіе философскихъ религій древняго міра, мы видимъ, что, исходя отъ понятія о небесномъ богѣ, какъ верховномъ Разумѣ, онѣ, черезъ посредствующія начала Силы и Духа, пришли наконецъ къ системѣ индивидуальныхъ божествъ, владычествующихъ въ мірѣ. Въ противоположность первобытнымъ религіямъ, развитіе шло здѣсь отъ причины формальной къ причинѣ матеріальной. Послѣдняя является завершеніемъ процесса; но, по существу своему, это—начало низшее. Означенный путь есть процессъ разложенія, а не сложенія религіознаго міросозерцанія. Поэтому, греческая религія отличалась большимъ изяществомъ, но гораздо меньшею глубиною, нежели религіи восточныя. Она была ступенью, предшествовавшею свѣтскому развитію. Вслѣдствіе этого, классическія религіи пали, тогда какъ восточныя въ существенныхъ началахъ сохранились доселѣ. Въ историческомъ по-

токѣ исчезали переходныя и измѣнчивыя формы, но удержались тѣ вѣчныя начала, которыя, кроясь въ глубинѣ человѣческаго духа, присущи всякому богопочитанію. Китай и Японія, браманизмъ и буддизмъ, еврейство и исламъ, представляютъ различныя стороны этого богопочитанія, одни въ формѣ народной, другія въ формѣ общечеловѣческой. Поклоненіе верховному Разуму и проистекающимъ изъ него безсмертнымъ душамъ, поклоненіе богу Силы, творцу и властителю вселенной, наконецъ поклоненіе животворящему Духу въ разнообразіи опредѣленій—таковы результаты, добытые религіознымъ познаніемъ Бога въ природѣ. Они составляютъ прочное достояніе человѣчества. Передъ этими верховными началами бытія изящный міръ антропоморфическихъ греческихъ божествъ долженъ былъ померкнуть. Сами Греки признавали, что ихъ боги позднѣйшіе и производные. Но такое понятіе очевидно не могло удовлетворять потребностямъ человѣческаго разума, который ищетъ не относительнаго, а абсолютнаго. Поэтому, надъ греческими богами господствуетъ высшее начало необходимости, Рокъ, которому они всѣ подчиняются. Мистеріи давали новый исходъ этимъ требованіямъ. Въ таинственныхъ представленіяхъ мысль искала болѣе глубокихъ основъ бытія. Въ полумиѳическихъ космогоніяхъ она пыталась создать систему, выходящую изъ тѣснаго круга олимпійскихъ божествъ. Однако и это смѣшанное, полурелигіозное, полуфилософское міросозерцаніе не могло ее удовлетворить. Разъ возбужденная мысль становится на собственныя ноги; она ищетъ опоры и указаній въ самой себѣ. Религіозный элементъ откидывается въ сторону или приводится только какъ подтвержденіе чисто логическихъ началъ, которыя вырабатываются разумомъ. За періодомъ теократическаго міросозерцанія слѣдуетъ періодъ свѣтскаго развитія мысли.

Прежде, однако, нежели мы перейдемъ къ послѣднему, попытаемся указать соотвѣтствіе между религіознымъ развитіемъ древняго человѣчества и тѣми гражданскими формами, черезъ которыя оно проходитъ. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* мы старались уже опредѣлить разнообразное строеніе, какъ патріархальныхъ, такъ и теократическихъ обществъ. Здѣсь мы должны указать на соотвѣтствіе гражданскихъ учрежденій господствующимъ въ обществѣ религіознымъ началамъ. Разумѣется, мы можемъ сдѣлать это только въ самыхъ общихъ чертахъ, ибо мы имѣемъ въ виду вывести общіе законы человѣческаго развитія, а никакъ не выяснить всѣ подробности, что, при нынѣшнемъ состояніи науки, едва ли даже доступно изслѣдователю.

Мы знаемъ уже, что теократія не есть первоначальная форма, въ которую слагаются человѣческія общества. Изъ четырехъ союзовъ,

на которые раздѣляется общежитіе, патріархальнаго, гражданскаго, религіознаго и государственнаго, исходною точкой служитъ первый. Господство его соотвѣтствуетъ періоду развитія первобытныхъ религій, когда религіозное начало недостаточно еще окрѣпло въ сознаніи, чтобъ охватить всю человѣческую жизнь и опредѣлять всѣ отношенія. Это совершается уже на второй степени, когда изъ первобытнаго патріархальнаго безразличія выдѣляются, съ одной стороны, гражданскіе элементы, съ другой религіозные. Но изъ этого выдѣленія еще не образуются два противоположные міра: это дѣло гораздо позднѣйшаго развитія. На этихъ первыхъ ступеняхъ, гражданскіе элементы и религіозные сливаются еще въ совокупную систему, образуя теократическое государство, опредѣляемое главнымъ образомъ религіозными началами. Это и составляетъ общественный строй, соотвѣтствующій господству философскихъ религій.

У насъ нѣтъ достаточно данныхъ, чтобъ опредѣлить соотвѣтствіе между развитіемъ первобытныхъ религій и различными формами патріархальнаго союза. Такъ какъ религія не является здѣсь опредѣляющимъ началомъ всего общественнаго быта, то такого совпаденія нельзя даже ожидать. Извѣстная форма первобытной религіи, напримѣръ фетишизмъ, можетъ удержаться при весьма разнообразныхъ видахъ патріархальнаго союза. Тѣмъ не менѣе, въ общихъ чертахъ можно опредѣлить соотвѣтствующія ступени развитія. Низшую ступень патріархальнаго союза составляютъ разсѣянныя семьи. Въ религіозной области этому соотвѣтствуетъ фетишизмъ. Затѣмъ, надъ ними возвышается объединяющая власть родоначальника, соотвѣтствующая поклоненію силамъ природы, а въ противоположность ей является духовная власть заклинателя, вооруженнаго магическою силой надъ духами, что̀ предполагаетъ господство анимизма. Наконецъ, высшую ступень патріархальнаго союза составляетъ совѣтъ старѣйшинъ, которые обыкновенно сами являются и жрецами. Выдѣленіе изъ нихъ особаго жреческаго сословія открываетъ возможность высшаго развитія религіозныхъ началъ, что составляетъ переходъ къ теократіи.

Теократическія государства образуются, какъ сказано, сліяніемъ гражданскихъ элементовъ съ религіозными, изъ чего рождается единство политическое. Изъ *Общаго Государственнаго Права* мы знаемъ основныя формы гражданскихъ союзовъ, пріобрѣтающихъ политическое значеніе: таковы дружина, вотчина, вольная община и сословія. Когда эти формы получаютъ религіозное освященіе, то изъ нихъ образуются теократіи военная, феодальная, сословная и общинно-племенная. Религіозный союзъ, съ своей стороны, присоединяетъ къ этому свои элементы. Мы видѣли, что церковь состоитъ изъ духовенства и мі-

рямъ, къ которымъ присоединяются первосвященникъ, какъ высшій носитель духовной власти, и монашество, представляющее идеальную сторону религіи, отрѣшеніе отъ земнаго и погруженіе въ небесное. Сопоставляя эти элементы съ началами, господствующими въ означенныхъ выше философскихъ религіяхъ, мы видимъ уже a priori, что поклоненію небесному Богу, установляющему порядокъ на небѣ и на землѣ, соотвѣтствуетъ, въ религіозной области, владычество духовенства, въ гражданской—феодальный порядокъ; поклоненіе богу Силы лежитъ въ основаніи военной теократіи, съ царемъ - первосвященникомъ во главѣ; поклоненіе Духу влечетъ за собою устройство кастъ, изъ которыхъ выдѣляется и монашество; наконецъ, поклоненіе индивидуальнымъ божествамъ свойственно племенной или общинной теократіи.

Это мы и находимъ въ дѣйствительности. Изъ двухъ главныхъ государствъ туранской группы, въ Китаѣ весь государственный строй основанъ на господствѣ ученаго сословія мандариновъ, толкователей священныхъ книгъ, которые, по самому свойству китайской религіи, не отличающей религіозный элементъ отъ свѣтскаго, занимаютъ мѣсто духовенства. Въ Японіи, напротивъ, до послѣдняго времени преобладалъ феодализмъ, съ особымъ свѣтскимъ правителемъ во главѣ. Духовному владыкѣ, микадо, принадлежала только номинальная власть, вслѣдствіе чего политическій строй представлялъ здѣсь такое же раздвоеніе, какъ Европа въ средніе вѣка. Въ исторіи Японіи мы можемъ прослѣдить и самое развитіе этихъ началъ. Древнее владычество микадо, потомка небесныхъ боговъ, окруженнаго іерархіей сановниковъ, представляло совершенное подобіе китайскихъ порядковъ. Этотъ теократическій строй разложился двоякимъ путемъ: съ одной стороны водвореніемъ буддизма, который съ образованіемъ принесъ и монашескую жизнь, съ другой стороны сосредоточеніемъ военной силы въ рукахъ шогуна, который, лишивъ микадо свѣтской власти, вступалъ въ борьбу и съ буддистскими монастырями, пріобрѣтшими политическую самостоятельность. Но прочный порядокъ установился только тогда, когда военная дружина получила поземельное устройство, послужившее основаніемъ феодальной аристократіи. Въ новѣйшее время однако, вражда къ иностранцамъ повела къ попыткѣ возстановить древнюю теократію въ ея первобытномъ видѣ. Должность шогуна была уничтожена и власть микадо возстановлена во всей своей силѣ. Но вмѣсто возвращенія къ старинѣ, этотъ переворотъ имѣлъ послѣдствіемъ открытіе Японіи европейскимъ вліяніямъ. Къ чему оно приведетъ, покажетъ будущее.

Въ туранской группѣ противоположность военной силы и духов-

наго развитія образуетъ, какъ видно, только переходныя или подчиненныя формы; на слѣдующей затѣмъ ступени, у Семитовъ и у юговосточныхъ Аріевъ, эти два элемента становятся уже опредѣляющими началами всей общественной жизни. Военный деспотизмъ составляетъ отличительный признакъ завоевательныхъ монархій Западной Азіи; понынѣ онъ сохранился въ магометанскихъ государствахъ. Напротивъ, устройство кастъ характеризуетъ пантеистическія религіи Индіи и Египта. Изъ Индіи выдѣлился и буддизмъ, который въ Тибетѣ основалъ теократію, представляющую господство монашества. Точно также и въ Египтѣ жрецы Аммона, послѣ упорной борьбы съ царями, покинули отечество и основали въ Эѳіопіи свое особое духовное государство.

Наконецъ, у классическихъ народовъ, вмѣстѣ съ поклоненіемъ индивидуалистическимъ божествамъ, мы находимъ общинно-племенную теократію, въ которой жреческое сословіе не выдѣлялось изъ другихъ и не составляло замкнутой касты, а набиралось изъ тѣхъ же родовыхъ старѣйшинъ, составлявшихъ господствующій элементъ гражданскаго порядка. Это былъ первобытный патріархальный строй, воспитанный теократіею къ государственной жизни. Главнымъ представителемъ теократическаго начала былъ царь, который являлся вмѣстѣ героемъ и первосвященникомъ. Съ паденіемъ царской власти начинается чисто свѣтское развитіе государства.

Мы видимъ, что въ существенныхъ чертахъ религіозныя начала и общественный бытъ развиваются по одному и тому же закону, что и естественно въ теократическомъ строѣ, гдѣ религія обнимаетъ всѣ человѣческія отношенія. Въ частностяхъ, разумѣется, могутъ быть тѣ или другія уклоненія, сообразно съ мѣстными и временными условіями, съ преобладаніемъ тѣхъ или другихъ началъ. Разнообразіе формъ, указанное въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, отражается и на общественномъ бытѣ, который представляетъ бо́льшую сложность элементовъ и видоизмѣняется отношеніями къ сосѣдямъ. При настоящемъ состояніи науки едва ли возможно возстановить всѣ эти частныя формы и переходы общественныхъ учрежденій въ давно исчезнувшихъ государствахъ; многое, безъ сомнѣнія, на вѣки погребено во мракѣ, окружающемъ эти отдаленныя времена. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* мы старались обозначить главныя черты, характеризующія каждый типъ, и этого достаточно для нашей цѣли.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія мы имѣемъ о періодѣ свѣтскаго развитія, который слѣдуетъ за теократіей. Какъ сказано, здѣсь каждая область развивается самостоятельно, хотя и при взаимнодѣйствіи съ другими. И тутъ мы должны прослѣдить параллельное развитіе, съ

одной стороны, философской мысли, а съ другой стороны общественныхъ учрежденій.

Выше были уже обозначены три послѣдовательные періода развитія древней философіи, которые мы назвали универсализмомъ, реализмомъ и раціонализмомъ. Каждый изъ нихъ характеризуются преобладаніемъ того или другаго способа познанія: въ раціонализмѣ мысль идетъ сверху, путемъ умозрѣнія; въ реализмѣ она идетъ снизу, путемъ опыта; въ универсализмѣ оба пути сочетаются, что и составляетъ первоначальную точку отправленія разума, соотвѣтствующую первобытному безразличію. И по содержанію, все на этой начальной точкѣ сливается въ общее представленіе *природы*, обнимающее и абсолютное и относительное, и Божество, и человѣка, и матеріальный міръ.

Но и тутъ, также какъ въ области религіи, можно различать двѣ послѣдовательныя ступени: подготовительную и окончательную. Отрываясь отъ религіозной основы, мысль начинаетъ съ объекта и постепенно возвышается къ познанію высшихъ началъ. Такимъ объектомъ является для нея матеріальный міръ. Она пытается всѣ матеріальныя явленія свести къ присущему имъ началу, къ *веществу*. Такова была точка зрѣнія родоначальника греческой философіи, Ѳалеса, который провозгласилъ, что вода есть сущность всѣхъ вещей. Затѣмъ, ученикъ его, Анаксимандръ, отъ причины матеріальной возвышается къ причинѣ производящей. Онъ опредѣлялъ ее какъ обнимающее міръ *безграничное*, изъ котораго всѣ вещи происходятъ и въ которое онѣ возвращаются. Въ противоположность ему, Анаксименъ опредѣлялъ вещество, какъ внутреннее начало, или какъ живую, находящуюся въ вѣчномъ движеніи *стихію*, которая есть *душа* міра; таковъ воздухъ, который, принимая противоположныя формы, путемъ уплотненія и разрѣженія, производитъ все разнообразіе сущаго. Наконецъ, Пиѳагоръ, восходя къ причинѣ формальной, къ закону, управляющему вселенною, признавалъ *число* сущностью всѣхъ вещей.

Отсюда начинается обратный ходъ мысли, уже пришедшей къ сознанію абсолютныхъ началъ, и съ большею полнотой опредѣленій. Послѣ Пиѳагорейцевъ, все сводившихъ къ категоріи *количества*, являются двѣ противоположныя школы, развивающія два противоположныя опредѣленія сущаго: Элеаты—понятіе о единомъ, неподвижномъ, всегда себѣ равномъ *бытіи*, Гераклитъ—понятіе о вѣчномъ *процессѣ*, переходящемъ изъ одной противоположности въ другую. Сочетаніе этихъ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія приводитъ наконецъ къ понятію о бытіи, состоящемъ изъ неизмѣнныхъ частицъ, соединяющихся и раздѣляющихся. Такова точка зрѣнія *атомистовъ*. Она составляетъ результатъ всего предыдущаго развитія, а вмѣстѣ и завершеніе умствен-

наго цикла, характеризующагося господствомъ первобытнаго универсализма *).

Мы видимъ, что ходъ здѣсь совершенно анологическій тому, который мы прослѣдили въ развитіи древнихъ религій. И самые пути здѣсь и тамъ одинакіе: сперва умъ идетъ отъ причины матеріальной къ причинѣ формальной, затѣмъ обратно отъ причины формальной къ причинѣ матеріальной. Дошедши до этой точки, мысль становится на новую точку зрѣнія: отъ совершившаго свой циклъ универсализма она переходитъ къ реализму, отъ природы къ *явленію*.

Явленіе не есть уже просто объектъ: это—*отношеніе* объекта къ субъекту. Самый опытъ, который служитъ источникомъ познанія, двоякій: внѣшній и внутренній. Сообразно съ этимъ, реализмъ распадается на двѣ отрасли: матеріалистическій реализмъ, исходящій отъ внѣшняго опыта, и реализмъ нравственный, опирающійся на внутренній опытъ.

Матеріалистическій реализмъ есть *Софистика*, философія относительнаго. Она примыкаетъ къ предыдущему періоду. Исходная точка ея есть *явленіе*. Протагоръ провозгласилъ, что явленіе есть истина: мѣриломъ же этой истины признается человѣкъ, тоже какъ явленіе, или какъ единичный субъектъ, случайно приходящій въ тѣ или другія отношенія къ внѣшнему міру: „человѣкъ есть мѣрило всѣхъ вещей". Абсолютное, съ этой точки зрѣнія, совершенно отвергается. Горгій старался доказать, что это начало само себѣ противорѣчащее, а еслибы оно существовало, то оно было бы непознаваемо. Реальное значеніе имѣетъ только *сила*, почему въ дѣйствительности всегда побѣждаетъ сильнѣйшій. Софисты полагали свою главную задачу въ томъ, чтобы научить людей пользоваться существующими силами и дѣлать ихъ орудіями своихъ цѣлей. Въ этомъ состоитъ начало *пользы*, къ которому сводилось все ихъ нравственное ученіе. Наконецъ, наиболѣе основательные изъ нихъ, какъ Гиппій, старались отъ измѣнчивыхъ дѣйствій и установленій человѣка возвыситься къ познанію постоянныхъ и непреложныхъ *законовъ* природы; но и они не шли далѣе фактическаго міросозерцанія, въ которомъ міръ представлялся случайною игрой слѣпыхъ силъ. Создать разумную и связаную систему матеріалистическій реализмъ былъ не въ состояніи; это выходило изъ предѣловъ его кругозора.

Таковъ былъ циклъ софистическихъ ученій. Примыкая къ предъидущему періоду, онъ, какъ можно замѣтить, идетъ обратнымъ ходомъ

---

*) Болѣе подробное изложеніе какъ этого, такъ и слѣдующихъ періодовъ развитія философіи см. въ моемъ сочиненіи: *Наука и Религія*.

противъ послѣдняго, именно, отъ явленія къ закону. Это было завершеніе объективнаго пути.

Совершенно на иную точку зрѣнія становится реализмъ нравственный. Исходя отъ субъекта, онъ является началомъ субъективнаго развитія. Точку отправленія зачинателя этого плодотворнаго движенія, Сократа, составляло изреченіе: „познай самого себя". Основное начало его философіи заключается въ понятіи о *разумѣ, какъ дѣятельной силѣ*. Отсюда, въ различныхъ отрасляхъ его школы, развиваются и другія опредѣленія. Киники вырабатываютъ начало вытекающаго изъ разума *нравственнаго закона*, состоящаго въ отрѣшеніи отъ внѣшнихъ благъ и въ неуклонномъ слѣдованіи разумнымъ требованіямъ. Въ противоположность имъ, отрасль, склоняющаяся къ Софистикѣ, Киренаики, признаютъ правиломъ человѣческаго поведенія разумное пользованіе жизненными благами, съ сохраненіемъ свободнаго къ нимъ отношенія. Наконецъ, Мегарики, развивая идеалистическую сторону ученія Сократа, считаютъ постигаемыя разумомъ понятія, или *идеи*, сущностью вещей.

Это послѣднее начало становится исходною точкой новаго міросозерцанія, которое, возвышаясь надъ относительнымъ бытіемъ, стремится постигнуть абсолютное въ основныхъ его опредѣленіяхъ. Это—точка зрѣнія раціонализма. И здѣсь мысль слѣдуетъ субъективному пути, но обратному противъ того, который мы видѣли въ развитіи Сократовой школы. Движеніе идетъ отъ идеализма, то-есть отъ причины конечной, черезъ спиритуализмъ и матеріализмъ, то-есть, черезъ причины формальную и матеріальную, къ натурализму, или къ причинѣ производящей. Идеализмъ есть точка зрѣнія Платона и Аристотеля, которые опредѣляли абсолютное, какъ верховное Благо, или какъ конечную цѣль всего сущаго. Затѣмъ мышленіе раздвояется: система Стоиковъ представляетъ развитіе спиритуализма, понимающаго Абсолютное какъ верховный Разумъ, изъ котораго истекаютъ неизмѣнные законы вселенной; напротивъ, Епикурейцы держатся чистаго матеріализма. Обѣ эти одностороннія точки зрѣнія отвергаются скептицизмомъ, который представляетъ переходную ступень въ развитіи мысли; наконецъ, Неоплатоники возводятъ противоположность матеріи и разума къ верховному ихъ источнику, къ единому Бытію. Этимъ и завершается все развитіе философіи древняго міра.

Мы видимъ, что она послѣдовательно проходитъ всѣ точки зрѣнія и всѣ пути развитія, субъективный и объективный, и притомъ, какъ въ прямомъ, такъ и въ обратномъ порядкѣ. Все это составляетъ строго логическую нить, которая, идя отъ опредѣленія къ опредѣленію, образуетъ цѣльный связный процессъ, гдѣ различныя системы

являются лишь моментами общаго развитія. Древняя философія, въ своей совокупности, представляетъ логическое движеніе человѣческой мысли, развивающей свои опредѣленія. Оно такъ и должно быть, ибо разумъ не случайно, а въ силу логической необходимости, идетъ отъ одного опредѣленія къ другому. Вслѣдствіе этого, различныя точки зрѣнія и системы являются звеньями общей логической цѣпи. Человѣкъ, какъ свободное существо, можетъ думать все, что ему угодно, но только тѣ воззрѣнія имѣютъ значеніе въ исторіи мысли, которыя не только логически связаны внутри себя, но связаны и съ предыдущимъ и съ послѣдующимъ ходомъ, представляя извѣстную ступень въ совокупной лѣстницѣ *).

Но завершивши весь циклъ опредѣленій Абсолютнаго, мысль, въ силу той же внутренней необходимости, переходитъ отъ логическаго понятія къ живому, конкретному отношенію къ Абсолютному. Философія уступаетъ мѣсто религіи. Все развитіе древней философіи было приготовленіемъ къ воспринятію христіанства. За аналитическимъ періодомъ слѣдуетъ опять синтетическій.

Совершенно аналогическій процессъ представляетъ и развитіе общественной жизни. Исходя отъ собственныхъ началъ, оно идетъ параллельно съ развитіемъ мысли и слѣдуетъ тому же самому закону. И тутъ мы можемъ отличить три послѣдовательныхъ періода развитія. Первый, соотвѣтствующій первобытному универсализму, характеризуется гармоническимъ соглашеніемъ общественныхъ элементовъ и государственныхъ; во второмъ, соотвѣтствующемъ реализму, преобладаютъ элементы общественные, съ ихъ противоположеніемъ и борьбою; въ третьемъ, соотвѣтствующемъ раціонализму, надъ противоборствующими общественными элементами возвышается отвлеченный государственный строй, подчиняющій себѣ частныя силы и развивающій свои собственныя опредѣленія.

Мы видѣли, что классическія государства строились на родовомъ порядкѣ, который имѣлъ значеніе не только гражданское, но и политическое. По существу своему, этотъ строй имѣетъ характеръ аристократическій. Поэтому, съ паденіемъ царской власти, представительницы теократическаго начала, наступаетъ господство аристократіи. Тутъ нѣтъ подготовительнаго періода, какой мы видѣли въ развитіи мысли. Владычество родовыхъ старѣйшинъ было уже подготовлено первоначальнымъ развитіемъ патріархальнаго союза и укрѣплено теократіей. Съ устраненіемъ послѣдней, аристократія остается первен-

*) Въ *Основаніяхъ логики и метафизики* я старался изложить чисто логическое развитіе мысли въ связи съ ея историческимъ развитіемъ. Отсылаю къ этому сочиненію читателя, желающаго подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ.

ствующимъ. элементомъ въ обществѣ. Но затѣмъ наступаетъ постепенное ея разложеніе: аристократія уступаетъ мѣсто демократіи. Этотъ переходъ совершается двумя путями: черезъ тираннію и черезъ смѣшанное правленіе. Тотъ же процессъ повторяется и въ Греціи и въ Римѣ, съ тѣмъ различіемъ, что въ первой, при большей розни элементовъ, главною переходною формой является тираннія, тогда какъ въ послѣднемъ, при болѣе крѣпкой связи и большемъ политическомъ духѣ владычествующей аристократіи, переходъ происходитъ постепенно, черезъ смѣшанныя формы. Тираннія получаетъ здѣсь законный характеръ диктатуры, которая только временно и случайно, въ децемвиратѣ, выступаетъ изъ законныхъ предѣловъ. Мы видимъ, что и ходъ развитія и самыя основныя начала аналогичны съ тѣмъ, что мы прослѣдили въ развитіи умственномъ.

Но достигнувъ преобладанія, демократія, при формальномъ равенствѣ гражданъ, обнаруживаетъ фактическую противоположность заключающихся въ ней общественныхъ элементовъ: богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и темныхъ. Родовой порядокъ разложился въ политической области, но въ гражданской онъ сохранилъ свое значеніе. Рабство, на которое онъ опирался, получало все большее и больше развитіе. Именно это и вело, какъ мы уже видѣли, къ рѣзкому противоположенію имущихъ и неимущихъ. Источникомъ богатства служили не свободный трудъ, а насиліе и грабежъ. Вслѣдствіе этого, несмѣтныя сокровища сосредоточивались въ рукахъ немногихъ, а средніе классы исчезли. Не смотря на уравненіе политическихъ правъ, знатные и богатые роды противополагаются неимущей массѣ, и это отражается на государственномъ бытѣ. Возгарается борьба классовъ, изъ которыхъ каждый старается захватить государственную власть въ свои руки, съ тѣмъ чтобы притѣснять или истреблять соперниковъ. Во всѣхъ греческихъ республикахъ повторяются тѣже явленія; но главными представителями этихъ двухъ направленій являются двѣ народности, выражающія двѣ разныя стороны эллинскаго духа: подвижность, свойственную демократіи, и постоянство въ сохраненіи основанныхъ на нравственной дисциплинѣ аристократическихъ учрежденій. Таковы были Аѳины и Спарта. Ожесточенная борьба между ними характеризуетъ этотъ періодъ. Нельзя не отмѣтить и вліянія умственнаго движенія на развитіе общественнаго быта. Аѳины были главнымъ центромъ Софистики, которая болѣе всего содѣйствовала разложенію старинныхъ нравовъ и господству частныхъ интересовъ, вмѣсто общественныхъ. Изъ школы Сократа, напротивъ, выходили приверженцы спартанскихъ учрежденій.

Самое развитіе аѳинской демократіи идетъ по тѣмъ же ступенямъ, какъ и развитіе Софистики. Прежде всего, умѣренная и уравновѣ-

шенная демократія временъ Перикла вырождается въ безпорядочную и революціонную. На сцену выступаетъ необузданная личность, не знающая надъ собой закона. Это—охлократія, руководимая демагогами. Затѣмъ, послѣ неудачныхъ попытокъ сочетанія противоположныхъ элементовъ въ смѣшанномъ правленіи, подъ вліяніемъ Спарты устанавливается господство силы, выражающееся въ тиранніи; наконецъ, послѣ низверженія тридцати тирановъ, возстановляется законный порядокъ. Умудренная опытомъ демократія старается найти свое равновѣсіе; но она потеряла уже всякую внутреннюю силу. Разложеніе идетъ неудержимымъ ходомъ, и окончательно она падаетъ въ борьбѣ съ выступающими на сцену новыми историческими силами.

Совершенно инымъ путемъ происходитъ развитіе Спарты. Оно идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и развитіе нравственнаго реализма. И здѣсь, древній общественный строй, основанный на нравственной дисциплинѣ, разлагается вторженіемъ новыхъ элементовъ, вызываемыхъ потребностями борьбы. Прежде всего выступаетъ на сцену личность, но не своевольная, какъ въ демократіи, и не съ высшими нравственными требованіями, какъ въ школѣ Сократа, а съ чисто политическими цѣлями, опирающаяся на собранную вокругъ нея военную силу и на деньги. Таковъ былъ Лизандръ, основатель спартанской гегемоніи. Затѣмъ, когда этотъ слишкомъ выдающійся дѣятель, грозившій опасностью общественному строю, былъ устраненъ, установляется суровое господство олигархическаго порядка, основаннаго на владычествѣ все уменьшающагося количества разбогатѣвшихъ родовъ. Держась чисто реальной почвы, онъ руководится не высокими началами справедливости и свободы, а самымъ низменнымъ національнымъ своекорыстіемъ, почему онъ является несправедливымъ и притѣснительнымъ, какъ въ отношеніи къ подвластнымъ, такъ и въ отношеніи къ союзникамъ. Это направленіе связано съ именемъ Агезилая. Въ противоположность ему, составляются союзы греческихъ городовъ, которые съ перемѣннымъ счастіемъ стараются отстоять свою самостоятельность. Среди самихъ Спартанцевъ болѣе либеральное направленіе находило представителей въ другой отрасли царскаго дома. Наконецъ, основанная на насиліи спартанская гегемонія рушилась, когда съ возрожденіемъ Θивъ, вопросъ былъ перенесенъ на высшую, обще-эллинскую почву. Въ самой Спартѣ олигархическія учрежденія долго еще держались. Послѣднимъ актомъ спартанской исторіи была тщетная попытка Агиса и Клеомена обновить ихъ пріобщеніемъ къ власти подчиненныхъ и болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ собственности. Но Спарта потеряла уже всякое историческое значеніе. Олигархія, столь же мало, какъ и демократія, способна была установить прочный порядокъ въ расшатанномъ обществѣ.

Для этого надобно было отрѣшиться отъ борьбы общественныхъ элементовъ и возвыситься къ отвлеченной идеѣ эллинскаго государства, представителемъ котораго могъ быть только монархъ, независимый отъ партій. Развитіе монархическаго начала составляетъ главную руководящую нить въ третій и послѣдній періодъ греческой исторіи. Но и оно проходитъ черезъ нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней.

Мы знаемъ, что основныя начала государства суть: власть, законъ, свобода и цѣль, или идея. Послѣдняя представляетъ сочетаніе всѣхъ элементовъ; поэтому съ нея начинается развитіе, исходящее отъ противоположности реальныхъ силъ и потребности ихъ примиренія. Въ этомъ идеалистическомъ процессѣ одинъ за другимъ выступаетъ на сцену каждый изъ означенныхъ элементовъ, пока движеніе не завершается торжествомъ монархическаго начала. Въ греческой жизни, первою ступенью этого процесса является кратковременное преобладаніе Ѳивъ. Здѣсь связью возстановленной демократіи съ лучшими элементами олигархіи служитъ не возвышающійся надъ ними монархъ, а высокая личность одного изъ благороднѣйшихъ представителей эллинизма, Эпаминонда. Послѣ его смерти вся эта попытка рушилась сама собою; при отсутствіи среднихъ классовъ, для нея не было реальной опоры. Затѣмъ возгарается борьба между новымъ монархическимъ началомъ, представителемъ котораго является Македонія, и старою греческою свободой. Борьба кончается побѣдою военной силы, которая здѣсь является служителемъ идеи, что и даетъ ей всемірный характеръ. Такова была историческая роль Александра Великаго. Послѣ него историческое движеніе принимаетъ двоякое направленіе. Съ одной стороны, преемники его на Востокѣ основываютъ наслѣдственныя монархіи, опирающіяся на систему административныхъ учрежденій; съ другой стороны, въ Греціи, остатки свободы организуются въ федеративныя республики, Ахейскую и Этолійскую. Наконецъ, воздвигается новая, чисто военная Македонская монархія, послѣднее проявленіе греческой государственной жизни. Но и она не въ силахъ была противостоять всемірному владычеству Римлянъ.

Мы видимъ, что и тутъ развитіе идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ умственной сферѣ: отъ идеи къ власти, черезъ законъ и свободу. На всѣхъ ступеняхъ развитія происходитъ параллельный процессъ, хотя непосредственнаго вліянія одной области на другую нельзя замѣтить. Что это не случайная аналогія и не искусственное построеніе, доказательствомъ служитъ то, что совершенно одинакій ходъ развитія, съ тѣми же самыми ступенями, повторяется и въ Римѣ, хотя послѣдній развивался вполнѣ независимо отъ Греціи, исходя отъ собственныхъ внутреннихъ стремленій и потребностей.

Мы видѣли уже, что въ первый періодъ Римской республики, когда сохранялась еще вся крѣпость національнаго духа, происходитъ совершенно тождественный съ Греціей переходъ отъ аристократіи къ демократіи, черезъ смѣшанное правленіе и диктатуру. Но и тутъ, въ торжествующей демократіи обнаруживается противоположность общественныхъ элементовъ: богатой знати и обнищавшей массы. Каждый изъ нихъ старается захватить государственную власть и обратить ее въ свою пользу. Тѣже причины производятъ тѣже слѣдствія. Но въ отличіе отъ Греціи, представителями двухъ партій не являются двѣ разныя народности; все здѣсь сосредоточивается въ одномъ городѣ, почему борьба принимаетъ междоусобный характеръ. Тѣмъ не менѣе, ступени и ходъ развитія и здѣсь и тамъ одинакіе. Въ Римѣ, извращенная демократія идетъ отъ революціонныхъ стремленій Гракховъ, черезъ военную тираннію Марія и реформаторскія попытки народныхъ трибуновъ, пока наконецъ она снова становится законнымъ элементомъ власти подъ предводительствомъ Цезаря. Съ другой стороны, владычество олигархической партіи, отрывающейся отъ историческихъ преданій, начинается съ военной диктатуры Суллы, который въ Римѣ игралъ роль Лизандра, почему эти два лица и были сопоставлены Плутархомъ въ его характеристикахъ. Сулла не есть уже законный диктаторъ въ старомъ смыслѣ: это—воинъ, который съ преданными ему легіонами впервые взялъ силою отечественный городъ и водворилъ въ немъ свое владычество, истребляя враговъ. Сулла былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, основателемъ новой олигархіи, исключавшей всякіе народные элементы. По его почину установляется неограниченная власть родовитаго Сената. Однако, среди самихъ олигарховъ возникаетъ болѣе либеральное направленіе, которое наконецъ получило перевѣсъ: по иниціативѣ Помпея и Красса возстановляется участіе народа въ правленіи. Но въ развращенной демократіи искали только опоры для личной власти. Съ ея помощью воздвигается коалиціонная диктатура Помпея, который, сохраняя уваженіе къ закону и опираясь на умѣренные элементы, пытался вывести олигархическій строй изъ тѣсныхъ его рамокъ, но встрѣчая отпоръ въ правящей коллегіи, соединялся наконецъ съ вождемъ демократіи Цезаремъ для совокупнаго дѣйствія.

Первый тріумвиратъ обозначаетъ поворотную точку римской исторіи, переходъ отъ періода борьбы общественныхъ силъ къ періоду господства отвлеченной государственной власти, отъ республики къ имперіи. И тутъ развитіе идетъ по тѣмъ же самымъ ступенямъ, какъ и въ Греціи. Но здѣсь исходная точка этого движенія, попытка сочетать противоположныя начала, олигархическое и демократическое,

могла имѣть еще менѣе успѣха. Не только въ Римѣ, также какъ и въ Греціи, не было среднихъ классовъ, на которые бы можно было опираться, но здѣсь не было и высокой личности Эпаминонда, которая, хотя временно, могла служить связующимъ началомъ общественныхъ элементовъ. Тріумвиратъ, основанный на личныхъ цѣляхъ, вскорѣ распался, и снова возгорѣлась междоусобная война, на этотъ разъ между явнымъ стремленіемъ къ монархіи и старою республиканскою свободой. Хотя Цезарь былъ предводителемъ демократіи, но онъ шелъ по стопамъ Суллы, зачинателя всѣхъ военныхъ переворотовъ. Опять борьба кончилась торжествомъ военной силы, представляющей вмѣстѣ съ тѣмъ идею государственной власти, возвышающейся надъ борьбою партій. Это и даетъ Цезарю такое же міровое значеніе, какое принадлежало Александру Великому. Онъ былъ основателемъ Римской Имперіи. Насильственная его смерть только временно пріостановила паденіе республики. Опять возгорѣлась борьба, кончившаяся побѣдой Августа, который соединилъ въ себѣ всѣ высшія военныя и гражданскія должности, чѣмъ самымъ создавалось единство государственной власти, господствующей надъ противоположными общественными элементами и представляющей идею государства въ ея чистотѣ.

Однако и въ этомъ видѣ императорская власть не могла имѣть прочности. Отрѣшенная отъ всякихъ общественныхъ основъ, не нося въ себѣ никакихъ преданій, представляя отвлеченную идею, и притомъ въ односторонней формѣ, она вполнѣ зависѣла отъ личныхъ свойствъ ея обладателей. Между тѣмъ, не только эти личныя свойства часто вовсе не отвѣчали достоинству, но самое положеніе всемірнаго владыки, не знающаго никакихъ преградъ, извращало характеръ самодержцевъ. При такихъ условіяхъ, императорская власть становилась игралищемъ всякихъ случайностей, всего болѣе своеволія преторіанской гвардіи, которая оставалась послѣднимъ представителемъ римскаго народа. Чтобы сообщить ей прочность, нужно было обставить ее законами, установить твердый порядокъ ея передачи, создать сѣть административныхъ учрежденій, дающихъ возможность управлять безмѣрно расширившимся государствомъ. Такова была задача политики Флавіевъ и Антониновъ. Подъ ихъ управленіемъ римскій міръ вкусилъ долговременный періодъ законнаго порядка и внутренняго спокойствія. Однако, если внутренняя борьба прекратилась, то оставалась внѣшняя: свобода, изгнанная изъ Имперіи, нашла убѣжище среди варварскихъ племенъ, которыя именно въ эту пору выступили на историческое поприще и принесли съ собой новыя, чисто индивидуалистическія начала, долженствовавшія обновить разлагающееся человѣчество. Съ ними римскимъ императорамъ надлежало бороться, и эта борьба была

такого рода, что пришлось всю имперію преобразовать на военный ладъ, установивъ тяжелую систему повинностей, ложившуюся на всѣ классы. Это была послѣдняя эпоха развитія Римскаго государства; она начинается съ царствованія Септимія Севера. Подъ конецъ и это оказывается недостаточнымъ; является потребность дать императорской власти теократическое освященіе. Діоклетіанъ принимаетъ обликъ восточнаго деспота. Но язычество, потерявшее всякую почву въ умахъ современниковъ, не могло дать искомой опоры. Ее можно было обрѣсти только въ христіанствѣ, почему Константинъ Великій и принялъ христіанскую вѣру. Этимъ знаменуется конецъ древняго міра и переходъ человѣчества въ новую эпоху развитія.

Этотъ новый синтетическій періодъ характеризуется, какъ мы уже видѣли, противоположеніемъ церкви гражданскому обществу. Христіанство есть религія нравственнаго міра, обнимающая высшую половину духовной жизни, но не охватывающая всецѣло всѣ отношенія, как религіи языческія. Вслѣдствіе того, на этой ступени господствуетъ раздвоеніе. Церковь образуетъ отдѣльный союзъ, простирающійся по своей идеѣ на все человѣчество, а гражданскій порядокъ слагается въ частные, дробные союзы, на основаніи собственныхъ началъ. Мы видѣли и самыя формы, которыя принимаетъ христіанская церковь въ своемъ историческомъ процессѣ. Сперва утверждается единая вселенская церковь, установляющая законъ въ борьбѣ съ еретиками; главными ея органами являются соборы. Затѣмъ она распадается на двѣ половины: одна подъ внѣшнею властью первосвященника, другая стремящаяся къ внутреннему единенію, на основаніи строгаго соблюденія церковнаго преданія. Наконецъ, въ протестантизмѣ выступаетъ форма, основанная на свободѣ. Это — переходъ къ чисто свѣтскому развитію. Сообразно съ этимъ, самый средневѣковой періодъ раздѣляется на три послѣдовательныхъ ступени. Первую составляетъ союзъ церкви съ разлагающимся древнимъ государствомъ: это—періодъ византійскій. Вторую ступень образуетъ собственно средневѣковой порядокъ. Здѣсь является полное общественное раздвоеніе, какъ въ самой вселенской церкви, которая распадается на восточную и западную, такъ и въ противоположеніи церкви варварскимъ обществамъ. Наконецъ, третью ступень составляетъ эпоха Возрожденія, представляющая возстановленіе разложившагося государства, а вмѣстѣ и павшей свѣтской культуры. Съ этого начинается новый періодъ чисто свѣтскаго развитія.

Изъ этихъ трехъ ступеней, очевидно, первая представляетъ переходъ отъ древности къ среднимъ вѣкамъ, а послѣдняя переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Центральнымъ же звеномъ всего

этого движенія является собственно средневѣковой порядокъ, характеризующійся противоположеніемъ церкви и гражданскаго общества. Въ *Общемъ Государственномъ Правѣ* мы старались обозначить существенныя черты этого порядка и тѣ послѣдовательныя формы, которыя принимаетъ гражданское общество, когда оно заступаетъ мѣсто государства. Такими формами являются различные частные союзы, получающіе политическій характеръ: дружина, вотчина, вольная община, сословія. Мы видѣли, что сословный порядокъ, который зачинается уже въ Римской Имперіи, достигаетъ полнаго развитія въ средніе вѣка и сохраняется въ государствѣ новаго времени, до тѣхъ поръ пока онъ не замѣняется общегражданскимъ строемъ. Мы старались опредѣлить и главныя отличія въ гражданскомъ и политическомъ развитіи восточной Европы и западной. Основныя начала общественнаго быта и здѣсь и тамъ одинакія, и самый ходъ развитія одинъ и тотъ же; отличія касаются только видоизмѣненій. Обѣ половины вселенской церкви исповѣдываютъ одну и туже вѣру, съ одними и тѣми же основными догматами, установленными вселенскими соборами. Но одна управляется всевластнымъ первосвященникомъ и стремится къ подчиненію себѣ всего гражданскаго общества; въ другой, при меньшей внѣшней связи господствуетъ большее внутреннее единство; вмѣсто энергическаго дѣйствія власти, здѣсь характеристическою чертою являются смиренные подвиги монашества. Точно также и въ области гражданской, восточная половина Европы представляетъ гораздо меньшую крѣпость юридической связи, нежели западная. И здѣсь и тамъ весь гражданскій порядокъ основанъ на господствѣ частнаго права. Это и есть основная черта, общая обѣимъ. Но на Западѣ вольные люди смыкаются въ крѣпкіе осѣдлые союзы; въ Россіи они остаются разрозненными и бродячими по обширной равнинѣ. Бояре и слуги не образуютъ прочной феодальной іерархіи, основанной на поземельной собственности; они остаются дружинниками, свободно переѣзжающими отъ одного князя къ другому. И въ Россіи вотчинное начало смѣнило дружинное; но усѣлись на мѣстѣ не слуги, а одни князья, которые поэтому и сдѣлались главными центрами новаго порядка. Съ другой стороны, низшее населеніе также сохранило несравненно бо́льшую свободу, нежели на Западѣ. Вмѣсто крѣпостнаго права, приковывающаго человѣка къ мѣсту жительства, у насъ до самаго XVII-го вѣка господствовали вольные переходы крестьянъ. Зато городовая жизнь, съ ея крѣпкими корпораціями, получила гораздо меньшее развитіе. Вольными городами были только Новгородъ и Псковъ. При такихъ условіяхъ и сословная связь была слабая: вмѣсто общихъ сословныхъ интересовъ, на первомъ планѣ

стояли частные счеты мѣстничества. Индивидуализмъ господствовалъ всюду; все какъ бы расплывалось въ обширной равнинѣ, гдѣ свободная личность человѣка теряется въ широкихъ пространствахъ.

Это различіе имѣло существенное вліяніе и на весь послѣдующій ходъ исторіи. Мы видѣли, что основной законъ общественнаго быта состоитъ въ томъ, что чѣмъ меньше связи въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть. Поэтому, когда изъ средневѣковаго порядка возникаетъ новое государство, оно является тѣмъ сосредоточеннѣе, и правительство въ немъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе общественныя связи. На Западѣ и въ Россіи государство возрождается одновременно. И ступени развитія и самыя формы власти въ обѣихъ половинахъ Европы одинаковы. Тотъ же абсолютизмъ водворяется всюду на развалинахъ средневѣковаго порядка. Но въ Западной Европѣ ему приходилось бороться съ крѣпкими союзами; обуздывая ихъ противогосударственныя притязанія, онъ принужденъ былъ вступать съ ними въ сдѣлки и дѣлать имъ уступки. Въ Россіи же онъ встрѣчалъ только расплывчатую массу, которую необходимо было организовать въ виду государственныхъ цѣлей. На всѣ сословія наложены были тяжелыя повинности, чѣмъ самымъ они получили бо̀льшую юридическую опредѣленность; установлено было всеобщее крѣпостное право, простиравшееся и на низшихъ и на высшихъ. Черезъ это, самодержавная власть пріобрѣла такую силу, какой она не имѣла на Западѣ. Къ этимъ внутреннимъ причинамъ присоединилось двухвѣковое владычество Татаръ, которое сломило всякое сопротивленіе и пріучило народъ къ безусловной покорности. Наконецъ, важнымъ факторомъ было отсутствіе всякаго самостоятельнаго умственнаго развитія. У насъ было возрожденіе государства, но не было возрожденія умственной жизни. Подчиненіе дикой ордѣ оторвало Россію отъ Европы и подавило въ ней всякіе зачатки умственнаго движенія. Мы на два вѣка отстали отъ другихъ европейскихъ народовъ. Между тѣмъ, возродившееся государство не могло обойтись безъ просвѣщенія. Только при этомъ условіи оно могло стоять, какъ равноправное, въ ряду другихъ. Отсюда громадное значеніе реформъ Петра Великаго. Онѣ вдвинули насъ снова въ европейскую семью. Это было не отреченіе отъ своеобразнаго народнаго развитія, а возстановленіе порванной нити. Россія всѣмъ своимъ прошлымъ принадлежала къ европейскому міру; она развивалась тѣмъ же путемъ, слѣдуя тѣмъ же началамъ. Усвоеніе европейскаго просвѣщенія было необходимымъ дальнѣйшимъ шагомъ по этому пути. Новая Европа усвоила себѣ плоды умственнаго развитія древнихъ народовъ; намъ тоже достояніе досталось подвинутымъ впередъ и умноженнымъ. Усвоенное нами

образованіе было не католическое и не протестантское, а чисто свѣтское, ибо въ новое время наука снова стала на свои собственныя ноги и развивалась своимъ путемъ, изъ своихъ собственныхъ началъ.

Посмотримъ, каковы были фазы этого развитія.

Новая философія проходитъ черезъ тѣже самыя три послѣдовательныя ступени, какъ и древняя, но въ обратномъ порядкѣ. Она начинаетъ съ раціонализма, затѣмъ переходитъ къ реализму, который составляетъ современную точку зрѣнія; универсализмъ предстоитъ еще впереди: онъ является пока только логическимъ требованіемъ. Такимъ образомъ, прошедши черезъ періодъ раздвоенія, мышленіе возстановляетъ порванную нить: начало новой философіи примыкаетъ къ концу древней. Это еще яснѣе раскрывается въ развитіи отдѣльныхъ моментовъ.

Мы видѣли, что древній раціонализмъ шелъ отъ причины конечной къ причинѣ производящей, отъ идеи, связывающей противоположности конечною цѣлью къ единому, верховному бытію, отъ котораго происходитъ все сущее. Новый раціонализмъ идетъ совершенно обратнымъ ходомъ: міровыя противоположности матеріи и духа, составляющія содержаніе средневѣковаго синтеза, онъ возводитъ прежде всего къ причинѣ производящей, то-есть, къ единому бытію, или субстанціи первоначальной, какъ верховному ихъ источнику. Такова была точка зрѣнія Картезіанской школы. Самое основное положеніе Декарта, представляющее логическое восхожденіе отъ мысли къ лежащему въ основаніи ея бытію: „я думаю, слѣдовательно я есмь", заимствовано имъ у Августина. Спиноза развилъ это начало въ понятіе о единой, самосущей субстанціи, составляющей основу всякаго бытія: міровыя противоположности мысли и матеріи представляются только ея аттрибутами, а всѣ частныя вещи ея видоизмѣненіями. Но несостоятельность этого воззрѣнія ведетъ къ тому, что одинъ изъ этихъ двухъ аттрибутовъ признается основнымъ, а другой производнымъ. Вслѣдствіе этого, мысль снова раздѣляется на два противоположныя теченія, изъ которыхъ одно понимаетъ Абсолютное какъ начало формальное, то-есть, какъ верховный Разумъ, а другое какъ начало матеріальное. Первая точка зрѣнія развивается Лейбницемъ и его послѣдователями, а вторая матеріалистами XVIII-го вѣка. Наконецъ, обѣ противоположности сводятся къ единству конечному нѣмецкимъ идеализмомъ, который понимаетъ Абсолютное какъ субъектъ-объектъ, или какъ Духъ, извнутри дѣйствующій и сочетающій противоположности въ конечномъ совершенствѣ. Всѣ начала бытія, въ ихъ взаимномъ отношеніи, развиваются одно за другимъ въ великихъ системахъ идеалистической философіи. Отъ скептическаго идеализма Канта,

который былъ точкою исхода этого направленія, мысль возвышается къ натуралистическому идеализму Шеллинга, и затѣмъ, черезъ спиритуалистическій идеализмъ Фихте въ его послѣднюю эпоху, приходитъ къ абсолютному идеализму Гегеля. Отъ Шеллинга идетъ и индивидуалистическій идеализмъ Шопенгауера, который занимаетъ въ этомъ циклѣ тоже положеніе, какъ буддизмъ среди браманическихъ ученій.

Но, не смотря на полноту началъ, идеализмъ, въ своей отвлеченности, все-таки остается одностороннею точкой зрѣнія, которая не въ состояніи объяснить всѣ явленія дѣйствительнаго міра. Въ немъ индивидуумъ въ концѣ концовъ исчезаетъ въ общемъ процессѣ. Между тѣмъ, индивидуумъ есть именно реально-сущее, какъ въ матеріальной области, такъ и въ духовной. Во имя его правъ, мысль, завершившая раціоналистическій циклъ, отвергаетъ отвлеченный идеализмъ и переходитъ на почву дѣйствительности. Путь сверху замѣняется путемъ снизу, раціонализмъ реализмомъ, умозрѣніе опытомъ. И опять, по самому свойству явленія, которое представляетъ отношеніе субъекта къ объекту, мышленіе распадается на два противоположныя направленія, на реализмъ матеріалистическій и реализмъ нравственный, изъ которыхъ первый развивается главнымъ образомъ въ Англіи и Франціи, а второй преимущественно въ Германіи.

Послѣдній идетъ субъективнымъ путемъ, примыкая къ предыдущему періоду, то-есть, отъ идеи къ субстанціи, слѣдовательно обратно противъ того, что мы видѣли въ развитіи Сократическихъ школъ древности. Тренделенбургъ, отвергая раціонализмъ Гегеля, понимаетъ міръ какъ организмъ, управляемый внутреннею цѣлью. Затѣмъ Шеллингъ, въ своей положительной философіи, развиваетъ начало внутренняго самоопредѣленія, или свободы субъекта, начало, которое онъ прилагаетъ и къ Абсолютному и къ единичному субъекту; на немъ онъ строитъ все мірозданіе и все человѣческое развитіе. Въ противоположность ему, Лотце понимаетъ реально-сущее какъ находящееся въ отношеніи къ другому; окончательно оно приводится къ понятію о единичной духовной субстанціи, проходящей черезъ безконечный рядъ видоизмѣненій, при постоянномъ взаимодѣйствіи съ другими. Это—возобновленіе на реалистической почвѣ монадологіи Лейбница. Наконецъ, Гартманъ сводитъ все сущее къ единой, лежащей въ основаніи волѣ, безсознательной въ своемъ источникѣ, но развивающей изъ себя сознаніе. Это—завершеніе всего цикла, а вмѣстѣ и конецъ субъективнаго пути.

Въ противоположность этому направленію, матеріалистическій реализмъ является зачинателемъ объективнаго пути. Вполнѣ покидая почву

раціонализма, онъ ищетъ въ чистомъ опытѣ раскрытія управляющихъ объектомъ законовъ. Такова точка зрѣнія Огюста Конта. Послѣ него Спенсеръ, исходя отъ выработаннаго физикою начала сохраненія силы, развиваетъ отсюда чисто механическое міросозерцаніе. Напротивъ, Милль, устремляя свое вниманіе на дѣятельность человѣка, сводитъ ее къ заимствованному у скептиковъ началу пользы. Тоже самое начало, въ связи съ борьбою силъ, прилагаетъ и Дарвинъ къ изслѣдованію органическаго міра. Наконецъ, какъ результатъ всего процесса, выступаетъ чистый матеріализмъ. Внѣшній опытъ, по существу своему, знаетъ одни матеріальныя явленія, а потому къ нимъ онъ старается свести все остальное. Но совершенная несостоятельность этого взгляда, отрицающаго весь внутренній, субъективный міръ человѣка, необъяснимый законами матеріи, заставляетъ искать иной точки зрѣнія, сочетающей субъектъ и объектъ, внутренній міръ и внѣшній. Въ этомъ и состоитъ современное требованіе науки. Но удовлетворить ему можно только взошедши на высшую ступень, обнимающую оба противоположные міра: необходимо отъ раціонализма перейти къ универсализму.

Таковъ общій ходъ развитія новой философіи. Мы видимъ, что оно представляетъ строго послѣдовательный процессъ, совершенно аналогическій съ развитіемъ древней философіи, но въ обратномъ порядкѣ. Однако, при тождествѣ началъ, обозначающихъ послѣдовательныя ступени развитія, содержаніе здѣсь несравненно болѣе широкое. Съ одной стороны, мысль развивается на почвѣ христіанства, съ другой стороны она обогащается всѣми пріобрѣтеніями опытнаго знанія. Вмѣсто первоначальной скудости, является полнота содержанія. Здѣсь развиваются и тѣ посредствующія звенья, которыхъ недоставало древнему міру и которыхъ отсутствіе вело къ большему и большему расхожденію противоположностей. Если процессъ древняго мышленія былъ путемъ разложенія его элементовъ, то развитіе новаго мышленія есть путь постепеннаго ихъ сложенія. Онъ проходитъ черезъ тѣже ступени, но ни одна изъ нихъ не похожа на прежнія. Въ взросломъ человѣкѣ узнаются черты ребенка, но уже въ совершенно иномъ видѣ.

Посмотримъ теперь на идущее параллельно съ философіей развитіе общественной жизни. И тутъ повторяются тѣже періоды развитія. Первый характеризуется преобладаніемъ государственныхъ началъ, во второмъ на сцену выступаютъ общественныя силы, въ третьемъ требуется сочетаніе тѣхъ и другихъ.

Въ развитіи государственности первенствующую роль играетъ монархическое начало, представляющее государственное единство, возвышающееся надъ разрозненными общественными стихіями. Но такъ

какъ въ составъ государства, кромѣ власти, входятъ законъ, свобода и цѣль, то въ совокупномъ развитіи государственныхъ началъ каждый изъ этихъ элементовъ, въ свою очередь, выдвигается впередъ и становится владычествующимъ моментомъ общаго процесса.

Таковъ именно былъ ходъ новой исторіи. Въ возрожденномъ государствѣ прежде всего требовалось установленіе единой крѣпкой власти, подчиняющей себѣ дробныя и анархическія средневѣковыя силы. Отсюда развитіе абсолютизма во всѣхъ европейскихъ странахъ. Но когда эта задача была исполнена, когда сила государства была упрочена, что совершилось къ концу XVII-го вѣка, тогда выступаютъ и другія требованія. Государство нуждается не только въ силѣ власти, но и въ прочномъ законномъ порядкѣ. Отсюда реформаторскія стремленія государей XVIII-го вѣка: Фридриха Великаго, Іосифа II-го, Екатерины, Леопольда Тосканскаго, Карла III-го въ Испаніи, Помбаля въ Португаліи. Съ другой стороны, на сцену выдвигается и начало свободы. Первая англійская революція сломила абсолютизмъ Стюартовъ, вторая упрочила аристократическій порядокъ; сѣвероамериканская революція положила основаніе развитію демократической свободы. Наконецъ, французская революція, возводя свободу въ идеалъ, провозгласила ее началомъ всемірнымъ и во имя ея вступила въ борьбу съ старою Европой. Въ томъ видѣ, какъ она велась, эта борьба не могла кончиться успѣхомъ, ибо свобода не есть единственное и коренное начало политическаго порядка. Однако побѣды французскаго оружія имѣли тотъ результатъ, что они вдвинули это начало въ общую систему государственной жизни европейскихъ народовъ. Сочетаніе свободы съ порядкомъ сдѣлалось лозунгомъ дальнѣйшаго развитія. Это и составило задачу политическаго идеализма первой половины XIX-го вѣка. И тутъ, одинъ за другимъ, выступаютъ всѣ государственные элементы въ ихъ взаимномъ отношеніи. Это тоже, что мы видѣли въ древнемъ мірѣ, но опять въ обратномъ порядкѣ. Прежде всего, сочетаніе совершается силою военной власти, которая является здѣсь служительницею идеи. Наполеонъ играетъ въ новой исторіи ту самую роль, которую въ древней играли Александръ Великій и Юлій Цезарь. Одушевлявшая ее идея была не политическая свобода, а устроеніе государства на основаніи общегражданскаго порядка, то-есть, гражданской свободы и равенства. Это было прочнымъ результатомъ его дѣятельности. Не только онъ водворилъ эти начала во Франціи, но онъ разнесъ ихъ по всей Европѣ, придавъ имъ общечеловѣческое значеніе. Однако, именно тутъ онъ столкнулся съ другими несокрушимыми началами государственной жизни, съ законною властью монарховъ и съ требованіями свободы. Онъ палъ подъ сое-

диненнымъ напоромъ этихъ двухъ силъ. Но восторжествовавъ, онѣ вступили въ борьбу между собою. Вторая французская революція рѣшила эту борьбу въ пользу свободы. Вышедшая изъ нея Іюльская монархія пыталась сочетать противоположныя начала порядка и свободы въ идеальномъ устройствѣ. Общественный бытъ новаго времени представлялъ для этого всѣ необходимые элементы. Средніе классы, отсутствіе которыхъ въ древнемъ мірѣ дѣлало безплодными всѣ попытки подобнаго рода, въ новомъ мірѣ достигли преобладающаго значенія. Поэтому, здѣсь это сочетаніе порядка и свободы обѣщало періодъ долгаго и плодотворнаго развитія. Но отвлеченное пониманіе задачъ государственной жизни погубило основанныя на этихъ началахъ учрежденія. Вмѣсто того чтобы понять свое историческое значеніе, какъ связь остальныхъ элементовъ, средніе классы уединились въ своей исключительности и образовали тѣсную политическую сферу, гдѣ владычествовали мелкіе интересы. Съ своей стороны, монархъ, который стоялъ во главѣ этого порядка, держался самыхъ узкихъ политическихъ взглядовъ; онъ боялся всякаго шага впередъ, всякаго пріобщенія новыхъ элементовъ къ политической жизни. Заодно съ нимъ дѣйствовалъ и первенствующій министръ, который съ высоты невозмутимаго доктринаризма, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на реальныя силы, существующія въ обществѣ, и не видѣлъ, что творится вокругъ него. Іюльская монархія пала, потому что потеряла всякую реальную опору. Это былъ послѣдній актъ отвлеченнаго развитія государственности. Какъ мимолетное явленіе, на сцену выступилъ соціализмъ съ его утопическими построеніями; онъ представлялъ сочетаніе крайняго идеализма съ вновь пробудившимися требованіями массъ. Но тутъ же обнаружилась полная его несостоятельность. Общественная жизнь, также какъ и мысль, изъ области отвлеченныхъ идей перешла на реальную почву.

И тутъ, также какъ въ древности, съ появленіемъ на историческомъ поприщѣ общественныхъ силъ возгорается борьба классовъ и народностей. Въ новомъ мірѣ противоположность имущихъ и неимущихъ выражается не въ столь рѣзкой формѣ, какъ въ древности. Развитіе среднихъ классовъ въ значительной степени ее сглаживаетъ. Однако движеніе промышленности, ведущее къ расширенію умственнаго образованія и къ умноженію капиталовъ, порождаетъ и пролетаріатъ. Послѣдній противополагаетъ себя зажиточнымъ классамъ и объявляетъ имъ ожесточенную войну. Это и есть современное намъ явленіе въ европейскихъ государствахъ. Но самое это развитіе промышленности и проистекающее отсюда распространеніе благосостоянія и умноженіе среднихъ классовъ, мѣшаютъ ему сдѣлаться господствую-

щею силой даже въ демократическихъ обществахъ; притязанія его ведутъ лишь къ тому, что вслѣдствіе внутренней розни ея элементовъ, демократія теряетъ всякую устойчивость. Съ своей стороны, имущіе классы являются главными носителями нравственной идеи, связывающей общество,—идеи народности. Въ особенности эта роль принадлежитъ среднимъ классамъ, которые понимаютъ свое призваніе шире, нежели старая аристократія, закоснѣвшая въ сословныхъ предразсудкахъ. Но и тутъ рознь общественныхъ элементовъ имѣетъ то послѣдствіе, что національная идея можетъ осуществиться, только опираясь на военную силу.

Также какъ въ древней Греціи, эти два противоположныя направленія, индивидуалистическое и нравственное, или демократическое и національное, представляются двумя разными народностями, которыхъ вражда составляетъ центральное звено современной исторіи, именно, Франціей и Германіей. Развитіе ихъ идетъ разными путями. Національное движеніе примыкаетъ къ предыдущему періоду. Революціонная вспышка въ Германіи, въ 1848-мъ году, имѣла цѣлью осуществленіе національной идеи, выработанной идеалистическою философіей, путемъ объединенія всѣхъ политическихъ и общественныхъ элементовъ. Но попытка Франкфуртскаго парламента создать имперскую конституцію разбилась о сопротивленіе правительствъ, опирающихся на аристократическіе классы, и не нашла поддержки въ народѣ. Реакція, представляемая аристократическою Австріей и прусскимъ юнкерствомъ восторжествовала надъ этими идеалистическими стремленіями. Однако, въ другой сосѣдней странѣ, въ Италіи, ненависть къ австрійскому владычеству соединила всѣ классы, и съ помощью демократической Франціи удалось произвести національное объединеніе на почвѣ свободы. Этотъ успѣхъ, въ свою очередь, воздѣйствовалъ и на Германію. Изъ среды прусскаго юнкерства вышелъ человѣкъ, который, отбросивъ всякія нравственныя соображенія и держась чисто практической почвы, съумѣлъ осуществить національную идею, опираясь на военную силу. Подобно тому, какъ Лизандръ взялъ Аѳины и сдѣлалъ Спарту могущественнѣйшимъ государствомъ Греціи, Лизандръ новаго времени взялъ Парижъ и сдѣлалъ объединенную Германію самымъ сильнымъ государствомъ Европы. И подобно Лизандру, совершивъ свое дѣло, онъ былъ устраненъ съ политическаго поприща и осужденъ доживать свой вѣкъ въ вынужденномъ бездѣйствіи. Объединеніе Германіи подъ военною гегемоніей Пруссіи было послѣднимъ великимъ актомъ германскаго національнаго движенія. Этимъ процессъ развитія нравственнаго реализма на политическомъ поприщѣ завершился. Также какъ въ области мысли, движеніе происходило здѣсь субъективнымъ

путемъ, отъ идеи къ силѣ, обратно противъ того, что мы видѣли въ древнемъ мірѣ. Тамъ мы имѣли процессъ разложенія, здѣсь мы имѣемъ процессъ сложенія національности. Но далѣе этимъ путемъ идти некуда. Реальная народность можетъ взойти на новую ступень развитія, только воспринявши въ себя идеальныя, общечеловѣческія начала.

Въ противоположность этому направленію, демократическій реализмъ, получившій господство во Франціи, прямо отрывается отъ предыдущей ступени и начинаетъ новый, объективный путь. Первая задача торжествующей демократіи состояла въ установленіи закона. Это было дѣломъ Учредительнаго Собранія 1848-го года. Но внутренняя рознь общественныхъ классовъ, порождавшая, съ одной стороны, ненависть къ богатымъ, съ другой стороны боязнь соціализма, скоро повела къ ниспроверженію законнаго порядка и къ водворенію на его мѣсто тиранніи. Послѣдняя, въ постоянной борьбѣ съ стремленіями къ парламентаризму, старалась внѣшнею славой замѣнить недостатокъ внутренней свободы. Одно время она, казалось, успѣла упрочиться побѣдами надъ державами, коснѣющими въ старыхъ порядкахъ; но при столкновеніи съ обновлеными силами Германіи, она подверглась разгрому, безпримѣрному во всемірной исторіи. На развалинахъ Имперіи водворилась революціонная демократія, которая однако, въ свою очередь, скоро истощилась въ борьбѣ съ подавляющимъ могуществомъ Германіи. Ужасы парижской Коммуны были послѣднимъ актомъ этой потрясающей драмы. Мы видимъ, что и здѣсь развитіе шло по тѣмъ же ступенямъ, какъ въ древности, но обратнымъ путемъ.

На этомъ однако развитіе Франціи не остановилось. Какъ въ древности демократія, извращаясь, перешла въ демагогію, такъ въ наше время, наоборотъ, умудренная опытомъ, она отъ радикальной демагогіи перешла къ умѣренному и уравновѣшенному строю. Изъ среды старыхъ приверженцевъ конституціонной монархіи вышелъ государственный человѣкъ, который взялъ это дѣло въ свои руки; онъ провозгласилъ, что республика будетъ консервативная или ея вовсе не будетъ. За нимъ послѣдовали лучшіе люди той же партіи; къ нему примкнули и разумные республиканцы, которые изъ безразсудныхъ радикаловъ превратились въ оппортюнистовъ. Такъ установилась нынѣшняя республика, которая, обуреваясь, съ одной стороны, лишенными всякой нравственной основы стремленіями монархической реакціи, съ другой стороны необузданнымъ натискомъ соціалъ-демократіи, держится однако средняго пути, представляя первый въ исторіи Франціи примѣръ сочетанія широкой свободы съ твердымъ охраненіемъ общественнаго порядка. Это безспорно даетъ ей почетное мѣсто въ исторіи политическаго развитія новой Европы; но долго ли ей удастся удер-

жаться при внутренней розни общественныхъ силъ и при внѣшнемъ соперничествѣ, это — вопросъ другаго рода, на который невозможно дать утвердительный отвѣтъ. Демократія составляетъ первую ступень общественнаго развитія, выходящаго изъ узкихъ рамокъ реализма; но на этой ступени человѣчество остановиться не можетъ. Въ чемъ должно состоять дальнѣйшее движеніе, объ этомъ мы можемъ сдѣлать заключеніе, сводя къ общему итогу все изложенное доселѣ и попытавшись вывести отсюда общій законъ, управляющій историческимъ развитіемъ человѣчества.

Обозрѣвая совокупность всѣхъ явленій въ ихъ послѣдовательномъ ходѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1. Историческое развитіе человѣчества идетъ отъ первоначальнаго единства, черезъ раздвоеніе, къ единству конечному.

2. Это движеніе совершается смѣною синтетическихъ періодовъ и аналитическихъ. Первые характеризуются господствомъ религіи, вторые самостоятельнымъ развитіемъ отдѣльныхъ областей духа. Аналитическіе періоды представляютъ движеніе отъ одного синтеза къ другому.

3. Каждый, какъ синтетическій, такъ и аналитическій періодъ, въ свою очередь, проходитъ черезъ нѣсколько ступеней развитія, изъ которыхъ каждая представляетъ полный циклъ опредѣленій мысли и бытія. Въ области теоретической, эти опредѣленія суть: причина производящая, причина формальная, причина матеріальная и причина конечная; въ области общественной этимъ началамъ соотвѣтствуютъ власть, законъ, свобода и цѣль, или идея.

4. Такъ какъ эти четыре начала образуютъ двѣ перекрещивающіяся противоположности, то движеніе можетъ быть двоякое: или отъ причины производящей къ причинѣ конечной, и обратно, или отъ причины формальной къ причинѣ матеріальной, и обратно. Первый есть путь субъективный, второй объективный; а такъ какъ тотъ и другой могутъ быть въ обѣ стороны, то всѣхъ способовъ движенія или путей мысли четыре.

5. Совокупное развитіе человѣчества идетъ субъективнымъ путемъ; но оно начинаетъ съ объекта, чѣмъ и характеризуется первый синтетическій періодъ. Онъ распадается на двѣ ступени: первобытныя религіи идутъ отъ явленія къ закону, или отъ причины матеріальной къ причинѣ формальной, философскія религіи отъ закона къ явленію, или отъ причины формальной къ причинѣ матеріальной.

6. Развитіе древней философіи точно также начинается съ объективнаго пути, но затѣмъ переходитъ къ субъективному. Въ своей совокупности она представляетъ движеніе отъ объекта къ субъекту, или путь разложенія первоначальнаго единства на противоположныя

опредѣленія. Въ этомъ движенія она проходитъ черезъ три ступени развитія, сообразно съ тремя точками зрѣнія, на которыя становится мысль. На первой ступени господствуетъ первобытный универсализмъ, на второй реализмъ, на третьей раціонализмъ. Первая и послѣдняя представляютъ полный циклъ всѣхъ опредѣленій; средняя же ступень характеризуется раздвоеніемъ, при чемъ каждая изъ двухъ отраслей заключаетъ въ себѣ полный циклъ.

7. Развитіе общественной жизни идетъ совершенно параллельно съ развитіемъ мысли и представляетъ тѣже ступени въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ.

8. Результатомъ аналитическаго развитія является новый синтезъ, съ господствомъ религіи въ области мысли и съ противоположеніемъ церкви гражданскому порядку въ общественномъ строѣ.

9. Развитіе церковнаго устройства идетъ объективнымъ путемъ, отъ закона къ свободѣ, черезъ противоположныя начала власти и идеи. Сообразно съ этимъ, средневѣковое развитіе представляетъ три ступени: на первой церковь стоитъ въ союзѣ съ разлагающимся государствомъ, на второй она противополагается замѣнившему государство гражданскому обществу, на третьей, рядомъ съ нею становится возрождающееся государство. Одновременно съ разложеніемъ и возрожденіемъ государства разлагается и возрождается вся умственная культура древняго міра. Послѣдняя становится началомъ новаго аналитическаго періода.

10. Развитіе новой философіи идетъ обратнымъ порядкомъ противъ развитія древней: оно начинается съ раціонализма и затѣмъ идетъ, черезъ реализмъ, къ универсализму. Это путь отъ субъекта къ объекту, или путь сложенія, тогда какъ путь древней мысли былъ путемъ разложенія.

11. Въ обѣихъ пройденныхъ уже мыслью ступеняхъ развитія движеніе представляетъ тѣже самые циклы опредѣленій, какъ въ древности, но точно также въ обратномъ порядкѣ. И тутъ развитіе общественной жизни идетъ совершенно параллельно съ развитіемъ мысли.

Изъ всего этого мы можемъ вывести, какъ общій законъ, что *человѣчество идетъ отъ раздвоенія къ конечному единству по тѣмъ же самымъ ступенямъ и опредѣленіямъ, по которымъ оно шло отъ первоначальнаго единства къ раздвоенію, но въ обратномъ порядкѣ.*

Однако, какъ уже замѣчено выше, ни одна ступень не похожа на прежнюю, ибо содержаніе новой жизни несравненно полнѣе и шире древней. Элементы, прежде содержавшіеся въ слитномъ состояніи, получили полное развитіе и сохраняютъ относительную самостоятельность. Въ единствѣ конечномъ требуется не слитность, а соглашеніе элементовъ.

Вслѣдствіе этого, человѣческой свободѣ предоставляется здѣсь полный просторъ. Она можетъ разнообразить пути до безконечности, хотя идти наперекоръ основному закону она не властна. Связующія начала остаются одни и тѣ же, ибо иныхъ нѣтъ ни въ мысли, ни въ жизни, и самая ихъ послѣдовательность заключаетъ въ себѣ внутреннюю логическую необходимость, которой нельзя измѣнить. Замѣтимъ однако, что въ этой послѣдовательности не слѣдуетъ искать математической точности. И въ планетной системѣ, подчиняющейся неизмѣннымъ механическимъ законамъ, есть пертурбаціи, происходящія отъ частнаго дѣйствія свѣтилъ другъ на друга и видоизмѣняющія ихъ пути; но онѣ не мѣшаютъ общему движенію. Тѣмъ болѣе уклоненія возможны тамъ, гдѣ дѣятелемъ является человѣческая свобода. Поэтому, частныя неправильности не могутъ служить возраженіемъ противъ выведеннаго закона. Достаточно, если общій ходъ опредѣленъ вѣрно, а на это указываютъ изложенные выше факты. Можетъ быть, скажутъ даже, что выводъ страдаетъ излишнимъ схематизмомъ. Но когда схема дается явленіями, изслѣдователю остается только ее отмѣтить. Прежде нежели опредѣлять уклоненія, онъ долженъ стараться отыскать связующую нить.

Если же выведенный законъ вѣренъ, то мы можемъ, опираясь на прошедшее, опредѣлить путь будущаго развитія человѣчества. Въ настоящее время, реализмъ, въ обѣихъ своихъ отрасляхъ, завершилъ свой циклъ; предстоитъ развитіе универсализма. Основываясь на послѣдовательности началъ въ соотвѣтствующихъ періодахъ древняго міра и взявши ихъ въ обратномъ порядкѣ, мы можемъ сказать, что первою ступенью умственнаго развитія универсализма долженъ быть атомизмъ, а первою ступенью общественнаго развитія демократія. Затѣмъ мысль, черезъ опредѣленія Силы и Духа, должна возвыситься къ понятію о Разумѣ, какъ верховномъ источникѣ закона и устроителѣ вселенной. Параллельно съ этимъ, общественная жизнь должна отъ демократіи, черезъ смѣшанныя формы и тиранію, перейти къ господству аристократіи. Такимъ образомъ, возрожденіе аристократіи, которое выше представлялось требованіемъ, какъ умственной жизни, такъ и общественнаго порядка, здѣсь является необходимымъ результатомъ законовъ развитія человѣчества.

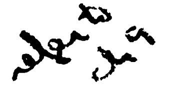
Но на этомъ развитіе не останавливается. Изъ того же закона мы видимъ, что за аналитическимъ періодомъ долженъ слѣдовать новый синтезъ, на этотъ разъ уже синтезъ конечный. Слѣдовательно, мы должны ожидать появленія новой религіи, представляющей конечное единство, то-есть, религіи Духа, все сводящаго къ конечному совершенству. По существу своему, эта религія должна не отмѣнить, а

только восполнить предыдущія. Какъ христіанство не уничтожило, а, напротивъ, признало и завершило поклоненіе Богу Силы, такъ и религія Духа должна возвести на высшую ступень религію Слова, связавъ ее съ развитіемъ всѣхъ остальныхъ сторонъ человѣческой жизни. Сравнивая эти три формы религіознаго сознанія, можно сказать, что первобытныя религіи были откровеніемъ Бога въ природѣ; христіанство есть откровеніе Бога въ нравственномъ мірѣ; наконецъ, религія Духа должна быть откровеніемъ Бога въ исторіи, которая движется присущимъ ей Духомъ къ конечному совершенству. Богъ есть начало, середина и конецъ исторіи, также какъ Онъ составляетъ начало, середину и конецъ всего сущаго. Отъ Него все исходитъ, Онъ всему даетъ законъ и къ Нему же все возвращается.

Управляющимъ исторіею закономъ опредѣляются и тѣ общественные идеалы, которые можетъ имѣть въ виду современное человѣчество. Выясненіе ихъ составляетъ послѣднюю задачу соціологіи.

ГЛАВА IV.

Общественные идеалы.

Во всякомъ развивающемся обществѣ есть свои идеалы. Человѣкъ живетъ не однимъ настоящимъ днемъ; онъ простираетъ свои взоры на будущее, и притомъ не для себя одного, но и для потомства. Онъ принадлежитъ къ союзу, который имѣетъ свои корни въ далекомъ прошломъ и многовѣковое существованіе впереди. Онъ работаетъ для этого союза, и чѣмъ пламеннѣе онъ ему преданъ, тѣмъ дороже для него идеалы, способные возвести отечество на высоту человѣческаго совершенства. Сознаніе этихъ идеаловъ и стремленіе къ ихъ достиженію составляютъ высшую нравственную красоту жизни. Они поднимаютъ духъ человѣка и даютъ ему нравственныя силы для плодотворной дѣятельности.

Эти идеалы одушевляютъ и цѣлые народы или, по крайней мѣрѣ, высшую, образованнѣйшую ихъ часть. Общественное сознаніе цѣнится тѣми идеалами, которые въ немъ разлиты. Чѣмъ они уже и одностороннѣе, тѣмъ ниже умственный и нравственный уровень общества и тѣмъ скуднѣе плоды его дѣятельности. Наоборотъ, чѣмъ выше и шире его идеалы, чѣмъ болѣе они имѣютъ общечеловѣческое значеніе, тѣмъ выше поднимается самый духъ народный, и тѣмъ способнѣе онъ становится быть историческимъ дѣятелемъ.

У христіанскихъ народовъ въ особенности, общественные идеалы необходимо носятъ общечеловѣческій характеръ, ибо христіанство, по существу своему, есть религія общечеловѣческая; для нея нѣтъ Элли-

на, ни Іудея, а есть только общее братство людей, которымъ всѣмъ возвѣщается слово искупленія. Поэтому, исключительность вѣроисповѣдной точки зрѣнія, отрицающей все остальное, всегда является умаленіемъ христіанскаго идеала, простирающагося на все человѣчество. Ему равно противорѣчатъ властолюбіе папства, нетерпимость узкаго православія и ограниченность протестантскихъ сектъ.

Но христіанскій идеалъ есть только идеалъ нравственный, а потому чисто личный. Общественный же идеалъ гораздо шире. Въ немъ къ свободному вліянію нравственныхъ началъ присоединяется юридическое, то-есть принудительное устройство общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и умственное образованіе и экономическое преуспѣяніе. Все это является плодомъ свѣтскаго развитія, совершающагося въ аналитическіе періоды. Мы видѣли, что оно составляетъ совокупное дѣло новыхъ народовъ. Они общими силами вырабатываютъ общественные идеалы. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ устраниться отъ этого процесса, не обрекая себя на безсиліе и безплодіе. Только пріобщаясь къ общимъ для всѣхъ идеаламъ, народъ становится историческимъ народомъ.

Но подлежа развитію, идеалы естественно мѣняются. Каждая новая ступень приноситъ новыя точки зрѣнія. Изслѣдованіе законовъ историческаго развитія показало намъ, что не всегда эти точки зрѣнія ведутъ къ возвышенію и очищенію идеаловъ. Идеализмъ возноситъ ихъ на высоту, иногда даже чрезмѣрную; напротивъ, реализмъ ихъ принижаетъ. Въ этомъ отношеніи, важнѣйшую роль играетъ философія. Отъ точекъ зрѣнія, на которыя она становится, отъ тѣхъ горизонтовъ, которые она открываетъ мысли, отъ вліянія ея на умы зависитъ общественное настроеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и высота тѣхъ идеаловъ, которые усвоиваются обществомъ и проводятся имъ въ жизнь. Въ періодъ живаго философскаго развитія, могучій духъ, вѣющій изъ высшихъ умственныхъ сферъ, охватываетъ все общество и увлекаетъ его съ неудержимою силой, иногда въ совершенно одностороннее направленіе. Въ такія эпохи совершаются крупныя дѣла; возгорается борьба новаго со старымъ; въ обществѣ происходятъ глубокіе перевороты, за которыми слѣдуетъ реакція, тѣмъ болѣе законная, чѣмъ одностороннѣе было прежнее направленіе.

Величайшій примѣръ такого увлеченія односторонними идеями представляетъ XVIII-й вѣкъ. На немъ можно изучить и силу и слабость этихъ умственныхъ теченій. Философія этого времени во всѣхъ сферахъ мысли продагала новые пути. Она смѣло обнаруживала всю несостоятельность порядка, унаслѣдованнаго отъ среднихъ вѣковъ; она провозглашала свободу неотъемлемымъ правомъ человѣка и открывала

ему перспективу безконечнаго совершенствованія. Какое-то упоеніе мысли охватило всѣ народы Европы и даже самыя правительства. Всѣ преклонялись передъ всемогущимъ авторитетомъ французскихъ мыслителей. Современные реалисты, какъ Тэнъ, для которыхъ смыслъ философіи, слѣдовательно и исторіи, есть закрытая книга, видятъ въ этомъ движеніи только дѣйствіе ложнаго классическаго духа, витающаго въ отвлеченностяхъ, вмѣсто того чтобъ изслѣдовать реальныя условія жизни. Но именно это метафизическое направленіе, при всей своей односторонности, дало самый могучій толчокъ общественному сознанію. Воспитанныя философіей идеальныя стремленія придали революціонной Франціи несокрушимую силу; они дали ей возможность побѣдить старую Европу и сдѣлать начала свободы и равенства существенными элементами всей европейской жизни. И когда это направленіе, вслѣдствіе своей односторонности и крайности, пало отъ внутренняго разлада, а не отъ внѣшнихъ враговъ, совершенное имъ дѣло не погибло. Наполеонъ презиралъ идеологовъ, но онъ самъ былъ служителемъ той же идеи и сознательно или безсознательно содѣйствовалъ ея успѣху. Тотъ подъемъ духа, который обнаружился въ Революціи, былъ опорой и его побѣдъ. И когда великій полководецъ, въ свою очередь, палъ вслѣдствіе презрѣнія къ свободѣ и народности, тотъ же философскій духъ взялъ въ руки его наслѣдіе, поставивъ себѣ идеаломъ уже не одностороннее развитіе свободы, а сочетаніе ея съ порядкомъ въ системѣ разумно уравновѣшенныхъ учрежденій.

Однако, при всей своей духовной мощи, при той производительной силѣ, которую онъ выказывалъ въ исторіи, отвлеченный идеализмъ безпрестанно спотыкается о дѣйствительность, часто вовсе не подготовленную къ воспринятію его идеаловъ. Для того чтобъ идеи нашли благодарную почву и могли пустить прочные корни, необходимо изученіе реальныхъ условій ихъ осуществленія. Въ этомъ и состоитъ плодотворная задача реализма. Именно поэтому человѣческій умъ съ идеальной высоты спускается въ низменность и принимается за изученіе фактической стороны общественной жизни. Но здѣсь его ожидаетъ другая опасность. Поставленный въ реальныя условія мѣста и времени, идеалъ неизбѣжно принижается, а при одностороннемъ развитіи эмпиризма онъ даже вовсе затмѣвается. Это и составляетъ естественный плодъ чисто реалистическаго направленія науки и жизни. Тогда умы постигаетъ разочарованіе; въ нихъ поселяется недовѣріе къ идеальнымъ стремленіямъ, а наконецъ даже равнодушіе къ жизни, лишенной высшихъ началъ, сообщающихъ ей красоту. Пессимизмъ становится господствующимъ настроеніемъ; а тѣ, которые не хотятъ отказаться отъ идеаловъ, воодушевляются ненавистью къ

существующему общественному строю и на мѣсто его стремятся поставить безумный бредъ своего разстроеннаго воображенія.

Таково современное положеніе умовъ. Не смотря на различіе направленій, въ обѣихъ отрасляхъ умственнаго и общественнаго реализма обнаруживается таже духовная скудость, проистекающая отъ приниженія духа, прикованнаго къ низменной области реальныхъ отношеній.

Нравственный реализмъ несомнѣнно заключаетъ въ себѣ болѣе духовной силы, нежели реализмъ демократическій. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его побѣды. Онъ сохранялъ въ себѣ преданія прежняго идеалистическаго періода, и это составляетъ основаніе его могущества. Но спустившись на землю, втѣсненные въ узкія рамки національныхъ интересовъ, прежніе идеалы потеряли свое возвышающее значеніе. Погрузившись въ эмпиризмъ, духъ науки, столь высоко стоявшій въ Германіи, понизялся и опошлялся. Особенно въ общественныхъ наукахъ всякія твердыя точки опоры исчезали; водворилась всеобщая шаткость умовъ, среди которой одинъ соціализмъ, какъ зловѣщая сила, выдвигается впередъ, пользуясь умственною слабостью своихъ соперниковъ. Въ политической же области, послѣ неслыханныхъ военныхъ успѣховъ, оказалось полное безсиліе совладать съ внутренними задачами. Какъ противодѣйствіе либеральнымъ стремленіямъ среднихъ классовъ, вызвано было демократическое начало всеобщей подачи голосовъ; но оно послужило только на пользу соціализма. Съ другой стороны, походъ противъ клерикаловъ кончился полнымъ пораженіемъ. Шаткость на верху и шаткость внизу,—вотъ все, чего достигла объединенная и торжествующая Германія. И, какъ внѣшняя связь этой плохо слаженной системы, надъ всѣмъ воздвигается напряженный до крайности милитаризмъ, котораго развитіе не можетъ служить утѣшеніемъ обществу, достигшему высокой степени образованія и нѣкогда со славою носившему знамя общечеловѣческихъ началъ. Мудрено ли, что въ немъ неудержимо распространяется пессимизмъ?

Такое же разочарованіе постигло Италію. Народный духъ, въ борьбѣ съ иноплеменниками, призванный къ защитѣ отечества, временно поднимается до необыкновенной высоты и можетъ порождать великіе подвиги самоотверженія; но для прочнаго развитія нужно иное содержаніе. Сознаніе государственной силы и одержанныхъ побѣдъ недостаточно для удовлетворенія высшихъ потребностей человѣка. Самый этотъ подъемъ духа, который составляетъ послѣдствіе успѣшнаго напряженія силъ, нерѣдко ведетъ къ тому, что народъ, задержанный въ своемъ развитіи, въ борьбѣ съ врагами, стоящими

высшей степени культуры, заимствуетъ у послѣднихъ новые иде-
i. Исторія Наполеоновскихъ войнъ представляетъ тому не одинъ
мѣръ. Государственная сила, составляющая плодъ народнаго са-
сознанія, есть все-таки не цѣль, а средство. Она даетъ народу воз-
ность играть всемірно-историческую роль, но для исполненія этой
нужно быть носителемъ всемірно-историческихъ идей.

своей стороны, демократическій реализмъ съ перваго же шага
съ своей идеальной высоты. Оторвавшись отъ прошлаго,
ъ же наткнулся на реальныя условія жизни, обнаружившія
неприготовленность массы къ управленію государствомъ. Внѣ-
оды, онъ обрѣлъ деспотизмъ. И если временно сознаніе воен-
ы могло служить нѣкоторымъ вознагражденіемъ за утрату
, высшихъ началъ, то окончательный, позорный разгромъ це-
доказалъ, что презрѣніе къ идеаламъ никогда не обходится
даромъ.

е всего народная масса, призванная къ политическимъ правамъ,
мо ти въ нихъ удовлетвореніе своихъ потребностей. Участіе въ
верховной власти не улучшаетъ экономическаго быта, котораго усло-
вія не зависятъ отъ государства; а между тѣмъ, именно въ этомъ улуч-
шеніи заключается вся цѣль пролетаріата. При невозможности ея
достиженія въ существующемъ общественномъ строѣ, онъ хватается
за самыя крайнія ученія и во имя ихъ стремится къ разрушенію уста-
новленнаго порядка. Это идеалъ своего рода, но не разумный идеалъ
человѣческаго общежитія, а фантастическое представленіе, которое
обращается въ орудіе самыхъ низменныхъ страстей.

Соціализмъ, по существу своему, не можетъ быть идеаломъ чело-
вѣческихъ обществъ. Человѣкъ, по природѣ, есть существо сво-
бодное, и такимъ онъ остается во всѣхъ союзахъ, въ которые онъ
вступаетъ. Свободнымъ онъ является и въ гражданскомъ порядкѣ,
гдѣ свобода и равенство суть основныя начала, и въ отношеніи
къ нравственнымъ требованіямъ, которыя обращаются къ его вну-
тренней свободѣ, не подлежащей принужденію, наконецъ въ госу-
дарствѣ, которое есть союзъ свободныхъ лицъ во имя совокупныхъ
интересовъ, а не машина, подавляющая всякую личную самостоятель-
ность. Между тѣмъ, соціализмъ отрицаетъ свободу въ самомъ ея
корнѣ: онъ превращаетъ человѣка въ страдательное колесо всеохва-
тывающей машины, подводящей всѣхъ къ одному уровню. Тотъ при-
зракъ свободы, который дается гражданину въ государствѣ участіемъ
въ совокупныхъ рѣшеніяхъ, служитъ лишь къ тому, чтобы подавить
лице деспотизмомъ большинства, не знающаго ни сдержекъ, ни границъ.
Идеаломъ человѣческаго общежитія можетъ быть только свободное

общество въ свободномъ государствѣ, а никакъ не порабощеніе лица во всѣхъ сферахъ его дѣятельности. Чѣмъ болѣе въ политической области расширяется власть большинства, тѣмъ необходимѣе человѣку имѣть убѣжище въ частной сферѣ, гдѣ онъ остается полнымъ хозяиномъ. А именно тутъ ему отрѣзаны всѣ пути; по выраженію Іеринга, онъ становится вьючнымъ скотомъ общества. Таковъ результатъ соціализма. Въ погонѣ за матеріальными благами, онъ уничтожаетъ въ человѣкѣ то, что дѣлаетъ его человѣкомъ, — самостоятельную и самодѣятельную личность. Соціализмъ не потому неосуществимъ, что онъ для человѣческой природы слишкомъ высокъ, а потому, что онъ слишкомъ низокъ. Это—система годная для рабочаго скота, а не для людей.

Но и умѣренная демократія не можетъ быть идеаломъ человѣческихъ обществъ. Установляя господство численнаго большинства, она тѣмъ самымъ ввѣряетъ верховную власть наименѣе образованной части общества, а такое отношеніе общественныхъ силъ не можетъ быть высшею цѣлью человѣческаго развитія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣми свойствами человѣка, которыя зависятъ отъ условій его земнаго существованія. Какъ физическое существо, человѣкъ можетъ жить на землѣ, только покоряя природу своимъ цѣлямъ. Для этого требуется масса физическаго труда, который и составляетъ постоянное призваніе огромнаго большинства людей. Но физическій трудъ не дастъ того высокаго развитія, которое даетъ трудъ умственный, составляющій призваніе образованнаго меньшинства. На самыхъ высокихъ ступеняхъ развитія этотъ законъ остается неизмѣннымъ. Воображать, что когда бы то ни было рабочая масса можетъ стоять на одномъ уровнѣ съ образованными классами, есть совершенно праздная мечта. Мы имѣемъ здѣсь лежащее въ самой природѣ вещей отношеніе количества къ качеству, или экстенсивности къ интенсивности. Во всѣхъ сферахъ бытія, въ физической природѣ, также какъ и въ человѣкѣ, чѣмъ выше качество, тѣмъ оно рѣже. Количественный перевѣсъ есть свойство посредственности. Качество состоитъ именно въ томъ, что въ немъ сливается во едино то, что въ количествѣ разсѣянно во многомъ. Но именно поэтому, оно, а не количество, должно господствовать въ нормальномъ состояніи человѣческихъ обществъ. Владычество числа можетъ быть только переходною формой, низшею ступенью развитія, надъ которою долженъ воздвигнуться высшій порядокъ.

Однако демократія имѣетъ и свою идеальную сторону. Не только лежащее въ основаніи ея начало свободы составляетъ существенный элементъ всякаго истинно человѣческаго союза, но есть область, въ

которой свобода, равная для всѣхъ, дѣйствительно является идеаломъ общежитія. Эта область есть гражданское общество. Мы видѣли, что общегражданскій порядокъ, основанный на свободѣ и равенствѣ, представляется завершеніемъ юридическаго развитія общества. Индивидуализмъ составляетъ коренное начало гражданскаго союза, въ отличіе отъ государства, которое основано на понятіи о единствѣ цѣлаго. Поэтому, далѣе этихъ нормъ въ гражданской области идти невозможно. Установленіемъ строя, основаннаго на свободѣ и равенствѣ, идеалъ достигнутъ.

Но утвержденіемъ правильнаго юридическаго порядка въ гражданской области не завершается развитіе человѣческихъ обществъ. Напротивъ, оно составляетъ только начало новаго, высшаго развитія. Нормальный юридическій строй есть не болѣе какъ почва, на которой появляются иныя, высшія силы. Мы видѣли, что свобода естественно и неизбѣжно ведетъ къ неравенству. На предшествующихъ ступеняхъ, въ родовомъ и сословномъ порядкѣ, неравенство установлялось искусственными мѣрами, вслѣдствіе чего оно далеко не всегда соотвѣтствовало естественному отношенію силъ. Съ водвореніемъ общегражданскаго строя, всѣ искусственныя преграды падаютъ и естественное превосходство однихъ силъ надъ другими выступаетъ уже безпрепятственно. Оно обнаруживается во всѣхъ сферахъ, и въ экономической, и въ умственной. Высшее развитіе общества, освобожденнаго отъ старыхъ путъ, состоитъ именно въ томъ, что эти высшія силы получаютъ въ немъ должное значеніе. Это и есть то возрожденіе аристократіи, о которомъ говорено выше, какъ о существенномъ требованіи современной жизни и необходимомъ результатѣ законовъ развитія человѣчества.

Мы видѣли, что аристократія распадается на три главныя отрасли: родовую, или поземельную, денежную и умственную. Первыя двѣ представляютъ два противоположныхъ, но оба равно необходимыхъ и восполняющихъ другъ друга элемента экономической, общественной и политической жизни народовъ: элементъ устойчивости и элементъ прогресса. Родовая аристократія, по существу своему, есть хранитель преданій и умѣритель движенія; это—сословіе политическое по преимуществу. Тамъ, гдѣ она сознаетъ свое значеніе и занимаетъ подобающее ей мѣсто въ общественномъ организмѣ, тамъ политическая жизнь представляетъ наибольшую крѣпость и постоянство, при неуклонномъ сохраненіи свободы. Римская аристократія и англійская представляютъ величайшіе въ исторіи примѣры политической мудрости. Наоборотъ, родовая аристократія, не понимающая своего призванія и лишенная политическаго значенія, аристократія, преслѣдующая свои частныя цѣли вмѣсто общественныхъ, составляетъ величайшую помѣху всякому

совершенствованію. Съ своей стороны, денежная аристократія, носительница капитала, не только является естественнымъ руководителемъ промышленнаго міра, но и въ политической области она представляетъ начало движенія и прогресса. Мы видѣли, что все развитіе человѣчества состоитъ въ накопленіи матеріальнаго и умственнаго капитала, передаваемаго отъ поколѣнія поколѣнію. Земля остается все таже; она не увеличивается и не уменьшается, не измѣняетъ своей формы, а подлежитъ только болѣе или менѣе разумному пользованію. Капиталъ, напротивъ, умножается безгранично и принимаетъ самыя разнообразныя формы, составляя послушное орудіе изобрѣтательности человѣка. Поэтому, владѣлецъ капитала есть главный носитель прогресса. Силою капитала совершаются тѣ чудеса промышленнаго развитія, которыя покоряютъ природу цѣлямъ человѣка и даютъ ему невѣдомыя дотолѣ орудія совершенствованія. Но и тутъ слѣдуетъ замѣтить, что эта сила представляетъ оружіе обоюдо-острое. Обращенное исключительно на матеріальныя блага, оно возбуждаетъ самыя низменныя стремленія и вмѣсто возвышенія, содѣйствуетъ униженію человѣчества.

Очевидно, что эти двѣ противоположныя другъ другу аристократіи тогда только въ состояніи исполнить свое общественное назначеніе, когда онѣ стоятъ на высотѣ современнаго просвѣщенія; а для этого необходима связь ихъ съ аристократіей умственною. Послѣдняя не составляетъ собственно политическаго элемента. Мечты Платона о владычествѣ философовъ, мечты, которыя раздѣлялись нѣкоторыми новѣйшими соціологами, какъ-то Сенъ-Симономъ и Огюстомъ Контомъ, противорѣчатъ природѣ вещей. Призваніе умственной аристократіи не практическое, а теоретическое. Весьма рѣдки примѣры людей одинаково сильныхъ и въ научныхъ изслѣдованіяхъ и въ управленіи практическими дѣлами. Но теоретическое призваніе умственной аристократіи дѣлаетъ ее руководительницею умственнаго движенія. Она изслѣдуетъ законы общественной жизни; она указываетъ и разрабатываетъ общественные идеалы. Она же служитъ связью между аристократіей родовою и денежною. Только живой союзъ этихъ трехъ элементовъ способенъ дать обществу ту стройность жизни и то всестороннее и гармоническое развитіе, которыя составляютъ для него высшую цѣль. Это—тѣ независимыя общественныя силы, которыя служатъ первымъ и главнымъ залогомъ, какъ внутренняго порядка, такъ и общественной свободы. Гдѣ нѣтъ независимыхъ силъ, способныхъ стоять на собственныхъ ногахъ и не поддающихся всякому теченію, тамъ общество, лишенное устоевъ и не скрѣпленное внутри себя, носится по волѣ вѣтра и волнъ; оно не представляетъ никакой преграды ни дес-

потизму сверху, ни деспотизму снизу. Тамъ невозможны ни прочная свобода, ни правильное развитіе. Эти-то силы и составляютъ аристократическій элементъ общества. Гдѣ ихъ нѣтъ, или гдѣ онѣ расшатались, тамъ необходимо ихъ создать или обновить.

Но для того, чтобы аристократія могла быть дѣйствительною общественною силой, надобно, чтобъ она не отдѣлялась отъ общества, а состояла съ нимъ въ живой и постоянной связи. Прежніе общественные порядки, родовой и сословный, грѣшили именно тѣмъ, что они ставили искусственныя грани, которыя мѣшали свободному передвиженію элементовъ. И это было неизбѣжно, пока средніе классы, связывающіе высшія общественныя ступени съ низшими, не получили надлежащаго развитія. Только въ новое время, вслѣдствіе свободы промышленнаго труда, этотъ связующій элементъ общественной жизни разросся во всѣ стороны и занялъ подобающее ему мѣсто въ общественномъ организмѣ. Общегражданскій порядокъ составляетъ плодъ и выраженіе того начала личной свободы, на которомъ зиждется вся дѣятельность и все значеніе этихъ классовъ. Въ нихъ заключается залогъ и всего будущаго развитія человѣчества, ибо они составляютъ не только опору, но и главный источникъ аристократическихъ элементовъ. Изъ среднихъ классовъ выходитъ, какъ денежная, такъ и умственная аристократія. Самая родовая аристократія не въ состояніи держаться, если она не обновляется постоянно приливомъ свѣжихъ силъ изъ среднихъ классовъ.

Начало равной для всѣхъ свободы, господствующее въ общегражданскомъ порядкѣ, не означаетъ однако, что и въ политическомъ строѣ аристократическимъ элементамъ не должно быть предоставлено никакихъ преимуществъ. Напротивъ, если въ обществѣ они фактически получили преобладающее значеніе, то несомнѣнно, что и въ государствѣ имъ должно быть предоставлено соотвѣтствующее ихъ положенію мѣсто. Государство не есть только свободное отношеніе единичныхъ силъ, какъ гражданское общество. Оно даетъ однимъ власть надъ другими. Очевидно, что во имя общаго блага, власть должна быть предоставлена тѣмъ, которые наиболѣе способны ею пользоваться. Если въ свободномъ обществѣ никто не долженъ быть исключенъ изъ политическихъ правъ, то установленіе правъ одинакихъ для всѣхъ противорѣчитъ требованію способности. Вручить верховную власть въ государствѣ численному большинству, то-есть наименѣе образованной части общества, значитъ идти наперекоръ всѣмъ высшимъ требованіямъ государственной жизни и человѣческаго развитія. Если въ области гражданской демократическій строй представляется высшимъ идеаломъ, то въ области политической онъ можетъ быть только переходною сту-

пенью. Сила современной демократіи заключается главнымъ образомъ въ слабости ея соперниковъ. Во Франціи, которая является главнымъ представителемъ этого начала въ Европѣ, монархическія партіи имѣютъ свой идеалъ въ прошломъ; ничего не забывая и ничему не научившись, онѣ упорно держатся принципа, давно отжившаго свой вѣкъ и похороненнаго подъ развалинами исторіи. Клерикальная партія идетъ еще далѣе назадъ; ея идеалъ лежитъ въ среднихъ вѣкахъ. Въ тѣхъ и другихъ обнаруживается полное непониманіе современной жизни и ея условій. Съ своей стороны, радикализмъ точно также имѣетъ свой идеалъ въ прошломъ, только не въ прочномъ порядкѣ, а въ минутныхъ потребностяхъ революціонной борьбы. Деспотизмъ массы, не знающей сдержекъ и руководимой демагогами, представляется имъ нормальнымъ состояніемъ человѣческаго общежитія. Наконецъ, и соціализмъ заимствуетъ всѣ свои идеалы у отжившаго свой вѣкъ утопическаго идеализма, который обращается въ орудіе разрушенія. Передъ всѣми этими представителями пережитыхъ моментовъ человѣческаго развитія современная уравновѣшенная демократія имѣетъ неоспоримыя преимущества. Она стоитъ на твердой почвѣ настоящаго общегражданскаго строя и заключаетъ въ себѣ залогъ будущаго развитія. Изъ нѣдръ господствующихъ въ ней среднихъ классовъ могутъ и должны выработаться тѣ аристократическіе элементы, которымъ принадлежитъ первенство въ будущемъ. Но владычество ихъ можетъ установиться не путемъ насильственныхъ переворотовъ и не подогрѣваніемъ началъ, отжившихъ свой вѣкъ, а признаніемъ въ политической области того фактическаго превосходства, которое вырабатывается свободнымъ дѣйствіемъ общественныхъ силъ.

Мы не разъ уже указывали на то, что гражданская свобода естественно и неизбѣжно ведетъ къ фактическому неравенству положеній и вліяній. Это неравенство составляетъ основаніе идеальнаго политическаго строя, въ которомъ всѣ общественные элементы получаютъ подобающее имъ мѣсто и значеніе въ цѣломъ. Какъ было объяснено въ *Общемъ Государственномъ Правѣ*, въ гражданской области должно господствовать равенство числительное, въ области политической равенство пропорціональное. Этимъ способомъ высшія требованія государственной жизни связываются съ демократическимъ порядкомъ, господствующимъ въ гражданской области. Но пока это фактическое превосходство образованныхъ элементовъ не получило надлежащаго развитія и признанія, демократія составляетъ нормальный порядокъ политическаго строя. Тщетно толковать о монархическомъ началѣ, пока не выработалась аристократія, въ особенности умственная, которой принадлежитъ верховное руководство въ области идеаловъ. Пока умы погружены въ эмпиризмъ,

нечего говорить о высшихъ началахъ жизни. Только умственное развитіе можетъ проложить путь развитію общественному.

Потребность этого дальнѣйшаго развитія заключается въ неустойчивости демократіи, какъ политической силы. Поставленная между двумя направленіями, изъ которыхъ одно прямо ей враждебно, а другое старается сбить ее съ правильнаго пути, она держится только склоняясь попеременно то на ту, то на другую сторону. Господствующіе въ ней средніе классы не имѣютъ въ себѣ ни крѣпкой внутренней связи, ни твердыхъ началъ, на которыя бы они могли опираться. Это расплывающаяся масса, которая служитъ посредствующею стихіей, склейкою общественныхъ элементовъ, но сама нуждается въ высшемъ руководствѣ. Она то готова съ испуга броситься въ объятія деспотизма, то склонна дѣлать уступки неразумнымъ требованіямъ народныхъ массъ. Послѣднія же, поставленныя на высоту, совершенно несоотвѣтствующую ихъ внутреннему содержанію и ихъ способностямъ, съ одной стороны поддаются вліянію клерикализма, который одинъ даетъ имъ нравственныя начала жизни, съ другой стороны увлекаются проповѣдью соціализма, который говоритъ ихъ страстямъ. Послѣдній является самымъ опаснымъ врагомъ демократіи; толкая ее на ложный путь, онъ готовитъ ей паденіе. Демократія можетъ быть болѣе или менѣе прочна тамъ, гдѣ соціализмъ не имѣетъ корней; но какъ скоро онъ усиливается, конецъ ея представляется лишь вопросомъ времени. Онъ можетъ быть ускоренъ соціальными переворотами, которые, грозя разрушеніемъ всему общественному строю, заставятъ всѣ здоровые элементы общества сплотиться противъ буйныхъ силъ, выступающихъ съ безсмысленными требованіями. Но прочная побѣда лучшихъ элементовъ можетъ быть подготовлена и обезпечена только высшимъ умственнымъ развитіемъ, обличающимъ всю нелѣпость соціалистическихъ стремленій, а вмѣстѣ и несостоятельность такого порядка вещей, который низшія силы ставитъ наверху и вручаетъ верховную власть классамъ наименѣе способнымъ ею пользоваться. Не въ общественныхъ порядкахъ, а въ хаотическомъ состояніи умовъ заключается язва современной жизни. Излѣчить ее можетъ только высшее развитіе науки.

Только умственнымъ развитіемъ можетъ быть подготовлено и то царство Духа, которое представляется вѣнцомъ и завершеніемъ всего историческаго процесса.

Высказывая это ожиданіе, мы должны спросить себя: не уносимся ли мы, въ свою очередь, въ область утопій? Стоя на научной почвѣ, можно говорить о современныхъ идеалахъ человѣчества, ибо эти идеалы существуютъ; можно обсуждать и большую или меньшую возмож-

ность ихъ осуществленія; но пытаться опредѣлить тотъ порядокъ вещей, который долженъ быть конечною цѣлью всего человѣческаго развитія, не будетъ ли слишкомъ смѣло? Не есть ли это тоже праздная мечта, лишенная всякой реальной почвы?

Это недоумѣніе разрѣшается тѣмъ, что указанная цѣль человѣческаго развитія составляетъ логически необходимый выводъ изъ чисто научнаго изслѣдованія законовъ историческаго процесса. Исторія удостовѣряетъ насъ, что раскрывающійся въ ней духъ не есть только мечта воображенія, а реальная сила, дѣйствующая въ дѣйствительномъ мірѣ, по законамъ, вытекающимъ изъ ея природы. Фактическій ходъ идей и событій дастъ намъ возможность опредѣлить эти законы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тѣ конечныя цѣли, къ которымъ клонится весь процессъ. Чтобы придти въ этомъ отношеніи къ совершенно точнымъ выводамъ, нужно только свести къ общему итогу все сказанное доселѣ.

Повторимъ, что духъ не есть только собирательное имя для обозначенія извѣстной группы единицъ. Это не есть также слово, которымъ обозначается общее направленіе, вытекающее изъ ихъ взаимодѣйствія. Духъ есть общая сущность, связывающая единичныя разумныя особи въ одно живое, развивающееся цѣлое. Въ области человѣческихъ отношеній эта сущность не существуетъ помимо особей, а живетъ и дѣйствуетъ въ нихъ и черезъ нихъ. Сознаніе и воля принадлежатъ только единичнымъ существамъ, которыя являются органами и носителями руководящихъ исторіею идей. Тѣмъ не менѣе, это общее начало не простая фикція, а реальная сила, выражающаяся въ явленіяхъ. Человѣческая дѣйствительность, въ ея историческомъ развитіи и современномъ положеніи, представляетъ тому неоспоримыя доказательства.

Въ исторіи мы находимъ двоякаго рода духовную сущность: частную и всеобщую, народность и человѣчество.

Въ народности мы можемъ наглядно изслѣдовать отношеніе единичныхъ существъ къ живущей въ нихъ общей духовной субстанціи. Народъ очевидно не есть простое собраніе единицъ, находящихся во взаимодѣйствіи. Онъ образуетъ единую духовную личность, имѣющую свои спеціальныя свойства, разсѣянную въ пространствѣ и развивающуюся во времени, какъ единичная особь, изнутри себя, при постоянномъ взаимодѣйствіи съ другими. Какъ единичная особь, народъ имѣетъ свои возрасты: свое младенческое состояніе и свой періодъ полнаго развитія силъ; многіе имѣютъ и свою старость. Какъ единичная особь, онъ вступаетъ въ отношенія къ другимъ и играетъ роль въ исторіи. На этой реальной духовной основѣ зиждется вся государственная жизнь. Государство потому есть лице, имѣющее права и обязанности, что оно является представителемъ этой общей духовной

сущности, действующей въ реальномъ мірѣ и на историческомъ поприщѣ. Но народность шире государства. Она обнимаетъ области духа, которыя не поддаются государственной связи: таковы наука и искусство. Она существуетъ и тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ политической связи или гдѣ она перестала существовать. Итальянцы сознавали себя единымъ народомъ, прежде нежели установилось у нихъ государственное единство; послѣднее вытекло именно изъ этого сознанія. Евреи продолжаютъ сознавать себя единымъ народомъ, хотя они въ теченіи болѣе полутора тысячи лѣтъ разсѣяны по всей землѣ и не связаны никакою юридическою связью.

Но образуя единую духовную личность, живущую и развивающуюся въ теченіи тысячелѣтій, народность все-таки не имѣетъ иныхъ органовъ сознанія, кромѣ отдѣльныхъ, преходящихъ единицъ, которыя являются носителями этого духа, передавая его отъ поколѣнія поколѣнію. А съ другой стороны, сознаніемъ и выраженіемъ этой общей народной сущности не исчерпывается содержаніе личности. Являясь членомъ единаго цѣлаго, носителемъ общихъ идей и интересовъ, человѣкъ остается самостоятельнымъ и свободнымъ существомъ. Только таковыя существа и могутъ быть органами духа. Поэтому, онъ общую духовную сущность видоизмѣняетъ собразно съ своими личными свойствами. Онъ воспринимаетъ изъ нея то, что ему приходится. Онъ можетъ примыкать и не примыкать къ общему движенію, охватывающему общество въ извѣстныя времена. Въ силу своей свободы, онъ можетъ даже совершенно оторваться отъ своей народности и примкнуть къ другой, или же, воспринявши чуждыя начала, пытаться внести ихъ въ народную жизнь. Однимъ словомъ, если народность несравненно шире лица, ибо она обнимаетъ многія лица и поколѣнія, то, съ другой стороны, лице, въ силу свободнаго самоопредѣленія, шире народности: оно принадлежитъ всему человѣчеству. Это живое взаимнодѣйствіе между общею духовною стихіею и личнымъ началомъ составляетъ существо духовнаго процесса, который происходитъ путемъ сознанія и свободы.

Въ человѣчествѣ это отношеніе видоизмѣняется тѣмъ, что органами его являются не только отдѣльныя лица, но и цѣлые народы, которые играютъ каждый свою роль въ совокупномъ развитіи. Поэтому, отрѣшаясь отъ своего народа, лице не можетъ отрѣшиться отъ человѣчества, которое заключаетъ въ себѣ всю полноту доступныхъ человѣку началъ и свойственнаго ему развитія. Оно представляетъ духъ въ томъ совершенствѣ, которое полагается границами земнаго бытія. Выведенные выше законы историческаго развитія раскрываютъ природу этого духа, какъ единой сущности, развивающейся извнутри себя и излагающей въ дѣйствительности всю полноту своихъ опредѣленій.

Отъ первоначальной слитности развитіе идетъ къ положенію противоположностей, и затѣмъ эти противоположности оно сводитъ опять къ высшему единству. Первая половина процесса состоитъ въ томъ, что отдѣльныя области духа выдѣляются изъ общей основы, получаютъ самостоятельность и развиваютъ каждая свой собственный міръ, на основаніи собственныхъ, присущихъ имъ началъ. Вторая половина процесса состоитъ въ томъ, что эти самостоятельныя сферы, находясь во взаимнодѣйствіи, постепенно приводятся къ высшему соглашенію. Первый есть путь разложенія, второй есть путь сложенія. Послѣдній совершается по тѣмъ же ступенямъ, какъ и первый, только въ обратномъ порядкѣ, но результатъ его не есть простое возвращеніе къ точкѣ исхода. Отдѣльныя сферы сохраняютъ свою относительную самостоятельность, подчиняясь только высшему единству; а такъ какъ высшія изъ этихъ сферъ, тѣ, которыя даютъ направленіе другимъ, не подлежатъ принужденію, то и единство ихъ должно быть не принудительное, а свободное, не внѣшнее, а внутреннее. Совершенство есть согласіе разнообразія; въ немъ полнота развитія должна совмѣщаться съ высшимъ единствомъ. Въ области духа это согласіе можетъ происходить только на почвы свободы, ибо органами духа являются не слѣпыя силы природы, а разумныя и свободныя существа. Это и есть то царство духа, которое представляется необходимымъ логическимъ результатомъ и завершеніемъ всего историческаго развитія человѣчества.

Но мы видѣли, что этотъ конечный синтезъ долженъ быть синтезомъ религіознымъ. Религія одна способна связать въ одно живое, духовное цѣлое всю совокупность силъ человѣческаго духа, возводя ихъ къ абсолютному началу всего сущаго. Поэтому, мы отъ человѣческаго духа должны взойти выше, къ абсолютному Духу, составляющему опредѣленіе Божества. Религія человѣчества, которую проповѣдываютъ нѣкоторые мыслители, есть ничто иное какъ пустая фантазія, обличающая полное непониманіе существа и значенія религіи. Ничто относительное и преходящее не можетъ быть предметомъ религіознаго поклоненія, которое относится только къ незыблемому и вѣчному. Человѣческій духъ, связанный условіями земной планеты, имѣющій начало и предвидящій свой конецъ, можетъ быть только отдѣльнымъ, преходящимъ явленіемъ Духа Божьяго, вездѣ сущаго и всему дающаго жизнь. Присутствіе Божьяго Духа въ человѣчествѣ и есть то, что понимается подъ руководствомъ судебъ человѣческихъ божественнымъ Промысломъ. Оно полагаетъ человѣческому развитію непреложные законы, которые скрытымъ для него путемъ ведутъ его къ конечному совершенству. Но наша земля, съ существующимъ на ней человѣче-

ствомъ, есть только песчинка въ міозданіи. На безчисленныхъ другихъ мірахъ, существующихъ, существовавшихъ и имѣющихъ образоваться въ будущемъ, безъ сомнѣнія, дѣйствуютъ такія же духовныя силы, совершающія свой путь въ пространствѣ и времени и приводящія единичныя разумныя существа къ высшему, возможному для нихъ совершенству жизни и сознанія Абсолютнаго. Всѣ эти безчисленные міры связываются присущимъ имъ единымъ Духомъ Божіимъ, который составляетъ конечную цѣль всего сущаго и совершенство всякаго бытія. Въ Божествѣ разлитый въ мірѣ Духъ, который въ частныхъ своихъ проявленіяхъ сознается только единичными существами, находитъ высшій, абсолютный центръ сознанія, безъ котораго нѣтъ абсолютнаго и совершеннаго бытія. Таково убѣжденіе, которое съ неотразимою силой вытекаетъ, какъ изъ метафизическихъ началъ человѣческаго мышленія, такъ и изъ развитія этихъ началъ въ исторіи человѣчества. Оно составляетъ основаніе той религіи Духа, которая представляется завершеніемъ историческаго процесса и восполненіемъ религіи Силы, познаваемой въ природѣ, и религіи Слова, открывающагося въ нравственномъ мірѣ. Въ этомъ состоитъ высшая задача будущаго. Опираясь на прошлое, мы можемъ съ увѣренностью ожидать ея разрѣшенія.

Но если Духъ дѣйствуетъ путемъ свободы, то какова же въ этомъ процессѣ роль государства?

Призваніе и способы дѣйствія государства въ исполненіи историческихъ цѣлей и въ осуществленіи народныхъ и человѣческихъ идеаловъ принадлежитъ къ области *Политики*. Къ ней мы теперь и переходимъ.

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Существо и основные элементы общества.

КНИГА ВТОРАЯ.

Природа и люди.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Экономическій быть.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

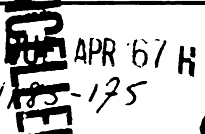
Духовные интересы.

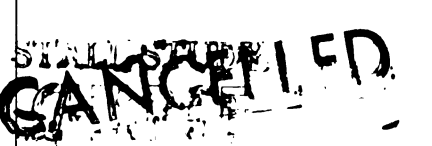
КНИГА ПЯТАЯ.

Историческое развитіе.

Кінці [illegible] [illegible] 3, 4 – [illegible] [illegible]
для розміщення [illegible] держави 2-на
[illegible] [illegible] III

70 – [illegible] [illegible] і [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]

CANCELLED
APR 67 H

CANCELLED

